

ДЖОН
ДОНН

Стихотворения
и поэмы

Джон Донн * Стихотворения и поэмы

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

John Donne

Poems

MOSCOW NAUKA 2009

ДЖОН ДОНН

Стихотворения и поэмы

Издание подготовили:
А. Н. ГОРБУНОВ, Г. М. КРУЖКОВ,
И. И. ЛИСОВИЧ, В. С. МАКАРОВ

МОСКВА НАУКА 2009

УДК 821.111-1
ББК 84.4(4 Англ.)
Д67

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

*В.Е. Багно, В.И. Васильев, А.Н. Горбунов, Р.Ю. Данилевский,
Н.Я. Дьяконова, Б.Ф. Егоров (заместитель председателя),
Н.Н. Казанский, Н.В. Корниенко (заместитель председателя),
Г.К. Косиков, А.Б. Куделин, А.В. Лавров, И.В. Лукьянец,
А.Д. Михайлов (председатель), Ю.С. Осипов, М.А. Островский,
И.Г. Птушкина, Ю.А. Рыжов, И.М. Стеблин-Каменский,
Е.В. Халтрин-Халтурина (ученый секретарь), А.К. Шапошников, С.О. Шмидт*

Ответственный редактор
А.Н. ГОРБУНОВ

ISBN 978-5-02-036227-7

- © Горбунов А.Н., Кружков Г.М., составление, 2009
- © Горбунов А.Н., статья, 2009
- © Лисович И.И., Макаров В.С., примечания, 2009
- © Бородинская М.Я., Васильев В.Е., Величанский А.Л., Гаспаров М.Л., Грушко П.М., Дунаевская Е.С., Корнеев Ю.Б., Кружков Г.М., Курт А.В., Лебедева Н.Г., Румер О.Б., Сендык А.Г., Сергеев А.Я., Стариковский Г.Г., Томашевский Б.Б., Шарапова А.В., Щедровицкий Д.В., перевод, 2009
- © Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Литературные памятники» (разработка, оформление), 1948 (год основания), 2009
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2009

Стихотворения и поэмы

ПЕСНИ И СТИХОТВОРЕНИЯ О ЛЮБВИ

БЛОХА

Взгляни и рассуди: вот блошка;
Куснула, крови выпила немножко,
Сперва – моей, потом – твоей,
И наша кровь перемешалась в ней.
Какое в этом прегрешенье?
Где тут бесчестье и кровосмешенье?
Пусть блошке гибель суждена –
Ей можно позавидовать: она
Успела радости вкусить сполна!

О погоди, в пылу жестоком
Не погуби три жизни ненароком:
Здесь, в блошке – я и ты сейчас,
В ней храм и ложе брачное для нас;
Наперекор всему на свете
Укрылись мы в живые стены эти.
Ты смертью ей грозишь? Постой!
Убив блоху, убьешь и нас с тобой:
Ты не замолишь этот грех тройной.

Упрямица! Из прекословья
Взяла и ноготь обагрила кровью.
И чем была грешна блоха –
Тем, что в ней капля твоего греха?
Казнила – и глядишь победно:
Кровопусканье, говоришь, не вредно.
А коли так, что за беда?
Прильни ко мне без страха и стыда:
В любви моей тем паче нет вреда.

С ДОБРЫМ УТРОМ

Да где же раньше были мы с тобой?
Сосали грудь? Качались в колыбели?
Или кормились кашкой луговой?
Или, как семь сонливцев, прохрапели
Все годы? Так! Мы спали до сих пор;
Меж призраков любви блуждал мой взор,
Ты снилась мне в любой из Евиных сестер.

Очнулись наши души лишь теперь,
Очнулись – и застыли в ожиданье;
Любовь на ключ замкнула нашу дверь,
Каморку превращая в мирозданье.
Кто хочет, пусть плывет на край земли
Миры златые открывать вдали,
А мы свои миры друг в друге обрели.

Два наших рассветающих лица –
Два полушарья карты безобманной:
Как жадно наши пылкие сердца
Влекутся в эти радостные страны!
Есть смеси, что на смерть обречены;
Но если наши две любви равны,
Ни убыль им вовек, ни гибель не страшны.

ПЕСНЯ

Трудно звездочку поймать,
Если скатится за гору;
Трудно черта подковать,
Обрюхатить мандрагору,
Научить медузу петь,
Залучить русалку в сеть,
И, старея,
Все труднее
О прошедшем не жалеть.

Если ты, мой друг, рожден
Чудесами обольщаться,
Можешь десять тысяч ден
Плыть, скакать, пешком скитаться;

Одряhleешь, станешь сед
И поймешь, объездив свет:
Много разных
Дев прекрасных,
Только верных в мире нет.

Если встретишь, напиши –
Тотчас я пушусь по следу!
Или, впрочем, не спеши:
Никуда я не поеду.
Кто мне клятвой подтвердит,
Что, пока письмо летит,
Да покуда
Я прибуду,
Это чудо – устоит?

ЖЕНСКОЕ ПОСТОЯНСТВО

Любя день целый одного меня,
Что ты назавтра скажешь, изменя?
Что мы уже не те – и нет закона
Придерживаться клятв чужих?
Иль, может быть, опротестуешь их,
Как вырванные силой Купидона?
Иль скажешь: разрешение брачных уз –
Смерть, а подобье брака – наш союз –
Подобьем смерти может расторгаться,
Сном? Иль заявишь, дабы оправдаться,
Что для измен ты создана
Природой – и всецело ей верна?
Какого б ты не нагнала туману,
Как одержимый, спорить я не стану;
К чему мне нарываться на рога?
Ведь завтра я и сам пушусь в бега.

ПОДВИГ

Я сделал то, чем превзошел
Деяния героев,
А от признаний я ушел,
Тем подвиг свой утроив.

Не стану тайну открывать –
Как резать лунный камень,
Ведь вам его не отыскать,
Не осязать руками.

Мы свой союз решили скрыть,
А если б и открыли,
То пользы б не было: любить
Все будут, как любили.

Кто красоту узрел внутри,
Лишь к ней питает нежность,
А ты – на кожи блеск смотри,
Влюбившийся во внешность!

Но коль к возвышенной душе
Охвачен ты любовью,
И ты не думаешь уже,
Она иль он с тобою,

И коль свою любовь ты скрыл
От любопытства черни,
У коей все равно нет сил
Понять ее значенье, –

Свершил ты то, чем превзошел
Деяния героев,
А от признаний ты ушел,
Тем подвиг свой утроив.

К ВОСХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ

Ты нам велишь вставать? С какой же стати?
Ужель влюбленным
Жить по твоим резонам и законам?
Прочь, наглый дурень, от моей кровати!
Ступай, детишкам проповедуй в школе,
Усаживай портного за работу,
Селян сутулых торопи на поле,
Напоминай придворным про охоту;
А у любви нет ни часов, ни дней –
И нет нужды размениваться ей!

Напрасно блеском хвалишься, светило!
Сомкнув ресницы,
Я бы тебя заставил вмиг затмиться, –
Когда бы это милой не затмило.
Зачем чудес искать тебе далёко,
Как нищему, бродяжить по вселенной?
Все пряности и жемчуга Востока –
Там или здесь? – ответь мне откровенно.
Где все цари, все короли земли?
В постели здесь – цари и короли!

Я ей – монарх, она мне – государство,
Нет ничего другого;
В сравненье с этим власть – пустое слово,
Богатство – прах, и почести – фиглярство.
Ты, Солнце, в долгих странствиях устало,
Так радуйся, что зришь на этом ложе
Весь мир – тебе заботы меньше стало,
Согреешь нас – и мир согреешь тоже;
Забудь иные сферы и пути,
Для нас одних вращайся и свети!

НЕРАЗБОРЧИВОСТЬ

Мне все равно, кого любить;
Будь она пышнотела или суха, как палка,
Бойкая горожанка или провинциалка,
Может блондинкой или смуглянкой быть;
Вечно в слезах, как губка,
Или в пылу, как трубка,
Лишь бы не однолюбка,
Лишь бы не преданная голубка, нет! –
Боже, избавь от этих бед.

Или так манит вас покой?
Или вы все пороки старые истожили?
Иль матерей уроки в детстве не доучили?
Или боитесь верности вы мужской?
Нет, не покой нам нужен,
Суженый слишком сужен;
Меньше, чем пара дюжин, –

Слишком выходит постный ужин, ах! –
В узенькой клетке чиж зачах.

Так я на лютне бренчал, чудак;
Песню мою Венера походя услышала,
Горестно изумилась и вознегодовала;
Но, убедившись, что все и вправду так,
Молвила: точно, эти
Еретики на свете
Есть, и у них в предмете
Верность, но эти коварные сети – ложь!
Верных влюбленных не найдешь.

АМУР-РОСТОВЩИК

За каждый день, что ссудишь мне сейчас,
И каждый час –
Тебе, сквалыжный бог, верну я десять,
Когда, седой, устану куролесить.
Ну, а пока позволь мне, сняв узду,
Скакать, цена не лошадь, а езду,
И, дам смешав, не помнить на ходу,
С какой иду.

Соперника письмо перехватив,
Позволь порыв
Мне не сдержать и загодя явиться,
Чтоб обе – и служанка, и девица –
Остались с прибылью. Мой вкус не строг:
Цыпленок сельский, светский пирожок
И бланманже придворное – мне впрок
И в самый сок.

Так, по рукам! Когда ж я стану стар,
Зажги пожар
В развалине, и пусть плачу впервые
Стыдом и мукой за грехи былые.
Тогда взъищи, жестокий кредитор,
Мои долги с лихвой; до тех же пор
Избавь меня от застрящих простор
Любовных шор!

КАНОНИЗАЦИЯ

Молчи, не смей чернить мою любовь!
А там – злорадствуй, коли есть о чем,
Грози подагрой и параличом,
О рухнувших надеждах пустословь;
Богатства и чины приобретай,
Жди милостей, ходы изобретай,
Тришь при дворе, монарший взгляд лови
Иль на монетах профиль созерцай;
А нас оставь любви.

Увы! кому во зло моя любовь?
Вздыхая, чей корабль я потопил?
Слезами чьи поля засолонил?
Грустя, вернул ли хлад на землю вновь?
От лихорадки, может быть, моей
Чумные списки сделались длинней?
Бойцы не отшвырнут мечи свои,
Лжецы не бросят кляузных затей
Из-за моей любви.

С чем хочешь, нашу сравнивай любовь;
Скажи: она, как свечка, коротка,
И участь однодневки-мотылька
В пророчествах своих нам уготовь.
Да, мы сгорим дотла – но не умрем,
Как Феникс, мы восстанем над огнем!
Теперь одним нас именем зови,
Ведь стали мы единым существом
Благодаря любви.

Без страха мы погибнем за любовь;
И если нашу повесть не сочтут
Достойной жития, – найдем приют
В сонетах, в стансах – и воскреснем вновь;
Любимая, мы будем жить всегда,
Истлеют мощи, пролетят года, –
Ты новых менестрелей вдохнови!
И нас канонизируют тогда
За преданность любви.

Молитесь нам! – и ты, кому любовь
Прибежище от зол мирских дала;
И ты, кому отрадою была,
А стала ядом, отравившим кровь;
Ты, перед кем открылся в первый раз
Огромный мир в зрачках любимых глаз –
Дворцы, Сады и Страны, – призови
В горячей, искренней молитве нас,
Как образец любви!

ТРОЙНОЙ ДУРАК

Я дважды дурнем был:
Когда влюбился и когда скулил
В стихах о страсти этой;
Но кто бы ум на глупость не сменил,
Надеждой подогретый?
Как опресняется вода морей,
Сквозь лабиринты проходя земные,
Так, мнил я, боль души моей
Замрет, пройдя теснины стиховые:
Расчисленная скорбь не так сильна,
Закованная в рифмы, не страшна.

Увы! к моим стихам
Певец, для услажденья милых дам,
Мотив примыслил модный –
И волю дал неистовым скорбям,
Пропев их принародно.
И без того Любви приносит стих
Печальну дань; но песня умножает
Триумф губителей моих
И мой позор тем громче возглашает.
Так я, перемудрив, попал впросак:
Был дважды дурнем – стал тройной дурак.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ ЛЮБВИ

Любовь, когда ты не вполне
Еще моя, то дело плохо:
Иссяк запас усердных клятв, и мне
Не выжать больше ни слезы, ни вздоха.

В твою любовь я весь свой капитал
Вложил: пыл, красноречье, вдохновенье,
Хотя и сам едва ли знал,
Какое обрету именье.
Коль часть его ты отдала тайком
Другому – в горьком случае таком
Мне не владеть тобою целиком.

А если даже целиком
Ты отдалась мне, – может статься,
Другой, меня прилежней языком
И кошельком, сумеет расстаться
И в сердце у тебя любовь взрастит
Которая (дитя чужого пыла),
Увы, мне не принадлежит
И в дарственную не входила.
Но и она уже моя, – зане
Земля твоя принадлежит лишь мне,
И все, что там взошло, мое вполне.

Но если все уже мое,
То жить ни холодно, ни жарко;
О, нет – любовь растет, и для нее
На всякий день я требую подарка.
Хоть, сердце ежедневно мне даря,
Меня ты этим больше обездолишь:
Таинственный закон Любви не зря
Гласит: кто дал, тот сохранил – всего лишь.
Давай же способ царственной найдем,
Чтоб, слив сердца в один сердечный ком,
Принадлежать друг другу целиком!

ПЕСНЯ

Мой друг, я расстаюсь с тобой
Не ради перемен,
Не для того, чтобы другой
Любви предаться в плен.
Но наш не вечен дом,
И кто сие постиг,
Тот загодя привык
Быть легким на подъем.

Уйдет во тьму светило дня –
И вновь из тьмы взойдет:
Хоть так светло, как ты меня,
Никто его не ждет.
А я на голос твой
Примчусь еще скорей,
Пришпоренный своей
Любовью и тоской.

Продлить удачу хоть на час
Никто еще не смог:
Счастливые часы для нас –
Меж пальцами песок.
А всякую печаль
Лелеем и растим,
Как будто нам самим
Расстаться с нею жаль.

Твой каждый вздох и каждый стон –
Мне в сердце острый нож;
Душа из тела рвется вон,
Когда ты слезы льешь.
О, сжался надо мной!
Ведь ты, себя казня,
Терзаешь и меня:
Я жив одной тобой.

Мне вещим сердцем не сули
Несчастий никаких:
Судьба, подслушав их вдали,
Вдруг да исполнит их?
Вообрази: мы спим,
Разлука – сон и блажь;
Такой союз, как наш,
Вовек неразделим.

НАСЛЕДСТВО

Когда я умер, дорогая
(Сие бывает каждый раз,
Будь дважды или трижды в час,
Когда тебя я покидаю),

В последний миг, припоминаю,
Когда смертельный хлад меня сотряс,
Я дал себе (другому) на прощанье
Наказ – мое исполнить завещанье.

Хрипя, пред смертью я признался,
Что сам во всем был виноват,
И завещал тебе – не клад,
Но сердце – и на том скончался.
Увы, кругом я обыскался,
Вскрыл ту укладку, где сердца хранят,
Но ничего там не лежало боле:
О стыд – смошенничать в последней воле!

А впрочем, что-то отыскалось;
Вид показался мне знаком, –
Румяное, – хотя с бочком;
Ничье, – хоть многим обещалось;
Щеглами и дроздами малость
Поклёвано; но в случае таком
Сгодится, чтоб его послать в замену;
Оно – твое! ему я знаю цену.

ЛИХОРАДКА

Не умирай! – иначе я
Всех женщин так возненавижу,
Что вкупе с ними и тебя
Презреньем яростным унижу.

Прошу тебя, не умирай! –
С твоим последним содроганьем
Весь мир погибнет, так и знай,
Ведь ты была его дыханьем.

Лишен тебя, своей души,
Останется он разлагаться,
Как труп в кладбищенской тиши,
Где люди-черви копошатся.

Схоласты спорят до сих пор:
Спалит наш мир какое пламя?
О мудрецы, оставьте спор,
Сей жар проклятый – перед вами.

Но нет! не смеет боль терзать
Так долго – ту, что столько чиче;
Не может без конца пылать
Огонь – ему не хватит пищи.

Как в небе метеорный след,
Хворь минет вспышкой мгновенной,
Твой же красота и свет –
Небесный купол неизменный.

О мысль предерзкая – суметь
Хотя б на час, безмерно краткий,
Вот так тобою овладеть,
Как этот приступ лихорадки!

ОБЛАКО И АНГЕЛ

Тебя я знал и обожал
Еще до первого свиданья:
Так ангелов туманных очертанья
Сквозят порою в глубине зеркал;
Я чувствовал очарованье,
Свет видел, но лица не различал.
Тогда к Любви я обратился
С мольбой: яви незримое, – и вот
Бесплотный образ воплотился,
И верю: в нем Любовь моя живет,
Твои глаза, улыбку, рот,
Все, что я зрю несмело, –
Любовь моя, как яркий плащ, надела,
Казалось, встретились душа и тело.

Балластом грузит мореход
Ладью, чтоб тверже курс держала;
Но я дарами красоты, пожалуй,
Перегрузил Любви непрочный бот:
Ведь даже груз реснички малой
Суденьшко мое перевернет!
Любовь, как видно, не вместима
Ни в пустоту, ни в косные тела;
Но если могут серафима

Облечь воздушный облик и крыла,
То и моя б любовь могла
В твою навек вместиться, –
Хотя любви мужской и женской слиться
Трудней, чем Духу с Воздухом сродниться.

РАССВЕТ

Что из того, что рассвело?
Допустим, за окном светло.
Что, если свет, так и вставать?
Ведь нас не тьма свела в кровать.
Кто любит, не боится темноты,
Ужель бояться утра должен ты?

Свет безъязык, хотя глазасть;
Вот был бы он болтать горазд,
Сказал бы милому: Постой!
Так скоро не беги от той,
Что отдала тебе любовь и честь –
Дражайшее, что в этом мире есть.

Что гонит прочь тебя – дела?
Нет для любви опасней зла.
Уж лучше плут, бедняк, урод,
Чем связанный кольцом забот.
Кто вечно от любви к делам спешит,
Тот больше, чем распутный муж, грешит.

ГОДОВЩИНА

Все короли со всей их славой,
И шут, и лорд, и воин бравый,
И даже Солнце, что ведет отсчет
Годам, – состарились на целый год
С тех пор, как мы друг друга полюбили,
Весь мир на шаг придвинулся к могиле;
Лишь нашей страсти сносу нет,
Она не знает дряхлости примет,
Ни завтра, ни вчера – ни дней, ни лет,
Слепящ, как в первый миг, ее бессмертный свет.

Любимая, не суждено нам,
Увы, быть вместе погребенным;
Я знаю: смерть в могильной тесноте
Насытит мглой глаза и уши те,
Что мы питали нежными словами,
И клятвами, и жгучими слезами;
Но наши души обретут,
Встав из гробниц своих, иной приют,
Иную жизнь – блаженнее, чем тут, –
Когда тела – во прах, ввысь души отойдут.

Да, там вкусим мы лучшей доли,
Но как и все – ничуть не боле;
Лишь здесь, друг в друге, мы цари! – властней
Всех на земле царей и королей;
Надежна эта власть и непреложна:
Друг другу преданных предать не можно,
Двойной венец весом стократ;
Ни бремя дней, ни ревность, ни разлад
Величья нашего да не смутят,
Чтоб трижды двадцать лет нам царствовать подряд!

НА ПРОЩАНИЕ: ОБ ИМЕНИ, ВЫРЕЗАННОМ НА СТЕКЛЕ

I

Взгляни – я начертал
Алмазом имя на стекле оконном:
Да хрупкий обретет кристалл
Дух прочный чародейством оным;
Да блеск впитав твоих лучистых глаз,
Ценою превзойдет алмаз.

II

Не токмо лишь Стекло,
Как я, прозрачно станет и правдиво
И лик твой отразит светло, –
Другое совершится диво
По магии любви: встав перед ним,
Друг друга мы в стекле узрим.

III

Стихиям темноты –
Дождям и ветру, хлещущим по стенам, –
Не смыть ни точки, ни черты
Из этих букв: так неизменным
И я пребуду, сколько скорбь ни длись:
Взгляни на них и убедись.

IV

Дни, месяцы подряд
Живи, на это глядя начертанье, –
Так череп мудрецы хранят,
О тленности напоминанье.
Взгляни, как на просвет и тощ и наг
След этих букв – вот мой костяк!

V

Знай: раз они с тобой,
Колонны дома моего, стропила
(Ну, а душа, само собой,
В тебе, как это вечно было,
Зане в тебе лишь чувств моих приют), –
Венцы и крыша нарастут.

VI

Разъятый на куски,
Я возвращусь – и снова стану целым;
До тех же пор своей тоски
Не прячь: я твой душой и телом.
Влиянье звезд в любую входит вещь:
Тот миг был скорбен и зловещ,

VII

Когда я вырезал
Сии черты, печаль и страсть стояли
В зените; оттого глаза
Твои глядят на них в печали.
Такая участь суждена нам впредь:
Казниться – мне, тебе – скорбеть.

VIII

Но если кто-нибудь,
Богат и смел, к твоим подступит башням,
И ты окошко распахнуть
Решишь, готова к новым шашням, –
Страшись! мой гений будет оскорблен:
В сих письменах таится он.

IX

И, ежели кольцо
Иль паж смутит развратную служанку
И ты чужое письмецо
Найдешь у изголовья спозаранку, –
Пускай незримый дух, сошед с окна,
На нем подменит имена.

X

А ежели, забыв
Наш договор, ты разомлеешь тайно, –
Пускай, глаза в окно вперив,
Все перепутаешь случайно –
И, колдовству послушна моему,
Напишешь мне, а не ему.

XI

А впрочем, что за вздор! –
К чему сии мечтанья и нападки?
Прости: я вижу смерть в упор
И бормочу, как в лихорадке.
Ни умысла, ни злой вины в том нет –
Мои слова – предсмертный бред.

ТВИКНАМСКИЙ САД

В тумане слез, печальями обвитый,
Я в этот сад вхожу, как в сон забытый;
И вот – к моим ушам, к моим глазам
Стекается живительный бальзам,
Способный залечить любую рану;

Но монстр ужасный, что во мне сидит,
Паук любви, который все мертвит,
В желчь превращает даже божью манну;
Воистину здесь чудно, как в Раю, –
Но я, предатель, в Рай привел змею.

Уж лучше б эти молодые кущи
Смял и развеял ураган ревуший!
Уж лучше б снег, нагрянув с высоты,
Оцепенил деревья и цветы,
Чтобы не смели мне в глаза смеяться!
Куда теперь укроюсь от стыда?
О Купидон, вели мне навсегда
Частицей сада этого остаться,
Чтоб мандрагорой горестной стонать
Или фонтаном у стены рыдать!

Пускай тогда к моим струям печальным
Придет влюбленный с пузырьком хрустальным:
Он вкус узнает нефальшивых слез,
Чтобы подделку не принять всерьез
И вновь не обмануться так, как прежде;
Увы! судить о чувствах наших дам
По их коварным клятвам и слезам
Труднее, чем по тени об одежде.
Из них одна доподлинно верна, –
И тем верней меня убьет она!

НА ПРОЩАНИЕ: О КНИГЕ

Изволь, мой друг, я расскажу тебе,
Как можешь ты разлуку обмануть
И скарб изъятых радостей вернуть,
Досадной нашей досадив судьбе,
Сивиллу посрамить –
И славою затмить
Ту, что смогла Пиндара победить,
И ту, кого с Луканом вместе чтут,
И ту, чей, говорят, Гомер присвоил труд!

Перечитай все письма, что прошли
 Меж нами, проштудируй и составь
 Историю любви, – чтоб, видя въявь
 Такой пример, влюбленные нашли
 В нем верный образец
 Для праведных сердец,
 Чтоб даже явный еретик и лжец
 Смутился перед летописью той,
 Таинственной, как мы, – возвышенно-простой.

Сей грандиозный, как ни назови –
 Завет иль Свод, – сей нерушимый том
 Замкнутый смысла тайного ключом,
 Каноном станет для жрецов любви;
 Пусть варвары придут
 И города сметут! –
 Когда окончится година смут,
 Учиться будут по твоим словам
 Планеты – музыке, и ангелы – стихам.

Теолог мудрый, сиречь Богослов,
 Найдет в них клад взыскуемых чудес,
 Стремясь к бездонной высоте небес
 От пыльных мира четырех углов, –
 Иль снисходя до тех,
 Чей взор туманит грех,
 Даст образ веры, явственный для всех,
 Что нам являет Красота сама –
 Любви святой престол в обители Ума.

В сей книге стряпчий, сиречь Адвокат,
 Найдет подвохов и уловок тьму –
 Урок, судьбой преподанный тому,
 Кто по бумаге мнит, что он богат,
 И верует в залог
 Ласк и лукавых строк:
 Ему ведь, недоучке, невдомек,
 Что вверил он честь, пыл и все мечты
 Химерам, чьи слова, как их сердца, пусты.

Здесь государственный способен муж
 (Коль грамотен) найти свой интерес:
 Любовь, как и правленье, темный лес,

Равно опасны оба, и к тому ж
Нельзя ни там, ни тут
Хотя б на пять минут
Дать слабину – тотчас тебя сомнут.
Итак, пускай узрит министр иль князь
Ничтожество свое, в сей фолиант вперясь.

Любовь – такая высота для нас:
Считай, я для разбега отступил.
Присутствие испытывает пыл
Любви, отсутствие – ее запас.
Чтоб вызнать широту,
Мы яркую звезду
Берем, – но чтоб измерить долготу,
Затмение солнца нужно и часы:
Стерпи, и мы уйдем из темной полосы.

ОБЩИНА

Природа нам закон дала:
Любить добро, бежать от зла;
Но есть ни злое, ни благое, –
Что ни любить, ни презирать,
А можно просто выбирать:
Сперва – одно, потом – другое.

Когда бы женщина была
Сосудом блага или зла,
Любовь была бы делом длинным.
Но ничего такого нет,
Они не в пользу, не во вред,
А на потребу созданы нам.

Будь в них добро, о том не знать
Мы б не могли, – добро видать,
Как дуб зеленый, отовсюду;
Будь зло – сгубило бы давно
Весь человеческий род оно:
В них, значит, ни добра, ни худа.

Они – плоды у нас в саду,
Мы их срываем на ходу,
 Рассматриваем и кусаем;
И перемена блюд – не грех,
Ведь дорог ядрышком орех,
 Ну, а скорлупку мы бросаем.

РАСТУЩАЯ ЛЮБОВЬ

Любовь, я мыслил прежде, неподвластна
 Законам естества;
 А ныне вижу ясно:
Она растет и дышит, как трава.
 Всю зиму клялся я, что невозможно
 Любить сильней, – и, вижу, клялся ложно.
Но если этот эликсир, любовь,
 Врачующий страданием страданье,
 Не квинтэссенция, – но сочетание
Всех зелий, горячащих мозг и кровь,
 И он пропитан солнца ярким светом –
 Любовь не может быть таким предметом
Абстрактным, как внушает нам Поэт –
 Тот, у которого, по всем приметам,
Другой подруги, кроме Музы, нет.

Любовь – то созерцанье, то желанье;
 Весна – ее Зенит,
 Исток ее сиянья:
Так Солнце Вечеру лучи дарит,
 Так сок струится к почкам животворней,
 Когда очнутся под землею корни.
Растет любовь, и множатся мечты.
 Кругами расходясь от середины,
 Как сферы Птолемея, едины.
Поскольку центр у них единый – ты!
 Как новые налоги объявляют
 Для нужд войны, а после забывают
Их отменить, – так новая весна
 К любви неотвратимо добавляет
То, что зима убавить не вольна.

СДЕЛКА С АМУРОМ

Что ты за бес, Амур! Любой другой
За душу дал бы, хоть недорогой,
Но выкуп; скажем, при дворе
Дают хоть роль дурацкую в игре
За душу, отданную в плен;
Лишь я, отдавши все, взамен
Имею шиш (как скромный джентльмен).

Я не прошу себе каких-то льгот,
Особенных условий и щедрот;
Не клянчу, говоря всерьез,
Патента на чеканку лживых слез;
И радостей, каких невесть,
Не жду – на то другие есть,
В любимчики Любви к чему мне лезть!

Дай мне, Амур, свою лишь слепоту,
Чтоб, ежели смотреть немоготу,
Я мог забыть, как холодна
Любовь, как детски взбалмошна она,
И чтобы раз и навсегда
Спастись от злейшего стыда:
Знать, что она все знает, – и горда.

А коль не дашь мне ничего, – резон
И в этом есть. Упрямый гарнизон,
Что вынудил врага стрелять,
Кондиции не вправе выставлять.
Строптивец заслужил твой гнев:
Я ждал, ворота заперев, –
И сдался, только лик Любви узрев.

Сей Лик, что может тигра укротить,
В прах идола язычников разбить,
Лик, что исторгнет чернеца
Из кельи, а из гроба – мертвеца,
Двух полюсов растопит лед,
В пустынях грады возведет –
И в недрах гор алмазный створ пробьет!

Ты прав, Амур! Коль должен быть мятеж
Наказан, то казни меня, разрежь –
И тем пример наглядный дай
Грядущим бунтарям; но не пытай
Заране, коли бережешь
Для опыта, и не корежь:
Науке труп истерзанный не гожд.

ЛЮБОВЬ ПОД ЗАМКОМ

Бывают такие мужья-тираны,
Что сами не стойки и неверны,
А все досады и все обманы
Относят только на счет жены.
И ставят для жен
Всюду заслон,
Ни шагу в сторону – их закон.

Возможно ль солнцу, луне и звездам
Велеть: не всем вы должны светить,
Иль вольных птиц рассадить по гнездам
И резвость крылатую запретить?
В природе нету
Такого запрета:
За что же нам наказанье это?

Как можно прекрасный корабль торговый
Лишить приключений и новых встреч,
Стеной огораживать сад плодовой
И псами его урожай стеречь?
Добро мы творим,
Когда многих дарим,
А жадность – она ни себе, ни другим.

СОН

Любовь моя, когда б не ты,
Я бы не вздумал просыпаться:
Легко ли отрываться
Для яви от ласкающей мечты?

Но твой приход – не пробужденье
От сна, а сбывшееся сновиденье;
Так неподдельна ты, что лишь представь
Твой образ – и его увидишь въявь.
Приди ж в мои объятия, сделай милость,
И да свершится все, что не доснилось.

Не шорохом, а блеском глаз
Я был разбужен, друг мой милый;
То – Ангел светлокрылый,
Подумал я, сиянью удивясь;
Но увидав, что ты читаешь
В моей душе и мысли проникаешь
(В чем ангелы не властны) и вольна
Сойти в мой сон, где ты царишь одна,
Уразумел я: это ты – со мною,
Безумец, кто вообразит иное!

Уверясь в близости твоей,
Опять томлюсь, ища ответа:
Уходишь? ты ли это?
Любовь слаба, коль нет отваги в ней;
Она чадит, изделье праха,
От примеси Стыда, Тщеславья, Страха.
Быть может (этой я надеждой жив),
Воспламенив мой жар и потушив,
Меня, как факел, держишь наготове?
Знай: я готов для смерти и любви.

ПРОЩАЛЬНАЯ РЕЧЬ О СЛЕЗАХ

Дозволь излить,
Пока я тут, все слезы пред тобой,
Ты мне их подарила и в любой
Отражена, и знаешь, может быть,
На них должна
Лишь ты одна
Глядеть; они плоды большой беды,
Слезинкой каждой оземь бьешься ты,
И рушатся меж нами все мосты.

Как географ,
Который сам наносит на шары
Границы океанов и держав,
Почти из ничего творя миры,
Наносишь ты
Свои черты
На каждую слезу мою, но вот
Вскипает слез твоих водоворот,
И гибнет все, и лишь потоп ревет.

Я утону
В слезах твоих, сдержи их поскорей,
Не стань дурным примером для морей,
Мечтающих пустить меня ко дну,
Вздыхать не смей,
Хоть онемей,
Но бурь вздыхать глубоко не учи,
Чтоб не смели они меня в ночи...
Люби и жди, надейся и молчи.

АЛХИМИЯ ЛЮБВИ

Кто глубже мог, чем я, любовь копнуть,
Пусть в ней пытается сокровенну суть;
А я не докопался
До жилы этой, как ни углублялся
В Рудник Любви, – там клада нет отнюдь.
Сие – одно мошенство;
Как химик ищет в тигле Совершенство,
Но счастлив, невзначай сыскав
Какой-нибудь слабительный состав,
Так все мечтают вечное блаженство
Обрести в любви; но вместо пышных грез
Находят счастья – с воробьиный нос.

Ужели впрямь платить необходимо
Всей жизнью своей – за тень от дыма?
За то, чем каждый шут
Сумеет насладиться в пять минут
Вслед за нехитрой брачной пантомимой?
Влюбленный кавалер,

Что славит (ангелов беря в пример)
Сиянье духа, а не плоти,
Должно быть, слышит, по своей охоте,
И в дудках свадебных – музыку сфер.
Нет, знавший женщин скажет без раздумий:
И лучшие из них – мертвее мумий.

ПРОКЛЯТИЕ

Будь проклят, кто прознает иль помянет
Моей любимой имя! Пусть, влеком
Влекущейся за кошельком,
Он шлюхи домогаться станет,
Что всех врагов его в кровать заманит!
Пусть он казнится, презираем той,
Что всех презренней, – под ее пятой,
В клещах стыда и похоти слепой.

Пусть страсть его до умопомраченья,
А корчи до подагры доведут!
Пусть над собой вершит он суд
Не за грехи: не в них мученье,
Но в том, сколь мерзостен предмет влеченья.
Кровосмешеньем осквернив постель,
Пусть чахнет он, качая колыбель
Младенца, что лишил его земель.

Пускай во сне он против государства
Злоумышляет, а спросонья сам
Себя предаст – и сыновьям
(Исчадьям женского коварства)
Оставит лишь бесчестье да мытарства.
Или нахлебники, страшной гиен,
Пусть так его терзают, что взамен
К обрезанным решит он сдать в плен!

Вся желчь дуэний, вся худая слава
Картежников, весь смертоносный яд,
Что травы с тварями таят,
Тиранов тайная отравы
И зло пророчеств, – вот моя расправа,
Которая проклятьем пасть должна
На нечестивца! Если ж то жена –
Самой природой проклята она.

ПРОСЬБА

Верни мне их назад, верни,
Глаза несчастные мои,
Что заблудились невзначай;
Но коль сумела
Ты столь умело
Их научить
Мигать, хитрить, –
Пожалуйста, не возвращай!

Верни мне сердце, что в полон
К тебе попало, – испокон
Не знавшее измен и лжи;
Но коль обманом
Твоим жеманным
Искажено,
К чему оно? –
Теперь хоть век его держи!

И все ж верни мне мой залог:
Глаза и сердце, – чтоб я мог
Смеяться и торжествовать,
Когда другой
Тебе за мой
Позор воздаст,
Шутить горазд
И изменять, тебе под стать.

ВЕЧЕРНЯ В ДЕНЬ СВЯТОЙ ЛЮСИ,
САМЫЙ КОРОТКИЙ ДЕНЬ ГОДА

День Люси – полночь года, полночь дня,
Неверный свет часов на семь проглянет:
Здоровья солнцу неостанет
Для настоящего огня;
Се запустенья царство;
Земля в водянке опилась лекарства,
А жизнь снесла столь многие мытарства,
Что дух ее в сухотке в землю слег;
Они мертвы, и я их некролог.

Смотрите все, кому любить приспеет
При новой жизни, то есть по весне:
Любви алхимия во мне,
Давно усопшем, снова тлеет
И – что за волшебство –
Вновь выжимает сок из ничего,
Из смерти, тьмы, злосчастья моего;
Любовь меня казнит и возрождает
К тому, чего под солнцем не бывает.

Другие знают радость и живут
Телесной силой, пламенем духовным,
А я – на таганке любовном
Кипящий пустотой сосуд.
Она и я в печали
Как часто мир слезами затопляли
Или в два хаоса его ввергали,
Презрев живых; и часто тот же час
Душа, как мертвых, оставляла нас.

Но если ныне рок ей смерть исчислил –
Господь, избавь! – я представлял бы суть
Шкалы земных ничтожеств: будь
Я человеком, я бы мыслил;
А был бы я скотом,
Я б чувствовал; а деревом иль кремнем –
Любил и ненавидел бы тайком;
Да, я не назовусь ничтожной тенью,
Зане за тенью – вещь и освещенье.

Я емь никто; не вспыхнет мой восток.
Для вас, влюбленных, для хмельного пыла
Дневное скудное светило
Переступает Козерог:
Войдите в ваше лето;
Она ж уйдет, в державный мрак одета;
И я готовлюсь к ночи без рассвета –
Ее кануном стала для меня
Глухая полночь года, полночь дня.

КОЛДОВСТВО С ПОРТРЕТОМ

Что вижу я! В твоих глазах
Мой лик, объятый пламенем, сгорает;
А ниже, на щеке, в твоих слезах
Другой мой образ утопает.
Ужель, замысля вред,
Ты хочешь погубить портрет,
Дабы и я погиб за ним вослед?

Дай выпью влагу этих слез,
Чтоб страх зловецкий душу не тревожил.
Вот так! – я горечь их с собой унес
И все портреты уничтожил.
Все, кроме одного:
Ты в сердце сберегла его,
Но это – чудо, а не колдовство.

ПРИМАНКА

О, стань возлюбленной моей –
И поспешим с тобой скорей
На золотистый бережок –
Ловить удачу на крючок.

Под взорами твоих очей
До дна прогреется ручей,
И томный приплывет карась,
К тебе на удочку просясь.

Купаться вздумаеть, смотри:
Тебя облепят пескари,
Любой, кто разумеет горазд,
За миг с тобою жизнь отдаст.

А если застыдишься ты,
Что солнце смотрит с высоты,
Тогда затми светило дня –
Ты ярче солнца для меня.

Пускай другие рыбаки
Часами мерзнут у реки,
Ловушки ставят, ладят сеть,
Чтоб глупой рыбкой овладеть.

Пускай спускают мотыля,
Чтоб обморочить голавля,
Иль щуку, взбаламутив пруд,
Из-под коряги волокут.

Все это – суета сует,
Сильней тебя приманки нет.
Признаться, я и сам, увы! –
Нисколько не умней плотвы.

ПРИЗРАК

Когда убьешь меня своим презреньем,
Спеша с другим предаться наслажденьям,
О, мнимая весталка! – трепещи:
Я к ложу твоему явлюсь в ночи
Ужасным гробовым виденьем,
И вспыхнет, замигав, огонь свечи.
Напрасно станешь тормозить в испуге
Любовника; он, игрищами сыт,
От резвой отодвинется подруги
И громко захрапит;
И задрожит ты, брошенная всеми,
Испариной покрывшись ледяной,
И призрак над тобой
Произнесет... Но нет, еще не время! –
Не воскресить отвергнутую страсть;
Так лучше мщением упиться влать,
Чем, устранив, от зла тебя заклясть.

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

Он целый час уже влюблен
И цел еще? Не верь бедняге!
Любовью был бы он спален
Быстрее, чем хворост при хорошей тяге.

Ну кто в рассказ поверит мой,
Что год я проболел чумой?
Кто видел, в здравом находясь рассудке,
Чтоб бочка с порохом горела сутки?

Нет худшей доли, чем попасть
К любви в безжалостные руки:
Она не забирает часть
От сердца, как берут иные муки, –
Она сжирает целиком,
Как щука, нас одним глотком,
Бьет наповал и косит ряд за рядом,
Как из мортир со сдвоенным зарядом.

Не так же ль точно, посуди,
Любовь со мною расквиталась?
К тебе я сердце нес в груди,
А после нашей встречи что с ним случилось?
Будь у тебя оно – в ответ
Твое смягчилось бы. Но нет!
Любовь его по прихоти неожиданной
Швырнула об пол, как сосуд стеклянный.

Но так как полностью в ничто
Ничто не может обратиться,
Осколков тысяча иль сто
В моей груди сумели разместиться.
В обломке зеркала – черты
Все те же различаешь ты;
Обломкам сердца ведомы влеченья,
Восторг и грусть... Но не любви мученья.

ПРОЩАНИЕ,
ЗАПРЕЩАЮЩЕЕ ПЕЧАЛЬ

Как шепчет праведник «пора»
Своей душе, прощаясь тихо,
Пока царит вокруг одра
Печальная неразбериха,

Вот так, без ропота, сейчас
Простимся в тишине – пора нам;
Кошунством было б напоказ
Святыню выставлять профанам.

Страшат толпу толчки земли,
О них толкуют суеверы;
Но скрыто от людей вдали
Дрожание небесной сферы.

Любовь подлунную томит
Разлука бременем несносным:
Ведь суть влеченья состоит
В том, что потребно чувствам косным.

А нашу страсть влеченьем звать
Нельзя, ведь чувства слишком грубы;
Нерасторжимость сознавать –
Вот цель, а не глаза и губы.

Страсть наших душ над бездной той,
Что разлучить любимых тщится,
Подобно нити золотой,
Не рвется, сколь ни истончится.

Как ножки циркуля, вдвойне
Мы нераздельны и едины:
Где б ни скитался я, ко мне
Ты тянешься из середины.

Кружась с моим круженьем в лад,
Склоняешься, как бы внимая,
Пока не повернет назад
К твоей прямой моя кривая.

Куда стезю ни повернуть,
Лишь ты – надежная опора
Тому, кто, замыкая путь,
К истоку возвратится скоро.

ВОСТОРГ

Там, где фиалке под главу
Распухший берег лег подушкой,
У тихой речки, наяву,
Дремали мы одни друг с дружкой.

Ее рука с моей сплелась,
Весенней склеена смолою;
И, отразясь, лучи из глаз
По два свились двойной струною.

Мы были с ней едины рук
Взаимосоприкосновеньем;
И все, что виделось вокруг,
Казалось нашим продолженьем.

Как между равных армий рок
Победное колеблет знамя,
Так, плотский преступив порог,
Качались души между нами.

Пока они к согласью шли,
Камней недвижимых наподобье,
Тела застыли, где легли, –
Как бессловесные надгробья.

Тот, кто любовью утончен
И пронизает душ общенье, –
Когда бы как свидетель он
Стоял в удобном удаленье, –

То не одну из душ узнав,
Но голос двух соединенный,
Приял бы новый сей состав
И удалился просветленный.

Да, наш восторг не породил
Смятенья ни в душе, ни в теле:
Мы знали, здесь не страсти пыл,
Мы знали, но не разумели,

Как нас любовь клонит ко сну
И души пестрые мешают,
Соединяет две в одну
И тут же на две умножает.

Одна фиалка на пустом
Лугу дыханьем и красою
За миг заполнит все кругом
И радость преумножит вдвое.

И души так – одна с другой
При обоюдодовдохновенье
Добудут, став одной душой,
От одиночества спасенье

И тут поймут, что мы к тому ж,
Являясь естеством нетленным
Из атомов, сиречь и душ,
Невосприимчивы к изменам.

Но плоть – ужели с ней разлад?
Откуда к плоти безразличье?
Тела – не мы, но наш наряд,
Мы – дух, они – его обличья.

Нам должно их благодарить –
Они движеньем, силой, страстью
Смогли друг дружке нас открыть
И сами стали нашей частью.

Как небо нам веленья шлет,
Сходя к воздушному пределу,
Так и душа к душе плывет,
Сначала приобщаясь к телу.

Как в наших жилах крови ток
Рождает жизнь, а та от века
Перстами вяжет узелок,
Дающий званье человека, –

Так душам любящих судьба
К простым способностям спуститься,
Чтоб утолилась чувств алчба –
Не то исчахнет принц в темнице.

Да будет плотский сей порыв
Вам, слабым людям, в поученье
В душе любовь – иероглиф,
А в теле – книга для прочтенья.

Внимая монологу двух,
И вы, влюбленные, поймете,
Как мало предается дух,
Когда мы предаемся плоти.

БОЖЕСТВО ЛЮБВИ

Хотел бы дух любовника призвать я,
Что до рожденья Купидона жил.
Знавал ли он столь низкое занятие:
Вздыхать о той, которой он не мил?
А нынче мы – ни шагу от завета
Божка жестокого: сему приметя,
Что сам люблю я без ответа.

Для этого ль мальчишку обучали?
Его заботой было – распознать
Двух душ взаимный пламень и вначале
Друг к дружке их умело подогнать,
Загладить и приладить: только это!
Не мог он и помыслить, чтобы где-то
Любовь осталась без ответа.

Но возгордился деспот малолетний –
В Юпитеры, как видно, метит он:
И страсть, и гнев, размолвки, письма, сплетни, –
Всем ведает отныне Купидон.
О, был бы он низвергнут, сжит со света –
Божок, чья власть столь многими воспета, –
Я не любил бы без ответа!

Но богохульствовать, пока он в силе,
Не стану, чтоб не вызвать худших бед:
Меня лишить любви он может – или
Ее принудит полюбить в ответ,
Но страсть такая – хуже пустоцвета:
Подделка, что душою не согрета!
Уж лучше пытка без ответа.

ПИЩА ЛЮБВИ

Амур мой погрузнел, отъел бока,
Стал неуклюж, неповоротлив он;
И я, приметив то, решил слегка
Ему урезать рацион,
Кормить его умеренностью впредь –
Неслыханная для Амура снесь!

По вздоху в день – вот вся его еда,
И то: глотай скорей и не блажи!
А если похищал он иногда
 Случайный вздох у госпожи,
Я прочь вышвыривал дрянной кусок:
Он черств и станет горла поперек.

Порой из глаз моих он вымогал
Слезу, – и солона была слеза;
Но пуще я его остерегал
 От лживых женских слез: глаза,
Привыкшие блуждать, а не смотреть,
Не могут плакать, разве что потеть.

Я письма с ним марал в единый дух,
А после – жег! Когда ж ее письму
Он радовался, пыжась, как индюк, –
 Что пользы, я твердил ему,
За титулом, еще невесть каким,
Стоять наследником сороковым?

Когда же эту выучку прошел
И для потехи ловчей он созрел,
Как сокол, стал он голоден и зол:
 С перчатки пущен, быстр и смел,
Взлетает, мчит и с лету жертву бьет!
А мне теперь – ни горя, ни забот.

ЗАВЕЩАНИЕ

Пока дышу, сиречь пред издыханьем,
Любовь, позволь, я данным завещаньем
 Тебе в наследство слепоту отдам
 И Аргусу – глаза, к его глазам;
Язык дам Славе, уши – интриганам,
 А слезы – горьким океанам.
Любовь, ты учишь службу несть
Красе, которой слуг не перечесть,
И одарять лишь тех, кому богатства не известно.

Кометам завещаю постоянство,
Придворным – верность, праведникам – чванство;
Иезуиту – лень и простоту,
Недвижность и задумчивость – шуту;
Объездившим полмира – молчаливость,
И Капуцину – бережливость.
Любовь, меня ты гонишь вспять
К любимой, что меня не жаждет знать,
И учишь одарять лишь тех, кто дар не в силах взять.

Дарю учтивость университетским
Студентам, добродетельность – немецким
Сектантам и отступникам; засим
Пусть набожность мою воспримет Рим;
Голодной солдатне дарю смиренье
И пьяным игрокам – терпенье.
Любовь, ты учишь круглый год
Любить красу, для коей я – урод,
И одарять лишь тех, кто дар насмешкою почтет.

Друзьям я имя доброе оставлю,
Врагов трудолюбивостью ослаблю;
Философам сомненья откажу,
Болезни – лекарям и кутежу;
Природе – все мои стихотворенья,
Застолью – острые реченья.
Любовь, ты мнишь меня подбить
Любимую вторично полюбить
И учишь так дарить, чтоб дар сторицей возвратить.

По ком звонит сей колокол, горя, –
Курс анатомии тому дарю я;
Нравоученья отошлю в Бедлам,
Медали дам голодным беднякам;
Чужбине кто судьбу свою поручит –
Английский мой язык получит.
Любовь, ты учишь страсти к ней,
Дарящей только дружбою своей, –
Так что ж, и я дарю дары, которых нет глупей.

Довольно! Смерть моя весь мир карает,
Зане со мной влюбленность умирает;
Красам ее цена отныне – прах,
Как злату в позабытых рудниках;
И чарам втуне суждено храниться,
Как солнечным часам в гробнице.
Любовь, ты приводила к той,
Что, презирая, нас гнала долой,
И учишь сразу погубить – ее и нас с тобой.

ПОГРЕБЕНИЕ

Когда меня придете обряжать, –
О, заклинаю властью
Загробною! – не троньте эту прядь,
Кольцом обвившую мое запястье:
Се тайный знак, что ей,
На небо отлетев, душа велела,
Наместнице моей,
От тления хранить мое земное тело.

Пучок волокон мозговых, виясь
По всем телесным членам,
Крепит и прочит между ними связь:
Не так ли этим волоскам бесценным
Могущество дано
Беречь меня и в роковой разлуке?
Иль это лишь звено
Оков, надетых мне, как смертнику, для муки?

Так или сяк, со мною эту прядь
Закройте глубже ныне,
Чтоб к идолопоклонству не склонять
Тем, что могли б найти сии святыни.
Смирение храня,
Не дерзко ли твой дар с душой равняю?
Ты не спасла меня,
За это часть тебя я погребаю.

ЦВЕТОК

Тебе и невдогад,
Цветок, что здесь родился
И на моих глазах семь дней подряд
Тянулся, расцветал и вверх стремился,
Теплу и блеску солнечному рад, –
Но невдогад
Тебе, что грянут заморозки скоро
И венчик твой умчится с грудой сора.

Тебе и невдогад,
Смешное сердце, – как синица,
Влетевшая в чужой, запретный сад,
Мечтая здесь навеки поселиться:
Мол, песенки мои хозяйке льстят, –
Но невдогад
Тебе, что завтра утром на рассвете
Покинуть нам придется кущи эти.

И что ж? Мучитель мой,
Ты заявляешь мне с насмешкой:
Пора – так отправляйся, дорогой,
А я останусь: мне какая спешка?
Пускай друзья в столице ублажат
Твой слух и взгляд,
А также вкус разнообразьем лестным;
Что тебе сердце на пиру телесном?

Ты остаешься? – пусть!
Прощай; но поумерь стремленья;
Знай: просто сердце, боль его и грусть,
Для женщин – нечто вроде привиденья:
Вещь странная, без вида и примет;
Иной предмет
Проставить к делу им поможет опыт;
Но что им сердца любящего ропот!

Увидимся опять
Там, в Лондоне, дней через двадцать;
Успею я румянец нагулять
От вас вдали; счастливо оставаться.

Явись же к сроку по моим следам:
Тебя отдам
Я только той, какая б восхотела
Меня всего – души моей и тела.

ПЕРВОЦВЕТ

*Написано в Монтгомери на холме,
где стоит замок*

Тут, на верху холма,
Цветов такая тьма,
Что если прыснет дождь – любой дождинке
Достанется по крохотной корзинке;
Их, словно манну, кто-то раскрошил
По лугу; каждый скат вместил
Свою Галактику светил,
Среди которых я брожу, тоскуя:
Ищу я примулу – но не такую,
Как все; я редкостной любви взыскую.

Какую предпочесть?
Четыре или шесть
Мне лепестков желанны? Коли меньше,
Чем женщина, любовь, то меньше женщин –
Лишь нуль один, коль больше – возбудит
Не пыл, что обожать велит,
А рвенье, с коим эрудит
Диковину природы изучает –
И то, и это больше отвращает,
Чем ложь, какая в женах нас прельщает.

Будь, первоцвет, таков,
С пятеркой лепестков,
Каков ты есть; пусть женщина гордится
Таинственной своею пятерицей,
Десятку невозможно превзойти,
Ты – половина десяти
И вправе обладать, учти,
Мужского пола половиной;
А раз наш пол един, – любим мужчиной
Владей, как повелитель наш единый.

МОЩИ

Когда мою могилу вскрыть
Придут, чтоб гостя подселить
(Могилы, женщинам под стать,
Со многими готовы спать),
То, раскопав, найдут
Браслет волос вокруг моей кости,
А это может навести
На мысль: любовники заснули тут,
И тем была их хитрость хороша,
Что вновь с душою встретится душа,
Вернувшись в тело и на Суд спеша...

Вдруг это будет век и град,
Где лжебогов усердно чтят,
Тогда епископ с королем
Решат, увидев нас вдвоем:
Святые мощи здесь!
Ты станешь Магдалиной с этих дней,
Я – кем-нибудь при ней...
И толпы в ожидании чудес
Придут облобызать священный прах...
Скажу, чтоб оправдаться в их глазах,
О совершенных нами чудесах:

Еще не знали мы себя,
Друг друга преданно любя,
В познание пола не разнясь
От ангелов, хранящих нас,
И поцелуй наш мог
Лишь встречу иль прощанье отмечать,
Он не срывал печать
С природного, к чему закон столь строг.
Да, чудеса явили мы сполна...
Нет, стих бессилен, речь моя скудна:
Чудесней всех чудес была она!

ПАГУБА

Когда умру, невесть с какой причины,
Врачи, во имя медицины,
Разрежут труп и, по частям члена,
Найдут твой Образ в сердце у меня.
И вдруг – всех, кто столпился рядом,
Сразит каким-то страшным ядом,
И – торжествуй! – над жертвою моей
Восстанет трупов новый Мавзолей.

К чему тебе сей Монумент неправый?
Когда и впрямь ты жаждешь славы,
Убей чудовище, что сторожит
Твой сад, – Презренье – и колдунью Стыд;
Сожги, как готы и вандалы,
Все хроники и все анналы
Своих побед, чтоб силы уравнять,
И без подмог убей меня опять.

Я тоже мог призвать на помощь
Таких гигантов и чудовищ,
Как Постоянство (до скончанья лет)
И Скрытность, – только в них мне проку нет.
Мощь истинную обнаружа,
Будь женщиной, отбрось оружие
И знай: когда солдат прекрасный наг,
Пред ним сраженным ляжет всякий враг.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Она мертва; а так как, умирая,
Все возвращается к первооснове,
А мы основой друг для друга были
И друг из друга состояли,
То атомы ее души и крови
Теперь в меня вошли, как часть родная,
Моей душою стали, кровью стали
И грозной тяжестью отяжелили.

И все, что мною изначально было
И что любовь едва не истощила:
Тоску и слезы, пыл и горечь страсти –
Все эти составные части
Она своею смертью возместила.
Хватило б их на много горьких дней;
Но с новой пищей стал огонь сильней.
И вот, как тот правитель,
Богатых стран соседних покоритель,
Который, увеличив свой доход,
И больше тратит, и быстрее падет,
Так – если только вымолвить посмею –
Так эта смерть, умножив свой запас,
Меня и тратит во сто крат щедрее,
И потому все ближе час,
Когда моя душа, из плена плоти
Освободясь, умчится вслед за ней:
Хоть выстрел позже, но заряд мощней,
И ядра поравняются в полете.

АГАТОВЫЙ ПЕРСТЕНЬ

Ты черен, как моя тоска,
И хрупок, как любовь ее хрупка, –
Двух противоположных наших свойств причудливый тайник:
Храниться можешь век, сломаться – вмиг.

О, почему ты не сродни
Венчальным кольцам? Все-таки они
Любовь скрепляют веществом, что тверже и ценней,
Чем ты, поделка модных кустарей.

И все ж укрась мизинец мой,
С ее большого пальца дар благой!
Живи со мной, ведь та, что свой обет разбить смогла,
Уж верно, и тебя б не сберегла.

ЛЮБОВЬ БЕЗ ПРИЧИНЫ

Так низко я еще не пал,
Чтоб докатиться до похвал
Ее глазам, ресницам, губкам
Иль воспарить к уму, к поступкам...
Пусть тот, кто сам себя познал,
На этом основаньи хрупком
Любви возводит Мавзолей:
Кто знает цель и верен ей,
Тот промахнется тем верней.

Мы можем подлинно сказать,
Что совершенство описать
Никак нельзя без *негатива*.
Любовь моя – такое диво:
Не спорьте – вам не угадать –
Но, коль размыслить справедливо,
«Нет» больше совершит, чем «да»:
Тот, кто не целит никуда,
Не промахнется никогда.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Остерегись любить меня теперь:
Опасен этот поворот, поверь;
Участье позднее не возместит
Растраченные мною кровь и пыл,
Мне эта радость будет выше сил,
Она не возрожденье – смерть сулит.
Итак, чтобы любовью не сгубить,
Любя, остерегись меня любить.

Остерегись и ненависти злой,
Победу торжествуя надо мной:
Мне ненависти этой не снести;
Свое завоевание храня,
Ты не должна уничтожать меня,
Чтобы себе ущерб не нанести.
Итак, коль ненавижим я тобой,
Остерегись и ненависти злой.

Но вместе – и люби, и ненавидь,
Так можно крайность крайностью смягчить;
Люби – чтоб мне счастливым умереть,
И милосердно ненавидь, любя,
 Чтоб счастья гнет я дольше мог терпеть;
Подмостками я стану для тебя.
Чтоб мог я жить и мог тебе служить,
Любовь моя, люби и ненавидь.

ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ

Прерви сей горький поцелуй, прерви,
 Пока душа из уст не излетела!
Простимся: без разлуки нет любви,
 Дня светлого – без черного предела.
Не бойся сделать шаг, ступив на край;
Нет смерти проще, чем сказать «прощай!».

«Прощай», шепчу – и медлю, как убийца;
 Но если все в душе твоей мертво,
Пусть слово гибельное возвратится
 И умертвит злодея твоего.
Ответь же мне: «Прощай!» Твоим ответом
Убит я дважды – в лоб и рикошетом.

ПОДСЧЕТ

С тех пор, как я вчера с тобой расстался,
Я первых двадцать лет еще питался
 Воспоминаньями; лет пятьдесят
 Мечтал, надеждой дерзостной объят,
Как мы с тобою снова будем вместе!
Сто лет я слезы лил, вздыхал лет двести,
 И тыщу лет отчаянье копил –
 И тыщу лет спустя тебя забыл.
Не старше ли я стал Мафусаила?
Нет, я – мертвец. Жизнь без тебя – могила.

ПАРАДОКС

Нельзя сказать «я вас люблю», – тем паче,
Когда влюблен, – иначе
Любовь могли бы мы лишь болтовней
Доказывать одной.
«Любил» звучит почти как «умер» или
«Меня вчера убили»;
Любовь испепеляет – тем верней,
Чем любящий юней.
Тот мертв, кто знал любовь уже однажды:
Не умирают дважды;
Пускай он с виду кажется живым –
Не верь глазам своим.
Такая жизнь – как отблеск розоватый
Погасшего заката
Иль толику последнюю тепла
Хранящая зола.
Я знаю: мне уже не возродиться;
Как надпись на гробнице,
Твержу свое из-под могильных глыб:
«Я жил – любил – погиб».

ПРОЩАНИЕ С ЛЮБОВЬЮ

Любви еще не зная,
Я в ней искал неведомого рая,
Я так стремился к ней,
Как в смертный час безбожник окаянный
Стремится к благодати безымянной
Из бездны темноты своей:
Незнание
Лишь пуще разжигает в нас желанье,
Мы вождедем – и растет предмет,
Мы остываем – сводится на нет.

Так жаждущий гостинца
Ребенок, видя пряничного Принца,
Готов его украсть;
Но через день желание забыто,

И не внушает больше аппетита
Обгрызенная эта сладость;
Влюбленный,
Еще недавно пылко иступленный,
Добившись цели, скучен и не рад,
Какой-то меланхолией объят.

Зачем, как Лев и Львица,
Не можем мы играючи любиться?
Печаль для нас – намек,
Чтоб не был человек к утехам жаден,
Ведь каждая нам сокращает на день
Отмеренный судьбою срок;
А краткость
Блаженства и существования шаткость
Опять в нас подстрекают эту прыть –
Стремление в потомстве жизнь продлить.

О чем он умоляет,
Смешной чудак? О том, что умаляет
Его же самого, –
Как свечку, жжет, как воск на солнце, плавит,
Пока он обольщается и славит
Сомнительное божество.
Подальше
От сих соблазнов, их вреда и фальши! –
Но Змея грешного (так он силен)
Цитварным семенем не выгнать вон.

ЛЕКЦИЯ О ТЕНИ

Постой – и краткой лекции внемли,
Любовь моя, о Логике любви.
Вообрази: пока мы тут, гуляя,
С тобой беседовали, дорогая,
За нашу спиной
Ползли две тени, вроде привидений;
Но Полдень воссиял над головой –
Мы попираем эти тени.
Вот так, пока Любовь еще росла,
Она неволью за собой влекла
Оглядку, страх; а ныне – тень ушла.

То чувство не достигло Апогея,
Что кроется, чужих очей робея.

Но если вдруг Любовь с таких высот,
Не удержавшись, к западу сойдет,
От нас потянутся иные тени,
Склоняющие душу к перемене.

Те, прежние, других
Морочили, а эти, как туманом
Сгустившимся, нас облекут самих
Взаимной ложью и обманом.
Когда Любовь клонится на закат,
Все дальше тени от нее скользят –
И скоро, слишком скоро день затмят.

Любовь растет, пока в Зенит не станет,
А минет Полдень – сразу Ночь нагрянет.

СОНЕТ. ПОДАРОК

Пришли мне что-нибудь не в дар, а в знак
Надежды, успокой мою тревогу, –
Безделицу, какой-нибудь пустяк,
Для улья моего хоть каплю меда.

Не жду я ленты, вышитой тобой, –
Двух наших чувств в одно не свяжешь ею,
В знак верности и простоты святой
Колечко у тебя просить не смею.

Не присылай старинный свой браслет –
Кораллов крупных нить иль вереницу,
Желая показать, что им вослед
Так и должны сердца соединиться.

Я твой портрет желанный не возьму,
И даже опознав любимый почерк,
Пожалуй, не обрадуюсь письму –
Игре и блеску остроумных строчек.

Подарки – вздор и блажь, ни то ни се.
Люблю тебя. Ты веришь? Вот и все.

ИДЕАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ

Я не могу любить того,
Кто влюбчив чересчур;
Любовь – неволя для него,
Тиран ему – Амур.

Но и разборчивых особ
Любить – опасный труд;
Такой легко изменит, чтоб
Отведать новых блюд.

Душе претит тот верхогляд,
Кто лишь к красоткам льнет;
Но если кто уродке рад,
Тот сам в душе – урод.

Я остряков не выношу,
Их желчь несносна мне;
Но и болванов попрошу
Держаться в стороне.

Богач подарками скует
И сделает рабой;
Но много ль проку от свобод,
Коль кавалер скупой?

Кого же выбрать из мужчин,
Без страха полюбя?
Всего надежней – без причин –
Любить саму себя.

ЭЛЕГИИ

РЕВНОСТЬ

Вот глупо! Ты желаешь стать вдовой
И тем же часом плачешься, что твой
Супруг ревнив. Когда б на смертном ложе
С распухшим чревом, с язвами на коже
Лежал он, издавая горлом свист
Натужно, словно площадной флейтист,
Готовясь изbleвать и душу с ядом
(Хоть в ад, лишь бы расстаться с этим адом),
Под вой родни, мечтающей к тому ж
За скорбь свою урвать хороший куш, –
Ты б веселилась, позабыв недолю,
Как раб, судьбой отпущенный на волю;
А ныне плачешь, видя, как он пьет
Яд ревности, что в гроб его сведет!
Благодари его: он так любезен,
Что нам и ревностью своей полезен.
Она велит нам быть настороже:
Без удержу не станем мы уже
Шутить в загадках над его уродством,
Не станем предаваться сумасбродствам,
Бок о бок сидя за его столом;
Когда же в кресле перед очагом
Он захрапит, не будем, как доселе,
Ласкаться и скакать в его постели.
Остережемся! ибо в сих стенах
Он – господин, владыка и монарх.
Но если мы (как те враги короны,
Что отъезжают в земли отдаленны
Глумиться издали над королем)
Для наших ласк другой приищем дом, –
Там будем мы любить, помех не зная,
Ревнивцев и шпионов презирая,
Как лондонцы, что за Мостом живут,
Лорд-мэра или немцы – римский суд.

АНАГРАММА

Женись на Флавии, мой дорогой!
В ней сыщешь все, что было бы в другой
Прекрасным: не глаза ее, а зубы
Черны, как ночь; не грудь ее, а губы
Белей, чем алебастр; а нос – длинней
Ее, как перлы, редкостных кудрей;
Глаза – красней бесценного рубина;
И если взвод – не в счет, она невинна.
В ней есть все элементы красоты,
Ее лицом гордиться должен ты,
А не вникать, как именно смешалась
В твоей любезной с белизною алость.
В духах неважно, что за чем идет:
За амброй мускус иль наоборот.
И чем тебя смущает эта дама?
Она – красы небесной анаграмма!
Будь алфавит к перестановкам строг,
Мы б не смогли связать и пары строк.
Взять музыку: едва прелестной песней
Мы насладимся, как еще прелестней
Другой певец нам песню пропоет,
А сложена она из тех же нот.
Коль по частям твоя мадам похожа
На что-то, то она уже пригожа;
А если не похожа ни на что,
То несравненна, стало быть, зато.
Кто любит из-за красоты, тот строит
На зыбком основаньи. Помнить стоит,
Что рушится и гибнет красота, –
А этот лик надежен, как плита.
Ведь женщины, что ангелы: опасней
Падение – тому, кто всех прекрасней.
Для дальних путешествий шелк не гож,
Нужней одежда из дубленых кож.
Бывает красота землей бесплодной,
А пласт навоза – почвой плодородной.
Коль ты ревнив (затем, что грешен сам),
Жена такая – истинный бальзам
От всех тревог: ей не нужна охрана –
Тут испугается и обезьяна.

Как наводнений мутная вода
Фламандские хранила города
От вражьих армий, – так в отлучку мужа
Ее лицо, мужчин обезоружа,
Хранит ее от скверны. Рядом с ней
И мавр покажется куда светлей.
Немыслимо, что можно покуситься
На эту сладость: девицей мнят блудницу.
Рожай она – побьются об заклад,
Что это у нее кишки болят.
Сама покайся в блюде – не поверят,
Подумают: уродка лицемерит, –
Ведь даже чурка, взятая в кровать,
И та побрезгует ее чесать.
Она чудна? нелепа? превосходно!
Пригожая-то всякому пригодна.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ

Пусть накрепко перстами и устами
Союз любви скрепила ты меж нами
И, пав, тем паче в любящих глазах
Возвысилась, – но не развеян страх!
Ведь женщины, как музы, благосклонны
Ко всем, кто смеет презирать препоны.
Мой чиж из клетки может улететь,
Чтоб завтра угодить в другую сеть,
К ловцу другому; уж таков обычай,
Чтоб были женщины мужской добычей.
Природа постоянства не блюдет,
Все изменяют: зверь лесной и скот.
Так по какой неведомой причине
Должна быть женщина верна мужчине?
Вольна галера, хоть прикован раб:
Пускай гребет, покуда не ослаб!
Пусть сеет пахарь семя животворно! –
Но пашня примет и другие зерна.
Впадает в море не один Дунай,
Но Эльба, Рейн и Волга – так и знай.
Ты любишь; но спроси свою природу,
Кого сильнее – меня или свободу?

За сходство любят; значит, я, чтоб стать
Тебе любезным, должен изменять
Тебе с любой? О нет, я протестую!
Я не могу, прости, любить любую.
С тобою я тягаться не рискну,
Хоть мой девиз: «не всех, но не одну».
Кто не видал чужих краев – бедняга,
Но жалок и отчаянный бродяга.
Смердящий запах у стоячих вод,
Но и в морях порой вода гниет.
Не лучше ли, когда кочуют струи
От берега к берегу, ласки им даруя?
Изменчивость – источник всех отрад,
Суть музыки и вечности уклад.

АРОМАТ

Единожды застали нас вдвоем,
А уж угроз и крику – на весь дом!
Как первому попавшемуся вору
Вменяют все разбои – без разбору,
Так твой папаша мне чинит допрос:
Пристал пиявкой старый виносос!
Уж как, бывало, он глазами рыскал –
Как будто мнил прикончить василиска;
Уж как грозился он, бродя окрест,
Лишить тебя изюминки невест
И топлива любви – то бишь наследства;
Но мы скрываться находили средства.
Кажись, на что уж мать твоя хитра, –
На ладан дышит, не встает с одра,
А в гроб, однако, все никак не ляжет:
Днем спит она, а по ночам на страже,
Следит твой каждый выход и приход;
Украдкой щупает тебе живот
И, за руку беря, колечко ищет;
Заводит разговор о пряной пище,
Чтоб вызвать бледность или тошноту –
Улику женщин, иль начистоту
Толкует о грехах и шашнях юных,

Чтоб подыграть тебе на этих струнах
И как бы невзначай в капкан поймать;
Но ты сумела одурачить мать.
Твои братишки, дерзкие проныры,
Сующие носы в любые дыры,
Ни разу, на коленях у отца,
Не выдали нас ради леденца.
Привратник ваш, крикун медноголосый,
Подобие Родосского Колосса,
Всегда безбожной одержим божбой,
Болван под восемь футов вышиной,
Который ужаснет и Ад кромешный
(Куда он скоро попадет, конечно), –
И этот лютый Цербер наших встреч
Не мог ни отвратить, ни подстеречь.
Увы, на свете уж давно привычно,
Что злейший враг нам – друг наш закадычный:
Тот аромат, что я с собой принес,
С порога возопил папаше в нос.
Бедняга задрожал, как деспот дряхлый,
Почуявший, что порохом запахло.
Будь запах гнусен, он бы думать мог,
Что то – родная вонь зубов иль ног;
Как мы, привыкши к свиньям и баранам,
Единорога почитаем странным, –
Так, благовонным духом поражен,
Тотчас чужого заподозрил он!
Мой славный плащ не прошумел ни разу,
Каблук был нем по моему приказу;
Лишь вы, духи, предатели мои,
Кого я так приблизил из любви,
Вы, притворившись верными вначале,
С доносом на меня во тьму помчали.
О выброски презренные земли,
Порока покровители, врази!
Не вы ли, сводни, маните влюбленных
В объятия потаскушек зараженных?
Не из-за вас ли прилипает к нам –
Мужчинам – бабьего жеманства срам?
Недаром во дворцах вам честь такая,
Где правят ложь и суета мирская.
Недаром встарь, безбожникам на страх,

Подобья ваши жгли на алтарях.
Коль врозь воняют составные части,
То благо ли в сей благовонной масти?
Не благо, ибо тает аромат,
А истинному благу чужд распад.
Все эти мази я отдам без блажи,
Чтоб тестя умастить в гробу... Когда же?!

ПОРТРЕТ

Возьми на память мой портрет; а твой –
В груди, как сердце, навсегда со мной.
Дарю лишь тень, но снизойди к даренью:
Ведь я умру – и тень сольется с тенью.
...Когда вернусь, от солнца черным став
И веслами ладони ободрав,
Заволосатев грудью и щеками,
Обветренный, обвеянный штормами,
Мешок костей, – скуластый и худой,
Весь в пятнах копоти пороховой,
И упрекнут тебя, что ты любила
Бродягу грубого (ведь это было!) –
Мой прежний облик воскресит портрет,
И ты поймешь: сравненье не во вред
Тому, кто сердцем не переменился
И обожать тебя не разучился.
Пока он был за красоту любим,
Любовь питалась молоком грудным;
Но в зрелых летах ей уже некстати
Питаться тем, что годно для дитяти.

ОТРЕЧЕНИЕ

Дозволь служить тебе – но не задаром,
Как те, что чахнут, насыщаясь паром
Надежд, иль нищенствуют от щедрот
Ласкающих посулами господ.
Не так меня в любовный чин приемли,
Как вносят в королевский титул земли

Для вящей славы, – жалок мертвый звук!
Я предлагаю род таких услуг,
Которых плата в них самих сокрыта.
Что мне без прав – название фаворита?
Пока я прозябал, еще не знав
Сих мук Чистилища, – не испытал
Ни ласк твоих, ни клятв с их едкой лжою,
Я мнил: ты сердцем воск и сталь душою.
Вот так цветы, несомые волной,
Притягивает крутень водяной
И, в глубину засасывая, топит;
Так мотылька бездумного торопит
Свеча, дабы спалить в своем огне;
И так предавшиеся Сатане
Бывают им же преданы жестоко!
Когда я вижу Реку, от истока
Струящуюся в блеске золотом
Столь неразлучно с Руслом, а потом
Почавшую бурлить и волноваться,
От берега к берегу яростно кидаться,
Вздуваясь от гордыни, если вдруг
Над ней склонится некий толстый Сук,
Чтоб, и сама себя вконец измуча
И шаткую береговую кручу
Язвящими лобзаннями размыв,
Неудержимо ринуться в прорыв –
С бесстыжим ревом, с пылом сумасбродным,
Оставив Русло прежнее безводным,
Я мыслю, горечь в сердце затая:
Она – сия Река, а Русло – я.
Прочь, горе! Ты бесплодно и недужно;
Отчаянью предавшись, безоружна
Любовь перед лицом своих обид:
Боль тупит, – но презрение острит.
Вгляжусь в тебя острее и обнаружу
Смерть на щеках, во взорах тьму и стужу,
Лишь тени милосердья не найду;
И от любви твоей я отпаду,
Как от погрязшего в неправде Рима,
И буду тем силен неуязвимо:
Коль первым я проклятья изреку,
Что отлученье мне – еретику!

ЛЮБОВНАЯ НАУКА

Дуреха! сколько я убил трудов,
Пока не научил, в конце концов,
Тебя – премудростям любви. Сначала
Ты ровно ничего не понимала
В таинственных намеках глаз и рук;
И не могла определить на звук,
Где дутый вздох, а где недуг серьезный;
Или узнать по виду влаги слезной,
Озноб иль жар поклонника томит;
И ты цветов не знала алфавит,
Который, душу изъясняя немо,
Способен стать любовною поэмой!
Как ты боялась очутиться вдруг
Наедине с мужчиной, без подруг,
Как робко ты загадывала мужа!
Припомни, как была ты неуклюжа,
Как то молчала целый час подряд,
То отвечала вовсе не впопад,
Дрожа и запинаясь то и дело.
Клянусь душой, ты создана всецело
Не им (он лишь участок захватил
И крепкою стеной огородил),
А мной, кто, почву нежную взрыхляя,
На пустоши возделал рощи рая.
Твой вкус, твой блеск – во всем мои труды;
Кому же, как не мне, вкусить плоды?
Ужель я создал кубок драгоценный,
Чтоб из баклаги пить обыкновенной?
Так долго воск трудился размягчать,
Чтобы чужая втиснулась печать?
Объездил жеребенка – для того ли,
Чтобы другой скакал на нем по воле?

СРАВНЕНИЕ

Как сонных роз нектар благоуханный,
Как пылко оленя мускус пряный,
Как россыпь сладких утренних дождей,
Пьянят росинки пота меж грудей
Моей любимой, а на дивной вые

Они блестят, как жемчуга живые.
А гнусный пот любовницы твоей –
Как жирный гной нарвавших волдырей,
Как пена грязная похлебки жидкой,
Какую, мучаясь голодной пыткой,
В Сансере, затворившись от врагов,
Варили из ремней и сапогов,
Как из поддельной мутной яшмы четки
Или как оспы рябь на подбородке.
Головка у моей кругла, как свод
Небесный или тот прелестный плод,
Что был Парису дан, иль тот, запретный,
Каким прельстил нас бес ветхозаветный.
А у твоей – как грубая плита
С зарубками для носа, глаз и рта,
Как тусклый блин луны порой осенней,
Когда ее мрачат земные тени.
Грудь милой – урна жребиев благих,
Фиал для благовоний дорогих,
А ты ласкаешь ларь гнилой и пыльный,
Просевший холм, в котором – смрад могильный.
Моей любимой нежные персты –
Как жимолости снежные цветы,
Твоей же – куцы, толсты и неловки,
Как два пучка растрепанной морковки,
А кожа, в длинных трещинах морщин,
Красней исхлестанных кнутами спин
Шлюх площадных – иль выставки кровавой
Обрубков тел над городской заставой.
Как печь алхимика, в которой скрыт
Огонь, что втайне золото родит, –
Жар сокровенный, пыл неугасимый
Таит любимейшая часть любимой.
Твоя же – отстрелявшей пушки зев,
Изложница, где гаснет, охладев,
Жар чугуна, – иль обгоревшей Этны
Глухой провал, угрюмо безответный.
Ее лобзать – не то же ли для губ,
Что для червей – сосать смердящий труп?
Не то же ль к ней рукою прикоснуться,
Что, цвет срывая, со змеей столкнуться?
А прочее – не так же ль тяжело,

Как черствый клин пахать, камням назло?
А мы – как голубки воркуют вместе,
Как жрец обряд свершает честь по чести,
Как врач на рану возлагает длань, –
Так мы друг другу ласки платим дань.
Брось бестию – и брошу я сравненья,
И та, и те хромают, без сомненья.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Весны и лета чище и блаженной
Представший предо мною лик осенний.
Как юность силою берет любовь,
Так зрелость – словом: ей не прекословь!
И от стыда любви нашлось спасенье –
Безумство превратилось в преклоненье.
Весной скончался ль век ее златой?
Нет, злато вечно блещет новизной.
Тогда стремилось пламя сквозь ресницы,
Теперь из глаз умеренность лучится.
Кто жаждет зноя – не в своем уме:
Он в лихорадке молит о чуме.
Смотри и знай: морщина не могла,
Зане Любовь морщину прочертила
И избрала ее, отринув свет,
Своим жилищем, как анахорет;
И, появляясь, не могилу роет,
Но памятник властительнице строит
Иль мир в почете объезжает весь,
Хотя притин ее исконный здесь,
Где нет дневной жары, ночного хлада –
Одна в тиши вечерняя отрада.
Здесь речь ее несет тебе привет,
На пир пришел ты или на совет.
Вот лес Любви, а молодость – подлесок;
Так вкус вина в июне дик и резок;
Забыв о многих радостях, потом
Мы старым наслаждаемся вином.
Пленился Ксеркс лидийскою чинарой
Не оттого ль, что та казалась старой,

А если оказалась молодой,
То старческой гордилась наготой.
Мы ценим то, что нам с трудом досталось;
Мы полстолетья добываем старость –
Так как же не ценить ее – и с ней
Перед концом златой остаток дней!
Но не о зимних лицах речь – с них кожа
Свисает, с тощею мошною схожа;
В глазах граничит свет с ночной душой,
А рот глядит протертою дырой;
И каждый зуб – в отдельном погребенье,
Чтоб досадить душе при воскрешенье.
Не причисляй сих мертвецов к живым:
Не старость ибо, дряхлость имя им.
Я крайности не славлю, но на деле
Всё предпочту гробницу колыбели.
Пусть, не гонясь за юностью, сама
Любовь неспешно спустится с холма
В густую тень, и я, одевшись тьмой,
Исчезну с теми, кто ушел домой.

ОБРАЗ ЛЮБИМОЙ

Моей любимой образ несравнимый,
Что оттиском медальным в сердце вбит,
Мне цену придает в глазах любимой:
Так на монете цезарь лицезрит
Свои черты. Я говорю: исчезни
И сердце заberi мое с собой;
Терпеть невмочь мучительной болезни;
Блеск слишком ярко: слепнет разум мой.

Исчезла ты, и боль исчезла сразу,
Одна мечта в душе моей царит;
Все, в чем ты отказала, без отказа
Даст мне она: мечте неведом стыд.
Я наслажусь, и бред мой будет явью:
Ведь даже наяву блаженство – бред;
Зато от скорби я себя избавлю,
Во сне лишь скорби вездесущей нет.

Когда ж от низменного наслажденья
Очнусь я, без раскаянья в душе,
Сложу стихи о щедром наважденьи –
Счастливей тех, что я сложил уже,
Но сердце вновь со мной – и прежним игом
Томится, озирая сон земной;
Ты здесь, но ты уходишь с каждым мигом;
Коптит огарок жизни предо мной.

Пусть этой болью истерзаю ум я:
Расстаться с сердцем – худшее безумье.

БРАСЛЕТ

*По случаю потери цепочки,
принадлежащей даме,
и возмещения ей убытка*

Не оттого, что он, как локон твой,
Сиял (не краше ли блестит живой?),
Не оттого, что он твое запястье
Ласкал (за что ему такое счастье?),
Не оттого, что где-то я прочел:
Мол, цепь есть преданной любви символ, –
Скорблю, что твой браслет я столь некстати
Утратил, – но при мысли о расплате.
Ужель двенадцать ангелов благих,
Ничем дурным от сотворенья их
Не тронутые – ни пятном, ни скверной,
Ни олова закваской лицемерной,
Друзья, ниспосланные мне, дабы
Хранить меня от нищенской судьбы,
В унынье утешать, в нужде доволить,
От недругов спасать, беречь и холить,
Ужель они теперь обречены
Твоим судом жестоким, без вины,
Низвергнутыми быть в огонь кипящий
За грех, мне одному принадлежащий?
Но вряд ли утешенье я найду,
Когда цепями их скупают в аду.
Будь это пригоршня экю – туда им

Дорога! – ибо сей товар снедаем
Французской хворью: немощен и худ,
Помят и бледен, краше в гроб кладут.
К тому же (что за умысел злодейский!)
Обрезаны они по-иудейски.
Будь это горсть испанских золотых,
Бродяг отъявленных, проныр лихих,
Без промаха стреляющих пистолей,
Заряженных папистов злою волей,
Печатей тайных, коим власть дана,
Как пентаграмме в книге колдуна,
Разъединять и смешивать стихии,
Презрев законы божьи и людские,
Монет, что, словно реки – материк,
Пронизывают мир, – от чьих интриг
Французская земля опустошилась,
Шотландия не в меру возгордилась
И Бельгия истерзана лежит, –
Жалеть их было б, точно, срам и стыд!
Будь это золото, коим обольщенный,
Пытается Алхимик прокопченный
Извлечь первичный дух из мертвых тел
И минералов, – я бы пожалел
Плевка, чтоб остудить тот пламень лютый,
В котором варятся такие плуты.
Но ангелов невинных бросить в печь?
Моих бойцов, банкиров, слуг – обречь
На муки? Чтобы гибель их лишила
Меня еды, а следственно и пыла
Любовного? Не дай им так пропасть!
Ведь и твоей любви ушла бы часть.
Пусть лучше с крепкой глоткою глашатай,
Грошовой удовольствовавшись платой,
На перекрестках примется вопить,
Стремясь в нашедшем совесть разбудить.
Отправь меня к какому-нибудь магу,
Который, исчертив кругом бумагу
И небо разделив на сто Домов,
Вместил в них столько шлюх, проныр, воров,
Что для себя там не оставил места, –
Хоть сам он слеplen из того же теста.
Когда ж с вершины мудрости своей

Он провещает, что потери сей
Не возратить, яви пример смиренья,
Зане его есть голос Провиденья.
Ты говоришь: мол, и цепочкой став,
Не переменит злато свой состав.
О да, и падшим ангелам осталась
Их мудрость, – но к добру она не сталась.
Те, что в нужде служили мне поднесь,
Пойдут твою отныне тешить спесь:
Ведь форма дарит бытие. Ужели
Не пожалеешь ты, на самом деле,
Сих Ангелов, чей блеск давно затмил
Достоинства Властей, Господств и Сил?
Но нет! ты непреклонна. Подчиняюсь.
Как мать в холодный гроб кладет, отчаясь,
Свое дитя, а с ним и жизнь свою, –
Сих мучеников предаю огню.
О вестники судьбы благовестящей,
Частицы силы, все вокруг живящей!
Зачем вас Рок тому не подарил,
Кто только б вас любил, боготворил,
Ходил в отрепьях, глад и хлад изведаль,
Кто умер бы скорей – но вас не предал?
Да научусь я, грешный, в скорби сей
Беречь последних горсточку друзей!
Но ты, присвоивший добро чужое,
Тебя я ненавижу всей душою!
Страшишь: я на тебя кладу клеймо
Тяжелым, словно золото само,
Проклятием! В цепях влачись до смерти;
Пусть в ад за цепь тебя утащат черти;
Пусть жажда золота тебя толкнет
К измене, а потом – на эшафот;
Пусть от свечи, пропитанной отравой,
Покроешься испариной кровавой;
Или за фразу в найденном письме
Подвергнут будешь пытке и тюрьме;
Пусть хворь гнилая, нажитая блудом,
Измучит плоть твою бессильным зудом.
Пускай вся скорбь, все дьявольское зло,
Что золото на свет произвело –
Долги, подагра, старость, разоренье,

Любовь, женитьба, кораблекрушение –
Тебя постигнут, и в последний час
Узришь всю мерзость, в коей ты погряз.
Беги от этой участи плачевной!
Вернув браслет, вернешь покой душевный.
Но ежели недуг твой излечим
Лишь золотом, – так подавись же им!

РАЗЛУКА С НЕЮ

Она уходит... Я объят тоскою...
О Ночь, приди, меня окутай тьмою
И тенью ада сердце мне обвей:
Я обречен страдать в разлуке с ней.
Закован я в тоски тугие звенья,
Они страшней, чем адские мученья.
И помыслы мои черны, мрачны,
Как ты, о Ночь, без звезд и без луны.
Могу с тобою мраком поделиться,
Сказав: Заря теперь не загорится!
Хочу быть зрячим, но под гнетом бед
Огонь в груди – единственный мой свет.
Любовь – соединенье света с тьмою,
Ее триумф нам сделался бедою.
Уж не из-за ее ли слепоты
Друг друга не увидим я и ты?
Ужель нас покарать жестоко надо
За нарушение должного обряда?
Ужель предать ты пыткам хочешь нас,
Себе даруя праздник каждый раз?
О нет, вина моя, моя расплата,
Хоть и судьба здесь в чем-то виновата.
Меня сперва лишь милый облик влек,
Теперь я свергнут в горестей поток.
И лишь на миг по наваждению злему
Вдруг к яблоку приник я золотому,
Я только каплю уловил в волне
И был богатым лишь в неверном сне.
Любовь слепая, ты чему нас учишь?
За грех мой ты мою голубку мучишь,
И, в ярости жестокой правоты,

Мои терзанья ей даруешь ты.
Вот так разит с паденьем фаворита
Его семью и всех друзей Фемида.
Мгновенной молнией ты в первый раз
Зажгла палящее желанье в нас,
И мы томились, таяли, вздыхали
И слиться в пламени одном мечтали.
Ты повела нас дальше за собой
Опасной и нехоженой тропой,
Где ждали нас ловушки и шпионы,
И бдительный супруг твой, распаленный
От ревности, – как страж у врат тюрмы...
Все это стойко выдержали мы!
Украдкой от врагов мы письма слали,
И соглядатаев предупреждали,
Ловили, преодолевая страх,
Блаженство в поцелуях и словах.
Все диалекты в наш язык вместились,
Мы говорить глазами научились,
И под столом шел часто диалог –
Его вели мы при участье ног.
Но разве бледность щек, сердец биенье
Не наших ли секретов разглашеньё?
Мы из чистилища попали вдруг
В обычную историю разлук.
О нет, для нас не может быть разлуки!
У нас навек слились уста и руки...
Как гибкий плющ, объятая мы сплетем,
И даже страх нас заморозит льдом,
Да так, что и сама Судьба пред нами
Зальется вдруг кровавыми слезами.
Судьба, не стоишь жалоб ты моих,
Тебе, наверно, стыдно слушать их!
Хоть ты пред нами вьешься лютым змеем,
С любимой мы оружием владеем
И против стрел твоих и всяких бед...
Для нас твоих преград жестоких нет!
И если бы ты даже и сумела
На время разлучить два наших тела,
То души наши тесно сплетены:
Сближают нас подарки, письма, сны...
И солнца свет, что в небесах блистает,

О красоте ее напоминает:
Нежна, как воздух, как огонь, чиста,
Ясна, как влага, как земля, тверда.
Так время наш союз благословило:
Весна любви начало возвестила,
А Лето – то, что урожай созрел,
И Осень – что в нем каждый колос спел.
Но не врагом мы называем Зиму,
А временем, что пролетело мимо.
Пусть ночь надеждой светит нам в пути:
Так легче нам разлуки груз нести.
Хоть где-то бесконечны холод с тьмою,
Но солнце льет тепло над всей землею.
Пусть доли света не везде равны,
Мы за других быть счастливы должны.
Будь стойкой в бедах, никакое горе
Пушай в твоём не затаится взоре,
И не Презреньем ты борись с судьбой,
Да будет Постоянство факел твой!
Твоим умом готов я восхищаться,
Когда мои в нём мысли отразятся.
А у меня, чтоб ты не знала зла,
Со словом не расходятся дела.
Недвижный полюс сдвинется скорее,
Чем я другую назову своею...
Уж если мой оледенеет пыл,
То знай: весь мир уж замер и застыл.
Добавить мог бы я ещё немало,
Но слушать ты, наверное, устала...
Незыблема вовек любовь моя,
Любви не меньшей жду в ответ и я!

ДЖУЛИЯ

Внимай, о зависть! Джулию мою
Разоблаченью ныне предаю!
Она всегда злословит и клеветет,
Стремясь невинным нанести бесчестье,
И даже, говорят, она порой
Друзей ближайших жалит клеветой.
И пламя ревности она не хуже

Раздуть умеет в разъяренном муже,
А в паутину сотканных сетей
Ловила даже собственных детей.
У этой сплетницы одна забота –
Ей лишь бы только очернить кого-то!
Будь жив Вергилий, слывший жен бичом,
Уж он пронзил бы Джулию пером.
Ее глаза горят, как у Химеры,
И ярость в ней рождается без меры,
И, как бы переняв вороний крик,
Зловеще каркает ее язык.
Как Тенаруса страшное зиянье,
Живому смерть несет ее дыханье!
Она обычно портит всем обед,
Интересуясь тем, что ест сосед,
На Орк ее походит разум злобный,
Для черных замыслов весьма удобный.
В нем хитрости, обман, коварство, лесть,
И мерзостей и каверз там не счесть.
Она равно находит наслажденье
И в клевете, и в клятвопреступленьи!
И, как в луче пылинки мельтешат,
В мозгу мыслишки жалкие кишат.
Нет, я не трус, но все ж признаться надо,
Что Джулия страшней любого яда.

РАССКАЗ О ГОРОЖАНИНЕ И ЕГО ЖЕНЕ

Вреда я не желаю ни шуту,
Ни лорду, ни калеке на мосту,
Ни рыцарю, судье иль шарлатану,
Ни плуту, ни в отставке капитану,
Ни рогоносцу... Я строкой своей
Заплывших жиром не хлещу свиней.
Клеветником я не был и не буду,
Хоть сам, признаться, вижу их повсюду.
И кары не боюсь – ведь мой рассказ,
Клянусь, о лорды, не заденет вас!
На днях верхом старик с женою ехал...
Я их нагнал, и началась потеха:

Она была собою недурна
И, вероятно, для утех годна.
Вдруг вижу – муж распутный обернулся
И к женке с поцелуем потянулся.
Супруг, конечно, ехал впереди,
А дама помещалась позади.
Чтоб завести знакомство, очень скоро
Со стариком я начал разговоры.
Я спрашивал: болеют ли чумой,
Купцы ведут ли на таможах бой,
И что в Виргинии, и, нам на горе,
Уорд пиратствует ли в Южном море,
И как на бирже лондонской дела,
Той, что открыта лишь на днях была,
Закончены ль Олдгейтские ворота,
Торговцев много ль перешло в банкроты.
Но он в ответ был сумрачен и горд,
Как до лохмотьев обнищавший лорд.
Лишь да и нет бормочет – не иначе...
Тут я о прибылях беседу начал;
Тогда он малость развязал язык:
«Эх, добрый сэр, – так мне сказал старик, –
В делах и двор, и город пошатнулись...»
(Тут мы с его женой перемигнулись!)
А он ораторствовать продолжал
И наше время гневно обличал.
Он говорил, что все отменно плохо,
Хвалил он только Эссекса эпоху:
«То был поистине великий век!
И нынче славы жаждет человек,
Но пыл его расчеты охлаждают,
О подвигах и думать не желают.
Ростовщиков кругом полным-полно,
Повсюду сводни, шлюхи и вино,
Лишь королевским фаворитам льготы,
А бедняки без хлеба, без работы.
И так у многих прахом жизнь идет:
Сперва он еле на ноги встает,
Но минет год, и он уже банкрот».
От злости он все больше распалялся
И мне почти изменником казался.
Он утверждал, что нынче нет стыда:

Когда во храме служат иногда
Молебствие во здравие лорд-мэра,
Толпа вопит «Аминь!» без всякой веры.
Не знаю, до чего б дошел старик,
Но тут, как избавленье, вдруг возник
Вблизи гостеприимный облик зданья
Таверны, где гостили горожане.
Я предложил ему сюда зайти
Немного подкрепиться по пути.
А он был полон злобы и печали,
Как будто их в дороге обокрали,
И грубо отказался, хоть жена
Твердила, что она утомлена.
Что ж было делать? Тут я с ним простился,
Но адрес все-таки спросить решился,
Он дал и посулил стакан вина,
Но больше обещала мне жена!

УВЕЩЕВАНИЕ

Увериться, что верных женщин нет,
Увы, с тобой мне довелось, мой свет!
Я размышлял: «Ужель она так лжива,
Лишь оттого, что так она красива?»
И юной прелести ли это знак,
Что ты не ладишь с правдою никак?
Ты думаешь, что небо глухо, слепо
И с рук сойдет тебе обман нелепый?
Ужель все клятвы – дымка над водой,
Что ветер вдаль уносит за собой?
Иль в женском знойно-ледяном дыханье
Нам жизнь и смерть предречены заране?
И кто бы вообще подумать мог,
Что нежных слов струящийся поток
И вздохи, что навек сердца скрепляют,
И сотни клятв, что слезы исторгают,
И сладость поцелуев на устах, –
Что все это блаженство – только прах?
Ты в долг брала, чтоб откупиться штрафом?
О да, теперь я думаю со страхом,
Что все ты говоришь наоборот,

И ложь твоя меня уж не проймет.
Хоть женщины стремятся к наслаждениям,
Тебя одну считал я исключеньем!
Любимая, хоть ревность жжет мне грудь,
Я сам тебя влеку на страшный путь...
Но верю, что скорее в небосводе
Погаснет солнце, смерть неся природе,
Скорее реки потекут назад
Иль Темзу летом льды загромоздят,
Скорей изменится земли движенье,
Чем ты свое изменишь поведенье.
Но кто же тот, кому, не чая зла,
Доверить наши тайны ты могла?
Из-за него теперь пришлось нам туго,
Мы сгоряча во всем виним друг друга.
Кому-то наши речи и сейчас
Доносит он, подслушивая нас.
Пусть, заклеимен проклятьем окаянным,
Он бродит Каином по дальним странам,
И пусть его преследует нужда,
Изобретательная, как всегда,
Пусть от него любой отводит взоры,
Пусть сам он изнывает от позора,
Пусть Бога отвергая, он живет,
И в муках, нераскаянный, умрет.
Пусть волки это сердце растерзают,
Пусть коршуны глаза повыдирают,
Пусть кабаны кишки его сожрут,
А злой язык пусть вороны склюют,
И пусть грызут дворцовые собаки
Его застывший труп, сшибаясь в драке!
Теперь конец проклятьям! Пусть любовь
Во мне, как пламя, возникает вновь,
И в этом верном рыцарском служенье
Пусть днями станут краткие мгновенья.
Так радуется художника всегда
Не результат, а самый ход труда.
С тех пор, как ты любовь мне подарила,
Я стал хвалить все то, что ты хвалила:
Попав на пьесу или маскарад,
Актерам тем же был я хлопать рад,
Но, слово дав себе держаться скромно,

Вдруг в дерзости срывался неумной.
И постепенно стал я понимать,
Что, как недуг, любовь легко поймать.
Мы дорожим как высшим счастьем ею:
Найти легко, а сохранить труднее.
В одно мгновенье ты любовь зажег,
А как сберечь потом на долгий срок?

НА ЖЕЛАНИЕ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ
СОПРОВОЖДАТЬ ЕГО,
ПЕРЕОДЕВШИСЬ ПАЖОМ

Свиданьем нашим – первым, роковым –
И нежной смутой, порожденной им,
И голодом надежд, и состраданьем,
В тебе зачатый жарким излианьем
Моей тоски – и тысячами ков,
Грозивших нам всечасно от врагов
Завистливых – и ненавистью яркой
Твоей родни – и разлученья карой –
Молю и заклинаю: отрекись
От слов заветных, коими клялись
В любви нерасторжимой; друг прекрасный,
О, не ступай на этот путь опасный!
Остынь, смирись мятежною душой,
Будь, как была, моею госпожой,
А не слугой поддельным; издалече
Питай мой дух надеждой скорой встречи.
А если прежде ты покинешь свет,
Мой дух умчится за твоим вослед,
Где б ни скитался я, без промедленья!
Твоя краса не укротит волненья
Морей или Борей дикий пыл;
Припомни, как жестоко погубил
Он Орифею, состраданью чуждый.
Безумье – искушать судьбу без нужды.
Утешься обольщением благим,
Что любящих союз неразделим.
Не представляйся мальчиком; не надо
Менять ни тела, ни души уклада.
Как ни рядись юнцом, не скроешь ты

Стыдливой краски женской красоты.
Шут и в атласе шут, луна луною
Пребудет и за дымной пеленою.
Учти, французы – этот хитрый сброд,
Разносчики хвороб дурных и мод,
Коварнейшие в мире селадоны,
Комедианты и хамелеоны –
Тебя узнают и познают вмиг.
В Италии какой-нибудь блудник,
Не углядев подвоха в юном паже,
Подступится к тебе в бесстыжем раже,
Как содомиты к лотовым гостям,
Иль пьяный немец, краснорожий хам,
Прицепится... Не клянчь судьбы бездомной!
Лишь Англия – достойный зал приемный,
Где верным душам подобает ждать,
Когда Монарх изволит их призвать.
Останься здесь! И не тумань обидой
Воспоминанье – и любви не выдай
Ни вздохом, ни хулой, ни похвалой
Уехавшему. Горе в сердце скрой.
Не напугай спросонья няню криком:
«О, няня! мне приснилось: бледен ликом,
Лежал он в поле, ранами покрыт,
В крови, в пыли! Ах, милый мой убит!»
Верь, я вернусь, – коль Рок меня не същует
И за любовь твою сполна не взыщует.

РАЗНООБРАЗИЕ

Я в небе измененья наблюдаю,
А сам разнообразье отвергаю
И не делю со многими любовь...
Но только новизна волнует кровь.
Ведь солнце, золотой властитель света,
Преображая тусклые предметы,
По зодиаку движется вперед
И, кончив старый, входит в новый год.
Вселенная подвластна измененью:
Лишь в нем одном источник наслажденья.
Прозрачнее всего реки поток,

Где он широк и путь его далек,
Пруд может быть приятною картиной,
Но он гниет и зарастает тиной.
Не говорите мне, друзья, о ней,
Что лишь она достойна быть моей.
Ее желанной сделала природа,
Пожалуй, для всего мужского рода, –
Я первый бы презреньем заклеил
Того, кто бы ее не полюбил,
Я жизнь готов отдать, в любви сгорая,
Но, как хотите, я не понимаю,
Зачем служить я должен лишь одной,
Не смея и помыслить о другой?
Нет, мне не по душе закон такой!
Я белокурой нынче околдован,
Сияньем золотых волос я скован,
Взор нимфы обольстил меня, увлек...
Я даже бы в могилу с нею лег!
Но и смуглянка может стать любимой,
Ведь речь ее влечет неодолимо.
В иных, хотя достоинств этих нет,
Но тоже привлекает некий свет,
И хоть они не блещут красою,
Зато пленяют мыслью чистотою,
И тут нас соблазняет, так сказать,
Сама попытка их завоевать.
А нашим предкам счастье улыбалось:
Измена там виною не считалась,
Кого желал, ту делал ты женой,
Ты мог владеть красавицей любой:
Женились на сестре и на кузине,
Как водится у персов и поныне.
Храня свое достоинство всегда,
Там дама сразу говорила: «Да!»
Совсем не то теперь уже на свете:
Доверчивость заманивают в сети,
Забыт природы благостный закон,
Хоть предками священно чтился он,
И хартия свобод ушла в забвенье,
И стали мы теперь рабами Мненья.
Чудовище ужасное оно,
Нам с ним – увы! – считаться суждено:

Оно вельем моды непреклонной
Диктует нам и нравы, и законы,
Неся любви непоправимый вред,
И прежней силы у любви уж нет!
Амур теперь зачахнул и смирился,
Могучих крыльев он своих лишился,
Утратил лук тугой с колчаном стрел,
Которыми сердца разить умел.
Как мало тех, кто нынешней порою
Остался в дружбе с вольностью былою!
Сторонники низвергнутой любви,
Они хранят ей преданность в крови –
И, нынешние обходя запреты,
Дают ей вечной верности обеты.
В их лагерь, скромный рыцарь, встал и я,
И не уступит им любовь моя.
Я радость нахожу в таком служенье,
Готов я исполнять ее вельенья,
И, данный лишь одним движеньем глаз,
Мгновенно сердце выполнит приказ.
Наступит некогда иное время,
И я отвергну тягостное бремя:
Не вечно рабство, должный срок пройдет,
И лучший век свободу нам вернет.
То, что дало нам времени течение,
Не так легко поддастся измененью,
Страстей мгновенных схлынет суета,
С достоинством сольется красота,
И, ежели в одной найдется счастье,
Вовек мы будем у нее во власти.

ПУТЬ ЛЮБВИ

Влюбленный, если он к венцу любви
Не устремляет помыслы свои,
Схож с моряком, доверившимся бездне
Лишь ради приступа морской болезни.
Любовь свою, как медвежонка мать,
Мы не должны без удержу лизать,
Ее мы этим только изуечим,
Слепивши зверя с ликом человеческим.

В единстве совершенство нам дано:
Люби одну, и в ней люби – одно.
То, что мы ценим в золотом дукате,
Не ковкость, не наружный блеск и, кстати,
Не благородство и не чистота,
Не звон приятный и не красота,
А только то, что злато в наше время –
Душа торговли, признанная всеми.
И в женщинах нам следует отнюдь
Ценить не свойства внешние, а суть.
Любить иначе было б оскорбленьем
Любви – иль сущим недоразуменьем.
Чтить добродетель? Нет, благодарим!
Мужчина – не бесполой херувим
И не бесплотный дух. Всяк мне свидетель:
Мы любим в женщине не добродетель,
Не красоту, не деньги. Путать с ней
Ее достоинства, по мне, гнусней,
Чем путаться тайком с ее же дворней.
Амура не ищите в выси горней.
Подземный бог, с Плутоном наравне
В золотоносной, жаркой глубине
Царит он. Оттого ему мужчины
Приносят жертвы в ямки и ложбины.
Небесные тела земных светлей,
Но пахарю земля всего милей.
Как ни отрадны речи и манеры,
Но в женщинах важней другие сферы.
Суть женская не меньше, чем душа,
Годна любви, вольна и хороша.
Но слишком долго в дебрях проплутает,
Кто верхний путь к сей цели избирает.
В лесу ее кудрей полно препон:
В капканах и силках застрянет он.
Ее чело, как море штилевое,
В недвижимом истомит его покое –
Иль вдруг нахмурясь, за волной волну
Погонит, чтоб пустить его ко дну.
Нос, устремленный вниз, к полдненным странам,
Деля, как нулевым меридианом,
Два полушарья щек, приводит нас
Вернее, чем звезда или компас,

К Блаженным островам – но не Канарам,
Где вас поддельным опяет нектаром,
А к сладостным устам, куда доплыв,
Любой моряк сочтет, что он счастлив
Навеки! Там сирены распевают,
Премудрые оракулы вещают
Благие тайны, там – жемчужный грот,
Где Прилипала страстная живет.
Оттуда, миновав мыс Подбородка
И Геллеспонт пройдя довольно ходко
Меж Секстом и Абидосом грудей
(Пролив, небезопасный для ладей!),
Мы выйдем на простор безбрежной влаги,
Где родинок лежат архипелаги,
И к Индии стремясь прямым путем,
Атлантики пупок пересечем.
Здесь мощное подхватит нас течение;
Но тем не завершатся приключенья:
Ведь на пути в желанный край чудес
Нас ждет другой, препятствий полный, лес.
Измаясь тем, возропцете невольню,
Что выбрали такой маршрут окольный.
Нет, нижний путь (послушайтесь меня)
Короче; да послужит вам ступня
Надежной картой к странам вожделенным:
Она мила, но не грозит вам пленом;
Она чужда притворству: говорят,
Что даже черт не может спрятать пят;
Она не ведает личин жеманства;
Она эмблемой служит постоянства.
В наш век и поцелуя ритуал,
Начавши с уст, довольствоваться стал
Властительным коленом иль рукою;
А ныне папской тешится ступнею.
Когда и князи начинают с ног,
То и влюбленным это не в упрек.
Как птиц, летящих в воздухе, быстрее
Полет свободных сфер сквозь эмпирей,
Так этот путь, эфирный и пустой,
Лишен помех, чинимых красотой.
Природа женщин одарила дивно,
Дав две мошны, лежащих супротивно.

Кто, дань для нижней накопив казны,
С превратной к ней заходит стороны,
Не меньшую ошибку совершает,
Чем тот, кто клистером себя питает.

НА РАЗДЕВАНИЕ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Скорей, сударыня! я весь дрожу,
Как роженица, в муках я лежу;
Нет хуже испытанья для солдата –
Стоять без боя против супостата.
Прочь – поясок! небесный Обруч он,
В который мир прекрасный заключен.
Сними нагрудник, звездами расшитый,
Что был от наглых глаз тебе защитой;
Шнуровку распусти! уже для нас
Куранты пробили заветный час.
Долой корсет! он – как ревнивец старый,
Бессонно бдящий за влюбленной парой.
Твои одежды, обнажая стан,
Скользят, как тени с утренних полян.
Сними с чела сей венчик золоченый –
Украйся золотых волос короной,
Скинь башмачки – и босиком ступай
В святилище любви – альковный рай!
В таком сиянье млечном серафимы
На землю сходят, праведникам зримы;
Хотя и духи адские порой
Облечься могут лживой белизной, –
Но верная примета не обманет:
От тех – волосы, от этих плоть восстанет.
Моим рукам-скитальцам дай патент
Обследовать весь этот континент;
Тебя я, как Америку, открою,
Смирю – и заселю одним собою.
О мой трофей, награда из наград,
Империя моя, бесценный клад!
Я волен лишь в плену твоих объятий.
И ты подвластна лишь моей печати.
Явись же в наготе моим очам:
Как душам – бремя тел, так и телам

Необходимо сбросить груз одежды,
Дабы вкусить блаженство. Лишь невежды
Ключут на шелк, на брошь, на бахрому –
Язычники по духу своему!
Пусть молятся они на переплеты
Не видящие дальше позолоты
Профаны! Только избранный проник
В суть женщин, этих сокровенных книг,
Ему доступна тайна. Не смущайся, –
Как повитухе, мне теперь предайся.
Прочь это девственное полотно! –
Ни к месту, ни ко времени оно.
Продрогнуть опасаясь? Пустое!
Не нужно покрывал: укройся мною.

ЛЮБОВНАЯ ВОЙНА

Пока меж нами бой, другим задирам
Дай отворот – и отпусти их с миром;
Лишь мне, прекрасный Град, врата открой! –
Возжаждет ли других награды герой?
К чему нам разбирать фламандцев смуты?
Строптивая чернь или тираны люты –
Кто их поймет! Все тумачи тому,
Кто унимает брань в чужом дому.
Французы никогда нас не любили,
А тут и бога нашего забыли;
Лишь наши «ангелы» у них в чести:
Увы, нам этих падших не спасти!
Ирландию трясет, как в лихорадке:
То улучшение, то опять припадки.
Придется, видно, ей кишки промыть
Да кровь пустить – поможет, может быть.
Что ждет нас в море? Радости Мидаса:
Златые сны – и впроголодь припаса;
Под жгучим солнцем в гибельных краях
До срока можно обратиться в прах.
Корабль – тюрьма, причем сия темница
В любой момент готова развалиться;
Иль монастырь, но торжествует в нем

Не кроткий мир, а дьявольский содом;
Короче, то возок для осужденных
Или больница для умалишенных:
Кто в Новом Свете приключений ждет,
Стремится в Новый, попадет на Тот.
Хочу я здесь, в тебе искать удачи –
Стрелять и влагой истекать горячей;
В твоих объятьях мне и смерть, и плен;
Мой выкуп – сердце, дай свое взамен!
Все бьются, чтобы миром насладиться;
Мы отдыхаем, чтобы вновь сразиться.
Там – варварство, тут – благородный бой;
Там верх берут враги, тут верх – за мной.
Там бьют и режут в схватках рукопашных,
А тут – ни пуль, ни шпаг, ни копий страшных.
Там лгут безбожно, тут немножко льстят,
Там убивают смертных – здесь плодят.
Для ратных дел бойцы мы никакие;
Но, может, наши отпрыски лихие
Сгодятся в строй. Не всем же воевать:
Кому-то надо и клинки ковать;
Есть мастера щитов, доспехов, ранцев...
Давай с тобою делать новобранцев!

САПФО К ФИЛЕНЕ

О, где огонь поэзии священный?
Ужель иссяк во мне сей дар бесценный?
Мой Стих, что воссоздаст предмет любой,
Пред лучшим из созданий, пред тобой,
Молчит. От слез угасло Вдохновенье,
Но почему не гаснет вожделенье?
Я с собственными мыслями в борьбе
Изнемогаю: все летят к тебе!
Царящий в сердце образ твой желанный,
Как воск, расплылся, жаром осиянный,
И, раздувая в сердце этот жар,
Во мне ты гасишь Зренье, Разум, Дар.
Но Память – я бессильна перед нею.
Забыть пытаюсь и забыть не смею!

Весь облик совершенный твой таков,
Что вправе ты украсить сонм богов.
Не видевший Олимпа да узнает:
Подобные тебе там обитают.
И если каждый, кто рожден дышать,
Есть малый мир, то как тебя назвать?
Сказать, что краше ты, стройней, нежнее
Зари рассветной, Кедр и Лилей?
Пустое! Ведь с твоей рукою, знаю,
Сравнится лишь твоя рука вторая.
Таким недолго был Фаон, но ты
Вовек не потеряешь красоты!
Такою кто-то видит в обожаньи
Меня, но я страдаю, а Странанье
Не красит, и перебороть его
Я силюсь ради взгляда твоего.
С тобою мальчик на лугу играет,
Нет, вас еще не страсть соединяет,
Но над губой его уже пушок
Напоминает грозно мне: дай срок.
О тело милой! – Райский сад блаженства,
Пусть невозделанный, но совершенство
Не станет совершенней, так к чему
Садовник грубый саду твоему?
Мужчина – вор, который никогда
Не подойдет по снегу без следа;
А наши ласки без следа могли бы
Витать, как птицы в небе, в море – рыбы:
Тут все возможны изъявления чувства –
Как Естество подскажет и Искусство.
Ланиты, губы, стан у нас с тобой
Различны ровно столь, сколь меж собой –
Твои ланиты. Право, если в губы
Дозволен поцелуй, то почему бы,
При сходстве упоительном таком,
Ах, не соединиться нам вдвоем
В сплетенье рук и ног? В таком сравненье
Столь странный искус самообольщенья,
Что страстью я к самой себе горю
И ласки, как тебе, себе дарю.
Ты в зеркале стоишь перед глазами,
Прильну – и залито оно слезами.

Отдай же мне меня, ты вся моя,
Ты – это я, ты – более, чем я.
Блистай румяной свежестию вечной
И несравненной белизною млечной,
Красою исторгая вновь и вновь
У женщин – зависть, у мужчин – любовь!
Всегда будь рядом, перемен не зная
И от меня самой их отдаляя.

ЭПИТАЛАМЫ

ЭПИТАЛАМА, СОЧИНЕННАЯ В ЛИНКОЛЬНЗ-ИНН

I

Восток лучами яркими зажжен,
Прерви, Невеста, свой тревожный сон –
Уж радостное утро наступило –
И ложе одиночества оставь,
Встречай не сон, а явь!
Постель тоску наводит, как могила.
Сбрось простыню: ты дышишь горячо,
И жилка нежная на шее бьется;
Но скоро это свежее плечо
Другого, жаркого плеча коснется;
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

II

О дочери Лондона, вам заодно
Хвала! вы – наше золотое дно,
Для женихов неистощимый кладезь!
Вы – сами ангелы, да и к тому ж
За каждой может муж
Взять «ангелов», к приданому приладясь:
Вам провожать подругу под венец,
Цветы и брошки подбирать к убору;
Не пожалейте ж сил, чтоб наконец
Невеста, блеском затмевая Флору,
Сегодня в совершенство облеклась
И женщиной отныне нареклась.

III

А вы, повесы, дерзкие юнцы,
Жемчужин этих редкостных ловцы,
И вы, придворных стайка попугаев!
Селяне, возлюбившие свой скот,
И шалый школьный сброд –
Вы, помесь мудрецов и шалопаев:
Глядите зорче все! Вот входит в храм
Жених, а вот и Дева, миловидно
Потупя взор, ступает по цветам;
Ах, не красней, как будто это стыдно!
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

IV

Двустворчатые двери раствори,
О Храм прекрасный, чтобы там, внутри,
Мистически соединились оба;
И чтобы долго-долго вновь ждала
Их гробы и тела
Твоя всегда несытая утроба.
Свершилось! Сочетал святой их крест,
Прошедшее утратило значение,
Поскольку лучшая из всех невест,
Достойная похвал и восхищенья,
Сегодня в совершенство облеклась
И женщиной отныне нареклась.

V

Ах, как прелестны зимние деньки!
Чем именно? А тем, что коротки
И быстро ночь приводят. Жди веселий
Иных, чем танцы, – и иных отрад,
Чем бойкий перегляд,
Иных забав любовных, чем доселе.
Вот смерклося, и первая звезда
Явилась бледной точкою в зените;
Упряжке Феба по своей орбите
И полпути не проскакать, когда
Уже ты в совершенство облечешься
И женщиной отныне наречешься.

VI

Уже гостям пора в обратный путь,
Пора и музыкантам отдохнуть,
Да и танцорам – сделать передышку;
Для всякой твари в мире есть пора,
С полночи до утра,
Поспать, чтоб не перетрудиться лишку.
Лишь новобрачным нынче не до сна,
Для них труды особые начнутся:
В постель ложится девушкой она –
Дай Бог ей в том же виде не проснуться!
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

VII

На ложе, как на алтаре Любви,
Лежишь ты нежной жертвой. О, сорви
Одежды эти, яркие тенеты!
Был ими день украшен, а не ты:
В одежде наготы,
Как истина, прекраснее всего ты!
Не бойся: эта брачная постель
Лишь для невинности могилой стала,
Для новой жизни это – колыбель,
В ней обретешь ты все, чего искала:
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

VIII

Явленья ожидая жениха,
Она лежит, покорна и тиха,
Не в силах даже вымолвить словечка, –
Пока он не склонится, наконец,
Над нею, словно Жрец,
Готовый потрошить свою овечку.
Даруйте радость ей, о Небеса! –
И сон потом навейте благосклонно.
Желанные свершились чудеса:
Она, ничуть не претерпев урона,
Сегодня в совершенство облеклась
И женщиной по праву нареклась.

ЭПИТАЛАМА, ИЛИ СВАДЕБНАЯ ПЕСНЬ
В ЧЕСТЬ ПРИНЦЕССЫ ЕЛИЗАВЕТЫ
И ПФАЛЬЦГРАФА ФРИДРИХА,
СОЧЕТАВШИХСЯ БРАКОМ
В ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

I

Хвала тебе, епископ Валентин!
Сегодня правишь ты один
Своей епархией воздушной;
Жильцы небесные толпой послушной,
Скворча и щечбеча,
Летят к тебе; ты заключаешь браки
И Ласточки, и строгого Грача,
И Воробья, лихого забияки.
Дрозд мчится, как стрела,
Перегоня Чайку и Щегла;
Петух идет встречать походкой чинной
Жену с ее пуховою периной.
Так ярок этот день, о Валентин,
Что ты бы сам забыл печаль своих седин!

II

Досель в супруги возводить ты мог
Лишь Воробьев, Щеглов, Сорок;
Какое может быть сравненье! –
Сегодня, с твоего благословенья,
Свеча в ночи узрит,
Чего и Солнце полдня не видало,
Постель волнующаяся вместит,
Чего и дно Ковчега не вмещало, –
Двух Фениксов, в избытке сил
Смешавших жизнь свою, и кровь, и пыл,
Чтоб новых Фениксов возникла стая,
Из их костра живого вылетая.
Да не погаснет ни на миг один
Сей пламень, что зажжен в твой день, о Валентин!

III

Проснись, Невеста, веки разомкни
И Утро яркое затми
Очей сиянием лучистым!
Да славят птахи щебетом и свистом
Тебя и этот день!
У звезд ларцы небесные истребуй
И все Алмазы, Лалы, Перлы неба,
Как новое Созвездие, надень!
Пусть лучезарное явленье
Нам предвещает и твое паденье,
И новый, ослепительный Восход;
И сколько дней в грядущем не пройдет,
Да будет памятною годовщина
Сегодняшнего дня Святого Валентина!

IV

О Феникс женственный, ступай смелей
Навстречу Жениху – и слей
Огонь с огнем, чтоб в мощи дивной
Вознесся этот пламень неразрывный!
Ведь нет разлук для тех,
Кто лишь друг в друге заключен всецело,
Как для стихий, которым нет предела,
Нет и разъединяющих помех.
Скорей, скорей! Пусть пастырь скажет
Вам назиданье – и навеки свяжет
Узлом духовным руки и сердца;
Когда ж обряд свершится до конца,
Вам предстоит связаться воедино
Узлом любви, узлом святого Валентина.

V

Зачем так Солнце замедляет ход
И ждет, как нищий у ворот,
Выклянчивая подаянье?
Чего ему – огня или сиянья?
Зачем неспешно так
Вы движетесь из храма с пышной свитой:

Иль ваше счастье – ублажать зевак,
Быть новостью покуда не избитой?
Как затянулся этот пир!
Обжоры с пальцев слизывают жир;
Шуты, видать, намерены кривляться,
Пока Петух им не велит убраться.
Увы, неужто для колбас и вин –
Был учрежден сей день, епископ Валентин?

VI

Вот, наконец, и ночь – благая ночь;
Теперь уж проволочки прочь!
Но как докучны Дамы эти! –
Подумать можно, что у них в предмете
Куранты разобрать,
А не раздеть Невесту. Драгоценный
Забыв наряд, она скользнет в кровать:
Вот так душа из оболочки бренной
Возносится на небосклон;
Она – почти в Раю, но где же он?
Он здесь; за Сферой Сферу проникая,
Восходит он, как по ступеням Рая.
Что миновавший день? Он лишь зачин
Твоих ночных торжеств, епископ Валентин!

VII

Как Солнце, милостью дарит она,
А он сияет, как Луна;
Иль он горит, она сияет –
В долгу никто остаться не желает;
Наоборот, должник
Такой монетой полновесной платит,
Не требуя отсрочки ни на миг,
Что богатеет тот, кто больше тратит.
Не зная в щедрости преград,
Они дают, берут... и каждый рад
В пылу самозабвенном состязанья
Угадывать и исполнять желанья.
Кто их нежней – Голубка иль Пингвин,
С кем можно их сравнить, епископ Валентин?

VIII

Два чуда пламенных слились в одно:
Отныне, как и быть должно,
В единственном числе и роде
Прекрасный Феникс царствует в природе.
Но тише! пусть вкусят
Блаженный сон влюбленные, покуда
Мы будем, яркий проводив закат,
Жить предвкушеньем утреннего чуда
И шепотом держать пари,
Откуда ждать явления зари,
С чьей стороны к нам свет назавтра хлынет:
Кто первым из супругов отодвинет
Ревнивый полог – пышный балдахин?
Продлим же до утра твой день, о Валентин!

ЭПИТАЛАМА
ПО СЛУЧАЮ БРАКОСОЧЕТАНИЯ
ГРАФА СОМЕРСЕТА

26 декабря 1613 года

ЭКЛОГА

Аллофан порицает Идия, встречающего Рождество в сельском уединении, тогда как при дворе празднуется свадьба графа Сомерсета. Идий объясняет, что побудило его покинуть столицу и чем он занимался в эти дни.

Аллофан:

Несчастный! Чем прельстился ты в глуши –
Теперь, когда в поместьях ни души,
Когда пора ненастная в разгаре,
Когда в тепло охота всякой твари,
И к югу птиц неисчислимый флот
Сквозь океан заоблачный плывет;
Когда в полях ничто не тешит взора
И в грубошерстный плащ рядится Флора,
И в рощах ветви голы после бурь,
Как розги, что могли бы выбить дурь
Из нелюдима; и объята стужей
Все ручейки с их болтовней досужей?
Не каяться ль ты вздумал? Отчего ж

Великого поста не подождешь?
Знай: при дворе у нас – весна до срока,
Там Солнце светит ярко и высоко,
И жарко там горит в груди одной
Усердья и Любви огонь двойной:
Усердья к трону днем пылает пламя,
А свет Любви восходит вечерами.
Там и прещедрый свет, что осветил
Наш мир до появления светил,
С высот свои владенья озаряет
И подданных по-царски одаряет...
Там взор невесты – средоточье звезд:
Из глаз ее взлетая, как из гнезд,
Всё новые созвездья в блеске новом
На небосклоне движутся дворцовом.
Затем другие дамы ей под стать
Очами принимаются блистать,
От их лучей сверкают ожерелья,
И всё в огнях, и всюду шум веселья...
Увы! есть королевские дворы,
Где вечно тлеют адские костры
Интриг, от коих все вокруг могло бы
Сгореть в пожаре зависти и злобы;
Здесь – Верность и Любовь слились в одно:
Их райским светом все озарено.
Зачем же скрылся ты?

Идий:

И все ж я с вами,
Под теми же благими небесами!
Король, что милосерд и даровит,
Не только двор – весь край одушевит.
Божественною властью обладают
Монархи, что в нас души пробуждают,
Чтоб каждый, будь он близок иль далек,
Величьем их исполниться бы мог.
Не тот мудрей, кто трется возле трона:
Отшельнику из кельи затворенной
Бывает проще лицезреть Творца;
Всяк смертный – образ мира, а сердца
Людские – точно Книги Мирозданья:
В них сыщешь все, достойное познания.

Быть при дворе – не то же ль, что в глуши?
Ведь это уголки одной души.
Я там, где все!

Аллофан:

Ты тешишься обманом:
Чуть насладившись амбры духом пряным,
Воображаешь, что твоя казна
Богатствами Ост-Индии полна!
Ты думаешь, кто холода не чует –
Тому тепло? Кого беда минует –
Тот и счастливчик? В глубине земли
Есть вещества, что сделаться б могли
Бесценным золотом, если бы Светило
Их оком огненным позолотило, –
Но свет небес не достигает к ним;
Так нам, чтоб стать мудрей, необходим
Владыки взор: от Господа нам – вера,
Король – источник доброго примера.
Знай: ангелы, хоть и в земных делах
Замешаны, – их дом на небесах;
Блажен, кто дом свой покидает смело
Во имя долга и благого дела.
Ты оплошал, мой бедный книгоед:
Чудес таких, как наши, в книгах нет!
Найдешь ли в них ты повесть о придворных,
Что были бы в сужденьях неpritворных
Согласны с королем – о диво див! –
Который сам в сужденьях справедлив?
Прочтешь ли о дворе, где незаметен
Дух честолюбья, где не слышно сплетен,
Где нет обид на щедрость короля,
Который, к лучшему благоволя,
В его лице всех прочих одаряет,
Поскольку лучшее в них поощряет?
Признай: такого в книгах не прочтешь!
А здесь еще почище чудо есть:
Влюбленный, не утративший рассудка!
Наш Купидон, проказливый малютка,
Теперь в пажах: счастливцу служит он,
Что царственным доверьем облечен.
Когда б ты знал! –

Идий:

Я знал, и оттого-то
Уехал прочь: меня гнала немота.
Я видел все – и слов искал, спеша:
Без них бы стала бедная душа
Для чувств и мыслей тесною гробницей.
Не помолясь, нельзя ж за пир садиться!
Вкусил я общей радости хмелек –
И, удалившись, в речь его облек.
Вот брачный гимн: прочти сие творенье,
Что писано не ради одобренья,
Но в память знаменательного дня.
Притом, себя в глуши похороня,
Увековечусь песнею подобной
Верней, чем пышной надписью надгробной.

ЭПИТАЛАМА

1. ВРЕМЯ ГОДА

О старый год, ликуй! Твой срок продлен.
Ты дряхл и снегом убелен.
На пять бы зорь еще хватило
Тебя... Но глянь – восходят два светила
На помощь твоему,
С июньским пылом разгоняя тьму!
Растаяли бы льды в стране полночной,
Открыв проход нам Северо-Восточный,
Когда бы новый Прометей для нас
На полюс мог перенести сейчас
Такого сердца жгучий жар и блеск лучистых глаз!

2. ОН И ОНА

Но, Муза, растолкуй: чей это взор
И в чьей груди горит костер?
Она, как он, очами блещет,
В нем сердце так же, как и в ней, трепещет!
Кто краше – не поймешь:
Как девушка, жених собой пригож;
Невеста по-мужски отважна духом,

Отпор давая недостойным слухам.
Сама Природа сочела вас,
Не замечая злых людских гримас, –
Пылай же, пламя двух сердец, двух пар влюбленных
глаз!

3. ПРОБУЖДЕНИЕ ЖЕНИХА

Хоть вас грешно и в мыслях разлучать,
Позволь мне песнь мою начать
С тебя, жених нетерпеливый:
С того, как рано встал ты в день счастливый
И как стремишься к ней,
Опережая фебовых коней;
Как службы государственное бремя
С усердных плеч слагаешь ты на время,
Спеша удостоверить сей же час
Любовь свою, что за ночь не погас
Ни сердца любящего пыл, ни жар горящих глаз.

4. ПРОБУЖДЕНИЕ НЕВЕСТЫ

Теперь к тебе, невеста! Ложе сна
Покинуть первой ты должна:
Ведь нынче ночью, в самом деле,
Ты первой вновь окажешься в постели.
Сияют ярче дня
Густые пряди: в отблесках огня
Ты, словно Фаэтон пламеннокудрый, –
Спрячь их опасный жар под нежной пудрой!
Слезинка счастья, льющийся алмаз,
Пусть твой взор смягчит на этот раз,
Не то мы все ослепнем вдруг от блеска этих глаз.

5. ЕЕ НАРЯД

Как солнце, чтоб не ранить нам очей,
Туманит влагой свет лучей,
Так облеклась ты в шелк и золото
(Червями спрядено, из праха взято),
И мы к твоим стопам
Все льнем, подобно праху и червям.
Со звездами твои брильянты схожи,

Но твердь, что держит их, милей нам все же.
И пусть недостижима ты для нас,
Знай: облик твой, прекрасный без прикрас,
Начертан в любящей душе огнем любимых глаз.

6. ШЕСТВИЕ К АЛТАРЮ

Не две ль зари мы днесь на небе зрим?
Так кипарис, клинком живым
Разъявший высь, внушает глазу,
Что над землей встают два солнца сразу.
Но здесь, у алтаря,
С зарей навеки сходится заря.
Да будет сотворен обряд великий!
Воинствующей Церкви смолкли клики...
Святой отец! Ты нынче – Божий глас,
Так призови к ним в этот славный час
Всю щедрость ангельских сердец и благосклонных глаз!

7. БЛАГОСЛОВЕНИЕ

О лебедей блаженная чета!
Дай Бог вам долгие лета
Прожить и не запеть, доколе
Не надоест и здешнее застолье
И дивной новизной
Не поманит вас край совсем иной.
Продли Господь ваш род и род монарший:
Его потомков – ваши, став постарше,
Да возблагодарят еще не раз!
Живите так, чтоб никогда не гас
Единый пламень двух сердец, двух пар влюбленных глаз.

8. ПИРШЕСТВО И ВЕСЕЛЬЕ

Но полно! Лишняя хвала – во вред,
К тому же мешкать нам не след:
Столы трещат под грузом дичи, –
Не весь Ковчег ли Ноев стал добычей
Искусных поваров?
А что за пляски! Здесь любой готов,
Подпрыгнув, доказать вам на примере

Вращение Земли в небесной сфере.
Уж солнце улеглось и день угас,
Но длится пир, шумит веселый пляс
Вокруг двух любящих сердец, двух пар усталых глаз.

9. УХОД НЕВЕСТЫ В СПАЛЬНЮ

Но ты, невеста, нынче не должна
Засиживаться допоздна
С гостями, мучась от зевоты:
Ведь лучший пир готовишь для него ты,
И сон сгоняя прочь,
Иные пляски вам подарит ночь!
Луна и солнце не заходят вместе;
С рассветом оба встали – но, по чести,
Ей первой надлежит покинуть нас,
Любимому оставив про запас
Негаснущий сердечный жар в призывном блеске глаз.

10. ПРИХОД ЖЕНИХА

Кто вслед звезде упавшей мчит стремглав,
Найдет ее средь влажных трав
Дрожащею и размягченной, –
Так за супругой новоиспеченной
Вдогон спешит супруг...
И как порою друга давний друг
Не тотчас признаёт в наряде странном –
Их души в облаченье перевозданном
Познать должны друг друга в этот час
И слиться, как сливались много раз
Нетерпеливые сердца и взоры томных глаз.

11. ПОЖЕЛАНИЯ НА СОН ГРЯДУЩИЙ

В лампаде Туллии чудесный свет
Горел пятнадцать сотен лет.
Но спорят с древнею святыней
Два светоча любви, зажженных ныне!
Огонь неутомим,

И все, что ни соприкоснется с ним,
Он обратит в огонь и жадно сгложет,
Но вас пожар любовный сжечь не может:
Вы сами – пламя! Каждому из вас
Дано гореть и жечь, ввергать в экстаз
И вспыхивать, как в первый день, от взора милых глаз.

Идий:

Вот песнь моя во славу Гименя:
Сожгу ее, чтоб жертве быть полнее.

Аллофан:

Нет, сэр, я вам бумагу не отдам!
Приносит жертву жрец, но фимиам
Вдыхают все. А ваше приношенье –
Достойное для свадьбы украшенье
И общим достояньем стать должно,
Как самый праздник. Да найдет оно
Алтарь почетный и благословенье
Того, кто ценит труд и вдохновенье!

ЭПИГРАММЫ

ГЕРО И ЛЕАНДР

В одной земле, объята тьмой,
Мы здесь без воздуха лежим,
Сожженные огнем одним,
Убитые одной водой.

ПИРАМ И ТИСБА

Пирам и Фисба, мы в могиле.
Любовь и страх в недобрый час
Под солнцем разлучили нас,
А под землей соединили.

НИОБЕЯ

Излившая все слезы, Ниобея,
Надгробным камнем сделалась себе я.

ГОРЯЩИЙ КОРАБЛЬ

С охваченных пожаром кораблей
Куда бежать, как не в пучину? Люди
Бросались вплавь – и гибли средь зыбей
Под выстрелами вражеских орудий.
Несчастливым нет спасения нигде:
Кто не утоп в огне, сгорел в воде.

РУХНУВШАЯ СТЕНА

Когда военачальник, как герой,
Сражаясь, пал под взорванной стеной,
Он вызвал зависть армии своей:
Ему теперь весь город – мавзолей.

СЭР ДЖОН УИНГФИЛД

Сколь многих влек суровый зов судьбы
Идти за Геркулесовы Столпы!
Наш граф ему поддался. Но пределом
Средь легших на морских путях земель
Ему был столб – тот самый, что досель
Не перешел никто на свете белом.

КАДИС И ГВИАНА

Вы в Старом Свете кончили грабеж,
А в Новом Свете начали. Так что ж!
Вы доказали, как и подобало:
В любом конце есть новое начало.

ХРОМОЙ ПОПРОШАЙКА

«Я не могу, – кричит хромой урод, –
Ни встать, ни сесть!» – Он, видно, *лежа* лжет.

САМООБЛИЧИТЕЛЬНИЦА

Твоя жена кричит: «Ты вечно к шлюхам льнешь!»
Но в этом случае она сама-то кто ж?

РАСПУТНИК

Пока число твоих грехов растет,
Число волос – заметь – наоборот.

АНТИКВАР

Кто скажет, что ему не до жены?
Ведь он такой любитель старины.

МУЖЕСТВО

За то, что женщин я люблю,
Ты женственным меня зовешь;
Что ж – мужественным звать тебя
За то, что ты к мужчинам льнешь?

ЛИШЕННЫЙ НАСЛЕДСТВА

Отец твой завещал всё беднякам. Коль так,
И ты не обделен – ведь ты теперь бедняк.

ПРАВДИВАЯ ЛОЖЬ

Прогулкой в поле заменив обед,
Клянешься, что обедал ты, как царь;
Так царь Навуходоносор семь лет
Питался травкой и цветами встарь.

«ГАЛЛО-БЕЛЬГИЙСКИЙ МЕРКУРИЙ»

Как те рабы, Эзоповы друзья,
Что всё могли, ты веришь всем. А я –
Я, может быть, к тебе имел бы веру,
Когда б доверчивости знал ты меру.
Грешно не верить, но не меньший грех,
Без меры верить увереньям всех.
Меркурий ты и Грек одновременно:
Воруешь хорошо и врешь отменно.

ПОРТРЕТ ФРИНЫ

Достоин сей портрет оригинала:
Там красок через край, и тут немало.

ТЕМНЫЙ АВТОР

Бедняга! сколько он потел напрасно,
Стараясь темным быть. А всё с ним ясно.

КЛОКИЙ

Зарекся Клокий по борделям шляться,
И вот – домой боится возвращаться.

РАДЕРИЮ

Затем ты оскопляешь Марциала,
Чтобы вольнее шла твоя игра.
Екатерина – вот твое зеркало:
Она для блага своего двора
Публичные дома позакрывала.

РАЛЬФ

Ральф умер стоя – так же, как и жил:
Он ложе еще раньше заложил.

САТИРЫ

САТИРА I

Ступай, бездельник: я тебя не звал!
В каморке этой узкой, как пенал,
Оставь меня средь книг в моем вертепе
Наук: да упокоюсь тут, как в склепе.
Вот там, на полке – важный Богослов;
А рядом – друг природы, Философ;
Политик, объясняющий мытарства
Мистического тела Государства;
Прилежный Летописец; а за ним –
Поэт, земель волшебных пилигрим.
Ужель я брошу их единым махом,
Чтоб за тобой бежать, за вертопрахом?
Нет, клятвенно мне обещаю сперва
(Когда не ветер – все твои слова),
Что ты не ускользнешь через минуту
К любому в лоск разряженному шуту, –
Будь капитан, что выкроил наряд
Из жалованья выбывших солдат,
Или придворный щеголь надушенный,
Кивком ответствующий на поклоны,
Или судья со свитой подлипал, –
Клянись, что ты не станешь за квартал,
Ослабившись, вилять и суетиться,
Стремясь понравиться и подольститься.
Зовешь меня – так не блуди душой;
А соблазнить и бросить – грех большой.
О пуританин в области манер,
Ты – идолопоклонник, суевер,
Когда по платью ближнего встречаешь
И, как старьевщик, сразу замечаешь
Цену сукна и кружев, дабы знать,
На сколько дюймов шляпу приподнять.
Ты первым делом выясняешь средства
Знакомца – и надежды на наследство,

Как будто замуж он тебя берет
И вдовья часть – предмет твоих забот.
Помилуй! ведь не ленты и не рюшки
Ты ценишь в пышнотелой потаскушке;
Зачем, любитель срамной наготы,
Нагую честность презираешь ты?
Нужны ли добродетели камзолы?
Мы в мир приходим и уходим голы.
Не скинув плоти плащ, душе никак
Блаженства не вкусить; Адам был наг
В раю; да и утратив рай невинный,
Довольствовался шкурою звериной.
Пусть грубый на плечах моих наряд –
Со мной Господь и Музы говорят.
Что ж! Если ты не глух к увещаваньям
И грех свой искупаешь покаяньем,
Прегромко в грудь себя бия притом,
Добро, я запер комнату, – идем!
Но прежде шлюха средь носящих пряжку
На шляпе, буфы и чулки в обтяжку
Признает настоящего отца
Нагулянного невзначай мальчика,
Скорей я вам скажу, какому франту
Дано увлечь йоркширскую инфанту,
Скорей, уставясь в небо, звездочет
Предскажет вам на следующий год,
Какие сверхъестественные моды
Измыслят лондонские сумасброды,
Чем сам сумеешь ты сказать, зачем,
Какая блажь, когда, куда и с кем
Тебя утащит, разлучив со мною.
Кому пенять? я сам тому виною.
Вот мы на улице. Мой дуралей
Спешит к стене протиснуться скорей,
Считая, видимо, за достиженье
Свободу поменять на положенье.
И хоть трудней из-за моей спины
Приветствовать все встречные штаны,
Он издали кивает им и машет,
И дергается весь, и чуть не пляшет,
Как школьник у окна, когда друзья
Зовут на волю, а уйти нельзя.

Скрипач тем ниже зажимает струны,
Чем выше звук; так мой повеса юный:
Задравшим нос он отдает поклон,
С другими же заносчив, точно Слон
Иль Обезьяна – при упоминаньи
Враждебного нам короля Испании.
То вдруг подскочит он и в бок толкнет:
«Гляди, вон кавалер!» – «Который?» – «Тот!
Божественный танцор, ей-ей!» – «Так что же?
Ты с ним подпрыгивать обязан тоже?»
Он смолк, пристыженный. Но тут как раз
Заядлый табакур встречает нас,
Да с новостями... «Сжался, бога ради, –
Шепнул я, – нос мой молит о пощаде».
Увы, он не расслышал, ибо вдруг
Какой-то расфуфыренный индюк
Привлек его вниманье. Он метнулся
К нему стремглав, расшаркался, вернулся
И так запел: «Вот истинный знаток
Отделки; каждый вырез, бант, шнурок
И весь костюм его – неподражаем,
Не зря он при Дворе так уважаем». –
«Он был бы и в комедии хорош.
А перед кем теперь ты спину гнешь?» –
«О, этот за границей обретался,
В Италии манер он понабрался,
В самом Париже чуть не год пробыл!» –
«И что же он в Париже подцепил?» –
Осведомился я. Он не ответил,
Поскольку издали в окне приметил
Знакомую красотку. В тот же миг
Тут испарился он, а там возник.
Увы, у ней уже сидели гости;
Он вспыхнул, в драку сунулся со злости,
Был крепко бит и выброшен за дверь;
И вот – в постели мается теперь.

САТИРА II

Сэр, этот город весь мне ненавистен!
Но если есть главнейшая из истин,
То есть и зло, какое я бы счел
Главнейшим, превосходнейшим из зол.

Не стихоплетство, – хоть сия досада
Страшней испанских шпаг, чумы и глада,
Внезапней, чем зараза и любовь,
И не отвяжется, пока всю кровь
Не высосет, – но жертвы сей напасти
Бессильны, безоружны и отчасти
Достойны сожаленья, а никак
Не ненависти, аки лютей враг.
Один (как вор за миг до приговора
Спасает от петли соседа-вора
Подсказкой «виселичного псалма»)
Актеров кормит крохами ума,
Сам издыхая с голоду, – так дышит
Органчик дряхлый с куклами на крыше.
Другой на штурм сердец стихи ведет,
Не ведая, что век давно не тот,
Пращи и стрелы не пригодны боле,
Точнее попадают в цель пистолы!
Иной подачки ради в рифму льстит:
Он попрошайка жалкий, не пиит.
Иной кропает оттого, что модно;
Не хуже прочих? – значит, превосходно!
А тот, кто разума чужого плод
Переварив прескверно, выдает
Извергнутый им опус тошнотворный
За собственный товар? – он прав, бесспорно!
Пусть вор украл из блюда моего,
Но испражненья – целиком его.
Он мной прощен; как, впрочем, и другие,
Что превзошли божбою литургию,
Обжорством – немцев, ленью – обезьян,
Распутством – шлюх и пьянством – океан.
И те, для чьих пороков небывалых
В аду не хватит особливых залов,
Столь во грехах они изощрены, –
Пусть! в них самих есть кара их вины.
Но Коский – вот кто гнев мой возмущает!
Власть времени, что агнца превращает
В барана, а невинный прыщик – в знак
Той хвори, о которой знает всяк,
Студента превратила в адвоката;
И тот, кто рифмоплетом был когда-то,

Став крючкомвором, возгордился так,
Что даже волочиться стал, чудак,
По-адвокатски: «Я вношу прошение,
Сударыня». – «Да, Коский». – «В продолжение
Трех лет я был влюблен; потерял счет
Моим ходатайствам; но каждый год
Переносилось дело...» – «Ну, так что же?» –
«Пора де факто и де юре тоже
Законно подтвердить мои права
И возместить ущерб...» – Слова, слова,
Поток судейской тарабарской дичи,
Терзающие нежный слух девичий,
Как варварская брань иль ветра вой
Над монастырской сломленной стеной!
Я бы простил глупца и пустозвона,
Но тот, кто выбрал поприще закона,
Преследуя стяжательскую цель,
Тот храм Фемиды превратил в бордель.
Шурша бумагами, как юбкой шлюха,
Он зубы заговаривает глухо,
Темнит, – как вор, в темницу сев, темнит,
Что, мол, за поручительство сидит;
Просителя, что о своем хлопочет,
Как королевский фаворит, морочит
(Иль сам король); к барьеру напролом,
Как бык, он лезет – лгать перед судом.
Нет столько в королевской родословной
Ублюдков, ни в истории церковной –
Содомских пятен, сколько в нем живет
Лжи и пронырства; в них его доход.
Он оттягать себе намерен вскоре
Весь этот край от моря и до моря;
Наследников беспечных мотовство –
Источник адской радости его.
Как смотрит бережливая кухарка,
Чтоб не пропало даром и огарка,
Мечтая лет за тридцать, может быть,
На платье подвенечное скопить, –
По крохам собирает он именье,
Блюдя азарт картежный – и терпенье.
На свитках, что свободно обовьют
Полграфства (в наши дни за меньший труд

Отцами Церкви славятся иные),
Он лихо сочиняет закладные,
Бумаги не жалея; так сперва
Желал бы Лютер сократить слова
Святых молитв, когда, послушный инок,
По четкам он читал их без запинок,
Но отменив монашескую блажь,
Добавил Славу с Силой в Отче наш.
Когда же он продажу совершает,
То как бы по оплошке пропускает
Наследников, – так спорщик-богослов
В упор не замечает в тексте слов,
Чья суть, коль толковать ее нележно,
Его резонам противоположна.
Где рощи, одевавшие удел
Наследственный? – Мошенник их надел.
Где хлебосольство предков? Не годится
Усадьбам ни по-нищенски поститься,
Ни вакханальствовать: в большом доме
Большие гекатомбы – ни к чему;
Всё – в меру. Но (увы!) мы ценим вроде
Дела благие, но они не в моде,
Как бабушкин комод. Таков мой сказ:
Его не подвести вам под Указ.

САТИРА III

Печаль и жалость мне мешают злиться,
Слезам презренье не дает излиться;
Равно бессильны тут и плач, и смех;
Ужели так укоренился грех?
Ужели не достойней и не краше
Религия, возлюбленная наша,
Чем добродетель, коей человек
Был предан в тот, непросвещенный, век?
Ужель награда райская слабее
Велений древней чести? И вернее
Придут к блаженству те, что шли впотьмах?
И твой отец, найдя на небесах
Философов незрячих, но спасенных,
Как будто верой, чистой жизнью оных,

Узрит тебя, пред кем был ясный путь,
Среди погибших душ? – О, не забудь
Опасности подобного исхода:
Тот мужествен, в ком страх такого рода.
А ты, скажи, рискнешь ли новобранцем
Отправиться к бунтующим голландцам?
Иль в деревянных склепах кораблей
Отдаться в руки тысячи смертей?
Нырять в пучины, в пропасти земные?
Иль пылом сердца – огненной стихии –
Полярные пространства растопить?
И сможешь ли ты саламандрой быть,
Чтоб не бояться ни костров испанских,
Ни жара побережий африканских,
Где солнце – словно перегонный куб?
И на слетевшее случайно с губ
Обидное словцо – блеснет ли шпага
В твоих руках? О, жалкая отвага!
Храбришься ты и лезешь на рога,
Не замечая главного врага;
Ты, ввязываясь в драку бестолково,
Забыл свою присягу часового;
А хитрый Дьявол, мерзкий супостат
(Которого ты ублажаешь) рад
Тебе подсунуть, как трофей богатый,
Свой дряхлый мир, клонящийся к закату;
И ты, глупец, клюя на эту ложь,
К сей обветшалою шлюхе нежно льнешь;
Ты любишь плоть (в которой смерть таится)
За наслаждений жалкие крупичицы,
А сутью и отрад, и красоты –
Своей душой пренебрегаешь ты.
Найти старайся истинную веру.
Но где ее икать? Миррей, к примеру,
Стремится в Рим, где тыщу лет назад
Она жила, как люди говорят.
Он тряпки чтит ее, обивку кресла
Царицы, что давным-давно исчезла.
Кранц – этот мишурую не прельщен,
Он у себя в Женеве увлечен
Другой религией, тупой и мрачной,
Весьма заносчивой – хоть и невзрачной:

Так средь распутников иной (точь-в-точь)
До грубых деревенских баб охоч.
Грей – домосед; ему твердили с детства,
Что лучше нет готового наследства;
Внушали сводни наглые: она,
Что от рожденья с ним обручена,
Прекрасней всех. И нет пути иного,
Не женишься – заплатишь отступного,
Как новомодный их закон гласит.
Беспутный Фригий всем по горло сыт,
Не верит ничему: как тот гуляка,
Что много шлюх познав, страшится брака.
Любвеобильный Гракх – наоборот,
Он мыслит: сколь ни много женских мод,
Под платьями у них различий нету;
Так и религии. Избытком света
Бедняга ослеплен. Но ты, учти,
Одну обязан истину найти.
Да где и как? не сбиться бы со следа!
Сын у отца спроси, отец – у деда;
Почти близняшки – истина и ложь,
Но истина постарше будет все ж.
Не уставай искать и сомневаться:
Отвергнуть идолов иль поклоняться?
На перекрестке верный путь пытаться –
Не значит в неизвестности блуждать,
Брести стезею ложной – вот что скверно.
Пик Истины высок неимоверно;
Придется покружить по склону, чтоб
Достичь вершины, – нет дороги в лоб!
Спеши, доколе день, а тьма сгустится –
Тогда уж будет поздно торопиться.
Хотенья мало, надобен и труд:
Ведь знания на ветках не растут.
Слепит глаза загадок средоточье,
Хоть каждый их, как солнце, зрит воочью.
Коль истину обрел, на этом стой!
Бог не дал людям хартии такой,
Чтоб месть свою творили произвольно;
Быть палачами Рока – с них довольно.
О бедный дурень, этим ли земным
Законом будешь ты в конце судим?

Что ты изменишь в грозном приговоре,
Сказав: меня Филипп или Григорий,
Иль Мартин, или Гарри так учил? –
Ты участи себе не облегчил;
Так мог бы каждый грешник извиниться.
Нет, должно всякой власти знать границы,
Чтоб вместе с ней не перейти границ, –
Пред идолами простираясь ниц.
Власть – как река. Блаженны те растенья,
Что мирно прозябают близ течения.
Но если, оторвавшись от корней,
Они дерзнут помчаться вместе с ней,
Погибнут в бурных волнах, в грязной тине
И канут, наконец, в морской пучине.
Так суждено в геенну душам пасть,
Что выше Бога чтят земную власть.

САТИРА IV

Отныне все мне нипочем; готов
Я к смерти; сколь ни страшен гнет грехов,
В таком чистилище я побывал сегодня –
В сравненьи с ним бледнеет Преисподня!
Не то чтобы меня туда повлек
Тщеславья зуд иль гордости порок,
Не то чтоб я хотел покрасоваться
Иль милостей монарших домогаться.
Но как шутник, по дурости попав
На мессу, заплатил в сто марок штраф,
Так я, судьбой застигнутый на месте
Столпотворенья зла, обмана, лести
И похоти, какими славен Двор,
Сочтен был (о, поспешный приговор!)
Одним из тех, кто в сем гнезде разврата
Живут, – и не замедлила расплата.
Мучитель, что вблизи меня возник,
Был чуден видом и повадкой дик;
В Ковчеге зверя не было страннее,
Не сыщешь ни в Гвиане, ни в Гвинее
Такого монстра; как его назвать,
Адам бы затруднился угадать.

Его бы истребили, как варяга,
В пылу резни норманской; он, бедняга,
Поплатится из первых головой,
Когда поднимется мастеровой
На чужаков. Он странен так, что страже
Не надобно и сомневаться даже,
Чтоб задержать его: «Эй, падре, стой!»
Его джеркин и черный, и простой,
Быв бархатным когда-то, так истерся,
Что лишь воспоминания о ворсе
Хранит – и скоро будет кружевным,
Пока совсем не истончится в дым.
Хозяин сей хламиды за границей
Бывал и знаньем языков гордится:
По сути, он наскреб из всех углов
Смесь дикую из самых пестрых слов,
Окрошину речей, застрявших в ухе,
Такую кашу, что и с голодухи
Не расхлебать: знахарки трескотня,
Схоласта заумь, стряпчего стряпня
И бестолочь бедлама – звук невинный
Пред этой беспардонной мешаниной.
Таким вот языком ему с руки
Развязывать чужие языки,
Льстить, вдовушек дурить, ловить на слове
И лгать наглей, чем Сурий или Джовий.
Меня заметил он. О грозный Рок!
Чем я твой бич карающий навлек?
«Сэр, – начал он, – по зрелому суждению,
Кому б вы дали пальму предпочтенья
В лингвистике?» – Я сдуру говорю,
Мол, Калепайновскому словарю.
«Нет, сударь, – из людей?» В карман не лезу
Я за ответом; называю Безу
Да пару наших лучших знатоков
Хвалю... «Все это – пара пустяков! –
Вскричал чудак. – Апостолы, конечно,
Знавали толк в наречьях, и успешно
Панург болтал на разных языках;
Но, проведя в скитаньях и трудах
Всю жизнь, я сделался непревзойденней!»
«Как жаль, – заметил я, – что в Вавилоне

Такого не случилось толмача,
Не то (хватило б только кирпича)
Их Башня бы до облаков достала».
Он буркнул: «При дворе вас видно мало.
Уединение рождает сплин». –
«Но я не так уж одинок один.
К тому же времена, когда спартанец
От пьянства отвращался видом пьяниц,
Прошли; картинок Аретино ряд
Научит целомудрию навряд;
Дворцы владык – пороков ярких сцены –
Как школы добродетели, не ценны». –
«Сэр! – лопнувшей струною взвизгнул он. –
Беседовать о принцах – высший тон!»
Я отвечал: «Могильный есть смотритель
В Вестминстерском аббатстве; захотите ль –
Он вам расскажет все о королях,
Притом покажет, где хранится прах
Всех наших Эдвардов и наших Гарри;
Он бесподобно врет, когда в ударе». –
«Фу! сколь суров и груб английский вкус!
Возможно ли представить, чтоб француз
Такое слушал?» – «Вон он, в спину дышит:
Он служит у меня – так, значит, слышит». –
«Французы элегантней, наконец,
Они для нас в одежде образец». –
«И без одежды тоже!» – Он подвоха
Не различил; я понял: дело плохо;
С тупицами острить – мартышкин труд:
Чем больше чешешь, тем сильнее зуд.
Тут, к счастью, стряхнув с лица суровость,
Он подмигнул мне: «Вы слыхали новость?» –
И шепотом, слова роняя с губ
По капле, словно перегонный куб,
Отверз мне бездну пошлости, поведав
Такое, что десятку Холиншедов
Не снилось: в духе ли была с утра
Монархиня – и как она вчера
Взглянула на кого; кто с кем в амурах,
Кто о каких мечтает синекурах,
Кто отравил кого и кто, продав
Поместье, стал владельцем полных прав

На ввоз и вывоз всех еловых шишек
И битых плошек (скоро и мальчишек,
Играющих в битки и в расшиши,
Обложат пошлиной)... Так от души
Он потчует меня своей стряпнею –
Плююсь, кривлюсь и только что не вою.
Но нет пощады! Переходит он
К политике держав, к борьбе за трон
И все вываливает мне мгновенно –
От Гальских войн до взятия Амьена.
Ушам уже терпеть неволю,
Я чувствую отрыжку, тошноту,
Как женщина брюхатая, потею –
Вот-вот рожу! Тем часом прохиндею
Взбрело на ум (как хитрецу, чья ложь –
Приманка для крамолы) на вельмож
Обрушиться: чины, мол, продаются;
Кампании военные ведутся
Не так; важнейшие чины в стране
Даются только по родству, а не
Заслугам; офицеры в Хэмптон-Холле
С пиратами и дюнкерцами в доле.
Он знает все: кто мот, кто виносос,
Кто любит шлюх, кто отроков, кто коз...
Как пленники Цирцеи, превращеньем
Врасплох застигнутые, – с изумленьем
И ужасом себя я ощутил
Преступником! Уже меня когтил
Акт об измене!.. Как же это сразу?
Один другому передал заразу –
И вылечился? Вывернулся он –
А я виновен? Что за скверный сон!
Но делать нечего. Я должен пытки
Стерпеть; я должен безо всякой скидки
На месте оплатить, в конце концов,
Грехи свои и всех своих отцов;
Таков мой крест... Но пробил час желанный,
Вдруг заспешил мой собеседник странный:
«Простите, сэр...» – «Да, да, прощайте, сэр!» –
«Нет, сэр! Вы не могли бы, например,
Мне крону одолжить?» – Не то что крону,
Я отдал бы охотно и корону,

Чтоб отвязаться. Но как тот скрипач,
Что должен напоследок вам, хоть плачь,
Исполнить джигу, прежде чем убраться.
В любезностях он начал рассыпаться.
Едва я их дослушал – и стремглав
(Счастливо остановок избежав)
Пустился наутек – так из темницы
Спасенный узник на свободу мчится.
Лишь дома я с трудом пришел в себя;
О виденном и слышанном скорбя,
Душа томилась и негодовала.
Как тот, кто Ад узрел на дне провала,
Я был напуган. Впрочем, страх – черта
Холопская. Ужель мои уста,
Вспылав, удержатся от обличенья,
Из страха? Неужели из почтенья
К надутым и бесстыдным господам
Я Правду, госпожу свою, предам?
О ты, что столько по миру бродило,
Взглянув на жизнь Двора, скажи, светило,
Где во вселенной сыщешь таковой
Пузырь тщеславья? – Садик восковой,
Курьез, приплывший в Лондон этим летом, –
Насмешка над придворным нашим светом.
Мы – кучка безделушек дорогих,
Раскрашенных, но пресных и сухих:
Бездельников, гордящихся корнями, –
С ублюдочными, жалкими плодами.
Итак, одиннадцатый час; пора!
И вот уж все, кто занят был с утра
Конюшней, теннисом иль потаскушкой,
Примочками иль пивом – друг за дружкой
Спешат, переодевшись, во дворец,
И с ними я (прости меня, Творец!).
Поля их шляп оплачены полями
Их вотчин – и увиты похвалами:
«Ах, что за роскошь! королю под стать!»
Неважно, что назавтра их продать
Актерам отнесут; мир – это сцена,
А жизнь – комедия, и претотменно
Разыгранная... Новый эпизод:
В зал входят дамы. Как пиратский флот

На галион, груженный кошенилью,
Бросается, – так, расфуфыря крылья,
Мужчины дам берут на бордаж.
Сраженье! лесть на лесть и блажь на блажь.
Ум в пурпур не рядится, как ни странно;
Вот вам резон: вся краска на румяна
Красавицам идет; чужой же ум
Скупает за бесценок тугодум.
Кого не рассмешит, по крайней мере,
Вид очищающегося у двери
Макрина? В зал приемный, как в Мечеть,
Вступает он и, чтобы разглядеть,
Не морщат ли чулки, так задирает
Камзол, что этим самым обнажает
Не только смертные грехи прорех
И жирных пятен, но и мелкий грех
Приставших перьев. Погружаясь в грезы
Величия, он выверяет позы
По Дюреру и, совершенства круг
Явив собой, счастливый, как индюк
Иль проповедник новоиспеченный,
Что в первый раз читает речь с амвона,
Вступает с дамой в страстный разговор
И, встретя у жеманницы отпор,
Так пылко протестует, что в Мадриде
Давно бы уличен был в этом виде
Как протестант, – и столько раз твердит:
«Клянусь Иисусом!» – что, как иезуит,
Мог тотчас же быть выведен с конвоем!
Да пусть бранятся; поделом обоим.
Но Глорий – вот кто всех переплюет:
За высший шик считает сумасброд
Ворваться в зал, терзая острой шпорой
Полу плаща, как ловчий с целой сворой
Визгливых псов, сметая все подряд;
С ртом, перекошенным, как у солдат,
Бичующих Христа на гобеленах,
Что от его ругни дрожат на стенах;
Он, точно шут, паясничает всласть
И помыкает всеми, словно власть.
Устав, хочу я выбраться на волю, –
Не так оно легко; в соседнем холле

Семь смертных сторожат меня Грехов;
Миную сонмище здоровяков,
Чья гордость – звание «людей короны»,
Пуды бифштекса и вина галлоны, –
Им сдвинуть колокольню по плечу.
Меж этих Аскапаров трепещу,
Как тать крадущийся. Отцы святые!
Потопом слов обрушьтесь, о витии,
На сей рассадник зла! а я лишь мог
Подмыть его, как слабый ручеек.
Смиренью Маккавеев подражая,
Свой труд я, может быть, и принижая;
И все ж надеюсь: буду я прочтен,
Как должно понят – и внесен в Канон.

САТИРА V

Я смех считаю, муза, неуместным.
Творец трактата о придворном честном
(Хоть не было таких людей и нет)
Нас поучает, что шутить не след
Над хворью и пороком. Не смеяться
Нам надо, а скорбеть иль возмущаться:
Ведь смех не страшен тем, чей произвол
Просителей ввергает в бездну зол.
Коль все взаимосвязано на свете,
Те ж элементы в каждом есть предмете,
Что в остальных, и человек любой
По сути представляет мир собой,
Мир, в коем власти сходствуют с морями,
Просители же – с мелкими ручьями,
В пучину уходящими навек.
Мир тоже все равно что человек,
И власти в нем играют роль утробы,
Что кормится просителями, чтобы
Извергнуть их, переварив вполне.
Все люди – прах. Просители – вдвойне,
Коль служат, словно труп – червям могильным,
Добычею чиновникам всесильным.
Чиновники подобны жерновам,
Покорные просители – ветрам,

Что сообщают жерновам вращенье.
Меж них идет война, но верх в сраженье
Не за вторыми в случае любом.
Известно ли монархине о том?
Не больше, чем истоки Темзы знают,
Как в устье на разлив ее пеняют.
Итак, начну выпалывать порок
В угоду вам, тому, кто мне помог
Желанный доступ получить на службу
И честностью снискал Глорьяны дружбу.
Наш век считать железным не резон,
Именоваться ржавым должен он:
В железном – правосудьем торговали,
Днесь торговать неправосудьем стали.
Быстрой, чем от поклонников своих
Бежала Анджелика, к горю их, –
Уходят наши деньги и владенья
На протори, залого, взятки, пени.
Когда не чтит закон и сам судья,
Лишь букву, а не дух его блюдя,
Где нам искать защиту и управу?
В судах инстанций низших? Там на славу
Обчистят нас, посадят иль казнят.
А тот, кого так сильно притеснят,
Что в высший суд пойти он соберется,
С теченьем будет, как пловец, бороться.
Но выбьется из сил и все равно
Пойдет в изнеможении на дно.
Пытаться возвести над этой бездной
Мост золотой – довольно бесполезно:
Швыряй сколь хочешь золота туда –
Оно в волнах исчезнет без следа.
Богами судьи сделались земными –
Без «ангелов» нельзя предстать пред ними,
Хоть Бог иное заповедал нам:
Ведь если б взятки ангельским чинам
Давали люди, чтоб им вяло небо,
Сидели б даже короли без хлеба.
Святой – и тот бы вознегодовал,
Когда бы в дом к нему проник фискал,
Назвал посуду утварью церковной,
Плащ объявил сутаной голословно

И взятку, всех сумевши запугать,
Стал за недонесенье вымогать.
Нет, с кличкой шлюхи слово «правосудье»
Отождествлять отнюдь не вправе люди.
Оно – уста Судьбы, чей грозный глас
О нашем завтра извещает нас,
Красой подобно девушке невинной.
Вот только когти у него так длинны,
Что, если их в просителя вонзить,
Ему от боли может смерть грозить,
А чтоб они вошли поглубже в тело,
Судейские заботятся умело.
Зачем же предстаешь, глупец, ты им,
Как Богу – первый человек, нагим
И мнишь спастись от их алчбы несытой,
Закона нерушимого защитой,
Как Уримом и Туммимом, прикрытый?
Законность, к коей ты взываешь так,—
Не щит, а куча бросовых бумаг,
С удачною продажею которой
Амана ты затмишь богатством скоро.
Покуда ж лишь на то ты годен, чтоб
Смеялся в баснях над тобой Эзоп:
Как пес, что в воду за своею тенью
Нырнул, пойдешь ко дну ты без сомненья.

НА «НЕПОТРЕБСТВА»
СЭРА ТОМАСА КОРИЭТА

В какую высоту (подумать – страх)
Твой дерзкий дух взлетел, как на дрожжах!
Величья ты искал венец – и что же?
Обрел его в венецианском Доже.
От их Лагуны к северу проплыв,
Ты в Гейдельберге отыскал залив
Столь дивных вин, что дальше плыть не надо...
Листаю я твой том – ну и громада!
Легко войти и кануть навсегда
В просторах необъятного труда,
Чью глубину вотще мечтал постичь я.
Коль Смех и Смысл – два основных отличья

Людей (как некто справедливо рек),
Твой труд – наполовину человек;
Из скромности, слепив лишь половину,
Ты рассудил не мучить больше глину.
Когда, Лунатик, дораста ты мнишь
До Полнолуния? Когда затмишь
Весь мир, – как шишка на носу порою
Становится великою Горою?

Вперед! Побольше городов возьми
Из Мюнстера; у Геснера займи
Писателей; добудь вестей и критик
В «Меркурии» – и станешь сам политик.
Вернешься – всюду без конца болтай
Про *Карлуса*, про персов и Китай.
Вперед же, скромник! Чтоб, оставшись дома,
Не видел ты изготовленья тома,
Которому две Индии несут
Свои дары: с заката – злата пуд,
(Чей путь легко издателем угадан),
С востока же – корицу, перец, ладан:
Их скоро (в этом убедишься ты)
Обнимут бережно сии листы:
Позора в этом нету ни крупички;
Но если им придется опуститься
До низкого товара, что купец
Сует в кулек: груш, пряничных сердец,
Изюма и целительного корня;
Но если им судьба – еще покорней –
На ярмарке, среди толпы крестьян
Вмещать полфунта тыквенных семян
Иль прочего, кому чего угодно,
И ради прихоти чужой свободно,
Как скатерть-самобранка, предлагать
Любую вещь, – я бы дерзнул назвать
Сии листы универсальным томом,
Что способом, доселе незнакомым,
Вобрал все то, что человек постиг,
И стал *Пандектой*, сиречь, книгой книг.
Герои, мир спасая от напасти,
Давали разрубить себя на части.
Злодеи шли, во искупленье зол,
От Палача к Анатому на стол.

Так миру послужи и ты; для Лорда,
 Что золотые на кон мечет гордо,
 Пойдут на фишки целые тома;
 А нам – клочка от твоего ума,
 Листка довольно, чтобы за игрою
 С друзьями вечер скоротать порою.
 Кто может залпом проглотить сей труд? –
 Ведь не из бочек, а из кубков пьют.
 Врач добрый завернет в тебя пилюли,
 Солдат – пороховой заряд для пули:
 Пусть будущие критики, корпя,
 Вновь складывают по частям тебя;
 Пускай литературные пираты
 Помучатся, ища листки разъяты.
 Немало их, я думаю, пойдет
 На склейку в корешок и в переплет
 Других томов, – напрасная интрига
 Веков завистливых! – ведь эта книга –
 Подобье книг Сивилиных; цена
 Частям и целому у ней одна.

Но, каюсь, не по мне такой напиток,
 И хмеля в нем, и пены преизбыток.
 Тебе я вновь бы здравье возгласил –
 Но голова кружится, нету сил...

In eundem Macaronicon

*Quot, dos haec, Linguistis perfetti, Disticha fairont,
 Tot cuerdos States'-men, hic livre fara tuus.
 Es sat a my l'honneur estre hic inteso; Car I leave
 L'honra, de personne nestre creduto, tibi.*

Explicit Joannes Donne

МЕТЕМПСИХОЗ, ИЛИ ПУТЬ ДУШИ

Poema Satyricon

INFINITATI SACRUM,

16 Augusti 1601

Предисловие

Иные над порталами и дверями своих домов помещают гербы, я же свой портрет, ежели только краски могут передать ум столь простой, незамысловатый и бесхитростный, каков есть мой. Обычно перед новым автором я прихожу в сомнение, медлю и не умею тотчас сказать, хорош ли он. Я строго сужу и многое осуждаю; таковой обычай обходится мне дорого в том, что мои собственные писания еще хуже чужих. Не могу, однако, ни столь противуречить своей натуре, чтобы вовсе не делать того, что мне нравится, ни быть столь несправедливым к другим, чтобы делать это *sine talione*. Пока я даю им случай отплатить мне тем же, они, верно, простят мне мои укусы. Никому не возбраняю порицать меня, исключая лишь тех, что, как Тридентский собор, осуждают не книги, а авторов, предавая проклятию все, что такой-то написал или напишет. Никто не пишет столь плохо, чтобы однажды не сочинить нечто образцовое – для подражания или избежания. Приступая к сей книге, не собираюсь ни к кому входить в долг; не знаю, сохраню ли сам свое достояние; может быть, растрочу, а может быть, и преумножу в обороте, ибо, если я одолживаю у древности, кроме того, что я намерен уплатить потомству тем же добром и тою же мерой, притом же, как вы увидите, не премину упомянуть и поблагодарить не токмо того, кто выкопал для меня сокровище, но и того, кто осветил мне к нему дорогу. Прошу вас лишь припомнить (ибо я не желал бы иметь читателей, которых я могу поучать), что, согласно Пифагорову учению, душа может переходить не только от человека к человеку или же скоту, но равномерно и к растениям; ради того не удивляйтесь, находя одну душу в императоре, в почтовой лошади и в бесчувственном грибе, так как не ущерб душевный, а одно только нерасположение органов творит сие. И хотя душа, обретаясь в дыне, не может ходить, зато может помнить, а запомнив, поведать мне, за каким роскошным столом ее

подавали. А обретаясь в пауке, не может говорить, но, запомнив, может мне поведать, кто употребил ее паучий яд ради сана своего или чина. Как бы ни мешала телесность другим ее способностям, памяти она не препятствует; потому я и могу ныне, с ее слов, доподлинно поведать вам о всех ее странствиях – от самого дня сотворения, когда она была яблоком, прельстившим прародительницу нашу Еву, до нынешних времен, когда она стала той, чью жизнь вы найдете в конце сей книги.

I

Пою души бессмертной путь земной
В обличьях многих, данных ей судьбой,
От райского плода до человека.
Пою миров младенческий рассвет,
И зрелый день, и вечер дряхлых лет –
С того халдеев золотого века,
Что персов серебром и медью грека
Сменился, и железом римских пик.
Мой труд, как столп, воздвигнется велик,
Да перевесит он все, кроме Книги книг.

II

Не возгордись могуществом своим
Пред нею, о небесный Пилигрим,
Зрачок небес, блуждающий над миром;
Ты утром пьешь Востока аромат,
Обедаешь средь облачных прохлад
Над Сеной, Темзой иль Гвадалквивиром
И в Эльдорадо день кончаешь пиром:
Не больше стран ты видел с высоты,
Чем та, что до тебя пришла из темноты
За день – и будет жить, когда погаснешь ты.

III

Скажи, священный Янус, что собрал
На корабле своем (он был не мал)
Всех птиц, зверей и ползающих тварей,
Вмещал ли твой странноприимный бот,
В котором спасся человеческий род,
Садок вождей, вельмож и государей,

Плавающий храм твой, хлев, колледж, виварий –
Так много тел, шумящих вразнобой,
Как эта искра горняя собой
Живила – и вела дорогою земной?

IV

Судьба, наместник Божий на земле,
Никто не видел на твоём челе
Морщин улыбки праздной или гнева;
Зане ты знаешь сроки и пути –
Молю, открой страницу и прочти,
Какой мне плод сулит Познания Древо,
Чтоб, не сбиваясь вправо или влево,
Я шел по миру, зная наперед,
Куда меня рука небес ведет
И что меня в конце паломничества ждет.

V

Шесть пятилетий жизни промотав,
Я обещаю свой сменить устав,
И если будет Книга благосклонна
И мне удастся избежать сетей
Плотских и государственных страстей,
Цепей недуга и когтей закона,
Ума растраты и души урона
Не допущу; чтобы, когда впотьмах
Могила примет свой законный прах,
Достался ей в мужа муж, а не вертопрах.

VI

Но если дни мои судьба продлит,
Пусть океан бушует и бурлит,
Пусть бездна неизвестностью чревата –
Один, среди безмерности морей,
Я проплыву с поэмою моею
Весь круг земной, с Востока до Заката,
И якорь, поднятый в струях Евфрата,
Я брошу в Темзы хладную волну
И паруса усталые сверну,
Когда из райских стран до дома дотяну.

VII

Узнайте же: великая душа,
Что ныне, нашим воздухом дыша,
Живет – и движет дланью и устами,
Что движут всеми нами, как Луна –
Волной, – та, что в иные времена
Играла царствами и племенами,
Для коей Магомет и Лютер сами
Являлись плоти временной тюрьмой, –
Земную форму обрела впервой
В Раю, и был смирен ее приют земной.

VIII

Смирен? Нет, славен был, в конце концов,
Когда верна догадка мудрецов,
Что Крест, кручина наша и отрада,
На коем был пленен Владыка Сил,
Что, сам безгрешный, все грехи вместил,
Бессмертный, смерть испил, как чашу яда,
Стоял на том заветном месте Сада,
Где волею священной был взращен
Плод – и от алчных взоров защищен,
В котором та душа вкушала первый сон.

IX

Сей плод висел, сверкая, на суку,
Рожденный сразу зрелым и в соку,
Ни птицею, ни зверем не початый;
Но змей, который лазил в старину,
А ныне должен за свою вину
На брюхе ползать, соблазнил, проклятый
(За что мы ныне платим страшной платой),
Жену, родив, сгубившую свой род,
И муж за ней вкусил коварный плод:
Возмездье было в нем – хлад, смерть и горький пот.

X

Так женщина сгубила всех мужчин –
И губит вновь, от сходственных причин,
Хотя по одному. Мать отравила
Исток, а дочки портят ручейки

И, возмутив, заводят в тупики.
Утратив путь, мы вопием уныло:
О судьи, как же так? она грешила –
А нас казнят? Но хуже казней всех
Знать это – и опять влюбляться в тех,
Что нас влекут в ярмо, ввергают в скорбь и грех.

XI

Отрава проникает в нас всерьез,
И уж дерзаем мы задать вопрос
(Кошунственный): как это Бог поставил
Такой закон, что Божья тварь его
Могла переступить? И отчего
Невинных он от мести не избавил?
Ни Ева же, ни змей не знали правил,
И нет того в Писанье, что Адам
Рвал яблоко иль знал, откуда там
Оно взялось. Но казнь – ему и ей, и нам.

XII

А впрочем, сохрани, небесный Дух,
От суетного повторенья вслух
Дум суемудрых – пусть они уймутся;
Как шалуны, что тешатся порой
Летучих мыльных шариков игрой,
Их вытянув тростинкою из блюда,
Они всенепременно оболъются.
А спорить попусту с еретиком –
Как ветер к мельнице носить мешком:
Покончить дланью с ним верней, чем языком.

XIII

Итак, в сей миг, когда коварный змей,
В тот плод вцепившись лапою своей,
Порвал сосуды нежные и трубки,
Его питавшие и тем лишил
Ребенка сока материнских жил, –
Душа умчалась прочь, быстрее голубки
Иль молнии (тут все сравненья хрупки),
И в темный, влажный улетев овраг,
Сквозь трещины земные, как сквозняк,
Проникла в глубь – и там вселилась в некий Злак.

XIV

И он, еще не Злак, а Корешок,
Очнувшись, вырос сразу на вершок
И дальше стал пихаться и стремиться;
Как воздух вытесняется всегда
Водой, так твердым веществом вода,
И уступила рыхлая темница.
Так у дворца порой народ стеснится:
Монархиню узреть – завидна честь,
В толпе и горностаю не пролезть;
Но крикнут: «Расступись!» – и вот уж место есть.

XV

Он выпростал наружу две руки –
И расщепились руки-корешки
На пальцы – крохотней, чем у дитяти;
Пошевелил затекшею ногой
Чуть-чуть – сперва одной, потом другой,
Как лежебока на своей кровати.
Он с первых дней был волосат – и кстати:
Была ему дана двойная власть
В делах любви (и благо, и напасть) –
Плодами разжигать, гасить листьями страсть.

XVI

Немой, он обладал подобьем рта,
Подобьем глаз, ушей и живота,
И новых стран владетель и воитель,
Стоял, увенчан лиственным венком
С плодами ярко-красными на нем,
Как стоя погребенный победитель
В могиле. Такова была обитель
Души, что ныне обреталась тут –
В сем корне мандрагоровом приют
Найдя; не зря его, как панацею, чтут.

XVII

Но не любви теперь он жертвой стал:
Младенец Евин по ночам не спал,
Не просыхал от слез ни на минутку;
И Ева, зная свойства многих трав,

Решила, мандрагору отыскав,
Отваром корня исцелить малютку.
Таковую с нами Рок играет шутку:
Кто благ, тот умирает в цвете лет,
Сорняк же, от которого лишь вред,
Переживает всех – ему и горя нет.

XVIII

И так душа, пробыв три дня подряд
В подземной тьме, где звезды не горят,
Летит на волю, жмурясь с непривычки;
Но провиденья жесткая рука
Вновь: цап! – ее хватает за бока
И заключает в беленьком яичке,
Доверив хлопотливой маме-птичке
Сидеть над гнездышком, пока отец
Приносит мух, и ждать, когда птенец
Проклюнет скорлупу и выйдет наконец.

XIX

И вот на свет явился Воробей;
На нем еще, как зубки у детей,
Мучительно прорезывались перья;
В пушку каком-то, хлипок, некрасив,
Голодный клюв свой жалобно раскрыв
И черным глазом, полным недоверья,
Косясь вокруг, он пискнул: мол, теперь я
Хочу поесть! Отец взмахнул крылом
И кинулся сквозь ветки напролом
Скорей жучков ловить, носить добычу в дом.

XX

Мир молод был; все в нем входило в сок
И созревало в небывалый срок;
И вот уже наш прыткий Воробьенок
В лесу и в поле, где ни встретит их,
Без счета треплет глупых воробьих,
Не различая теток и сестренюк;
И брошенные не пищат вдогонку,
Пусть даже он изменит без стыда
На их глазах – и это не беда:
Уж я себе, дружок, дружка найду всегда.

XXI

В те дни не ограничивал закон
Свободу в выборе мужей и жен;
Душа, в своей гостинице летучей,
И тело, радуясь избытку сил,
Резвятся, расточая юный пыл
И за вихор хватая всякий случай;
Но день пришел расплаты неминучей;
И впрямь – тот живота не сбережет,
Кто на подружек тратит кровь и пот:
Три года не прошло, как он уже банкрот.

XXII

А мог бы жить да жить! В те времена
Еще не знали, как на горсть пшена
Словить коварно мелкого жуира;
Еще не выдумали ни силков,
Ни сеток, ни предательских манков,
Что губят вольных жителей эфира.
Но предпочел он с жизненного пира
Уйти до срока, промотав, как клад,
Три года, чем пятнадцать лет подряд
Жить, заповеди чтя, плода послушных чад.

XXIII

Итак, едва наш резвый Воробей
Отпрыгался, Душа, еще резвей,
Умчалась к ближней речке неглубокой,
Где на песчаной отмели, у дна,
Икринка женская оживлена
Была мужской кочующей молокой;
И вот, былою утомясь морокой,
Душа вселилась в кроткого малька,
Расправила два гибких плавничка
И погребла вперед, как лодочка, легка.

XXIV

Но тут, как бриг на полных парусах,
Свой образ в отраженных небесах
Следя – и шею гордо выгибая,
Прекрасный Лебедь мимо проплывал,

Он, мнилось, все земное презирал,
Белейшей в мире белизной блистая:
И что ему рыбешек низких стая?
И вдруг – малек наш даже не успел
Моргнуть, как в клюв прожорливый влетел:
Бедняга, он погиб – хотя остался цел.

XXV

Тюрьма Души теперь сама в тюрьме,
Она должна в двойной томиться тьме
На положении вульгарной пищи;
Пока лебяжьего желудка пыл
Ограды внутренней не растопил:
Тогда, лишившись своего жилища,
Она летит, как пар, – и снова ищет
Пристанища, но выбор небогат;
Что рыба жизнь? Гнетущ ее уклад:
За то, что ты молчишь, тебя же и едят.

XXVI

И вот рыбешка-крошка – новый дом
Души – вильнула маленьким хвостом
И поплыла, без видимых усилий,
Вниз по дорожке гладкой, водяной –
Да прямо в сеть! – по счастью, с ячеей
Широкой, ибо в те поры ловили
Лишь крупных рыб, а мелюзгу щадили;
И видит: щука, разевая пасть,
Грозит и хочет на нее напасть
(Сама в плену), но злых не учит и напасть.

XXVII

Но вовремя пустившись наутек
(Наказан в кои веки был порок!),
Двойного лиха рыбка избежала,
Едва дыша; а чем дыша – как знать?
Выпрыгивала ль воздуха набрать
Иль разряженною водой дышала
От внутреннего жара-поддувала –
Не знаю и сказать вам не рискну...
Но приплыла она на глубину,
Где встретил пресный ток соленую волну.

XXVIII

Вода не столь способна что-нибудь
Скрыть, как преувеличить и раздуть
Пока рыбешка наша в рассужденьи,
Куда ей плыть, застыла меж зыбей, –
Морская Чайка, углядев трофей,
Решила прекратить ее сомненья
И, выхватив из плавного течения,
Ввысь унесла: так низкий вознесен
Бывает милостью больших персон –
Когда персоны зрят в том пользу и резон.

XXIX

Дивлюсь, за что так ополчился свет
На рыб? Кому от них малейший вред?
На рыбаков они не нападают,
Не нарушают шумом их покой;
С утра в лесу туманном над рекой
Зверей в засаде не подстерегают
И птенчиков из гнезд не похищают:
Зачем же все стремятся их извездь –
И поедом едят – и даже есть
Закон, что в Пост должны мы только рыбу есть?

XXX

Вдруг сильный ветер с берега подул,
Он в спину нашу Чайку подтолкнул
И в бездну бурную повлек... Обжоре
Все нипочем, пока хорош улов, –
Но слишком далеко от берегов
Ее снесло: одна в бескрайнем море,
Она в холодном сгнула просторе.
Двум душам тут расстаться довелось –
Ловца и жертвы – и умчаться врозь;
Последуем за той, с кого все началось.

XXXI

Вселившись снова в рыбий эмбрион,
Душа росла, росла... раз в миллион
Усерднее, чем прежде, и скорее –
И сделалась громадою такой,

Как будто великанскою рукой
От Греции отторжена Морея
Иль ураган, над Африкою рея,
Надежный Мыс отбил одним толчком;
Корабль, перевернувшийся вверх дном,
В сравненье с тем Китом казался бы щенком.

XXXII

Он бьет хвостом, и океан сильней
Трепещет, чем от залпа батарей,
От каждого чудовищного взмаха;
Колонны ребер, туши круглый свод
Ни сталь, ни гром небесный не пробьет;
Дельфины в пасть ему плывут без страха,
Не зря препон; из водяного праха
Творит его кипучая ноздря
Фонтан, которому благодаря
С надмирной хлябью вод связует он моря.

XXXIII

Он рыб не ловит – где там! Но как князь,
Который, на престоле развалясь,
Ждет подданных к себе на суд короткий,
Качается на волнах без забот
И все, что только мимо проплывет,
В жерло громадной всасывает глотки,
Не разбирая (голод хуже тетки),
Кто прав, кто виноват: им равный суд.
Не это ль равноправием зовут? –
Пусть гибнет мелюзга, чтоб рос Тысячепуд!

XXXIV

Он пьет, как прорва, жрет, как великан,
Как лужу, баламутит океан,
Душе его теперь простору много:
Ее указы мчат во все концы,
Как в дальние провинции гонцы.
Уж Солнце двадцать раз своей дорогой
И Рака обошло, и Козерога;
Гигант уже предельного достиг
Величия; увы! кто так велик,
Тот гибель отвратить не может ни на миг.

XXXV

Две рыбы – не из мести, ибо Кит
Им не чинил ущерба и обид, –
Не из корысти, ибо жир китовый
Их не прельщал, а просто, может быть,
Со зла – задумали его сгубить
И поклялись, что не сболтнут ни слова,
Пока не будет к делу все готово –
Да рыбе проболтаться мудрено! –
Тиран же, как не бережется, но
Ков злоумышленных не минет все равно.

XXXVI

Меч-рыба с Молот-рыбою вдвоем
Свершили то, что ждали все кругом;
Сначала Молот-рыба наскочила
И ну его гвоздить что было сил
Своим хвостом; Кит было отступил
Под яростной атакой молотила;
Но тут Меч-рыба, налетев, вонзила
Ему свой рог отточенный в живот;
И окровавилась пучина вод,
И пожиравший тварь сам твари в корм идет.

XXXVII

Кто за него отмстит? Кто призовет
К ответу заговорщиков комплот?
Наследники? Но эти зачастую
Так видом трона заморожены,
Что месть и скорбь забыты, не нужны.
А подданные? Что рыдать впустую,
Коль некому казать печаль такую?
Да не был бы царь новый оскорблен
Любовью к мертвому! – в ней может он
Узреть любви к себе, живущему, урон.

XXXVIII

Душа, насилу вновь освобождаясь
Из плотских уз и все еще дивясь,
Сколь малые орудия способны
Разбить Твердыню, – свой очередной

Приют находит в Мыши полевой,
Голодной и отчаянной. Подобно,
Как нищий люд пылает мыслью злобной
Против господ, чья жизнь услад полна,
Так эта Мышь была обозлена
На всех; и дерзкий план задумала она.

XXXIX

Шедевр и баловень Природы, Слон,
Который столь же мощным сотворен,
Сколь благородным, не пред кем колена
Не преклонял (поскольку не имел
Колен, как и врагов), зато умел
Спать стоя. Так он спал обыкновенно,
Свой хобот, словно гибкое полено,
Качая, – в час, когда ночное зло,
Проклятое освоив ремесло,
Сквозь щёлку узкую в нутро к нему вползло.

XL

Мышь прошмыгнула в хобот – и кругом
Весь обежав многопалатный дом,
Проникла в мозг, рассудка зал коронный,
И перегрызла внутреннюю нить,
Без коей зверю невозможно жить;
Как мощный град от мины, подведенной
Под стену, рухнул Слон ошеломленный,
Врага в кургане плоти погребя:
Кто умыслы плетет, других губя,
Запутавшись в сетях, погубит сам себя.

XLI

И вот Душа, утратив с Мышью связь,
Вошла в Волчонка. Он, едва родясь,
Уж резать был готов ягнят и маток.
Безгрешный Авель, от кого пошло
Всех пастырей на свете ремесло,
В пасомых замечая недостаток
И чувствуя, что враг довольно хваток,
Завел овчарку по ночам стеречь.
Тогда, чтоб избежать опасных встреч,
Задумал хитрый Волк, как в грех ее вовлечь.

XLII

Он к делу приступил исподтишка,
Как заговорщик, чтоб наверняка
Свой план исполнить, как велит наука:
Ползком в кромешной тьме прокрался он
Туда, где, сторожа хозяйский сон,
Спит у палатки бдительная сука,
И так внезапно, что она ни звука
Прогавкать не успела – вот нахал! –
Ее облапил и к шерсти прижал:
От жарких ласк таких растает и металл.

XLIII

С тех пор меж ними тайный уговор;
Когда он к стаду, кровожадный вор,
Средь бела дня крадется тихомолком,
Она нарочно подымает лай:
Мол, Авель наш не дремлет, так и знай;
Меж тем пастух, все рассудивши толком,
Сам вырыл западню – и с алчным Волком
Покончил навсегда. Пришлось Душе,
Погрязшей в похоти и в грабеже,
Вселиться в тот приплод, что в суке зрел уже.

XLIV

Примеры есть зачатья жен, сестер;
Но даже цезарей развратный двор,
Кажись, не слышал о таком разврате:
Сей Волк зачал себя же, свой конец
В начало обратив: сам свой отец
И сам свой сын. Греха замысловатей
Не выдумать; спроси ученых братий –
Таких и слов-то нет. Меж тем щенок
В палатке Авеля играл у ног
Его сестры Моав – и подрастал, как мог.

XLV

Со временем шалун стал грубоват
И был приставлен для охраны стад
(На место сдохшей суки). Бывши помесь
Овчарки с волком, он, как мать, гонял

Волков и, как отец, баранов крал;
Пять лет он так морочил всех на совесть,
Пока в нем не открыли правду, то есть,
Псы – волка, волки – пса; и сразу став
Для всех врагом, ни к стае ни пристав,
Ни к своре, он погиб – ни волк, ни волкодав.

XLVI

Но им, погибшим, оживлен теперь
Забавный Бабуин, лохматый зверь,
Бродящий от шатра к шатру, – потеха
Детей и жен. Он с виду так похож
На человека, что не враз поймешь,
Зачем ни речи не дано, ни смеха
Красавцу. Впрочем, это не помеха
Тем, кто влюблен. Адама дочь, *Зифат*,
Его пленила; для нее он рад
Скакать, цветы ломать и выть ни в склад, ни в лад.

XLVII

Он первым был, кто предпочесть посмел
Одну – другой, кто мыкал и немел,
Стараясь чувство выразить впервые;
Кто, чтоб своей любимой угодить,
Мог кувыркаться, на руках ходить
И мины корчить самые смешные,
И маяться, узрев, что не нужны ей
Его старанья. Грех и суета –
Когда нас внешним дразнит красота,
Поддавшись ей, легко спуститься до скота.

XLVIII

В любви мы слишком многого хотим
Иль слишком малого: то серафим,
То бык нас манит: а виной – мы сами;
Тщеславный Бабуин был трижды прав,
Возвышенную цель себе избрав;
Но не достигнув цели чудесами,
Чудит иначе: слезными глазами
Уставясь ей в глаза: мол, пожалей! –
Он лапой желто-бурою своей
(Сильна Природа-мать!) под юбку лезет к ней.

XLIX

Сперва ей невдомек: на что ему
Сие? И непонятно: почему
Ей стало вдруг так жарко и щекотно?
Не поощряя – но и не грозя,
Отчасти тая – но еще не вся,
Она, наполовину неохотно,
Уже почти к нему прильнула плотно...
Но входит брат внезапно, *Тефелит*;
Гром, стук! Булыжник в воздухе летит.
Несчастный Бабуин! Он изгнан – и убит.

L

Из хижины разбитой поспеша,
Нашла ли новый уголок Душа?
Вполне; ей даже повезло похлеще:
Адам и Ева, легши вместе, кровь
Смешали, и утроба Евы вновь,
Как смесь алхимика, нагрелась в печи, –
Из коей выпеклись такие вещи:
Ком печени – исток витальных сил,
Дающих влагу виадукам жил,
И сердце – ярый мех, вздувающий наш пыл.

LI

И, наконец, вместилище ума –
В надежной башне наверху холма
Мозг утонченный, средоточье нитей,
Крепящих всех частей телесных связь;
Душа, за эти нити ухватясь,
Воссела там. Из бывших с ней событий
Усвоив опыт лжи, измен, соитий,
Она уже вполне годилась в строй
Жен праведных. *Фетх* было имя той,
Что стала Каину супругой и сестрой.

LII

Кто б ни был ты, читающий сей труд
Не льстивый (ибо льстивые все врут):
Скажи, не странно ли, что брат проклятый
Все изобрел – соху, ярмо, топор, –

Потребное нам в жизни до сих пор,
Что Каин – первый на земле орадай,
А Сет – лишь звезд унылый соглядатай,
При том, что праведник? Хоть благо чтут,
Но благо, как и зло, не абсолют:
Сравненье – наш закон, а предрассудок – суд.

СТИХОТВОРНЫЕ ПОСЛАНИЯ

МИСТЕРУ К(РИСТОФЕРУ) Б(РУКУ)

Достойный друг мой! В странствиях соскучась,
Вдали от той, кого боготворил,
И от тебя, – я сделался уныл
И сетую на собственную участь.
Но счастлив я, двойной разлукой мучась,
Что дальний путь души не охладил,
Что не скудеет дружбы славный пыл
И страсти изнурительной живучесть.
Увы! Хоть я покинул Госпожу
И свет полдневный, ею посрамленный,
И друга, – отправляясь в край студеной,
Любовью я, как паром, исхожу;
И все снега и льды в пустыне стылой
Я растоплю... Все, кроме сердца милой!

МИСТЕРУ С(ЭМЮЭЛУ) Б(РУКУ)

О, странник мой, отплывший в добрый час
Под парусами разума и чувства
По морю знаний к берегам Искусства,
К сокровищам, что скрыты там от глаз!
Стремясь вперед вдоль новых побережий,
Не позабудь проведать те края,
Где бьет из гор кастальская струя:
Там запасешься ты водою свежей.
Нет, я не тщусь речами притянуть
К себе младую душу, как сирены
Иль новый ваш схизматик вдохновенный, –
Я говорю, чтоб воздух всколыхнуть:
Затем, что, искорку в тебе почуя,
Раздуть огонь поэзии хочу я.

МИСТЕРУ Б.Б.

Святую жажду знаний, милый друг,
Ужели впрямь не утолил еще ты
И разума не переполнил соты
Сладчайшей квинтэссенцией наук?
Тебя, как сосунка, отнять бы, право,
От Кембриджа, кормилицы твоей:
Давно пора тебе в кругу друзей
За томом том жевать закон и право!
Не то придется — уж не обесудь —
Как мне, на склоне дня с натугой браться
За дело, что по утренней прохладце
Давно бы кончить... Так, собираясь в путь,
Иной все тянет с выездом до ночи,
А там в потемках гонит что есть мочи.

МИСТЕРУ Б.Б.

Коль с Музой нынче ты живешь в ладу
И вы, друг дружку заключив в объятья,
Плодитесь, – вас не стану отвлекать я
И в грех отца семейства не введу.
Моя же Муза развелась со мною,
Найдя, что к ней я сильно поостыл;
Коль так, не след, а впрочем, нет и сил
Второй обзаводиться мне женою.
Вот почему не сыщешь, как ни жаль,
Материи ты в рифмах этих квелых:
Без матери на свет я произвел их.
Плодами вдохновенья их едва ль
Сочтут, – вот разве ты их не прогонишь,
Но примешь и как должно узаконишь.

МИСТЕРУ И.Л.

Блажен тот край, где скрылось божество,
Где ныне Солнце сердца моего;
За ним вослед и Лето скрылось прочь,
В двухмесячную погрузив нас ночь, –
И лишь неволей возвратясь домой,

Пылает, злится и грозит чумой.
Твой Север Югом стал, с тех пор как там
Она гостит, а наш – не Юг, а срам.
Тоскует сердце и скулит, как пес,
Чтоб в жертву Солнцу ты его принес.
Вот, шлю его тебе: ты там в Раю,
Спаси же друга и любовь мою.
Да будет тучен злак в твоих лугах,
Скотина пусть растет, как на дрожжах;
Да будет рощ твоих зеленый лист
Кудряв, – а если нужно, золотист;
Да принесут тебе по двойне в срок
Овечки; да обскачет твой конек
Соседских; да вовек не станет твой
Сын пасынком или жена – вдовой;
И да хранит тебя Небес броня;
Лишь молви ей словечко за меня.

МИСТЕРУ И.Л.

Ты, первый из оставшихся друзей,
Что вписаны в реестр души моей
И шлют приветы – из родного ль края
Иль с берегов Секваны и Дуная, –
Ты, словно Лету, переплыл свой Трент
И всех нас позабыл в один момент.
Нет! Мало, из супружеских объятий
С утра восстав, предаться без изъятий
Всем сельским радостям: есть, пить, скакать,
Блюсти хлеба, стада, во всё вникать –
И вновь на брачное вернуться ложе.
Ведь надо ж и друзьям, и Музе тоже
Час уделить: ужель, тебя даря
Любовью и стихом, мы с ней старались зря?

МИСТЕРУ Т.В.

Привет тебе, певец, душа живая!
Давно мне люб твой негасимый жар,
А пуще – быстрый ум и щедрый дар,
Которым я дивлюсь не преставая.

Иных поэтов речь перед твоей –
 Хрип старческий иль жалкий писк детей.
 Как с ясным полднем сумеркам унылым,
 Тягаться им с тобою не по силам.

Коль вправду людям слаще и милей
 Чужая зависть, а не состраданье –
 Я твой завистник; ты ж, сие посланье
 Прочтя, меня, напротив, пожалей:
 Я безобразен волею Природы,
 Фортуною записан в нищebroды,
 Теперь же, пред ученостью твоей –
 Я, ко всему, бездарный дуралей.

Как жаль, что скромность, модную отраву,
 До дна впитали праздные сердца
 И обретет лишь славу гордеца
 Муж, сам себя восславивший по праву.
 Ведь есть один – иного не сыскать –
 Предмет, что твоему перу под стать:
 Ты сам! И лишь твое перо на свете
 Достоинно рассказать о сем предмете.

Мои же рифмы грубы, – ну так что ж?
 Не вышел бог – перемалюем в черта
 (Сказал маляр); стихи худого сорта
 Ты доброй прозой, может быть, сочтешь.
 А я твое ответное посланье,
 Как верный шут, возьму для подражанья
 И, ставши обезьяною твоей,
 Средь прочих прослыву царем зверей.

МИСТЕРУ Т.В.

Отсюда врозь брести стихам и мне;
 Им – к другу, мне – к древесной тишине,
 Я к Няньке Муз, к питомцу Муз – оне.

Как Дом стоит, хоть Зодчий в гроб сошел,
 Как безопасно может врать Посол,
 Когда в стране смятенье и раскол, –

Так, пусть я гибну, скорбью обуян,
Стихи, моих невзгод подробный План,
Дождутся встречи с тем, кто мне желан.

Не страшно, коли мне удачи нет;
Всё счастье – им. Прими же как Портрет
Иль неприкрашенной любви Обет
Горсть этих строк – и к чести их простой
Меня любви взаимной удостой.

МИСТЕРУ Т.В.

Ступай, мой стих хромой, к кому – сам знаешь;
В дороге, верно, ты не запутаешь.
Я дал тебе, мой верный вестовщик,
Подобье стоп и разум, и язык.
Будь за меня предстатель и молитель,
Я твой один Творец, ты мой Спаситель.
Скажи ему, что долгий, мудрый спор,
В чем ад и где, окончен с этих пор;
Доказано, что ад есть разлученье
С друзьями – и безвестности мученье –
Здесь, где зараза входит в каждый дом
И поджидает за любым углом.
С тобой моя любовь: иди, не мешкай,
Моей ты будешь проходною пешкой,
Коль избегу ужасного конца;
А нет – так завещаньем мертвеца.

МИСТЕРУ Т.В.

Тревожась, будто баба на сносях,
Надежду я носил в себе и страх:
Когда ж ты мне напишешь, вертопрах?

Я вести о тебе у всех подряд
Выклянчивал, любой подачке рад,
Гадая по глазам, кто чем богат.

Но вот письмо пришло, и я воскрес,
 Голь перекатная, я ныне Крез,
 Голодный, я обрел деликатес.

Душа моя, поднявшись от стола,
 Поет: хозяйской милости хвала!
 Все, что твоя любовь моей дала,
 Обжорствуя, я смел в один присест;
 Кого кто любит, тот того и ест.

МИСТЕРУ Э(ДВАРДУ) Г(ИЛПИНУ)

Как все кривое жаждет распрямиться,
 Так стих мой, копошась в грязи, стремится
 Из изменности нашей скорбной ввысь
 На гордый твой Парнас перенестись.
 Оттуда ты весь Лондон зришь, как птица;
 Я принужден внизу, как червь, ютиться.
 В столице нынче развлечений ноль,
 В театрах – запустение и голь.
 Таверны, рынки будто опростались,
 Как женщины, – и плоскими остались.
 насытит нечем мне глаза свои:
 Все казни да медвежье бои.
 Пора бежать в деревню, право слово,
 Чтоб там беглянку-радость встретить снова.
 Держись и ты укромного угла;
 Но не жирей, как жадная пчела,
 А как купец, торгующий с Москвою,
 Что летом возит грузы, а зимою
 Их продает, – преобрази свой Сад
 В полезный Улей и словесный Склад.

МИСТЕРУ Р(ОЛАНДУ) В(УДВОРДУ)

В стихах твоих звучит отрадный лад
 Всех четырех стихий, как в нашей плоти:
 В них есть земля, не более щепоти,
 Но дивно щедр на ней возвращенный сад!

В них есть огонь: его благая сила
Сумела осушить мою печаль;
В них влага есть, как видно: не она ль
Пожар моей сатиры погасила?
Как легкий воздух движется шумней
Среди руин, по каменным прорехам,
Так песнь твоя, мне грудь наполнив эхом,
Звук породила от немых камней.
О, я был мертв! – признаюсь с опозданием,
Но вот воссоздан вновь твоим созданием.

МИСТЕРУ Р(ОЛАНДУ) В(УДВОРДУ)

Любезный друг, твоей души расстройство
Мою ввергает также в беспокойство:
Мной разделяема, твоя тоска
Два сердца гложет враз и тем крепка.
Чуть даст нам передышку червь жестокий –
Как вновь мы для него же копим соки.
Ну что ж! Где чахнет и душа, и плоть,
Там дух поможет немощь побороть:
Так муза для поэта – дух иль Гений,
Душа души, целитель сокрушений.
Спой мне в ответ – и пусть сей дивный звук
Во мне излечит общий наш недуг.

МИСТЕРУ Р.В.

От нашей Музы вам троим – привет!
Она осведомилась на предмет
Всей троицы, от коих ты союза
Произошел: се – Тело, Ум и Муза.
Чума ль тебя в деревню прогнала?
Любовь или хандра тебя взяла?
Иль круг друзей покинул ты так скоро,
Чтобы укрыться от мирского вздора?
А может быть, вдали от суеты
Слагаешь гимны набожные ты?
Все ж нашим музам вместе быть угодно:
Ведь без твоей моя теперь бесплодна.

МИСТЕРУ Р(ОЛАНДУ) В(УДВОРДУ)

Как женщина, что, трижды овдовев,
Себе вменяет целомудрье Дев,
Так я, к стихописанью охладев,

Теперь монашествую; много сил
На сорняки сонетов я сгубил,
В репы сатир немало пыла вбил.

Хоть из Искусств благих я ни с одним
Не обручен – и, значит, не грешим
Мы с Музою, когда вдвоем шалим,

Но голос Бога строг, и в глубине
Души я знаю о своей вине:
Есть упущенья грех, и он на мне.

Тщеславие с пороком заодно:
То грязь и то; но можно смыть пятно;
На это нам раскаянье дано.

Вся добродетель в Вере, только лишь
В ней – мудрость и отвага; но барыш
Она не даст, и с ней не поюлишь.

Ищи себя в себе; чтоб солнце жгло
Сильней, берут особое стекло,
Дабы собрать лучи оно могло:

Так собери свой дух в пучок, сиречь
В одно желанье, жаркое, как печь,
Дабы солому совести поджечь.

Алхимики, когда хотят в состав
Ввести простой металл, то, их смешав
И прокалив, вдвигают в теплый шкаф –

Таков для нас уединенья труд;
А те, что вечно бродят там и тут,
В свободе лишь изгнанье обретут.

Нам жизнь дана в аренду. Кто из нас
Хранит и умножает свой запас,
Расплатится сполна в урочный час.

Так удобряй и ободряй себя,
О призраках удачи не скорбя, –
Но вспоминай о любящих тебя.

МИСТЕРУ Р(ОЛАНДУ) В(УДВОРДУ)

Коль жизнью ты, как я, живешь дремотной,
При чтении этих строк, как сон бесплотный,
Я пред тобой явлюсь: вовек Морфей
Правдоподобней не творил теней.
Ведь я вложил в мое посланье разом
Всего себя: глаз, руку, душу, разум, –
И сим тебе персону я свою
По завещанью в дар передаю.
Завидно мне твое уединенье,
И к мудрой меланхолии под сень я
Бежал бы сам, но рад уж и тому,
Что дух мой у тебя гостит в дому,
Пересланный в письме – не знаю, кстати ль –
Как свой портрет шлет милой воздыхатель.

Все новости ты знаешь без меня:
В порты спешат суда на склоне дня,
Как ангелы, неся на крыльях вести.
Гвиана уплыла: сказать по чести,
Судьба нам посулила этот рай,
Как иудеям их заветный край
Был явлен, дабы стать запретным краем.
Увы! Медлительностью мы страдаем.
Лишь завершив поход испанский свой,
Что, как Земля меж Солнцем и Луной,
Гвиану нам затмил и страхи множит, –
Мы вновь надежду обретем, быть может,
А коли злато Индий – прах и дым,
К богатствам духа путь свой устремим.

Всяк человек есть мир, и хоть частица
Сокровищ мировых в него вместится.
А в душах, праведный избравших путь,
К добру стремленье составляет суть.

1. ШТОРМ

КРИСТОФЕРУ БРУКУ

Тебе – почти себе, зане с тобою
Мы сходственны (хоть я тебя не стою),
Шлю несколько набросков путевых.
Ты знаешь, Хильярда единый штрих
Дороже, чем саженные полотна;
Не обдели хвалою доброхотной
И эти строки. Для того и друг,
Чтоб другом восхищаться сверх заслуг.
Британия, скорбя о блудном сыне,
Которого, быть может, на чужбине
Погибель ждет (кто знает наперед,
Куда Фортуна руль свой повернет?),
За вздохом вздох бессильный исторгала,
Пока наш флот томился у причала,
Как бедолага в яме долговой.
Но ожил бриз, и флаг над головой
Затрепетал под ветерком прохладным –
Таким желанным и таким отрадным,
Как окорока сочного кусок
Для слипшихся от голода кишок.
Подобно Сарре мы торжествовали,
Следя, как наши паруса вспухали.
Но как приятель, верный до поры,
Склонив на риск, выходит из игры,
Так этот ветерок убрался вскорее,
Оставив нас одних в открытом море.
И вот, как два могучих короля,
Владений меж собой не поделя,
Идут с огромным войском друг на друга,
Сошлись два ветра – с севера и с юга;
И волны вспучили морскую гладь
Быстрее, чем это можно описать.

Как выстрел, хлопнул под напором шквала
Наш грот; и то, что я считал сначала
Болтанкой скверной, стало в полчаса
Свирепым штормом, рвущим паруса.
О бедный, злополучный мой Иона!
Я проклиная их, – бесцеремонно
Нарушивших твой краткий сон, когда
Хлестала в снасти черная вода!
Сон – лучшее спасение от бедствий:
И смерть, и воскрешенье в этом средстве.
Проснувшись, я узрел, что мир незрим,
День от полуночи неотличим,
Ни севера, ни юга нет в помине,
Кругом Потоп, и мы – в его пучине!
Свист, рев и грохот окружали нас,
Но в этом шуме только грома глас
Был внятен; ливень лил с такою силой,
Как будто дамбу в небесах смыло.
Иные, в койки повалясь ничком,
Судьбу молили только об одном:
Чтоб смерть скорей их муки прекратила;
Иль, как несчастный грешник, из могилы
Трубою призванный на Божий суд,
Дрожая, высовывались из кают.
Иные, точно обомлев от страха,
Следили тупо в ожиданье краха
За судном; и казалось впрямь оно
Смертельной немощью поражено:
Трясло в ознобе мачты, разливалась
По палубе и в трюме бултыхалась
Водянка мерзостная; такелаж
Стонал от напряженья; парус наш
Был ветром-вороном изодран в клочья,
Как труп повешенного прошлой ночью.
Возня с насосом измотала всех,
Весь день качаем, а каков успех?
Из моря в море льем, – а в этом деле
Сизиф рассудит, сколько преуспели.
Гул беспрерывный уши заложил.
Да что нам слух, коль говорить нет сил?
Перед подобным штормом, без сомненья,
Ад – легкомысленное заведение,

Смерть – просто эля крепкого глоток,
А уж Бермуды – райский уголок.
Мрак заявляет право первородства
На мир – и закрепляет превосходство,
Свет в небеса изгнав. И с этих пор
Быть хаосом – вселенной приговор.
Покуда Бог не изречет другого,
Ни звезд, ни солнца не видать нам снова.
Прощай! От этой качки так мутит,
Что и к стихам теряешь аппетит.

2. ШТИЛЬ

Улегся гнев стихий, и вот мы снова
В плену у Штиля – увальня тупого.
Мы думали, что Аист – наш тиран,
А вышло, хуже Аиста Чурбан!
Шторм отшумит и стихнет, обессилил,
Но где, скажите, угомон для штиля?
Мы рвемся в путь, а наши корабли
Архипелагом к месту приросли;
И нет на море ни единой складки:
Как зеркальце девичье, волны гладки.
От зноя нестерпимого течет
Из просмоленных досок черный пот.
Где белых парусов великолепье?
На мачтах развеваются отрепья
И такелаж изодранный висит:
Так опустевшей сцены жалок вид –
Иль чердака, где свалены за дверью
Сегодня и вчера, труха и перья.
Земля все ветры держит взаперти,
И мы не можем ни друзей найти
Отставших, ни врагов на глади этой;
Болтаемся бессмысленной кометой
В безбрежной синеве; что за напасть!
Отсюда выход – только в рыбью пасть
Для прыгающих за борт ошалело;
Команда истомилась до предела.
Кто, в жертву сам себя предав жаре,

На крышке люка, как на алтаре,
Простерся навзничь; кто, того похлеще,
Гуляет, аки отрок в жаркой печи,
По палубе. А если б кто рискнул,
Не убоясь прожорливых акул,
Купаньем освежиться в океане, –
Он оказался бы в горячей ванне.
Как Баязет, что скифом был пленен,
Иль наголо остриженный Самсон,
Бессильны мы – и далеки от цели!
Как муравьи, что в Риме змейку съели,
Так стая тихоходных черепах –
Галер, где стонут узники в цепях, –
Могла бы штурмом взять, подплыв на веслах,
Наш град плавучий мачт высокорослых.
Что бы меня ни подтолкнуло в путь –
Любовь – или надежда утонуть –
Прогнивший век – досада – пресыщенье –
Иль попросту мираж обогащенья,
Уже не важно. Будь ты здесь храбрец
Иль жалкий трус – тебе один конец;
Меж гончей и оленем нет различий,
Когда Судьба их сделает добычей.
Ну кто бы этого подвоха ждал?
Мечтать на море, чтобы дунул шквал,
Не то же ль самое, что домогаться
В аду жары, на полюсе – прохладцы?
Как человек, однако, измельчал!
Он был ничем в начале всех начал,
Но в нем дремали замыслы природны;
А мы – ничто и ни на что не годны.
В душе ни сил, ни чувств... Но что я лгу?
Бессилье же я чувствовать могу!

СЭРУ ГЕНРИ ГУДЬЕРУ

Кто новый год кроит на старый лад,
Тот сокращает сам свой век короткий:
Мусолит он в который раз подряд
Все те же замусоленные четки.

Дворец, когда он зодчим завершен,
Стоит, не возносясь мечтой о небе;
Но не таков его хозяин: он
Упорно жаждет свой возвысить жребий.

У тела есть свой полдень и зенит,
За ними следом – тьма; но Гостя тела,
Она же солнце и луну затмит,
Не признает подобного предела.

Душа, труждаясь в теле с юных лет,
Все больше алчет от работы тяжкой;
Ни голодом ее морить не след,
Ни молочком грудным кормить, ни кашкой.

Добудь ей взрослой пищи. Испытав
Роль школяра, придворного, солдата,
Подумай: не довольно ли забав,
В страду грешна пустая сил растрата.

Ты устыдился? Отряси же прах
Отчизны; пусть тебя другая драма
На время развлечет. В чужих краях
Не больше толка, но хоть меньше срама.

Чужбина тем, быть может, хороша,
Что вчуже ты глядишь на мир растленный.
Езжай. Куда? – не все ль равно. Душа
Пресытится любою переменой.

На небесах ее родимый дом,
А тут – изгнание; так угодно Богу,
Чтоб, умудрившись в странствии своем,
Она вернулась к ветхому порогу.

Все, что дано, дано нам неспроста,
Так дорожи им, без надежд на случай,
И знай: нас уменьшает высота,
Как ястреба, взлетевшего за тучи.

Вкус истины познать и возлюбить –
Прекрасно, но и страх потребен Божий,
Ведь, помолившись, к вечеру забыть
Обещанное поутру – негоже.

Лишь на себя гневись, и не смотри
На грешных. Но к чему я повторяю
То, что твердят любые буквари,
И что на мисках пишется по краю?

К тому, чтобы ты побыл у меня;
Я лишь затем и прибегаю к притчам,
Чтоб без возка, без сбруи и коня
Тебя, хоть в мыслях, привезти к нам в Митчем.

ПИСЬМО,
СОЧИНЕННОЕ СЭРОМ Г. Г. И ДЖ. Д.
ALTERNIS VICIBUS

*Когда весна велит садам цвести
И будит хмель, дремавший взаперти,
Пора и нам свой плод произвести.*

Одним светилом испокон жива
Земля; но если не одно, а два
Взойдет, куда как больше волшебства.

*Так вы, два солнца, озарили нас:
И ветки наших душ, переплетясь,
Выносят дань, что в тайне родилась.*

Молясь, смыкают вместе две руки,
Так мы, одним деянием крепки,
Клянемся днесь: мы ваши должники.

*Друг с другом, друг за друга мы стоим
Пред вами: каждый, словно херувим,
Для стрел и грешных дум неуязвим.*

Как Маг, которому покорен Дух,
Мы заклинанье произносим вслух –
И девять муз приобретаем в двух.

*Мы – две Свечи, которые стоят
И ждут, когда повеет аромат
От ваших уст, – и блики задрожат.*

Пока в весенних трелях соловьев
Мы слышим ваш утешный, нежный зов, –
Нам не страшны угрозы холодов.

*В волнах Анкора можно зреть порой
Свет ваших лиц, что отражен рекой, –
Их безмятежный, девственный покой.*

Пускай келейницы святой Эдит
Вернутся в Полсворт, – ваш невинный вид
Любую из монашек устыдит.

*Но поуменьшим пыл! еще чуть-чуть –
И сей листок, которому хлебнуть
Пришлось чернил, – забудет, в чем тут суть.*

Будь в нас, двоих, амбиция и прыть,
Чтоб вас, двоих, в одно объединить,
Пришлось бы речь ad infiniti длить.

СЭРУ ГЕНРИ УОТТОНУ

Что нового, я доложу вам, тут?
Пожалуй, ничего; ведь ложь и блуд –
Не новость: повторять – напрасный труд.

Как ходят, чтобы вылечить запор,
Туда-сюда, покинув свой затвор,
Так посещаю Город я и Двор.

Здесь каждый грешен столь, что мог бы сам
Повеситься, когда б его глазам
Не представал еще гнуснейший срам.

В сраженьях жизни неудачник он,
Кого Судьба (над ней же свой закон)
Отправила в Придворный эскадрон.

Вооружен лишь честностью своей,
Индейца он окажется слабей
Перед огнем испанских батарей.

Со всех сторон – подвох, измена, лесть,
На каждый тут язык по уху есть;
И каждый может в щель ужом пролезть.

Когда-то, Сэр, чтоб похвалить игру,
Театр уподобляли мы Двору,
А нынче Двор – актерскому шатру.

Так посмеемся над возней шутов,
Проектами великих болтунов,
Над глубиной их шахматных ходов.

А впрочем, это даже не смешно.
Прощайте. Если б мог я заодно
С листком вот этим вылететь в окно!

СЭРУ ГЕНРИ УОТТОНУ

Сэр, в письмах душ слияние тесней,
Чем в поцелуях; разговор друзей
В разлуке – вот что красит прозябанье,
Когда и скорби нет – лишь упованье
На то, что день последний недалек
И, Пук травы, я лягу в общий Стог.

Жизнь – плаванье; Деревня, Двор и Город
Суть Рифы и Реморы. Борт распорот
Иль Прилипала к днищу приросла –
Так или этак не избегнуть зла.
В печи экватора горишь иль стынешь
Близ ледовитых полюсов – не минешь
Беды: держись умеренных широт;
Двор чересчур бока тебе печет
Или Деревня студит – все едино;
Не Град ли золотая середина?
Увы, Тарантул, Скорпион и Скат –
Не щедрый выбор; точно так и Град.
Из трех что назову я худшей скверной?
Все худшие: ответ простой, но верный.
Кто в Городе живет, тот глух и слеп,
Как труп ходячий: Город – это склеп.
Двор – балаган, где короли и плуты

Одной, как пузыри, тщетой надуты.
Деревня – дебрь затерянная; тут
Плодов ума не ценят и не чтут.
Дебрь эта порождает в людях скотство,
Двор – лизоблюдство, Город – идиотство.
Как элементы все, один в другом,
Сливались в Хаосе довременном,
Так Похоть, Спесь и Алчность, что присущи
Сиим местам, одна в другой живущи,
Кровосмесительствуют и плодят
Измену, Ложь и прочих гнусных чад.
Кто так от них Стеною обнесется,
Что скажет: грех меня, мол, не коснется?
Ведь люди – губки; странствуя среди
Проныр, сам станешь им, того гляди.
Рассудок в твари обернулся вредом:
Пал первым Ангел, черт и люди – следом.
Лишь скот не знает зла; а мы – скоты
Во всем, за исключением простоты.
Когда б мы сами на себя воззрились
Сторонним оком, – мы бы удивились,
Как быстро Утопический балбес
В болото плутней и беспутства влез.
Живи в себе: вот истина простая;
Гости везде, нигде не прирастая.
Улитка всюду дома, ибо дом
Несет на собственном горбу своем.
Бери с нее пример не торопиться;
Будь сам своим Дворцом, раз мир – Темница.
Не спи, ложась безвольно на волну,
Как поплавок, – и не стремись ко дну,
Как с лески оборвавшейся грузило:
Будь рыбкой хитрою, что проскользила,
И не слышать ее – простыл и след;
Пусть спорят: дышат рыбы или нет.
Не доверяй Галеновой науке
В одном: отваром деревенской скуки
Придворную горячку не унять:
Придется весь желудок прочищать.
А впрочем, мне ли раздавать советы?
Сэр, я лишь Ваши повторил заветы –
Того, что дальний совершив вояж,

Германцев ересь и французов блажь
Узнал – с безбожием латинским вкупе –
И, как Анатом, покопавшись в труп,
Извлек урок для всех времен и стран.
Он впитан мной – и не напрасно

ДАНИ

СЭРУ ГЕНРИ УОТТОНУ,
ПРИ ЕГО ОТБЫТИИ
ПОСЛОМ В ВЕНЕЦИЮ

Вослед за грамотами, что даны
Тебе высокой королевской властью,
И как посла Монарха и Страны
Его величья наделяют частью,

Чтоб ты, от Факела его Свеча,
Его Оригинала список точный,
Являл собой подобие луча,
Светить в иные сферы полномочный,

За кипами бумаг, что в сундучок
Положишь ты (плодами долгих штудий),
Чтоб в должный час совет или урок
Найти, порывшись в их ученой груди, –

За письмами друзей, в которых слит
С надеждой радостною вздох печальный,
Как в голосах молитв, когда звонит
По праведнику колокол прощальный, –

Прими и это честное письмо;
Все, что ты скажешь венецейским лордам
От имени страны, оно само
От сердца говорит в смиренье гордом,

Свидетельствуя дружбу и любовь,
Пока еще ты Славою и Честью
Не столь возвышен, что напомнить вновь
О дружбе было б только подлой лестью.

Нести обузу власти тяжелей,
 Чем издали смотреть на чин высокий:
 Ведь надо, кроме собственных страстей,
 Смирять чужие страсти и пороки.

Твой дух, пройдя последний перегон
 Тех, что Ученье, Двор и Бой постигли,
 Да станет камнем пробным, закален
 В горниле дела, этом главном Тигле.

Меня же (коли я не звук пустой)
 Фортуна (что еще зовут Судьбою)
 Зрит столь покорным под своей пятой,
 Что думает: я большего не стою.

Но пусть она разводит нас сейчас –
 Я о тебе молиться не забуду:
 Ведь Бог взирает на обоих нас,
 И путь до неба одинаков всюду.

Г<ЕНРИ> У<ОТТОНУ>
 IN HIBERNIA BELLIGERANTI

Так рвешься в бой? Так честолюбье греет,
 Что дружба побоку – пускай хиреет?
 Нет, я не столь к воинственным трудам
 Ревнив: твою любовь я не отдам
 За всю Ирландию; скорей прощу я
 Смерть, что летит на пир, войну почую,
 Чем летаргию памяти твоей.
 Пусть хлябь и топь и копыа дикарей
 Расправятся с телами невозбранно –
 Тот старость обманул, кто умер рано,
 Он вовремя отдал, что брал займы,
 И избежал ареста и тюрьмы.
 Да не поддастся дух твой (утонченный,
 Как эликсир, блужданьем в перегонной
 Извилистости Школ, Столиц, Дворов)
 Ирландской лени. Не прошу даров
 Усердья, ни опасных излиятий,
 Что могут опасаться ловких дланей
 И глаз, глядящих под печать письма;
 От сердца напиши – не от ума.

СЭРУ ЭДВАРДУ ГЕРБЕРТУ,
В ЖУЛЬЕР

Клубку зверей подобен человек;
Мудрец, смиряя, вводит их в Ковчег.
Глупец же, в коем эти твари в сваре, –
Арена иль чудовищный виварий:
Те звери, что, ярясь, грызутся тут,
Все человеческое в нем пожрут –
И, друг на друга налезая скотно,
Чудовищ новых наплодят бессчетно.
Блажен, кто укрощает сих зверей
И расчищает лес души своей!
Он оградил от зла свои уголья
И может ждать от нивы плодородья,
Он коз и лошадей себе завел
И сам в глазах соседей – не Осел.
Иначе быть ему звериным лесом,
Одновременно боровом и бесом,
Что нудит в бездну ринуться стремглав.
Страшнее кар небесных – блажный нрав.
С рожденья впитываем мы, как губка,
Отраву Первородного Проступка,
И горше всех заслуженных обид
Нас жало сожаления язвит.
Господь крошит нам мяту, как цыплятам,
А мы, своим касанием проклятым,
В цикуту обращаем Божий дар,
Внося в него греховный хлад иль жар.
В нас, в нас самих – спасению преграда:
Таинственного нет у Бога яда,
Губящего без цели и нужды;
И даже гнев его – не от вражды.
Мы сами собственные кары множим
И нянчим Дьявола в жилище Божьем.
Вернуться вспять, к начальной чистоте –
Наш долг земной; превратно учат те,
Что человека мыслят в круге малом:
Его величья никаким овалом
Не обвести; он все в себя вместит.
Ум разжует и вера поглотит,
Что мы бы им измыслить ни дерзнули;

Весь мир для них – не более пилюли,
Хоть не любому впрок, как говорят:
Что одному бальзам, другому яд;
От знаний может стать в мозгу горячка –
Иль равнодушья ледяная спячка.
Твой разум не таков; правдив и смел,
Вглубь человека он взглянуть сумел;
Насытившись и зрелищем, и чтивом,
Не только сам ты стал красноречивым,
Красноречивы и твои дела:
За это от друзей тебе хвала.

МИССИС М(АГДАЛЕН) Г(ЕРБЕРТ)

Куда, письмо безумное? постой!
Ступай в огонь, удела нет иного
Для жалких чад моих, – иль на покой:
Из ветоши восстав, истлеешь снова.

Пускай займешь ты наглости у тех,
Кто во дворцах, боясь, что не замечен,
Локтями бьется, – все же там успех
Лишь подлецу надежно обеспечен,

А подличать сумеешь ты навряд.
Что ж! Отправляйся, путь избравши верный:
Царям и королям твой адресат
Не равен лишь правдивостью безмерной.

К тому ж, едва ты встретишь этот взор,
Внушающий сердцам благоговенье,
Ты, обмирая, залепечешь вздор,
Утратишь всякий смысл в одно мгновенье.

Но чуть к тебе чудесные персты
Притронутся касаньем чудотворным, –
Листок безжизненный, воскреснешь ты,
Ее твореньем сделавшись покорным.

И слух к тебе склонит она, как мать
К дитяти с голоском его картавым
Иль как монархиня, речам внимать
Привыкшая прямым и нелукавым.

Но вновь ты нем, гонец мой, – так умри ж
Затем, что безнадежна вся затея!
Как ты о *благ*е с ней заговоришь,
О ней самой заговорить не смея?

Однако можешь ты хвалу вознестъ
Не ей самой – прислуге или платью:
Ей служат Добродетель, Ум и Честь,
Облечена она – красой и статью.

А там – как знать? Быть может, к ней в ларец
Ты попадешь, в числе других посланий, –
В обитель благороднейших сердец,
На пиршество умов и дарований.

Быть может, есть там письма от того,
Кто нам с тобой знаком? Гляди же в оба:
Когда вокруг не будет никого,
Она не перечтет ли их особо?

Достанет ли как будто невзначай?
Прочтет ли дважды? Поднесет ли близко
К устам? Вздохнет, кивнет ли – примечай! –
Услышит ли, как входит камеристка?

А после – злится ль из-за мелочей?
Все так же ль говорит о нем сурово?
И все ли со свободой своей
Ни для кого расстаться не готова?

Нет, ты не соглядатай! К ней тебя
Я, посылая, не о том радею,
Но все в ней почитая и любя,
Хочу любить того, кто избран ею.

ГРАФИНЕ БЕДФОРД
НА НОВЫЙ ГОД

Сей промежуток смутный, сей туманный
Не вечер и не утро – мой портрет;
Как Метеор бесформенный и странный,
Блуждающий среди ночных планет,
Что и откуда я – ответа нет.

Свожу счета годов – и замечаю,
Что не Должник я и не Кредитор:
Я не обласкан тем и не вверю
Надежд сему; но полно хвастать вздор! –
Я видел вас, – и я в долгу с тех пор.

В долгу – и ныне должен, как свидетель,
Годам грядущим передать свой клад;
Стихи – бальзам, хранящий добродетель
От тлена; мавзолеи, что стоят
На страже, – и не страшен ей распад.

Мои – недолговечны; ваше имя
Для этих строк столь сильный алкоголь,
Что, порождая духов, вместе с ними
Погибель порождает, жар и боль –
И разъедает все, как рану соль.

Моим хвалам потребно основанье;
Жизнь такова, что требует она
Не чуда, а его обоснованья;
Горячность пылкая ей не нужна –
Так верой оскудели времена.

Когда ж они признают (хоть с заминкой)
Всю правду, – все равно поднимут крик:
Как он посмел, ничтожная песчинка,
Восславить ту, чей жребий так велик?
Как бесконечность карлик сей постиг?

К чему им объяснять? Начну – нарушу
Секрет, который от профанов скрыт;
Есть Бог, который видит эту душу;
Он ей обмолвки мелкие простит
И похвалы в молитвы обратит.

Молюсь, чтоб вашей мудрости в подмогу
Он дал своей премудрости урок,
Чтоб с безмятежностью смешал тревогу
И разом исцелил от всех тревог –
И к благу ревность пушью разжег.

Чтоб разъяснил вам: при дворе и в келье
Не сходен путь к пороку и к добру;
Что праздные забавы и веселье –
У места здесь, хоть там не ко двору,
Где грех, увы, не сходит за игру.

Чтоб он, смиривший волны океана,
Вас научил, как скуку укрощать,
Дабы она не смела невозбранно
Вам докучать, и как себе стяжать
То, что украсть не волен даже тать.

Всему, о чем вы даже и не знали,
Что вы не знали, он научит вас:
Как правду говорить на карнавале,
Как избегать шпионов и пролаз –
Их мелких козней и досужих глаз;

Как сохранять улыбку и доверье,
Но – чести ради – осторожной быть,
Распознавая ложь и лицемерье,
Как отомстить обиду – и простить,
Как радость прятать и в беде шутить.

Он вашу душу примет, не позволяя
Слезинки ей пролить, а коль прольет,
Тем окрестится вновь; и ваша доля
На небесах навек вам перейдет;
И так исполнится ваш Новый Год.

ГРАФИНЕ БЕДФОРД

Честь – совершенства высшего венюк,
И сам Творец иметь ее не мог,
Когда бестварен был и одинок.

Как дольних две стихии нам дают
Отдохновенье, пищу и приют,
А горние бесплодными сльвут, –

Так честь всегда от низших к нам течет,
Король не может *читать*, он лишь *речет*,
Кому должны оказывать почет.

Дабы из трав эссенцию извлечь,
Не надобно огонь иль солнце жечь,
Навоз к сему – удобнейшая печь.

Так не беда, Мадам, что восхвалил
Вас недостойный, коль он в стих вложил,
Как уличный балладник, весь свой пыл.

Высокой пушки с крепостной стены
Не так бывают выстрелы слышны,
Как рев земной утробной глубины.

В какой бы тьме я ни скитался встарь,
Сиянье ваше разогнало хмарь;
Оно – неугасаемый фонарь,

Светящий изнутри сквозь эту плоть,
Что из особых глин слепил Господь,
В замес вложив бессмертия щепоть.

В нем, как Пчелу в осколке Янтаря,
Мы вашу Душу зрим – благодаря
Прозрачности живого алтаря.

Напоминает нам сей дивный свет
О том *сквозистом камне*, чей секрет
Утерян зодчими за сотни лет.

Был из него когда-то сложен храм,
Насквозь прозрачный, – словно вы, Мадам;
Быть и казаться равнозначно вам.

У разума мог выйти спор большой
С животной и растительной душой, –
Но ни одна не мнит себя старшой.

Таков благоразумия урок,
Который нам дала природа впрок,
Чтоб рвенье было зренью не в упрек.

Благоразумье – правда мудрецов,
А вера – христиан; в конце концов,
Их связь не зрима разве для глупцов.

Представим в виде линий, например,
(Идущих врозь) пучок различных вер:
Бог – это центр и средоточье сфер.

Должно согласие к цели привести:
Укажет вера нам, куда идти,
Благоразумье выберет пути.

Идите же, как шли, стезей святой;
Ни страха, ни соблазна нет для той,
Кто сочетал величье с чистотой.

ГРАФИНЕ БЕДФОРД

Рассудок – левая рука души,
А вера – правая. Кто зрит Вас рядом,
Тот *разумее*т, как Вы хороши,
Я ж верую, не досягая взглядом.

Неладно человеку быть левшой,
А одноруким вовсе непригоже;
И вот, во что я верю всей душой,
Теперь обнять умом хочу я тоже.

Зане тот ближе к Богу, кто постиг
Деяния святых, – я изучаю
Круг Ваших избранных друзей и книг
И мудрость Ваших дел постигнуть чаю.

Вотще! громада свойств грозит уму
И пониманья превосходит меру,
Отбрасывая Душу вспять – к тому,
Что в ней питает внутреннюю веру.

Я верю: Вы добры. Еретики
Пускай сие опровергают рьяно:
Не сокрушат наскоки и плевки
Шипящих волн скалу у океана.

Во всяком теле некий есть *Бальзам*,
Целящий и дающий силы внове
При их ущербе; их досталось Вам
Два: красота и благородство крови.

Вдобавок, млеко чистоты смешав
С плодами знаний, Вы нашли особый,
Почище Митридатова, состав,
Неуязвимый никакою злобой.

Он Ваш насущный хлеб. Ограждены
От зла в своей сияющей стихии,
Вы добрый ангел в образе жены,
Нам явленный с начала дней впервые.

Свершите ж мытарство любви святой
И дань сердец снесите Господину;
Отдайте эту жизнь в придачу к той
Иль слейте обе вместе, во едину.

Но видит Бог: я нашей встречи там
За все добро вселенной не отдам.

ГРАФИНЕ БЕДФОРД

Из Франции, незаконченное

Пусть лягу в гроб, отмаясь, отгрешив, –
Мадам, пока я в Вашем сердце жив,
Я при Дворе; одна лишь мысль о Вас
Меня способна воскресить тотчас;
А благодарность – ныне, днесь и впредь –
Бальзам, который мне не даст исгнеть.
Такое время – Пасха и весна;
Все в мире – в рост и настезь – семена
И души; так и этот стих растет
И исповедаться меня влечет.

Во-первых, признаюсь: я расточил
Сокровища даров, что получил
От Вас, даря других; не зная иной
Ни доброты, ни прелести земной,
Не след мне было, правде вопреки,
Хвалить в стихах иные Рудники.
Признаюсь, во-вторых: я слишком смел,
Что в этом исповедаться посмел,
И вполовину не имея прав
Заставить Вас смутиться, запылав.
Еще признаюсь, что, свой первый грех
Признав, не каюсь в нем; зане для тех
Несчастливых душ, которым Бог не дал
Сей радости – читать оригинал,
И копия способна дать урок...

ЛЕДИ БЕДФОРД,
ПРИ ПОСЫЛКЕ ЭЛЕГИИ
НА СМЕРТЬ ЛЕДИ МАРКХЕМ

Вы – вы и та, кто вами был вдвойне, –
В усопшей зрите часть свою, зане
Один двумя становится любя –
И половиной самого себя.
Чужому не понять союз двоих,
Он был, когда их не было самих;
Вдвоем они – как близнецы в миру,
Пусть тот в Москве рожден, а тот в Перу;
Два светоча Созвездья одного;
Два ока, в коих зримо Божество.
Когда б та часть сию пережила,
Она б живым Надгробьем вам была;
Теперь ее Душа в иных мирах;
Остались вы – не друг ее, а прах.
Как люди говорят: здесь погребен
Такой-то государь, хоть в склепе он
Не целиком, и почитают часть
За целое, – так мы готовы пасть
Пред вами и молитвы вознести,
Зане в вас заключается почти
Всё, что в обоих чтили мы и чтим,

И то, что в дружбе обрести хотим.
Пусть грубым кирпичам грозит распад,
Тончайшие частицы устоят
И, в бесконечности рассеясь, вновь
Соединятся там в одну Любовь.
Мадам, ее Душа от нас вдали,
А персть лежит в объятиях земли,
Но добродетели ее назад
Вернулись к вам, чье сердце – тайный клад
Иль Океан, откуда все ручьи
Черпают – и куда несут струи,
Устав от перекаатов и излук;
Поскольку символ совершенства – круг.
Обоих Индий было в вас добро:
Там – пряности, тут – золото и серебро;
Как ни огнем, ни ржой, ни кислотой
Не истребить крупницы золотой,
Хоть можно в бесконечность растянуть
И сплющить, но не сокрушить отнюдь, –
Так ни бедам, ни скорби никакой
Не сделать вас ни меньше, ни другой.
Вотще замену ей в другой душе
Искать – такой не обрести уже;
Хоть в книги загляните – не сыскать;
Опричь «Юдифи», нету ей подстать.

ГРАФИНЕ БЕДФОРД
ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОТ НЕЕ СТИХОВ

За ваш привет платя своим ответом,
В грех симонии я бы впал при этом,
Что из грехов духовных больше всех;
Но и молчать неблагодарно – грех.
Здесь я бы в скудости своей сознался,
Там – сбыть обузу долга попытался.
Сам быв ничем, чем уплатить могу?
Все выложив, я снова весь в долгу.
Писав к тому, кто столько уважаем,
Мы долг свой платежом лишь умножаем.
Но вдруг я, как рудник в степи, я найду
В себе – не золото, так хоть руду?
Христос Кумирни древние исправил:

Юпитера взял Петр, Дианы – Павел;
И вы могли бы стих мой приютить
И варварскую Музу освятить, –
Приветить странника, который, вверясь
Еретикам, искал повсюду ересь,
Не замечая возле самых глаз
Сияющую добродетель – вас.
Мне говорили (нет огня без дыма),
Что добродетель при Дворе гонима,
Она бежит от лжи, интриг, забав...
Куда? – я это понял, вас узнав;
Бежит – и возвращается с охраной,
Облекшись вашей славой осиянной,
И выкупает, чести верный страж,
Полмира – пол, я мню, не мой, а ваш.
Тут вы б меня умолкнуть попросили;
Кто истинно силен – молчит о силе.

Итак, раз вам претит хвалебный стих,
Займемся недостатками других.
Не в том беда, что правды мир не ищет,
А в том, что, правду чуя, праздно рыщет;
Под ношей легкомыслия мы с трудом,
Кряхтя, как в гору, под гору бредем.
Подобно солнцу, что не может с места
Сойти, ни выбраться из-под ареста
(Куда его Ученость упекла),
Дух закоснел, – но вертятся тела.
Тень от Земли надкусывает грушу
Луны: так тело уменьшает душу.
Даны нам руки – с умыслом двойным:
Чтоб простираться к бороздам земным
И к небесам в молитве; труд и слово –
Одно безблагодатно без другого.
Сказавший: «плугом в пахоту упрись
И не смотри назад», позволил – ввысь.
Известно, коль недуг в земле таится,
Благое семя в плевел превратится;
Так может мысль (благая, может быть),
Проросши в теле, выроodka родить.
Любовь, а не вражда чинит нам раны;
Мы сами изгоняем, как тираны,
Все благородное из сих Дворцов
И Храмов наших душ; в конце концов,

Когда Господь нам обещал спасенье;
Не душам – телу дал он воскресенье.
Чиста, как снег, ввергается душа
В нас, грешных, – и сквернится там, греша.
Все семена вмещает наше тело
Добра и зла: все, что земля умела
Рожать, способен смертный породить,
Он может жаб, червей и змей плодить;
Но видел ли хоть кто-нибудь когда-то,
Чтоб человек родил жемчуг и злато?
Мы за морем Вирджинию нашли,
Две новых в небесах звезды зажгли;
Скорбеть ли оттого, что суждено нам
Взлететь к тем звездам светлым и бессонным?

Пора кончать письмо; оно стоит
На двух китах, – но вас не убедит.
Добро к себе пристрастно и сурово,
В других же ничего не зрит дурного.
Избыток добродетели одной
Не верит многим и себе самой, –
Лишь мнительному веря подозренью,
И омрачает рай ненужной тенью.
Добро же, не желающее знать
Грехов, не может грешным сострадать.
Политики злым вышибают злое
И вычищают горечью гнилое,
Заставив и порок презренный впредь
Служить им, как прирученный медведь.
Но в вашем царстве, в виде Божьей льготы,
Злу нету службы, а добру – работы.
Тому, кто благодати пьет нектар,
Не нужен очищающий отвар.

ГРАФИНЕ БЕДФОРД

МАДАМ,
Благодарю; я буду знать вперед,
Очистившись от заблуждений давних,
Что не природа ценность придает
Вещам, а редкость оных и нужда в них.
Кто ищет меньшее из зол – простак;
Блажен, кто может выбрать из благ.

Так при Дворе, где добродетель – плод
Редчайший, ваша всех настолько выше
(И оттого толпе ее восход
Незрим), что требуются эти вирши,
Как толкованье – трудным письменам,
Чтоб возвестить ее явленье нам.

Так здесь, в Деревне, красота земли –
Лишь ларчик скрытых благовоний, ждущий,
Как утра, – вас, Мадам, чтоб расцвели
Цветы и раем воссияли кущи;
Без вас она таится, точно мгла
Все наше полушарье облегла.

Сойдите ж с колесницы, сотворя
Рассвет в ночи явленьем беззаконным;
Пусть в новом небе новая заря
Взойдет над миром новообретенным,
Где мы, туземцы ваши, круглый год
Ходить согласны задом наперед.

Как антиподов, мы забудем Двор;
Пусть Солнце, ваш наместник, без отрады
К земле осенней наклоня взор,
Свершает скучные свои обряды, –
Мы будем, безмятежно веселы,
Вам жертвы приносить и петь хвалы.

Но петь хвалы таинственной Душе
И посвящать ей эти приношенья
Я не дерзну – мои стихи уже
Не гимны, а смиренные прошенья.
Коль сами таинства запретны нам,
Мы лицезреть хотим хотя бы Храм.

Так в Риме любопытный пилигрим
Не столь вникает в распри и дебаты,
Сколь поглощает взором вечный Рим:
Его фонтаны, площади, палаты, –
Все, кроме лабиринта догм и школ,
Уверясь, что любой мудрец – осел.

Так я в своем паломничестве жду
Узреть не столько алтари священные,
Сколь храмный облик – то, что на виду –
Хрустальные, сверкающие стены
Рук, плеч, очей – все то, что созерцал
Тот, кто впервой узрел Эскуриал!

Но (каюсь), может, слишком я в упор,
По-деревенски воздаю вам почесть;
В вас – всех легенд таинственный узор,
Переплетенье былей и пророчеств,
Все книги, что от скорби и вины
Очищены – и вместе сведены.

Когда добро и красота – одно,
Вы, леди, оно и часть, и целость;
Во всяком вашем дне заключено
Начало их, и молодость, и зрелость.
Так слитны ваши мысли и дела,
Что даже и лазейки нет для зла.

Но эти рассужденья отдают
Схоластикой, от коей неотвязны
Сомнения; сомнения ж ведут
К неверию и вводят нас в соблазны;
Знакомый смысл в одежде новых фраз
Способен отпугнуть в недобрый час.

Оставим же рассудка суеты,
Пусть судит чувство – попросту, без нянек:
Где трон, казна и царство красоты?
В Твикнаме – здесь, куда приходит странник,
Надеясь подивиться вам двоим:
Где рай, там должен быть и херувим.

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

ГРАФИНЕ БЕДФОРД

МАДАМ,

Чтоб мне гробницей стал ваш кабинет,
Чтоб славе вечно пребывать в Зените
(О ней же мыслю за душою вслед), –

Мой стих последний в этот Рай примите.
Обычай есть – отписывать с одра
Свое добро; а я прошу добра.

OMNIBUS

Мой жребий мне уклад сломать велит,
Когда мы, смолкнув, длимся в речи плит.
Но скажет ли моя – каким я был
Внутри моих прижизненных могил?
Сырою глиной мы ютимся тут,
Покуда Смерть не обожжет сосуд.
Рождение – мрак, но спеет свет души,
Стать слитком золотым в земле спешу.
Грех вкрадчиво сверлит в душе ходы,
Полны червивой мякоти плоды,
Так просто исчерпать себя тщетой,
А здесь телам, с наименьшей простотой,
Дана удача высоты достигь,
Когда раздастся труб небесных клич.
Твори себя – твой свет меня спасет,
Пусть смерть моя тебе добро несет.
Уже спокоен я – ведь я, живой,
Успел прославить час последний свой.

ПИСЬМО ЛЕДИ КЭРИ
И ЕЕ СЕСТРЕ МИССИС ЭССЕКС РИЧ
ИЗ АМЬЕНА

Здесь, где вседневно хвалят Всех Святых,
Расколом было бы каноны их
Не чтить, держась обычаев других.

Но ангелов иных, помимо вас,
Хвалить – раскола хуже во сто раз:
Кошунством это было б напоказ.

Как неофит, я не умею скрыть
Свой пыл; пусть это дерзко, может быть,
Но здесь легко прощение *купить*.

В краю, где вера – не в большой цене,
Апостольское рвение во мне
Взыграло – и стремится прочь, вовне.

Хочу благовестить и восхвалять
Вас, чьи достоинства звездам под стать:
К числу их не добавить, не отнять.

Порой мы тех достойными зовем,
Что добродетельны не целиком,
А лишь в особом *гуморе* своем.

Какой-нибудь недопеченный сэр
Быть может очень кроток, например:
Причиной *флегма* милых сих манер.

Другой, напротив, тем и знаменит,
Что лезет в бой и жизни не щадит –
Так в нем *сангвина* красная бурлит.

Анахорет – иное существо,
От мира он не просит ничего:
Мы хвалим *меланхолию* его.

Гордится тем критический зоил,
Что много вер и книг перехулил:
Он в *желчь* все добродетели вложил.

Себя раскрасить сверху не хитро,
Оставив незатронутым нутро;
Но всей душой окраситься в добро,

Стать полновесным слитком золотым
(Ведь наша проба – все, что мы творим)
Дано лишь душам истинно благим.

Небесная нисходит благодать
Лишь к тем, кто может благо воспрять;
Узрев, что дар приемнице под стать,

Вас Добродетель одарила той
Второй душой – не менее святой,
Что мы зовем духовной красотой.

Она не мечет стрел по сторонам,
Губя сердца (как взоры гордых дам) –
А лишь святой восторг внушает нам.

Но если лицезренье ваших чар –
Даров небес – само небесный дар
И добродетели вливает жар

В нас, недостойных, – сколь сильней его
Душ притяжение и торжество,
Когда их сводит сходство и родство?

Про вашу благородную сестру
Я говорю – и слов не подберу,
Чтобы придать иной наклон перу.

Как Архитектор, если он сметлив,
Зерцалом галерею завершив,
Находит удвоенье перспектив,

Так я бы вдвое больше написал,
Но удлинив своих писаний зал,
Лишь повторил бы то, о чем сказал.

Довольно же пока и этих строк,
Что в них я засвидетельствовать мог
Долг преданности – и внести залог.

ГРАФИНЕ ХАНТИНГТОН

*Фрагмент или фрагменты,
приписываемые также сэру Уолтеру Эштону*

...Они – как дикари, что бродят наги
В краю, где жаркий воздух полон влаги:
Не знай бедняги наготы своей
И не страшись они лесных зверей –
Я мог бы уподобить это племя
Адаму беззаботному в Эдеме.
Но в дальние те земли не дошла
Весть о познании Добра и Зла,
И без вины их души от рожденья
Несут проклятие грехопаденья.

А впрочем, взгляд с изрядной высоты
Преображает деревья в кусты,
Людей – в детишек; мелкие создания
И вовсе не видны на расстоянье:
Так все, вдали живущие, для вас –
Не боле чем туман, в котором глаз
Разумных атомов сыскать не тщится;
Но мне их жаль! Я различать их лица
Могу, как вы – мое: ведь я, Мадам,
Стою от них на полдороге к вам.

Но не найдете вы в моем посланьи
Элегии, скрестившей томно длани,
Ни оды слезной: стих мой не таков,
Как вздохи бледнокровных стариков,
Чей дух со стоном выскользнет из плоти,
Коль вы им благосклонно не кивнете.
Пасть от любви способен я едва ль,
Подняться – да! И мне порою жаль
Безумца, в чьей груди ярится буря,
Чуть милая пройдет, чело нахмуря.
Он от любви то стынет, то горит,
С деревьями, забывшись, говорит:
Она владеет им, как лихорадка,
Саму себя сжигая без остатка.
Нет, лишь презренье жен снискал нам тот,
Кто ввел мольбы да пени в обиход!

Как сонный Хаос был всему началом,
Пока стихии, кои заключал он,
К желанным целям розно устремясь,
Древнейшую не разорвали связь,
Отъяв огонь от воздуха и влагу –
От суши, к вящему для мира благу, –
Так и любовь на свет порождена:
В сумятице двух первых душ она
Дремала неосознанным томленьем,
Невнятной жаждой, смутным устремленьем.
Блаженный век! С подругою вдвоем
Невинный муж бродил в саду своем,
И взором взор лова, вздыхали оба,
Дрожа от непонятого озноба,

И робость, замыкавшая уста,
К лицу была мужчине в те лета.
Моряк, стремящийся к заветным землям,
Знай: путь прямой – всех более приемлем;
Страсть, облачась в затейливую речь,
На путь кружной дает себя увлечь.
Разумный муж любви не вымогает:
Ответный пламень тотчас возжигает –
Иль дружбою довольствуется он
И знает, оснащая галеон,
Что назначать отплыть безрассудно,
Пока во льдах прохода нет для судна.
Любовник, что крушение потерпел, –
Вот верная мишень для пробных стрел,
Вот оселок девичьему презренью,
Что по пятам за ним влачится тенью.
Отвергнутому вновь просить любви –
Безумье, хоть сама она зови.
Я страсть скорей чем вздохом обесславлю,
Кристаллом ледяным застыть заставлю.
О, полюбить способен я вполне
И верным быть, покуда платят мне
Такою же монетой полновесной:
Взаимный уговор блюду я честно,
А станут гнать – на миг не задержусь:
В привратники я, право, не гожусь.

Но речь о вас, Мадам, а вы над нами,
Как солнце над рассветными тенями,
Вздываетесь; и здесь, где наш зенит,
Где полдень наш, вам только предстоит
Начать восход... Ваш облик лучезарный
Рождает в душах отблеск благодарный.
Столь совершенны вы, что пелена
Тончайшей лести – затенить вольна
Сей чистый свет: есть мера в каждом деле,
И выше цели – значит мимо цели.
Ваш путь высок и безупречно прям.
Вы – светоч, и за вами по пятам,
Перенимая каждое движенье,
Влекутся тени, ваши отраженья.
И здесь, внизу, глядишь, иной паяс

Неловко передразнивает вас;
Но все, любуясь вами издалёка,
Мы ловим брызги свежего истока.
Любовь, прекраснейшая сторона
Всех наших душ, как отсвет рождена
Ярчайшей гранью вашего сиянья.
И если тела и души слиянье
Сродни единству неба и земли,
То мысли уподобить мы б могли
Звездám, чей смысл нам ясен лишь отчасти,
Но мы подчинены их тайной власти.
Любовь же ваша – солнца щедрый жар,
Не сякнувший; и как из почвы пар –
Так наши души тянутся к светилу,
Но чтобы одолеть земную силу,
Душа должна очиститься вполне,
И долог путь к бессмертной вышине.
Кто устремится ввысь, имея пятна
На совести, – тот рухнет вмиг обратно.
Не для бесчестных душ сия стезя,
Там, наверху, им уцелеть нельзя,
Где праведной любви сверкает пламя:
Так низкий прах не наделен крылами
И низкий дух, сколь он ни дуйся вширь,
Вблизи огня вдруг лопнет, как пузырь.
В краю полночном солнца свет отраден,
Но скуп; а где-то жар его нещаден.
Так замерзает тот, кто удален
От вас, а кто вблизи – огнем спален.
Но воздух равно напоен сияньем
В лучах заката или утром ранним;
Так истинной любовью озарен
Муж праведный, где б ни скитался он:
Истреблена в нем пустота навеки,
Сияет радость в этом человеке.
Кощунство – славить именем Любви
Жар блудный и волнение в крови.
Любовь весь мир блаженством наделяет,
А не один лишь голод утоляет;
В ряд добродетелей не включена,
Все до одной включает их она.

ГРАФИНЕ ХАНТИНГТОН

МАДАМ,

Не в женщине впервые воплощен
Господень дух и образ, но в Адаме,
А дочерям Евы не велит закон
Делами ведать и служить во храме.

Дивимся мы, комете глядя вслед:
Звезда же новая, невесть откуда
Среди созвездий вечных и планет
Возникшая – вот истинное чудо!

Так жены, что безгрешны и чисты –
Кометы редкие на небосводе,
Но чудо деятельной доброты –
Явленье небывалое в природе.

И как звезда, что трех царей в ночи
К младенцу привела путем неблизким,
Так вашей добродетели лучи
Путь указуют праведным и низким.

Мир постарел. Не за горами мгла:
Снижение солнца мудрецов тревожит;
Коль ныне добродетель снизошла
До женщины – и ей конец, быть может?

Отнюдь! Она лишь выше вознеслась:
Разбросанная прежде по крупице,
Теперь смогла она в душе у вас
Вновь цельность обрести и укрепиться.

Да, добродетель населяла мир
И наши оболочки золотила,
Но вас она, как чудо-эликсир,
До сердцевины в золото обратила.

Мать и Жена – всего лишь имена
Для женщины, хотя и не для всякой,
Но Добродетель (ибо вы – она!)
В названьях сих нуждается, однако:

Ведь чистота, смешавшись с чистотой,
Как с воздухом вода, не видны глазу,
Названья же с их грубой простотой,
Подобно облакам, заметны сразу.

Планеты называют в честь богов,
Созвездья же – простыми именами:
Рак или *Бык* – но ярче жемчугов
Узоры их в ночи блестят над нами.

Итак, вы Женщина – для одного,
Другим – родня, для третьих – благодетель,
Меня ж пленяет более всего
Сиятельная ваша добродетель.

Как верноподданный, издалека
Впиваю животворное сиянье,
И дабы не прослыть за должника,
Вам этих строк плачу смиренно дань я.

А коль сочтете вы, что стих мой льстив, –
То впрямь польстил я вашему рассудку;
Но можно, лезть во благо обратив,
Ей, как совету, следовать не в шутку.

Вот вам и прок! И пусть на полотно
Черты нанесены не столь уж чисто,
Зато в картине запечатлено
Доподлинное рвенье портретиста.

Я мог польстить – коль речь о том идет –
Но лишь себе как автору сужденья,
Что добродетель ваша превзойдет
Красу и блеск высокого рожденья.

Теперь, когда я оказался прав,
Вам долг велит, за эти благостыни
Создателю прещедрому воздав,
Самой назвать все, что назвал я ныне.

И строк хвалебных сих не я творец,
Но сами вы, в зените доброй славы,
А я лишь исполнительный писец,
Глашатай всеми признанной державы.

Я был пророком вашим; а сейчас,
Смирный клирик, славлю Бога в вас.

ГРАФИНЕ СОЛСБЕРИ

Прекраснейшая! видя вас воочью,
Мы всех чудес дивимся средоточью.
Красой затмивши солнце в вышине –
Теперь, когда и солнце не в цене
И вспыхивает разве что в сонетах,
На локонах, влюбленными воспетых, –
Вы нам предстали истинным венцом
Земных существ, изваянных Творцом.
Когда вокруг все вянет, сохнет, тлеет
И добродетель, как в отлив, мелеет,
И мирозданья рушится каркас
Затем, что меж людьми иссяк запас
Величья истинного: дружбы, чести –
Всего, что балки связывает вместе;
Когда мельчает все (и двор, и храм
Торгуют в розницу по мелочам,
Их гордый пламень ветром разметало,
А слитки благородного металла
Пришлось на побрякушки перелить,
И всяк ловчится пуще умалить
Ничто, которое у нас в наличье), –
Лишь вы одна исполнены величья
И нам являете пример того,
Как стать Творца достойным своего.
Теперь, когда не в моде добродетель,
Когда едва ли сыщется свидетель,
Чтоб век наш обвинить (коль каждый вор,
То кто кому объявит приговор?),
Когда и доброте, и благородству
Дивится мир как редкому уродству, –
Избрать стезю добра дерзнули вы.

По вам одной сужу я, каковы
Должны быть красота, добро, величье,
И коль в посланье к вам сумел достичь я
Хоть тени совершенства, то оно
Все ваше, ибо вами внушено.
И хоть случалось мне хвалой похожей
Хвалить других – я не язычник все же:
Создай Господь Адама в первый день –
Узревши зелень трав и листьев сень,
В день третий тот бы славил неустанно
Плоды земли и воды океана,
Но в день четвертый, озирая высь,
Где солнце, звезды, месяц родились,
Он с новым пылом небеса б восславил –
И, видит Бог, ничуть бы не слукавил.
Вся правда в том, что вы достойней всех,
Но и хвалу вчерашнюю не грех
Частицей правды счесть, хоть небольшою:
Ведь и тогда я не кривил душою.
Душа! вот к разъясненью славный путь:
Вначале заключалась наша суть
В душе растительной, затем животной,
И только после нам, как дар почетный,
Была душа бессмертная дана:
Две первых вобрала в себя она.
Так и со мной: я не сменил пристрастий,
Люблю все то ж, все тех бегу напастей,
Различье только в мере и числе:
В констебле уличном и в короле
Я уважаю власть, и так же всюду
Красу, добро, величье чтил и буду,
Но прежде я отыскивал с трудом
Лишь их следы, теперь – стучусь к ним в дом.
Как двум своим я душам безымянным,
Что третьей послужили ткацким станом,
Навеки благодарен, так и тем,
Что послужили для моих поэм
Основой прочной, школой благочестья:
Неграмотный, как смог бы вас прочесть я?
Вы – свет и книга: я бы сей трактат
И под землей, в гробу, где мгла и хлад,
Листать бы мог при ангельском свеченье,

Идущем от предмета изучения.
Тот первый бард, что добывал свой хлеб
Искусствами, был от рожденья слеп,
Но зреньем обладал он не телесным,
Присущим только ангелам небесным
Да тем, кто зрит их. Будь я обойден
Слепой Фортуной и без глаз рожден,
Я ваших добродетелей сиянье
Все ж мог бы различить на расстоянье
И в вас одной свет истины постиг,
Сгни хотя все мое собранье книг.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЭЛЕГИИ

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ Л. К.

Скорбь, ране обходившая сей дом,
Днесь как наследник воцарилась в нем,
И, словно челядь, переняв манеры
Хозяйки новой, мы скорбим без меры.
Да и хозяин прежний завещал
Нам сколь угодно пищи для похвал
И вдоволь слез, чтоб расточился ныне
Запас, не тронутый при господине.
Как вянет плющ, когда могучий ствол,
На коем он дотоле рос и цвел,
Сожжен на алтаре иль в сад небесный
Перенесен из рощицы безвестной, –
Так иссушает нас его уход:
К иным брегам, отважный мореход,
Направил он корабль, и были б рады
Ему друзья свои доверить вклады.
Мы потеряли друга, он – сумел
Жизнь вечную обрести. Когда б имел
Врагов он, то признали бы и эти
За ним все добродетели на свете;
А тех, кто заслужил его любовь,
Теперь лишь смерть соединит с ним вновь.
Вот дети, в точности его портреты:
Безмолвны, только в саван не одеты.
Что мрамор! Здесь, недвижна как скала,
Семья живым надгробьем замерла.

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ЛЕДИ МАРКХЕМ

Смерть – океан, которому во власть
Дана лишь наша низменная часть;
Его грозящий вал не достигнет
До горных стран души, ее высот.

Но волны бьют, грызут и рушат брег,
Когда теряет друга человек.
Навстречу им – ручьи сердечных гроз;
Но даже токи наших высших слез –
Тех, что грехи друзей смывать должны,
Становятся от скорби солонны.
Твердь более не делит воды *над*
И *под* – потоп не ведает преград.
О человек! ты жалишь сам себя
(Как скорпион), терзаясь и скорбя.
Очками слез мы лишь себя слепим,
Зря только горе, а не что – за ним.
Нет, смерть урона ей не нанесла!
Как буря, берег окатив, смела
С песка размётанной листвы узор, –
Так смерть с усопшей смыла смертный сор.
В Китае, глиняный зарыв сосуд,
Фарфор через столетье достают;
Так эта плоть – сияющий покров
Из яхонтов, сапфиров, жемчугов –
В могильном тигле претворится в ту
Всезакрывающую красоту,
Из коей, этот мир спалив, Господь
Создаст нетленную, иную плоть.
Урон с прибытком часто заодно;
Смерть поражает наше тело, но
Из поражения того душа
Выходит чище, боле не греша.
Лишь праведники в правоте своей
Не знают смерти; гроб для них – трофей.
Вот так она две смерти погребла
В одной, отныне чуждая для зла;
Пусть грех подымлет дерзкое копьё –
Несокрушима девственность ее.
Как, помнится, печалилась она
Не от греха – от малого пятна
На снежной белизне. Ведь, говорят,
Зерцало треснет, если капнет яд.
Она грешила, мнилось, лишь затем,
Чтоб не прослыть безгрешною совсем.
Казался ложью ей любой излом
Правдивости; в ее глазах грехом

Бывало то, что лишь когда-нибудь
Могло бы вывести на грешный путь.
Быстрее, чем огнекрылый херувим,
В тот дом, пред коим наши дома – дым,
Ее душа, смирением светла,
По лестнице своих же слез взошла.
Не стану толковать, как хороша
Для неба будет милая душа,
Скажу, как хороша была для нас
Она, опровергая каждый час
Ту ересь, что давно пора забыть:
Мол, женщина не может другом быть.
Поведаю о леди столь святой –
Поверят ли, что речь о молодой?
О свет, исторгнутый из нашей тьмы!
Да возликует Смерть, а с нею – мы.

ЭЛЕГИЯ
НА СМЕРТЬ МИССИС БОУЛСТРЕД

О Смерть, перед всеильностью твоей
От дерзких отрекаюсь я речей:
Сомненья все отринул я как ересь,
В могуществе твоём навек уверюсь.
Растенья, люди, звери, целый мир –
Для ненасытной Смерти вечный пир.
Войной, чумой ли скошенная паства –
Для хищной пасти лакомое яство.
То вдруг, пресытись, всех она не жрет,
А только самых лучших тащит в рот,
То, вырвавши друзей из жизни нашей,
Нас оставляет гнить кровавой кашей.
И мало ей земли! Сквозь толщу вод
В обитель чинных рыб ей ведом вход:
Когда б не Смерть, то, расплодившись, рыбы
Собою море запрудить могли бы.
И в небесах ее сухая длань
Сжимает птицам певчую гортань:
Когда бы вечно пел нам хор пернатый,
Средь ангелов явился б чин десятый.

Смерть не рожденная! Откуда ты
Пришла в наш мир, исчадь пустоты?
Падут цари, и твой конец настанет,
Но перед тем Антихрист в бездну канет.
Глупец, как мог тебя Ничем я счесть,
Когда во Всем лишь ты одна и есть?
Вся наша жизнь, хотенья и старанья –
Лишь разные ступени умиранья,
Лишь выдохов и вдохов круговерть,
Ведь мы не смертны, нет, мы сами – смерть!
Хоть ловчим соколом ты служишь Богу
И дичь должна сносить к Его чертогу,
Но щедро тешит Он твой хищный нрав,
Себе лишь часть добычи отобрав.
И та, кого у нас отобрала ты,
Им будет избрана. Ее палаты
Впрямь высоки: не совладав с душой,
Ты в гневе нижний разнесла покой,
Но попусту. Ее душа и тело –
Монарх и двор: ты их разъять хотела,
Дворцы ж порой и без владык своих
Несокрушимы, как тела святых.
Ты вклинилась промеж душой и телом,
Как грех меж праведником ослабелым
И благодатью, – лишь на краткий час.
Ее душа, что унеслась от нас,
Для тела путь расчистит к лучшей доле:
Ведь там тела – как души в сей юдоли.
О Смерть, иль ты не знала, что она
Несчетных добродетелей полна?
Что больше их, чем лет покойной было?
Поспешностью все дело ты сгубила!
Краса и ум хоть раз бы до греха
Могли довести (уловка неплоха),
А к старости – иные прегрешенья
Пошли бы в ход, тебе на утешенье:
Не скупость, так тщеславье, дай лишь срок,
Иль суеверье, набожных пороки;
Останься же она чиста, как ныне, –
Отсюда как не проистечь гордыне?
Пусть не сама – уж кто-нибудь иной,
О ней помыслив дурно, грех двойной

Свершил бы, за любовь приняв участие,
Иль дружбу – за постыдное пристрастие,
Иль честь ее задумав испытать,
Иль тайно вождедея к ней, – как знать?
Вот сколько упустила ты трофеев,
Расправу с ней до времени затеяв!
Но есть еще оружие у тебя,
О Смерть: немало душ, о ней скорбя,
В унынье могут впасть. Но слезы наши
Отчаянья не переполнят чаши:
Пусть разомкнулась цепь, но ни одно
Друзьями не утрачено звено.

ЭЛЕГИЯ
НА СМЕРТЬ МИССИС БОУЛСТРЕД

Речь, ты бессильна облегчить нам муки:
Скорбь не владеет словом. Если б звуки
Из глаз текли, как слезы, – сей поток
Избытку горя дать бы выход смог.
А чем безмолвней сердце, тем больнее
Его печаль; так худшие злодеи
В суде всех тише: им мертвит уста
Отчаянья глухого немота.
О Скорбь, царица пятой из империй,
Зачем, двойной карая нас потерей,
Сразила ты царицу всех сердец –
Затем ли, чтоб пополнить свой венец?
Ты, как потопа гибельная сила,
И близких, и далеких захватила.
Но прежде завладев ее душой,
Зачем, о Скорбь, сровняла ты с землей
Ее обитель? Кабы в ней жила ты,
Всяк был бы счастлив на твои палаты
Взглянуть, на дивный свет ее очей:
И впрямь рождался день от их лучей.
Она сияла, как сапфир прозрачный, –
Ты ж глину предпочла и камень мрачный.
Она была хрупка и все ж тверда,
Но и кристаллы бьются иногда.

Ты просчиталась, Скорбь: с ее кончиной
Мы все из-под руки твоей бесчинной
Прочь ускользнем, мятежные рабы,
Своей нимало не кляня судьбы.
Умрем ли с горя – нам того и надо:
Жизнь без нее – невелика отрада.
Останемся ли жить – о ней тоска
Нам пуще прежней радости сладка.
Она для нас являла воплощенье
Всех добродетелей без исключенья.
Ее душа была как райский сад,
Где Милосердье – верный страж у врат,
Куда не вхож порок; лишь смерть сумела
Пробраться к древу и докончить дело.
Должно быть, Бог забрал ее с земли,
Чтоб возлюбить ее мы не смогли
Превыше Неба, – и о нас радея,
Он наши помыслы возвысил с нею,
А не забрал бы – праведников строй
Еще одной пополнился б святой.
В ее груди, как куст неопалимый,
Пылало сердце верой негасимой,
И набожности путь являя нам,
Шла в праздник не на пир она, но в храм,
Душой пиры иные предвкушая
И светлый праздник без конца и края.
Теперь, на небеса вознесена,
Она верховным ангелам равна,
А тело здесь оставлено, чтоб ныне
Ее бессмертной не сочли богиней:
Красы и добродетели такой
Язычникам хватило бы с лихвой.
Земля, что тянет к ней свой зев голодный,
Лемнийской глиной станет благородной,
Гроб вечным древом прорастет над ней,
Хранящим клад заветный меж корней,
А мы разделим горе по кусочку,
Его снести не в силах в одиночку.

ЭЛЕГИЯ
НА БЕЗВРЕМЕННУЮ КОНЧИНУ
НЕСРАВНЕННОГО ПРИНЦА ГЕНРИ

Крепись, мой дух, и помогай нам Бог!
Ударом сим застигнуты врасплох,
Враз пошатнулись Разум мой и Вера
(Тот – равновесья, та – величья мера).
И впрямь Рассудок наш, как некий свод,
Объемлет весь земной круговорот,
И дольний мир, открытый для познания,
И всё расчисленное мирозданье.
Величье же, в котором сопряглись
Вершины и провалы, даль и высь,
Божественная сущность, Провиденье,
Душ отлетевших новое рожденье, –
Доступно только Вере. Лишь порой
С недосыгаемой своей сестрой
Могучий ум в одной сойдется точке:
Не все ж скитаться им поодиночке.
И это чудо нам являл не раз
Тот юный принц, что днесь ушел от нас,
Чей ум в такие возносился сферы,
Что слыли поприщем одной лишь веры.
И если в равновесье мировом
Малейший сдвиг страшней, чем адский гром, –
Без веры, без надежд на вразумленье
Какое ждет нас светопреставленье?
Не всяк ли верил, глядя на него,
Кто был для стран соседних божество,
Простертых в ожиданье, как природа,
Живительного ждущая восхода, –
Кто каверзников сети разрывал,
Как скат морской, разящий наповал,
Другим ловцам на страх, – кто был опорой
Для венценосного отца, который
В нем видел средство примирить задир,
Сплотив душою христианский мир, –
Не всяк ли верил, что при нем настанут
Иные времена и в вечность канут
Усобицы, и мир, погрязший в зле,
Узрит преддверье рая на земле?

И в том я вижу промысел небесный,
Что, лишь рассталась с оболочкой тесной
Его душа – как в мирной тишине
Слышны уж снова речи о войне.
Что ж! Наша вера обратилась в ересь,
А прадед Прах, принять нас вознамерясь,
Напрасно ждет и злится. Иль Господь
Все казни исчерпал, что нашу плоть
Сгубить могли бы, и вотще мы ныне
О смерти молим, как о благостыне?
Но неспособна твердь земная пасть
И тем Создателя оспорить власть:
Так мы напрасно жаждем облегченья,
Коль сам Творец обрек нас на мученья.
И мы живем – как горстка мандрагор,
Навек в могильный вросшая бугор.

Чем стало бы для нас его продленье
В потомстве, если смерть его и тленье
Питают нашу жизнь, как скорбь и боль
Питают почву, мертвую дотоль?
О, если б эта скорбь небесных кущей
Достигла, – зная наш удел грядущий,
Не ликовали б ангелы в тот час,
Но плакали, что нет его средь нас!

А где рассудок наш? В каком сосуде
Теперь искать его, коль мы не люди?
Нигде! Когда рассудок – только нить,
Что следствие должна соединить
С причиною, – то, значит, без причины,
Как без основы, не соткешь холстины,
И нет рассудка там, где нет *его*,
Кто был для нас основою всего.
Судьба – что цепь, чьи сомкнутые звенья
Доступны для людского разуменья.
Явись в ней чудом новое звено –
И с толку вмиг сбивает нас оно,
Когда же смертью вырвана частица
Из центра – всякий разум помутится.
Но коль от скорби разум наш угас,
То, значит, прежде разум был у нас,
Теперь же мы мертвы – мы все отныне
Мертвей, чем принц, о чьей скорбим кончине,

И если худо мы скорбим, так что ж!
 Он жив, а с мертвых много ли возьмешь?
 Я, впрочем, жить хочу: затем хотя бы,
 Что, пусть его постичь мой разум слабый
 Не в силах, он – наш путеводный свет
 На полдороге от земных сует
 К Предвечному. Но он, дерзну сказать я,
 Любил и был любим, и в том мы братья.
 О, если б мне хоть раз узреть тебя,
 Сиятельная мудрость, что любя
 Им двигала, – я б за такое чудо
 Простил своей судьбе, что жив покуда.
 Молю, во имя всех обильных жатв
 Признаний тайных, нерушимых клятв,
 Душ, выдохнутых с каждым вашим вздохом, –
 Позволь, в науку будущим эпохам,
 Мне ангелом побыть в земном раю,
 Его любовь прославив – и твою!

НАДГРОБНОЕ СЛОВО ЛОРДУ ХАРРИНГТОНУ,
 БРАТУ ЛЕДИ ЛЮСИ, ГРАФИНИ БЕДФОРД

Графине Бедфорд

*Мадам,
 те законы, в которых я отчасти сведущ, учат, что одаривший чем-либо покойного обязывает этим лишь покойного, но не его наследников; посему посылаю вам свои стихи не затем, чтобы Вы меня поблагодарили или подумали, что я Вас благодарю таким образом; Ваши милости настолько превосходят мои заслуги, что они также превосходят и мою благодарность, ежели измерять оную словами, ее выражающими; но, Мадам, коли наследие Вашего благородного брата принадлежит Вам, то и бумаги на него принадлежат Вам же, а коли Вы владеете и добродетелями брата, то свидетелства оных также должны по праву принадлежать Вам, что Вы можете ныне удостоверить, приняв сии стихи; для чего и подношу их смиренно Вам – в доказательство того, насколько полностью и всецело предан Вашему семейству*

*Вашей светлости покорнейший
 и благодарнейший слуга*

Джон Донн

О дух высокий, сохранивший гул
Гармонии, что Бог в тебя вдохнул,
И ныне влившийся в органнй хор
Душ ангельских, твоих родных сестер, –
В наш мир с предвечной высоты склонясь,
Узри, как много разных троп, висясь
Прошли меж небом и землей; взгляни
На наши дольные дела и дни.
Взгляни, как я, стремясь к твоей душе,
На новую ступень взошел уже,
И в этом размышлении благом
Очистил дух, раздвинул окоем
И землю увидал, привстав над ней,
Небесной картой, а себя – твоей.

Взгляни – тут полночь: времени поток
Застыл, как темный омут, мир совлек
С себя заботы дня; мастеровой
Так спит, что и в постели гробовой
Навряд ли глухо так уснет; истец,
Чей спор решится завтра наконец,
Спит, как мертвец; и осужденный вор
(Что поутру, едва откроет взор,
Его закроет снова) спит в тюрьме
И умирающую учится во тьме.

О Дух, узри меня в моей ночи
И ниспошли полночные лучи,
Чтоб мир прозрачен стал и я прозрел
Сокрытый смысл земных и Божьих дел
И сам себя постиг, – хоть сей предмет
Всего труднее вытащить на свет.
Бог – зеркало; как, стоя перед ним,
Мы в нем себя обратным зреньем зрим,
Так, по земле еще в грехах влачась,
В тебе свою я вижу с небом связь.
Бог – истинное зеркало, ведь в нем
Весь Божий мир вмещается одним;
Но праведника светлая судьба
Здесь, на земле, – подзорная труба,
Что кажет нам, как будто бы вблизи,
Ту добродетель, что на небеси.

Как рассказать о том? с чего начну?
Земную добродетель, как волну,

Не исследить; нет у нее примет
И вех, чтобы мысли зацепиться, нет.
Жизнь, как поток, течет – и я не тот
Ни кровью, ни душой, что прошлый год;
Какую каплю ни отметь в реке,
Миг – и она, умчавшись, вдалеке
Уже смешалась с тысячью других;
Не различить, как ни пытайся, их.
Дела людей – подобье этих рек;
Но памятью бессмертен человек.
Как если кто вкусил, того не зная,
Плоть человечесю, свой смешав состав
С чужим, но Бог им учинит раздел
В день воскрешенья душ людских и тел,
Ведь каждый атом на счету Творца, –
Так, если б кто-то сведал до конца
Поступки праведника, он бы нам
Их счел по рангам и по именам,
Но я, боюсь, лишь оскорблю тебя,
На части нераздельное дробя.
Об ангелах порою говорят,
Что из частей чистейших состоят;
Но больше ангельской природе честь
Сказать: проста и неделима есть.
И таково ж добро, его закон:
Единое важней, чем миллион.
Когда б судьба желала бы его
Все добродетели до одного
Явить, она б ему продлила срок,
Чтоб он явить по очереди мог
Достоинства молодых и зрелых лет;
Но в краткой жизни им простору нет,
И оттого, чтоб не пропасть в тени,
Принуждены соперничать они.
Таков был юный лорд: ему пришлось
Стать собственным итогом; в нем сошлось
Так много качеств праведных, что их
На несколько хватило бы святых.
Когда слетает ангел с горных круч
На землю – ослепительный, как луч, –
Наш взор, глядящий в звездный небосвод,
Бессилен исследить его полет,

Хоть знаем мы, что он насквозь пронзил
Орбиты малых и больших светил.
Как ангел правду постигает вмиг,
Соединяя множество улик
В одно и находя их сумму сумм, –
В то время как медлительный наш ум
Не может этой быстроты понять, –
И как давно умеющий читать
Не станет слово по складам тянуть,
Но сразу догадается, в чем суть,
И моментально сложит А и Б, –
Так праведник, что совместил в себе
Все добродетели и небом взят
Безвременно, не должен быть разъят
На части, но постигнут весь, как есть,
Как то письмо иль ангельская весть.
О, почему сих праведных мужей,
Ниспосланных на землю, как елей,
Чтоб наших бурь волнение умирять,
Назначили, спасая, умирать?
Душа, зачем так быстро ты свела
Начало и конец? Ведь ты могла,
Свой циркуль утвердив одной ногой
На небе, смело обежать другой
Весь мир, в его огромной ширине,
И малый мир исследовать вполне.
Хоть параллели разных поясов –
У тропиков и возле полюсов –
Во всем подобны, плавны и круглы
(Затем, что в них отсутствуют углы),
Но если нужно измерять длину –
Или влиянье солнца на страну:
Когда жар онога силен иль слаб, –
Нам лишь великий круг задаст масштаб;
Вот так твой круг, что ныне завершен,
Как вечность, – и в бессмертье устремлен,
Хоть он и может юным подсказать,
Как юность тратить и как умирать,
Но между юностью и смертью лег
Путь многих искушений и тревог:
Палящий зной двора, деревни хлад,
Водянка скупости, безверья ад –

Опасностей прямых не меньше в них,
Чем в буйстве и беспутстве молодых;
Зачем же ты от них лекарств не дал,
Пример нам зрелых лет не преподал?
 Как часиков карманных робкий ход
Зависит от того, каков завод:
Их стрелки начинают трепетать,
Колесики – на месте застывать,
Пружинка слабнет, маятник внутри
Играет то в «замри», то в «отомри»,
Звоночек хрипнет или вовсе вдруг
Смолкает в судороге смертных мук,
Когда их перестанут заводить
Иль всякий так и сяк начнет крутить, –
Так юность в пагубу впадает тем,
Что внемлет никому – иль сразу всем.
Часы на башне, измеряя дни,
Всем градом правят; ошибись они –
На многих сразу скажется обман,
Карманных же – на том лишь, чей карман.
Ошибки в старости вдвойне страшны,
На нас – глаза семьи иль всей страны.
Зачем же ты, чья верная душа
Не отставая шла и не спеша
К тому, кто дал ее тебе, не мог
Остаться здесь, как точности залог,
Как солнечных часов правдивый лик,
Чтоб по нему сверять нам каждый миг?
Отлив бывает дольше, чем прилив;
Зачем ты опроверг сие, явив
Невероятное: прилив добра,
Что юность принесла твоя вчера
(Такого мир не видел испокон),
Быстрее отхлынул, чем прихлынул он?
И всё, что обещал нам твой восход,
Всё смерти поглотил водоворот.
 Но и сию, пугающую взор,
Ты Бездну превратил в блестящий Двор.
Теперь я знаю, на каком пути
Мне избранное общество найти.
Что город? Муравейник без краев,
Кишащий полчищами муравьев,

Влекущих по петляющим тропам
Яички, зернышки и прочий хлам.
Но лишь погосты – наши города;
Все лучшее стекается сюда.
Тут духа богачи нашли приют,
Тут есть святые улицы, и тут –
Врата, что мы открытыми узрим
В Град Божий, Новый Иерусалим.

 Душа победная, в сии врата
Вступай, как Триумфатор! Пусть уста
Скорбящих о тебе тебя бранят –
Таков уж празднества сего уклад;
Позволь же скорби мне излить порыв,
Триумфа твоего не умалив.
Закон триумфы числит средь наград,
Что может получить лишь магистрат.
А ты, хотя и усмирил мятеж
Своих страстей природных, – но допрежь
Того, как будешь честно возведен
В тот ранг, для коего ты был рожден,
И муж совета, сидя меж вельмож,
Советами победы принесешь, –
Триумф принять ты не имеешь прав,
Не по закону смерть свою стяжав.
К тому же ты досель сражался лишь
С мятежной юностью своей, то бишь
С беспечностью желаний; но пока
Не двинул ты победные войска
На внешнего врага, средь коих два
Опасней прочих – зависть и хвала
(Что разное, но равно сражают тех,
Кто слишком верит в собственный успех), –
Ты лишь в гражданской побеждал войне
И свой триумф не заслужил вполне.
И ждать триумфа также не должны
Бойцы оборонительной войны.
Владенья должно, чтоб триумф стяжать,
Расширить, а не просто отстоять.
Зачем же, словно доблестный квинрин,
Ты, вырвавшийся с боем из теснин
Своих страстей, чтоб Господу вернуть
Его владения (они же суть

Твои душа и тело), поспешил –
Зачем ты смертных образца лишил?
Ты Царствие Его расширить мог
Здесь, на земле; но этим пренебрег.
Триумфа стоит ли твоя душа,
Коль небеса – опять без барыша?
Приняв тебя как дань от всей земли,
Они в тебе свое лишь обрели.
А главное (гласит еще закон) –
Тот край, что полководцем покорен,
Чтоб мог триумф его свершиться тут,
Свободен должен быть от войн и смут.
А мы свободны ли от смут? Иль нас
В счет не включать? Иль он себя лишь спас?
Нет, праведник в ответе за других,
Его епархия – весь мир; за них
(За каждого) он должен воевать
И опекать их, ангелу под стать.
Исчислил много я упреков; но,
Хоть Триумфатора разрешено
Бранить, но тот же не велит уклад
Хулить источник почестей – Сенат.
Не возбраняют право и закон
Вышучивать Помпея: дескать, он
Еще юнец; но возбраняют впасть
В хулу и покушение на власть,
Что наградила баловня побед
Триумфом до свершенья должных лет.
Вот так, дерзая сетовать сейчас,
Что ты до времени покинул нас,
Я в мятеже почтительном своем
Отнюдь не смею упрекать ни в чем
Верховного владыку и, в душе
Еще с утратой не смирясь, уже
Шепчу: пускай лишимся мы его
Скорей, чем он – Триумфа своего.
Не те, увы, на свете времена,
Чтоб, как саксонка, в гроб легла жена
С любимым – или друг, как древний галл,
Смерть принял с тем, кому он присягал;
Не выразит и долей эта речь
Скорь Александра, что велел совлечь

Все украшенья с башен и колонн,
Гефестиона смертью поражен.
Но не отвергни малой жертвы сей,
Прекрасная душа: в твой Мавзолей
Позволь, я Музу скорбную замкну,
Отныне возлюбив – лишь тишину.

ГИМН ВСЕМ СВЯТЫМ
В ПАМЯТЬ МАРКИЗА ГАМИЛЬТОНА

Сэру Роберту Керу

Сэр,

я полагаю, вы можете убедиться, что я послушен вам более, чем стихи послушны мне; вы знаете пределы моих возможностей и согласитесь, что чем меньше истины было у меня в предмете, тем больших результатов я достигал. Не то ныне: сам предмет столь истинен, что перед ним бледнеют любые поэтические ухищрения. Назовите этот листок как хотите и, если он не достоин ни усопшего, ни вас, ни меня, порвите его – пусть он будет погребальной жертвой. Если бы вы повелели сопроводить его тело в Шотландию и произнести там проповедь, я бы воспринял это с большей готовностью; все же благодарю вас, что вы подвигли меня на то, за что я взялся с неохотой, ибо так я смог хотя бы слабо и отчасти доказать вам покорность

Вашего бедного друга и служителя во Христе,

Дж. Д.

Душой, что в вашу рать вступает ныне, –
В обычном ранге иль в особом чине,
Под прежним именем иль под иным,
Неслыханным (ведь каждый серафим
Отдельный род являет нам собою), –
Итак, пополнившись его душою,
Небесные полки укреплены,
Мы ж наповал потерей сражены.
Что в небесах рождает ликованье,
Здесь умаляет все чины и званья:
Правитель, подданный, отец и друг –
Днесь их ряды все поредели вдруг.
Слышны повсюду вздохи то и дело,
Двор овдовел, Подвязка ослабела,
Оглохла Церковь, онемел Совет,
Ни в песнях, ни в беседах складу нет:

Во всем изъян, везде следы гангрены,
Что губит на корню живые члены.
Его же тело, словно бы спеша
Всем возвестить, сколь дивная душа
Рассталась ныне с оболочкой брэнной,
Свою красу утратило мгновенно
(Так в груди камня обращались вмиг
Монастыри, презревшие владык).
Но суждено красе его телесной
Храниться там, в обители небесной,
Дабы в урочный час восстать от сна;
Притом его душа, воплощена
В надгробном камне и бессмертной славе,
Здесь, подле нас, в земной пребудет яви.
А если ты, Душа, приют найдешь
Средь кающихся грешников – так что ж?
Когда и я пред вечностью грядущей,
Окрашен Агнца кровью вопиющей,
Предстану, – кто б тогда спросить посмел,
В глазах людских был черен я иль бел?
Припомни, скольких грешников знавала
Ты на земле, Душа: друзей немало,
Раскаившихся, встретишь и в раю.
Влеки же смело на стезю свою
Всех нас, чтоб уподобились отныне
Царю Давиду мы – иль Магдалине!

ПОЭМЫ ГОДОВЩИНЫ

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

*АНАТОМИЯ МИРА,
В КОТОРОЙ, ПО СЛУЧАЮ БЕЗВРЕМЕННОЙ СМЕРТИ
ГОСПОЖИ ЭЛИЗАБЕТ ДРУРИ,
ПРЕДСТАВЛЕНЫ ХРУПКОСТЬ
И БРЕННОСТЬ СЕГО МИРА В ЦЕЛОМ*

ВСТУПЛЕНИЕ

ПОХВАЛА УСОПШЕЙ И «АНАТОМИИ»¹

Представь: мир – мертв. Его мы расчлнять²
Начнем, чтоб анатомию понять.
Как лицемер-наследник, юный мот,
Отцовский гроб слезами обольет, –
Так нам пристало в траур облачиться,
И пусть наш плач окупится сторицей.
Но как же весть о смерти примет слух,
Коль наша Муза здравствует, чей дух
Велит, чтоб снова к жизни мир восстал, –
Пусть столь же хрупкий, смертный, как и встарь?
И в мире сем Ты, лучшая из дев,
Явила бездну мудрости, сумев
Свою судьбу печальную связать
С тем духом³, что мечтает рассказать
Все о Тебе – грядущим поколениям,
Дабы они взирали с изумленьем
На схватку – от начала до конца –
Искусства кисти с красотой лица.
Ведь столь прекрасна Ты и столь добра,
Что неподвластна мастерству пера:
Кто воспевает тебя – тому хвала.
При жизни Ты окружена была
Толпой льстецов. От их пчелиных жал
Тебя румянец робкий не спасал.

Лишь смерть стирает клевету и лесть –
И виден человек, каков он есть.
Как сын Египта встарь был озабочен
Тем, чтоб не дом, а гроб его стал прочен⁴:
Ведь гроб – гранит, а дом – всего лишь глина⁵, –
Так после смерти нами Ты хвалима.
Лишь Ты повинна в торжестве своем,
Тебе – твое по праву воздаем.
Здесь красота была Тебе наградой,
А там – добром свершенным дух свой радуй,
И та хвала, что мы Тебе поем,
Пусть повествует о Творце твоём:
Как песнь Ему, на небе со святыми
Твоя душа да славит Божье имя⁶.
Тебя ж – лишь Ангел воспоем: твой вид
Его на гимн прекрасный вдохновит.
Как в детстве видно, кем дитя растет,
Так Ты – любовью первой – тех высот
Достигла сразу, где теперь звучат
Напевы – вне времен и вне утрат –
Души твоей, оплаканной родными...
Напрасный плач! Твое пребудет имя
И в наших песнях: в них навеки твой
Остался лад и музыкальный строй.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Когда Ее высокая душа,
Стяжав венец, на небеса взошла
(Ведь кто душою наделен? – Лишь тот,
Кто благородно мыслит и живет¹,
А если низкому душа дана, –
То не ему принадлежит она!) –
Когда земной извилистой тропой
Взошла Царица в вышний свой покой²,
Воздав хвалу Святым за попеченье,
И стала нотой в их согласном пенье, –
В тот миг наш мир сотрясся и зачах:
Он окровавлен, плач – в его очах³,
Его готов покинуть жизни дух...
И миру предстоит одно из двух:

Утратить жизнь – иль снова обрести.
(Но к Ней теперь иного нет пути,
Чем доброта: чтоб вновь Ее узреть,
Нам всем, живущим, надо подобрать.)
Мир лихорадит⁴: по нему – волной –
То скорбь, то радость, то мороз, то зной.
Ты болен, мир. Как прочие больные,
Едва минует приступ малярии,
Ты полагаешь, будто исцелен, –
Но в летаргический впадаешь сон⁵.
Ты так печален, разлучившись с Ней,
Как будто нет ни солнца, ни людей,
Ты так с Ее уходом исстрадался,
Что пал без чувств и с памятью расстался.
Хоть страшен был твой громкий плач по Ней,
Но то, что ты умолк, – еще страшней.
Да, словно сути собственной лишен,
Ты Ею стал – и вместе с Ней ушел.
И, как младенец у купели ждет,
Доколе крестный-принц в собор войдет⁶, –
Так ждешь и ты среди холодных плит,
Покинут, брошен, Ею позабыт.
Всё – имя, смысл и контуры свои⁷ –
Обретший в Ней, ты ныне – в забытьи.
Хоть месяцы прошли со дня потери
(Часы застыли, времени не мера), –
Никто достойным образом не смог
Сказать о Ней за этот долгий срок.
Как будто, не оставив завещанья,
Уже лежит правитель без сознания,
И знать скрывает, жив иль умер он,
Пока наследник не провозглашен, –
Так мы теперь. Впридачу к прочим бедам
Закон неясен, прецедент неведом:
Цемент, что воедино все скреплял,
Распался в прах и силу потерял.
Кошунство – повторять: «Она мертва!»,
Печать бессилья – жалкие слова.
Молчанье воцаряется в ответ:
Ушла душа, и сил для плача нет.
О мир, ты болен, близок твой конец,
Помочь нельзя, и ты уже – мертвец:

Не удержав Ее, не исцелив,
Расставшись с Нею, – ты и сам не жив.
Ты не воскреснешь. Лучше поскорей
Займемся анатомией твоей.
Сама Ее кончина – знак того,
Что в теле мира лучшее – мертво
Иль смертно... Только пусть не говорят,
Что он с собой покончил: в том навряд
Сумеет кто-то обличить его, –
В живых ведь не осталось никого...
Нет, все же что-то в мире сохранилось:
Хотя Она (чья смерть распространилась
На целый мир) сокрылась, – но в ночи
Ее душа чуть видные лучи
Добра и милосердья свыше льет
На тех⁸, кто должное Ей воздает
На этом свете; хоть Ее и нет, –
Но памяти мерцает полусвет...
Покинув старый мир, Она вольна
Мир новый созидать⁹; его Она,
Собрав живущих добрые дела,
Из доброты почти уж создала...
А впрочем, верно это или нет?
Ведь в новизне таится новый вред
(Выходит так, словно Ее труды
Вновь насаждают райские сады,
Что от греха и зла чисты вполне,
Покуда Змей в них не вползет извне).
Как бури сокрушат утеса твердость,
Так мощь богатыря – подточит гордость:
Чтоб новый не был горем омрачен, –
Изъяны мира прежнего учтем;
Кто знает цену вещи – только тот
С умом отвергнет или изберет...
«Здоровья в мире нет, – врачи твердят¹⁰. –
Ты не смертельно болен? Будь же рад!»
Но есть ли тяжелей недуг, чем знать,
Что исцеленья нечего и ждать?
Мы все больны с рожденья; матерей
Мы слышим плач – мол, дети все быстрей
Рождаются, и буйный их приход –
Зловещий признак будущих невзгод¹¹...

О, что за хитрый умысел такой,
Чтобы созданье Божье – род людской –
Сгубить! Ведь в помощь женщина была
Дана Адаму¹², – но лишь отняла
Все силы... Хоть жена на благо вроде
Нам создана, недуг – в ее природе!¹³
Тот, первый, брак – он всех нас свел в могилу,
Одним движеньем – Ева всех убила,
И женщины, с тех пор и посеячас,
Поодиночке убивают нас¹⁴;
Мы ж, в слепоте, туда, где смерть нас ждет,
Идем, желая свой продолжить род...¹⁵
Да люди ль мы? Себя ль причислим к ним?!
Нет, человек был некогда иным:
Он, сын Земли, и Солнце средь высот –
Не знали, кто кого переживет!
И для людей жизнь ворона, вола¹⁶
И даже кедра – краткою была.
В ту пору, если некая звезда
Являлась редко, – мог мудрец всегда
Лет двести-триста с легкостью прождать,
Чтобы ее вторично наблюдать¹⁷...
При долгом веке – был и рост не мал¹⁸,
И много пищи исполин съедал,
И правила душа гигантским телом,
Как принц своим наследственным уделом:
И мощь души, и рост телесный сам
Подняться помогали к небесам...
О, где ж тот род? И кто б из нас прожил
Хоть втрое меньше, чем Мафусаил?
Наш краток век, и знать нам не дано,
Идет ли Время иль стоит оно?
Лишь наши деды помнят про «вчера»,
До «завтра» – доживет лишь детвора.
Столь краток срок, что за троих пахать¹⁹
Выходит пахарь: где ж тут отдыхать?..
Не только век наш столь недолгим стал,
Но человек теперь и ростом мал:
Ведь если бы в лесу утратил путь
Наш предок или в море стал тонуть, –
Держу пари: не стали б слон иль кит
Сражаться с ним. Его гигантский вид

Смутил бы их. А нынче эльф и гном –
И те уже не чуют силы в нем.
В сравненье с предком мы малы и вялы,
И даже тень у нас короче стала²⁰.
Одна лишь смерть немножко нас растит:
Чуть вытянет – и в глину превратит...
Что ж – длинный текст вписался в малый свиток?
Смогли ль мы обменять на злата слиток –
Воз серебра? Иль предков добрый нрав
В столь малый кубок влили – расплескав?
Мы ростом – ниже. Но гораздо хуже,
Что даже ум у нас – намного уже:
Упадок не одних коснулся тел,
И вместе с ростом – разум оскудел.
Из ничего мы созданы Всевышним, –
И, словно бытие сочтя излишним,
Одну лишь цель мы в жизни обрели:
Уйти в ничто, откуда и пришли.
Всё новые нас хвори постигают²¹,
Врачи же нам всё меньше помогают²².
Наш предок только Бога был пониже:
Красой и Мощью правил он²³; они же
Над прочей тварью сохраняли власть –
И ничему не позволяли пасть,
Мир пестуя, следя за каждым шагом
И человека наделяя благом.
Да, сын Адама, к коему сам Бог
Сходил, чтоб тот достать до неба мог, –
Владел всем миром!.. Ну, а нынче – как
Унижен он! Он днесь – ничто, пустяк²⁴.
Он был велик – и вот ни с чем остался,
Но все ж доселе чем-то он казался,
Когда ж Она, – о плач, о тяжкий стон! –
От нас ушла, – лишился сердца он...
Античность, греза об Ее приходе,
Невинность представляла в женском роде²⁵;
И, совершенств невиданных полна,
Во избежанье зависти Она
На свет явилась женщиной. Но яд,
Что Еву встарь испортил, – был изъят
Из сердца Той²⁶, чье пребывает имя
Примером Веры – лучшей из алхимий...

И вот – Она мертва! Помыслив так,
Пойми, что человек – ничто, пустяк,
И нашу «Анатомию» тверди...
Чем живо тело, коль в его груди
Остыло сердце?.. Обрети же Веру,
Небесной пищей насыщайся в меру
И Горним Человеком стань скорей,
Иначе ты – презренный муравей...
Не мы одни познали увяданье, –
Нет, им охвачено все мирозданье:
Бог, завершив творенье, отдыхал, –
А мир уже тогда в расстройство впал!
Ведь первыми пасть Ангелы успели²⁷:
При этом выпал мир из колыбели
И повредился в разуме, и свой
Обезобразил, обессмыслил строй.
Подпав проклятью, Первый Человек
Зверей и травы в ту же скорбь поверг²⁸.
Итак, с рожденья мир окутан скверной:
День Первый начался со тьмы вечерней,
А лето и весна на нашем свете –
Слабы, как перезрелой дамы дети...
Все новые философы²⁹ – в сомненье:
Эфир отвергли – нет воспламененья³⁰,
Исчезло Солнце, и Земля пропала³¹,
А как найти их – знания не стало.
Все признают, что мир наш – на исходе,
Коль ищут меж планет, в небесном своде –
Познаний новых³²... Но едва свершится
Открытие, – всё на атомы крошится³³.
Всё – из частиц, а целого – не стало,
Лукавство меж людьми возобладало,
Распались связи³⁴, преданы забвенью
Отец и Сын, Власть и Повиновенье.
И каждый думает: «Я – Феникс-птица»³⁵, –
От всех других желая отворотиться:
Вот признаки теперешних времен!..
Она ж, кем был весь мир объединен,
Она – всего живущего магнит,
Вселенной придававший стройный вид;
Она, кого Природа призвала
(Поняв, что плохи у людей дела,

Что в море мира каждый с курса сбился, –
И новый компас миру в Ней явился), –
Всех слепков Красоты оригинал, –
Она, чей взор Судьбою управлял,
Она, чей взгляд в одно мгновенье мог
Вест-Индию прельстить и весь Восток;
Она, в чьем восхитительном дыханье –
Всех дальних островов благоуханье,
Та, для кого богатства всех колоний –
Лишь самоцвет в блистательной короне;
Та, пред которой должен мир склониться,
Как пригород пред славною Столицей, –
Она, Она мертва... Узнав о том,
Пойми, что этот мир – увечен, хром!
Знай, нашу «Анатомию» читая:
Он болен весь – от края и до края.
В нем гибнет все – не что-нибудь одно:
Ты видишь – сердце в нем поражено,
А это значит, что вселенной тело
Болезнью завоевано всецело.
Так берегись, чтоб самому под власть
Всеобщего недуга не подпасть.
Чистейшие из душ во все века
Твердили: рана мира глубока,
И соразмерность в нем уже не та:
Пропала, исказилась красота.
Казалось бы – уж небо так блаженно,
В движеньях гармонично, совершенно³⁶;
Но нам светил разнообразный ход³⁷
Из века в век загадки задает.
Небесных сфер неодинаков вид,
Так много в них скрещений и орбит,
Что в высях диспропорция видна:
Там – сорок восемь сфер, а не одна³⁸,
Там звезды умирают³⁹ и плодятся,
Те скроются, а эти народятся, –
Словно воюет кто-то в небесах:
Построит крепость – и низвергнет в прах...
Свободно ль Солнце? – Нет, но Зодиак
Есть страж его, и каждый звездный знак
За ним следит: то Рак и Козерог
Ему грозят и гонят на Восток,

То путь его не прям на Полюсах. –
Так, круга ровного не описав,
Оно свой бег от нормы отклоняет
И место восхождения меняет.
А то с дороги и совсем свернет,
Чуть мимо точки Змея проскользнет⁴⁰, –
И вот, в неверном утомясь круженье,
Готово наземь пасть в изнеможенье⁴¹.
Напрасно в небе хвалится звезда⁴²,
Что, мол, по кругу движется всегда:
Вверх-вниз она петляет, как ни странно.
А Параллели и Меридианы –
Лишь сеть, что человек на небосклон
Набросил, крикнув: «Мой отныне он!»
Лентяи – ввысь мы сами не восходим,
А небеса к себе на Землю сводим⁴³,
Их человек пришпорил и взнуздal:
Но каждая ль покорна нам звезда?
Да и Земля – воистину ль кругла?
Не выдается ль Тенериф-скала⁴⁴
Настолько, что могла б в ночи Луну
Разбить на части и пустить ко дну?
А море – не такой ли глубины,
Что два кита, столкнувшись в нем, должны
Мучительно тонуть в течение дня –
И умереть на полпути до дна?
Ведь мы порой так долго тащим лот,
Как будто им зацеплен Антипод⁴⁵.
И если там, внизу, простерся Ад⁴⁶
(Коль нам и вправду муки не грозят
Совсем другие, чем толпой вопящей
Быть загнанными в этот сруб горящий), –
То, значит, в бездне – то овраг, то холм...
Что ж говорить о совершенстве форм?
Так согласимся с правдой несомненной:
Искажены пропорции вселенной,
Ее Опоры – Кара и Награда –
Искривлены... Каких свидетельств надо
Еще, зачем нам лишние слова?
Мать красоты – Гармония⁴⁷ – мертва
С тех пор, как правит Горе: ведь оно
Само границ и меры лишено!..

Источник соразмерности – Она,
В которой Красота воплощена,
А Красота, как учит нас мудрец,
Есть наших душ Причина и Творец⁴⁸;
А значит, сей мудрец провидеть мог,
Что в Ней, прекрасной, – наших душ исток,
Она им и велит в тела вселяться:
Так формы всех вещей – к очам стремятся⁴⁹.
И коль схоласты правы, что Ковчег
Был по пропорциям, как человек⁵⁰, –
То в Ней одной находим до сих пор мы
Прообраз их величественной формы.
Она и душу с плотью совместила,
И между ними распри прекратила, –
Она! – О, все обличья, рядом с ней,
Одно другого хуже и страшней...
Она, она – мертва! Узнав о том,
Пойми, что мир – чудовищный фантом!
Вот нашей «Анатомии» значенье:
Сей мир не пробуждает в нас влеченья.
К тому же – сами в помраченье мы:
Воистину, сердца, как и умы,
Отравлены у нас, и горький яд
И в чувства наши, и в дела струят.
Вот почему нам чужд любой предмет –
Для нас в нем ни добра, ни смысла нет
(Ну, а людей природа – какова?
Не лучше, чем о ней гласит молва!)
В деяньях человека – ни следа
Добра не сыщешь: суцая беда!..
И Цвет – Гармонии вторая часть⁵¹ –
За Formой вслед готовится пропасть:
Ведь Форма, пусть приятная для глаза,
Без Цвета – словно перстень без алмаза.
Алхимик-гурок, чей болезнен вид
И грязен плащ, нам жалобно твердит,
Что в золото, как яд, проникла ртуть⁵²:
Вот такова и мирозданья суть.
Когда-то Бог, творенье начиная
И, как младенца, Землю пеленая,
Чтоб радостной игрой ее занять,
Велел ей краски всякий день менять, –

И, словно образец такой затеи,
Повесил в небе радугу⁵³ над нею.
Прекраснее, чем Зренья, чувства нет,
Но пищею для Зренья служит Цвет,
А Цвет испорчен: он не тот, что прежде,
Весны и Лета выщвели одежды.
Исчез румянец яркий с наших щек –
И души, вместо них, стыдом облек...
Но нет – надежда бы еще цвела,
Когда б Она – Она не умерла! –
Та, что цвела, когда была живой,
Багрянцем, белизной и синевою,
И в ком все вещи мира, как в раю,
Черпали свежесть и красу свою. –
Она, вместившая все краски мира,
Она, чей лик прозрачнее эфира
(И пламя тяжело в сравненье с ней,
И темен блеск⁵⁴ сверкающих камней), –
Она, она мертва!.. Вглядись, пойми –
И этот мир, как призрак, восприми
И нашу «Анатомию» тверди,
Чтоб ужас свил гнездо в твоей груди...
Исчезла Цвета красота: отныне
Усилья надо прилагать Гордыне,
Чтоб красками Пороки позлащать,
Заемными румянами прельщать.
И до того дошел стихий разброд,
Что от Земли замкнулся Небосвод,
И вещество лишилось воспритя: –
Отец и Мать бесплодны⁵⁵ – нет зачатья
Дождя меж туч, и в должный срок с высот
Живящий Ливень больше не идет.
И воздух перестал в конце концов
Высиживать сезоны, как птенцов:
Весна теперь не колыбель – могила.
Всю землю лжеученье полонило,
И Метеоры небосклон плодит⁵⁶:
Значенье их темно, и странен вид.
Волхвы Египта вызвать не могли
Червей, что днесь родятся из земли⁵⁷.
Художник нынче хвалится, что он
Творит созвездий новых небосклон,

Как будто бы и впрямь влиянье звезд
Приходит через краски или холст,
Иль мастер судьбоносен, как звезда...
Искусства суть сокрылась навсегда,
Скупится Небо, и Земля тощает,
А разум наш их целей не вмещает.
Когда бы связи Неба и Земли
До полного разлада не дошли, –
Она, о ком звучит наш скорбный глас,
Могла б сильнее воздействовать на нас.
Ведь если даже слабые растенья
Нам, высохнув, приносят исцеленье, –
Тем более, почив, живет Она,
Всесильной добродетели полна.
О мир, ты должен песней лебединой⁵⁸
Ее отпеть – и сгинуть в миг единый...
Теряет свойства даже сильный яд,
Когда от гада мертвого он взят⁵⁹, –
Но власть добра, что пребывает в Ней,
Со смертью сделалась еще сильнее...
Она, в ком добродетели росток,
Зазеленев, расцвел в свой лучший срок,
Она, чьей волей светлые стремленья
Рождались в душах, всем на удивленье, –
Она все страны тем обогатила,
Что единеньем их озолотила:
При этом даже сами короли
Смирение впервые обрели,
Вельможи подобрили, а народ
Сам отказался от излишних льгот;
Болтать несносно жены перестали,
Монахини воздержаннее стали...
Она б свершила больше славных дел,
Когда б Железный Век не заржавел⁶⁰, –
Но вот, она мертва!.. Об этом зная,
Пойми, что весь наш мир – зола сухая⁶¹:
Вот нашей «Анатомии» урок.
Ни кровью, ни слезами ты б не смог
Мир увлажнить, – нет, это невозможно:
Страданья – жалки, смерть сама – ничтожна.
Но то блаженство, что с теченьем дней
В Ней возрастало, – и теперь при Ней.

Нам не понять при первом рассеченье⁶²
Всех органов устройство и значенье:
Чтоб связи между ними отыскать,
Труп следует и дальше рассекать;
Но тела всей Вселенной нам едва ли
Хватило б, чтоб исследовать детали.
Кто мнит себя здоровым, вряд ли рад,
Коль об его болезнях говорят.
Прерву же речь. О Лучшая из дев!
Мы, рассказать немного успев,
Ждем – о Тебе еще заговорят;
Ты ж, строкам сим придав напевный лад,
Прими оброк за этот – Первый – Год⁶³:
На убыль воск его свечей идет,
Чтоб каждый год здесь, на Земле, в печали
Мы вновь твое Рожденье отмечали
Второе: ибо Душ в тела вхожденье –
Вершится здесь, другое ж их рожденье –
Есть Смерть. Она одна весьма умело
Выводит Душу, как дитя из тела.
А вы, чьих добродетелей творец –
Она, кто в Ней находит образец, –
Коль скоро вы считаете, что вправе
Лишь проза о Ее поведать славе,
Иль хроника, быть может; но никак
Не должно воспевать Ее в стихах, –
Вы вспомните: Сам Бог, в конце Закона
Песнь поместив⁶⁴, велел, чтоб неуклонно
Той Песни Моисей учил народ.
Он знал: когда из памяти уйдет
Закон, когда забудутся Писанья, –
Одна лишь Песнь удержится в сознанье.
Вот почему и я, насколько мог,
Пред Ней исполнил стихотворный долг:
Сей непостижной Смерти вопреки
Я заключил Ее в свои стихи, –
Ее, кого вмещает мрачный гроб,
Я поселил в своей поэме, чтоб,
Как Души – Небо, как тела – могила,
Так доблести – Поэзия хранила!⁶⁵

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ЭЛЕГИЯ

Нет, не могу поверить, что Она
В сей ящик мраморный заключена,
И что в плену порфира¹ и гранита –
Ее глаза, светлее хризолита²,
Ее лица и жемчуг, и рубин!..
Две Индии³ – вместились в гроб один:
Сей дивной плоти каждый дюйм вмещал
Сокровище – ценой в эскуриал!⁴
О, чьих бы рук, чьего ума усилья
Ее бы вновь из мертвых воскресили?
Смогу ль стихами оживить то имя,
Что эти строки сделало живыми?
Нет, эти строки слабы и мертвы,
В них не живет Ее душа, увы!
И все же лишь в стихах Она цветущей
Пребудет – и теперь, и в день грядущий:
Ведь если бы она не умерла, –
То как бы в этих строфах ожила?⁵
Но пусть живет поэма год за годом,
Пока весь мир, пронзен Ее уходом,
Не умер... Вот краса его и лоск:
Его рука – король, советник – мозг,
Священник – сердце, рот – законовед,
Живот – богач, бедняк – спинной хребет,
Солдаты – пальцы, а ступни – купцы⁶,
Что сводят мира дальние концы.
Но тонких духов сонм⁷, что постоянно
Приводит в лад все клавиши органа,
Рожден на свет Ее любовью был:
Она ушла – и мир лишился сил,
И смерти не над кем торжествовать:
Кого еще осталось убивать?
Ну, разве что – убить уже весь мир,
Чтоб больше страх Природу не томил:
Мол, снова часть урвать удастся Смерти...
Нет, миру не грозит ничто, поверьте!..
Мертва ль Она и вправду? В нашей власти
Представить: как разъятые на части
Лежат часы, но мастер, в свой черед,
Их снова воедино соберет⁸;
Иль словно в Африке речной поток,

Что Нигером зовется, некий срок
Проводит под землей⁹, как под мостом,
Чтоб вновь наружу вырваться потом, –
Так и Она из гроба навсегда
Восстанет, в добродетели тверда...
Но, если Небо этому и радо, –
Нам здесь, теперь, Ее увидеть надо,
Пусть даже дух ее на Небе чтим,
Как Ангел иль Престол, иль Херувим¹⁰.
И, как старик воспоминаньям рад
О том, чем тешил в юности свой взгляд, –
Так голод мира утолишь сейчас
Лишь мыслью, что Она жила меж нас.
Природа! Радуйся, что избежала
Ты смерти от Последнего Пожара¹¹:
От этого ревушего костра
В одной лишь Ней – ты всю себя спасла!
Да, в Ней, чье тело столь благоуханно,
Что не нужны ни масти, ни румяна, –
Ведь создала Душа ее сама
Ту плоть – сосуд прозрачный для ума.
Конечно, все хвалу Ей воссылали,
Но все ж Ее лишь лучшие – желали.
И, как Святые в Небе знать хотят,
Кому из них храм новый посвятят;
Иль, если вспыхнет новая комета¹²,
Художники сойдутся для совета:
Как рисовать ее туманный свет?
Но смотрят, – а кометы снова нет, –
Так спорил мир, пока ее не стало,
Верней, Душа быть плотью перестала.
Мгновенно в лампе прогорит бальзам¹³,
На миг усладу даровав глазам. –
Так и Она, невинна и бела,
Готовясь к свадьбе, чистой умерла.
Чтоб не вкусить страданий, в мир иной
Она ушла, еще не став женой¹⁴,
И, суеты мирской презрев дела,
Как опиум, кончину приняла¹⁵.
Нет – смерти плоть Ее не поддалась,
А только впала в длительный экстаз¹⁶.
А кто Ее не знал при жизни, тот

Пусть книгу о Ее судьбе прочтет, –
 Как всех была умней, скромней, ясней,
 Идя к своей пятнадцатой весне...
 И вдруг увидит, следующий лист
 Перевернув, что тот и пуст, и чист!
 Так что же – приговор Судьбы неверен,
 Иль, может быть, из книги лист утерян?
 Нет – в этот возраст зрелого ума
 Рок ввел Ее, чтобы Она сама
 Себе дальнейший жребий избрала:
 Она ж свершила выбор – умерла.
 Так, кротостью от бедствий спасена,
 От будущей судьбы ушла Она.
 А кто за Нею в мир приходит следом,
 Коль он и впрямь добру всецело предан,
 Тот – Ею вдохновляемый посол,
 Он цель Ее осуществить пришел.
 Пусть с благодарностью о Ней он вспомнит –
 И в Книге Судеб чистый лист заполнит,
 Поскольку все добро грядущих дней
 Источник свой имеет только в Ней.
 И пусть ликует весь небесный хор,
 Что в нас – Она живет и до сих пор!

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА

*О СТРАНСТВИИ ДУШИ,
 В КОТОРОЙ, ПО СЛУЧАЮ БЛАЖЕННЕЙШЕЙ СМЕРТИ
 ГОСПОЖИ ЭЛИЗАБЕТ ДРУРИ,
 РАССМАТРИВАЮТСЯ МЫТАРСТВА ДУШИ В ЭТОМ МИРЕ
 И ЕЕ ВОЗВЕЛИЧЕНИЕ В МИРЕ ИНОМ*

ВСТУПЛЕНИЕ

ОТ ГЕРОЛЬДА¹ И ВЕСТНИКА ЭТОГО СТРАНСТВИЯ

О две души², что к небу вознеслись!
 И я душой стремлюсь за вами ввысь.
 А Ты, от смерти перейдя в нетленье,
 Прими, о дева, эту дань хваленья!
 Ты ввысь летишь, чтоб мира зреть конец –
 И Вечной Славы воспринять венец.
 Как звезды, что остались под тобой,

Свершают вечно путь свой круговой³,
Так та душа, что терпит плоти гнет,
Тебе вослед и шага не шагнет.
Ты вдаль уносишься быстрее света,
Но плотский ум узреть не в силах⁴ это –
Как ввысь тебя уводит колея
Длиною от Земли до Неба... Чья
Душа, кроме твоей, сегодня вправе
Поведать нам о столь блаженной Славе?
Хоть к этой Славе зависть я питаю,
Но мыслью до нее не долетаю.
И ты, о дух великий, вслед за ней
Идешь путем⁵, что всех путей длинней, –
Никто в такую даль еще не шел
(И, если б не был плоти груз тяжел,
Ты б тело взял с собой). – О дерзновенье
Полета! В муках ты утратил зренье
Земное – и обрел небесный взор,
Чтоб видеть путь, лишенный всех опор.
Ты о Ее пути вещаешь нам,
Но в то же время странствуешь и сам,
Летя от тела мертвого вселенной –
В Мир Горний, к жизни чистой и нетленной.
Нет, никого досель хвалений сила
В такую высь еще не возносила.
Ты ж все усердней славишь: каждый год
Ты вслед за Ней свершаешь свой полет.
Так пой же вновь, чтоб пение могло
Творцу украсить лаврами чело!⁶
Главой вознесшись в облачную высь,
Пусть Муза никогда не смотрит вниз.
И если душам в небесах известны
Дела людей, земные наши песни,
То мы им радость чистую несем,
Хваля Того, Кто сотворил их сонм!

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА

Да, вечен мир! И в том всего сильней
Меня уверил год разлуки с Ней –
С тем Солнцем, что и Землю озарило,
И Солнце в Небе светом одарило.
Кошунство думать, что оно затмилось

Навек: о нет – на время закатилось.
Но, как корабль, чей парус бурей порван,
Плывет бессильно, ветру став покорным;
Иль как поверженный на плахе¹, чья
Уж кровь на землю хлещет в два ручья, –
Один из головы, другой из тела, –
И чья душа уж в вечность отлетела², –
Внезапно признак жизни подает:
Моргают веки, дергается рот,
Трепещут руки, шевелятся ноги,
Как будто душу он зовет в тревоге;
Но всех движений сих ужасный вид –
Как лед, что перед таяньем хрустит;
Иль как под ветром арфа днем ненастным
Звучит напевом тихим и несчастным, –
Так мир, Ее утратив, пал, зачах
И омертвел во всех своих частях.
До сотворенья Солнца – были дни³,
Хоть Солнца и не видели они, –
Так и теперь, хоть Солнце закатилось,
Чередование лет не прекратилось.
Потоп Всемирный⁴ вновь настал: все смыто,
Мир в Лету⁵ впал, все лучшее забыто,
Зане забыт исток всего – Она.
Лишь я, – хотя и злобствует волна, –
Желаю жизни, жду ее продленья
И жажду славы – ради прославленья
Тебя, бессмертная. Ты, в смене дней,
Не стала матерью, – зато, с моей
Сливаясь музой, Ты – отец⁶. Ты – тот,
Кому она рождает каждый год
По гимну. Мудрый может подражать
Сим песням – то есть внуков вам рождать.
Итак, мир – мумия. Он не воскрес,
Распада неостановим процесс.
Но, если у покойного есть дети,
Он сам еще отчасти жив на свете.
Так в этих гимнах будет жив твой род –
Пока Бог новый гимн не воспоет!..⁷
Душа! Исполни жаждой величайшей –
И жди Его Пришествия, из чаши
Господней эту жажду утоляя⁸

И свой недуг отчасти исцеляя.
И, как бы долго время ни текло,
Считай, что все уже давно прошло.
Не спрашивай – что, почему, когда:
Избавься от напрасного труда!
Ведь поиск правды весь твой век займет, –
Не стоит этот мир таких хлопот.
Мир – только труп, не более того,
А ты, как червь, вгрызаешься в него.
О червь⁹, кто утвердил тебя в надежде,
Что лучше станет этот мир, чем прежде, –
Не черви ль те, что веруют всецело –
Мол, мертвое еще воскреснет тело?
О мире сем и вспоминать нехстати,
Как об истертом прошлогоднем платье.
Кто мир забыл и вспомнить не желает –
Тот Памятью отличной обладает.
Возри же ввысь: там Та вовек нетленна,
Чья Память не печальна, но блаженна,
Та, для кого сей мир был только сценой¹⁰;
И созерцали жители вселенной,
Ее дела: ведь в них всегда был некий
Сокрытый признак Золотого Века¹¹;
Та, что пристрастий к миру не являла,
Но, как душа, все в мире оживляла;
Та, что ни в ком не видела изъяна,
Но всем добро дарила постоянно,
Благие мысли мерила делами,
Из добрых дел рождала веры пламя;
Та, вокруг кого всегда был райский сад,
Как двор вокруг принца; та, чей звездный взгляд
И Севером, и Югом управлял¹²,
Над Полюсами власть свою являл, –
Она, она ушла! Об этом зная,
Пойми, что мир – мозаика цветная¹³,
Усилий мысли недостойн он:
Пусть будет вовсе мыслью обойден.
Представь себе, душа, что Смерть – швейцар,
Чьей свечки огонек едва мерцал
Сперва вдали, твое привлеки зренью,
Но свет растет, все ближе озаренье, –
Так Небо близится перед кончиной.

Представь: тебе дыханье отягчили,
Но ты минут не ведала блаженной,
Чем в этом забытии, в изнеможеньи.
Представь, что на одре тебе лежать
Все легче: нужно узел развязать,
Чтоб, как бесценный слиток, вынуть душу...
Представь: хоть лютый жар палит и сушит,
Но в этом – плотских похотей вина,
Ведь злоба их была в тебе сильна.
Представь: звонят в преддверье похорон¹⁴. –
Ты в храм входила под церковный звон,
Но в этот день – взойдешь на небеса...
Представь: ты слышишь бесов голоса,
Ростовщики – они не даром здесь:
Тем – похоть возврати, а этим – спесь.
Пороки были в долг тебе даны,
Верь – кровь Христа очистит от вины¹⁵...
Сошлись друзья и плачут все навзрыд¹⁶:
От них твой путь таинственный сокрыт.
Представь: тебе уже глаза закрыли,
Что часто заблуждались и грешили,
Но тот, кто взгляда мертвых глаз боится, –
Ужель от Бога думает укрыться?
Вот саваном тебя уже одели –
И ты чиста, твои одежды белы!¹⁷
Сколь низко пала плоть – она гниет...
Представь же, сколь высок души полет!
Представь, что ты – король, чье государство
Червь понуждает гнить и распадаться,
Но над тобой псалом произнесен,
Чтоб в ночь Люции сладок был твой сон...¹⁸
Пусть эта мысль, душа, бодрит тебя;
А если ты сонлива и слаба,
То вспомни Ту, чьей бодрости и силы¹⁹
И на троих с избытком бы хватило,
Чью суть никто не смог ни разгадать,
Ни на портрете верно передать.
Однако же, как в благовонной масти
Равны все составляющие части²⁰,
И если предпочтенье дать одной,
То аромат получится иной;
Как плоскости – из линий состоят,

А линии – из точек²¹, но навряд
Сумеет кто-то их разъединить
И разницу меж ними прояснить;
Так Элементы сочетались в Ней²²:
Не разгадать, какой из них – главней...
В Ней – чей состав, чью немощную плоть
Недуг сумел столь быстро побороть,
Но не Ее саму!.. Чей дух несмело
Мечтал – как будет обитать вне тела;
Кого узрев, мы сознавали вдруг,
Сколь неустойчив куб²³, ущербен круг²⁴ –
В сравненье с Ней; кто, словно цепь золотая²⁵,
Надежды всех живущих сочетая,
Была безукоризненно ровна,
Являя прочность каждого звена; –
Она болезни злой на растерзанье
Кровь отдала и тело, и дыханье,
Чтоб знали мы: пусть праведник трудом
И верой заслужил Небесный Дом;
Пусть Небо для него отверсто было,
Поскольку Небеса берутся силой²⁶;
Пусть он вполне упрочил с Небом связь,
Во имя Неба на Земле трудясь; –
При всех его трудах, страданьях, вере –
Лишь Смерть ему откроет в Небо двери!..
Теперь, душа, помысли, сделай милость,
В каком ты жалком теле поселилась:
Ведь без тебя и жить бы не сумели
Другие две души в бессильном теле, –
Растительная с Чувственной²⁷. Не станешь
Ты отрицать, что за собой их тянешь!
Представь, сколь ты беспомощной была,
Коль плоть – ничтожной глины ком – смогла
Тебе подсыпать яду! Как легко
Плоть – скисшее, дрянное молоко²⁸,
Отродье жалкое, щенок негодный –
С тобою делит Грех свой Первородный!²⁹
Как мучится глупец-анахорет³⁰,
Отшельник, что в течение долгих лет
Сидит, заросший грязью, в темной келье, –
Так с первых дней душа страдает в теле –
Своей тюрьме, где ей сперва не лень

Пить молоко да плакать целый день.
Представь, что тело, выросши, похоже
На шаткий дом, чей кров – два ярда кожи:
То хворью изнутри захвачен он,
То старостью снаружи осажден.
Но ты представь, что смерть, едва вошла, –
И волю, и простор тебе дала,
Что скорлупа ореха вдруг распалась,
И лишь ядро свободное осталось,
Разбилась раковина – и тотчас
Ты заново как будто родилась.
Да, та душа, что медленно, несмело
В день проходила, с позволения тела,
Миль двадцать или тридцать здесь, внизу, –
Теперь до Неба высшего стезю
Минует вмиг³¹; она не одарит
Вниманьем ни один метеорит³²;
В полете не почувствует она,
Насколько толща воздуха мощна;
И даже Сферу Огненную³³ встретив,
Она ее минует, не заметив;
Ей все равно, безжизненна Луна
Иль некими людьми населена³⁴;
Восходит ли Венера в облаченье
То Утренней Звезды, а то – Вечерней³⁵;
Меркурий Аргусу глаза отвел³⁶,
Но над душой он власти не обрел:
Она всезряца, и сквозь Солнца тело, –
Смотри, – уже мгновенно пролетела. –
Без стражи входит к Марсу³⁷ во дворец,
И ни Юпитер, ни его отец³⁸
Ей не помеха. Чувствует она:
Дорога ввысь уже одолена!
Как звезды, кои в небе встретит взгляд,
Единой нитью, словно бусин ряд,
Пронизаны, и для души та нить
Все сферы может вмиг соединить;
Как позвоночник, проходя сквозь спину,
Связует наши кости воедино, –
Так Свод и Дол связует восхожденьем
Душа, что Третьим взыскана рожденьем
(Творенье – первое, а Благодать –

Второе даровали ей)³⁹. И глядь –
Она на небе! Так при свечке мы
Вдруг видим краски после долгой тьмы...
Душа! И ты готовиться должна
К такому странствию... Представь – Она,
Чье тело вовсе не было темницей, –
В таком душа мечтает поселиться, –
Она, чьи дивные черты едва ли
Другие лица даже отражали,
И то – поскольку подражать ей смели, –
Она сама, в чьем несравненном теле
(Когда б сей мир сравниться с Нею мог) –
Весь в злате – Запад, в пряностях – Восток,
Все лучшее, что есть в любых краях –
В Европе, в Африке, на всех морях⁴⁰;
Нет, в ней самой сокровищ много боле,
Весь мир владеет лишь двадцатой долей
Ее богатств, которых, может статься,
Хватило бы еще миров на двадцать...
Коль Ангелы-хранители даны⁴¹
Всем: их имеют города, чины,
И праздники, и разные занятья,
И все на свете люди без изъятья, –
То в этом теле у любого члена
Был свой особый Ангел, несомненно;
Ее душа – как золото была,
А тело – как электр⁴²; она могла
Без слов, через румянец или взгляд,
Являть и чувств, и мыслей целый ряд;
Так было ясно все, о чем хотела
Она сказать, что мнилось – мыслит тело, –
Она, она ушла, ее уж нет!..
Мы ж, как улитки, оставляем след
На почве – на полу своей тюрьмы,
Где сами в тюрьмах-раковинах мы.
Но разве ж мы сменить жилище в силах,
Когда, заключены в живых могилах,
Так ничего понять и не успели:
Что знаешь ты, душа, в сем жалком теле?
Ты и поныне не разобралась –
Как ты умрешь и как ты родилась,
Забыла, как свершила свой приход,

Не помнишь, как испила яд грехов,
Ты лишена о Смерти знаний точных,
Не знаешь, в чем Бессмертия источник,
В своих границах тесных – ты несчастна:
Себя не зная, трудишься напрасно
Над тайной тел. В течение веков
Все думали, что тел состав таков:
Эфир с огнем, земля с водой – стихии...
Теперь в них части видятся иные⁴³,
Притом одним – так кажется, другим –
Иначе, а вопрос неразрешим...
Ты знаешь ли, как, образуя грот,
Ложатся камни⁴⁴, чтоб не рухнул свод?
Ты знаешь ли, как сердце очищает
Кровь, как ее в желудочки вмещает?
А знаешь ты, что легким делать надо,
Чтоб выдыхать ты мог продукт распада?⁴⁵
Превыше разуменья твоего –
Как ткани всасывают вещество...
А споры о ногтях, о волосах!⁴⁶
Вникая в них, ты попадешь впросак.
Скажи – ну, как могу познать себя я,
Вещей столь близких и простых не зная?
Есть сотни мнений (уж не говоря
О сложном) – о строеньи муравья!
И если кто-то холод, жар терпел
И над азами жалкими корпел
Вещей столь маловажных, – как же ты
Познаешь вещи, кои непросты:
Мошь Цезаря иль мудрость Цицерона?
Кто сделал красной – кровь, траву – зеленой?
Постичь все это люди не сумели.
Что можешь ты, душа, в тщедушном теле?
Когда ж гордыню ты с себя стряхнешь,
И вымысла мечту, и страсти ложь?⁴⁷
Ты смотришь сквозь очки и мнишь, что важно –
Ничтожное... Но поднимись на башню –
И вмиг поймешь: ты ложью увлеклась,
На мир глядела сквозь решетки глаз⁴⁸,
Сквозь лабиринты слушала ушные,
Дороги избирала окружные...
Но в небесах познания канал

Иной: помыслил – и тотчас познал...
Лишь в горней школе ты сумеешь стать
И впрямь ученой, мудрой – Ей под стать,
Ей, чей необычайный ум постиг
Без обучения сущность многих книг;
Ей, совершившей столько добрых дел,
Что ныне всякий, кто б ни захотел
Творить добро, поймет в одно мгновенье,
Что он замыслил только повторенье
Того, что было Ею уж давно
Задумано или совершено;
Ей, что такого совершенства здесь
Смогла достичь в познании небес,
Что ранее, чем жителем их стала,
Она уже, как книгу, их читала;
Но и на этом не остановилась
(Хотя такое знание бы явилось
Несносным грузом для иных): ушла –
И совершенство в небе обрела,
В нем нашей лучшей Книгой став. И вот
Вслед за собой и нас теперь зовет...
Не прерывай же своего экстаза⁴⁹,
Моя душа! Не обернись ни разу
Назад, чтоб снова думать о земном!
Помысли – с кем же в мире ты ином
Общаться станешь? Что там делать надо,
Чтоб не вкусить самой чужого яда,
Другим же – своего испить не дать?
Ты молча ль воспримешь благодать
Учителей великих – или все же
Им возразишь, призвавши Слово Божье
В свидетели?.. Обдумать все пора!
И нет ли там подобия Двора,
Где, как бы ни был жалок клеветник,
Но много зла несет его язык?
Хоть яд повсюду силу проявляет,
Но иногда особенно влияет
На волосы и ногти⁵⁰, например;
А грех – опасен лишь для низших сфер.
Ввысь, о душа! Там обновленным слухом⁵¹
Должна ты внять поющим стройно духам.
Ввысь! Там звучит немолчная хвала

Той, что, оставшись Девой, – родила⁵²,
Единственной из женщин, что невинна
И до, и после порожденья Сына;
Ввысь – к Праотцам, что Сына долгие ждали,
Чем с Ним на небе души услаждали⁵³;
К святым Пророкам⁵⁴, зрящим вновь и снова,
Как на Земле сбывается их слово;
К Апостолам, что Сыну-Солнцу вслед
Пошли путем блистательных побед;
К Угодникам, чья кровь лилась святая,
Апостольскую ниву орошая;
Ввысь – к Девам, что боялись изменить
Святому Духу и соединить
Со смертным мужем – свой телесный Храм;
Ввысь, ввысь! Ведь там, средь этих Воинств, там –
Она, что новый, небывалый Сан
В своем лице явила небесам,
Ибо Она, и будучи одна,
В себе самой – как целая страна:
Она над чувством разум воцарила,
Врага на поле брани покорила⁵⁵, –
И мир настал. И после битвы той
Невинность лобызалась с Красотой.
И суд ее возвышен был и прав,
Мятеж гордыни – смертью покарав.
Всем сострадавая, каждого любя,
Она прощала всех, кроме себя,
И воплощеньем скромности слыла,
Нас вдохновив на добрые дела.
Над этим сердцем слуги сатаны
Малейшей власти были лишены.
Все совершенства, слившись в ней одной,
Ее особой сделали Страной,
А Вера – Церковью⁵⁶; а вместе эти
Две силы – сутью всех вещей на свете.
Она, Она, хранившая во взгляде
От зла всемирного противоядь, –
Она теперь из мира прочь ушла
И чрез кончину небо обрела;
А кто ее примером не влеком,
Лишь с мимолетной радостью знаком;
Но ты, душа, стремись к непреходящей:

От радости случайной – к настоящей!⁵⁷
Здесь искус мы должны перенести,
Чтоб в небесах блаженство обрести.
Скажи: как радости не быть мгновенной
Здесь, на Земле? Как от причины тленной
Ждать вечных следствий?.. Скажем, ты влюблен
В красавицу. Но красоты закон –
Изменчивость... О бедные создания –
Ты и она! О призрак обладанья!
Ведь с каждым днем меняетесь вы с ней,
Изъяны Время делает видней,
И хоть река все то же носит имя⁵⁸,
Но завтра воды станут в ней иными.
Ее лицо и твой влюбленный взгляд –
Уже не те; не столь сегодня свят
Обет любви, наемни с жаром данный:
Ты сам меняешься, непостоянный⁵⁹,
Ты можешь славу предпочесть любви...
Один лишь Бог создания Свои –
Нас – по любви безмерной сотворил
И лучезарной славой одарил,
Лишь для того явив нам эту милость,
Чтоб к совершенству сами мы стремились.
Кто ниже нас по рангу, те нас чтят⁶⁰
(А принцы, если нас почтить хотят,
Другим предоставляют это право);
Итак, от посторонних наша слава
Зависит: то растет, то убывает...
Увы, здесь радость прочной не бывает.
А если б человек своим умом
Мог радость в этом обретать иль в том,
Мы б всех других за глупость поносили,
И лишь себя за ум превозносили.
Как тех, кто башню Вавилона строил⁶¹,
Один вопрос все время беспокоил:
Мол, на Земле всего ужасно мало,
Не хватит места и материала,
Да и к тому ж не выдержит фундамент, –
Так и теперь подобным делом занят
И те же мысли развивает тот,
Кто прочной радости от мира ждет...
Как встарь из кар Господних и даров

Язычник разных создавал богов⁶²
(Ведь были боги хлеба и вина,
И хворь была богиней, и война);
И, разменяв на горстку меди свой
Бесценный, полновесный золотой,
Он забывал Единственного Бога,
Которому обязан был премного, –
Так и у нас все радости – не те:
Нет счастья в постоянной суете.
Воспрянь, душа, взор к небу поднимая:
Пройдя сквозь центр окружности, прямая
Два раза круговой ее черты
Коснется⁶³. – Так же в будущем и ты
Свои мечты осуществишь вдвойне
На небесах. Предайся же вполне
Познанию Господа: Он для ума –
И Мыслимый Объект, и Мысль сама⁶⁴.
В Нем радость обретается всегда,
Не зная ни убытка, ни вреда.
Познание Бога стольких благ полно,
Что изумляет Ангелов оно –
Тех, с кем теперь и слита, и едина
Она, чью мы справляем Годовщину,
Она, чья радость истинной была
И кончиться со смертью не могла;
Она, что Бога всюду узнавала,
Ему внимала и к Нему взывала,
И Образ Бога восставал пред Ней
Из крон деревьев, из холмов камней⁶⁵;
И в Ней самой, преуспевавшей в вере,
Был Образ тот воссоздан в полной мере,
И были из души удалены
Последствия Адамовой вины.
Она всечасно Бога призывала,
Ее десница Божья покрывала,
И с Богом обручил Ее наш мир⁶⁶,
А в небесах готов Ей брачный пир.
Она, чей вечер – полдня был светлей,
Чей сон – молитв церковный был святей,
Она, что всем вокруг дарила милость,
Но к милосердию вышнему стремилась, –
Она его на небе обрела

За то, что в мир гармонию внесла,
Согласье – меж Землей и Небесами.
Теперь мы радость истинную сами
(Насколько можем) обретаем в Ней,
Хоть радости небесные – сильней,
Даже кратчайшие; но сколь ничтожны
Те, краткие, что на Земле возможны!..
Клеврет от принца с тем приемлет власть,
Чтоб от него в зависимость попасть;
Коль врач об исцелении твоём
Молчит, – смотри: внезапных сил подъем
Разбередит в груди твоей нарыв,
И тот задушит, к горлу подступив,
Тебя, обретшего, казалось, силу...
Случайное – всегда случайным было,
И есть ли тот, кому оно в угоду
Свою изменит зыбкую природу?
Любой случайной радости приход
Гласит одно: вот-вот она уйдет.
Но в небе наслажденье не растает:
Там временное – вечность обретает,
Лишь там душа блаженства не теряет,
Поскольку никогда не умирает,
А только ждет Великого Предела –
Конца Веков и воскресенья тела.
В тот день величьем люди превзойдут
Всех духов – и вовеки не падут,
Как пали Ангелы; и к совершенству
Направят путь, как к высшему блаженству.
Но ныне так ликует лишь Она,
В чьем сердце добродетель столь сильна,
Что похвала любая – Ей в обиду
(Ведь в Высшем Мире все – иного вида);
Она, что из прекраснейшего тела
Ушла на небо, словно захотела
Еще светлей украсить облик свой...
Ведь плоть была ее второй душой, –
Так в древнем свитке с двух сторон на коже
Начертаны для нас реченья Божьи.
Ее ж рукой был на Земле очерчен
Круг совершенства, что велик и вечен,
И с нею вместе Круг блаженный тот

На небе пребывает – и растет.
Но здесь, где лицемерье ложной веры
Плодит святых угодников без меры⁶⁷, –
Ни свод небесный с ними не знаком,
Ни Церковь древняя. – Где лишь закон
Поэзии не вызывает гнева
У Веры⁶⁸, – я к Тебе взываю, дева!
Когда б других святых я почитал,
Французом бы в глазах твоих я стал,
И Ты, как дань мою за Год Второй,
Не приняла бы этот Золотой,
Когда бы не было на нем Портрета
Того, Кто повелел, чтоб Ты воспета
Была, и чтоб могли потомки брать
С Тебя пример – как жить и умирать,
И был весь мир о том оповещен...
Так пусть же знают все, что Автор – Он,
Посланье – Ты, а я – лишь Трубный Глас⁶⁹,
Сзывающий народ в урочный час!

ДУХОВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕНОК СОНЕТОВ

LA CORONA

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Прими венок сонетов – он сплетен
В часы меланхолической мечты,
О властелин, нет – сущность доброты,
О Ветхий Днями, вечный средь времен!
Труд музы да не будет награжден
Венком лавровым – знаком суеты,
Мне вечности венец подаришь Ты –
Венцом терновым он приобретен!
Конец – всех дел венец. Венчай же сам
Покоем без конца – кончины час!
В начале скрыт конец. Душа, томясь
Духовной жаждой, внемлет голосам:
«Да будет зов моленья вознесен –
Кто возжелал спасенья, тот спасен!»

2. БЛАГОВЕЩЕНИЕ

Кто возжелал спасенья, тот спасен!
Кто всё во всё, повсюду и во всех,
Безгрешный – но чужой искупит грех,
Бессмертный – но на гибель обречен, –
О Дева! – Сам себя отныне Он
В девичье лоно, как в темницу, вверг,
Греха не зная, от тебя навек
Он принял плоть – и смертью искушен...
Ты прежде сфер, в предвечности, была
Лишь мыслью Сына своего и Брата:
Создателя – ты ныне создала,
Ты – мать Отца, которым ты зачата.
Он – свет во тьме: пусть хижина мала,
Ты Беспредельность в лоно приняла!

3. РОЖДЕСТВО

Ты Беспредельность в лоно приняла!..
Вот Он покинул милую темницу,
Столь слабым став, что в мир земной явиться
Сумел – и в этом цель Его была...
Гостиница вам крова не дала,
Но к яслям за звездою ясновидцы
Спешат с Востока... Не дано свершиться
Предначертаньям Иродова зла!
Вглядись, моя душа, смотри и верь:
Он, Вездесущий, слабым став созданием,
Таким к тебе проникся состраданием,
Что сам в тебе нуждается теперь!
Так пусть в Египет Он с тобой идет –
И с матерью – защитой от невзгод...

4. ХРАМ

И с матерью – защитой от невзгод –
Вошел Иосиф, видит: Тот, кто сам
Дал искры разуменья мудрецам,
Те искры раздувает... Он не ждет:
И вот уж Слово Божье речь ведет!
В Писаньях умудрен не по летам,
Как Он познал все, сказанное там,
И все, что только после в них войдет?!
Ужель, не будь Он Богочеловеком,
Сумел бы Он так в знанье преуспеть?
У наделенных свыше долгим веком
Есть время над науками корпеть...
А Он, едва лишь мрак лучи сменили,
Открылся всем в своей чудесной силе!..

5. РАСПЯТИЕ

Открылся всем в своей чудесной силе:
Пылали верой – эти, злобой – те,
Одни – ярясь, другие – в простоте –
Все слушали, все вслед за ним спешили.
Но злые взяли верх: свой суд свершили
И назначают Высшей Чистоте –
Творцу судьбы – судьбу: смерть на кресте.

Чья воля все события предредила,
Тот крест несет средь мук и горьких слез,
И, на тягчайший жребий осужденный,
Он умирает, к древу пригвожденный...
О, если б Ты меня на крест вознес!
Душа – пустыня... Завершая дни,
Мне каплей крови душу увлажни!..

6. ВОСКРЕСЕНИЕ

Мне каплей крови душу увлажни:
Осквернена и каменно-тверда,
Душа моя очистится тогда;
Смягчи жестокость, злобу изгони
И смерть навеки жизни подчини,
Ты, смертью смерть поправший навсегда!..
От первой смерти, от второй – вреда
Не потерплю, коль в Книгу искони
Я вписан: тело в долгом смертном сне
Лишь отдохнет и, как зерно, взойдет,
Иначе Славы не достигнуть мне:
И грех умрет, и смерть, как сон, пройдет;
Очнувшись от двойного забытья,
Последний – вечный – день восславлю я!..

7. ВОЗНЕСЕНИЕ

Последний – вечный – день восславлю я,
Встречая Сына солнечный восход,
И плоть мою омоет и прожжет
Его скорбей багряная струя...
Вот Он вознесся – далека земля,
Вот Он, лучась, по облакам идет:
Достиг Он первым горних тех высот,
Где и для нас готова колея.
Ты небеса расторг, могучий Овен,
Ты, Агнец, путь мой кровью оросил,
Ты – свет моей стезе, и путь мой ровен,
Ты гнев свой правый кровью угасил!
И, если муза шла твоим путем,
Прими венок сонетов: он сплетен!

СВЯЩЕННЫЕ СОНЕТЫ

I

Ужель Ты сотворил меня для тленья?
Дай мне очнуться: близок смертный час!
Встречая смерть, навстречу смерти мчась,
Как прежде, жажду страсти утоленья.
Вперед гляжу – жду смерти появленья,
Назад – лишь безнадежность видит глаз,
И плоть, под тяжестью греха клонясь,
Загробной кары ждет за преступленья.
Но Ты – над всем: мой взгляд, Тебе подвластный,
Ввысь обращаю – и встаю опять.
А хитрый враг плетет свои соблазны –
Мне ни на миг тревоги не унять.
Но знаю – благодать меня хранит:
Железу сердца – только Ты магнит!

II

О Боже, всеми на меня правами
Владеешь Ты, сперва меня создав,
Потом – погибнуть до конца не дав,
Мой грех своими искупив скорбями,
Как сына – осияв меня лучами,
И как слуге – за все труды воздав.
Я жил в Тебе – твой образ не предав,
И жил во мне Твой Дух – как в некоем храме...
Но как же завладел мной сатана?
Как взял разбоем данное Тобой?
Встань, защити меня и ринься в бой –
Моя душа отчаянья полна:
Ты не избрал меня, других любя,
А враг не отпускает от себя!

III

О, если б я, от слез лишившись сил,
Вернуть глазам ту влагу был бы властен, –
Мой горький плач, что раньше был напрасен,
Святой бы плод отныне приносил!
Каким я ливнем слезным оросил

Кумира! Сколь для сердца был опасен
Порыв печали! Каюсь – и согласен
Терпеть опять, что и тогда сносил...
Да – вор ночной, развратник похотливый,
И забулдыга, и смешной гордец
Хоть вспомнят иногда денек счастливый
И тем уменьшат боль своих сердец.
Но мне не будет скорбь облегчена:
Она со мной – и кара, и вина!

IV

О черная душа! Недуг напал –
Он, вестник смерти, на расправу скор...
Ты – тот, кто край свой предал и с тех пор
Бежал в чужие страны и пропал;
Ты – тот, кто воли всей душой желал
И проклинал темницу, жалкий вор,
Когда ж услышал смертный приговор,
Любовью к той темнице воспылал...
Ты благодать получишь, лишь покаясь,
Но как начать, который путь верней?
Так стань чернее, в траур облакаясь,
Грех вспоминай и от стыда красней,
Чтоб красная Христова кровь могла
Твой грех омыть, очистив добела!

V

Я – микрокосм, искуснейший узор,
Где ангел слит с естественной природой,
Но обе части мраку грех запродам,
И обе стали смертными с тех пор...
Вы, новых стран открывшие простор
И сферы, что превыше небосвода,
В мои глаза для плача влейте воды
Морей огромных: целый мир – мой взор –
Омойте. Ведь потоп не повторится,
Нет, алчностью и завистью дымясь,
Мой мир сгорит: в нем жар страстей таится...
О, если б этот смрадный жар погас!
И пусть меня охватит страсть другая –
Твой огонь, что исцеляет, сожигая!

VI

Спектакль окончен. Небо назначает
Предел моим скитаньям; я достиг
Последней цели странствий. Краткий миг
Остался. Время тает и тончает...
Вот плоть с душой смерть жадно разлучает,
Чтоб, смертным сном осилен, я поник...
Но знаю: дух мой узрит Божий лик,
И страх заране взор мне помрачает...
Когда душа вспорхнет в небесный дом,
А тело ляжет в прах, поскольку бренно,
То я, влекомый тягостным грехом,
В его источник упаду – в геенну...
Но оправдай меня – я грех отрину
И мир, и плоть, и сатану покину!

VII

С углов Земли, хотя она кругла,
Трубите, ангелы! Восстань, восстань
Из мертвых, душ неисчислимый стан!
Спешите, души, в прежние тела! –
Кто утонул и кто сгорел дотла,
Кого война, суд, голод, мор, тиран
Иль страх убил... Кто Богом осиян,
Кого вовек не скроет смерти мгла!..
Пусть спят они. Мне ж горше всех рыдать
Дай, Боже, над виной моей кромешной:
Там поздно уповать на благодать...
Благоволи ж меня в сей жизни грешной
Раскаянью всечасно поучать:
Ведь кровь Твоя – прощения печать!

VIII

О, если знание – верных душ награда,
Душа отца в раю награждена
Вдвойне: следит, блаженствуя, она,
Как смело я парю над пастью ада!
Но если, райского сподобясь сада,
Душа и там прозренья лишена,
То как раскрыть мне пред отцом сполна

Всю непорочность помысла и взгляда?
Душа с небес кумиров ложных зрит,
Волхвов, носящих имя христиан,
И видит: фарисейство и обман
Притворно святы, праведны на вид...
Молись, отец, печали не тая:
Полна такой же скорби грудь моя!

IX

Когда ни дерево, что, дав свой плод,
Бессмертье у Адама отняло,
Ни блуд козлов, ни змей шипящих зло
Не прокляты – меня ль проклятье ждет?!
Ужель сам разум ко грехам ведет,
Ужель сознание в грех нас вовлекло?
Иль Бог, всегда прощающий светло,
Впал в страшный гнев – и мне проклятье шлет?..
Но мне ль тебя, о Боже, звать к ответу?..
Пусть кровь твоя и плач мой покаянный
В один поток сольются неслиянно –
И грех мой погрузи навеки в Лету!
«О, вспомни грех мой!» – молит кто-нибудь,
А я взываю: «Поскорей забудь!..»

X

Смерть, не тщеславься: се людская ложь,
Что, мол, твоя неодолима сила...
Ты не убила тех, кого убила,
Да и меня, бедняжка, не убьешь.
Ведь сон ночной – а он твой образ все ж –
Нам радости приносит в изобилье,
И лучшие из живших рады были,
Что ты успокоенье им несешь...
О ты – рабыня рока и разбоя,
В твоих руках – война, недуг и яд.
Но и от чар и мака крепко спят:
Так отчего ж ты так горда собою?..
Всех нас от сна пробудят навсегда,
И ты, о смерть, сама умрешь тогда!

XI

О фарисеи, бейте же меня,
В лицо мне плюйте, громко проклиная!
Я так грешил!.. А умирал, стеноя,
Он, что в неправде не провел ни дня!..
Я б умер во грехах, себя виня
За то, что жил, всечасно распиная
Его, кого убили вы – не зная,
А я – его заветов не храня!..
О, кто ж его любовь измерить может?
Он – Царь царей – за грех наш пострадал!
Иаков, облачившись в козьи кожи,
Удачи от своей уловки ждал,
Но в человечью плоть облекся Бог –
Чтоб, слабым став, терпеть Он муки смог!..

XII

Зачем у нас – все твари в услуженье?
Зачем нам пищей служат всякий час
Стихии, хоть они и чище нас,
Просты и неподвластны разложению?
Зачем с покорностью в любом движенье
Вы гибнете, пред мясником клонясь,
Кабан и бык, когда б, остервенясь,
Вы б растоптали нас в одно мгновенье?..
Я хуже вас, увы, в грехах я весь,
Вам воздаянья страх знаком едва ли...
Да, чудо —то, что нам покорны твари,
Поистине же чудо из чудес –
Что сам Творец на гибель шел в смиренье
За нас – врагов Своих, Свои творенья!..

XIII

Что, если Страшный суд настанет вдруг
Сегодня ночью?.. Обрати свой взгляд
К Спасителю, что на кресте распят:
Как может Он тебе внушать испуг?
Ведь взор Его померк от смертных мук,
И капли крови на челе горят...
Ужели тот тебя отправит в ад,

Кто и врагов своих простил, как друг?!
И как, служа земному алтарю,
Мне уверять любимых приходилось,
Что строгость – свойство безобразных, милость –
Прекрасных, так Христу я говорю:
Уродливы – нечистые создания,
Твоя ж краса – есть признак состраданья!..

XIV

Бог триединый, сердце мне разбей!
Ты звал, стучался в дверь, дышал, светил,
А я не встал... Но Ты б меня скрутил,
Сжег, покорил, пересоздал в борьбе!..
Я – город, занятый врагом. Тебе
Я б отворил ворота – и впустил,
Но враг бразды правленья захватил,
И разум – Твой наместник – все слабей...
Люблю Тебя – и Ты меня люби:
Ведь я с врагом насильно обручен...
Порви оковы, узел разруби,
Возьми меня, да буду заточен!
Лишь в рабстве – я свободу обрету,
Насильем возврати мне чистоту!..

XV

Душа, ты так же возлюби Творца,
Как Он тебя! Исполнишь изумленья:
Бог-Дух, чье славят ангелы явленье,
Избрал своими храмами сердца!
Святейший Сын рожден был от Отца,
Рождается Он каждое мгновенье, –
Но ждет ведь и тебя усыновленье –
И День субботний, вечный, без конца!..
Как у торговца краденым должны
Имущество свое мы выкупать,
Так Сын сошел и дал себя распять,
Спасая нас от вора-сатаны...
Адам подобье Божье утерял,
Но Бог сошел – и человеком стал!..

XVI

Отец, твой Сын возвысил род земной,
Он – человек, в нем – наше оправданье:
Победой, смерть поправшей и страданье,
Он – в Царстве Божьем – делится со мной!
Со смертью Агнца стала жизнь иной...
Он заклан от начала мирозданья,
И два Завета дал нам в обладанье –
Два заветанья с волею одной...
Закон твой – тверд, и человеку мнилось:
Его исполнить – неостанет сил...
Но Дух, послав целительную милость,
Все, что убито буквой, воскресил!
Последнее желанье, цель Завета –
Любовь! Так пусть свершится воля эта!

XVII

Когда я с ней – с моим бесценным кладом –
Расстался и ее похитил рок,
То для меня настал прозренья срок:
Я, в небо глядя, с ней мечтал быть рядом,
Искал ее, но встретился там взглядом
С Тобою, ибо Ты – любви исток!
И новой страстью Ты меня завлек,
Я вновь охвачен жаждою и гладом:
О, сколь же Ты в любви своей велик!
С ее душой Ты вновь мою связуешь
И все ж меня ревнуешь каждый миг
Ко всем – и даже к ангелам ревнуешь
И хочешь, чтоб тебе была верна
Душа – хоть манят мир и сатана!

XVIII

Христос! Свою невесту, всю в лучах,
Яви мне!.. Не за морем ли она
Владычит, в роскошь риз облачена?
Иль здесь, как и у немцев, сеет страх?
Иль замерла и спит себе в веках?
Лжи – или истины она полна?
И на холме ль она утверждена?

Иль вне холма? Иль на семи холмах?
Она – средь нас?.. Иль, подвигу в награду,
Как рыцарей, ее любовь нас ждет?
Благой Жених! Яви невесту взгляду!
И пусть душой владеет Голубь тот,
Который рад за каждого бывает,
Кому она объятья раскрывает!

XIX

Я весь – боренье: на беду мою,
Непостоянство – постоянным стало;
Не раз душа от веры отступала,
И клятву дав, я часто предаю.
То изменяю тем, кого люблю,
То вновь грешу, хоть каялся сначала;
То молится душа, то замолчала;
То – все, то – ничего; то жар терплю,
То хлад; вчера – взглянуть на небосвод
Не смел, сегодня – угождаю Богу,
А завтра задрожу пред карой строгой.
То набожность нахлынет, то уйдет,
Как в лихорадке – жар и приступ дрожи..
Все ж, лучшие из дней – дни страха Божья!..

ГРАФУ Д. ПРИ ПОСЫЛКЕ ШЕСТИ
СВЯЩЕННЫХ СОНЕТОВ

Взгляните, сэр: как Солнца жар мужской
Жизнь зачинает в мутном нильском иле, –
Так Вы во мне поэзию родили,
Ваш отчий жар – в родстве с моей строкой!
Но, хоть воспламеняющих страстей
Хватило б на зачатъе всей седмицы, –
Вначале только шесть смогли родиться:
Седьмой, я слышал, – худший из детей..
Пусть Ваш талант и Ваше одобренье
На эти строфы, как сестра и брат,
Сойдут – и, передав свое горенье,
Как Эликсир, их в золото обратят!
Ведь Вы – Алхимик, что едва лишь глянет –
И все дурное вмиг прекрасным станет!

ЛЕДИ МАГДАЛЕН ГЕРБЕРТ,
 НАЗВАННОЙ В ЧЕСТЬ
 СВЯТОЙ МАРИИ МАГДАЛИНЫ

Та, в честь кого, о леди, Вас назвали,
 Та, что, исполняясь верою, жила
 В Вифании, а родилась в Магдале, –
 Она всю Церковь знаньем превзошла,
 Вняв о Воскресшем самой первой вести!
 Отцы – в сомненье: только раз жена
 Сподобилась такой великой чести...
 Вот если бы нашлась еще одна!..
 Так станьте же второю Магдалиной!
 И первой Магдалины благодать
 Храните в жизни чистой и невинной,
 Стараясь имя – верой оправдать.
 Та приняла Иисуса Самого,
 А Вы – примите гимны в честь Него!

ЛИТАНИЯ

I. ОТЕЦ

Ты, Отче неба, кем оно
 Для нас, мы для него, все остальное
 Для службы нам сотворено, –
 Вновь мя содей и сердце дай иное:
 Уныл я – глина плоть его,
 Цвет красный – разоренья;
 Из красной этой глины вещество
 Порока изыми, до преставленья
 Вкус дай познать от смерти избавленья.

II. СЫН

Сын Божий, смерть и грех познав,
 Сих двух, не сотворенных изначала,
 Грех на плечах Ты нес, подняв,
 А смерти в плоть свою Ты принял жало;
 Будь к сердцу моему прибит,
 На нем распят будь снова,
 Не брось то, что само Тебя бежит,
 Да будет боль Твою терпеть готово,
 В крови Твоей захлебываясь, Слово.

III. СВЯТОЙ ДУХ

Святой, я храм Твой искони,
Хоть свод в грязи и пыль лежит слоями,
Хоть юности моей огни –
Гордыня, блуд – разор чинили в храме,
И новых не уйти огней,
Дай пламень Твой без дыма
(Хоть чадный плоть фонарь); войди, содей
Во мне, точащем слезы, – неделимо
Священника, алтарь, огонь, дар сладимый.

IV. ТРОИЦА

О Троица Святая, Ты
Для веры млеко, камень для науки;
Ты, как змея средь темноты,
След путаешь и не даешься в руки.
Неразличимое прозрев,
Любовь, Познанье, Сила,
Вели мне, мудростию овладев,
Вмещать все то же, что Сама вместила,
Единство Трех, несметных, как светила.

V. ДЕВА МАРИЯ

Тебе, о девственница-мать
И херувим, принявший облик женский, –
Кто, Рай открыв нам, благодать
Вернула в мир, затем что грех вселенский
Всевышний поразил в правах,
Утроба чья – владенья
Господни: там он был, как в облаках, –
Молитвы шлем: не тщетны Той прошенья,
Чья власть над грешным миром вне сомненья.

VI. АНГЕЛЫ

Как отрочество – век земной,
И под опекой ангелов он длится,
Им небеса – чертог родной,
А нам туда, Бог весть, дано ль вселиться.
Земля, взяв солнца семена,
Живому даст рожденье,

Но тайна неба для земли темна.
Да будет зорким ангельское бденье
Над грешником, что слеп в предвечном зреньи.

VII. ПАТРИАРХИ

Пусть наших праотцев алчба
(Столпов сих церкви, что превыше зрели,
Чем мы в огне, во облаце столпа
И от одной Природы взять сумели,
Что нам Закон и Благодать
Дать тщились в мире этом),
Во мне насытятся, будет плод давать,
Да зрак ума не меркнет перед Светом,
А веры взор пред Разума заветом.

VIII. ПРОРОКИ

И те, кто дивно сочетал
С орлиной зоркостью органа пеньи
В церквах; кто два закона взял
И дал один, не сотворив смешенья;
Поэты Божии, чей стих
Господне славит имя, –
Есть совершенный ритм в молитве их
О том, чтоб не оправдывался ими
Я с рифмами и тайнами моими.

IX. АПОСТОЛЫ

Величественный Зодиак,
Два на десять стянувших мир, как пояс
(А средь отвергнувших их всяк
Низвергнется в пучину, упокоясь),
Через молитвенный их свет
Ты дал мне знать, что несть земного
В их книгах; пусть же молятся, чтоб, шед
Им вслед, не сбился я с пути прямого,
Свое Твоим не сотворил бы слово.

X. МУЧЕНИКИ

Поскольку умирать Ты впредь
Готов, как умирал Ты до рожденья,
Себя рассеяв смертных средь, –
Так Авель умер на заре творенья,
Так многих кровь грядет сюда
В нас заронить смиренье, –
Вели понять нам раз и навсегда,
Что надо выбрать смерть иль утеснение;
Избегнуть мученичества – вот мученье.

XI. ИСПОВЕДНИКИ

И сонму верных, до конца
Не изменивших чудному призванью, –
Обручникам, но без венца,
Кто был предложен, но не взят к закланью,
Вели молиться им за нас,
В миру ведь христианы
Изнутри гоненье терпят всякий час,
По гроб нас жгут невидимые раны,
Самим себе мы Диоклетианы.

XII. ДЕВСТВЕННОЩИЦЫ

Холодный белый монастырь,
Ты Деве-Матери во власть их предал,
И девственен их мир,
Ни мне, ни Церкви ты того же не дал:
Мы предали греху себя
И жизнь влачим в оковах.
Спаси же нас, брак блудный истребя,
Иль грех да сгинет, сотворя нас новых;
Ты ж девственными нареки нас, вдовых.

XIII. УЧИТЕЛИ

Воистину и он велик,
Конклав ученых: праведные мужи,
Запрет с божественных двух книг
Сняв, наставляли нас в любви (к тому же
Записаны мы во Второй), –

Не дай лишь их мечтами
Чрезмерно обольститься нам порой:
Велев ходить нам средними путями,
Господь не солнцами их звал – звездами.

XIV

Хоть Церковь всякий день и час,
Там в торжестве, а здесь в боренье трудном
Моления за нас,
Любви огнем объемлемая чудным,
Не преставаая шлет
(Чтоб мы могли молиться,
Труждаться и нести страданий гнет), –
Не дай нам Бог всецело положиться
На ту молитву, что за нас творится.

XV

Не дай ни мира, ни тревог;
Ни вдовьим крепом быть, ни карнавальным
Огнем; ни говорить, что плох
Сей мир и местом создан быть печальным;
Что темен наш удел земной,
Что строг ты наипаче
К возлюбленным своим, что за Тобой
Идет лишь тот, кто дни в слезах и в плаче
Влачит, обманутый земной удачей.

XVI

Не дай нам Бог опасность звать,
Ни поминать сегодня слез вчерашних
Иль паче меры уповать –
От сих надежд душа вся в язвах страшных;
Иль милостыней подкупать
Тебя, содеяв злое;
Иль в деле веры новшества искать,
Иль все сводить к душе, забыв земное
(Обязанности, труд) – не дай такое.

XVII

Не дай нам Бог, чтоб сатана
С компанией нас подружил беспутной,
Иль чтоб, от зла устранена,
Душа в тщеславье нежилась уютно;
Уничиженьем показным
Тень на твое ученье
Не дай мне положить в соблазн другим;
Шпионить или быть на подозренье,
Иль к славе страсть питать – или презренье.

XVIII

Избави нас, на этот свет
В мученьях появившихся из чрева
(Различья с нашей долей нет);
Ты, с кем пришла к величью Мать-Дева,
Ты славу бедности воздал,
Родившись в низкой доле,
Но и богатству быть не возбранял,
Приняв дары в яслях, как на престоле, –
Дай нам прожить, как нам потребно боле.

XIX

О, горестных сколь много мук
Дано приемлющим Твое ученье;
Гоненья, ереси наук –
Что день, взрывают наших лет теченье.
Но писано, что в оны дни
Те, кто вершил гоненье, –
На миг познали слепоту они...
Избавь нас от греха и дай спасенье
Узреть, – отняв у нечестивых зренье.

XX

Лицом удары претерпев,
Одеждой – грязь и славой – поношенье,
И всякий суд, и всякий гнев, –
Ты так же прост был, как твое рожденье.

Величье скромности являл
Ты в смерти – мир оставя
Скорее, чем Тебя он разгадал.
Так дай и нам его покинуть в славе,
Чтоб нас исторгнуть в смерть он был не вправе.

XXI

Господь, когда во стан грехов
Твой ратник, чувство, вдруг перебегает,
Когда желанье, из оков
Освободясь, в печаль нас повергает;
Когда имение, дар Твой,
Над Тем, Кто даровал, мы ставим
И не Тебя, но данное Тобой
Хотим любить, иль Верой ум забавим –
Не дай сего нам, Ты, кого мы славим.

XXII

Дурного пастыря глагол
Когда во храме унижает Слово,
Когда нас судит произвол
Судьи церковного или мирского,
Война кипит, посланник твой,
Чума, Твой ангел, злится
И ересь правит, Твой потоп второй,
И смерть на Страшный суд велит явиться –
Не дай Ты нам ошую очутиться.

XXIII

Господь, молитва грешных уст
Тебе предвечной музыки дороже,
Она ж превыше всех искусств
И «аллилуйя» ангельского тоже.
Пока, Господь, ты слышишь нас,
Свое молчит в нас слово;
Скорбям и вздохам даст слова и глас
Твое вниманье. В горший день Иова
Внял Сатана Тебе. Молись в нас снова.

XXIV

Чтоб спазма гнева не нашла,
Ниже непостоянства лихорадка,
Ниже апоплексия зла,
Ниже иного не было припадка, –
 Не будь к нам, Господи, жесток.
 Хочу, чтоб к людям вышел,
На верный путь Ты им ступить помог.
Ты Сам сказал и ученик Твой пишет,
Что всяк молящийся Твой голос слышит.

XXV

Следи, чтоб лабиринт ушной
Нам в пользу был, чтоб Твоего вниманья
У нас не отнял шум мирской
В часы молитвенного предстоянья,
 Чтоб не прельстились мы умом,
 Чтоб чувством не грешили,
Чтоб шуток о правителе земном
К величью горнему не приложили, –
Открой Твой слух, чтоб уши мы закрыли.

XXVI

Когда, не уяснив вины,
Суд сам выдумывает преступления,
 Чтоб судей тяжелить мошны,
Иль некто судит грех до совершенья,
 Иль, обольстясь от Сатаны,
 Грехом себя покрыли
Те, что другим прощать грехи должны,
Но будет ли от них прощенье в силе? –
Замкни свой слух, чтоб уши мы открыли.

XXVII

Твое ученье, вестник Твой,
Да сбережется нами от соблазна;
 И красота – цветок живой
Да процветет от всякой скверны праздню;
 Ум для добра был сотворен;

В природе пребывая,
Тщетой ее да не прельстится он;
В нас чувства да не гаснут, нас сжигая.
Восплачь же, слабым эхам, нам внимая.

XXVIII

Сын Божий, взявший нашу кровь
И в славе возвративший нам даянье,
Сим совершив обмен даров;
Себя и нас не дай Ты на закланье.
Греховный да не внидет срад
В Твой горний воздух свежий
И к нам да не вернется грех назад,
Чтоб язвы наши зреть Врачу пореже.
Что грех? – Ничто. Пусть будет и нигде же.

КРЕСТ

Сам созданный по образу Христа –
Я ль отрекусь от Божьего Креста?
Мне ль устремиться к выгоде, презря
Величье Жертвы сей и Алтаря?
На нем грехи искуплены: кому
Простится грех презрения к нему?
И тот, кто отвратится от Распятья,
Как избежит страданья и проклятья?
Нет – пусть грозят, пусть выгоды сулят, –
Навек прикован ко Кресту мой взгляд!
Жизнь без Креста тебе не даст поблажки:
Она сама есть крест, и очень тяжкий.
И кто живет, отвергнуть Крест отважась,
Тот непосильную подьемлет тяжесть.
О, как бы я презреть орудье мог,
Которым искупил меня мой Бог?
Вот я объятя ближним раскрываю –
И сам, словно Распятье, застываю.
И взмах пловца – подобие Креста,
И мачта с реей – будто в Крест слита.
Вновь и опять напомнить крест стремится
И в поле дерево, и в небе птица.

И, чтоб сама Земля на свет явилась,
С меридианом параллель скрестилась.
Нас крестоцветом лекари целят,
Но Крест Христов – целительней стократ:
Из крестоцвета делают настой,
И мы травую лечимся простой,
Но в тех, кто Крестной Жертвою очищен,
Мы никаких недугов не отыщем:
Ведь, Крест почтив безропотным принятем,
Ты сам живым становишься Распятем.
Распятый резчик! Тайну ты постиг:
Ты нам явил сокрытый в древе Лик.
Так и в тебе – Христос, и ты, томим
Крестом страданий, станешь Им Самим.
Алхимик! Плавя золото, пойми:
Пред Богом ты смирен иль пред людьми?
Порой пиры чреватые несвареньем:
Есть гордость, порожденная смиреньем,—
Позорней ничего на свете нет.
Распни же спесь – итог своих побед –
И страсть распни. Иначе суждено
Погибнуть ей, с тобою заодно:
Кто в наслаждениях живет – тому
Не видно, как вползает Змий к нему.
Возьми же горечь – всё, что не сродни
Твоим страстям, – и свой уют распни!
Несытый глаз, не ведая смиренья,
Рождает жадность. – Так распни же зренья!
К земле влечется сердце, тянет вниз, –
Но ты Христу и сердцем сораспнись:
Распни унынье тягостных падений,
А с ним – гордыню мнимых восхождений.
Твой мозг запряган в крепкий костный дом,
В котором стены сходятся крестом, –
Как раз поэтому ты будешь прав,
Тщеславье своего ума распяв.
Нет – ближних ты на крест не возводи,
И лишь себя распни и пригвозди.
Ведь Крест Христов приносит вечный плод
Лишь в той душе, где свет любви живет.
И, чтоб душа твоя была чиста,
Неси свой крест – люби детей Креста!

ВОСКРЕСЕНИЕ

Спи долго, чтоб вернуть былые силы,
Спи, раненное в Пятницу светило!
Взойдешь попозже – мир переживет:
Он видел Солнца лучшего восход.
Ты – лишь для нас, детей Земли, отрада,
Его же свет проник в глубины ада,
Чей мрачный жар умерился с тех пор:
Так при тебе тускнеет наш костер.
Меж нас ходило вечное Светило,
Затем — свой Свет высотам возвратило;
Кто все проник и все Собою объял, –
Три дня недвижим был, как минерал.
Из недр земных поднялся Он, как золото,
Чего коснется Он – то станет свято:
Очистит Он железо и свинец
И всем грехам положит Он конец.
Но коль чьему-то благочестью мнится,
Что лишь душа выходит из гробницы
(И пребывает около нее,
И видит тело бывшее свое), –
Пусть он Христово тело назовет
Душою всех, кто на Земле живет!

БЛАГОВЕЩЕНИЕ,
СОВПАВШЕЕ СО СТРАСТНОЙ ПЯТНИЦЕЙ

О плоть! Смирись – сегодня день поста;
Душа! Узри приход – и смерть Христа.
Узри Его и смертным, и Творцом:
Две сущности сомкнулись, став кольцом,
Конец с началом полностью совпали
В сей странный день восторга и печали.
Христос не здесь – но все сокрылось в Нем,
Посажен Кедр – и вмиг искоренен.
Ведь сам Творец сегодня сотворился,
Начальник Жизни – смерти покорился.
И Дева-Мать весть воспринять должна...
Но нет – вблизи Креста стоит Она!
Она скорбит. Полвека Ей. Но нет –
Она ликует. Ей пятнадцать лет.

По слову Гавриила Сын Ей дан...
Нет – Сын распят. С Ней рядом – Иоанн.
Дарован Сын – и отнят в тот же миг,
Ей в утешенье послан ученик...
Все этот день объял, как бы тая
Кратчайший смысл Христова жития:
Как в некой точке карты – Ост и Вост,
Совпало «Ave» с «Consummatum est».
Как хорошо, что Церкви их дано
То разделять, а то сливать в одно!..
...Во тьме с дороги сбившись, я найду
Ближайшую от Полюса звезду, –
Ведь на нее достаточно взглянуть,
Чтобы и Полнос отыскать, и путь.
Всех звезд на свете – Церковь к Богу ближе:
За ней иду – и путь свой ясно вижу.
Она – Столп облачный, а Столп Огня –
Дух Божий, что в ночи ведет меня.
Два дня, сойдясь в один, дают понятие
О том, что смерть тождественна зачатю;
Что Сын, смиряясь снова и опять,
Плоть восприял – и дал Себя распять;
И что единый смысл в себе несут
Творенье мира и Последний суд.
Так пусть Невеста-Церковь с верой ждет,
Что вновь Жених ушедший к ней придет!
Он каплей крови всех бы сразу спас –
Но пролил всю, до капли, кровь за нас!
Одним лишь словом всех Он оживит, –
Но Церковь с Ним всечасно говорит!
Так пусть же годы, что остались мне,
Сольются в проповедь об этом Дне!

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА 1613 ГОДА

Сравнив с планетой нашу душу, вижу:
Той – Перворазум, этой – чувство движет.
Планета, чуждым притяженьем сбита,
Блуждает, потеряв свою орбиту,
Вступает на чужую колею

И в год едва ли раз найдет свою.
И суета так нами управляет –
И от Первопричины отдаляет...
Вот дружбы долг меня на запад влек,
Когда душа стремилась на восток, –
Там солнце шло во мрак в полдневный час
И вечный день рождало, помрачась:
Христос на крест взошел – и снят с креста,
Чтоб свет навек не скрыла темнота...
Я не был там, и я почти что рад:
Подобных мук не вынес бы мой взгляд.
Кто даже жизнь – Лик Божий – зрит,— умрет...
Но зрящим Божью смерть – каков исход?!
Мир потрясен, и меркнет солнце Божье,
Земля дрожит, земля – Его подножье!
Возможно ль вынести? немеют в муке
Ход всех планет направившие руки!
Кто всех превыше, кто всегда – Зенит
(Смотрю ли я иль антипод глядит),
Тот втопан в прах! И кровь, что пролилась
Во искупленье наше, льется в грязь!
Святое тело – Божье облаченье –
Изранено, разодрано в мученье!..
На это все не смея глаз поднять,
О, как бы я дерзнул взглянуть на Мать
Что со Христом страдала воедино,
Участвуя в великой жертве Сына?!
... Скачу, на запад обратив свой взгляд,
Но чувства очи – на восток глядят:
Спаситель, на кресте терпя позор,
Ты смотришь прямо на меня в упор!
Я ныне обращен к Тебе спиной –
Пока не смилуешься надо мной.
Мои грехи – пусть опалит Твой гнев,
Вся скверна пусть сойдет с меня, сгорев.
Свой образ воссоздай во мне, чтоб смог
Я обратиться – и узреть Восток!..

Портрет Дж. Донна, написанный в 1591 г.
С гравюры Уильяма Маршалла, сделанной с миниатюры Николаса Хильярда

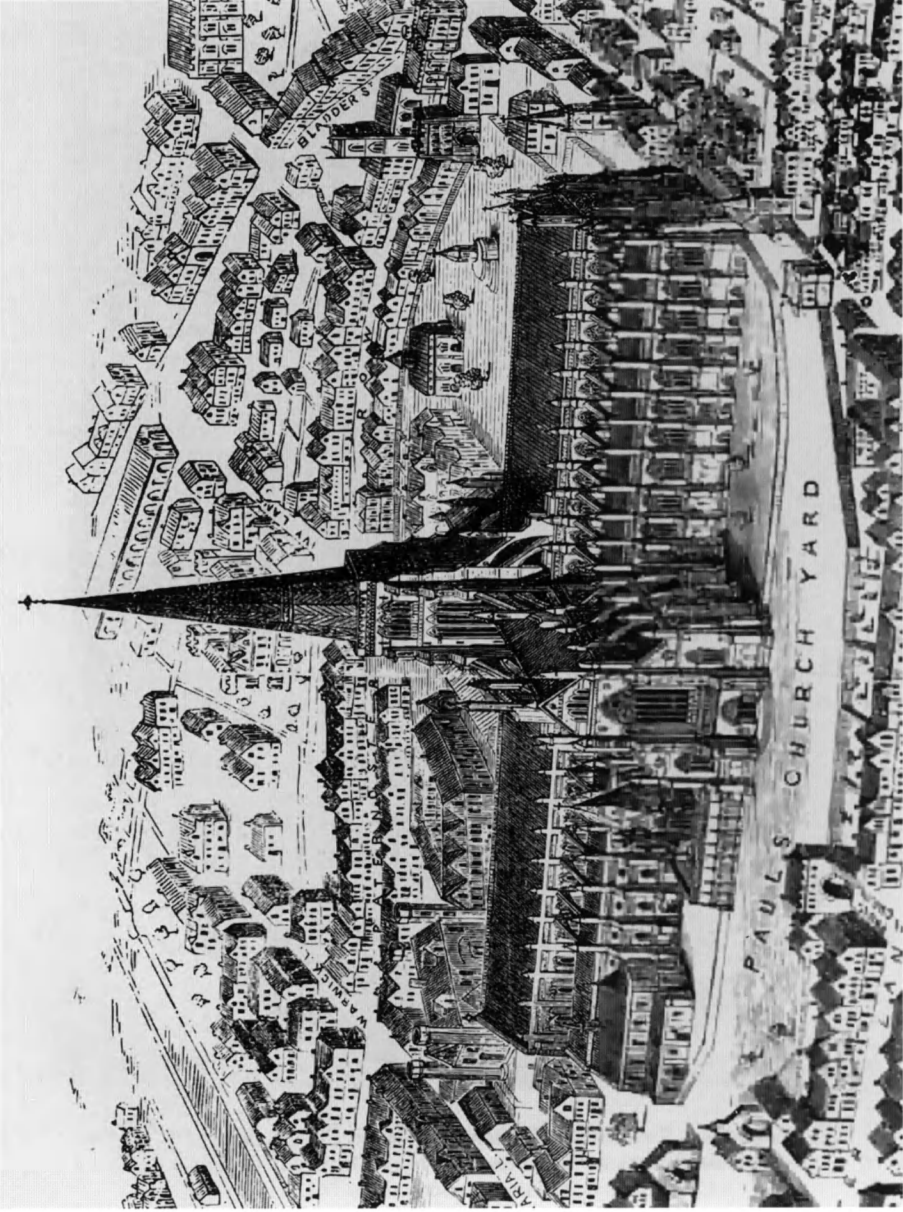
Дж. Донн в позе меланхолического влюбленного (около 1595 г.), так называемый лотиановский портрет (из коллекции маркиза Лотиана)

*Дж. Донн в 1616 г.
Миниатюра Исаака Оливера*

*Дж. Донн в 1620 г.
Неизвестный художник школы Корнелия Янсена*

*Собор Св. Павла в Лондоне. До 1561 г.
Из книги Ф. Бонда «Ранняя христианская архитектура». 1913*

*Статуя Дж. Донна в позе кающегося грешника
в соборе Св. Павла в Лондоне работы Николаса Стоуна.
Фрагмент*

P O E M S,

By J. D.

WITH
E L E G I E S
ON THE AUTHORS
D E A T H.

LONDON.

Printed by *M. F.* for I O H N M A R R I O T,
and are to be sold at his shop in *St Dunstons*
Church-yard in *Fleet-street.* 1 6 3 3.

НА РУКОПОЛОЖЕНИЕ
МИСТЕРА ТИЛЬМАНА

Сегодня ты, исполнясь дивных сил,
На плуг священный руку возложил,
И для тебя людей пренебреженье –
Залог победы, а не поражения!
Ответь мне: вправду ли твои мечты
Зажглись, как от вина? И в сердце ты
Обрел ли чувства, что, подобно стали,
Почуявшей магнит, вострепетали?
Корабль, который груз индийский вез,
Одoleвая ярость бурь и гроз, –
Скажи теперь, когда ты в гавань прибыл:
Все ли утраты возместила прибыль?
Пришлось ли в тексте что-нибудь менять
Иль только приложить к нему печать? –
Так королей сменяются портреты,
Но сохраняют прежний вес монеты.
Так Бог, творенье космоса готовя,
Открылся во Христе – предвечном Слове.
Как лучезарный Ангел окрыленный,
Несущий миру Божии законы, —
Не ты ль слова живящие свои
Несешь нам тоже на крылах любви?
Так что же ты обрел? – Скорей ответь,
Свою удачу дай и мне узреть!
Но если ныне твой успех стал явным,
То почему ж наш свет почел бесславным
Твое призванье? Отчего вся знать
О нем надменно не желает знать?
Но нет, у знати прежние занятия –
Интриги, сплетни, перемены платья...
И в этом огорчительней всего –
Гордящегося праха торжество:
Ведь любованье красотою внешней –
Есть обольщенье нашей плоти грешной!
Ты ж свету над собой надмиться дай,
Но сам его презренью сострадай:
Да можно ль отыскать удел почетней,
Чем быть орудьем благодати Господней,
Не титулы пустые раздавать,

Но в Царство Божье двери открывать?
 Как Дева встарь Христа в Себе носила,
 Так пастырь носит в сердце Божью силу –
 И смело, словно Ангел с облаков,
 С амвона исцеляет бедняков!
 Пусть астрономы, в звезды вперясь взором,
 Поют хвалу оптическим приборам, —
 Насколько их славнее тот, кто сам
 Возводит наши души к небесам!
 Вот он каков – твой дар, твой сан высокий:
 Через тебя Господь целит пороки!
 Да, мощь Небес, что нас произвели,
 И силу нашей матери-земли
 Ты слил в своем служенье воедино,
 Блаженного являя Андрогина!

НА ПЕРЕВОД ПСАЛМОВ
 СЭРОМ ФИЛИПОМ СИДНИ
 И ГРАФИНЕЙ ПЭМБРОК,
 ЕГО СЕСТРОЙ

Как нам величье Божье возвестить?
 Возможно ль круг – с квадратом совместить?
 Возможно ль втиснуть в закуток ума –
 Тебя, в Ком вечность кроется сама?
 Твое, не именуя, славлю Имя:
 Как Ты – Твои дары неизмеримы!
 И посему спешу к Тебе с мольбой:
 Тот славный Дух, что был излит Тобой
 На Псалмопевца мерою двойною
 (И смысл высокий стал подвластен строю
 Слов наилучших), – Дух тот раздели
 И в равной мере в тех двоих всели,
 Кого Ты Сам избрал, к трудам готовя, –
 Единых и по духу, и по крови!
 Пусть, как Орган, они – сестра и брат –
 Господним песнопеньем зазвучат!
 В них ожили Крестителя слова...
 Псалом «Да возликуют острова» –
 Они перевели, как повеленье,
 Явив собой его осуществленье,

Чтоб нам, островитянам, дать пример,
Как воспевать Властителя трех сфер
И трех хоров – Небес, Земли, Планет...
У Неба – песня, только звуков нет,
А у Планет – мотив, но их круженье
Безмолвно: это танец, а не пенье.
В земном же хоре (Ангельская рать
Деянья Церкви жаждет изучать) –
Мы – суть Орган, а Органист есть Он,
В Ком с человеком Бог соединен!
Мы песнями небесными владеем –
Их сам Давид оставил иудеям;
Дошел его наследников порыв
До нас, искусство высшее раскрыв
Так искренно, в столь совершенном виде,
Что я лишен покоя, ясно видя,
Как воспевают вечные Псалмы
Со тщаньем – все, но с небреженьем – мы.
Им во дворце – привольно, в Церкви – худо;
Скажу – их словно вовсе нет, покуда
Их не исправят; в том, что вся страна
Скупа и нерадива, – чья вина?
Что ж – нашей Церкви, Бога восхваляя,
Бездарней петь, чем всякая другая?!.
Нет – можно ныне Бога славить нам!
Ведь с нами Моисей и Мариам –
Труд завершен!.. Хоть все Псалмы едва ли
Создал Давид, – их в честь него назвали:
Что ж, назовем и эти – в Сидни честь,
Хоть переводчики другие есть!
И вплоть до дня, когда воскресших пенье
Восславит Бога при Его явлении, –
Пусть совершенство этого труда
Нас вдохновляет всюду и всегда:
В тот день сойдутся наши души снова,
Чтоб вечно петь врученное нам Слово!

ПЛАЧ ИЕРЕМИИ

(ЛАМЕНТАЦИИ)

ГЛАВА I

1. О, как столица, городов глава,
Сидит одна – скорбящая вдова!
Она в народах славилась доньше –
И вот царица сделалась рабыней!
2. Она рыдает в сумраке ночей,
Но утешенья нет: привет ничей
Не слышен ей. Настали годы злые,
Врагами стали все друзья былые.
3. Безбрежно горе, непосилен гнет:
К народам Иудея в плен идет,
Но и среди них покоя нет нигде ей,
В ущельях меч навис над Иудеей.
4. Пути Сиона скрыла темнота,
По праздникам пусты его врата,
Печальны девы, пастыри стенают,
Никто покоя от скорбей не знает.
5. Вознесся недруг, заслоня свет:
За тяжкий грех, за попраный завет
Господь казнит столицу тяжелой болью,
Ее детей уводит враг в неволю.
6. И дочь Сиона, красоты лишась,
Вздыхает горько. И бессилен князь,
Как загнанный олень. И враг победно
Его влечет, опутав цепью медной.
7. Град опустел, народ мечом избит:
О прежних днях Иерусалим скорбит,
К сокровищам былым душой стремится,
А враг над ним, поверженным, глумится.
8. Увы тебе, столица: ты грешна!
И, словно оскверненная жена,
Хулима теми, кем была хвалима,
Ты в плен идешь, о дочь Иерусалима!

9. Грехом свои одежды запятнав,
Ты не желала обуздать свой нрав –
И вот повержена, без утешенья:
«О Боже, зри врага превозношенья!
10. Смотри – на все, что радовало взор,
Противник руку дерзостно простер,
И вот в Твою священную обитель
Вошел язычник – дерзостный грабитель!
11. От голода стеная, мой народ
За хлеб заплесневелый отдает
Сокровища свои и украшенья. –
Возри, о Боже, на мои лишенья!»
12. О ты, прохожий! Пусть тебя вовек
Сие минует! На кого низверг
Подобный гнев Господь?! Такая ярость
Еще на род людской не изливалась!
13. Огонь с небес низвел на землю Бог,
Страданий жар в костях моих зажег,
Для ног моих раскинул сеть – и разом
Меня поймал в нее и бросил наземь!
14. Ярмо моих грехов Он возложил
На шею мне, и я, лишенный сил,
Пред супостатом вынужден склоняться, –
Я пал во прах, и не могу подняться.
15. Мои герои пали от меча,
Не стало ни борца, ни силача,
И, как в точиле – винограда груды,
Так истоптал Всевышний дочь Иуды!
16. Я плачу дни и ночи напролет,
Из глаз моих текут потоки вод,
Никто меня утешить не стремится,
И над детьми моими враг глумится.
17. Сион напрасно руки простирал:
Нет утешителя! Сам Бог собрал
Врагов Иакова, и ниц склонилась
Сиона дочь – за то, что осквернилась.

18. Бог праведен – она пред Ним грешна,
И вот взывает, скорбью сражена:
«Страшитесь, племена, Господня гнева –
Уходят в плен и юноша, и дева!»

19. Солгали братья, предали друзья,
И настигает смерть, как вижу я,
Священника и старца, ибо ищут,
Чем душу подкрепить, – но нет им пищи!

20. О, как мне тесно, Господи, воззри:
Дрожь – в моем сердце, мрак ночной – внутри:
Ведь я, наверно, всех грешней и хуже,
Коль в доме – смерть, и меч грозит снаружи.

21. Ни от кого мне сострадания нет,
И рады недруги, что столько бед
Ты на меня навел. Но день настанет,
Когда над ними гром Твой правый грянет.

22. Над злобой их Ты сотворишь Свой суд:
Пусть и они возмездье понесут!
Им тоже, в их тщеславье незаконном,
Наполни сердце непрерывным стоном!

ГЛАВА II

1. О, как Господь навел Свой тяжкий мрак
На дочь Сиона! С небосвода – как
Ее низвергла наземь ярость Божья,
Как Он презрел, отверг Свое подножье!

2. Иакова шатры Он погубил,
Он гневно в Иудее истребил
Все города с валами крепостными,
Князей отверг – и царство вместе с ними.

3. Он Сам, чтоб лютый враг гордиться мог,
Израилю сломил могучий рог,
От недруга отвел Свою десницу,
Чтоб гневом на меня воспламениться.

4. Он Сам, как супостат, Свой лук напряг,
Простер десницу, словно лютый враг,
И все, чем дочь Сиона услаждалась,
Он предал пламени, отбросив жалость.

5. Как враг, Он стал к Израилю жесток,
Сожег дворец, опустошил чертог,
Все разорил, чтоб в Иудее девы
Умножили плачевные напевы.

6. Он предал Храм, лишив его оград,
Все выкорчевал, как бесплодный сад,
Осквернены и праздник, и суббота,
Царь и священник – лишены почета.

7. Алтарь отринул, Скинию презрел,
Святыню отдал недругу в удел,
И враг, предав святилище погранию,
Шумел, как в день священного собранья.

8. Бог ко стене приставил Свой отвес –
И город вдался в землю и исчез.
Терпя от рук Господних поражение,
Скорбит стена, и башня – в униженьи.

9. Затворы сбиты, дверь не заперта –
И пали в прах священные врата.
Князя в изгнанье мучатся жестоко,
Не стало ни Закона, ни пророка.

10. Сиона старцы на земле сидят:
Уста безмолвны, неподвижен взгляд,
Скорбят, облачены во власяницы;
Во прах склонили головы девицы.

11. Я почернел от скорби оттого,
Что гибнет дочь народа моего,
И плавится во мне от боли печень:
Младенцы гибнут, а кормить их нечем!

12. «Пить! Кушать!» – умоляют матерей,
Вздыхают, плачут все слабей, слабей,
Как раненые, – и, уже без стопа,
Жизнь изливают матерям на лоно.

13. О, с кем тебя сравню, Иерусалим,
Чьи муки уподоблю я твоим?
Обширна рана, глубока, как море:
Ей исцеленья нет, безмерно горе.

14. А лжепророки, полные тщеты,
Смогли ли обличить тебя, чтоб ты
Избег позора, рабства и плененья?
Пусты и лживы были их виденья!
15. Руками путник горестно всплеснет:
«Неужто предо мною город тот,
Что некогда был радостью вселенной
И всех земель красою несравненной?..»
16. Свистят и воют старые враги,
Ликуя, стерегут твои шаги:
«Настал желанный день: он в нашей власти,
Теперь его мы разорвем на части!»
17. Да, Бог исполнил то, что обещал,
Свершил, о чем издревле возвещал:
Поверг тебя на землю без пощады,
И недруги твоим страданьям рады.
18. Но к Богу наша мысль вознесена:
О, горько плачь, Сионская стена,
И днем и ночью слезы лей рекою,
Рыдай все громче и не знай покоя!
19. В ночные стражи перед Ним вставай,
Взывай, в молитве сердце изливай –
За отроков, что падают от глада
И умирают средь святого града:
20. «Господь! Кто видел бедствие лютей –
Чтоб жены ели собственных детей?
Кто вытерпит случившееся с нами? –
Священник и пророк убиты в Храме!
21. И грудями на стогнах – стар и млад,
И юноши, и девушки – лежат,
Пронзенные мечами: в день расправы
Ты никого не спас, о Боже правый!
22. Ты на меня все ужасы созвал,
И никого Твой гнев не миновал.
Кого я родила и воспитала,—
Всех недруг умертвил, и их не стало».

ГЛАВА III

1. Я – муж, гонимый бедствием и злом,
Господним поражаемый жезлом.
2. Он вел меня ко мраку, а не к свету,
3. Карал меня десницею воздетой:

4. Мне плоть изранил, кости размозжил,
5. Страданием и страхом окружил –
6. И в бездну вверх. И вот во тьме кромешной
Я обитаю, как давно умерший.

7. Он оковал меня – и ни на миг
Я не избавлюсь от Его вериг.
8. Теперь напрасно плакать и молиться:
9. Ведь путь мой извращен Его десницей.

10. Как лев из чащи, Он следит за мной,
И как медведь в засаде потайной:
11. Он растерзал меня, обрек на муку,
12. Избрал мишенью для тугого лука –

13. И в печень мне пустил Свою стрелу.
14. И я посмешищем у всех слыву,
Став жертвой злобы и хулы неправой. –
И Он наполнил грудь мою отравой,

16. Камнями мне зубы сокрушил,
Песком мои глаза запорошил –
17. И навсегда от блага удалилась
Моя душа: все доброе – забылось.

18. «Надежды нет, – я скорбно возгласил. –
Господь не возвратит мне прежних сил.
19. Лишь об одном я помышляю ныне –
О желчи, об отраве и полыни, –

20. И духом унываю и скорблю...
21. Но нет – я уповаю и терплю!
22. Нас до конца не истребили все же,
А значит, не иссякла милость Божья –

23. И возрастает с каждым новым днем:
24. Бог справедлив, и нет неправды в Нем!
И вновь моя душа твердит, как прежде:
“Бог – мой оплот, я укреплюсь в надежде!”»
25. Всевышний благ, Он милостив к тому,
Кто до конца доверился Ему.
26. Лишь тот блажен, кто в вере пребывает
И всей душой на Бога уповает.
27. Блажен, кто иго с юности несет,
28. Сидит один и молча терпит гнет,
29. Кто погрузил уста во прах глубоко,
Всегда во всем надеется на Бога,
30. И, щеку обратив к тому, кто бьет,
Ударом за удар не воздает.
31. Ведь Бог не покидает нас навечно,
32. Но покарав сполна, потом, конечно,
- Он, благостный, помилует опять:
33. Не любит Сострадательный карать!
34. И если без вины страдают люди,
35. И если взятки вымогают судьи,
36. И правого неправый одолел, –
Неужто Бог такое повелел?
37. Но кто посмеет вымолвить: «Бывает
И то, что не Господь повелевает»?
38. В Его устах – добра и зла исток:
39. Что ж ропщешь ты, коль гнев Его навлек?
40. Так оглядим же вновь свою дорогу
41. И вознесем сердца и руки к Богу:
42. «Да, мы восстали, заповедь презрев,
43. Ты ж не простил, и справедлив Твой гнев.
Ты нас карал, гоня и убивая,
44. Свой светлый лик за облаком скрывая,
- Молитв не слыша. – 45. Ты повергнул нас
На землю, как нечистых. Бросил в грязь.
46. Враг пожирает нас. 47. И наша доля –
Сеть и попружье, ужас и неволя».

48. Из глаз моих струятся реки вод,
Я плачу, что повержен мой народ,
49. И слез поток дотоле не престанет,
50. Пока Всевышний с милостью не взглянет.

51. О городе моем рыдал я так,
Что сердце надорвал. – 52. А лютый враг
Поймал меня. 53. Подвел, толкая, к яме,
И забросал – безвинного – камнями.

54. Я думал, смерть настала, – заливал
Меня поток. – 55. Но Имя я призвал
Твое из бездны: 56. «О Господь великий,
Не отворачись от плача и от крика!»

57. Когда я звал Тебя, Ты близок был,
Изрек: «Мужайся!», дух мой укрепил.
58. Ты тяжбу вел мою, о святой Боже,
Ты искупил меня. 59. И ныне тоже

Вступишь! 60. Ты слышишь, как враги мне мстят,
61. Лгут и клеветуют, извести хотят,
62. Готовят гибель и грозят словесно, –
Их злые замыслы Тебе известны.

63. Сидят, встают, – все обо мне поют!
64. Воздай же им, сверши Свой правый суд,
65. Пускай они ослепнут сердцем сами,
66. И да не станет их под небесами.

ГЛАВА IV

1. Как золото померкло, превратясь
В ногами попираемую грязь!
Каменья Храма – наших глаз отрада –
Раскиданы теперь по стогнам града!

2. Сиона драгоценные сыны
Что прежде были золоту равны, –
Как скоро уподобились скудели,
Горшечника презренному изделью!

3. Своих детей питает дикий зверь,
И только моего народа дочь
К младенцам из-за голода сурова
И беспощадна, как в пустыне совы.

4. Грудных детей повсюду слышен крик,
От жажды к нёбу липнет их язык,
А дети повзрослее хлеба просят,
Но им никто ни крошки не выносит.
5. Кто разносолы царские вкушал –
Тот на пути от голода упал,
Кто красовался в одеяньях лучших –
Тот ночью греется в навозных кучах.
6. Дочь моего народа мерой зла
Содома преступленья превзошла:
Тот был низринут Богом, но на муки
Не предан в человеческие руки.
7. В Иерусалиме прежде назорей
Был чище снега, молока белей,
Как жемчуг, он лицом светился белым,
И, как сапфир, сиял прекрасным телом.
8. Теперь он ликом черен, словно мрак,
Его не узнают – он высох так,
Словно к костям его прилипла кожа,
С листвою иссушенной стала схожа.
9. Блажен сраженный вражеским мечом
В сравненье с тем, чей разум помрачен:
10. Ведь жены милосердые забывают
И собственных младенцев убивают.
11. Всевышний гнев безжалостно излил,
Нас ревностью возмездья опалил,
Зажег в Сионе ярости пыланье –
И город весь сожжен до основанья.
12. Цари племен и жители земли
Вовек тому поверить не могли,
Чтоб ко вратам Иерусалима даже
Приблизиться дерзнула сила вражья...
13. Власть лжепророков – вот источник зла:
Кровь праведных по городу текла,
14. И впал народ в такое ослепленье,
Что стали все причастны преступленью.

Кровь, что рекой по улицам лилась,
На их одеждах грязью запеклась,
15. И оттого их с ужасом встречали:
«Вы нечисты!» – при виде их кричали.

Они бежали, а народы вслед
Вопили: «Им в страну возврата нет –
16. Всевышний Сам рассеял их, и милость
Господня навсегда от них сокрылась!»

И не щадит обидчик старика,
И бьет священника его рука.
17. Страданья все сильней, терпеть нет мочи,
Ждем помощи – истаевают очи:

Увы, мы уповали на народ,
Который не избавит, не спасет.
18. Врагам жестоким каждый шаг наш ведом,
По улицам идут за нами следом.

Настал наш срок, кончины день пришел.
19. И неприятель, зоркий, как орел,
Взлетел на наши горные твердыни,
Подстерегает, притаясь в пустыне.

20. Помазанник Господень, наш оплот,
О коем мы мечтали, что прострет
Он сень свою живящую над нами, –
Врагом уловлен, погибает в яме...

21. Ликуй, о дочь Эдома: в свой черед,
Страданий чаша до тебя дойдет, –
Напьешься допьяна, на землю ляжешь
И всем народам свой позор покажешь.

22. Тогда твой грех искупится, Сион,
Ты из изгнания будешь возвращен,
А ты, Эдома дочь, за злодеянья
Возмездье примешь: плен и посмеянье!

ГЛАВА V

1. О Боже, вспомни, обрати Свой взор
На наше бедствие, на наш позор!
2. Воззри – пришельцы завладели нами,
И чужеземцы – нашими домами.

3. Мы без отцов, мы скопище сирот,
И вдов Иерусалима кто сочтет?
4. За деньги у врага напиться просим,
И за дрова пришельцу плату вносим.
5. Надсмотрщики помедлить не дают,
Чуть остановимся – жестоко бьют.
6. К Египту и Ассирии, как нищий,
Протягивая руки, просим пищи.
7. Грешили наши предки: их уж нет,
А мы за их дела несем ответ.
8. Ничтожные сатрапы нами правят,
От их руки никто нас не избавит.
9. Тому, кто пашет землю, смерть грозит,
Идущего пустыней – меч пронзит.
10. Обуглилась от глада наша кожа,
С жаровой обгорелой стала схожа.
11. Враг оскверняет наших дочерей,
Сионских жен насилует злодей,
12. Казнит князей, и не видать пощады
Ни старцу седовласому, ни чаду.
13. И отроки возвращают жернова,
А дети возят на себе дрова.
14. Нет старцев у ворот – ушли в изгнание,
15. И вместо песен – горькие стенанья.
16. Венец скатился с нашей головы:
Сколь тяжко согрешили мы, увы!
17. И оттого мы в скорби и боренье,
Истаяли сердца, померкло зренье,
18. Что обезлюдел, опустел Сион,
Что для шакалов стал жилищем он.
19. Но Твой престол – вовек, о Ветхий Днями,
Из рода в род Ты царствуешь над нами!

20. Ужели Ты покинул нас навек,
Ужели до скончания дней отверг?
21. Верни же нас к Себе рукой воздетой
И обнови, как древле, наши лета!

22. Неужто впал Ты в бесконечный гнев,
Нас до конца отринув и презрев?!

ГИМН ХРИСТУ
ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ ОТПЛЫТИЕМ
АВТОРА В ГЕРМАНИЮ

Корабль, что прочь умчит меня от берега, –
Он только символ Твоего ковчега,
И даже хлябь грозящих мне морей –
Лишь образ крови жертвенной Твоей.
За тучей гнева Ты сокрыл Свой лик,
Но сквозь завесу – луч ко мне проник:
Ты вразумлял, но поношенью
Не предал ни на миг!

Всю Англию – Тебе я отдаю:
Меня любивших, к ним любовь мою...
Пусть ныне меж моим грехом и мною
Проляжет кровь Твоя – морской волною!
Зимой уходит вниз деревьев сок –
Так я теперь, вступая в зимний срок,
Хочу постичь извечный корень –
Тебя, любви исток!..

Ты на любовь не наложил запрета,
Но хочешь, чтоб святое чувство это
К Тебе – и только! – устремлялось, Боже...
Да, Ты ревнив. Но я ревную тоже:
Ты – Бог, так запрети любовь иную,
Свободу отними, любовь даруя,
Не любишь ты, коль все равно
Тебе, кого люблю я...

Со всем другим, к чему любви лучи
Протянуты – меня ты разлучи,
И все возьми, что в юные года
Я отдал славе. Будь со мной всегда!..
Во мраке храма – искренней моленья:
Сокроюсь я от света и от зренья,
Чтоб зреть Тебя; от бурных дней
Спешу в ночную сень я!..

ГИМН БОГУ, МОЕМУ БОГУ, НАПИСАННЫЙ ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

У Твоего чертога, у дверей –
За ними хор святых псалмы поет –
Я стать готовлюсь музыкой Твоей.
Настрою струны: скоро мой черед...
О, что теперь со мной произойдет?..

И вот меня, как карту, расстелив,
Врач занят изученьем новых мест,
И, вновь открытый отыскав пролив,
Он молвит: «Малярия». Ставит крест.
Конец. Мне ясен мой маршрут: зюйд-вест.

Я рад в проливах встретить свой закат,
Вспять по волнам вернуться не дано,
Как связан запад на любой из карт
С востоком (я ведь – карты полотно), –
Так смерть и воскресенье суть одно.

Мой дом – он там, где Тихий океан?
Восток роскошный? Иерусалим?
Брег Магеллана? Гибралтар? Аньян?
Я поплыву туда путем прямым,
Где обитали Хам, Яфет и Сим.

Голгофа – там, где рай шумел земной,
Распятые – где Адам сорвал свой плод...
Так два Адама встретились со мной:
От первого – на лбу горячий пот,
Второй – пусть кровью душу мне спасет...

Прими меня – в сей красной пелене,
Нимб, вместо терний, дай мне обрести.
Как пастырю, внимали люди мне,
Теперь, моя душа, сама вмести:
«Бог низвергает, чтобы вознести!..»

ГИМН БОГУ-ОТЦУ

Простишь ли грех, в котором я зачат? –
Он тоже мой, хоть до меня свершен, –
И те грехи, что я творил стократ
И днесь творю, печалью сокрушен?
Простил?.. И все ж я в большем виноват.
И не прощен!

Простишь ли грех, которым те грешат,
Кто мною был когда-то совращен?
И грех, что я отринул год назад,
Хоть был десятки лет им обольщен, –
Простил?.. И все ж я в большем виноват,
И не прощен!

Мой грех – сомненье: в час, когда призвать
Меня решишь, я буду ли спасен?
Клянись, что Сын твой будет мне сиять
В мой смертный миг, как днесь сияет Он!
Раз Ты поклялся, я не виноват,
И я прощен!..

ЛАТИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

АВТОРУ

*〈На книгу Уильяма Ковелла в защиту книги Ричарда Хукера
о церковной политике〉*

Хукеру в длинной защите нет нужды. Толстенная книга –
О, трепещи, супостат! – весом одним защитит.

АВТОРУ

〈На книгу Жозефа Скалигера «О поправке летоисчисления»〉

Жозеф, ты здесь подвизался лет исчисленье поправить.
Зря только ратуешь – ведь церковь, закон, сам монарх
Не навели в исчисленье порядка. Твоя же заслуга
В том, что не сделал сложнее ты исчисление лет.

ЛЮБЕЗНЕЙШЕМУ И ДОСТОЙНЕЙШЕМУ БЕНУ ДЖОНСОНУ НА «ВОЛБПОНЕ»

Если б отблеск твоей, о бард, лампы
Пал на книги мужей весьма ученых
И премудрых в делах земли и неба,
В нас бы сразу рассудок прояснился.
Но их держат веков паучьи сети...
Так никто никогда не вторил древним,
Чтобы древним, как ты, искусно вторить.
Тки, вития, словес осенью пряжу!
Им в рожденье даны, как масть, седины,
Ибо книгам жить в детстве не пристало –
Стариками рождаются сразу книги,
Дать которым бессмертье ты задумал.
Равный древним в труде и даре слова,
Превзошел ты сей век и век грядущий.
Так прими же дары пороков наших.
В них отцов мы затмили и потомков.

УЧЕНЕЙШЕМУ И ЛЮБЕЗНЕЙШЕМУ ДЖЕНТЛЬМЕНУ
ДОКТОРУ ЭНДРЮСУ,

*ПО ПОВОДУ КНИГИ, КОТОРАЯ ПРИ ОДАЛЖИВАНИИ
БЫЛА ПЕЧАТНОЙ КНИГОЙ, НО, БУДУЧИ РАЗОДРАННОЙ
НА ЧАСТИ ЕГО ДЕТЬМИ, ВОЗВРАТИЛАСЬ К ВЛАДЕЛЬЦУ
В РУКОПИСНОМ ВИДЕ*

Книгу – станка порожденье – охотно приемлет читатель.
Все же любезнее та, что родилась от руки.
Нынче Майн присмирел, и Сене он данник исправный,
В дом победителя шлет Франкфурт ученья дары.
Книга, в печатной крещенная краске, на полке томится,
Гибнет в трехперстной пыли, мошкам на пир отдана.
Если ж рукою написана книга, почета достойна
Оная. Быть ей в ларце древнему свитку сестрой.
Феб, расскажи мне, как малые дети в игре преуспели
Юную книгу довести до стариковских седин.
Правда, немного в том чуда, что Эскулапово племя
Молодость рваной в клочки книге сумело вернуть.
Если же отрасль отцова свершила сие превращенье,
То и родитель вдохнет младость в меня, старика.
О долголетье, оно тяжкой старостью нас удручает,
Делает глупым дитем, но молодым – никогда!
Только тебе, Ветхий днями, дано останавливать время,
И молодеет Адам, ведая мышцу Твою.
Будем же, славный приятель, обманывать жизни унылость
Добрými книгами и дружбой, достойной небес.
Книга, постылая прежде, как только ее возвратил ты,
Стала любимой стократ, стала и вправду моей.

МОЛИТВА, СОТВОРЕННАЯ ДЛЯ ДРУГА

Из Газея

Да слышит Бог твой глас с моим едино!
Ты другу – светоч, если свет – лучина.
Возрадуйся! Пусть слез не остается,
Пусть седина в кудрях твоих не вьется.
Да будет щедр твой дух – и наипаче
От щедрости становится богаче.
Отвадь язык правдивый от шатанья,
От всякой кривизны – свои деянья.

Пускай тебя лукавый не обманет
И злобный наговор души не ранит.
Молитву примет пусть небес вершина!
Да слышит Бог твой глас с моим едино!

ДЖОРДЖУ ГЕРБЕРТУ,
ПРИ ПОСЫЛКЕ МОЕЙ ПЕЧАТИ
С ЯКОРЕМ И ХРИСТОМ

Прежде, в миру, мне исправно служила печать родовая –
Связка чеканная змей по гербовому щиту.

Ныне, священником став, герб отвергаю фамильный
И принимаю взамен церковью данный мне герб.

Здесь, в средоточье герба, спасительный крест ты увидишь,
Загнутый по краям, с якорем сходен сей крест.

В сих очертаниях смысл заключен сокровеннейший: если
Крест терпеливо несешь, якорем станет твой крест.

Якорный крест Иисусу Спасителю служит опорой, –
Смог он, распятый за нас, в якорь свой крест обратить.

Но сохранил я змею с родового герба: если новый
Путь Бог избрал для тебя, старый не просит забыть.

Змеи мудрость даруют, но часто, влачась во прахе,
Смерть нам сулят, но когда змеи к кресту причтены,

Служат они к излеченью. Исполнимся мы благодати,
Если крестом обладать будет Натура сама.

Крест – средоточье всего, но крест, утвердившийся в якорь,
Символом веры предстал. Мой катехизис – сей крест.

Здесь же, под малой печатью, немало даров прилагаю.
Шлю им молитву вослед – дружбы вернейший залог.

На обороте увидишь святого, чье имя ты носишь.
Пусть же пребудет с тобой благословенье его.

Дополнения

ДРУГИЕ ПЕРЕВОДЫ

ПЕСНЬ

Ты женись на мандрагоре,
След найди упавших звезд,
Где, скажи, бывшие зори,
Кто нечистому дал хвост?
Дай русалок песнь подслушать,
Зависть научи разрушить
Иль открой,
Где покой
Обретет, кто чист душой.

Если к чудесам природы
Страсть горит в твоей груди,
То покинь свой дом на годы
И всю землю обойди.
Возвратясь, мне все расскажешь,
А спрошу про женщин – скажешь
Так в ответ:
«Этот свет
Верных жен не знает, нет».

Если встретишь ты такую,
Напиши о том скорей,
Нет, не надо, не пойду я
Даже через дом за ней.
Пусть в тот день была примерной,
Предала с тех пор, наверно,
Уж двоих
Иль троих,
Обвела вокруг пальца их.

ПРОЩАНИЕ БЕЗ СЛЕЗ

Как те, чья жизнь была чиста,
Спокойно покидают свет,
И шепчут их друзей уста:
«Еще он дышит или нет?» –

Так мы не будем оглашать
Рыданьями разлуки час,
Чтоб наших чувств не осквернять,
Их выставляя напоказ.

Страшит и мучает людей
Движенье грузное земли,
А трепет звезд, хоть он мощней,
Невинно блещет нам вдали.

Для всех любовников земных
Разлука – худшая из бед,
Она безжалостно для них
Уводит прочь любви предмет.

Но мы не таковы с тобой,
Нам не сулит разлука мук;
В любви мы черпаем покой,
Не нужно нам ни губ, ни рук.

Мы спаяны, и мой уход –
Как золото молот кузнеца –
Нам наших душ не разорвет,
А лишь расширит без конца.

Моя душа с твоей срослась;
Как ножки циркуля они.
Лишь двинется одна – тотчас
Другая движется, – взгляни!

И та, что в центре, за другой
Следит, ушедшей в дальний путь,
Ее возврата ждет домой,
Чтоб, выпрямившись, к ней прильнуть.

Как ножки циркуля, навек
С тобой мы связаны, мой друг.
Определяя мой разбег,
Ты мой начертываешь круг.

ЭКСТАЗ

Где, головой на холм склонясь,
Фиалка нежная цвела,
Вдвоем присели мы, тотчас
Забыв земные все дела.

Нам руки, как цемент, скрепил
Из них струившийся бальзам,
Наш взор двойную нить сучил
Меж ней и мной, от глаз к глазам.

Переплетенье наших рук
Спаяло нас, – оно одно,
И лишь в глазах видений круг
Нам было начинать дано.

Как равным станам двум Судьба
Велит отсрочить грозный бой,
Так в преньях душ велась борьба
На полпути меж ней и мной.

Недвижно, в полной немоте,
Весь день, до наступленья тьмы,
Как изваянья на плите
Надгробия, лежали мы.

ЛИТАНИЯ

I. ОТЕЦ

Отец небес, сотворший их
И нас для них, и прочий мир – для нас,
Приди, владыка из владык,
И воссоздай все то, что было «аз»:
Мой дух в сквернейшем из сердец
Самоубийством ал.
Адамов бурый прах очисти, Отец,
От тленных пятен – чистым, как кристалл,
Чтоб я до смерти из нее восстал.

II. СЫН

О, Божий Сын, узревший их –
И грех, и смерть, что в вечну жизнь вползла,
Отдавшись смерти. Ты постиг,
Какими муками казнит нас ангел зла;
Пускай же снова пригвоздят
Тебя к душе моей –
Не кинь ее, хоть будет рваться в ад,
Дай приобщиться к Твоим мукам ей –
Пусть канет в кровь и в смерть Твоих страстей.

III. ДУХ СВЯТОЙ

О, Дух Святой, ведь храм Твой аз
Есмь – хоть из стен, что грязь и низкий прах,
Почти исчез Ты, расточась
На спесь, пыл, похоть во младых годах;
Недугом новым полнь мне грудь,
Удвой свой пламень в ней,
Чтоб разгорался в скорби слез, и будь
(Пусть плоти от сияния больней) –
Будь – жертва, огонь, алтарь и иерей.

IV. ТРОИЦА

Блаженна Троица Свята –
Мышленью – остов, вере – молоко,
Как мудрый змей, всегда не та –
Ты, ускользя, вяжешь накрепко;

Мощь, милосердье, знанья дух
Ты неслиянно слей –
Пусть хаоса стихий замкнется круг,
Да умирняют пыл моих страстей
Любовь, мощь, знание троичности Твоей.

V. СВЯТАЯ ДЕВА

Благословенна Дева-Мать,
Чья плоть спасла нас; Дева-Херувим –
Врата отверзла в рай опять:
С Ней первородный грех несовместим,
Чье чрево – небо дивное, зане
В нем воплотился Бог,
О коем мы ревнуем. Что мы вне
Ее деяний ли, Ее молитв-подмог?
Ее величие – их верности залог.

VI. АНГЕЛЫ

Раз в этой жизни всяк – дитя,
Всяк – подопечный ангелов Твоих,
Жильцов чертогов тех, куда
Лишь Ты наспустишь из краев чужих;
Земля, от солнечных лучей
Зачав различный злак,
Не ведает, как брак свершился сей, –
Так дай и мне быть правым в их очах,
Хотя – слепому – мне незрим их зрак.

VII. ПАТРИАРХИ

Пусть патриархов страсть во мне
(Сих церкви проотцов – Ты им сиять
Мог в облаке светлей, чем нам в огне,
В ком даже плоть – закон и благодать,
Что молят, пусть на славу в нас
Прибудет новых сил) –
Пребуди их страсть во мне, плодотворясь,
Чтоб новый свет мне ум не ослепил
И знаньем новым веру не затмил.

VIII. ПРОРОКИ

Всяк Твой пророк орлиноок –
Он, как орган, чей в сводах храма звук
Столь гармоничен, что извлек
Единство из Твоих Заветов двух, –
Сии певцы, зная Твой Глагол,
Рекли велению в лад,
Моляся купно, чтобы не прешел
Черты я, чтоб отверг излишеств яд,
Взыскаю тайн, что звуки лишь таят.

IX. АПОСТОЛЫ

Твой достославный зодиак
Апостолов – им препоясан мир
(Их свет отвергнув, ввергнет всяк
Себя с приверженцами купно вглубь могил)
В молитвах их дал знать мне Бог,
Что труд их богодан;
Пусть молятся и впредь, чтоб зная лег
Пред ними древний путь; развею обман,
Когда Глагол Твой моим словом обуян.

X. МУЧЕНИКИ

И раз так страстно было в вас
Желанье смерти до ее поры
И после – когда минул смертный час,
Рассеянным Христовым телом вы
И в Авеле погибли, и
В самих себе потом,
Чтоб мы смиренно смерть превозмогли
Иль – хуже – жизнь: иной ведь, если он
Не мученик, – мученью обречен.

XI. ИСПОВЕДНИКИ

Засим с Тобой на небесах –
Сонм исповедников, невинных, словно снег,
Их обручение – не брак;
Их кровь предложена не взыщет изверг век.

Они познали, чтобы знать
Мог всяк из христиан,
Что, как гонениям ни бушевать,
Своим соблазном человек раздран;
Сам для себя всяк – Диоклетиан.

ХII. ДЕВСТВЕННИЦЫ

Обитель дев, как снег, бела;
Игуменья их, словно Божья Мать,
Вернет заемные тела
Сих дев тебе невинными опять,
Хоть от Тебя, как всяк из нас,
Как церковь, далеки,
Чтоб изначальный свет в нас не угас,
Извергнувши из нас, избыв грехи,
Безгрешность нашу девством нареки.

ХIII. БОГОСЛОВЫ

Сонм богословов в небесах –
Их долг снимать печати и учить
Обеим книгам (ибо в знак
Любви к Писанию сподобимся мы жить
И в Книге Жизни). Помолись,
Чтоб в свойственных уму
Обмолвках не коснела наша мысль,
Греша их рвеньем. Проведи сквозь тьму
Стезей их звезд, но к солнцу Твоему.

ХIV

Пускай поет вселенский хор
Победу церкви над враждой земной,
Любовью победив раздор –
Той, что удержим мы, как Ты, любой ценой –
Хор молит вечно, Ты ж вонми
(Тот милосерд, кто смог
Стать тройцей муки, подвига, любви)
И сей молитве: да избавит Бог
От веры в то, что мы – молитв исток.

XV

От страха ли, беспечности ль
Печалий праха иль отрад-шутих,
От мысли, что Твой двор стеснил
Застенком всех, лишив отрад людских,
Что в сей темнице Ты стяжал
Все чувства тех, кто мог
Стяжать любовь Твою и тем их покарал,
Лишив мирских услад, от тех, чем рок –
Сверх сил стремление к Тебе, избавь нас, Бог.

XVI

От страха ради дел благих*,
От долга слезного, что не зачтен поднесь,
От веры: кровь страстей Твоих
Излечит в наших душах всяк рубец,
От подаянья мзды, что не
Покроет грех премног,
От тяги к суеверий новизне
И от того, чтоб дух не пренебрег
И плотским долгом в нас, избави Бог.

XVII

От искушенья искусить
Бесóв – потворством, дружества тщетой
И от стремленья попустить
Свой грех, сравнив с тягчайшим злом, от той
Нескромной скромности – она
Всем праведным упрек,
От суеты иль тех, в ком суета,
От жажды славы только славе впрок
И от презренья к ней избави, Бог.

XVIII

Избавь сошествием Своим
Во чрево Девы – в то пространство меж
Божественным от века и людским,
В Ней благодатью став для нас – невеж,

* См. Рим., 15–27 (Примеч. Дж. Донна).

Своим рождением нищету
Прославив в первый раз,
Ты и богатства не отверг тщету,
Раз царские дары приял, родясь, –
Избавь от бедности и от богатства нас.

XIX

Постичь чрез корчи крестных мук
Благочестивому мучительно поднесь,
Что исказило Божий дух
Страданием – мир безмятежный весь,
Ведь Сам Собой назвавшись, Ты
Сброд ослепил и мог
От воинов иудиных уйти,
Спаси ж нас, Боже, научивши впрок,
Когда нам вместе обмануть порок.

XX

Приявши все – удар в лицо,
Раздранье риз, попра́нной славы срам,
И правосудья ярость – все –
Свою телесность доказал Ты нам,
И подвигом смиренным тем,
Что в смерти Ты явил,
Ушедши Сам, не изгнанный никем,
Избавь от смерти нас, поправши смертью мир,
Покуда этот мир нас не избыл.

XXI

Когда рассудок – Твой конвой –
Мы ополчаем на Тебя грехом,
Нужда нас не смиряет – в бой
Мы шлем ее в отчаянья пролом;
В довольстве же не Божий лик,
А идола подлог
Мы чтим – не тайну, лишь пустой тайник;
От веры, чье начало и итог –
Лишь плод ума, спаси, избави, Бог.

XXII

Когда во храмах Твой Глагол
Бесчестит низкий низким языком,
Когда мы видим произвол
В суде духовном и в суде мирском –
Цари в миру Твой ангел-мор,
Войны ль твой меч рази,
Правь ересь ли – второй потоп-разор, –
В час смерти до суда на Небеси
Спаси нас от ошуйныя стези.

XXIII

Вонми, вонми нам, Боже; для
Тебя молитва грешника звучней
Музы́ки сфер, и ангелов хвала,
Их Аллилуйя не сравнится с ней,
Вонми: пока ты слышишь нас,
Мы знаем, что сказать.
Твой дух даст нашим слезным вздохам глас.
Ты, разрешивший Иова пытаться, –
Вонми своим молитвам в нас опять.

XXIV

Пусть ровным рвением станет в нас
Сей лихорадки набожной надрыв,
Порока спазм, что нас сотряс, –
Греха апоплексию умертвив;
Пусть благозвучный Твой обет,
А не гроза угроз,
Затеplit в нас служенья ровный свет,
Писанью вняв, Тому, кто Слово нес,
Чтоб вняли мы, Ты нагл вонми, Христос.

XXV

Чтоб исцелить в нас глухоту,
Звук проведя сквозь слуха лабиринт, –
Тот, где на ближних клевету
Иной из нас себе хвалою мнит –

В безумье да не соскользнем –
Верны Твоим стезям –
До дерзких шуток над земным царем,
Который богодан своим рабам –
Чтоб слух замкнуть наш, Свой отверзи нам.

XXVI

Мирской закон и суд мирской,
Что призван нас судить в пример для всех,
Винит нас тяжкою виной,
Клеймя еще не совершенный грех, –
Пусть нашим голодом сей синклит
Сыт – с ним и дьявол сам –
Пусть их навет раскайнье в нас родит,
Но ты отринь на нас взводимый срам,
Замкни Свой слух, чтоб наш отверзнуть нам.

XXVII

Познанье, послано Тобой,
В нас преданность Тебе не соблазнит,
Цветок сей райскою красой
Целил бы нас, не будь столь ядовит –
Сей ум, рожден творить добро,
Став суетою слов
Ничтожества мирского, сам – ничто;
Чтоб не мертвила страсть Твоих рабов, –
Услышь свой слабый отзвук, Слух и Зов.

XXVIII

Вонми нам, Божий Сын, зане
Проливши нашу кровь, восполнишь вновь
Своей кончиной на земле,
Не дашь Ты и Свою пролить в нас кровь.
Ты, Агнец, наши взяв грехи,
Их злом не осквернен,
На них наш род опять не обреки,
Целитель и Делимый исцелен,
Раз грех – ничто, да сгинет всюду он.

СВЯЩЕННЫЕ СОНЕТЫ

1 (БОГ)

Ты меня создал – Ты ли и сокрушишь?
Восставь меня, ибо близок мой конец:
Я к смерти мчусь, смерть мчится ко мне,
А все мои радости – как вчерашний день.

Страшно мне поднять помутившийся взгляд:
Отчаянье за спиной моей, а предо мною – смерть,
В них – ужас, и точит мою слабую плоть
Грех, и груз его – тяга в ад.

Ты один – в выси, и когда хватает сил
Взглянуть в Твою высь, я вспрямяюсь вновь;
Но пытается меня старый лукавый враг,
И ни часа не в силах я быть тем, чем есть.

Окрыли меня благодатью во спасенье от ков,
И сталь сердца моего обрати в алмаз.

2 (ПЛЕН)

По всем статьям я отписан Тебе,
Ибо, Господи, сотворил меня Ты,
Сотворил для Себя, а когда я изгнил насквозь,
Ты кровью Своей откупил Свое же добро.

Я – сын Твой, и отблеск Твой – на мне;
Слуга Твой, которому плачено вперед;
Овца Твоя; образ Твой; и пока я – Твой,
Я – храм Твой, в котором Твой божественный дух.

Почему же на меня посягает враг?
Почему идет на кражу, идет на взлом?
О, встань, поборая за право Творца,
И да не отчаюсь я, вдруг узрев,

Что Ты любишь нас, но не выберешь меня,
А дьявол ненавидит, но не выпустит меня.

3 <ЖИЗНЬ>

О, воротить бы мне в глаза и в грудь
Каждую траченную слезу и вздох,
Чтобы я в святой тревоге сменил
Праздную скорбь на плодную скорбь!

Идолам служа, сколько мук я окупил
Сердцем, сколько ливней излил из глаз!
Страданье было моим грехом,
И вот за страданье я страдаю вновь.

Жажущий пропойца, неспящий вор,
Зудный блудодей, щекотливый гордец
Умягчают памятью былых отрад
Наставшее горе; и только мне

Вызволенья нет: безмерная боль –
И причина и следствие, и грех и казнь.

4 <ДУША>

Душа моя черная! На тебя встает
Вестник и поборник смерти, недуг.
Ты – как странник, бежавший от вины
И которому нет обратного пути;

Ты – как вор, что рвется вон из тюрьмы,
Пока не прочитан последний приговор;
Но как названа смерть и назначен срок,
Он ищет защиты у тех же стен.

Покайся – и не минет тебя благодать;
Но без благодати – и казня нет.
О, будь черна, но черна святой тоской
И красна стыдом, как была – грехом;

Или нет: омойся в Христовой крови,
И из красной купели выйдешь бела.

5 <МИР>

Я – малый мир; и во мне свились
Четыре стихии и ангельский дух;
Но черный грех и его и их
Предает на смерть в бесконечную ночь.

Вы, открывшие за высью небес
Новые сферы и новый простор,
Влейте мне в очи ваши новые моря,
Чтобы я потопом оплакал мой мир

Или потоком его омыл.
Но нет: его ждет не потоп, а пожар,
А он уже выжжен сквозь похоть и злость,
И стал лишь скверной. Отгони же их огни

И сожги меня, Господи, в ревнительном пылу
О Тебе и Твоем доме, – ибо жар сей целит.

6 (ГРАНЬ)

Последний акт моей драмы; верста
Последняя странничьего пути;
Тщетной скачки последний прыжок,
Последний вершок; минуты последний миг, –

И расторгнет во мне пожирающая смерть
Душу и плоть, и настанет дальний сон,
А бдящая часть моя узрит тот Лик,
Пред которым и днесь сотрясает меня страх.

И когда душа взлетит в родную высь,
А земная часть в земной воротится дом,
Будь каждому свое: вы, давящие грехи,
Исчадия ада, ниспадите в ад.

Чаю оправдания, избывши зло:
Ибо «нет» говорю я вам, – мир, плоть, бес.

7 (СУД)

По мнимым углам округлой Земли
Трубят ваши трубы, о ангелы, и встают
Из смерти несчетные тьмы и тьмы
Душ, облакаясь в прах своих тел.

Вы, кого пожар и кого потоп,
Голод, годы, горе, война, тиран,
Кого случай скосил и кого закон,
Вы узрите Господа, и смерти вам нет.

Но продли им, Боже, сон, и продли мне плач,
Ибо больше греха на мне, чем на них,
И поздно молить о благодати Твоей
В тот час неземной; научи же меня здесь

Покаянью; и будь на прощенье моем
Твоя, Господи, кровь, как красная печать.

8 <ОТЕЦ>

Если праведные души во славе своей
Ангелам равны, то и мой Отец
Видит с небес и блаженствует вдвойне,
Как смело я шагаю над жерлом твоим, ад.

Но если даже им раскрывается наш дух
Лишь косвенными знаками, и видима в нас
Наружная явь, а не мгновенная суть, –
Белизну моей правды постигнут ли они?

Они видят: любовник о идоле своем
Источает слезы, богохульник зовет
Господа в свидетели, фарисей
Лицемерно набожничает. О, душа,

Обратись же ко Господу: лишь Ему твоя скорбь
Зрима, – ибо Сам Он вложил ее мне в грудь.

9 <ГРЕХ>

Ядовитый камень, древесный плод,
Нас, еще несмертных, бросающий в смерть,
Похотливый козел, завистливый змей –
Все бессудны пред Тобою, а я – судим?

Разум ли мой или воля моя
Делает неравным мой равный грех?
Милость легка, и ею славен Господь;
Почто же на мне Его грозный гнев?

Но кто я, кто, что дерзаю в спор,
Господи, с Тобою? Не Твоя ли кровь
И не слезы ли мои слились, чтобы смыть
Небесною Летою мой черный грех?

«Помни!» – как о долге, Тебе твердят:
А я, как о милости, молю: «Забудь!»

10 (СМЕРТЬ)

Смерть, не гордись, что тебя зовут
Страшной и мощной: ты не такова.
Те, кого тщеславишься ты попрасть,
Бессмертны, жалкая; и бессмертен – я.

Твои подобию, покой и сон,
Источают отрады, а ты – вдвойне;
Все лучшие наши спешат к тебе:
Ты – отдых плоти их и воля душе.

Над тобой – рок и случай, злодей и царь,
Дом твой – отравы, война, болезнь;
Но и мак и наговор усыпят нас верней,
Чем твой удар; так о чем же твоя спесь?

Ненадолго наш сон, а бдение – навек;
Там – не будет смерти: там – смерть тебе, Смерть.

11 (ХРИСТОС)

Плюйте в лицо мое, пронзайте мне бок,
Избичуйте, осмейте, взгвоздите на крест, –
Ибо грех – на мне, грех – на мне, а Он,
Не умевший неправды, умер за меня.

Но и смерти мало для моей вины:
Нечестивее мой грех, чем жидовский грех:
Ими – бесславный единожды, а мной –
Воссиявший во славе повседневно казним.

Дайте надивиться мне чудной Его любви!
Царь лишь милует нас, а Он принял нашу казнь.
Так Иаков облекся в косматый мех, –
Но его в заемный облик влекла корысть;

А Господь облекся в брENNую плоть,
Лишь чтоб слабостью подпасть под смертную боль.

12 <ТВАРЬ>

Почему нам, малым, служит всякая тварь?
Почему все стихии мне и жизнь и корм
Расточают вволю? Ведь они меня
И чище, и проще, и святей!

Зачем ты клонишься, незнающий конь?
Зачем так бессмысленно, кабан и бык,
Ваша мнимая слабость дается под удар
Тем, чья вся порода – на один ваш глоток?

Я слабей вас (горе мне!) и хуже вас –
Ибо вы не грешили, и страх вам чужд;
Но есть чудо чудеснее, чем то, что нам
Тварная природа покоряет тварь, –

Ибо сам безгрешный и бессмертный Творец
За нас, тварей, нас, врагов Своих, принял смерть.

13 <СРОК>

А вдруг эта ночь – последняя в бытии?
О душа моя! В сердце, где твое жилье,
Выпечатлей образ распятого Христа
И скажи, ужасен ли этот Лик,

Чьи слезные очи источают дивный свет,
Чей лоб в струях крови от терновых ран:
Этот ли язык тебя аду обречет,
Моливший о прощеньи злобе лютых врагов?

Нет, как каждой подруге твердил я встарь,
Идолопоклонствуя земной любви:
«Красота – знак милосердия, мерзость – знак
Бессердечия», – так я ныне Тебе

Твержу: злые силы – и на вид темны,
А где светел Лик – там милостив Дух.

14 (БОРЬБА)

Бей в мое сердце, трехликий Бог!
Этот взлом, вздох, свет, – он волеет мне сил
Восстать над собой и попать себя,
Чтоб Твой горн, мех, млат вжег мне новую жизнь.

Я – как город, в котором враг,
Я рвусь впустить Тебя, но нет, не могу:
Разум, Твой наместник, был мне оплот;
Но он – в плену, он – неверен, он – слаб.

Я Тебя люблю, я хочу Твоей любви,
Но я отдан в обет Твоему врагу;
Разлучи нас, разорви, разруби нашу связь
И похить меня к Себе, в небесный острог,

Ибо в узах Твоих – свобода моя,
И моя чистота – под насилием Твоим.

15 (ВЫКУП)

Рвешься ль ты о Господе, как Он – о тебе?
Уясни тогда, душа моя, целебную мысль:
Бог-Дух, кого ангелы небесные поют,
Свой храм утвердил в твоей земной груди;

Бог-Отец, от кого рожден блаженный Сын
(И вечно рождается, ибо начала им нет),
Снизшел избрать тебя Себе в сыновья,
Сонаследником славе и субботе Своей;

И как обокраденный свое добро
Должен, сыскав, потерять или откупить,
Так Сын Его славы сошел на казнь
Вызволить нас, тварь Свою, из краж Сатаны.

Дивно, что был человек, как Бог;
Но пуще – что Бог стал, как человек.

16 <ЗАВЕТ>

Отче! долей прав на царствие Твое
Сын Твой делится с малым мной:
Он, совместник Троицы, тройного узла,
Дарит мне победу, поправшую смерть.

Агнец, чья смерть даровала миру жизнь,
Он, закалаемый от начала веков,
Двумя Заветами отписал свое
И Твое наследство Твоим сынам.

Но строг Твой устав, и не молкнет спор:
Посильны ли условия людским трудам?
Пусть и нет, – но кого буквой убил Закон,
Духом воскрешает целящая Благодать.

Твой краткий закон, твой последний завет
Есть рубеж любви; о, да властвует любовь!

17 <ЛЮБОВЬ>

С тех пор, как та, кого я любил,
Роду и природе отдала последний долг,
И добро мое – в гробу, и душа ее – в раю,
Мой ум вперяется лишь в небесную высь.

Обожает он – ее, а рвется – к Тебе,
Господи, к Тебе, как к истоку струй;
И я Тебя нашел, и Ты меня напоил,
Но святая жажда меня плавит вновь и вновь.

Можно ли искать полнейшей любви?
Ты сосватал наши души, все приданое – Твое;
Но Ты боишься, что расточу
Я любовь мою вышним ангелам и святым;

И больше: Ты тревожно и нежно ревнив,
Что Тебя теснят из нас – мир, плоть, бес.

18 <ЦЕРКОВЬ>

Яви мне, Иисусе, невесту Свою
В свете и блеске! На чужом берегу
Не она ли красна? Не она ли в нищете
Страждет и стонет в Германии и здесь?

Спит тысячу лет и пробуждается в год?
Истинная – и блуждает? Новая – вдруг стара?
Прежде, ныне, после – явлена ли она
На холме? на семи? или вовсе не на холмах?

С нами ли она? или мы ее должны,
Рыцарски странствуя, доискаться для любви?
Добрый супруг, открой нам лик жены,
К горлице Твоей влюбленную мою душу взвей, –

К той, что тем вернее и милее Тебе,
Чем боле отдается в объятия всех.

19 <ПОКАЯНИЕ>

Два несходства сходятся меня терзать:
В непостоянстве зачато постоянство мое.
Против естества и воле вопреки
Переменчива моя благость, переменчив обет.

Покаянье мое – как мирская моя любовь,
Забавно и забвенно в недолгий час:
В нем ни веса, ни меры; в нем холод и жар;
Мольба и немота; бесконечность и ничто.

Вчера я не взглядывал в небо; а теперь
Обхаживаю Господа в лести и мольбе;
А завтра трясусь пред Его жезлом.
Эти приступы веры – как прибой и отбой

Вздорной горячки; но знаю я одно:
Тем лучше мне день, чем больше во мне страх.

Исаак Уолтон

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДОКТОРА ДЖОНА ДОННА,
ПОКОЙНОГО НАСТОЯТЕЛЯ
СОБОРА СВЯТОГО ПАВЛА В ЛОНДОНЕ

Введение

Если бы в совершенстве владевший пером великий знаток искусств, ректор Итон-Колледжа сэр Генри Уоттон¹ дожил до выхода в свет этих проповедей, он одарил бы мир точнейшей историей жизни их автора; о том, что этого не случилось, приходится сожалеть, ибо эта работа была достойна его и он бы с ней прекрасно справился, поскольку они с автором понимали друг друга и их связывала с юности такая дружба, прервать которую могла только смерть. И хотя тела их пребывали в разлуке, но взаимная приязнь неизменно связывала их души, ибо любовь этого ученейшего дворянина сопровождала славу его покойного друга, убежавшую по смертного забвения; свои чувства этот благороднейший из людей доказал, когда ознакомил меня со своими намерениями и обратился с просьбой уточнить кое-какие относящиеся к делу подробности, не сомневаясь, что мое знакомство с автором и благоговейное отношение к его памяти могут сделать мои старания полезными; я охотно взялся за этот труд и предавался ему с довольством и рвением, пока, наконец, не счел свои записи готовыми к тому, чтобы его несравненное перо сделало их более подробными и завершенными; но смерть помешала ему осуществить эти замыслы.

*Когда я услышал печальную новость о его кончине, а также узнал, что упомянутые **Проповеди** готовятся к печати, но им недостает биографии автора, которую я считал весьма примечательной, негодование или горе, не берусь сказать, что именно, заставило меня просмотреть мои отложенные записи, и я решил, что миру должна предстать столь достоверная картина его жизни, сколь это возможно для моего безыскусного пера, которым водит правда.*

И если бы мне задали тот же вопрос, что и вольноотпущеннику Помпея, когда «несчастный остался один на морском берегу перед изувеченным телом своего некогда всемогущего хозяина и повелителя; и начал собирать разбросанные поблизости обломки лодки, старой и трухлявой, чтобы сложить их и развести погребальный костер по обычаю римлян, и

вдруг услышал: “Кто ты такой, что тебе принадлежит честь в одиночестве погребать Помпея Магна?”². И так, кто я такой, что отваживаюсь разводить погребальный костер, чтобы почтить память автора? Надеюсь, этот вопрос будет задан скорее с недоумением, чем с возмущением, но недоумение тут вполне уместно, ибо как это я, сетующий на безыскусность своего пера, смел предположить, что мой слабый светоч озарит для читателя жизненный путь того, чье имя само окружает его биографию лучами славы. Но если и не к пользе того, чей портрет я рисую, однако к пользе того, кто будет его созерцать, автор предстанет перед читателем в своем будничном обличье, которое должно внушать веру в написанное: тот, у кого не хватает ловкости для обмана, заслуживает доверия.

И если бы лучезарный дух автора, ныне пребывающий на небесах, удосужился взглянуть вниз и увидеть меня, самого скромного и посредственного из своих друзей, поглощенного выполнением этого долга дружбы, я уверен, что он не презрел бы моей жертвы, из добрых намерений возлагаемой на алтарь его памяти, потому что, хотя беседы с ним доставляли мне и многим другим людям безмерную радость, я знаю, что его отличали величайшие смирение и великодушие, а я слышал от богословов, что добродетели, которые на земле были лишь искрами, на небесах превращаются в яркое пламя.

Перед тем, как перейти к дальнейшему повествованию, я покорно прошу читателя учесть, что выход в свет первого издания проповедей Джона Донна был тогда единственным оправданием моей попытки написать историю его жизни, и без этого оправдания я по-прежнему не рискую издавать мой труд.

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ

Мистер Джон Донн родился в Лондоне, в 1572 году, он происходит из хорошей семьи, его отец и мать были отмечены множеством добродетелей; и хотя его собственной учености и бесчисленных достоинств вполне достаточно для того, чтобы прославить его и его потомков, но, возможно, читателю будет приятно узнать, что отец его происходит из старинной валийской семьи, многочисленные отпрыски которой по-прежнему живут у себя на родине, носят ту же фамилию и пользуются величайшим и заслуженным уважением.

По материнской линии он происходил из семьи прославленного и известного своей ученостью сэра Томаса Мора, занимавшего некогда пост лорда-канцлера Англии, а также достойнейшего и прославленного своими трудами судьи Рестолла³, оставившего потомкам Свод законов Англии, с величайшей точностью переработанный и сокращенный.

Начатки образования он получил в доме своего отца, где до десятилетнего возраста с ним занимался частный учитель; на одиннадцатом году жизни он был отправлен в Оксфорд, причем в это время уже владел французским и латынью. Это наряду с другими его выдающимися способностями побудило некоего современника отозваться о нем так: сей век даровал нам нового *Picus Mirandula*⁴, который, как гласит история, обладал мудростью скорее от рождения, чем благодаря учению.

Мистер Донн провел несколько лет в Харт-Холле⁵, где его наставляли в различных науках, пока по прошествии времени он не обрел и не выказал на диспутах знания, позволявшие ему сдавать экзамены на первую ученую степень, но делать этого не стал по совету своих друзей-католиков, ибо принадлежность к этой конфессии была несовместима с частью обетов, входивших в клятву, которую полагалось приносить в те времена и от которой не могли отказаться люди, притязавшие на то, чтобы их успехи в науке увенчались получением ученого звания.

Когда ему было около четырнадцати лет, он перебрался из Оксфорда в Кембридж⁶, дабы напитаться знаниями из двух источников вместо одного; там он оставался до полных шестнадцати лет и был прилежнейшим из студентов; он часто менял предметы изучения, но не пытался получить научной степени по уже упомянутым причинам.

Когда ему пошел семнадцатый год, он переехал в Лондон и, намереваясь изучать право, поступил в Линкольнз-Инн; где с блеском выказал свою ученость, остроумие ума и успехи на избранном поприще; однако в дальнейшем знание законов служило ему лишь источником удовлетворения и украшением ума, но ничем более.

Его отец умер до того, как мистер Донн был введен в общество; он был купцом и оставил сыну в наследство 3 000 фунтов. Его мать и те, кто взял на себя попечение о мальчике, всячески заботились об его образовании и потому представили к нему домашних учителей, обучавших его математике, а также различным гуманитарным дисциплинам. Но, помимо занятий, учителям этим, которые, по собственному их признанию, тайно принадлежали к римско-католической церкви, посоветовали внушить мальчику некоторые ее принципы.

Они едва не уговорили его принять эту веру; на то им предоставлялось много возможностей, но самым убедительным доводом в ее пользу был пример его любимых и набожных родителей, который очень много для него значил, как признавался он сам в предисловии к «Псевдомученику»⁷, книге, о которой читателю еще будет рассказано далее.

Ему шел уже восемнадцатый год, но о его религиозной принадлежности можно было сказать только, что он христианин, ибо он не избрал для себя никакой конфессии. И разум, и благочестие говорили ему, что если он не принадлежит ни к какой церкви видимой, то впасть в грех ереси для него невозможно.

На девятнадцатом году жизни он по-прежнему пребывал в нерешительности относительно того, какое вероисповедание избрать и, размышляя о том, насколько согласуется с его душой самое ортодоксальное, решил, поскольку молодость и здоровье сулили ему долгую жизнь, устранить все сомнения на сей счет, а потому оставил изучение права и прочих наук и серьезно взялся за богословие и споры, какие велись тогда между римско-католической церковью и реформаторами. И, поскольку Дух Божий подвигнул его на эти изыскания и никогда не покидал его в его упорных трудах – таковы его собственные слова, – то он призывает тот же Дух Божий в свидетели, что в своих штудиях и размышлениях продвигался вперед с робостью и смирением и избрал путь, какой считал самым надежным, то есть частые молитвы и приязнь, но без пристрастия, к обеим конфессиям; ибо истина сама по себе излучает слишком много света, чтобы укрыться от ума столь острого, а искренность вопрошающего была слишком велика, чтобы не признать, что он ее нашел.

Призванный на путь этих изысканий, он решил, что кардинал Беллармин⁸ – лучший защитник дела римско-католической церкви, а потому обратился к изучению его доводов. Речь шла о вещах существенных, и откладывать их решение было бы непростительно как по отношению к Богу, так и к собственной совести. Потому он продвигался в своих исследованиях, обуздывая поспешность умеренностью, и едва ему минуло девятнадцать, показал тогдашнему декану Глостера⁹, чье имя моя память не сохранила, все труды кардинала со своими пометами, содержащими множество глубоких и веских замечаний; эти работы он завещал на смертном одре некоему близкому другу.

Примерно через год он решил путешествовать; и поскольку граф Эссекс снаряжал морские экспедиции сначала на штурм Кадиса, а затем на Азорские острова, причем первая состоялась в 1596, а вторая в 1597 годах¹⁰, решил воспользоваться этой возможностью, был в свите Его Светлости и оказался свидетелем множества как отрядных, так и прискорбных событий.

В Англию он вернулся только по прошествии нескольких лет, которые провел, живя сперва в Италии, потом в Испании, причем сделал много полезных наблюдений касательно этих стран, их законов и форм правления, а уж языками овладел в совершенстве.

Время, которое он провел в Испании, предназначалось им, когда он ехал в Италию, для путешествия в Святую Землю, посещения Иерусалима и поклонения Гробу Господню. Но то, что он оказался в окраинной части Италии, где не было возможности найти достойных попутчиков или надежных проводников, или то, что удаленность от родины оборачивалась неопределенностью в денежных делах, помешало ему сподобиться этого счастья, о чем он часто и с сожалением вспоминал.

Вскоре после его возвращения в Англию лорд Эллесмер, этот образец мудрости и величия, бывший тогда лордом хранителем Большой печати и

лордом-канцлером Англии, заметил его ученость, знание языков и прочие способности и, проникшись приязнью к нему самому и оценив его умение держаться в обществе, сделал его своим главным секретарем, причем предполагал и задумывал, что этот пост станет первой ступенькой в его продвижении по лестнице государственной службы, для которой он, как часто повторял Его Светлость, весьма подходил.

Пока мистер Джон Донн исполнял эти обязанности, его подчиненное положение никогда не мешало лорду Эллесмеру видеть в нем не только слугу, но и друга; и чтобы засвидетельствовать это, Его Светлость, прибегая к услугам мистера Донна, выказывал величайшую обходительность, а также отвел ему место у себя за столом, причем его общество и участие в беседах, по мнению лорда Эллесмера, весьма украшало трапезы.

Он состоял на этой службе в течение пяти лет, и держали его там отнюдь не из милости, напротив, он изо дня в день приносил своим друзьям пользу. Но за это время он проникся – я не смею сказать «к несчастью» – сильнейшей привязанностью, которая, не будучи безответной, переросла в любовь, к некоей молодой и благородной даме, жившей в семье его патрона и приходившейся племянницей леди Эллесмер и дочерью сэру Джорджу Мору, в то время кавалеру ордена Подвязки и коменданту Тауэра.

До сэра Джорджа дошли кое-какие намеки на этот счет, и он, зная, что предусмотрительность есть неотъемлемая часть мудрости, незамедлительно перевез дочь из этого дома в свой собственный, находившийся в Лофесли, графство Суррей; однако было уж поздно, ибо обе стороны уже обменялись обетами, которые не могли нарушить.

Об этих клятвах знали только они сами; друзья же и той, и другой стороны потратили немало усилий и доводов, чтобы убить или охладить их привязанность друг к другу; но вотще; ибо любовь – это лъстивый смутьян, который, случалось, мешал даже умудренным годами и опытом людям предвидеть те беды, какие слишком часто оказываются отпрысками этого слепого отца; это страсть, заставляющая нас совершать ошибки с той же легкостью, с какой смерч уносит пушинки, и побуждающая добиваться желаемого с неутомимостью и хитроумием. И хитроумие это, несмотря на всю бдительность окружающих, в конце концов тайно соединило их, от рассказа о том, как это случилось, я воздержусь, а потом и привело под венец, причем они не приняли во внимание мнение тех друзей и близких, чье одобрение всегда было и будет необходимо, дабы любовь, пусть даже добродетельная, могла стать законной.

И, дабы известие об их браке не прозвучало для тех, кто его не желал, как гром среди ясного неба, и полагая, что предварительные намеки могут смягчить неизбежный удар, новость эту намеренно шептали многим, но лишь тем, кто не мог ничего с точностью утверждать. И чтобы положить конец беспокойствам сэра Джорджа, ибо сомнение часто возбуждает более

тревожные мысли, чем точное знание, эта новость была ради мистера Донна и с его одобрения доведена до сведения сэра Джорджа его почтенным соседом и приятелем Генри, графом Нортумберлендским, но оказалась столь нежелательной и привела сэра Джорджа в такое негодование, что, словно стремясь силой своего гнева и неосмотрительности превзойти силу их любви и заблуждения, он привлек на свою сторону сестру, уже упомянутую леди Эллесмер, дабы та вместе с ним добивалась от своего супруга отстранения мистера Донна от обязанностей, которые он исполнял при Его Светлости. Просьбы были весьма настойчивыми, и хотя сэру Джорджу напоминали, что тяжесть наказания может превзойти тяжесть ошибки и потому желательно от него воздержаться, покуда зрелое размышление не устранил кое-каких сомнений, он успокоился только тогда, когда его просьба была удовлетворена и наказание свершилось. И пусть лорд Эллесмер, отстраняя Донна от должности, не отзывался о нем с такой похвалой, какой удостоил великий император Карл Пятый своего секретаря Эразо, представляя его своему сыну и наследнику Филиппу Второму со словами, что «в лице этого Эразо вручает ему дар более драгоценный, нежели все свое имение и все те государства, которые ему вверил», но все же лорд-канцлер сказал, что «расстается с другом и с таким секретарем, которому более пристало служить монарху, нежели одному из его подданных».

Лишившись службы, он сразу отправил грустное письмо своей жене, чтобы уведомить ее об этом; постскрипtum был таков:

Джон Донн с Анной Донн разлучен.

И, видит Бог, это была правда; потому что даже такого горького лекарства, как изгнание мистера Донна со службы, оказалось недостаточно, чтобы душа сэра Джорджа полностью освободилась от гнева; ибо он не успокоился до тех пор, пока мистер Донн, – а также мистер Сэмюэл Брук¹¹, его соученик по Кембриджу, который его венчал и стал впоследствии доктором богословия и главой колледжа Святой Троицы, и его брат, мистер Кристофер Брук, который был посаженным отцом невесты, а прежде жил с мистером Донном в одной комнате в Линкольнз-Инн, – пока все трое не были приговорены к заключению в трех разных темницах.

Мистера Донна освободили первым, причем ни его тело, ни его дух и ни один из тех знакомых, на чью помощь он мог надеяться, не знали покоя, пока он не добился освобождения двух своих друзей.

Он оказался на свободе, но положение его по-прежнему было тягостным: упомянутые неприятности миновали, но другие тучи сгустились над его головой: его разлучили с женой, и хотя он, в отличие от Иакова, не служил за нее долго, но место на хорошей службе потерял и был вынужден доказывать свои права и добиваться соединения с супругой путем долгой и утомительной тяжбы, которая доставила ему много хлопот и оказалась весьма об-

ременительной еще и потому, что его молодость, путешествия и излишняя щедрость нанесли немалый ущерб его состоянию.

Давно замечено, и это очень верное наблюдение, что молчание и повиновение покоряют сердца, и в особенности сильно влияют на людей горячих; так произошло и с сэром Джорджем; ибо такое поведение мистера Донна наряду с всеобщей хвалой его достоинствам и с его чарующей манерой держаться, которая, когда он хотел кому-то понравиться, отличалась особым изяществом и непреодолимой притягательностью, все это, а также время настолько охладило пыл сэра Джорджа, что по мере того как общество все больше одобряло выбор, сделанный его дочерью, он сам начинал замечать незаурядные достоинства в своем новообретенном сыне. Они в конце концов заставили его оттаять и повергли в такое раскаянье (ибо любовь и гнев чередуются в сердцах, подобно тому, как при лихорадке бросает то в жар, то в холод, и родительская любовь может погаснуть, но легко разгорается снова и не догорит окончательно, пока смерть не лишит род человеческий естественного тепла), что сэр Джордж стал хлопотать о восстановлении своего зятя в должности, пытаясь использовать для этого и свое влияние, и влияние сестры на ее супруга, но безуспешно, ибо ответ последнего гласил, что «хотя он не устает сожалеть о своем прежнем поступке, однако его положение и достоинство не позволяют ему отказывать слугам, а потом вновь нанимать их даже в угоду самым горячим просителям».

Усилия сэра Джорджа вернуть мистера Донна на службу, разумеется, предполагалось держать в тайне, ибо для людей естественнее настаивать на своих ошибках, нежели смиряться и терпеть то осуждение, какое сопровождается их очевидным признанием. Однако, хотя сэру Джорджу потребовалось немного времени на то, чтобы примириться со случившимся, пожелать молодым счастья и дать им свое отцовское благословение, он тем не менее отказался предоставить какие-либо средства, которые могли бы поддержать их существование.

Состояние мистера Донна было в значительной мере растрчено на многочисленные путешествия, книги и дорого давшийся ему опыт; у него не было никакой оплачиваемой работы, способной поддержать его и жену, которая отличалась необычайно обширной образованностью; благородные натуры, оба супруга привыкли оказывать благодеяния, но не быть их предметом; эти и другие обстоятельства, но главным образом то, что жена должна была разделять его страдания, наводили его на грустные мысли, и он несомненно боялся впасть в настоящую бедность.

Но скорбь его уменьшилась и нужды были удовлетворены благодаря оказавшейся как нельзя более кстати помощи их благородного родственника сэра Франсиса Уолли, проживавшего в Пирфорде, графство Суррей, который пригласил их поселиться под его кровом. В его доме они оставались на протяжении нескольких лет, пользуясь большой свободой и испытывая к

нему не меньшую благодарность; причем по мере того, как увеличивалось бремя их забот, ибо она каждый год рожала по ребенку, возрастали его любовь и щедрость.

Как было подмечено людьми мудрыми и знающими жизнь, богатство редко выпадает на долю людей хороших и никогда не является их отличительной чертой; но Всемогущий Господь, который мудро распределяет свои блага, в неизреченной доброте Своей не наделил им по причинам, только Ему ведомым, тех, чей дух и разум одарил такими сокровищами знания и добродетели, какие могут служить еще одним свидетельством Его любви к человечеству. Это относилось и к мистеру Донну с его блистательной эрудицией и талантами: его повседневные расходы на самое необходимое плохо согласовывались с его возможностями, ограниченными его неопределенным положением и стесненными обстоятельствами, о коих упоминаю, ибо именно в это время он получил благородное предложение, которое могло облегчить ему бремя мирских забот; о чем перу моему предстоит поведать далее.

Господь был так милостив к церкви Своей, что позволил призывать в любом возрасте к служению у Своего алтаря тех людей, коими движет добродетельное стремление принести благо человечеству, столь сродное Его собственному, что может происходить только от Него, коему приятно видеть это свойство в своих творениях. В те времена¹² Он благословил мир множеством таких людей; некоторые из них еще живы и служат примером апостольского милосердия, а также терпения, превосходящего человеческие возможности. Я говорил все это, ибо одного из них имею повод упомянуть в моем повествовании; это Доктор Мортон¹³, прославленный и ученейший епископ Дарема, которого Бог благословил полной ясностью ума и бодростью духа даже в возрасте 94 лет и который до сих пор жив; который в дни достатка был столь щедр сердцем, что использовал свой значительный доход для поощрения наук и добродетелей, а ныне, как ни горько об этом говорить, пребывает в стесненных обстоятельствах и переносит их не ропща и по-прежнему одаривает друзей сокровищами своего духа с такой щедростью, словно в наше время можно жить в соответствии со словами «довольно для каждого дня своей заботы»¹⁴. Я имел удовольствие пусть коротко, но все же дать читателю правдивое описание характера этого достойного человека, моего друга, который и рассказал мне следующую историю:

Он с посланным передал мистеру Донну пожелание, чтобы тот уделил ему на следующий день час своего времени для беседы. Когда они встретились, то епископ, не тратя лишних минут, поведал ему, зачем его пригласил: «Мистер Донн, причина, по которой я послал за вами, состоит в том, что я хочу сделать вам предложение, мысль о котором часто посещала меня с того времени, когда мы последний раз виделись. Однако я выскажу его только при одном условии, а именно: что вы не станете давать ответ немедлен-

но, но подождете три дня и часть этого времени посвятите посту и молитве; и после серьезного размышления о том, что я вам предложу, вернетесь ко мне с ответом. Не отказывайте мне в этом, господин Донн, потому что желание мое порождено подлинной любовью к вам, причем я был бы рад думать, что она является залогом вашей любви ко мне».

Получив его согласие, епископ сказал следующее:

«Мистер Донн, я знаю, сколь велики ваши таланты и ученость; я знаю, что вы ожидаете места на государственной службе, и знаю, что вы для нее подходите; я знаю также, что исполнение обещанного при дворе зачастую надолго откладывается и зависит от множества случайностей; и позвольте мне сказать вам, что моя к вам любовь, порожденная нашей долгой дружбой, побудила меня получить сведения о состоянии ваших дел, так что я знаю о ваших нуждах и сложностях; и я знаю, они таковы, что вы с вашим благородным духом не могли бы их снести, не обладай вы подобающим христианину терпением; Вы помните, что я недавно предлагал вам оставить надежды на службу при дворе и стать служителем церкви. Это же предложение я снова прошу вас принять, причем на сей раз у меня есть еще один довод в его пользу: король назначил меня деканом Глостера, и, кроме того, у меня есть приход, приносящий такие же доходы, как должность декана; я полагаю, жалование декана вполне обеспечивает мои нужды, поскольку я не женат и принял решение, что безбрачие будет моим уделом до самой смерти и я хочу отказаться от прихода в вашу пользу, причем наш попечитель¹⁵ желает того же, если Господь склонит ваше сердце к принятию моего предложения. Помните, мистер Донн, что ни один человек при всем его образовании и способностях не может быть чересчур хорош для должности священника, ибо в ней он представляет за Господа во Славе, Который мученической смертью Своей открыл врата жизни для человечества. Не давайте мне ответа сейчас, мистер Донн, но помните о данном мне обещании и приходите ко мне через три дня с принятым решением».

Мистер Донн выслушал все это со стесненным дыханием и растерянным выражением лица, которые явно свидетельствовали о том, что в душе у него идет борьба; однако он, в соответствии со своим обещанием, удалился, воздержавшись от ответа, который по прошествии трех дней оказался следующим:

«Мой достойнейший и дражайший друг, со времени нашей встречи я был верен своему слову и много думал о вашей великой доброте, которая должна была бы превзойти даже мою вам признательность; однако сие невозможно, а более я ничем не могу воздать вам, этот же дар приношу с сердцем, исполненным смирения и низжайшей благодарности, хотя ваше предложение я не могу принять; однако, сэр, причина моего отказа вовсе не мнение, что я слишком хорош для этого звания: даже короли, если они могут допустить подобную мысль, его недостойны; также и не в том, что моя ученость и по-

знания, пусть и не выдающиеся, не могут вкупе с Божьей помощью и моим смирением сделать меня достойным духовного сана; но я осмеливаюсь обременить вас, моего дражайшего друга, моим признанием; некоторая беспорядочность моей прошлой жизни слишком известна многим людям, и хотя я, благодарение Богу, примирился с Ним, раскаявшись в этих грехах, и благодаря Его милости они утратили для меня всякую притягательность, это известно Господу, но не настолько убедительно в глазах людей, чтобы я был избавлен от их порицания, которое может лечь пятном на предлагаемую мне священную должность. И кроме того, как было определено лучшими из казуистов, для принятия сана стремление прославить Господа должно быть основной причиной, а стремление к доходу лишь побочной; и хотя человек может руководствоваться обоими стремлениями, но при принятии сана первое из названных не может быть для него последним, иначе он нарушит законы совести, за что его будет судить Тот, Кто читает в сердцах. И поистине, мое нынешнее положение таково, что, если я спрошу свою совесть, совместимо ли оно с этим принципом, ум мой окажется в таком смятении на сей счет, что я не смогу дать ответа ни себе, ни вам. Вы знаете, сэръ, кем сказано: «Блажен, кто не осуждает себя в том, что избирает»¹⁶. К упомянутым резонам я мог бы добавить и другие, которые меня останавливают; но я прошу вас оказать мне снисхождение, позволив воздержаться от их упоминания и с величайшей благодарностью отказаться от вашего предложения».

Таково было его тогдашнее решение, но сердце человека принадлежит не ему; и поприще священнослужителя было предначертано мистеру Джону Донну рукой, чья власть далеко превосходит человеческую; рукой столь могущественной, что он в конце концов был вынужден дать согласие; о чем читателю будет рассказано прежде, чем я дам отдых своему перу.

Мистер Донн и его жена продолжали жить у сэра Френсиса Уолли до самой его смерти; незадолго до нее сэръ Френсис к своей большой радости окончательно примирил сэра Джорджа с дочерью и зятем, прежде лишенными его милостей. Сэръ Джордж дал письменное обязательство к определенному сроку уплатить мистеру Донну 800 фунтов, каковые являлись приданным его жены, или до того времени, как эта сумма будет уплачена, выплачивать им раз в три месяца содержание в размере 20 фунтов, каковые суммы можно считать доходами с упомянутого капитала.

Все те годы, какие он провел под кровом сэра Френсиса, мистер Донн изучал гражданское и церковное право и достиг в их познании таких высот, что, по мнению искушенных законников, мог тягаться с теми, для кого эти штудии были делом всей жизни.

Когда смерть сэра Френсиса положила конец их счастливому союзу, мистер Донн избрал себе жилищем дом в графстве Суррей, неподалеку от Кройдона, в местечке Митчем, славящемся своим целебным воздухом и привлекательностью для хорошего общества; там он поселил жену и детей;

себе же нанял жилье неподалеку от Уайтхолла, в Лондоне, куда его очень часто увлекали друзья и обстоятельства и где его столь же часто посещала знать и другие влиятельные в государстве люди, которые при обсуждении особо важных дел прибегали к его помощи, причем вознаграждение за нее несколько улучшало его денежные обстоятельства.

Его ценило и оказывало ему почтение не только высшее дворянство, но к знакомству и дружбе с ним стремилось большинство иностранных послов и множество других людей, которые оказались в Англии по делам или желали пополнить образование.

Многие друзья упрасивали его окончательно обосноваться в Лондоне, но он отказывался, поскольку поселил любимых жену и детей в Митчеме, поблизости от нескольких друзей, коим случалось оказывать благодеяния и ему самому, и его семье, которая, видит Бог, в этом нуждалась; и дабы вы могли лучше себе представить, в каком состоянии пребывал тогда его дух и его денежные дела, я предлагаю вашему вниманию два отрывка из его писем ко мне, которых у меня множество.

Причина, по которой я не ответил на Ваше письмо, состоит в том, что оно застало меня погруженным в слишком глубокую печаль; ибо сейчас дела мои обстоят так: из моей семьи в относительном здравии пребываю я один, ибо жена моя потеряла ребенка, не успев его выносить, и из-за этого несчастья впала в такое расстройство, которое привело бы ее в непосильное для души отчаянье, не будь она слишком поглощена мыслями о болезни других детей, на выздоровление одного из которых я, по правде говоря, не слишком надеюсь; и волею судеб у них так мало возможностей получить лекарства или как-то еще избавиться от страданий, что, если Богу будет угодно облегчить наше бремя, принудив нас совершить похоронный обряд, я не знаю, как я смогу сделать для них даже это; но я льщу себя надеждой, что я умираю тоже; ибо ничто не может свести меня в гроб скорее, чем эти горести. Что же до ...

*Из Митчема, из своего семейного лазарета
Джон Донн.*

10 августа.

Он оплакивал судьбу и в этом письме, и в других.

... Ибо нам редко случается обнаружить грех, если он состоит в упущении чего-то доброго, а не в постыдном деянии; и я часто подозревал, что одержим первым из упомянутых грехов или другим, который состоит в чересчур пылком стремлении к иной жизни; и хотя я знаю, что он не есть следствие усталости от жизни этой, ибо я испытывал то же желание, когда плыл по течению и питал надежды на будущее, куда более отрадные, чем сейчас, однако я подозреваю, что несчастья мои его усилили. Сейчас весна, но

все ее радости мне не в радость; всякое дерево расцветает, я же увядаю; я становлюсь старше, но не становлюсь лучше; силы мои идут на убыль, а время мое становится все тяжелее; но я был бы счастлив быть чем-то или делать что-то; и если я не знаю, что именно, это неудивительно, ибо сейчас для меня время печали; сделать же выбор означает действовать; а не быть частью целого означает быть ничем; и таким я вижу себя, и так буду к себе относиться, если в мире не найдется то целое, чей частью я стану и чье существование мои дела будут поддерживать. В этом я отдаю себе отчет и начал отдавать давно, когда приобщился к изучению нашего права; но отклонился от прямой стези, ибо оставил его, предавшись самому скверному сладострастию, то есть нескромному и распухшему, как большой водяной, до чудовищных размеров, желанию изучать гуманитарные науки и языки, которые служат к украшению людей, имеющих большое состояние, мое же настолько уменьшилось, что мне необходимо было искать места. И я полагал, что удачно вступил на служебное поприще, поскольку занятия, которыми я себя на нем посвятил, могли, как мне казалось, развить мои скромные способности; но и здесь я оступился и упал; и теперь я столь ничтожен, или до такой степени ничто, что не являюсь предметом, достойным хотя бы одного моего письма, обращенного к вам. Сэр, я боюсь, что мое нынешнее недовольство собой не есть порождение доброго начала, коль скоро я так охотно соглашаюсь быть ничем, то есть мертвым. Но, сэр, хотя судьба сделала меня тем, что я есть, то есть скорее недомоганием или болезнью мира, нежели его частью, и потому я не люблю ни его, ни жизнь; все же я буду счастлив жить, дабы стать таким, чтобы вы не раскаивались в своей любви ко мне. Сэр, ваша собственная душа не может радеть о вашем благе более, чем я; и Господь, который любит во мне этот пыл, не потерпит, чтобы вы усомнились в моих чувствах; сэр, вы бы прониклись ко мне жалостью, если бы видели, как я пишу, потому что боль изогнула мне шею и держит голову в таком положении, что глаза не могут следить за пером. И в заключение, сэр, я от всей своей усталой души буду поминать вас в своих молитвах и вручаю себя вашим. Я не сомневаюсь, что не позже следующей недели до вас дойдут хорошие новости, потому что я должен или пойти на поправку, или умереть; но если я останусь в прежнем состоянии, то буду утешать себя тем, что Спаситель, осуществляя Свое правосудие над двумя мирскими ипотасями моего «я», то есть над моим именем и моим телом, хранит Свое милосердие для той третьей, которая в нем сильнее всего нуждается, для моей души! которая, я боюсь, весьма похожа на привратника, ибо очень часто оказывается у врат, но никогда за них не выходит. Сэр, признаюсь вам честно, мое нежелание кончать это письмо кажется мне знаком, что писать мне более не придется.

Ваш жалкий друг и жалкий пациент Господень
Джон Донн

7 сентября.

По этим отрывкам читатель мог в какой-то мере представить себе его стесненные обстоятельства и смятение, омрачавшее его благородный дух; они тяготели над ним примерно два года, и все это время его семья жила в Митчеме, а он часто приезжал туда, удаляясь от суеты и посвящая несколько дней подряд изучению расхождений и полемики между римско-католической и англиканской церквями, в особенности о присяге на верность и супрематии¹⁷. С подобными штудиями и этим местом он охотно связал бы всю свою жизнь; но упорные просьбы его друзей в конце концов возымели действие и принудили его переселиться в Лондон, где сэр Роберт Друри¹⁸, господин, занимавший весьма высокое положение и отличавшийся еще большим великодушием, отвел ему и его жене весьма удобную квартиру в собственном просторном доме на Друри-Лейн, причем не только не брал с них платы, но и поощрял и поддерживал штудии мистера Донна и был для него и для его домашних другом, разделявшим все их беды и радости.

В то время, когда мистер Донн и его жена жили у сэра Роберта, король Иаков I отправил лорда Хея послом ко двору Генриха Четвертого, бывшего тогда королем Франции; и сэр Роберт внезапно решил, что будет сопровождать лорда Хея и присутствовать при аудиенции, которую король ему должен был дать; и принял столь же внезапное решение упросить мистера Донна составить ему компанию в этом путешествии. Об этом желании скоропостижно сообщили его жене, которая в то время была беременна, и ее состояние до такой степени внушало опасения за ее здоровье, что она выразила нежелание отпускать его от себя, так как, по ее словам, «у нее было предчувствие, что если его не будет, с ней случится какая-то беда»; и потому ей не хотелось, чтобы он покидал ее. Это заставило мистера Донна оставить мысли о путешествии и принять решение остаться. Но сэр Роберт был весьма настойчив в своих просьбах, а мистер Донн по своему благородству полагал, что себе не принадлежит, так как пользовался слишком многими благодеяниями сэра Роберта, о чем и сказал своей жене. Она по этим причинам неохотно, но все же дала согласие на его отъезд в путешествие, которое должно было продлиться всего два месяца, ибо по прошествии этого срока они собирались вернуться. Решение было принято, и через несколько дней сам посол, сэр Роберт и мистер Донн покинули Лондон и на двенадцатый день путешествия благополучно добрались до Парижа. Двумя днями позже мистер Донн остался один в комнате, в которой до того обедал вместе с сэром Робертом и еще несколькими друзьями; сэр Роберт вернулся к нему через полчаса и застал мистера Донна по-прежнему в одиночестве, но в таком возбужденном состоянии духа и с таким преобразенным лицом, что сэр Роберт пришел в изумление и стал допытываться у мистера Донна, что с тем случилось в его отсутствие. На сие мистер Донн не мог ответить сразу, но после продолжительного молчания справился со смятением и проговорил: «Когда мы с вами расстались, у меня было ужасное видение: я увидел, как моя любимая жена дважды прошла мимо

меня по комнате, с волосами, распущенными по плечам и мертвым ребенком на руках; вот что я увидел, когда мы с вами расстались». На что сэр Роберт ответил: «Я уверен, сэр, что вы уснули после того, как мы с вами расстались; и то, о чем вы говорите, – всего лишь печальный сон, о котором вам лучше забыть, ибо сейчас вы бодрствуете». На что мистер Донн ответил: «Как я не сомневаюсь в том, что сейчас жив, так и в том, что не спал ни мгновения с той минуты, как мы с вами расстались; и я уверен, что когда она явилась мне во второй раз, она остановилась, посмотрела мне в глаза и исчезла».

Проснувшись наутро, мистер Донн обнаружил, что отдых и сон не изменили его мнения о вчерашнем, напротив, еще большая настойчивость и убедительные подробности, с какими он говорил о своем видении, стали склонять сэра Роберта к тому, чтобы в него поверить. Как справедливо говорится, желание и сомнение не знают покоя, так оно оказалось и в случае сэра Роберта, ибо он немедленно отправил слугу в свой дом в Англии с приказом как можно быстрее вернуться и сообщить, жива ли госпожа Донн; а если жива, то пребывает ли в добром здравии. На двенадцатый день посланный вернулся и сообщил, что он застал и оставил миссис Донн на одре болезни, в глубокой печали; что после долгих родовых мук она разрешилась от бремени мертвым ребенком. И, как оказалось, это несчастье случилось в тот же день и примерно в то время, когда, по словам мистера Донна, он увидел ее у себя в комнате.

Этот рассказ представляется удивительным, что вполне понятно, ибо в наше время большинство людей придерживается мнения, что время чудес и видений уже прошло. И хотя вполне достоверно, что если две лютни настроены в унисон, и на одной из них играют, а второй не касаются, но она лежит на почтенном расстоянии, то она, как эхо на звук рожка, ответит на музыку первой слабым звучанием струн; однако многие не верят, что существует родство душ, и я вполне удовлетворен тем, что у каждого читателя есть на сей счет свое мнение. Однако, если те, кто сомневается в этом рассказе, полагают, что расположенный в него поверить читатель не свободен считать его правдивым, я позволю себе напомнить им, сколь многие мудрые люди верили, что Бруту являлся призрак Юлия Цезаря, а также о том, что Блаженному Августину и его матери Монике во время его обращения являлись видения. И хотя эти и многие другие, слишком многие, чтобы их перечислить, рассказы освящены авторитетом мирской истории и только, недоверчивый читатель может обнаружить в Истории Священной, что Самуил после своей смерти являлся Сауду¹⁹, но был ли то призрак или что другое, я судить не берусь. И Елифаз в Книге Иова говорит: «Объял меня ужас и трепет, и потряс все кости мои. И дух прошел надо мною, дыбом встали волосы на мне»²⁰. Эти слова я ни пояснять, ни истолковывать не стану, но предоставляю недоверчивому читателю о них поразмыслить; предоставляю ему подумать и о следующем: множество ученых и благочестивых людей верили в то, что Господь наш в

милосердии своем приставил к каждому человеку Ангела Хранителя, чтобы тот его постоянно направлял и оберегал от всех опасностей, грозящих душе и телу. И мнение о том, что у каждого человека есть собственный Ангел, может быть подкреплено историей о чудесном освобождении святого Петра из темницы²¹ не многими, но одним Ангелом. И еще одним доводом в пользу этого мнения может служить для недоверчивого читателя то, что когда Петр после своего избавления пришел к дому Марии, матери Иоанна, и постучался у ворот, то Рода, ее служанка, от радости не отворила, но побежала в дом и, вбежавши, объявила о нем, то апостолы, которые в то время там были, не поверили и сказали, что она лишилась ума; но когда она снова объявила свое, они хотя и снова не поверили ей, но сказали: «это Ангел его».

Много случаев такого рода, а также размышлений и выводов на сей счет можно привести, дабы укрепить веру читателя в мой рассказ о видении, но я воздержусь от этого, ибо желал лишь передать то, что слышал, и не хочу предстать в глазах читателя лицом, стремящимся доказать правдивость услышанного. Однако я считаю своим долгом пояснить, что хотя историю эту я услышал не из уст самого мистера Донна, но поведал мне ее, причем весьма давно, человек, достойный доверия и знавший более душевных тайн мистера Донна, чем кто-либо другой из близких ему людей. И я полагаю, что он сказал мне правду, потому что он приводил такие подробности и приносил такие клятвы в подтверждение своих слов, что я искренне верю: тот, кто мне поведал эту историю, сам не сомневался в ее правдивости.

Далее я не стану обременять читателя своими рассуждениями об этой истории и о том, что с ней связано; в конце же своего рассказа о ней предлагаю его вниманию список со стихов, подаренных мистером Донном своей жене перед тем, как он отправился в упомянутое путешествие. И, с позволения читателя, хочу сказать, что я слышал, как критики, весьма сведущие и в языках, и в поэзии, утверждали, что стихи эти превосходят все античные образцы.

ПРОЩАНИЕ, ЗАПРЕЩАЮЩЕЕ ПЕЧАЛЬ

Как шепчет праведник «пора»
Своей душе, прощаясь тихо,
Пока царит вокруг овра
Печальная неразбериха,

Вот так, без ропота, сейчас
Простимся в тишине – пора нам;
Кошунством было б напоказ
Святыню выставлять профанам.

Страшат толпу толчки земли,
О них толкуют суеверы;
Но скрыто от людей вдали
Дрожание небесной сферы.

Любовь подлунную томит
Разлука бременем несносным:
Ведь суть влечения состоит
В том, что потребно чувствам косным.

А нашу страсть влечением звать
Нельзя, ведь чувства слишком грубы;
Нерасторжимость сознавать –
Вот цель, а не глаза и губы.

Страсть наших душ над бездной той,
Что разлучить любимых тщится,
Подобно нити золотой,
Не рвется, сколь ни истончится.

Как ножки циркуля, вдвойне
Мы нераздельны и едины:
Где б ни скитался я, ко мне
Ты тянешься из середины.

Кружась с моим круженьем в лад,
Склоняешься, как бы внимая,
Пока не повернет назад
К твоей прямой моя кривая.

Куда стезю ни повернуть,
Лишь ты – надежная опора
Тому, кто, замыкая путь,
К истоку возвратится скоро.

Рассказ о видении увел меня в сторону, и я возвращаюсь к основной нити своего повествования, дабы поведать читателю, что и до отъезда мистера Донна во Францию, и в то время, когда он находился там, и после его возвращения множество знатнейших и просто влиятельных при дворе людей ожидали, что король призовет мистера Донна на государственную службу, и старались этому способствовать. В прошлом король имел случай узнать мистера Донна и оценить его общество, а также подавал ему некоторые

надежды на то, что тот получит место. Королю нравилось, когда мистер Донн находился при нем, в особенности во время трапез, поскольку за столом обыкновенно имели место весьма глубокомысленные ученые беседы, а также исполненные дружелюбия диспуты или обсуждения религиозных вопросов, в которых участвовал Его Величество, а также богословы, которыми в то время по этикету полагалось ему прислуживать: в частности епископ Монтегю²², издатель отмеченных высочайшими ученостью и красноречием Трудов Его Величества, Его Высокопреподобие доктор Эндрюс²³, ныне покойный ученейший епископ Уинчестера, который в то время ведал раздачей милостыни при дворе.

В те времена шло множество диспутов касательно присяги на верность и супрематии, причем сохранились письменные свидетельства участия в них короля, ибо он, сочтя нужным выразить свои воззрения, немало писал на упомянутую тему для публики. И Его Величество, рассуждая с мистером Донном о доводах, которые обычно приводятся как аргументы против принятия этих обетов, столь высоко оценил глубину и ясность его мысли, видимую как в вопросах, которые он ставил, так и в его ответах на них, что Его Величество приказал мистеру Донну посвятить часть своего времени приведению этих аргументов в систему и записи своих ответов на них, а затем представить Его Величеству эти записи. За что мистер Донн тотчас взялся со всем рвением, и через шесть недель принес королю написанный собственной рукой трактат в том виде, в каком он впоследствии был напечатан; книга эта, называемая «Псевдомученик», увидела свет в 1610 году.

Когда король прочел и обдумал написанное, он убедил мистера Донна принять сан; этого желания мистер Донн в то время не выказывал и ни каким образом не испытывал, из скромности будучи несправедливым к себе и полагая, что его дарований для служения Господу недостаточно. Его Величество и прежде обещал не оставить мистера Донна своими милостями, и многие достойнейшие люди пытались содействовать тому, чтобы он получил место на государственной службе, не связанное с принятием сана, чему его образование вполне соответствовало. В их числе был граф Сомерсет, который тогда пользовался особым расположением короля и был вместе с ним в Теобальдовом замке²⁴, где в тот вечер умер один из секретарей Тайного совета²⁵. Упомянутый граф послал за мистером Донном, а когда тот явился к нему, сказал: «Мистер Донн, дабы вы могли убедиться в искренности моей приязни к вам и в моем желании отличить вас, оставайтесь здесь в саду и ждите, пока я не спущусь и не принесу вам от короля весть о том, что вы стали секретарем совета; не сомневайтесь в его согласии, ибо я знаю, что король любит вас и не откажет мне». Но король давал решительные отказы на все просьбы такого рода и, обладая особой пронизательностью, отвечал: «Я знаю, что мистер Донн ученейший человек, обладает величайшими познаниями в богословии и будет блистательнейшим и обладающим вели-

чайшей силой убеждения проповедником; и мое желание состоит в том, чтобы отличить его на этой стезе, и буде он ее изберет, я ни в чем не откажу просящим за него». После этого, как пишет мистер Донн, «король снизошел до настоящего увещания, едва ли не до просьбы о том, чтобы он принял сан», и хотя мистер Донн от этого не отказался, но три года медлил с исполнением желания Его Величества. Все это время он посвятил неустанному изучению богословских трактатов и усовершенствованию своих познаний в греческом и иудейском языках.

В первые и самые благословенные века христианства, когда на священнослужителей взирали с благоговением, и они были его достойны и побеждали противников чудесами добродетели, богоугодным терпением и долгими муками, во время оно лишь те считались достойными служения Господу, чей кроткий и смиренный дух побуждал их взирать на это священное призвание с благоговением и трепетом и страшиться принять сан, ибо только такие, как считалось тогда, заслуживают этой чести, от которой неотделимы безмерное смирение, труд и заботы. И только таких людей тогда находили и настойчиво склоняли служить Господу. Это я упомянул к тому, что мистеру Донну, не в пример многим другим, нельзя приписать ни безоглядности, ни излишнего рвения в стремлении принять сан, кои могли бы свидетельствовать о том, что человек к сему не готов или непригоден. Ибо мистер Донн размышлял долго, и пережил много внутренних борений, связанных со строгостью образа жизни и величайшей ученостью, взыскуемыми с того, кто становится священником; и несомненно, думая о своих слабостях, он вопрошал Господа со смирением святого Павла: «И кто способен к сему?»²⁶ и кротостью Моисея: «Господи, кто я?» И конечно же, обратись он с этим вопросом к плоти и крови своим, он по упомянутым причинам не рискнул бы возложить руку на плуг Господень. Но Бог, которого дело торжествовать, боролся с ним, как ангел с Иаковом, и его отметил; отметил его для Себя; отметил Своим благословением, каковым является покорность воле Духа Святого. И как прежде спрашивал он Господа вместе с Моисеем: «Господи, кто я?»²⁷, так потом, вдохновленный пониманием того, что Господь отметил его своей особой милостью, явленной в настояниях короля и других людей, он мог, исполненный благодарности, спросить вместе с царем Давидом: «Кто я есть, что Ты помнишь меня?»²⁸ Так помнишь, что сорок лет водил меня по пустыне бесчисленных искушений и опасностей жизни; столь милостив ко мне, что подвиг ученейшего из королей снизойти ко мне, склоняя меня к тому, чтобы я служил у алтаря! Столь милостив ко мне, что наконец отверз мое сердце, дабы я принял в него это священное указание; волю Твою я хочу и буду принимать впредь; и теперь я говорю вместе с пресвятой девой: «Се, раб Господень, да будет мне по слову твоему»²⁹; и, подобно Иисусу Христу, да святится имя Его, я приемлю чашу спасения, и буду возвещать слово Твое, и проповедовать Твое евангелие.

Такую же внутреннюю борьбу пережил блаженный Августин³⁰, когда святой Амвросий стремился обратить его в христианство; о ней поведал будущий отец церкви своему другу Алипию. И ученейший автор наш, которому не пристало выбирать для подражания образец более заурядный, пошел по его стопам. Когда же он объявил о своих намерениях своему близкому другу доктору Кингу³¹, в то время епископу Лондона, человеку, весьма известному в своем поколении, который знал, сколь велики способности мистера Донна, ибо был капелланом у Его Светлости лорда-канцлера тогда же, когда мистер Донн секретарем, его преподобие с великой радостью принял эту новость, и после того как выразил свои чувства и пожелал мистеру Донну быть твердым на избранном им богоугодном пути, постарался как можно скорее назначить его сперва дьяконом, а потом священником.

Так англиканская церковь обрела второго блаженного Августина, ибо я полагаю, что никто, кроме мистера Донна, до принятия сана не был более похож на него до его обращения, а после принятия сана не напоминал более святого Амвросия; и если в юности поведению мистера Донна были присущи недостатки первого, то в зрелом возрасте он обладал всеми совершенствами второго, а также святостью и ученостью обоих.

И теперь все его изыскания, когда-то столь разнонаправленные, целиком сосредоточились на богословии. У него появилось новое призвание, новые мысли, новая возможность приложить свой ум и красноречие. Теперь все его земные привязанности претворились в Божественную любовь. И все свои способности и душевные силы он устремил на обращение ближних, возвещая о благе прощения, которое изольется на раскаявшихся грешников, и о мире для страждущих душ. Этому он предался, исполненный старания и усердия; и занятия эти так изменили его изнутри, что теперь он мог воскликнуть подобно царю Давиду: «Как вожделенны жилища твои, Господи сил»³². И теперь он объявил, что если он «просил у Бога благословения на мирских путях, то Бог благословил его на пути духовном»; и что «он испытывает большую радость, будучи привратником в Доме Божиим, нежели мог бы испытать на самом благородном из мирских поприщ».

Вскоре после того как он принял духовный сан, король призвал его к себе, назначил своим капелланом-ординарием и обещал позаботиться о его повышении в чине. И хотя у него было столько давних друзей среди ученых, а также людей выдающихся, что другому это придало бы смелость выступить перед самой взыскательной аудиторией, однако его не удавалось к этому склонить; напротив, он проявлял в своем новом качестве такую скромность, что обыкновенно ехал, сопровождаемый одним из своих друзей, чтобы без особой огласки прочесть проповедь в какой-нибудь соседней с Лондоном деревне, причем первую в своей жизни проповедь прочел в Паддингтоне. Так поступал он до тех пор, пока король не послал за ним и не назначил дня, когда мистеру Донну предстояло проповедовать перед

Его Величеством во дворце Уайтхолл; и хотя король и его приближенные ожидали от мистера Донна многого, он был безмерно счастлив, ибо не только оправдал их надежды, но и превзошел. Ибо видно было, когда он проповедовал Слово Господне, что сердцем его владеют те самые мысли и радости, какие он стремился внушить другим. Проповедник искренний и ревностный, он рыдал порой для внимавших ему, а порой вместе с ними; он проповедовал всегда сам для себя, словно ангел в облаке, но без оногo; каких-то слушателей своих он, подобно святому Павлу, возносил в небеса в священных порывах; других, увлекая своим набожным искусством и лъстя их чувствам, подвигал исправить свою жизнь, ибо живописал порок так, что предающимся ему он становился ненавистен, а добродетель так, что ее начинали любить прежде ее не любившие; и все речи его были отмечены необычайным благородством и неизъяснимым очарованием.

Кто-то может склониться к мысли (но только те люди, которые его не слышали), что мои чувства к моему другу побудили меня преувеличивать достоинства его проповедей. Для подобных читателей, пускай они окажутся в меньшинстве, да будет мне позволено привести, чтобы они получили двойное свидетельство моей правоты, часть из элегии на смерть доктора Донна, которую написал достойнейший джентльмен, мистер Чидли, регулярно слушавший его проповеди:

*... Он жег себя на многих алтарях.
Хранил любовь, лишась ее предмета.
На острый ум не наложил запрета,
Но указал ему предел и меру,
В наставницы ему избравши веру.
А потому, скажите мне, кто мог
С такою силой обличить порок?
И Набожность ужели надела
Пленительней и ярче покрывало,
Чем то, что выткали его уста?
Была Греху укором Красота,
Испорченность, закрыв лицо свое,
Боясь, что вера соблазнит ее,
Внимала с трепетом его речам.
Как он умел, польстив людским сердцам,
Их сделать лучше?..*

Такого рода свидетельств можно привести много, но я воздержусь и вернуться к своему повествованию.

Тем же летом, каким он принял сан и стал капелланом короля, Его Величество, отправившись в поездку по своей стране, принял приглашение почтить своим присутствием прием в Кембриджском университете³³; мистер

Донн сопровождал его в этой поездке, и король с радостью ходатайствовал перед университетом о том, чтобы мистеру Донну было дано звание доктора теологии. Доктор Харснетт, впоследствии архиепископ Йорка, был в то время вице-канцлером университета, и зная, что перу мистера Донна принадлежит «Псевдомученик», книга, свидетельствующая о его глубокой учености, не пожелал дальнейших ее доказательств, но с радостью предложил этот труд коллегам, которые тут же его одобрили и выразили удовольствие, что отрадное стечение обстоятельств позволило им принять мистера Донна в свою круг, увенчав его степенью. Его способности и слава как проповедника были столь велики, и он был столь хорошо известен достойным и влиятельным людям и любим ими, что уже в первый год после принятия сана ему предложили четырнадцать приходов, но все они были за городом, он же не мог покинуть свой любимый Лондон, к которому питал естественную привязанность, ибо в нем родился, получил образование и обрел дружбу многих людей, беседы с которыми умножали для него радости жизни; но будь ему предложено место в Лондоне, он принял бы его с радостью, ибо в нем нуждался.

Сразу после его возвращения из Кембриджа жена его умерла, оставив его вдовцом в стесненных обстоятельствах, с запутанными денежными делами и с семьей детьми (еще пятерых они похоронили прежде), о которых он нежно заботился и которым по собственной воле пообещал, что никогда не препоручит их мачехе, и обещание это свято выполнил, похоронив в могиле своей горячо любимой и достойной супруги все свои земные радости и избрав для себя самую одинокую и замкнутую жизнь.

В уединении своем, редко нарушаемом даже друзьями, он умерщвлял себя для мира, для всех тех тщетных дел и мнимых наслаждений, которые каждый день предстают перед нами на его разукрашенной и шумной сцене, и они для него совершенно умерли. Нетрудно вообразить себе, ибо несчастья имеют обыкновение изменять и возвышать страсти, что величайшая привязанность, какая прежде соединяла его и ту, что была его спутницей с юности и светом его очей, ту, с кем разделил он столько счастливых печалей и отрадных опасений, сколько заурядным людям испытать не дано, так вот, нетрудно вообразить себе, что теперь, когда смерть их разлучила, скорбь его стала столь же безмерной, сколь прежде были восторги; и так оно и было, ибо душа его теперь состояла только из одной печали и горе так овладело его сердцем, что места для радости в нем не осталось, и если и была для него какая-то радость, то состояла она в том, чтобы в одиночестве, подобно пеликану в пустыне, оплакивать свою долю, не стесняясь свидетелей, и изливать свои жалобы, подобно Иову в дни бедствий: «О, когда бы сбылось желание мое и чаяние мое исполнил Бог!»³⁴. Потому что с тех пор, как ее домом стала могила, я тороплю день, когда она станет и моим домом, чтобы два ложа наши были рядом во мраке. Так плакали иудеи на реках Вавилонских, вспоминая Сион; и так же силился облегчить он свое страдающее серд-

це, изливая в словах печали свои; этим начинал он день, этим он встречал ночь; провожал бессонную ночь и начинал безрадостный день такими сетованиями. И продолжалось это до тех пор, пока не помыслил он о своем новом призвании и долге перед Всевышним и слова св. Павла: «Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнью, только бы с радостью совершить поприще мое и служение, которое я принял от Господа Иисуса, проповедать Евангелие благодати Божией»³⁵, пока слова эти не развеяли облаков, скрывавших от него надежду, и не побудили его узреть свет.

Первый раз он покинул свой дом для того, чтобы у места упокоения своей любимой жены, то есть в церкви Святого Клементя, что у ворот Темпл-Бар, в Лондоне, прочесть проповедь, которую он посвятил словам из Плача Иеремии: «Я человек, испытавший горе от жезла гнева Его»³⁶.

Его слова и облик его свидетельствовали, что стих этот действительно относился к нему, и они, вкуче с его слезами и вздохами, сопровождавшими проповедь, столь сильно влияли на чувства его слушателей, что те, глубоко растроганные, повергались в такую же печаль; но если в этом состоянии духа они выходили из церкви, то дома их ожидало утечи и душевное отдохновение; его же ожидала только скорбь при виде множества беспомощных детей, ибо он, будучи в стесненных обстоятельствах, думал о заботах и сложностях, связанных с их образованием.

В это печальное для него время почтенные бенчеры³⁷ Линкольнз-Инн, бывшие когда-то друзьями и спутниками его молодости, предложили ему у себя лектуру, которая освободилась, поскольку доктора Гейтекера перевели на другое место; мистер Донн принял это предложение, обрадованный, что может возобновить прерванную дружбу с теми, кого любил и в чьем обществе прежде был Саулом, ибо хотя ни коим образом не преследовал и не высмеивал христианство, но в продолжении своей бурной молодости пренебрегал его внешней, обрядовой стороной; теперь же он явился там Павлом, несущим слово спасения своим возлюбленным собратьям.

И теперь его жизнь в кругу его друзей сияла, как светоч; она была образцом строгости и правильности; теперь он мог сказать им, как святой Павел своим коринфянам: «Будьте подражателями мне, как я Христу»³⁸, и ходите так, словно я служу вам примером»; примером не хлопот и суеты, но примером исполненной умозрений, безгрешной, смиренной и праведной жизни и речений.

Упомянутое благородное сообщество выражало свою любовь к нему многими способами; кроме того, что ему выделили и заново обставили хоршее жилище со всем, что нужно, ему каждый день оказывали все новые любезности столь щедро, словно дающие стремились, чтобы их благодарность превзошла его достоинства. И в этой борьбе достоинств и великодушия прошли два года, когда он проповедовал им постоянно и истово, а они щедро вознаграждали его. По прошествии этого срока император Германии

умер и Пфальцграф, незадолго до этого женившийся на леди Элизабет, единственной дочери короля, был избран королем Богемии и коронован, что принесло впоследствии множество несчастий ее народу.

Король Иаков I, чей девиз *Beati pacifici*³⁹ действительно выражал чаянья его сердца, пытался сперва предотвратить, а потом примирить противоречия, раздиравшие эту страну; в числе прочих имеющих эту цель предприятий, он направил лорда Хея, графа Донкастера, послом к враждующим князьям Богемии; и по специальному распоряжению Его Величества, доктор Донн отправился сопровождать графа и оказывать ему помощь в этой миссии; чему граф был очень рад, так как всегда ценил его высочайшим образом и получал величайшее удовольствие, беседуя с ним или слушая его рассуждения; и радость его друзей из Линкольнз-Инн была ничуть не меньше, ибо они боялись, что его изнурительные занятия богословием и скорбь по умершей жене, говоря словами Иакова, грозят тем, что дни его жизни будут «малы и несчастны»⁴⁰; на что указывало множество видимых признаков.

Со своими друзьями из Линкольнз-Инн он расстался, как и они с ним, с величайшим сожалением, и хотя он не мог сказать им, как св. Павел свои ефесянам «И ныне, вот, я знаю, что уже не увидите лица моего все вы, между которыми ходил я, проповедуя Царство Божие»⁴¹ и все же он, полагая себя чахоточным, поневоле задавался вопросом, не в последний ли раз он их видит, и они опасались того же. Но Господь Бог, Бог мудрости и даритель блага, обратил все к лучшему, ибо эта миссия, независимо от того, каким был ее исход, не только отвлекла его от чересчур упорных трудов и печальных мыслей, но и, как кажется, вдохнула в него новую жизнь благодаря счастливой возможности узреть своими глазами, что его дражайшая и высокочтимая повелительница, королева Богемии, пребывает в полном здравии; а также благодаря тому, что он был свидетелем того величайшего удовольствия, какое выразила при встрече с ним в чужой ему стране она, которая прежде знала его как придворного, а теперь была рада увидеть в одеянии священнослужителя и еще больше рада убедиться в великолепии и могуществе его проповеднического дара.

Примерно через четырнадцать месяцев после отъезда из Англии он вернулся к своим друзьям в Линкольнз-Инн, причем скорбь его умерилась, а здоровье улучшилось; и он возобновил свои труды и проповеди.

Примерно через год после его возвращения из Германии доктор Кари был назначен епископом Эксетера, и когда благодаря этому его перемещению освободилось место настоятеля собора Святого Павла, король послал за доктором Донном и повелел, чтобы тот присутствовал у него на обеде на следующий день. Когда Его Величество сел за стол, то еще до того как прикоснуться к мясу, он с присущим ему благорасположением произнес: «Доктор Донн, я пригласил вас к обеду; и хотя вы не сядете со мной за стол, я угощу вас блюдом, которое, уверен, придется вам по вкусу; ибо, зная вашу лю-

бовь к Лондону, я назначаю вас настоятелем собора Святого Павла, и когда я завершу трапезу, тогда вы сможете отправиться со своим любимым блюдом в свой кабинет, произнести благодарственную молитву, и да принесет оно вам много радости».

Сразу же по вступлении в должность настоятеля собора Святого Павла он нанял рабочих для того, чтобы обновить и украсить часовню в доме настоятеля, радея о том же, в чем клялся святой Давид, говоря: «...ревность по доме Твоем сдает меня»⁴².

Еще через три месяца отец его покойной жены, сэр Джордж Мур, который с течением времени проникся к нему любовью и восхищением, приехал, чтобы уплатить ему условленную сумму в двадцать фунтов, он отказался принять ее и сказал, подобно Иакову, когда тот узнал, что его возлюбленный сын Иосиф жив: «Довольно⁴³. Вы были добры ко мне и моей семье: и я знаю, что ваше нынешнее положение не таково, чтобы вы могли оказывать благодеяния безболезненно для себя, и надеюсь, мое таково или будет таким, чтобы в них не нуждаться; а потому я не хотел бы получать от вас более этих денег»; и в подкрепление своих слов по собственной воле вернул сэру Джорджу его письменное обязательство.

Сразу после того как он стал настоятелем, к нему по причине смерти доктора Уайта перешла должность викария церкви Святого Дунстана⁴⁴ в Уэстэнде, причем право распределять соответствующие бенефиции даровал ему задолго до этого события его достопочтенный друг Ричард, граф Дорсет, в то время бывший патроном, и подтвердил его брат, недавно умерший Эдвард, оба люди, отмеченные величайшими достоинствами.

Это, а также другое, связанное с его саном даяние, коим облагодетельствовал его примерно тогда же, но немногим ранее, граф Кент, позволили ему оказывать вспомоществование бедным, быть щедрым с друзьями и позаботиться о своих детях так, чтобы их состояние подобало их и его положению и достоинствам.

Во время следующего заседания парламента, бывшего в том же году, его избрали пролокьютором конвокации⁴⁵ и примерно в то же время по приказу короля, его всемилостивейшего повелителя, он прочел немало дополнительных проповедей как у Сент-Полз-Кросс, так и в других местах, причем исполнял свой долг священнослужителя так, что им восхищалось духовенство всей страны.

Примерно в эту же пору его жизнь единственный раз омрачило недовольство короля, которому какой-то злокозненный наушник нашептал, что доктора Донна затронули вредные веяния, возникшие среди духовенства, и он распускает слухи о том, что король склоняется к католицизму; в частности, это было связано с указом короля о том, что вечерние воскресные проповеди должны свестись к преподаванию катехизиса, к толкованию «Символа веры», заповедей и «Отче наш».

Король был тем более склонен поверить этому навету, поскольку тогда же некий знатный и весьма известный человек, с которым доктор Донн был весьма дружен и чье имя я не стану упоминать, пока у меня не будет более приятного для этого повода, был отлучен от двора и заслуженно заключен в тюрьму, что вызвало немало кривотолков, ибо в этой стране простолудин кажется себе умным только тогда, когда рассуждает о том, в чем не разбирается, в частности, о религии.

Королю услышанное о докторе Донне доставило столько огорчений и беспокойства, что он не пожелал томиться сомнениями до утра, но сразу же послал за доктором Донном и попросил того дать ответ на упомянутые обвинения; и его объяснения оказались такими ясными и настолько удовлетворительными для короля, что, по его словам, «он был рад, что доктор Донн более не находится под подозрением». Услышав это, доктор Донн упал на колени, поблагодарил Его Величество и торжественно уверил его, что говорил правдиво и чистосердечно, и в словах его нет никаких противоречий, а потому он желал бы «не вставать с колен до тех пор, пока не получит от Его Величества, как обычно получал в подобных случаях от Господа Бога, какого-либо знака, что теперь предстоит пред Его очами чистый и незапятнанный». В ответ на это король собственными руками поднял его с колен и «торжественно проговорил, что верит ему, считает его человеком чести и не сомневается в его любви к своему монарху».

И отпустив его с этими словами, он призвал к себе нескольких лордов, членов Тайного совета, и торжественно произнес следующее: «Мой доктор богословия человек чести; и да будет известно моим лордам, я никогда не получал ни от кого объяснений, более удовлетворявших меня, чем те, которые он дал мне сегодня; и я неизменно радуюсь при мысли от том, что я был орудием, посредством которого Господь направил его на путь служителя церкви».

Он стал настоятелем на пятидесятом году жизни; а на пятьдесят четвертом году жизни его постиг опасный недуг, совершенно истощивший его силы; но он мог возблагодарить Господа словами Иова: «...попечение Твое хранило дух мой»⁴⁶, ибо его ум остался таким же ясным и совершенным, как до этой долгой болезни, грозившей ему смертью, которой он не страшился.

Когда он пребывал в этом состоянии телесной немощи, его близкий друг, доктор Генри Кингх, тогда главный пастор-резидент собора⁴⁷, а впоследствии епископ Чичестера, человек, весьма известный среди духовных лиц Великобритании и славящийся своим благорасположением и отзывчивостью, посещал его каждый день; и видя, что он очень слаб, а потому возможность его выздоровления кажется сомнительной, выбрал время, которое счел подходящим, чтобы обратиться к нему с таким предложением:

«Господин настоятель, мне, благодаря вашему ко мне доверию, известно ваше нынешнее имущественное положение, а вам известно, какое предло-

жение мы получили недавно касательно возобновления аренды лучших церковных имений⁴⁸, и вы знаете, что ответом на него был отказ, так как наш наниматель, будучи весьма богатым, предложил нам штраф, совершенно не соответствующий тем выгодам, какие он имел благодаря аренде; но я либо склоню его к выплате большей суммы, либо позабочусь о том, чтобы другие резиденты приняли предлагаемое; либо то, либо другое я готов в случае вашего согласия сделать незамедлительно, причем это ничем не обременит вас ни телесно, ни духовно; я настоятельно прошу вас согласиться на это, ибо таким образом вы существенно увеличите свое состояние, а вы, как мне известно, в этом нуждаетесь»⁴⁹.

Немного помолчав, доктор Донн приподнялся в постели и ответил на это следующее:

«Мой дражайший друг, я смиренно благодарю вас за оказанные мне бесчисленные любезности, и за эту в том числе; но в нынешнем моем состоянии я не могу принять ваше предложение; ибо несомненно существует такой грех, как святотатство; если бы его не было, он не упоминался бы в Писании; и на заре христианства священники бдили, дабы пресечь любые проявления этого зла, а верующие взирали на него с ужасом и отвращением, считая его прямым вызовом могуществу и провидению Божию, а также прямым признаком упадка веры. Но эти христиане, которые в смутные времена предавались постам и молитвам, ибо тогда ими руководили благочестивейшие пастыри, могут олицетворять упрек нашему времени, избыливающему людьми, которые заняты мелочными вопросами и подробностями церковных обрядов и ожесточенно спорят о них, но настолько далеки от того, чтобы заподозрить в чем-то святотатство, словно не имеют представления о существовании последнего; но я, благодарение Богу, имею; и потому не дерзну на одре болезни, когда по воле Всемогущего Господа не могу приносить пользу, служа церкви, воспользоваться преимуществами, даваемыми этой службой. Но если Ему будет угодно восстановить мое здоровье настолько, что я снова смогу служить у Его алтаря, я с радостью приму то вознаграждение, которое щедрые благодетели в лоне нашей церкви мне предназначили; ибо, видит Бог, оно воистину понадобится моим детям и родственникам. В частности, я не могу забыть своим попечением мою мать, чье легкоеверие и щедрость сделали ее некогда весьма значительные средства весьма жалкими. Но, доктор Кинг, если я не поправлюсь, то распоряжаться оставшимся после меня небольшим земным достоянием, которое кажется особенно скромным при мысли о том, что его предстоит разделить на восемь частей, я поручаю вам, моему самому верному другу как душеприказчику, если вы по своему милосердию согласитесь оказать мне такую любезность; в вашей же заботливости и справедливости я не сомневаюсь так же, как в благословении Господнем, какое почитает на том, что я для моих близких кропотливо собрал; но собранное не пристало увеличивать, пока я пребываю на одре болезни; таково мое решение, и оно неколебимо».

Единственным ответом на эти слова было обещание выполнить его просьбу.

Через несколько дней состояние духа его улучшилось; и по мере того как прибывали его силы, все большей становилась его благодарность Господу Всемогущему, что подтверждает его прекрасная «Книга молитв и благочестивых размышлений»⁵⁰, которую он выпустил после выздоровления; в ней читателю предстанут облаченными в слова и явленными свету самые тайные мысли, владевшие его душой во время недуга; книгу эту можно по праву назвать священной картиной духовных восторгов и прозрений, которые можно соотнести с проявлениями его болезни, причем последние зачастую служили для них поводом; эту книгу, состоящую из размышлений, изысканий и молитв, он написал на одре болезни; тем самым уподобившись библейским патриархам, какие имели обыкновение воздвигать алтари там, где получали благословение от Бога.

Болезнь привела его столь близко к вратам смерти, и он столь ясно видел могилу, уже готовую его пожрать, что, по его собственным словам, его выздоровление было делом сверхъестественных сил, но по воле Господа, тогда вернувшего ему здоровье, он сохранял его и в пятьдесят восемь лет; на пятьдесят девятом же году жизни⁵¹, в августе 1630 года, когда он в обществе своей старшей дочери, миссис Харви, находился в Эбери Хетч, графство Эссекс, у него началась лихорадка, которая наряду с его обычным недугом – разлитием желчи и приступами меланхолии – столь стремительно и явно вела его к угасанию, что бывшие при нем могли сказать о нем то же, что говорил о себе святой Павел: «Он каждый день умирает»⁵²; и он мог произнести вместе с Иовом: «Как ветер, развеялось величие мое; и ныне изливается душа моя во мне; дни скорби объяли меня; и ночи скорбные отчислены мне»⁵³.

Читатель, болезнь эта тянулась долго и не только ослабляла, но и утомляла его настолько, что я желал бы сейчас дать ему покой; и до того как я расскажу об его смерти, надеюсь, ты не сочтешь неуместным отступление от повествования, позволяющее тебе вместе со мною оглянуться назад и мысленным взором окинуть некоторые подробности его жизни, которые, пока его дух отдыхает, погруженный в полусон, могут послужить тебе упражнением для ума и пищей для размышлений, которые кажутся мне уместными.

Его брак был самой ошеломляющей ошибкой в его жизни; ошибкой, которую он при всем своем остром и склонном к парадоксам уме отнюдь не оправдывал; и хотя по возрасту его невеста была вправе распоряжаться собой, а также имелись и другие резоны, по справедливости позволявшие порицать его за этот поступок не столь сурово, тем не менее ему случалось осуждать себя за него, и несомненно, он горько раскаивался бы в нем, если бы Господь не благословил обоих супругов столь сильной и взаимной сердечной привязанностью, что она даже в пору тягот делала хлеб скорби для них более приятным, нежели те яства, какие вкушают на пирах скучные и не способные воспарить духом люди.

В молодости досуг его скрашивала поэзия, в занятиях коей он так преуспел, словно само мироздание во всем его многообразии существовало только для того, чтобы дать пищу его острому уму и возвышенной фантазии; и этим творениям, которые в большинстве своем были созданы до того, как ему исполнилось двадцать лет, написаны в шутку и хранимы где и у кого придется, присуща такая изысканность метафор, будто природа и все искусства, вместе взятые, явив все лучшее, что они способны создать, пришли к нему на помощь.

Правда и то, что в годы раскаянья, перечитывая свои произведения, которые он так небрежно, видит Бог, слишком небрежно рассылал и раздаривал в молодости, он желал, чтобы они уже тогда были уничтожены или чтобы краткость их века позволила ему самому лицезреть их похороны; однако он не отпал от небесной поэзии настолько, чтобы вовсе оставить занятия ею; в особенности это верно для последних лет его жизни, каковые отмечены созданием множества религиозных сонетов, а также других возвышенных, исполненных благочестия и гармонии сочинений. Да, даже на одре своей предпоследней болезни он написал нижеследующий блистательный гимн, выражающий великую радость, владевшую его душой, ибо, слагая эти стихи, пребывал в уверенности, что милость Божия почует на нем.

ГИМН БОГУ-ОТЦУ

Простишь ли грех, в котором я зачат? —
Он тоже мой, хоть до меня свершен, —
И те грехи, что я творил стократ
И днесь творю, печалью сокрушен?
Простил?.. И все ж я в большем виноват
И не прощен!

Простишь ли грех, которым те грешат,
Кто мною был когда-то совращен?
И грех, что я отринул год назад,
Хоть был десятки лет им обольщен,
Простил?.. И все ж я в большем виноват
И не прощен!

Мой грех — сомненье: в час, когда призвать
Меня решишь, я буду ли спасен?
Клянись, что Сын твой будет мне сиять
В мой смертный миг, как днесь сияет Он!
Раз Ты поклялся, я не виноват,
И я прощен!..

Я упоминаю здесь эти стихи, потому что их по просьбе автора положили на величавую и торжественную музыку и он часто слышал их из уст хора певчих собора Святого Павла, в особенности во время вечерней службы; и однажды, придя домой после своих обычных трудов в соборе, он сказал некоему своему другу: «Слова этого гимна вернули мне те же мысли и радости, какие владели моей душой во время болезни, когда я его слагал. И, хвала могуществу церковной музыки, та гармония, которую привнесла она в этот гимн, оживила во мне сердечные привязанности, и я затрепетал, исполнившись благодарности и восторга перед Господом; и я заметил, что всегда возвращаюсь после выполнения моих пастырских обязанностей, то есть после прилюдной молитвы и вознесения хвалы Господу, проникнувшись величайшим душевным спокойствием и желанием оставить этот мир»⁵⁴.

Именно с таким чувством апостолы и лучшие из христиан в первые века после пришествия Спасителя возносили молитвы Всемогущему Богу. А тот, кто читал житие блаженного Августина, вспомнит, что незадолго до кончины он проливал слезы, горюя о том, что враги христиан обрушились на них, осквернили или сокрушили их святилища, а также потому, что из их храмов исчезли книги гимнов и песнопений. И с таким же пылом многие благочестивые душой воздевали руки горе и предлагали свои угодные Господу жертвования, там, где доктор Донн предложил Ему свое и где ныне покоится.

Но теперь, о Господи, как же опустело место сие⁵⁵.

До того как я продолжу свое повествование, мне кажется уместным поведать читателю, что незадолго до смерти он заказал изображение Христа, распятого на якорю, похожее на то, какое делают художники, когда хотят изобразить Христа распятым на кресте; заказанное же им имело только то отличие, что тело Спасителя было пригвождено не к кресту, но к якорю – символу надежды; рисунок этот был миниатюрным, и по нему немало камей было вырезано на гелиотропах, которые затем оправали в золото, и он послал их многим из своих ближайших друзей, чтобы эти камни служили им печатками или были вделаны в перстни и остались у получателей как память о нем и о его привязанности.

Увы, среди обладателей этих подарков не было таких его друзей и благодетелей, как сэр Роберт Гудьер, сэр Роберт Друри и леди Магдален Герберт⁵⁶, мать Джорджа Герберта, ибо они избавились от оков плоти и стали добычей могилы ранее него; но эту эмблему получили сэр Генри Уоттон, а также ныне покойный доктор Холл⁵⁷, бывший тогда епископом Нориджа, а также доктор Даппа⁵⁸, он же епископ Солбери, и доктор Генри Кинг, оба ныне⁵⁹ покойные, которые были отмечены таким счастливым сочетанием обширной учености, природного красноречия и христианского смирения, что честь прославить их память должна принадлежать перу, не уступающему их собственным, доселе непрезойденным.

В этом перечне его друзей я многих принужден опустить, имя же Джорджа Герберта, человека, в самой природе которого было заложено благочестие, я обойти вниманием не могу; я имею в виду Джорджа Герберта, автора книги «Храм, или религиозные стихи и пылкие обращения к Богу». Это книга, где автор, явив миру противоречия, раздиравшие его собственную душу, успокоил немало других, мятущихся и угнетенных, и очарованием своих писаний увлек их на стезю приятных и спокойных размышлений; книга, при частом обращении к которой, благодаря гению, вдохновлявшему, как кажется, ее автора, читатель привыкает пребывать в набожном и умиротворенном состоянии, и ему становятся доступны все дары небес и Святого Духа, а при чтении ревностном и усердном он может сохранить их священный огонь горящим на алтаре сердца столь чистого, что они освободят его от забот мира сего и всецело обратят к миру горнему. Упомянутого Джорджа Герберта и доктора Донна связывала долгая и близкая дружба, порожденная таким сходством душевных устремлений, что каждый искал общества другого и ему радовался; эта дружба подкреплялась множеством священных знаков взаимной приязни, чему свидетельством может служить, в частности, и следующее стихотворение:

МИСТЕРУ ДЖОРДЖУ ГЕРБЕРТУ
*(посланные ему вместе с моей печатью,
 на которой вырезаны Христос и якорь)*

Qui prius assuetus serpentum falce tabellas
 Signare, hæc nostræ symbola parva domus,
 Adscitus domui Domini* –

Печатью мне была Вязанка Змей,
 Что украшала Щит семьи моей.
 Днесь, поспешая к Богу моему,
 Отбросив старый, новый герб возьму.
 Крест (коего Печатью я крещен)
 На этом камне в Якорь превращен.
 Се знак: терпи тот Крест, что ты несешь,
 И Крест твой в Якорь превратится тож.
 И повторится чудо много раз
 Христом, распятым на Кресте за нас.
 Но и Змею оставил я себе
 (Господь не возбраняет) на гербе.

* Тот, кто первым ввел в обычай помечать написанное изображением змей, а это скромный символ нашего рода, введен в дом Божий...

Змея есть символ мудрости земной,
 Питающейся прахом, то есть мной.
 Она есть смерть, вокруг Древа обвита;
 Но жизнь, вокруг обвитая Креста.
 Распни же все, что взято от земли,
 И милости у Господа моли.
 Крест, ставший якорем, – сию печать,
 Как Катехизис, можно изучать.
 Прими ее как дружбы малый знак
 С молитвами и с пожеланьем благ.
 И пусть защитой будет над тобой
 Большой Печати рыцарь – Ангел твой*.

ОТВЕТ

IN SACRAM ANCHORAM PICATORIS**

Quod Crux nequibat fixa clavique additi,
 Tenere Chrisum scilicet ne ascenderet,
 Tuive Chrisum...***

*Крест удержать Спасителя не мог:
 С него Христос вознесся в своей чертог
 Пока ты говоришь, твои уста
 Привлечь на якорь могут и Христа.
 Мудрей, чем змий, ты сотворил печать,
 Чтоб землю с морем в камне обвенчать
 И показать, Кто искупил их пир.
 Пусть крутится, разматываясь, мир,
 Мы верим, что егос ященый трос
 Сохранен будет между бурь и гроз.*

Джордж Герберт

Я возвращаюсь к своему повествованию, чтобы поведать читателю, что помимо этих стихов, обращенных к его дорогому другу, мистеру Герберту, и того гимна, который, как я уже упоминал, звучал под сводами собора Святого Павла, доктор Донн также скоротал и скрасил себе немало часов печали, сочинив еще множество богоугодных песен и стихов; а на смертном одре он написал гимн, который носит следующее название:

* Перевод Г. Кружкова.

** «К священному якорю рыбака».

*** Как не смогли крест и гвозди удержать Христа, чтобы он не вознесся, так и тебе Христа... (пер. с лат.).

ГИМН БОГУ, МОЕМУ БОГУ,
НАПИСАННЫЙ ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

У твоего чертога, у дверей –
 За ними хор святых псалмы поет –
Я стать готовлюсь музыкой твоей.
 Настрою струны: скоро мой черед...
 О, что теперь со мной произойдет?..

И вот меня, как карту, расстелив,
 Врач занят изученьем новых мест,
И, вновь открытый отыскав пролив,
 Он молвит: «Малярия». Ставит крест.
 Конец. Мне ясен мой маршрут: зюйд-вест.

Я рад в проливах встретить свой закат,
 Вспять по волнам вернуться не дано,
Как связан запад на любой из карт
 С востоком (я ведь – карты полотно), –
 Так смерть и воскресенье суть одно.

Мой дом – он там, где Тихий океан?
 Восток роскошный? Иерусалим?
Брег Магеллана? Гибралтар? Аньян?
 Я поплыву туда путем прямым,
 Где обитали Хам, Яфет и Сим.

Голгофа – там, где рай шумел земной,
 Распятые – где Адам сорвал свой плод...
Так два Адама встретились со мной:
 От первого – на лбу горячий пот,
 Второй – пусть кровью душу мне спасет...

Прими меня – в сей красной пелене,
 Нимб, вместо терний, дай мне обрести.
Как пастырю, внимали люди мне,
 Теперь, моя душа, сама вмести:
 «Бог низвергает, чтобы вознести!..»*

Если оценивать эти стихи возьмется человек, чья душа слишком погрязла в земных заботах и потому не способна судить о сих возвышенных порывах и озарениях, то да будет ему известно, что множество праведных и глубоко

* Перевод Д. Щедровицкого.

верующих людей сочли душу Пруденция⁶⁰ весьма утонченной, когда, незадолго до кончины, он «задал ей урок, решив каждое утро и каждый вечер приносить Богу в дар новую духовную песню»; примером ему служил царь Давид и царь Езекия, который, когда продлились дни его, принес Всемогущему Богу благодарственные обеты, завершив свою молитву после выздоровления⁶¹ следующими словами: «Господь спасет меня; и мы во все дни жизни нашей со звуками струн моих будем воспевать песни в доме Господнем».

Последнее десятилетие жизни доктора Донна можно назвать годами постоянных штудий, ибо обычно он проповедовал раз в неделю или чаще, а после проповеди не давал своим глазам отдохновения, покуда не выбирал для себя нового текста из Св. Писания, причем в тот же вечер находил для своей проповеди надлежащую форму и разделял выбранный текст на соответствующие своему замыслу части; на следующий день он сопоставлял свои мысли с трудами отцов церкви и вверял продуманное им своей памяти, каковая была превосходной. Но по субботам он обычно давал себе и своему разуму отдых от бремени постоянных размышлений и посвящал эти дни посещениям своих друзей или еще чему-либо, что помогало ему отвлечься от привычных мыслей; и имел обыкновение говорить, что «таким образом дает своему телу и духу возможность освежиться, дабы на следующий день продолжить свои труды не робко, но с отвагой и бодростью».

Он отличался прилежанием не только в этом возрасте, но и в самые бурные дни своей молодости, когда не задерживался в постели после четырех часов утра и никакие обыденные дела не могли побудить его выйти из дому ранее десяти; причем эту первую часть суток он целиком посвящал своим штудиям; однако же остальное время вел себя весьма вольно. А если читателям во все это нелегко поверить, их могут убедить видимые плоды его трудов, часть коих служит подтверждением вышесказанного; ибо после него остались выжимки из сочинений более чем 1400 авторов, большую часть которых он сам проштудировал и собственноручно сократил; а также около ста двадцати проповедей, написанных им самим, и подробный, отличающийся точностью рассуждений трактат о самоубийстве, называемый Биатанатос, в котором он прилежно изложил и подверг суду разума все законы, нарушаемые этим действием. Данный трактат, написанный им еще в молодости, свидетельствует о том, что он уже тогда в совершенстве изучил не только гражданское и церковное право, но и углубился в познание множества других связанных с ними штудий и прибегал к аргументам, недоступным большинству тех людей, что из кожи вон лезут, дабы считаться великими законниками, и делают вид, что все на свете знают.

Кроме того, в его кабинете остались краткие сведения обо всех сколь-нибудь значительных для общества событиях, происшедших в Англии или в соседних с ней странах, написанные либо на их языке, либо на латыни и сохраненные им на память как полезные сведения. Также он хранил списки с различных посланий и с других бумаг, связанных со спорными вопросами

чести, долга и религии в жизни своих друзей, причем на этих документах были пометы, содержавшие его собственные рассуждения и предлагаемые им решения; а также после него остались записи о других важных делах, составленные кропотливо и методично.

Он был готов расстаться с жизнью до того, как жизнь его покинула, и составил завещание, когда никакие из его пяти чувств, равно как и умственные способности не были ни изменены, ни ослаблены болью или недомоганием, и сам он не был жертвой внезапно охвативших его мыслей о смерти; напротив, оно было составлено осмыслительно и по зрелом размышлении, и в нем он выказал себя справедливым отцом, оделив всех детей поровну; и любящим другом, ибо оставил друзьям в наследство дары, тщательно выбранные и подходящие каждому. Я не могу удержаться от того, чтобы не упомянуть некоторых из них; ибо полагаю, этот перечень здесь весьма уместен; а именно, своему сводному брату, сэру Томасу Граймзу, он оставил часы с боем, которые всегда носил в кармане; своему дорогому другу и душеприказчику, доктору Кингу, епископу Чичестера, золотую медаль, отчеканенную в честь синода в Дорте⁶², которой его наградили Генеральные штаты⁶³ во время его последней поездки в Гаагу; и портреты падре Паоло и Фулжентио⁶⁴, с которыми он познакомился во время поездки в Италию и которые славились у себя на родине своей ученостью; своему старинному другу доктору Бруку, который венчал его, а впоследствии стал главой Тринити-Колледжа в Кембридже, он отказал изображение девы Марии и Святого Иосифа; доктору Уиннифу, который впоследствии сменил его на посту настоятеля, он завещал картину под названием «Скелет»; будущему настоятелю собора, чье имя было тогда еще неизвестно, он оставил много ценных и полезных для дома предметов; а также несколько картин и церковную утварь для часовни, с тем, чтобы их занесли в список церковного имущества, и они переходили от одного его преемника к другому. Графу Дорсету и графу Карлайлу он подарил несколько картин; эти вещи предназначались не для того, чтобы увеличить их богатство, но скорее для того, чтобы выразить его привязанность, и такого же рода дары он оставил многим своим друзьям; но по отношению к бедным он был сама щедрость, равно как по отношению к многим людям, которые, пользуясь его постоянными и длительными благодеяниями, могли считать, что живут за счет его милостей; обо всех них он позаботился, и с такой щедростью, которая, памятуя о том, что из детей его в живых осталось шестеро, многим может показаться излишней для его состояния. Я воздержусь от дальнейших перечислений, дабы читатель не решил, что я злоупотребляю его терпением; но прошу его уделить внимание началу и концу упомянутого завещания.

«Во имя святой и благословенной Троицы, аминь. Я, Джон Донн, священнослужитель, избравший это поприще по милости Христовой и призванный на него англиканской церковью, пребывая, хвала Господу, в здравом

уме и твердой памяти, изъявляю мою последнюю волю следующим образом и в следующей форме:

Во-первых, я всецело препоручаю моему всемилостивейшему Богу мою душу и тело, смиренно благодаря Его за то, что Его Святой Дух запечатлел в моем сердце уверенность в спасении первой и воскресении второго, а также за внушенную этим Духом неуклонную и укрепляющую меня решимость жить и умереть в той вере, какую возвещает миру Англиканская церковь. В чаянии этого воскресения я хочу, чтобы мое тело похоронили по возможности скромно и без огласки в том месте собора Святого Павла в Лондоне, который нынешние резиденты по моей просьбе для того предназначили...⁶⁵ Такова моя последняя воля и завещание, обдуманное в страхе Господнем, да помилует Он меня, о чем я молю со смирением и с постоянным упованием на Иисуса Христа, а также с любовью и благорасположением ко всем живущим, из коих я прошу прощения у каждого, начиная от последнего из моих слуг и кончая высочайшим из моих повелителей; сие написано моей собственной рукой на страницах, числом пять, на каждой из коих стоит моя подпись.

Скреплено печатью 13 декабря, в лето 1630».

Присушие ему самоотверженность, милосердие и сострадание явил он не только перед смертью, но постоянно выказывал при жизни, с радостью и весьма часто посещая друзей, когда те были удручены духом или оказывались в стесненных обстоятельствах; он заботился о нуждах узников и помог освободиться многим, кто попал в заключение по причине неуплаты мелких долгов или незначительных податей; он постоянно поддерживал не имеющих достаточных средств ученых и студентов, как английских, так и иноземных. Помимо того, что он раздавал собственноручно, он имел обыкновение посылать по праздникам, и в частности, на Пасху, слугу или надежного и осмотрительного приятеля, дабы те распределяли его дары во всех тюрьмах Лондона. Однажды он подарил сто фунтов старинному другу, о котором знал, что когда-то тот жил в достатке, но впоследствии, по причине его излишне щедрого сердца и легкомыслия дела его пришли в упадок; а когда тот отказался принять этот дар, заявив, что в нем не нуждается, ибо читатель может заметить, что как есть на свете благородные духом люди, которым легче мучиться, скрывая и претерпевая печальную бедность, нежели перенести тот стыд, который сопряжен с признанием в ней, так есть и другие, кои от природы и по милости Божией наделены столь нежной и сострадательной душой, что жалеют всех ближних и пытаются предотвратить их страдания. О сем я упоминаю, дабы воспроизвести ответ доктора Донна, который гласил: «Я знаю, что вы не нуждаетесь в средствах для поддержания жизни, ибо для этого нужно весьма немногое; но мое желание состоит в том, чтобы вы, который в дни достатка ободрял и укреплял удрученные сердца многих своих друзей, приняли бы теперь этот дар от меня как лекарство для

укрепления вашего собственного»; и на этих условиях предложенное было принято. Ему удавалось примирять своих друзей и родных, если в их семьях возникали разногласия, к чему он всегда относился весьма серьезно, ибо иначе вмешательство его не имело бы серьезных последствий; близкие же так полагались на его рассудительность и беспристрастность, что ни один его совет не пропал втуне. Он был преданным сыном и заботился о своей матери, до последних ее дней давая ей средства к существованию, коих она не имела бы, если бы Господь не сотворил его, дабы он мог печься о ней; она же, с младенчества возвращенная в католицизме, растратила все свое имение, находясь за границей, где могла свободно его исповедовать, и умерла в его доме за три месяца до его кончины.

И чтобы до конца разъяснить, как справедливо он распоряжался тем доходом, какой послал ему его Господь и Повелитель, я счел уместным поведать читателю, что после вступления в должность настоятеля он, подводя каждому году итоги, причем эти записи видели, помимо него, только Господь и Его ангелы, подсчитывал сначала свой доход, потом расходы на помощь бедным и на другие богоугодные цели, и только потом то, что оставалось для него и его домашних; а после того благословлял этот скромный остаток благодарственной молитвой; эти молитвы выказывают такое незаурядное религиозное чувство, что читатель должен ознакомиться с некоторыми из них такими, какими он их написал⁶⁶.

Итак, все, что остается в этом году... [1624–1625]

Deo Opt. Max. benigno largitori, a me, et ab iis quibus haec a me reservantur, Gloria et gratia in aeternum. Amen.*

Итак, в этом году [1626] Господь благословил меня и моих близких:

*Multiplicatae sunt super nos misericordiae tuae, Domine**.*

*Da, Domine, ut quae ex immensa bonitate tua nobis elargiri dignatus sis, in quorumcunque manus devenerint, in tuam semper cedat gloriam. Amen***.*

*In fine horum sex annorum manet...**** [1628–1629]*

Quod habeo quod non accepti a Domino? Largitur etiam ut quae largitus est sua iterum fiant, bono eorum usu; ut quemadmodum nec officiis hujus mundi,

* Бог Всемилостивый и Всемогущий, податель всех благ, возносимая мною и теми, для кого чрез меня отложена сия сумма, хвала Твоей славе и милости да пребудет вовеки.

** Щедроты Твои, Господи, умножились и излились на нас.

*** Сделай так, о Господи, чтобы те дары, какими по бесконечной щедрости и снисхождению Своему Ты осыпал нас, служили бы, в чьи бы руки они в последствии ни попали, к прославлению имени Твоего. Аминь.

**** По окончании этих шести лет остается.

nec loci in quo me posuit dignitati, nec servis, nec egenis, in toto hujus anni curriculo mihi conscius sum me defuisse; ita et liberi, quibus quae supersunt, supersunt, grato animo ea accipiant, et beneficum authorem recognoscant. Amen.*

На сем я кончаю мое долгое отступление.

Мы покинули доктора Донна в Эбери Хетч, графство Эссекс, где он занемог и вынужденно провел большую часть зимы, потому что был не в состоянии переехать. И поскольку он никогда на протяжении двадцати лет не пропускал того месяца, в который ему надлежало выполнять при короле свои пастырские обязанности, а также и потому, что он неизменно бывал в списке и в числе тех, кому надлежало проповедовать при дворе в Великий пост, тогда, в январе 1630 года, до Лондона долетел или в Лондоне возник слух, будто он умер; этот слух дал ему повод написать следующее письмо одному своему близкому другу:

Сэр,

мои постоянные приступы лихорадки дают Вам и другим моим друзьям то преимущество, что благодаря им я столь часто оказываюсь у врат небесных; и еще то преимущество, что после этих приступов, будучи приговорен к пребыванию в четырех стенах и в одиночестве, я столь часто предаюсь молитвам, в которых непременно упоминаю и Ваше благополучие; и я не сомневаюсь, что к благословенным дарам, ниспосланным Вам Богом, по причине моих молитв прибавится еще что-то. Человек может умереть с удовольствием только ради того – если считать это единственным даваемым смертью преимуществом, – чтобы услышать о себе столько сожалений и добрых слов от достойных людей, сколько благодарение Господу дошло до меня из-за слуха о моей смерти; однако он донесся не до всех. Ибо, как написал мне один знакомый, некоторые мои друзья считают, что я вовсе не так болен, как притворяюсь, но удалился от дел, чтобы жить беззаботно, избавившись от чтения проповедей. Такое истолкование происходящего не подобает друзьям и не имеет под собой оснований; ибо я, если не мог проповедовать, всегда сожалел об этом более, чем кто-либо мог сожалеть о том, что не услышал моей проповеди. Я всегда желал (и, может статься, Господь дарует эту милость) умереть на кафедре во время

* Разве владею я чем-нибудь, что не получил я от Господа? Но одаряет Он ради того, чтобы дары Его вернулись к Нему, то есть были угодным Ему образом использованы; и то, в чем не было нужды у меня на протяжении минувших лет для отправления моих пастырских обязанностей, для сохранения положения, достойного моего сана, для поддержания моих слуг и нуждающихся, пусть перейдет к детям моим, которым остается то, что осталось, и пусть примут они это с благодарностью всемилостивому Подателю сих благ. Аминь.

проповеди; если же нет, то принять смерть от проповедей, то есть сделать так, чтобы пастырские труды сократили мне жизнь. Сэр, я надеюсь увидеть Вас вскоре после Сретенья; на это время выпадает моя великопостная проповедь при дворе, если лорд обер-гофмейстер не поверил, что я умер, и потому не вычеркнул меня из списка; но пока я жив и мой дар речи при мне, я не стану намеренно уклоняться от этого служения. Сэр, у меня более досуга, чем у вас, и потому я могу писать дольше, нежели вы читать. Но я не стану намеренно утомлять вас длинным письмом. Да будет Господь столь милостив к Вам и вашему сыну, как я того желаю.

*Ваш несчастный друг и слуга во Христе
Джон Донн.*

В конце того же месяца ему назначили в обычный для него день, первую пятницу Великого поста, прочесть проповедь при дворе. Его известили об этом, и, несмотря на свой недуг, он так подготовился к ней и так давно стремился ее произнести, что не счел свою болезнь помехой для переезда и за несколько дней до назначенного ему срока оказался в Лондоне. По его возвращении туда многие из его друзей, которые к своему огорчению увидели, что болезнь почти не оставила плоти на костях его, усомнились, что у него хватит сил на эти богоугодные труды, и попытались его от них отговорить, уверяя, что это может сократить его дни; но он решительно отверг эти просьбы, ибо, говоря его словами, «не сомневается, что Господь, который столько раз во дни телесной немощи внезапно наделял его силой, не пожелает оставить его без помощи на этом последнем богослужении, и что он из честолюбия и из благочестия превыше всего жаждет свершить этот священный труд». И когда, к удивлению некоторых из видевших это, он взошел на кафедру, многие из них сочли, что он предстал им не для того, чтобы его живой голос проповедовал им умерщвление плоти, но для того, чтобы его немощное тело и печать смерти на лице возвещали им бренность всего живого. И несомненно, многие мысленно задавали себе вопрос из Книги пророка Иезекииля: «Оживут ли кости сии?»⁶⁷ или, другими словами, сможет ли его душа принудить язык говорить все то долгое время, какое песок в часах будет стекаться к центру, отмеряя этому умирающему человеку еще один из оставшихся ему немногих часов. Нет, ей это не под силу.

И все же, после того как слабость несколько раз прервала его исполненную жара молитву, стремления его души помогли его немощному телу излить накопленные в памяти размышления, и они были посвящены ухodu из жизни. «Во власти Господа Вседержителя врата смерти»⁶⁸ – эти слова из Библии он избрал. Многие из тех, кто слышал его слабый и глухой голос, говорили потом, что выбор текста был

пророческим и что доктор Донн сам провожал себя в последний путь, произнося эту проповедь.

Исполненный радости от того, что Бог дал ему силы выполнить этот желанный долг, он поспешил в свой дом, откуда уже не выходил до тех пор, пока его, как св. Стефана, «преданные и благочестивые люди не отнесли к могиле его».

Проповедь отняла у него немало сил, и душевных, и физических, и так как на следующий день он не был расположен беседовать, один из его друзей, прежде часто бывавший свидетелем его непринужденных и остроумных речей, спросил его: «Почему вы печальны?» На что он ответил с видом серьезным и радостным, указывавшим на глубокое спокойствие духа и на желание души проститься с этим миром; и сказал следующее:

«Я не печален; но большую часть минувшей ночи я предавался мыслям и многочисленным воспоминаниям о нескольких из тех друзей, которые покинули меня здесь и отправились в края, откуда нет возврата; и через несколько дней я отправлюсь туда же, и никто меня более не увидит. И подготовка к этому превращению стало предметом моих еженощных размышлений на ложе моем, где я не знаю покоя из-за недугов и немощей. Но на сей раз я обдумывал то, сколь милостив был ко мне Господь и как не оставлял меня своим попечением; ко мне, который меньше малейшей из его милостей; и, оглядываясь на свою минувшую жизнь, я теперь ясно вижу, что это Его рука отворачивала меня от любого мирского служения; и это по воле Его я не мог обрести ни покоя, ни преуспевания, пока не стал духовным лицом, каковым и пребываю около двадцати лет; надеюсь, что, к вящей славе Божией, и на этой стезе, за что я смиренно благодарю Его, я обрел возможность воздать за их щедрость множеству друзей, которые были добры ко мне, когда я пребывал в столь стесненных обстоятельствах, что, видит Бог, в этом нуждался; и (ибо это дало мне случай выразить мою признательность) я благодарю Бога за то, что многим из них мое воздаяние понадобилось. Я дожил до того, что смог принести пользу и утешение отцу моей покойной жены, сэру Джорджу Мору, коего Богу было угодно укреплять в терпении, возлагая на него один крест за другим; я поддерживал свою собственную мать, которую Богу было угодно лишить состояния, прежде весьма внушительного, и на старости свергнуть в величайшую бедность; я принес облегчение множеству страждущих душ, которые, я надеюсь, не забывают меня в своих молитвах. Я не могу притязать на то, что вел безгрешную жизнь, особенно в молодости; но мне суждено предстать перед судом милосердного Бога, который не стремится увидеть мои проступки; и хотя мне самому нечего явить Ему, кроме грехов и страданий, но я знаю, что он взирает на меня не такого, каков я сам по себе, но каков я в лоне

Спасителя нашего, Иисуса Христа, и уже явил мне, даже и сейчас, при посредстве Святого Духа, несколько свидетельств того, что я нахожусь в числе Его избранных; а потому я полон невыразимой радости и умру в мире».

Теперь я снова должен вернуться назад и поведать читателям, что когда он приехал из Эссекса в Лондон, чтобы прочесть свою последнюю проповедь, его старинный друг и постоянный врач, доктор Фокс – человек, отмеченный величайшими достоинствами, – пришел, чтобы дать ему советы касательно его здоровья; и осмотрев его, а также задав несколько вопросов касательно его недуга, сказал, что «если он будет принимать сердечные средства и пить молоко на протяжении двадцати дней, то есть надежда, что здоровье к нему вернется»; но он решительно отказался пить молоко; тем не менее доктор Фокс, который любил его и был ему всецело предан, не оставлял своих настоятельных просьб до тех пор, пока он не согласился пить молоко на протяжении десяти дней, а когда они закончились, сказал доктору Фоксу, что «пил его скорее для спокойствия доктора Фокса, нежели для того, чтобы поправиться; и не согласится пить его еще десять дней, как бы его ни уверяли, что это продлит на двадцать лет его жизнь, ибо он не дорожит ею; и смерть, которая для других является царицей ужасов, не страшит его до такой степени, что он с нетерпением ожидает дня своей кончины».

Замечено, что жажда славы или похвалы заложена в самой природе человека, и даже люди наиболее строгой и аскетической жизни, пускай и обретшие такое смирение, которое позволило им истребить в себе все обольщения на свой счет и прочие сорняки, произрастающие в человеческой натуре, все же не сумели уничтожить эту жажду славы, но она, подобно теплу нашего тела, живет и умирает вместе с нами; многие думают, что так и должно быть, и мы не нуждаемся в примерах из священной истории, оправдывающих наше стремление к тому, чтобы память о нас пережила; о чем я упоминаю, поскольку доктор Донн легко поддавался уговорам доктора Фокса, чтобы ему в это самое время сделали памятник; но какой именно, доктор Фокс не взял на себя смелость указывать, это осталось всецело на усмотрении доктора Донна.

Приняв решение о памятнике, доктор Донн послал за резчиком, чтобы тот сделал урну указанной высоты и диаметра и доставил вместе с ней доску длиной в рост заказчика. Когда это было готово, сразу же обратились к умелому художнику, чтобы он явился и был готов написать портрет, происходило же это следующим образом: в кабинет к доктору Донну сперва поставили несколько жаровен с углями, потом он принес туда саван, и когда все с себя снял, этот саван на него надели, перевязав на руках, на ногах и вокруг головы так, как это обычно делают, пеленая

покойника перед положением во гроб или в могилу. В таком виде его поставили на урну, складки льняной ткани на голове у него были раздвинуты, меж ними виднелось мертвенно-бледное, бескровное, с закрытыми глазами лицо, намеренно обращенное на восток, ибо оттуда он ждал второго пришествия Иисуса Христа, его и нашего Спасителя. В этой позе художник изобразил его в полный рост, и когда картина была закончена, он повелел поставить ее у своей постели, где она была предметом его постоянного созерцания и простояла до самой его смерти, после чего была подарена его близкому другу и душеприказчику доктору Генри Кингу, в то время главному резиденту собора Святого Павла, который приказал изваять ее из цельного куска мрамора в том виде, в каком она сейчас и стоит в соборе; и по собственному желанию доктора Донна, его эпитафией стали следующие, написанные на памятнике слова:

JOHANNES DONNE,
SAC. THEOL. PROFESS.
POST VARIA STUDIA, QUIBUS AB ANNIS
TENERRIMIS FIDELITER, NEC INFELICITER
INCUBUIT;
INSTINCTU ET IMPULSU SP. SANCTI, MONTU
ET HORTATU
REGIS JACOBI, ORDINES SACROS AMPLEXUS,
ANNO SUI JESU, MDCXIV. ET SUÆ ÆTATIS XLII.
DECANATU HUIUS ECCLESIAE INDUTUS,
XXVII. NOVEMBRIS, MDCXXI.
EXUTUS MORTE ULTIMO DIE MARTII, MDCXXXI.
HIC LICET IN OCCIDUO CINERE, ASPICIT EUM
CUJUS NOMEN EST ORIENS⁶⁹.

И теперь, пройдя вместе с ним по лабиринтам и сложностям его разнообразной жизни до самых врат смерти и могилы, я хочу дать ему отдых и поведать читателям, что я видел его изображенным в самой разной одежде, в разные годы жизни и в различных позах; и здесь упоминаю об этом, потому что видел картину, нарисованную искусной рукой, где ему восемнадцать лет, он при шпаге и одет как приличествовало людям его возраста с их пристрастием к безудержным забавам; его девизом тогда было:

Я изменяюсь совсем, но до того
Какие предстоят мне измененья!

И если бы эти портреты, сделанные с него в юности и при смерти, оказались рядом, любой, кто их видит, мог бы сказать: «О Боже! Какие изменения произошли с доктором Донном, который вскоре изменится совсем!» И это зрелище дало бы моему читателю случай с изумлением спросить себя: «Господи! Какие же мне, пребывающему теперь в добром здравии, предстоит претерпеть изменения, прежде чем я изменюсь совсем, прежде чем это уничиженное, брэнное тело мое преобразится для воскресения во плоти?», и соответственно готовиться к этому. Но здесь я желал не напомнить читателю о смерти, но поведать о том, что доктор Донн и в частных беседах, и во время проповедей упоминал, сколь многим переменам были подвержены его тело и дух, в особенности дух с его головокружительными кульбитами; и часто говорил, что «величайшей и благословенной переменой был переход с мирского поприща на духовное»; и был на нем так счастлив, что годы, проведенные вне его, считал потерянными, а началом подлинной жизни стало для него принятие сана и служение Всеблагому Господу у алтаря его.

В понедельник, после того как была закончена упомянутая картина, он в последний раз вышел из своего любимого кабинета, и чувствуя, что слабеет с каждым часом, более не покидал спальни; и на протяжении этой недели несколько раз посылал за своими самыми близкими друзьями, с которыми прощался торжественно и продуманно, высказывая им свои соображения, полезные для устройства их жизни, а затем отпуская их с благословением и дарами духовными, как Иаков своих сыновей. В воскресенье он распорядился, чтобы его слуги, буде у них остались нерешенные дела, касавшиеся его или их, к субботе были готовы все с ним выяснить; ибо после этого дня он решил не допускать в свои мысли ничего, касавшегося до земных дел, и поступил согласно задуманному, то есть стал, подобно Иову, «дожидаться назначенного дня кончины своей».

И теперь он сподобился счастья не иметь иных дел, кроме ухода из жизни, а для этого ему не требовалось времени, ибо этому труду он обучался долго и достиг в нем такого совершенства, какое позволило ему во время его предыдущей болезни призвать Господа в свидетели того, что «готов отдать душу Богу в любую минуту, какую Тот изберет для его кончины»⁷⁰. Во время той болезни он просил Господа, дабы Тот помог ему всегда пребывать в этом состоянии; и то постоянное ожидание, что Господь избавит его душу от оков плоти, в котором он пребывал, внушает мне убеждение в его смиренной уверенности, что молитвы его были услышаны и просьба исполнена. Пятнадцать дней он лежал, с часу на час ожидая своего изменения, и в последние часы своего последнего дня, когда тело его таяло, подобно свече, и, испаряясь, превращалось в дух, и когда, как я искренне верю, его душе явилось некое прекрасное видение, он

сказал: «Я был бы несчастен, если бы не мог умереть», после чего начал слабо и неровно дышать, а когда ему удавалось перевести дыхание, повторял: «Да придет царствие Твое, и да будет воля Твоя». Дар речи, столь долго бывший ему верным и надежным слугой, не оставлял его до последней минуты, а потом покинул не для того, чтобы служить другому повелителю, но умер прежде него; ибо теперь стал бесполезен для него, который теперь беседовал с Господом на Земле, как ангелы разговаривают на небесах, прибегая, как считается, лишь к мыслям и взглядам. Утратив речь и созерцая небеса, явленные ему в озарении, он, подобно святому Стефану, «неотрывно смотрел в них, пока не увидел Сына Человеческого, стоящего одесную Бога, Отца Своего»⁷¹; и умиротворенный этим благословенным зрелищем, он, когда душа его восходила горе и последний вздох отлетал от уст его, сам закрыл себе глаза, а затем лег и сложил руки так, что пришедшим пеленать его не пришлось ничего менять в его позе.

Такой разнообразной и такой добродетельной была его жизнь; и столь великолепной, столь образцовой была смерть этого замечательного человека.

Его похоронили в соборе Святого Павла, в том месте, какое он сам для себя избрал за несколько лет до своей кончины и мимо которого он каждый день проходил, чтобы прилюдно служить Господу своему, которому полагалось тогда воздавать дань публичных молитв и словесий дважды в день; но он не был похоронен скромно и без огласки, как того желал, ибо среди бесчисленной толпы провожающих было множество особ как знатных, так и прославленных своей ученостью, которые любили и чтили его при жизни и выказали эти чувства после его смерти, скорбно и сердечно проводив его в последний путь до могилы, причем самой примечательной чертой этих похорон была всеобщая печаль.

Многие друзья, сокрушаясь сердцем, часто посещали место его погребения, которое усыпали редкостными и дорогими цветами, как Александр Великий могилу прославленного Ахилла, но в отличие от него каждый вечер и каждое утро на протяжении многих дней⁷², и они, эти оставшиеся неизвестными люди, перестали украшать ее только тогда, когда плиты, которыми был вымощен пол и которые подняли для того, чтобы опустить его тело в холодную землю, ставшую для него теперь ложем вечного покоя, были возвращены на место и благодаря искусству каменщиков так пригнаны друг к другу, что образовали поверхность столь же ровную, сколь прежде, и скрыли от глаз его могилу.

На следующий день после его похорон некий неизвестный друг, один из тех, кто любил его и восхищался его добродетелью и ученостью, написал на стене над местом его погребения такую эпитафию:

*Прохожий! Помнить надлежит,
Что тело Донна здесь лежит.
Его души здесь нет. Иначе
Земля была б небес богаче.*

Но не только она послужила средством почтить его благословенный прах; ибо есть люди, которые не желают получать наград за то, за что воздать им должен Господь; люди, которые отваживаются поверять тайны своей благотворительности только Ему и без всяких свидетелей; и вот некий исполненный благодарности друг, полагавший, что память доктора Донна должно увековечить, послал сто марок его верным друзьям и душеприказчикам⁷³ с тем, чтобы ему воздвигли памятник. Имя дарителя долгие годы оставалось неизвестным, но после смерти доктора Фокса открылось, что эти деньги послал именно он; и он дожил до того, что увидел изваяние своего друга, дающее о нем такое живое представление, какое только может дать мраморная статуя; ее сходство с доктором Донном было столь велико, что, говоря словами его друга, сэра Генри Уоттона, «кажется, она едва заметно дышит, и потомки будут взирать на нее как на рукотворное чудо».

Он был скорее высок, чем низок; тело у него было пропорциональное, держался он прямо, а все его слова и поступки делали его облик невыразимо привлекательным.

Меланхолия и приятная веселость сочетались в нем и так выгодно оттеняли друг друга, что находиться в его обществе было величайшим удовольствием в мире.

Его возвышенная фантазия отличалась могуществом, сравнимым только с остротой его ума, а рассудительность подчиняла себе и обращала во благо и то, и другое.

Выражение лица у него было бодрое, оно без слов свидетельствовало о чистоте его души, о том, сколь многое ей открыто и о том, что совесть этого человека пребывает в мире сама с собою.

Глаза у него часто увлажнялись, говоря о чувствительном сердце, исполненном благородного сострадания; о душе слишком достойной, чтобы наносить обиды, и слишком преданной Христу, чтобы не прощать их другим.

Он много размышлял, в особенности после принятия сана, о благодати Всемогущего Господа, о бессмертии души и о райском блаженстве; и часто повторял в священном экстазе: «Благословен Бог, ибо он Бог Единственный в своей единственности и божественности».

Он отличался страстностью природы, но был склонен обуздывать свои слишком сильные порывы. Он ценил все отмеченные человеколюбием дела

и установления, и дух его был исполнен такого милосердия, что он не мог созерцать страдания человеческие без жалости и попыток облегчить их.

Он был чистосердечен и неутомим в своем стремлении к знаниям, которыми его великая и деятельная душа теперь насытилась и возносит хвалы Господу, когда-то вдохнувшему ее в это не знавшее отдыха тело; тело, которое прежде было храмом Святого Духа, а теперь стало пригоршней христианского праха.

Но я увижу его воскресшим.

А. У.

15 февраля 1639

Приложения

А. Н. Горбунов

«ДРУГАЯ ОПТИКА» – ПОЭЗИЯ ДЖОНА ДОННА

В траурной элегии на смерть Джона Донна (1572–1631) его младший современник поэт-кавалер Томас Кэрю писал:

Очистив сад стихов от сорняков
И от ленивых зерен и ростков
Слепому подражания, ты взрастил
В нем выдумку свою, чем оплатил
Долги банкрота – века своего.

(Перевод В. Лунина)

В истории литературы иногда встречаются писатели, чьи открытия, поражавшие современников своей новизной, затем становились общим достоянием, так что с течением времени их новизна стиралась и потомки переставали ощущать вкус их новаторства. Такой в русской словесности отчасти была судьба замечательного поэта XIX в. А.А. Фета, стихи которого, в свое время вызвавшие бурную полемику, сейчас воспринимаются как чистая классика. В Англии таким писателем был Джеффри Чосер, чьи смелые по меркам XIV в. эксперименты заложили основу всей английской литературы, да и самого английского языка, на много столетий вперед.

Но есть и художники, чьи творения вопреки всем переменам продолжают сохранять аромат новизны в течение веков. К их числу в английской поэзии, вне всякого сомнения, принадлежит Джон Донн. Поэтому слова Т. Кэрю – отнюдь не просто традиционный штамп, привычная для жанра эпитафии похвала, столь часто носящая гипертрофированный характер. Они воспринимаются как совершенно справедливая дань памяти Донна и сегодня, в начале XXI в.

Вирджиния Вулф, посвятившая одно из своих эссе 300-летию со дня смерти Донна (1931), очень хорошо выразила чувства и современных читателей его стихов: «Пройти мимо него невозможно... При первых же словах застываешь на месте. Тебя кидает в дрожь от встречи с настоящей поэзией: ты чувствуешь, как в твоих жилах – вялых, обмякших, точно со сна, мгновенно вскипает жар. Зрение, слух моментально обостряются, – ты видишь, как “сияет браслет живого локона”. Но и не это главное, – мало того что прекрасные образы западают в душу и ты их помнишь: ты чувствуешь, что

невольно подчиняешься особому взгляду на вещи. Хаос ощущений, сопровождающий нас в повседневной жизни, сменяется другой оптикой: резкой и четкой. Будто все разрозненные начала сошлись по мановению пера поэта в единый пучок страсти. Еще минуту назад вокруг тебя бурлила жизнь, мельтешили люди, играли краски, и вдруг – все смолкло, пропало. Ты погружаешься в мир Донна, здесь царствует он один. Среди поэтов Донну, пожалуй, нет равных по умению изумлять и подчинять себе читателя»¹.

«Другая оптика» Донна спустя четыре столетия продолжает «изумлять и подчинять» себе читателей и сегодняшнего дня. Джон Донн действительно взорвал традицию своих предшественников и заложил основы нового для Англии поэтического взгляда на мир. Потому и в историю английской литературы он вошел как один из самых ярких поэтов-новаторов, чей талант если и уступает по своему масштабу фигурам самой первой величины – Джеффри Чосеру и Уильяму Шекспиру, то при всей его неповторимости вполне сопоставим с дарованием таких прославленных художников слова, как Филипп Сидни, Уильям Блейк или Т.С. Элиот.

О жизни Донна мы знаем довольно много, гораздо больше, чем о жизни его знаменитых старших современников Шекспира или Кристофера Марло, в биографии которых есть множество белых пятен. Таких пятен в биографии Донна как будто бы нет. Сама же жизнь поэта, полная удивительных поворотов судьбы, стремительных взлетов и падений, в чем-то напоминает авантюрный роман его эпохи с несколько неожиданным для такого жанра грустно-благополучным финалом.

С самого раннего детства Джон Донн столкнулся с трудностями. Он родился в семье преданных своей вере католиков, для которых в елизаветинской Англии многие двери в обществе были закрыты. Род поэта имел древние аристократические корни в Уэльсе, по семейному преданию, якобы восходящие чуть ли не ко времени короля Артура. Во всяком случае, точно известно, что имя Доннов не раз упоминается в хрониках войны Алой и Белой роз. Впоследствии, однако, Донны обеднели и переселились из Уэльса в Англию, занявшись ремеслами и торговлей. Отец поэта стал вполне состоятельным лондонским купцом, старостой цеха торговцев скобяными товарами. Мать Донна Элизабет, урожденная Хейвуд, была дочерью одного из первых английских поэтов и драматургов эпохи Ренессанса Джона Хейвуда (1497(?)–1580) и родственницей Томаса Мора, знаменитого английского гуманиста, автора «Утопии», взошедшего на плаху за верность догматам католической церкви. За веру пострадали также Джаспер и Эллис Хейвуды, братья матери поэта, а в 1593 г. в тюрьме умер и младший брат поэта Генри,

¹ Woolf V. The Common Reader. L., 1935. Vol. 2. P. 24–25 (перевод Н.И. Рейнгольд).

приютивший у себя священника-иезуита. Верность католической вере мать поэта, умершая всего за несколько месяцев до кончины своего знаменитого сына, сохранила до конца своих дней. Хотя Донн в середине 1590-х гг. перешел в протестантство, а затем выступил с антикатолическими памфлетами и, наконец, принял сан священника англиканской церкви, детство и юность, проведенные в среде преследуемых в Англии католиков должны были и, скорее всего, оставили глубокий след в его душе на всю жизнь.

Как и дети других английских католиков, Донн поступил в Оксфордский университет очень рано – в 1584 г., чтобы получить образование до совершеннолетия, так как после него нужно было обязательно принять присягу на верность англиканской церкви. Донн, как полагают его биографы, учился также и в Кембридже (1588–1589?), но диплома ему не дали, поскольку его присуждение требовало перехода в протестантское вероисповедование. С 1589 по 1591 г. Донн, чтобы продолжить образование, путешествовал по Европе, останавливаясь в основном в Италии и Испании, где он не только совершенствовался в изучении древних и новых языков, но и знакомился с достижениями культуры Ренессанса и уже начинавшего складываться барокко. Вероятно также, что в Европе Донн получил и начатки католического образования, что было невозможно сделать в Англии. Если это так, то эти знания очень пригодились ему в будущем, когда он вступил в полемику с иезуитами.

Вернувшись на родину, поэт продолжил обучение в широко известных в Англии школах юриспруденции, которые часто называли третьим (после Оксфорда и Кембриджа) университетом – в 1591 г. в Тэвис-Инн, а с 1592 г. – в Линкольнз-Инн. Судя по всему, именно в это время Донн увлекся сочинительством. Его первые стихи сразу же стали ходить в рукописях среди множества друзей и знакомых. Несколько позднее, очевидно, уже закончив обучение, Донн в поисках приключений ненадолго поступил на военную службу. Как доброволец он принял участие в военных экспедициях графа Эссекса против испанцев – в Кадис (1696) и на Азорские острова (1597), рассказав о второй из них в знаменитом диптихе «Шторм» и «Штиль».

В конце 1590-х гг. (1597–1598) Донн, наконец, поступил на государственную службу, став личным секретарем крупного сановника сэра Томаса Эджертона, лорда-хранителя Большой печати и члена Тайного совета королевы Елизаветы I. По всей видимости, несколько раньше, скорее всего, в 1596 г., поэт принял протестантское вероисповедание, ибо, не принеся присягу королеве как главе англиканской церкви, он не смог бы получить это место, не говоря о том, чтобы принять участие в руководимой Эссексом военной экспедиции против испанцев. Поначалу карьера Донна складывалась очень успешно. Эджертон явно благоволил ему, а в 1601 г. его на короткий срок даже избрали в парламент.

Однако блестяще начатая карьера поэта, мечтавшего занять видное положение в обществе, вскоре оборвалась. Известный доселе среди близких друзей своей ветреностью, Донн по-настоящему и серьезно влюбился. В жизни поэта как бы повторилась ситуация ранних «счастливых» комедий Шекспира – любовь юного поколения столкнулась с враждебной волей отцов. Но счастливого конца не вышло. Избранницей поэта стала юная Энн Мор, племянница жены Эджертонна. Понимая, что родители Энн вряд ли дадут согласие на их явно неравный брак, Донн тайно обвенчался со своей любимой (декабрь 1601 г.). Узнав о случившемся, разгневанный отец девушки добился краткого тюремного заключения Донна и его увольнения с поста секретаря Эджертонна, но попытка аннулировать брак через суд не имела успеха. С течением времени отец Энн смягчился и признал Донна, но о государственной службе отныне пришлось забыть, хотя поэт долгие годы не мог смириться с этим.

Для Донна начались трудные времена. Выйдя из тюрьмы и соединившись со своей юной женой, он оказался без места службы, без жилья и фактически без средств к существованию. Хотя семейная жизнь поэта сложилась очень счастливо и у него родилось множество детей, долгие годы он был вынужден полагаться на помощь покровителей и довольствоваться более или менее случайными заработками, в частности, антикатолическими памфлетами или сочинением стихов в честь своих благодетелей. Уже в 1607 г. ему в первый раз предложили принять сан священника англиканской церкви, но он отказался, сочтя себя недостойным и втайне все еще надеясь устроиться на государственную службу. Однако, вопреки обещаниям друзей и сильных мира сего, все его попытки на этом поприще не имели успеха.

Так продолжалось довольно долго, почти полтора десятилетия. И лишь в 1615 г. после долгих колебаний и не без настояния лично со стороны короля Иакова I поэт принял духовный сан. Тогда же он получил и степень доктора богословия в Кембридже. Отныне его судьба, по крайней мере внешне, складывается более успешно. То, чего Донн не сумел достичь на государственной службе, он получил на службе духовной. Король приблизил его к себе, и он часто проповедовал при дворе. Донн поочередно становился настоятелем нескольких церковных приходов и с 1616 по 1622 г. читал лекции по богословию в Линкольнз-Инн.

Однако в личной жизни Донна подстерегала трагедия. В 1617 г., родив мертвого ребенка, умерла жена поэта. Очень тяжело пережив эту утрату, Донн почти всецело погрузился в богословские занятия. В 1621 г. его назначили на пост настоятеля собора Св. Павла в Лондоне, главного храма англиканской церкви в Англии. На этом посту он оставался до самой смерти, завоевав славу одного из лучших проповедников эпохи. Перед смертью Донн тщательно отредактировал проповеди, готовя их к публикации. Что же касается поэзии, то в эти годы он практически перестал ею заниматься, сочтя ее увлечением давно минувших дней. Лишь после кончины поэта его

стихи были собраны по рукописям, хранившимся у самых разных лиц. Их первое издание вышло в свет через два года после смерти Донна, в 1633 г. Второе, заново отредактированное, появилось в 1635 г. Именно оно и стало основой для всех последующих изданий его поэзии.

Джон Донн – поэт очень сложный, трудный для понимания, а подчас даже и темный. Его стихотворения невозможно уместить в рамки готовых определений; они словно нарочно дразнят читателей своей многозначностью, неожиданными виражами мысли, сочетанием трезво-аналитического суждения со всплесками страстей, постоянным поиском и постоянной неудовлетворенностью.

Время сохранило несколько портретов Донна, написанных в разные периоды его жизни. На самом раннем из них он изображен юным кавалером, искателем приключений, твердо сжимающим рукоять своей шпаги. Испанский девиз миниатюры гласит: «Скорее умру, чем изменю». На другом портрете поэт предстает в образе меланхолического влюбленного с томным взором и скрещенными на груди руками, в широкополой шляпе, с тонким кружевным воротничком, небрежно расстегнутым на груди. Затем следует миниатюра, изображающая Донна-богослова, с бородкой клинышком и пронзительным испытующим взглядом. На следующем портрете поэт появляется в облике пастыря, чьи глаза глядят мудро и всепонимающе. И, наконец, мраморная статуя, для которой Донн позировал незадолго до смерти. Она представляет кающегося грешника, завернутого в погребальный саван, с закрытыми глазами и осунувшимся, изможденным от тяжелой болезни лицом.

Все эти портреты не только воплощают разные этапы полной превратностей жизни Донна. Каждый из них воспроизводит и определенную маску лирического героя его стихотворений. Парадоксальным образом – а понять Донна без разгадки парадоксов невозможно – маски эти в его стихах не только последовательно сменяют одна другую, как, может быть, было в жизни, но и «сосуществуют» в едином пласте времени. Так что искатель приключений, томный влюбленный и кающийся грешник не разделены пропастью, но живут рядом, дополняя друг друга и помогая уразуметь все эти разительные трансформации.

Донна часто называют поэтом-елизаветинцем. Это название, хотя и справедливо в чисто формальном отношении, все же во многом условно. Поэт действительно родился в эпоху царствования королевы Елизаветы и был всего на восемь лет моложе Шекспира. Но события той поры развивались так бурно и индивидуальность Донна была столь яркой, что он выразил взгляды уже следующего за Шекспиром поколения. Пока Шекспир писал свои «счастливые» комедии и ранние исторические хроники, Донн первым из всех елизаветинцев понял, что в искусстве уже забрезжила другая эпоха, поставившая идеалы Воз-

рождения под сомнение, а затем и отвергнувшая их. Донну с юности было чуждо характерное для высокого Ренессанса представление о гармонической сущности бытия, где прочно уравновешены духовное и телесное, чувственное и разумное начала. Если верить словам могильщиков из «Гамлета», то герою трагедии в последнем акте 30 лет. Пьеса, по всей видимости, была поставлена в 1601 г., и, таким образом, возраст датского принца практически совпадает с возрастом Донна. Ученые часто подчеркивают этот факт, выдвигая на передний план гамлетические моменты в творчестве поэта – его душевные метания, меланхолию и скепсис². И действительно, для Донна, как и для шекспировского героя, «вывихнутое время» «вышло из пазов» (*the time is out of joint*), и место стройной гармонии мироздания, в центре которой стоит венец творения – человек, занял неподвластный разумному осмыслению хаос.

В уже давно ставшем хрестоматийным отрывке из поэмы «Анатомия мира: первая годовщина» (*An Anatomy of the World: The First Anniversary*) поэт так описал свой век:

...Все новые философы – в сомненье,
 Эфир отвергли – нет воспламененья,
 Исчезло Солнце, и Земля пропала,
 А как найти их – знания не стало.
 Все признают, что мир наш – на исходе,
 Коль ищут меж планет, в небесном своде –
 Познаний новых... Но едва свершится
 Открытье – всё на атомы крошится.
 Всё из частиц, а целого – не стало,
 Лукавство меж людьми возобладало,
 Распались связи, преданы забвенью
 Отец и Сын, Власть и Повиновенье.
 И каждый думает: «Я – Феникс-птица»,
 От всех других, желая отвратиться...

(Перевод Д. Щедровицкого)

О себе же самом в одном из сонетов Донн сказал:

Я весь – боренье: на беду мою,
 Непостоянство – постоянным стало...

(Перевод Д. Щедровицкого)³.

² Из последних работ см., например: *Trevor D. John Donne and Scholarly Melancholy // Studies in English Literature: 1500–1900. Winter, 2000. Vol. 40 i1. P. 81.*

³ В подлиннике:

Oh, to vex me, contraries meet in one:
 Inconstancy unnaturally hath begot
 A constant habit...

(О, на мою досаду, противоположности сошлись вместе: / Непостоянство вопреки природе породило привычку к постоянству...).

Болезненно чувствуя несовершенство распавшегося, как ему казалось, на атомы мира, поэт всю жизнь не переставал искать точку опоры. Лирический герой его стихотворений наделен мятущимся и вопрошающим умом, которому ни окружающий его мир, ни поиски любви, ни религиозный опыт так и не приносят успокоения. Душевную гармонию можно обнаружить, пожалуй, лишь в нескольких поздних стихотворениях Донна, написанных им, когда он уже почти полностью отошел от поэзии. Внутренний разлад и порожденный им неустанный поиск – основные мотивы его поэтического творчества. Они определяют собой сложность его лирики, ее мучительные противоречия, сочетание фривольного гедонизма и горечи богооставленности, броской позы и неуверенности в себе, неподдельной радости жизни и глубокого трагизма.

Как и подобало истинному джентльмену его эпохи, мечтавшему сделать карьеру при дворе, Донн предназначал свою поэзию лишь для достаточно узкого круга избранных – друзей и знакомых, среди которых она и ходила в рукописях. (Отсюда, кстати сказать, не решенная и по сей день проблема разночтений некоторых его стихотворений, равно как и возникающий иногда вопрос их авторства.) Тут примером для Донна служил аристократ сэр Филипп Сидни, чьи стихи и проза были напечатаны только после его смерти. Ведь даже и Шекспир, публиковавший свои пьесы, скорее всего, тоже не хотел, чтобы его сонеты увидели свет, – это была поэзия, да еще и интимного свойства. За счет литературного творчества тогда в основном жили лишь драматурги, писавшие для общедоступного театра. Правда, Бен Джонсон, родившийся в один год с Донном, уже чувствовал себя профессионалом и заботливо подготовил свою поэзию к публикации. Но у него были совсем другие амбиции – он хотел остаться в памяти потомков именно как поэт и драматург. Донну такое желание, наверно, показалось бы очень странным. Он вовсе не заботился о сохранении своих стихов и перед смертью даже распорядился их уничтожить. К счастью для английской поэзии, его воля не была исполнена.

В силу этих обстоятельств сейчас порой весьма трудно решить, когда именно было написано то или иное стихотворение поэта. Тем не менее текстологи, сличив сохранившиеся рукописи и изучив многочисленные аллюзии на события эпохи, пришли к выводу, что Донн стал сочинять уже в юности, предположительно в начале 1590-х, а может быть, даже и в конце 1580-х гг. Во всяком случае, его первую сатиру вполне определенно датируют 1593 г.⁴ Вслед за ней поэт сочинил еще четыре сатиры. Вероятно, они ходили все вместе в рукописи как «Книга сатир Джона Донна». Кроме того, из-под пера поэта в 1590-е гг. вышло довольно

⁴ *Donne J. The Satires, Epigrams and Verse Letters*, Oxford, 1967. P. 124–125.

большое количество стихотворений в других жанрах: эпиграммы, послания, элегии, эпиграммы, песни и т.д. У читателей, обращающихся к ним, сразу же возникает ощущение, что Донн писал их, как бы соревнуясь с поэтами старшего поколения Ф. Сидни, Э. Спенсером, К. Марло, У. Шекспиром и другими елизаветинцами. И не просто соревнуясь, но и намеренно бросая им поэтический вызов.

Донна, очевидно, не устраивало не только относительно цельное мировосприятие поэтов старшего поколения, но и их манера стиха, которую известный писатель и ученый К.С. Льюис назвал золотой (*golden*)⁵. Ее отличало гармоничное сочетание формы и содержания, мысли и слова, тонкое чувство меры и вкуса, особая музыкальность стиха и богатство чувственных образов. Донн со свойственным ему в те годы юношеским максимализмом сразу же и бесповоротно порвал с этой традицией.

Своеобразие манеры Донна очевидно уже в его самых ранних стихотворениях – эпиграммах, которые он сочинил, как предполагает Дж. Шокросс, уже в конце 1580-х гг., хотя другие исследователи и не согласны со столь ранней датировкой⁶. Здесь нет и следа золотой манеры с ее гармонией формы и содержания и спокойно-уравновешенным взглядом на мир. Обладавший ничуть не меньшей ученостью, чем его предшественники, молодой поэт с легкостью овладел трудным и очень престижным в среде гуманистов жанром эпиграммы. Но писал он их близким к разговорному, как бы нарочно заземленным языком, который с непривычки даже немного режет слух в сравнении с плавно-напевной интонацией старших елизаветинцев. Зато манера Донна сразу захватывает читателей техникой отточенной сентенции, лаконизмом слога, замысловатой игрой каламбурами, которые сочетаются со скептической отстраненностью авторского взгляда на происходящее.

Невозможно представить себе, чтобы кто-нибудь из старших елизаветинцев мог так холодно-отрешенно и так лаконически точно описать гибель вражеского судна, как это сделал поэт в эпиграмме «Горящий корабль» (*A Burnt Ship*). Но Донн не был бы Донном, если бы ограничился простой зарисовкой воочию увиденного им пожара на испанском корабле. (Как считают биографы, речь идет о «Сан Фелипе», судне, сгоревшем при атаке англичан на Кадис⁷.) Оттолкнувшись от этого события, поэт с помощью образов, несущих смерть воды и огня, как бы в миниатюре воспроизвел картину конца света, первый раз уничтоженного в водах

⁵ Lewis C.S. *English Literature in the Sixteenth Century excluding Drama*. Oxford, 1954. P. 65.

⁶ См., например, комментарии А.Дж. Смита в кн.: *Donne J. The Complete English Poems* / Ed. by A.J. Smith. L., 1974. P. 464.

⁷ Bald R.C. *John Donne: A Life*. Oxford, 1970. P. 83.

всемирного потопа, а сейчас, согласно библейскому предсказанию, ждущего гибели от огня:

С охваченных пожаром кораблей
Куда бежать, как не в пучину? Люди
Бросались вплавь – и гибли средь зыбей
Под выстрелами вражеских орудий.
Несчастливым нет спасения нигде:
Кто не утоп в огне, сгорел в воде.

(Перевод Г. Кружкова)

Вне всяких сомнений, перед нами хотя и молодой, но уже вполне сложившийся художник.

Новаторство Донна бросается в глаза и в другом, не менее престижном тогда, чем эпиграмма, поэтическом жанре – сатире. Донн решительно отверг восходящую к Средним векам и популярную среди старших елизаветинцев форму сатиры как аллегории или пасторали. Эксперименты Спенсера в этой области были чужды ему, и он в духе ренессансного гуманизма обратился к древнеримской традиции Горация, Персия и Ювенала, преобразив ее в духе собственного видения мира.

Уже его первая сатира написана в новой для елизаветинцев форме драматического монолога, где сатирик, условная фигура «от автора», ушедший от мира кабинетный ученый, вначале беседует с неким «глупым и нелепым чудачком» (*fondling motley humorist*), а затем вопреки своей воле отправляется вместе с ним на прогулку по улицам Лондона. Трудно сказать, кем на самом деле является странный собеседник автора – то ли шутником-приятелем, от которого он никак не может отделаться, то ли, может быть, его alter ego, активным человеком действия, противостоящим одинокому созерцателю, который ведет жизнь в компании книг. Во всяком случае их совместная прогулка дает поэту возможность изобразить вполне реальную жизнь английской столицы начала 1590-х гг.

Зрение Донна гораздо острее, чем у поэтов старшего поколения. Всего несколькими штрихами он весьма точно, хотя и с гротескным преувеличением, рисует портреты своих современников, встреченных на улицах Лондона. Вот перед нами капитан, набивший кошелек жалованием погибших в сражении солдат, чьи деньги он продолжает получать, не сообщив никому об их смерти; рядом с ним – надушенный развязный придворный, «кивком ответствующий на поклонь», а дальше – рядящийся в бархат судья с огромной свитой прилипал. Едкие комментарии помогают поэту воссоздать картину нравов столичного общества. Здесь царит легкомыслие и тщеславие, жадность и угодничество. Такая картина воплощает возникшее у поэта с ранней юности представление о нарушенной и пришедшей в движение системе ценностей, которые веками казались стабильными и незыблемыми.

Люди, которых встречают рассказчик и его спутник, так же, как и сам этот спутник, совершенно чужды подобным ценностям. Все эти персонажи принадлежат миру показных, мнимых идеалов, где извращен смысл столь важной для миропонимания елизаветинцев Великой Цепи Бытия, и низшее способно подчинить себе высшее. Однако в начале 1590-х гг., когда Донн написал эту сатиру, появились лишь первые трещины, и до полного крушения старых идеалов было еще далеко. Поэтому рассказчик, рьяный сторонник традиционных ценностей, чувствует себя относительно спокойно, резко осуждая погоню за мнимым и показным.

Особенно достается от сатирика его спутнику, пустому и глупому щеголю, судящему о людях лишь по их внешности и общественному положению и за всей этой мишурой не способному разглядеть их истинные достоинства, «нагую» добродетель:

Зачем, любитель срамной наготы,
Нагую честность презираешь ты?
Нужны ли добродетели камзолы?
Мы в мир приходим и уходим голы.

(Перевод Г. Кружкова)

Такие вопросы уже сами по себе очень многое объясняют в творчестве поэта. «Нагая» добродетель, непреходящие духовно-нравственные ценности при всех метаниях Донна всегда оставались для него неизменным условием поиска истины и строгим критерием оценки явлений.

Новым в сатире было и авторское отношение к фигуре рассказчика. Если у старших елизаветинцев он в моральном плане всегда возвышался над персонажами, подвергнутыми осмеянию, то у Донна он при всей своей любви к непреходящему и вечному превосходит их лишь в интеллектуальном отношении, ибо ясно видит, что они собой представляют. Но соблазн для него слишком велик. Он не может устоять перед уговорами своего собеседника, который всецело поглощен переменчивым и сиюминутным, и, понимая, что совершает глупость, бросает книги и отправляется на прогулку. И это принципиально важно для понимания сатиры. Ведь если согласиться с тем, что «глупый и нелепый чудак» – alter ego рассказчика, его вторая половина, то конфликт между одиноким созерцателем-рассказчиком и его рвущимся к обществу активным собеседником легко спроецировать и на образ автора, которого одновременно притягивает и отталкивает бурлящий водоворот лондонских улиц. Таким образом, свойственные всей поэзии Донна душевная неудовлетворенность и внутренний разлад как бы подспудно высвечиваются и в этом, казалось бы, по-юношески столь броско вызывающем стихотворении, исключая его прямолинейную трактовку.

В форме драматического монолога написаны и другие сатиры Донна. Во второй он обращается к нравам судейского сословия, которые он прекрасно

изучил в годы студенчества в Линкольнз-Инн. Тема продажности Фемиды, лживости, крючкотворства и жадности судей, вскоре ставшая одной из главных в городской комедии Бена Джонсона и Томаса Мидлтона, впервые в английской литературе зазвучала в сатирах Донна. Она осмыслена поэтом все в том же контексте крушения веками освященных ценностей:

Но тот, кто выбрал поприще закона,
Преследуя стяжательскую цель,
Тот храм Фемиды превратил в бордель.

Нет столько в королевской родословной
Ублюдков, ни в истории церковной –
Содомских пятен, сколько в нем живет
Лжи и пронырства; в них его доход.

(Перевод Г. Кружкова)

Таков Коский, герой второй сатиры, таковы и его собратья по цеху адвокатов, чьи пороки в конечном счете ведут к нарушению традиционных устоев жизни.

Не щадит Донн и придворных (четвертая сатира) вопреки всей опасности такой критики, что отлично понимал и сам поэт. В целом отношение Донна ко двору и придворной жизни также отличает неразрешенная двойственность. Двор как центр политической и культурной жизни Англии тех лет одновременно притягивает и отталкивает поэта. Недаром же он всю жизнь мечтал сделать карьеру при дворе, что и осуществилось, когда он принял духовный сан. Поэтому, несмотря на всю нелюбимую резкость критики придворных нравов, Донн все же надеется, что доблесть и благородство могут вернуться ко двору. Но идеал придворного, как его понимали старшие елизаветинцы и каким его воплощал в своем творчестве Сидни, больше не существует для него. В отличие от Спенсера не ищет он его и в далеком прошлом. Поэт развенчивает суету придворной жизни – «Столпотворенье зла, обмана, лести / И похоти, какими славен двор». Малообразованность придворных, которую Сидни еще совсем недавно пытался извинить или даже оправдать, у Донна вызывает лишь презрительную усмешку. Жеманный и болтливый франт, который появляется в сатире, словно предвосхищает шекспировского Озрика, а его аффектированный, полный эффуистических оборотов язык становится предметом язвительных насмешек рассказчика.

Более того, в сатирах Донна можно уловить и нотки разочарования в самой королеве. Какая уж тут Глориана, царица фей! Ведь в столь отличной от мифологического прошлого реальности конца XVI в. состарившаяся королева в лучшем случае ничего не знает о несправедливости, захлестнувшей Лондон, а потому и не может ничего исправить.

Постепенно объектом сатиры становится вся елизаветинская Англия (пятая сатира). Поэт снимает с Англии всякий ореол героики, называя свое

время веком «проржавленного железа», т.е. не просто железным веком, худшим из всех мифологических эпох, но веком, в котором и железо-то проела ржавчина:

Наш век считать железным не резон,
Именоваться ржавым должен он:
В железном – правосудьем торговали,
Днесь торговать неправосудьем стали.

(Перевод Ю. Корнеева)

Подобный скептицизм, выразивший настроение тогдашней молодежи, был абсолютно новым явлением во всей английской литературе.

Особенно интересна третья сатира, где поэт попытался изложить свои размышления о религии. И здесь он тоже шел собственным путем. Отношение Донна к Реформации сильно отличалось от государственно-патриотических взглядов старших елизаветинцев типа Сидни и Спенсера. Что же касается Шекспира, то тайну своих религиозных воззрений он унес в могилу, дав возможность исследователям строить самые разные предположения, ни одно из которых невозможно подтвердить фактами. Донн же не раз высказывался по этому поводу вполне ясно и определенно. По его собственным словам, родившись в католической семье, он был воспитан приверженцами «запрещенной и гонимой религии, привыкшими презирать смерть и жаждущими воображаемого мученичества»⁸. Но путь «воображаемого мученичества» был не для него, – порвав с семейной традицией, он перешел в протестантство. Этот поступок, достаточно обычный среди молодежи того времени, видимо, дорого стоил поэту. Сомнения еще очень долго мучили его. Некоторые ученые даже считают, что Донн по-настоящему утвердился в англиканстве лишь незадолго до принятия сана священника⁹. Во всяком случае, он многие годы усердно изучал полемическую литературу, написанную в свою защиту обеими сторонами, не говоря уже об отцах церкви и средневековых схоластах, пытаясь найти ответы на свои вопросы. Все это время свобода поиска и независимость индивидуального выбора оставались для него важнейшими критериями истины.

Третью сатиру он написал вскоре после отказа от «гонимой и запрещенной религии» своей семьи, когда рана была еще свежей. В тот момент жизни, порвав с католиками, он не стал еще истинным протестантом, считая себя «просто христианином», свободным от жестких догм, и в глубине души не принадлежа ни к какой деноминации. Такая позиция дала ему возможность как бы со стороны взглянуть на католическую, пуританскую и англиканскую церкви. Вывод, к которому пришел поэт, отличался крайне смелым по тем временам вольнодумством: все эти церкви равно далеки от Истины.

⁸ Carey J. John Donne: Life, Mind and Art. L., 1981. P. 21.

⁹ Strier R. Radical Donne: «Satire III» // ELH, Summer 1993. Vol. 60, n. 2. P. 283.

«Вывихнутое время» повредило земную церковь, отделив ее от неподвластной тлению небесной церкви. Но сама истина христианской веры не повреждена, хотя путь к ней долог и тернист:

Не уставай искать и сомневаться:
Отвергнуть идолов иль поклоняться?
На перекрестке верный путь пытаться –
Не значит в неизвестности блуждать,
Брести стезею ложной – вот что скверно.
Пик Истины высок неимоверно;
Придется покругить по склону, чтоб
Достичь вершины, – нет дороги в лоб!

(Перевод Г. Кружкова)

Позиция Донна – «мудрый скептицизм», не ставящий под сомнение основы христианского вероучения, но все же весьма радикальный для Англии его эпохи, где каждый англичанин принадлежал к какой-нибудь религиозной деноминации и верил, что именно она и является истинной.

Скепсисом проникнута и сатирическая поэма Донна «Метемпсихоз, или путь души» (*The Progress of the Soul. Metempsychosis*) (1601). В качестве сюжетного стержня поэмы Донн использовал заинтересовавшее ренессансных гуманистов древнее учение о метемпсихозе, или о бесконечном круге перевоплощений души, которая после смерти тела якобы каждый раз находит себе новое и переселяется в него (см. примечания). При этом, как сказано в авторском предисловии к поэме, «согласно Пифагорову учению, душа может переходить не только от человека к человеку или же скоту, но равномерно и к растениям».

Поэт, по всей видимости, написал лишь фрагмент первой песни, где рассказывалось о «путешествии» души запретного плода, который вкусили Адам и Ева¹⁰. По ходу действия душа переселялась в мандрагору, воробья, нескольких рыб, кита, мышь, волка, собаку, обезьяну и женщину по имени Фетх (Темех – Themesh), которая была одновременно сестрой и женой Каина. Согласно авторскому замыслу, в процессе многочисленных дальнейших перевоплощений душа должна была побывать в теле Магомета и Лютера. Известно, куда поэт хотел поместить злополучную душу в самом конце поэмы. Мнения ученых по этому поводу разделились. Одни считают, что она должна была найти себе пристанище в теле Кальвина, другие (их большинство) – в теле королевы Елизаветы. Если последнее предположение верно, то тогда поэма должна была иметь вызывающе смелый политиче-

¹⁰ Однако есть критики, которые считают, что «Метемпсихоз» представляет собой законченное произведение, содержащее отречение Донна от светской поэзии. Подобная аргументация нам кажется малоубедительной. См.: *Herendeen W.H.* «I launch at paradise, and saile toward home»: *The Progress of the Soul as Palinode // Early Modern Literary Studies, Special Issue 7* (May, 2001).

ский подтекст. Но есть также и мнение, что душе запретного плода надлежало закончить странствие в теле самого автора¹¹.

Как бы там ни было, очевидно, что именно в этой последней части сатирический замысел Донна должен был раскрыться полностью. Весьма трудно судить о нем на основании фрагмента, сочиненного поэтом. Однако общая сатирическая атмосфера поэмы ощутима и в этом отрывке. Она держится на сходстве эгоистического закона джунглей, по которому живут выведенные в «Метемпсихозе» существа, с нравами Лондона века «проржавленного железа». Тут поэма по своему нигилистическому запалу очень близка сатирам Донна.

Интересна и еще одна грань новаторства поэта. Обратившись к высокому эпическому жанру, Донн намеренно снизил его. Так родился новый для английской поэзии жанр ироикомической поэмы, который предвосхитил произведения художников слова эпохи Реставрации – Джона Драйдена и Сэмюэла Батлера.

Радикальным образом Донн переосмыслил и жанр эпистолы, и тут порвав с традицией своих предшественников. Старшие елизаветинцы обычно писали послания в виде возвышенных комплиментов, обращенных к влиятельным особам или же собратьям по перу, примером чему может служить целая группа сонетов-посвящений, которыми Спенсер предварил публикацию первых трех книг «Королевы фей». Донн мог сочинять и сочинял такие стихи, особенно в трудные годы своей жизни в начале XVII в. Но его лучшие послания написаны совсем иначе. В них поэт намеренно снизил стиль жанра, придав своей интонации непринужденно-разговорный характер. Иначе, видимо, и быть не могло, поскольку Донн сочинял послания не как поэтическое упражнение в популярном тогда жанре, но именно как «письма в стихах», которые он и посылал реально существовавшим людям, друзьям и знакомым. До нас даже дошли рукописи некоторых посланий, тщательно переписанные рукой автора. Что же касается столь важного для гуманистов образца из античной литературы, то примером для поэта совершенно явно служил Гораций, назвавший свои эпистолы «беседами».

Мир, возникающий в ранних посланиях Донна, – тот же, что и в его сатирах, одновременно красочный, притягательный и падший, лежащий во зле. Сравнив, например, в послании к своему другу юности Генри Уоттону (To Sir Henry Wotton) жизнь в деревне, в городе и при дворе, поэт нигде не нашел правды и добродетели – грех царствует повсюду:

Кто в Городе живет, тот глух и слеп,
Как труп ходячий: Город – это склеп.
Двор – балаган, где короли и плуты
Одной, как пузыри, тщетой надуты.
Деревня – дебрь затерянная; тут
Плодов ума не ценят и не чтут.

¹¹ Longer Elizabethan Poems. L., 1972. P. 33.

Поэт советует другу не придавать значения внешним обстоятельствам, избрав путь нравственного совершенствования:

Живи в себе: вот истина простая;
Гости везде, нигде не прирастая.
Улитка всюду дома, ибо дом
Несет на собственном горбу своем.
Бери с нее пример не торопиться;
Будь сам своим Дворцом, раз Мир – темница.

(Перевод Г. Кружкова)

В моральном пафосе стихотворения, в обращении к стоическому идеалу жизни вдали от людей и проповеди нравственного самосовершенствования явно ощутимы реминисценции из Горация. Но вместе с тем отношение Донна окрашено характерной для него скептической меланхолией и гамлетическим раздумьем. Отвернувшись от погрязшего в беззакониях мира, поэт пытается найти опору в дружеском взаимопонимании и участии. При этом, однако, Донну важен не столько идеал интимного содружества умов, который вскоре возник в поэзии Бена Джонсона, сколько тепло искреннего житейского товарищества, способного скрасить тяготы жизни, наполнить ее смыслом.

Среди дошедших до нас ранних посланий Донна самыми лучшими и наиболее широко известными являются два стихотворения – «Шторм» (The Storm) и «Штиль» (The Calm), которые, по сути дела, представляют собой объединенный общей мыслью диптих. Обращенные к Кристоферу Бруку, близкому другу еще со времени совместной учебы в Линкольнз-Инн, эти послания описывают реальные события, случившиеся с автором во время экспедиции на Азорские острова. Рассказав Бруку в «набросках путевых» о встрече с неподвластными человеку стихиями, Донн настолько ярко воспроизвел свои ощущения, что, читая эпистолы, мы и сегодня как бы становимся соучастниками гротескной трагикомедии, разыгранной на борту корабля, на котором плыли поэт и его товарищи. Едва успев отплыть от берегов, судно Донна попало в настолько сильный шторм, что было вынуждено вместе со всей флотилией вернуться обратно в Плимут для ремонта. Поэт пишет:

Перед подобным штормом, без сомненья,
Ад – легкомысленное заведение,
Смерть – просто эля крепкого глоток,
А уж Бермуды – райский уголок.
Мрак заявляет право первородства
На мир – и закрепляет превосходство,
Свет в небеса изгнав. И с этих пор
Быть хаосом – вселенский приговор.

После ремонта флотилия под командованием Эссекса вновь двинулась в путь, но тут, уже неподалеку от Азорских островов, корабль Донна на не-

сколько суток попал в штиль, сопровождавшийся страшной жарой. И это второе испытание оказалось ничуть не легче первого:

Шторм отшумит и стихнет, обессиля,
Но где, скажите, угомон для штиля?

Что бы меня ни подтолкнуло в путь –
Любовь – или надежда утонуть –
Прогнивший век – досада – пресыщенье –
Иль попросту мираж обогащенья,
Уже не важно. Будь ты здесь храбрец
Иль жалкий трус – тебе один конец;
Меж гончей и оленем нет различий,
Когда Судьба их сделает добычей.

Космическое, социально-историческое и личностное начала воедино сплавлены в стихотворениях, где макро- и микрокосм, по сути, неразделимы. Стихии вмиг взъярившейся бури и изнурительно-неподвижного штиля, казалось бы, противоположны друг другу, но, взятые вместе, они высвечивают главную тему диптиха – хрупкость человека перед лицом непостижимой вселенной и «вывихнутого» времени, его зависимость от помощи свыше:

Как человек, однако, измельчал!
Он был ничем в начале всех начал,
Но в нем дремали замыслы природны;
А мы – ничто и ни на что не годны.
В душе ни сил, ни чувств... Но что я лгу?
Бессилье же я чувствовать могу!

(Перевод Г. Кружкова)

Эти размышления о слабости человека, затерянного в огромной вселенной и беззащитного перед ударами судьбы, но все же сохранившего способность мыслить и чувствовать, уже отчасти предвосхищают паскалевскую метафору ломкого тростника, связывая диптих Донна с настроениями, характерными для литературы XVII в.

Совершенно оригинальны и эпиграмматичны Донна. Так, например, своеобразие юношеской «Эпиграмматичной, сочиненной в Линкольнз-Инн» (*Epithalamion Made at Lincoln's Inn*), особенно заметно в сопоставлении со знаменитой эпиграмматичной Спенсера, где старший поэт, виртуозно соблюдая декорум золотой манеры, сумел воплотить столь важное для него представление о любви как о благой и могучей силе, укрощающей хаос и движущей мир вперед во времени. Донн как будто бы принял идею супружеской любви как благодатной силы, поддерживающей жизнь и движущей мир, и вместе с тем с присущей ему парадоксальностью поставил ее под сомнение, задавшись вопросом, какова суть гармонии в дисгармоничном мире. Четкого ответа на этот вопрос

в эпиталаме нет, и серьезное здесь сочетается с комическим. Как и у Спенсера, любовь у Донна вписана в космический контекст. Однако торжественный тон эпиталамы намеренно снижен невыносимым для Спенсера дерзко-шутливым описанием встречи молодоженов в спальне, иронически-вызывающим сравнением жениха со жрецом, который, принося невесту в жертву, «потрошит» (*embowel*) ее на постели-алтаре. Все это настолько противоречило декоруму стихотворения Спенсера, что некоторые ученые даже предположили сознательную пародию¹². Как бы там ни было, отрешенно-скептический, вопрошающий взгляд Донна на мир и человека доминирует и в этом стихотворении.

Элегии Донна тоже открыли совершенно новую страницу английской литературы. Как полагают исследователи, за три года – с 1593 по 1596-й – поэт написал целую маленькую «книгу элегий», рукопись которой имела большой успех в кругу избранных читателей, на которых она и была рассчитана. Донн и тут был первым! Правда, Марло в юности переводил любовные элегии Овидия, а в 1595 г. в свет вышли написанные на латинском языке элегии Т. Кэмпбелла. Но именно Донн ввел этот жанр в обиход английской лирики, заложив вскоре ставшую очень популярной традицию.

Элегии Донна в основном посвящены любви. По мнению ученых, они носили явно полемический характер¹³. С их помощью поэт противопоставил себя главной моде дня, всеобщему увлечению сонетом в духе Петрарки, которое достигло в Англии своего апогея к началу 1590-х гг. Сонеты писали, по сути дела, все, кто только мог, – и прославленные поэты типа Сидни и Спенсера, и влиятельные вельможи, в том числе Эссекс, и даже сама королева. Постепенно стараниями многочисленных английских поэтов второго ряда замечательные открытия итальянского мастера превратились в расхожие и надоедливые штампы. Издержки этой моды очень быстро открылись Донну, наверное, даже раньше, чем Шекспиру, спародировавшему образ прекрасной дамы в сонетах о смуглой леди. В споре с английскими петраркистами молодой поэт выбрал свой путь.

Донн снова обратился к античной традиции, на этот раз к «Любовным элегиям» Овидия, которые дали ему мощный импульс для самостоятельных поисков. Донна привлекла к себе легкая ироничность Овидия, его отношение к любви как к занятию несерьезному, легкой игре, или занятию, украшающему жизнь. Хорошо известно, что «Любовные элегии» Овидия вовсе не были исповедью автора – никто даже не знает, существовала ли в действительности их главная героиня Коринна. Римский поэт просто брал готовые ситуации из лирики своих предшественников и бесконечно варьировал их, как бы взирая на

¹² Bald R.C. Op. cit. P. 77.

¹³ См. об этом, в частности, в монографии Дж.Б. Лишмана: *Leishman J.B. The Monarch of Wit: An Analytical and Comparative Study of John Donne*. L., 1962.

своего героя со стороны, а иногда и посмеиваясь над ним. Подобным образом поступил и Донн, в элегиях которого не стоит искать автобиографической подоплеку. Однако они были написаны в столь откровенной по тем временам манере, что создали юному поэту репутацию завзятого повесы.

С присущим для елизаветинцев свободным отношением к заимствованию Донн взял у Овидия некоторых персонажей и ряд ситуаций. Так, в элегиях английского поэта появились и неумолимый привратник, и старый ревнивый муж, и обученная героем любовному искусству девица, которая, познав всю прелесть «страсти нежной», изменила ему, и возлюбленная, снимающая платье. Однако все это полностью переосмыслено Донном и служит материалом для вполне самобытных стихотворений.

Вместо Рима эпохи Августа в элегиях Донна возник современный ему Лондон с типично английскими нравами и обычаями. Так, например, стерегущий девушку громадный детина-привратник, который произносит имя Божье лишь в ругательствах, ничем не похож на евнуха из стихов Овидия и скорее напоминает комический персонаж елизаветинского театра, а одежды, которая одна за другой возлюбленная сбрасывает с себя, полностью соответствуют господствовавшей тогда в лондонском свете моде. Гладкий и отточенный стих Овидия, плавное движение его мысли, обстоятельность повествования римского поэта сменились у Донна нервной динамикой драматического монолога.

Но главным отличием Донна от Овидия, автора «Любовных элегий», было иное отношение к чувству. Приняв идею любви как забавной игры, Донн лишил ее характерной для Овидия эстетизации и переосмыслил в духе своего времени. Надевший маску циника лирический герой элегий исповедовал доктрину вульгарного материализма, которая в Англии тех лет часто ассоциировалась с учением Макиавелли. Согласно так понятой доктрине итальянского мыслителя, место высших духовных ценностей заняли чувственные аппетиты, а природа каждого человека диктовала ему собственные законы поведения, свою мораль. Шекспировский Эдмунд («Король Лир») с афористической точностью выразил суть таких взглядов, сказав: «Природа, ты моя богиня». Герой же одной из элегий Донна («Изменчивость» – Change), отстаивая женское непостоянство в любви, с мальчишеским озорством сравнил женщину с самками животных, меняющих партнеров по первой прихоти, с морем, в которое впадают многие реки:

Смердящий запах у стоячих вод,
Но и в морях порой гниет вода.
Не лучше ли, когда кочуют струи
От берега к берегу, ласки им даруя?
Изменчивость – источник всех отрад,
Суть музыки и вечности уклад.

(Перевод Г. Кружкова)

В споре с петраркистами Донн не просто снизил образ прекрасной и недоступной возлюбленной, но и дерзко описал плотские радости любви. В его элегиях все словно перевернуто с ног на голову, и вместо холодной и далекой от героя дамы и ее томного воздыхателя читатели увидели вполне сговорчивую ветреницу и ее ловкого и самоуверенного соблазнителя. Собственно говоря, дама в элегиях Донна, как правило, пассивна и молчалива, зато герой очень речист и весьма активен. Написанные от лица такого героя, стихи поэта полны юношеского озорства и порой даже почти хулиганского задора. Герой элегий, явно эпатируя читателей, рассказывает о том, как возлюбленная, ложась вместе с ним в постель, снимает одну одежду за другой; как, дав волю рукам, он «путешествует» по ее обнаженному телу, которое он вызывающе сравнивает с географической картой; или с улыбкой описывает любовные утехы, вслед за Овидием уподобляя их войне, где люди не гибнут, но обретают жизнь:

Там убивают смертных – здесь плодят.
 Для ратных дел бойцы мы никакие;
 Но, может, наши отпрыски лихие
 Сгодятся в строй. Не всем же воевать:
 Кому-то надо и клинки ковать;
 Есть мастера щитов, доспехов, ранцев...
 Давай с тобою делать новобранцев!

(Перевод Г. Кружкова)

Строки поэта пестрят дерзко изобретательными каламбурами, намеренную непристойность которых скрашивает их отчаянно веселая смелость. Быть может, не все тут в равной мере удалось поэту. Как считают некоторые критики, ему порой изменял вкус¹⁴. Но ведь ничего подобного поэзия елизаветинцев до той поры не знала. Некоторые строки Донна были настолько откровенны, что цензура выкинула пять элегий из первых изданий его стихов.

Среди этих пяти элегий было и знаменитое стихотворение «На раздевание возлюбленной» (*To his Mistress Going to Bed*), впервые опубликованное отдельно только в 1654 г. Донн опирался здесь на одну из элегий Овидия, рассказавшую о том, как однажды в жаркий летний полдень Коринна вошла к герою в занавешенную от зноя спальню «в распоясанной легкой рубашке»:

Легкую ткань я сорвал, хоть, тонкая, мало мешала, –
 Скромница из-за нее все же боролась со мной.
 Только сражалась, как те, кто своей не желает победы,
 Вскоре, себе изменив, другу сдалась без труда.
 И показалась она перед взором моим обнаженной...
 Мне в безупречной красе тело явилось ее.

(I, 5, перевод С. Шервинского)

¹⁴ Sanders W. John Donne's Poetry. Cambridge, 1971. P. 39–43.

У Донна ситуация несколько иная. Раздевание возлюбленной, которая и не думает сопротивляться даже для виду, занимает почти все стихотворение. Она словно показывает читателям стриптиз за несколько веков до того, как это слово возникло в английском языке, постепенно расставаясь с пояском, нагрудником, корсетом и т.д. Само же стихотворение уже в первых строках содержит непристойный каламбур, даже намек на который нет у Овидия:

Скорей, сударыня! я весь дрожу,
Как роженица, в муках я лежу;
Нет хуже испытанья для солдата –
Стоять без боя против супостата.

Воспетое римским поэтом обнаженное тело возлюбленной, «безупречное» в своей «красе», вызывает у Донна, казалось бы, совершенно неожиданные ассоциации. Он сравнивает его с недавно открытым американским континентом:

Моим рукам-скитальцам дай патент
Обследовать весь этот континент;
Тебя я, как Америку, открою,
Смирю – и заселю одним собою.

Впрочем, так ли неожиданным было это сравнение в эпоху великих географических открытий и недавно начавшейся, но уже бурной колониальной экспансии? Новые территории, открывшиеся взору завоевателей, казались огромными, таинственными и прекрасными, хотя их освоение и было связано с опасностями и порой очень жестокой борьбой с местным населением. Донн смело спроецировал все эти чувства в любовную лирику, назвав возлюбленную своей «империей» – в подлиннике своей Америкой, своей только что открытой землей – Ньюфаундленд, своим королевством (o my America, my new found land, / My kingdom). В любви – не только как на войне; в любви, оказывается, и как в походе в чужие земли. Тот же дух авантюры, те же манящие открытия и те же трудности и радости победы. Так, эротика и колониальная экспансия неожиданно и вместе с тем закономерно для эпохи Донна переплелись в его стихах, создав новый, неизвестный дотолем в английской поэзии сплав. И здесь Донн тоже прокладывал новые пути.

Но, словно и этого было мало, Донн дерзко сопоставил любовные утехы с религиозным экстазом, смешав профанное и духовное:

Как душам – бремя тел, так и телам
Необходимо сбросить груз одежды,
Дабы вкусить блаженство. Лишь невежды
Клюют на шелк, на брошь, на бахрому –
Язычники по духу своему!
Пусть молятся они на переплеты,

Не видящие дальше позолоты
Профаны! Только избранный проник
В суть женщин, этих сокровенных книг,
Ему доступна тайна.

(Перевод Г. Кружкова)

Уговаривая даму снять с себя все одежды, герой мечтает «вкусить блаженство», которое должно принести ему заранее предвкушаемые плотские и в то же время духовные радости. Ведь женщина – далеко не просто объект чувственного вождления, но и «сокровенная книга» (в подлиннике *mystic book*), таинственную суть которой способны понять лишь избранные. «Познав» женщину, герой не только удовлетворит свою страсть, но и общится к уделу избранных – мистическому откровению.

Подобное смешение религиозного и эротического начал не было открытием Донна. Гуманисты Возрождения хорошо знали, что оно, по сути дела, восходит к брачным образам и эротической символике Ветхого Завета (Книга пророка Осии, Песнь песней), которые проникли затем в Новый Завет и в писания христианских мистиков. В английской поэзии XVI в. такое смешение обернулось квазирелигиозным культом дамы в петраркистской лирике, который к концу века уже никто не воспринимал всерьез – настолько девальвированными были образы дамы в таких стихотворениях. Донн вернул этой символике ее первоначальный смысл, став и здесь первооткрывателем, по стопам которого вскоре пошли другие английские поэты XVII в. Что же касается самого Донна, то нити от этого стихотворения тянутся далеко вперед – и к светской, и к духовной лирике поэта.

Критики, воспринявшие элегии Донна буквально, увидев в них лишь проповедь свободы чувств или – даже хуже того – «порнографию»¹⁵, явно упростили, а порой и исказили их смысл. Как мы уже не раз имели случай отметить, лирика Донна вообще не поддается однозначному прочтению. Во всяком случае, очевидно, что для молодого поэта, как и для большинства его образованных читателей, отрицательный смысл макиавеллизма был хорошо ясен. И, конечно же, во всех элегиях ироническая дистанция прочно отделяла героя от автора. Как и Овидий, Донн тоже смеялся над своим героем-повесой¹⁶.

Однако не все элегии Донна связаны с традицией Овидия. Юный поэт интересовался также и итальянским парадоксом, литературным жанром, ставшим популярным в Италии XVI в., в период кризиса Ренессанса и формирования новых стилей искусства. Авторы, обратившиеся к этому жанру (среди них был и Тассо), стремились всячески спародировать привычные

¹⁵ Lewis C.S. *Donne and Love Poetry in the Seventeenth Century* // *Seventeen-Century Poetry: Modern Essays in Criticism*, N.Y., 1962. P. 102.

¹⁶ *Andreasen N.J.* C. John Donne. *Conservative Revolutionary*. Princeton. 1967. P. 78–130.

ценности, найдя необычные повороты мысли, необычную метафору. Скептически настроенному Донну была близка эта традиция, и ее влияние чувствуется в его овидианских элегиях, таких, как, скажем, «Путь любви» (Love's Progress). Некоторые же стихотворения Донн целиком стилизовал в духе итальянского парадокса. Пожалуй, наиболее известным среди них стала «Анаграмма» (The Anagram), где поэт воздал хвалу безобразной женщине. С вызывающим озорством доказывая, что уродливая Флавия будет преданной и верной женой, ибо никто не польстится на нее, Донн при описании ее внешности «взрывает» смысл расхожих в петраркистской лирике эпитетов, вводя их в абсолютно неожиданные соотношения. (Так поступит и Шекспир в знаменитом 130-м сонете: Глаза любимой солнце не затмят, / С кораллом не соперничают губы...) В элегии Донна у Флавии не маленький рот и большие глаза, а, наоборот, маленькие глаза и большой рот, не золотистые, но рыжие волосы, пожелтевшие щеки, черные зубы и т.д. Как указала Х. Гарднер, Донн, опиравшийся здесь на опыт Тассо и Берни, превзошел их словесной пиротехникой¹⁷. Пока еще не связанная здесь с серьезными задачами, виртуозность нужна была молодому поэту, в основном чтобы поразить публику, но критерий «удивительного», стремление изумить читателей стали отныне важнейшей частью его эстетики, органично вписавшись в самые серьезные произведения.

Все же среди элегий Донна было несколько стихотворений, далеких как от Овидия, так и от традиции итальянского парадокса. Таковы, например, «Портрет» (His Picture) или «На желание возлюбленной сопровождать его, переодевшись пажом» (On his Mistress). Тема любви, мотив прощания влюбленных перед расставанием трактуются в них вполне серьезно, а чувство любящих изображено тут как взаимное и всепоглощающее, неподвластное разлуке. Эти элегии предвосхищают знаменитые стихотворения из цикла «Песни и стихотворения о любви» (Songs and Sonets), хотя и гораздо проще их по мысли.

В 1590-е гг. Донн довольно часто обращался к любовной лирике, сочинив не только элегии, но и много стихотворений в других жанрах. Стихотворения о любви он продолжал писать и в начале XVII в. В первом посмертном издании его поэзии (1633) эти стихотворения были напечатаны вперемешку с другими. Но уже два года спустя, во втором издании той же книги (1635) составители (среди них был и сын поэта) собрали их в единый цикл, назвав по аналогии с популярным в XVI в. сборником Р. Тоттела «Песни и сонеты». В английском языке той эпохи слово «сонет» (*sonet*) (по большей части его писали с одним *n*, хотя могли иногда писать и с двумя) часто употреблялось в значении «стихотворение о любви», сочиненное в любом жанре. Поэтому «сонеты» некоторых английских поэтов XVI–XVII вв. порой насчитывали

¹⁷ *Donne J.* The Elegies and the Songs and Sonnets. Oxford, 1965. P. 138.

более 20 строк и могли иметь самую разнообразную строфику. Именно в этом втором смысле составители и употребили это слово в заглавии цикла. Ведь среди вошедших туда стихотворений было несколько песен и ни одного сонета, написанного в соответствии с законами этого жанра (итальянскими или английскими). Соответственно русский перевод названия цикла «Песни и стихотворения о любви» представляется нам более точным, чем часто встречающийся буквальный вариант «Песни и сонеты».

Читателя, впервые знакомящегося с циклом, поражает чрезвычайное многообразие ситуаций и настроений, воссозданных автором. «Блоха» (The Flea), стихотворение, открывавшее цикл в издании 1635 г., обыгрывало распространённый в эротической поэзии Ренессанса мотив: поэт завидует блохе, коснувшейся тела возлюбленной. Донн же заставил блоху кусать не только девушку, но и героя, сделав надоедливое насекомое символом их плотского союза. Второе стихотворение «С добрым утром» (The Good Mornow) гораздо более серьезно по тону и воспроизводило совсем иную ситуацию. Двое влюбленных, проснувшись на рассвете, размышляют о силе их чувства, которое создает для них особый мир, противостоящий всей вселенной. Затем следовали «Песня» (Song – Go, and catch a falling star), игриво доказывающая, что на свете нет верных женщин, и по настроению близкое к элегиям Овидия «Женское постоянство» (Woman's Constancy) с его макиавеллистической моралью. После них – «Подвиг» (The Undertaking) – в одной из рукописей он назван «Платоническая любовь» (Platonic Love), где восхвалялся духовный союз любящих, забывших о телесном начале чувства. (В других, более поздних изданиях расположение стихотворений было иным, но при этом пестрое разнообразие цикла осталось тем же.)

«Песни и стихотворения о любви» ничем не похожи на елизаветинские циклы любовной лирики, такие как «Астрофил и Стела» Сидни, «Amoretti» Спенсера или даже смело рушащие каноны «Сонеты» Шекспира. В стихотворениях Донна полностью отсутствует какое-либо скрепляющее их сюжетное начало. Нет в них и героя в привычном для того времени смысле этого слова. Да и сам Донн, наверное, не воспринимал их как единый поэтический цикл. И все же издатели поступили верно, собрав их вместе, ибо все они связаны многозначным единством авторской позиции. Это единство и позволяет назвать «Песни и стихотворения о любви» новаторским по своей природе циклом любовной лирики, явлением уникальным в истории английской поэзии.

Основная тема цикла – место любви в мире, подчиненном нескончаемым переменам и смерти, во вселенной, где время «вышло из пазов». «Песни и стихотворения о любви» представляют собой серию разнообразных зарисовок, своего рода моментальных снимков, фиксирующих широчайший спектр чувств. Прихотливое движение, постоянная текучесть объединяют между собой стихи цикла. Его герой, познавая самые разнообразные аспекты любви, безуспешно ищет душевное равновесие. Попадая во все новые и

новые ситуации, он как бы непрерывно меняет маски, за которыми не так-то просто угадать его истинное лицо. Во всяком случае, ясно, что оно не равнозначно лицу автора, в чьи задачи вовсе не входило намерение открыть себя. Лирическая исповедь, прямое излияние чувств – характерные черты более поздних эпох, прежде всего романтизма, и к «Песням и стихотворениям о любви» они не имеют никакого отношения.

Читателя, знакомящегося с циклом, поражает и необычайное разнообразие поэтической интонации. Постоянно меняясь, она передает и фривольную игривость, и отрешенное спокойствие, и восторженную радость, и капризную обидчивость, и возвышенное обожание, и трагическую скорбь, и полноту счастья, и огромное множество других настроений. (Два стихотворения цикла даже написаны от женского лица, что еще больше подчеркивает сложность общей картины.) Не менее многообразна и поэтическая форма цикла. Некоторые стихотворения представляют собой песни на популярные тогда мелодии, и здесь Донн продолжает елизаветинскую традицию. Другие сочинены в форме любовной эпитафии, восходящей к Марциалу. Третьи близки элегиям. Ряд стихов написан привычными размерами (пятистопным ямбом) и строфами (катренами). В других поэт нарушает эти нормы, отступая от размера и пользуясь длинными строфами.

Порой возникает впечатление, что цикл вообще не поддается никакой внутренней классификации. Оно обманчиво, хотя, конечно же, всякое членение цикла на части условно, ибо неминуемо упрощает многообразие и сложность чувств, запечатленных в «Песнях и стихотворениях о любви».

Ученые обычно делят лирику цикла на три группы¹⁸. Не все стихотворения вмещаются в это прокрустово ложе, а некоторые из них занимают как бы промежуточное положение между этими группами. И все же такое деление удобно, ибо оно учитывает три главные литературные традиции, на которые опирался и от которых отталкивался Донн.

Первая из них – уже знакомая по элегиям традиция Овидия. Таких стихотворений довольно много, и они весьма разнообразны по характеру. Есть здесь и игриво-циничная проповедь законности «естественных» для молодого повесы желаний. Герой одного из таких стихотворений («Община» – Community) с лукавой улыбкой пытается доказать, что по своей природе женщины не плохи и не хороши, и потому их нельзя любить или ненавидеть, остается лишь одно – со спокойным равнодушием «пользоваться» ими, меняя подруг по первой прихоти:

Они – плоды у нас в саду,
Мы их срываем на ходу,
Рассматриваем и кусаем;

¹⁸ См., например, упомянутые выше работы Х. Гарднер, Н.Дж. Андреасена.

И перемена блюд – не грех,
Ведь дорог ядрышком орех,
Ну, а скорлупку мы бросаем.

(Перевод Г. Кружкова)

Есть здесь и шутливое обращение к Амуру с просьбой покровительства юношеским проказам героя («Амур-ростовщик» – Love's Usury), и искусные увещания возлюбленной уступить желаниям героя («Блоха»), и даже написанный от лица женщины монолог, в котором она отстаивает свое право на полную свободу отношений с мужчинами («Любовь под замком» – Confined Love), и многое другое в том же ключе. Как и в элегиях, героя и автора в этой группе стихов разделяет ироническая дистанция.

Но есть в цикле и особый поворот любовной темы, весьма далекий от дерзкого озорства элегий. Испытав разнообразные превратности плотской любви, герой разочаровывается в ней, ибо она не дает ему прочной радости и спокойствия. Герой «Алхимии любви» (Love's Alchemy) сравнивает страсть с красивыми на вид, но быстро гнущимися мыльными пузырями. За эти радости вовсе не стоит платить своим спокойствием, состоянием, честью и даже жизнью. К тому же унизительно краткое удовольствие в равной мере доступно и господину, и его лакею:

Ужели впрямь платить необходимо
Всей жизнью своей – за тень от дыма?
За то, чем каждый шут
Сумеет насладиться в пять минут
Вслед за нехитрой брачной пантомимой?

(Перевод Г. Кружкова)

В другом еще более откровенном стихотворении «Прощание с любовью» (Farewell to Love) герой высмеивает юношескую идеализацию любви, утверждая, что в ней на самом деле нет ничего, кроме похоти, насытив которую, человек впадает в уныние:

Так жаждущий гостинца
Ребенок, видя пряничного Принца,
Готов его украсть;
Но через день желание забыто,
И не внушает больше аппетита
Обгрызанная эта сладость;
Влюбленный
Еще недавно пылко исступленный,
Добившись цели, скучен и не рад,
Какой-то меланхолией объят.

(Перевод Г. Кружкова)

Обладание возлюбленной просто не способно дать предвкушаемую радость; оно нужно лишь для продолжения человеческого рода и к тому же,

согласно поверьям эпохи, еще и сокращает жизнь. Уразумев все это, герой решает отказаться от «сомнительного блаженства» любви, хотя он и не очень верит в успех этой затеи.

Своими мыслями «Прощание с любовью», несомненно, перекликается с 129-м сонетом Шекспира:

Души растрата в пропасти стыда –
Вот похоти финал, а до финала
Она дика, груба, полна вреда,
Жестока, неверна, и все ей мало.

Вкусивший с нею сладостных минут
Презреньем платит ей. Ее без меры
Взыскуют и без меры же клянут,
Как злой обман, рождающий химеры.

(Перевод А. Шаракшанэ)

Однако если герой Шекспира целиком во власти мучительно-необоримого желания, которое подчинило себе разум, то герой Донна и тут не утратил своей скептической отрешенности, что делает весь тон стихотворения гораздо более беспощадным и циничным, чем у Шекспира. Видимо, герою Донна нужно было познать эту крайность, чтобы изжить искус плоти, радости которой, игриво воспетые поэтом в других стихах, здесь обернулись своей разрушительно-опустошающей стороной.

В другой группе стихотворений цикла Донн обратился к традиции, которая тогда противостояла Овидию. Неожиданным образом Донн, казалось бы, совсем еще недавно начавший словесную войну с подражателями Петрарки, теперь создал свой вариант петраркизма. Но неожиданность эта, скорее всего, закономерна, поскольку она не только излюбленный литературный прием, но и важнейшая черта творчества Донна. Наверное, поэту было мало пародии на петраркистские штампы в овидианских стихотворениях, его герой должен был еще и сам пережить и переосмыслить опыт чувства, воспетого Петrarкой.

Стихотворения этой группы обыгрывают типичную для традиции Петрарки ситуацию – недоступная дама обрекает героя на страдания, отвергнув его любовь. Пожалуй, наиболее близким к традиции итальянского мастера в цикле получился «Твикнамский сад» (Twicknam Garden), где пышное цветение весенней природы противопоставлено иссушающее бесплодным мукам героя, томно вздыхающего и льющего слезы из-за неразделенной любви:

В тумане слез, печальями обвитый,
Я в этот сад вхожу, как в сон забытый;
И вот – к моим ушам, к моим глазам
Стекается живительный бальзам,

Способный залечить любую рану;
Но монстр ужасный, что во мне сидит,
Паук любви, который все мертвит,
В желчь превращает даже божью манну;
Воистину здесь чудно, как в Раю, –
Но я, предатель, в Рай привел змею.

(Перевод Г. Кружкова)

Написанный как комплимент в честь графини Люси Бедфорд, одной из влиятельных покровительниц поэта, в которых он так нуждался в трудные годы жизни, «Твикнамский сад» вместе с тем наименее типичное из петраркистских стихотворений Донна. Комплиментарный жанр не требовал от поэта сколько-нибудь серьезных чувств, но он определил собой, по крайней мере внешнюю серьезность их выражения, хотя, конечно же, юмор подспудно присутствует в стихотворении, умеряя экзальтацию тона и снижая привычные петраркистские образы. Вряд ли графиня могла без улыбки прочесть полное мнимого отчаяния обращение к ней, которым поэт завершил «Твикнамский сад»:

Из них одна доподлинно верна –
И тем верней меня убьет она!

В других стихотворениях этой группы отношение Донна к происходящему гораздо более отрешенно и скептично. Это позволило ему сохранить должную дистанцию и с усмешкой взглянуть на отвергнутого влюбленного. Да и сам влюбленный здесь мало похож на томного воздыхателя. Он способен не без остроумия анализировать свои чувства («Разбитое сердце» – *The Broken Heart*) и шутливо назвать себя «Тройным дураком» (*The Triple Fool*) за то, что влюбился без ответа, выразил чувство в стихах, надеясь усмирить его, а затем, неожиданно услышав песню, сочиненную кем-то на свои слова, вновь ощутил боль и стыд, чем только усугубил безысходную глупость всей ситуации:

Увы! к моим стихам
Певец, для услаждения милых дам,
Мотив примыслил модный –
И волю дал неистовым скорбям,
Пропев их принародно.
И без того Любви приносит стих
Печальну дань; но песня умножает
Триумф губителей моих
И мой позор тем громче возглашает.
Так я, перемудрив, попал впросак:
Был дважды дурнем – стал тройной дурак.

(Перевод Г. Кружкова)

Иногда же Донн поворачивает привычную для подражателей Петрарки ситуацию совершенно непредвиденным образом. Так, например, в стихотво-

рении «Призрак» (The Apparition) поэт комически овеществляет образ отвергнутого и убитого горем возлюбленного, уже давно ставший штампом у петраркистов, доводя ситуацию до гротеска. Герой стихотворения, на самом деле убитый пренебрежением возлюбленной, возвращается к ней в виде привидения. Застав ее с другим (недоступной она только прикидывалась), он насмерть пугает недотрогу-притворщицу, платя презрением за презрение:

Когда убьешь меня своим презреньем,
 Спеша с другим предаться наслажденьям,
 О, мнимая весталка! – трепещи:
 Я к ложу твоему явлюсь в ночи
 Ужасным гробовым виденьем,
 И вспыхнет, замигав, огонь свечи.
 Напрасно станешь тормозить в испуге
 Любовника; он, игрищами сыт,
 От резвой отодвинется подруги
 И громко захрапит;
 И задрожит ты, брошенная всеми,
 Испариной покрывшись ледяной...

(Перевод Г. Кружкова)

И, наконец, здесь есть и стихи, в которых отвергнутый влюбленный решает оставить недоступную даму и искать утешение у более стоворчивой возлюбленной («Цветок» – The Blossom). Уезжая, герой оставляет сердце рядом с дамой (еще одна комически овеществленная метафора). Но жестокой красавице нет дела до чужого сердца. Поэтому герой приглашает сердце встретиться с ним в Лондоне «дней через двадцать». К тому времени, побыв в компании друзей, он уже ничем не будет походить на петраркистского влюбленного, худого и бледного. Посвежев и набрав вес, он подарит сердце новой подруге. Обращаясь к сердцу, герой говорит:

Увидимся опять
 Там, в Лондоне, дней через двадцать;
 Успею я румянец нагулять
 От вас вдали; счастливо оставаться.
 Явись же к сроку по моим следам:
 Тебя отдам
 Я только той, какая б восхотела
 Меня всего – души моей и тела.

(Перевод Г. Кружкова)

И в этой группе стихотворений всегда ищущий и постоянно неудовлетворенный герой, изведав искус страсти (пусть и безответной), победил ее. Да и, казалось бы, какие расхожие ценности могли выдержать атаку скептической иронии поэта?

Однако Донн не всегда столь ироничен. Третья группа стихотворений цикла посвящена идеалу взаимной любви, и в них поэт настроен гораздо более серьезно. Вслед за Х. Гарднер ученые называют эти стихи неоплатоническими, указывая на их связь с доктринами ренессансного неоплатонизма. Донн, по-видимому, очень хорошо знал работы итальянских неоплатоников – Марсилио Фичино, Пико делла Мирандолы и родившегося в Испании Леоне Эбрео (Абрабанеля), которые выстроили весьма сложное учение о любви как о союзе любящих, таинственным путем познающих в облике любимого образ Творца. Этим учением интересовались старшие елизаветинцы и прежде всего Спенсер. И в данном случае Донн тоже пошел своим путем. Неоплатоническая доктрина послужила для него как бы точкой опоры, оттолкнувшись от которой, Донн создал сцены-зарисовки, иногда прямо, а иногда лишь косвенно и отдаленно связанные с неоплатонизмом. Порой же такая связь вообще может показаться искусственной и надуманной. Подчеркнув эти соображения, Дж. А. Смит предложил отказаться от термина «неоплатонический» в применении к данной группе стихотворений цикла¹⁹. Однако исследователи, быть может, не найдя никакой адекватной замены, все же продолжают им пользоваться и по сей день.

И тут Донн воспроизвел достаточно широкий спектр отношений любящих. В некоторых стихах поэт утверждает, что любовь – чудо, которое не поддается рациональному осмыслению. Опираясь на принятый в апофатическом богословии прием «определения с помощью отрицания», Донн попытался объяснить загадочную сущность любви в отрицательных категориях, перечислив то, чем она не является. В других стихах Донн изображает любовь возвышенную и идеальную, не знающую телесных страстей. О ней поэт рассказал, например, в упомянутом выше «Подвиге», подчеркнув особый, исключительный характер такого чувства, познать которое способны лишь немногие избранные, – тема, уже затронутая, пусть и в шутовском ключе, в элегии «На раздевание возлюбленной».

В «Восторге» (The Ecstasy), одном из самых известных стихотворений цикла, Донн описал волновавший неоплатоников мистический экстаз любящих, чьи души, выйдя из тел, слились воедино. Но таинственный союз, породивший единую новую душу, по мнению поэта, не мог бы состояться без участия плоти. Ведь она свела любящих вместе и является для них, выражаясь словами самого Донна, не никчемным шлаком (dross), а важнейшей частью сплава (allay), символизирующего их союз:

Но плоть – ужели с ней разлад?
Откуда к плоти безразличие?
Тела – не мы, но наш наряд,
Мы – дух, они – его обличья.

¹⁹ *Donne J. Essays in Celebration. L., 1972. P. 89–131.*

Нам должно их благодарить –
Они движеньем, силой, страстью
Смогли друг дружке нас открыть
И сами стали нашей частью.

Как небо нам веленья шлет,
Сходя к воздушному пределу,
Так и душа к душе плывет,
Сначала приобщаясь к телу.

(Перевод А. Сергеева)

Соответственно в любви духовное и телесное – не только противостоящие, но взаимодополняющие друг друга начала.

«Восторг» продемонстрировал и важное отличие взглядов Донна от доктрины неоплатоников, на что в свое время обратил внимание А. Дж. Смит²⁰. В стихотворении экстаз любящих не увел их вверх по неоплатонической лестнице к созерцанию божественной красоты и истины. Произошло нечто обратное. Познав мистический восторг, души любящих все же вернулись обратно в оставленные ими тела. Ведь хотя тайна любви и сокрыта в душе влюбленных, тело – та книга, с помощью которой эту тайну можно понять. Здесь скептический ум поэта попытался найти опору в реальности, изменив умозрительным схемам.

В лучших стихотворениях этой группы любовь показана как гармоническое единство духовного и чувственного начал. Назовем среди них такие как «С добрым утром» (The Good Morrow), «К восходящему солнцу» (The Sun Rising), «Годовщина» (The Anniversary), «Растущая любовь» (Love's Growth) и четыре «Прощания», особенно «Прощание, запрещающее печаль» (A Valediction: forbidding Mourning).

И тут тоже Донн экспериментировал, отталкиваясь от знакомого и переосмысляя привычное. Как справедливо заметил У. Зандер, воспетый Донном идеал взаимной любви в общем-то традиционен для елизаветинского мировосприятия²¹. Он предполагает укорененное в учении о Великой Цепи Бытия иерархическое различие между мужчиной и женщиной при их фундаментальном равенстве, гармоническое равновесие противоположностей, освященный таинством брака союз души и тела. Такой идеал обычно после сложных сюжетных поворотов возникал в счастливых комедиях Шекспира типа «Много шума из ничего». В поэзии его провозгласил Спенсер.

Однако по сравнению со своими предшественниками Донн сделал важный шаг вперед. Ни Спенсер, ни Шекспир не показали, как этот идеал

²⁰ Ibid. P. 29.

²¹ Zunder W. The Poetry of John Donne. Brighton, 1982. P. 30.

воплощался в жизни. «Эпиталама» Спенсера давала лишь абстрактно-символическое изображение брачной церемонии, а встреча героев «Королевы фей» сэра Артегала и воительницы Бритомарт так и осталась ненаписанной. Зрители же шекспировских комедий должны были принять на веру, что союз Геро и оскорбившего ее Клавдио будет и в самом деле гармоничным, а Виола и герцог Орсино поймут друг друга после свадьбы. Донн же реально изобразил то, что подразумевали Спенсер и Шекспир, рассказав о счастье разделенной любви, о той радости, которую дает взаимная близость.

Насколько нам известно, ни один крупный английский поэт ни до, ни после Донна не оставил столь яркого изображения взаимного чувства, как автор «Песен и стихотворений о любви». Однако «вывихнутое время» и на это чувство тоже наложило свой отпечаток, повернув традиционные идеалы в неожиданном ракурсе и тем преобразив их.

Брак и освященная им полнота супружеских отношений ни разу прямо не упомянуты Донном. Правда, первый биограф поэта А. Уолтон утверждал, что Донн написал «Прощания» в 1611 г. перед поездкой во Францию, посвятив их жене. Но биография Уолтона, стилизованная в духе жития, вышла в свет уже после смерти поэта в 1640 г. Она содержала ряд неточностей, которые подметили дотошные исследователи, и потому не всегда надежна. Во всяком случае в «Прощании, запрещающем печаль» были строки, явно говорившие о необщности чувств любящих – тема, возникающая и в других стихах цикла:

Кошунством было б напоказ
Святыню выставлять профанам.

(Перевод Г. Кружкова)

Очевидно, любовь героев все-таки отлична от обычных супружеских отношений, доступных каждому человеку (любому «профану»), и имеет особый, исключительный характер. «Утонченные» любовью, познать которую могут лишь немногие избранные, героини стихотворения противопоставлены всем остальным любящим «подлунного мира». Такого поворота темы не было ни у Спенсера, ни у Шекспира.

Сила чувств любящих в этих стихах Донна столь велика, что благодаря ей они создают для себя собственную, неподвластную общим законам вселенную, которая противостоит окружающему их миру. Само солнце, управляющее временем и пространством, становится их слугой. Но при этом парадоксальным образом весь необъятный мир сжимается для влюбленных до размера маленькой комнаты – их спальни. И больше «нет ничего другого»

(Nothing else is). Обращаясь к «надоедливому старому дурню» солнцу, герой восклицает:

Я ей – монарх, она мне – государство,
 Нет ничего другого;
 В сравненье с этим власть – пустое слово,
 Богатство – прах, и почести – фиглярство.
 Ты, Солнце, в долгих странствиях устало,
 Так радуйся, что зришь на этом ложе
 Весь мир: тебе заботы меньше стало,
 Согреешь нас – и мир согреешь тоже;
 Забудь иные сферы и пути,
 Для нас одних вращайся и свети!

(«К восходящему Солнцу»,
 перевод Г. Кружкова)

С помощью образов-гипербол Донн выразил особый опыт любви, который возможен лишь в «вывихнутом» мире, где нарушены иерархические принципы Великой Цепи Бытия. В таком мире честь стала притворством, богатство – алхимией, монархи подражают влюбленным, а сам властелин вселенной – солнце, – постарев и растратив силы, может найти счастье и долгожданный покой только на службе у героев. Но вся опасность в том, что деформированный мир деформирует и само чувство, до максимального предела «утончая» любовь, делая ее уделом лишь двух истинно любящих, отгородивших себя от остальных смертных. В этом одновременно и сила, и хрупкость такой любви.

Однако скептический интеллект Донна, обыгрывая всевозможные положения, поставил под сомнение и этот идеал любви. В зыбком, лишенном твердого основания мире цикла иначе и быть не могло.

В некоторых стихотворениях этой группы, таких, например, как «Мощи» (The Relic), рассказывая о взаимной любви, поэт воспользовался религиозными образами. Мощи здесь – это покоящиеся в могиле останки влюбленных, кость и обвивший ее локон (a bracelet of bright hair about the bone). Мы помним, что раньше в элегии «На раздевание возлюбленной» Донн дерзко смешал религиозное с эротическим. В «Мощах» ситуация несколько иная, и веселого эпатажа для поэта теперь мало. Что такое мощи, он знал не понаслышке; само представление о них было для него связано с горьким опытом «запрещенной и гонимой религии» его детства. Биографы рассказывают, что юный поэт и его младший брат с благоговением хранили частичку мощей Томаса Мора, которого они согласно семейной традиции почитали святым. И теперь в написанном, как ясно из контекста, уже после перехода в протестантство стихотворении вдруг появляются мощи двух влюбленных, которые воображаемые потомки обнаружат когда-то, раскопав их могилу:

Вдруг это будет век и град,
Где лжебогов усердно чтят,
Тогда епископ с королем
Решат, увидев нас вдвоем:
Святые мощи здесь!
Ты станешь Магдалиной с этих дней,
Я – кем-нибудь при ней...
И толпы в ожидании чудес
Придут облобызывать наш прах...

(Перевод Д. Щедровицкого)

Как известно, протестанты упразднили культ святых и запретили поклонение мощам, считая его пережитком язычества. Донн же прямо говорит об «идолопоклонстве» (*misdevotion*) потомков и вместе с тем, как бы помимо своей воли, вкладывает в религиозные образы стихотворения привычный для своего католического детства смысл. По меткому наблюдению Джона Кэри, религиозное совместилось здесь с антирелигиозным, светское с духовным, и поэт балансирует между этими двумя крайностями как на острие ножа, наделяя стихотворение особой неразрешенной и, быть может, неразрешимой двойственностью²². Во всяком случае ясно, что «идолопоклонство» при всем возвышенном отношении к героине как к «чуду» не может быть истинным идеалом любви.

Сомнение в идеале взаимной любви высказано и в «Канонизации» (*The Canonization*):

Без страха мы погибнем за любовь;
И если нашу повесть не сочтут
Достойной жития, – найдем приют
В сонетах, в стансах – и воскреснем вновь...

(Перевод Г. Кружкова)

Канонизация в сонетных циклах и любовных гимнах могла быть лишь шуточной, травестийной и не имела ничего общего с подлинными религиозными ценностями. Говоря о ней, Донн с вызывающе лукавой улыбкой смеется над читателями. Но, дразня их, он в то же время рассчитывает на их понимание, на то, что они сумеют оценить игру его ума.

И, наконец, в цикле есть стихотворения, где идеал взаимной любви как в его неоплатоническом, так и в более традиционном понимании ясно и недвусмысленно отрицается. Именно они заложили основы так называемого анти-платонического жанра, которым впоследствии увлеклись поэты-кавалеры. К таким стихотворениям можно отнести, например, уже упомянутую выше «Алхимию любви», первая строфа которой утверждала, что все высокие тайны любви лишь пустое притворство и выдумка:

²² Carey J. Op. cit. P. 44–45.

Кто глубже мог, чем я, любовь копнуть,
Пусть в ней пытается сокровенну суть;
А я не докопался
До жилы этой, как ни углублялся
В Рудник Любви, – там клада нет отнюдь.
Сие – одно мошенство...

(Перевод Г. Кружкова)

Подобная откровенность, казалось бы, говорит сама за себя, хотя вопросы у тех, кто прочитал весь цикл в целом и попытался сопоставить его стихотворения между собой, все равно остаются.

Точная датировка стихотворений цикла могла бы раскрыть загадку эволюции Донна-поэта. Решить этот вопрос пытались многие ученые, выдвигавшие самые разные предположения. Некоторые из этих гипотез кажутся вполне правдоподобными, особенно в отношении отдельных стихотворений. Что же касается всего цикла, то ни одна из предложенных версий на сегодняшний день не может быть признана абсолютно верной и надежной.

Пожалуй, наиболее стройная и хорошо продуманная теория принадлежит Х. Гарднер. В предисловии к своему изданию «Песен и стихотворений о любви» Дж. Донна она выдвинула следующую «рабочую гипотезу»²³. Во время создания элегий (1593–1596) Донн также сочинял песни, любовные эпиграммы и стихотворения, написанные в иной форме, как, например, «Проклятие» (The Curse), тематически связанные с элегиями. Предположительно в это же время или немного позже из-под его пера вышла и петраркистская лирика. Сочиняя эти вещи, Донн в основном пользовался четырех- и пятистопным ямбом, хотя и здесь было несколько произведений, более сложных по форме («Тройной дурак»). В конце XVI в. поэт, по мнению исследовательницы, познакомился с трудами неоплатоников, которые он внимательно изучил уже позднее, в первые десятилетия XVII в. В этот период он якобы создал свои неоплатонические стихотворения с их сложной строфикой и частыми отступлениями от размера.

Х. Гарднер очень много сделала для уточнения датировки отдельных стихотворений. Однако часть лирики цикла просто не умещается в предложенную ей схему. Ведь среди так называемых неоплатонических стихотворений были и весьма простые по форме, вроде «Подвига» или «Восторга», а некоторые петраркистские стихи, например, «Завещание» (The Legacy), наоборот, достаточно сложны (правда, исследовательница и сама оговаривает эти неувязки).

Вполне вероятно, что большая часть неоплатонической лирики была сочинена, действительно, в первые десятилетия XVII в., и поэтическая

²³ *Donne J.* The Elegies and the Songs and Sonets. P. X–XII.

манера Донна в этот период значительно усложнилась. Но это вовсе не значит, что Донн отказался тогда от всех остальных тем своей любовной лирики или что он перестал пользоваться простыми формами стиха. Представив эволюцию Донна как движение от простого к сложному, Х. Гарднер искусственно выпрямила внутреннюю логику цикла и тем обеднила его многозначный смысл. Вспомним, что поэт всегда умел видеть крайности и, поднимаясь над ними, сталкивать их. Пример тому – овидианские элегии и третья сатира на раннем этапе его творчества, неоплатонические стихи и «Прощание с любовью» – в более позднюю пору. А если отметить, что одновременно со стихотворениями, созданными в начале XVII в., Донн писал и религиозную лирику, то возможность однозначных решений отпадет сама собой.

Итак, основная тема цикла – роль любви в заколебавшемся и пришедшем в движение мире – отчетливо видна уже в ранних стихотворениях поэта, обыгравшего различные отношения к чувству. В более поздней лирике эта тема лишь усложнилась, наполнившись новыми оттенками смысла, но осталась все той же по сути.

Пожалуй, наиболее яркий пример тому «Вечерня в день Святой Люси» (A Nocturnal upon S. Lucy's Day), одно из самых поздних по времени стихотворений цикла, которое поэт, по мнению большинства комментаторов, посвятил памяти своей жены, умершей в 1617 г. Это стихотворение настолько сложно для понимания и вместе с тем органично по замыслу, что есть смысл привести его полностью:

Настала полночь года – день Святой
Люции, – он лишь семь часов светил:
 Нам солнце на исходе сил
 Шлет слабый свет и негустой,
 Вселенной выпит сок.

Земля последний допила глоток,
Избыт на смертном ложе жизни срок;
Но вне меня всех этих бедствий нет,
Я – эпитафия всемирных бед.

Влюбленные, в меня всмотритесь вы
В грядущем веке – в будущей весне:
 Я мертв. И эту смерть во мне
 Творит алхимия любви;
 Она ведь в свой черед –
Из ничего все вещи создает:
Из тусклости, отсутствия, пустот...
Разъят я был. Но, вновь меня создав,
Смерть, бездна, тьма сложились в мой состав.

Все вещи обретают столько благ –
 Дух, душу, форму, сущность – жизни хлеб...
 Я ж превратился в мрачный склеп
 Небытия... О вспомнить, как
 Рыдали мы! – от слез
 Бурлил потоп всемирный. И в хаос
 Мы оба обращались, чуть вопрос
 Нас трогал внешний. И в разлуки час
 Мы были трупы, душ своих лишась.

Она мертва (так слово лжет о ней),
 Я ж ныне – эликсир небытия.
 Будь человек я – суть моя
 Была б ясна мне... Но вольней
 Жить зверем. Я готов
 Войти на равных в жизнь камней, стволов:
 И гнева, и любви им внятен зов,
 И тенью стал бы я, сомненья ж нет:
 Раз тень – от тела, значит, рядом – свет.

Но я ничто. Мне солнца не видать.
 О, вы, кто любит! Солнце лишь для вас
 Стремится к Козерогу, мчась,
 Чтоб вашей страсти место дать –
 Желаю светлых дней!
 А я уже готов ко встрече с ней,
 Я праздную ее канун, верней –
 Ее ночного праздника приход:
 И день склонился к полночи, и год...

(Перевод Д. Щедровицкого)

Все стихотворение построено на причудливой игре образов тьмы и света, ночи и дня. Эта игра уже задана в самом названии. У ранних христиан вечерня была частью службы всеобщего бдения, которое продолжалось всю ночь и заканчивалось с наступлением утра. (В английском языке *nocturn* – часть службы, называемой *matine*. В широком смысле стоящее в заглавии слово *nocturnal* можно перевести и как ночная молитва). В елизаветинскую эпоху день Святой Люции (в английском варианте Люси) приходился на 13 декабря и считался тогда самым коротким днем в году. Он был также днем зимнего солнцеворота, когда солнце, предвосхищая наступление весны, входило в созвездие Козерога. Характерно, что и само имя Люция (Лусу, от латинского *lux* – свет) было значимо для поэта. Согласно ее житию, Люция, дева-мученица, ослепленная во время пыток за христианскую веру, стала у католиков святой, патронессой света и зрения.

Призрачный апокалиптический пейзаж стихотворения, мрачная полночь самого темного дня в году, уставшее, растратившее силы солнце, земля, поглотившая все живительные соки, и близящийся к смерти мир воплощают меланхолическое настроение героя, которого томит безысходная скорбь по умершей возлюбленной. Он – эпитафия всех бед. Обращаясь к юным влюбленным грядущей весны, наступление которой предвещает солнцеворот, герой призывает их изучить его опыт – алхимия любви воссоздала его из отрицательных величин: отсутствия, тьмы, смерти.

Как указали исследователи, в эпоху Ренессанса опыты алхимиков, пытавшихся превратить одно вещество (свинец) в другое (золото), часто сравнивали с процессом духовного возрождения в христианской религии – в обоих случаях нужно было пройти через состояние небытия, чтобы обрести новое бытие²⁴. Герой стихотворения Донна проделал лишь часть этого пути, превратившись после смерти возлюбленной благодаря таинственной «алхимии любви» в «эликсир небытия», но все же оставшись в подверженном тлению мире, где любовь неизбежно сопряжена со смертью. Став «эпитафией» всех бед, герой теперь как бы олицетворяет самим своим существованием хрупкий памятник жизни вопреки смерти, любви вопреки утрате и расставанию.

Но ведь «Алхимия любви» – название ранее написанного Донном стихотворения, где юный повеса-скептик смеялся над высокими чувствами. В контексте «Вечерни» эта аллюзия неминуемо обретает горько-иронический смысл. Далее в тексте возникают ассоциации с другими стихами поэта, на этот раз о взаимной любви: «Прощальная речь о слезах» (*A Valediction: of Weeping*), откуда взят образ потока слез, затопивших мир, и «Прощание, запрещающее печаль», где появлялись двое любящих, чьи души соединились во время разлуки. Именно такая взаимная любовь связала умершую возлюбленную и героя, который теперь, после ее ухода, утратил способность чувствовать, доступную даже камням.

Донн, по всей видимости, намеренно обратился в «Вечерне» к этим стихотворениям. Воскрешая образы своей более ранней по времени любовной лирики, он теперь как бы подвел итог этой линии своего поэтического творчества. Но сами эти образы-воспоминания внесли в «Вечерню» новые ноты, нарушив беспроглядный и неподвижный мрак. Ведь даже за самой долгой ночью в году наступает утро, и это тем более верно в день Святой Люции, патронессы света.

Боль воспоминаний пробуждает героя. И хотя солнце, вступившее в созвездие Козерога, не принесет ему нового чувства, оно подарит его юным

²⁴ *Zimmer Mary E.* «In whom love wrought new Alchemy»: The Inversion of Christian Spiritual Resurrection in John Donne's «A Nocturnal upon S. Lucy's Day» // *Christianity and Literature*, Summer 2002. Vol. 51, i4. P. 553 (17).

влюбленным. Воля героя оживает, и он начинает готовиться к встрече с возлюбленной. Поэт не объяснил, как нужно понимать это решение. Учитывая религиозную символику «Вечерни», вряд ли он имел в виду самоубийство героя. Скорее с помощью молитв «всенощного бдения» он будет стремиться стать достойным грядущей встречи с возлюбленной в мире, не знающем тления и разлуки, во Христе, «Свете истинном», Который, как известно, «не есть Бог мертвых, но живых, ибо у Него все живы» (Лк. 20 : 38). Во всяком случае исследователи видят в конце стихотворения первый, хотя и очень слабый проблеск света, проникающий сквозь тьму, первый признак того, что, осознав тоску, ввергнувшую его в небытие, герой сумеет победить ее и возродится для новой жизни²⁵.

Но даже если это и так, то как призречен этот свет, как непрочно положение трагически одинокого героя, которого окружает утратившая цельность и гармонию вселенная. Недаром же Донн уподобил душевное смятение героя первоначальному хаосу, царившему в мире до акта творения. В этом плане ничто не изменилось в сравнении с более ранними стихами цикла – «вывихнутое время» властвует и здесь. Подтвердив тематическое единство цикла, скорбно-трагическая «Вечерня», по-видимому, самое позднее из вошедших сюда стихов, стала достойным завершением «Песен и стихотворений о любви», начинавшихся в первом издании 1635 г. с дерзко легкомысленной «Блохи».

В первые десятилетия XVII в. Донн написал также и большое число стихотворений на случай – послания, эпиталамы, траурные элегии. Все они довольно сильно отличались от его ранней лирики. Чтобы убедиться в этом, достаточно, например, сравнить «Эпиталаму, сочиненную в Линкольнз-Инн» с «Эпиталамой, или Свадебной песнью в честь принцессы Елизаветы и пфальцграфа Фридриха, сочетавшихся браком в день Святого Валентина» (*An Epithalamion, or Marriage Song on the Lady Elizabeth and Count Palatine being Married on St. Valentine's Day, 1613*).

В более поздней эпиталаме нет ни дерзкой смелости образов, ни веселой мешанины низкого и высокого. В стихотворении, посвященном свадьбе дочери самого короля Иакова, который считал этот брак важнейшим политическим событием, призванным упрочить союз протестантских держав, такие вольности были бы неуместны. Донн целиком выдержал возвышенный тон, умело совмещая его с присущей жанру игривостью, но нигде не нарушая требования этикета. Согласно традиции Спенсера, поэт вписал брачную церемонию в космический контекст, вовлекая в нее движение светил и круговращение времен года. Издревле день Святого Валентина знаменовал приход весны, пору, когда юноши выбирали себе подруг. В этот же день, согласно старинным поверьям, и

²⁵ *Sanders W. Op. cit. P. 15.*

птицы начинали брачный период, а потому святой Валентин считался их покровителем. Донн обыграл все эти мотивы:

Хвала тебе, епископ Валентин!
Сегодня правишь ты один
Своей епархией воздушной;
Жильцы небесные толпой послушной,
Скворча и щибеча,
Летят к тебе; ты заключаешь браки...

(Перевод Г. Кружкова)

Но сегодня особый день, какого природа пока еще не знала, ибо в брак вступают два феникса. Сравнение молодоженов с птицей-феникс, считавшейся единственной в своем роде, придает брачной церемонии особую торжественность и исключительность. Значение свадьбы в космическом контексте огромно – ведь соединившись, жених и невеста смогут возродить гармонию природы.

На первый взгляд может показаться, что зрелый Донн стал гораздо ближе к Спенсеру, чем в годы юности. Но это только внешнее сходство. Спенсеровской гармонии небесного и земного в эпиталаме нет. Как и в ранней лирике, иерархия Великой Цепи Бытия здесь нарушена. Своим сиянием невеста затмевает солнце; вопреки традиционным представлениям жених уподоблен луне, а невеста солнцу, хотя и блекнущему на ее фоне. Да и вообще солнце «больно» и хочет занять жар у молодоженов. В целом же возвышенная праздничность тона и образов эпиталамы не является, как у Спенсера, частью гармоничного видения мира, но уступкой придворному вкусу, стилизацией в куртуазном духе, предвосхищающей поэзию кавалеров.

В поздних эпистолах Донн проявил себя как опытный мастер, который в совершенстве овладел стихом, способным передать самые причудливые повороты авторской мысли. Но, как справедливо заметил Д. Буш, отточное мастерство редко сочетается здесь с глубиной истинного чувства²⁶. В поздних посланиях нет былой интимности тона. Поэт теперь гораздо дальше от адресата; его интонация намного более церемонна, а порой и экзальтирована. Это особенно заметно в посланиях к знатым дамам-покровительницам, где Донн часто пользуется приемом гиперболизации, знакомым по его ранней любовной лирике.

Однако этот прием служит теперь совсем другим целям. Сочиняя подобные послания, Донн платил дань широко распространенному тогда обычаю – в поисках покровительства посвящать стихи какой-либо влиятельной особе. Так делали и Спенсер, и Шекспир, и Бен Джонсон. Но и тут Донн шел своим путем. В его посланиях традиционная похвала адресату, помимо

²⁶ *Bush D.* English Literature in the Earlier Seventeenth Century, 1600–1660. Oxford, 1962. P. 131

обычного прославления его (или чаще ее) достоинств, часто сопровождалась размышлениями на философские и нравственные темы. При этом восхваляемая Донном особа теряла свои индивидуальные черты, превращаясь в отвлеченный образец добра, доблести и других совершенств. Сами же стихотворения имели явно выраженный дидактический характер и при всей игре ума, несомненно, сильно проигрывали рядом с ранними произведениями.

Контраст порой был настолько велик, что у читателей и критиков более поздних эпох они временами вызывали негативное отношение или даже полное неприятие. Так, например, Вирджиния Вулф в уже цитированном выше очерке, явно утратив чувство меры и историческую объективность, дала следующую отповедь поэту: «Вот и получилось, что желчного сатирика и безудержного любовника постепенно сменил раболопный, умеющий гнуть спину перед сильными мира сего слуга»²⁷.

По этому поводу хочется сказать, что взгляды поэта остались прежними или, может быть, даже стали еще более скептическими, чем раньше. Донн и теперь отлично понимал, что в распавшемся на атомы мире все те идеалы, которые он, быть может, вопреки самому себе, пытался обнаружить в своих покровителях, или те наставления, которые он хотел им дать, имели мало цены. Отсюда шаткая двойственность его позиции, которую поэт, наверняка, видел и сам. Она и определила художественный уровень этих его произведений.

Две большие поэмы Донна «Анатомия мира. Первая годовщина» (*An Anatomy of the World. The First Anniversary, 1611*) и «О странствии души. Вторая годовщина» (*Of the Progress of the Soul. The Second Anniversary, 1612*) во многом близки поздним стихотворениям на случай. Обе поэмы посвящены памяти юной Элизабет Друри, дочери одного из покровителей поэта. Как считает большинство исследователей, поэмы представляют нечто вроде диптиха, где «О странствии души» развивает темы «Анатомии мира». Это, быть может, самое сложное произведение Донна, в котором сочетаются черты разных жанров – траурной элегии, медитации, проповеди, анатомии и гимна. Здесь в наиболее явной форме проявила себя энциклопедическая эрудиция, которую Донн приобрел в зрелые годы. Еще до принятия духовного сана она принесла ему славу одного из самых образованных людей своей эпохи. Относительно большие размеры обеих поэм позволили Донну дать полную волю воображению, что в некоторых местах привело его к барочным излишествам стиля, не очень характерным для его ранней лирики. Нечто сходное можно найти лишь в поздних посланиях с их экзальтированными комплиментами в адрес дам-покровительниц. Но пышная риторика «Годовщин» своими преувеличениями намного превосходит эти стихотворения. Большие размеры поэм определили собой и широкий спектр

²⁷ *Wolf V. Op. cit. P. 32.*

мысли Донна, тяготеющий к барочному универсализму с его стремлением дать всеохватывающую картину мира, «каталогизировать» явления и факты.

Кончина 14-летней девочки, которую поэту ни разу не довелось встретить, послужила удобным поводом для размышлений о мире, смерти и загробной жизни. Сама же Элизабет Друри стала для него образцом добродетелей, которые человек утратил после грехопадения. Известно, что, критикуя «Годовщины», Бен Джонсон саркастически заметил, будто хвала, возданная юной Элизабет, скорее подобает Деве Марии. И, действительно, в обеих поэмах есть множество строк, вроде следующих:

Взошла Царица в вышний свой покой,
Воздав хвалу Святым за попечение,
И стала нотой в их согласном пенье...

(Перевод Д. Щедровицкого)

Донн якобы возразил Джонсону, что он пытался воссоздать Идею Женщины, а не реальное лицо.

Все произведение построено на контрасте реального и идеального планов – падшего мира, где живут поэт и его читатели, и небесного совершенства, воплощенного в образе юной героини. Донн осмыслил этот контраст с его средневековым *contemptus mundi* (лат. «презрение к миру») в духе своих взглядов. Пожалуй, еще никогда в Англии так много не говорили о близящемся конце света, как в начале XVII в. Елизаветинская картина вселенной, прочно укорененная в грандиозном монолите средневекового сознания, дала первые трещины уже в 90-е годы XVI в. Эти трещины стали еще заметнее в начале нового столетия. Многие тогда начали думать, будто стоящий на грани гибели мир одряхлел и пришел в упадок. Перед лицом уже ясно обозначившихся культурно-исторических перемен люди вновь обратились к вечным вопросам и стали искать соответствующие духу их времени ответы.

В «Годовщинах» громче, чем в других сочинениях Донна, слышна поступь вывихнутого времени. Оно безжалостно рвет все связи и дробит мир, разобщая людей и лишая жизнь привычного смысла. Утративший со смертью героини свою душу, мир не просто безнадежно болен, он мертв и исполнен тления, и это дало поэту право на его «анатомию»:

О мир, ты болен, близок твой конец,
Помочь нельзя, и ты уже – мертвец:
Не удержав Ее, не исцелив,
Расставшись с Нею, – ты и сам не жив.
Ты не воскреснешь. Лучше поскорей
Займемся анатомией твоей.

(Перевод Д. Щедровицкого)

С помощью этой анатомии Донн пытался доказать, что в потерявшем героиню мире господствуют распад и порча. Они исказили некогда прекрас-

ный облик вселенной, лишив ее гармонии и подчинив хаосу, нарушив благую связь небесных сфер с подвластными им явлениями природы. Поэт последовательно уподобляет мир груде мусора, хромоту калеке, уродливому чудовищу, тусклому призраку и сухой золе. Нет ничего удивительного, что в этом падшем мире человек ощущает себя жалкой и ничтожной песчинкой.

Сквозь метафорическую оболочку всех этих достаточно отвлеченных рассуждений Донна отчетливо проглядывают конкретно-социальные, политические и культурные сдвиги в английском обществе на рубеже XVI–XVII вв. Поэт пишет о «новой философии», ставящей под сомнение птолемеевскую систему мироздания и провозглашающей относительность всего сущего, о крушении социальных и семейных связей, о господстве среди людей эгоистических и меркантильных интересов. Точная наблюдательность Донна сочетается с афористичностью его мысли. Недаром каждый ученый, пишущий о брожении умов в Англии начала XVII в., как правило, цитирует те или иные строки из «Годовщин».

Однако пессимизм диптиха не абсолютен. Охваченной порчей земле Донн противопоставляет небо, куда ушла героиня, – там обитают все совершенства. Туда и следует стремиться человеку, ибо только на небе он сможет познать ту полноту истинной жизни, которую уже обрела юная героиня «Годовщин», до времени покинувшая бrenную землю.

Вторая поэма диптиха «О странствии души», рассказавшая о путешествии души, покинувшей тело, в небесных сферах, представляет собой своеобразный аналог «Рая» Данте. Однако, если Данте нужны проводники (Вергилий, Беатриче) в его путешествии в загробный мир, то Донн на протестантский манер сам выходит на прямой контакт с невидимым²⁸. Вторая часть «Годовщин», славящая преображенную на небе душу героини, написана в форме протестантской медитации и часто тонет в дидактике и разного рода отступлениях, хотя и здесь тоже есть блестяще удавшиеся фрагменты. В целом же «Годовщины» при всем их амбициозном замысле в художественном отношении явно проигрывают рядом с лирикой Донна.

Тем не менее удавшиеся лишь отчасти, местами, «Годовщины» сыграли важную роль в истории английской поэзии как звено в эпической традиции, ведущей от «Королевы фей» Спенсера к «Потерянному раю» Милтона. В этом своем единственном крупном по форме произведении Донн вслед за Спенсером попытался представить широкую панораму мира и высказать свое отношение к истории. Это было отношение человека XVII в., для которого спенсеровский миф об Изменчивости с ее круговращением форм бытия и постоянным обновлением вселенной был уже неприемлем, хотя бы и как часть истины. Донн гораздо ближе Милтону и его «Потерянному раю»,

²⁸ *Frontain R.-J.* Donne's Protestant Paradiso // *John Donne and the Protestant Reformation.* Detroit, 2003. P. 127.

где также изображен падший, обреченный на болезни и смерть мир. Явно выраженная религиозная ориентация «Годовщин» также предвосхищает Милтона. Но смысл грандиозной картины истории человеческого рода, открытый Адаму в конце эпопеи Милтона, – иной, нежели у Донна. «Счастливая вина» Адама не предполагает религиозной резиньяции, как в «Годовщинах», но подразумевает внутренний рост и духовное возмужание человека. Тут Милтон с его пуританской закваской избрал совсем другой путь.

В конце первого десятилетия XVII в. Донн начал писать духовную лирику. По всей видимости, раньше других стихотворений он сочинил группу сонетов, названную им по-итальянски «La Corona» (корона, венок). Суждения ученых об их датировке разделились. Одни считают, что Донн написал «La Corona» в 1607 г., другие – в 1608 или 1609-м. К этому времени жанр сонета в Англии уже давно потерял престиж и вышел из моды, хотя, по мнению новейших исследователей, именно в эти годы Шекспир завершил свой цикл²⁹. Донн и здесь избрал новый ракурс, полностью отказавшись от любовной тематики. Примером для него мог послужить цикл сонетов Дж. Чэпмена «Венок в честь госпожи философии» (1595), состоявший из 10 стихотворений. Однако объект внимания Донна – не философия, но истины христианской веры. Как указали комментаторы³⁰, итальянское заглавие цикла содержит библейскую реминисценцию, согласно которой Господь Саваоф назван «великолепным венцом и славною диадемою для остатка народа Своего» (Ис. 28 : 5).

«La Corona» – это не просто маленький цикл, но, по сути дела, одно большое стихотворение, написанное в форме венка сонетов, где каждый сонет при желании можно рассматривать как отдельную строфу. Донн сознательно изменил эту популярную в эпоху Ренессанса форму, сделав ее более компактной. Традиционно венок сонетов насчитывает 15 стихотворений, где последняя строка каждого повторяется как первая строка следующего, а 15-й сонет целиком состоит из первых строк каждого входящего в цикл стихотворения. Донн ограничился семью сонетами и, помимо указанных повторов, дополнительно повторил первую строку первого из них в последней строке последнего, тем замкнув начало и конец цикла.

Символика замкнутого круга определила собой эмблематический смысл цикла. Хотя Донн еще задолго до того принял протестантство, католическое воспитание здесь вновь заявило о себе. Каждый из сонетов цикла посвящен тому или иному событию евангельской истории (исключением является лишь первый вводный сонет), а их трактовка, как показали исследователи, связана с католическим обычаем медитации с помощью четок о «пятнадцати тайнах веры», или определенных эпизодах жития Иисуса Христа и

²⁹ См., например: Shakespeare's Sonnets / Ed. by K. Duncan Jones. L., 2003.

³⁰ Donne J. The Complete English Poems. P. 620.

Девы Марии. Взятые вместе, эти события охватывают важнейшие моменты земной жизни Христа от Благовещения до Вознесения. Все они также связаны с главными церковными праздниками года и как бы отображают годичный литургический круг. Кроме того, семь сонетов также соответствуют семи главным церковным службам дня (часам, вечерне, утрени и литургии) и тем символизируют дневной круг молитв³¹. И, наконец, сама цифра семь является символом бесконечности и, по словам самого Донна, «удобным иероглифом Бога». Таким образом, все стихотворение, представляющее собой «веночек молитв и славословий», задумано как хитроумная эмблема Всевышнего, «великолепный веночек и славная диадема».

Примерно в эти же годы Донн сочинил и «Литанию» (*A Litany*, 1608?). Это довольно большое по объему стихотворение, которое сам автор назвал медитацией, написано в форме молебна. И тут в прошениях к Деве Марии и сонму святых сказались католическое воспитание поэта. Однако, как ясно из писем, самому Донну представлялось, что он нашел в «Литании» компромисс между католической и протестантской доктринами, не задев ни ту, ни другую сторону³². Хотя в «Литании» есть прошения, обращенные на католический лад к Деве Марии, праотцам, пророкам, а также к апостолам, мученикам, исповедникам, девственницам и учителям Церкви, поэт в духе протестантской доктрины предостерегает:

Не дай нам Бог всецело положиться
На ту молитву, что за нас творится.

(Перевод А. Шараповой)

По сути дела, на таком компромиссе между католиками и радикальным крылом протестантов строилось и все вероучение англиканской церкви, принявшей поэта в свое лоно. «Литания» по духу – самое англиканское стихотворение Донна. Как верно заметила Х. Гарднер, оно сочетает определенную анти-аскетическую и анти-мистическую направленность с вниманием к заботам обыденной жизни³³. Для автора «Литании» служение Богу совместимо с радостями бренного мира, а человек может найти счастье и при королевском дворе.

Подобные мысли явно противоречили настроениям поздней поэзии Донна (достаточно сравнить «Литанию» с «Годовщинами», чтобы в этом убедиться). Не исключено, что стихотворение отражало душевное состояние Донна, уже начавшего тогда обдумывать возможность принятия духовного сана, и могло быть своего рода интеллектуальным экспериментом, с помо-

³¹ *New Essays on Donne*. Salzburg, 1977. P. 160–168.

³² *A Letter to Sir Henry Goodyer (Winter 1608–1609)* // *John Donne* / Ed. by J. Carey. Oxford, 1990. P. 169–170.

³³ *Donne J. A Collection of Critical Essays*. P. 127.

щью которого автор пытался вжиться в новую для него роль. Во всяком случае в стихотворении можно ощутить неразрешенное напряжение внутреннего конфликта, которое лишь подчеркивает игра ума поэта.

Это напряжение сказалось в противоречии формы и содержания «Литании», подмеченном Х. Гарднер. Как известно, прошения молебна произносятся от лица общины и носят коллективный характер. Донн тоже употребляет множественное число («избави нас» – *deliver us*), но его прошения часто имеют сугубо личный смысл. Так, например, поэт просит «избавить нас» от легкомысленного отношения к новым модам в религии, от жажды славы или презрения к ней, от мыслей о том, что спасение души зависит от бедности или богатства и даже от показной набожности, дающей повод для демонстрации хитрых умствований. Воспроизводя душевное смятение поэта, его долгий и мучительный поиск истины, личные мотивы «Литании» вступают в противоречие с идеалами умеренности, в ней провозглашенными. А это позволяет вписать стихотворение в общий контекст поэзии Донна, поставив его рядом с поздней светской лирикой поэта.

«Священные сонеты» (*Holy Sonnets*), которые иногда называют «Божественными медитациями» (*Divine Meditations*), чтобы отличить их от «*La Cogona*», вне всякого сомнения, принадлежат к лучшим страницам творчества Донна. Как и в «*La Cogona*», поэт вновь обратился здесь не к шекспировской, но к итальянской форме сонета, наполнив ее неожиданной после эпигонов Петрарки силой чувств, простотой и динамизмом и тем радикально изменив жанр.

В наше время датировка цикла уточнена. Х. Гарднер убедительно доказала, что «Священные сонеты» в целом не являются плодом позднего творчества Донна. По-видимому, лишь три из 19 стихотворений были написаны в конце второго десятилетия XVII в., после принятия сана и смерти жены. Большинство же из этих сонетов Донн сочинил примерно за 10 лет до этого (1609–1610), т.е. почти одновременно с «*La Cogona*» и «Литанией».

В середине XX в. Х. Гарднер и Л. Мартц выдвинули гипотезу о том, что «Священные сонеты» связаны с системой индивидуальной медитации, которую разработал основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола в книге «Духовные упражнения» (1621–1641)³⁴. Написанная в духе характерного для Контрреформации чувственного подхода к религии, книга Лойолы была необычайно популярной среди духовенства и католиков-мирян XVI–XVII вв. Гарднер и Мартц полагали, что и Донн в юности мог не только познакомиться с «Духовными упражнениями», но и попробовать молиться, пользуясь наставлениями этой книги. Система медитации, предложенная Лойолой, была рассчитана на ежедневные занятия и строилась на отработке особых психофизических

³⁴ См.: *The Divine Poems of John Donne* / Ed. by H. Gardner. Oxford, 1964; *Martz L. The Poetry of Meditation: A Study of English Religious Literature of the Seventeenth Century*. New Haven, 1962.

навыков. Она, в частности, предполагала умение в нужные моменты воспроизвести в воображении определенные евангельские сцены (распятие, положение во гроб)³⁵ и вызвать в себе соответствующие данной сцене эмоции (скорбь, радость). Как завершение каждого такого упражнения следовала мысленная беседа с Богом.

Гипотезу Гарднер и Мартца приняли многие исследователи. Действительно, некоторые из священных сонетов как будто бы сильно напоминают медитации по системе Лойолы. Так, например, если применить схему «Духовных упражнений», то начало сонета VII (октаву) можно трактовать как воспроизведенную с помощью фантазии картину Страшного суда из «Апокалипсиса»: «И после сего видел я четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли» (7:1), а конец стихотворения (секстет) – как соответствующее данной сцене прошение:

С углов Земли, хотя она кругла,
Трубите, ангелы! Восстань, восстань
Из мертвых, душ неисчислимый стан!
Спешите, души, в прежние тела! –
Кто утонул и кто сгорел дотла,
Кого война, суд, голод, мор, тиран
Иль страх убил... Кто Богом осиян,
Кого вовек не скроет смерти мгла!..
Пусть спят они. Мне ж горше всех рыдать
Дай, Боже, над виной моей крещенной:
Там поздно уповать на благодать...
Благоволи ж меня в сей жизни грешной
Раскаянью всечасно поучать:
Ведь кровь Твоя – прощения печать!

(«Священные сонеты»; здесь и далее –
перевод Д. Щедровицкого)

В начале сонета XI герой представляет себе, как он стоит рядом с распятым на Голгофе Христом и размышляет о своих грехах, за которые страдает невинный Спаситель. Конец же стихотворения выражает соответствующие данной сцене эмоции любви и удивления:

О, кто ж Его любовь измерить может?
Он – Царь царей – за грех наш пострадал!
Иаков, облачившись в козьи кожи,
Удачи от своей уловки ждал,
Но в человечесю плоть облекся Бог –
Чтоб, слабым став, терпеть Он муки смог!

³⁵ Так, например, Лойола советовал представить себе место, «где находится то, что я хочу созерцать, например, храм или гора, где находится Иисус Христос или Богоматерь» (*Лойола И. Духовные упражнения*. Париж, 1996. С. 32).

Да и содержащиеся в первых 16 сонетах размышления о смерти, покаянии, Страшном суде и божественной благодати тоже характерны для медитаций по системе Лойолы, на что не раз указывали исследователи.

Заметим, однако, что эти темы присущи вообще всей религиозной поэзии христианства. Хотя гипотеза Гарднер и Мартца до сих пор принята рядом англоязычных ученых, все же абсолютно надежных свидетельств о том, что Донн в юности молился по схеме «Духовных упражнений», у нас нет. Кроме того, поэтические произведения, написанные в форме религиозных медитаций, существовали и до Лойолы, в том числе и в английской литературе. Примером тому может служить популярное в XVI в. стихотворение Джона Скелтона (около 1460–1529) «На присылку в подарок человеческого черепа», которое Донн наверняка знал. И здесь тоже воссозданная с помощью фантазии картина пляски смерти заканчивалась подобающим ей прошением о спасении души:

Хотя б на мгновенье
Увидеть Твою
Улыбку в раю.
Всю Троицу тоже.
Аминь.
Будь милостив, Боже.

(Перевод В. Топорова)

В этом контексте поиски Донна обретают национальный фундамент.

Более того, весь цикл пронизан ощущением душевного конфликта, внутренней борьбы, страха, сомнения и боли, т.е. именно теми чувствами, от которых медитации должны были бы освободить героя. На самом же деле получилось нечто обратное. Первые 16 сонетов скорее свидетельствуют о кризисе, который герой безуспешно старается преодолеть. И обращение к религии как будто бы пока не дает ему твердой точки опоры. Бога и лирического героя разделяет пропасть.

Отсюда тупая боль и опустошенность. Отсюда близкое к отчаянию чувство отверженности:

Ты не избрал меня, других любя,
А враг не отпускает от себя!

Отсюда и несколько театральная экзальтированность:

О фарисеи, бейте же меня,
В лицо мне плюйте, громко проклиная!

Отсюда и, казалось бы, столь неуместные, порой стоящие на грани кощунства эротические мотивы и образы:

Люблю Тебя – и Ты меня люби:
 Ведь я с врагом насильно обручен...
 Порви оковы, узел разруби,
 Возьми меня, да буду заточен!
 Лишь в рабстве – я свободу обрету,
 Насильем возврати мне чистоту!..³⁶

Впрочем, неожиданной эротика здесь выглядит лишь на первый взгляд. Ведь эротическое и религиозное начала Донн уже смешал в своей светской лирике. Теперь же он сделал это в духовной поэзии. Здесь он опирался на ту же самую традицию, которая восходила к библейским книгам пророка Осии и «Песни песней». В Средние века эта традиция, в частности, проявила себя в жанрах так называемой сакральной пародии (*parodia sacra*), где травестировались важнейшие для средневекового человека моменты церковного культа и вероучения и с помощью логики «обратности» на свет рождались их пародийные дуплеты типа «литургии пьяниц», «литургии игроков» и т.п. Но средневековые поэты часто сакрализовали и светские литературные произведения, пользуясь их темами, образами, а иногда и всем текстом целиком. Так, например, поступил анонимный автор написанной на среднеанглийском языке «Христовой любви», обработав стихотворение под названием «Женская любовь». Весьма популярной сакральная пародия была и в эпоху Контрреформации. В 1536 г. монах-францисканец Джероламо Малипьеро выпустил в свет «Духовного Петрарку», переделав в религиозном духе все сонеты итальянского поэта. Впоследствии Лопе де Вега написал «Духовные триумфы», обработав еще одно произведение того же Петрарки. Обе эти переделки были откровенно тенденциозны и малоудачны в художественном отношении. Иное дело поэзия испанских мистиков и прежде всего Хуана дела Крус, который использовал не готовые тексты, но отдельные темы и образы светской литературы, создав совершенно оригинальные стихотворения.

В Англии в елизаветинскую эпоху к сакральной пародии первым обратился казненный за свои убеждения поэт-иезуит Роберт Саутуэл (1576(?)–1595), которого многие считают прямым предшественником Донна. Но Донн и здесь шел своим путем. Поэт вводил эротические мотивы лишь изредка для создания эффекта неожиданности, чтобы, шокировав читателя, заставить его понять мучительный душевный кризис героя.

В последние годы в изучении религиозной лирики Донна наметилась определенная переоценка ценностей, и ученые выявили связь «Священных сонетов» не только с католической, но и с протестантской традицией богословия. Как показали новейшие исследования, в Англии начала XVII в. были

³⁶ В подлиннике последняя строка звучит так: Nor ever chaste, except you ravish me (Я не стану целомудренным, если Ты не возьмешь меня силой).

очень сильны кальвинистские симпатии, которые проявили себя не только среди недовольных пуритан, но и затронули церковь на государственном уровне³⁷. Среди достаточно широкого спектра мнений по этому вопросу Донн как влиятельный лондонский священник, отчасти разделявший эти симпатии, занимал умеренную позицию, всячески пытаясь примирить враждующие фракции. Тем не менее, воздавая должное Кальвину, он признавал доктрину предопределения, согласно которой спастись могут лишь заранее избранные Богом люди, хотя в отличие от ее наиболее ревностных сторонников и не абсолютизировал ее, постоянно подчеркивая в своих проповедях спасительную роль божественной благодати. Вообще же Донн-проповедник рассуждал не как теоретик-богослов, но прежде всего как заботливый пастырь, наставляющий прихожан.

Душевное смятение героя большинства «Священных сонетов», подавленного чувством вины, одержимого сомнениями по поводу своего спасения и жаждущего покаяться и обрести благодать, очень хорошо вписывается в этот контекст. Вспомним, например, последние строки уже цитированного сонета VII, где герой хочет задержать мгновение, чтобы покаяться в последний миг перед Страшным судом. А сонет IV кончается следующими словами:

Ты благодать получишь, лишь покаясь,
Но как начать, который путь верней?
Так стань чернее, в траур облакаясь,
Грех вспоминай и от стыда красней,
Чтоб красная Христова кровь могла
Твой грех омыть, очистив добела!

Впрочем, как отметили исследователи, согласно учению Кальвина, для героя, колеблющегося между отчаянием и упованием на благодать, сама возможность увидеть свой грех – это уже знак Божьего присутствия, дающий надежду на будущее³⁸. Ирония в том, что это скорее может понять читатель, нежели герой.

В целом же, вероятно, правы те исследователи, которые увидели в «Священных сонетах» столкновение католических и протестантских ценностей, создавшее высокое поле напряжения, которое во многом объясняет трагический внутренний разлад лирического героя³⁹. Р.В. Янг утверждает даже, что присущие «Священным сонетам» кальвинистские представления о бла-

³⁷ Milton A. Catholic and Reformed: The Roman and Protestant Churches in English Protestant Thought, 1600–1640. Cambridge, 1995.

³⁸ Papazian M.A. The Augustinian Donne // John Donne and the Protestant Reformation. Detroit, 2003. P. 81.

³⁹ Martin C.G. Unmeete Contrarys: The reformed Subject and the Triangulation of Religious Desire in Donne's Anniversaries and Holy Sonnets // John Donne and the Protestant Reformation. P. 195.

годати действуют здесь не как источник вдохновения, но скорее как подспудный источник постоянного страха потерять веру в протестантские догматы в стихотворениях, которые большинством своих черт напоминают католическую духовную поэзию континентальной Европы⁴⁰.

Душевный конфликт дает о себе знать и в трех последних сонетах Донна, написанных, скорее всего, уже после 1617 г. За обманчивым спокойствием и глубокой внутренней сосредоточенностью сонета на смерть жены скрыта не только невосполнимая горечь утраты, но и неудовлетворенная жажда любви. Благодарность Богу для героя неотделима от боли – ему кажется, что Бог лишил его земных радостей «из нежной ревности», чтобы привлечь к себе полностью и безраздельно:

О, сколь же Ты в любви своей велик!
С ее душой Ты вновь мою связуешь
И все ж меня ревнуешь каждый миг
Ко всем – и даже к ангелам ревнуешь
И хочешь, чтоб тебе была верна
Душа – хоть манят мир и сатана!

Вслед за третьей сатирой сонет XVIII вновь обыгрывает контраст невидимой, небесной церкви и ее столь далекого от идеала земного воплощения. Однако теперь Донн мыслит уже не с позиции юношеского скептицизма, но с точки зрения накопленной жизнью мудрости. В заключающем сонет эротическом парадоксе, чья образность восходит к Библии (Книга пророка Осии), поэт еще раз утверждает, что не придуманные людьми различия, но христианская общность – отличительная черта истинной церкви:

Благой жених! Яви невесту взгляду!
И пусть душой владеет Голубь тот,
Который рад за каждого бывает,
Кому она объятья раскрывает!

А уже цитированный сонет XIX, развивая общее для всего цикла настроение страха и трепета, посвящен противоречивой природе характера поэта, где непостоянство вошло в привычку. И в этих поздних сонетах Бога и героя разделяет пропасть. Одиночество усиливает веру, но и обостряет тревогу.

В диалоге, который лирический герой «Священных сонетов» пытается вести с Богом, слышен лишь голос героя, Бог же безмолвствует, не давая никаких ответов. Но это не значит, что Бог отсутствует или что Он остается равнодушным и не слышит обращенных к нему прошений. Его молчание, скорее всего, значимо. Во всяком случае так считают новейшие исследователи, соотносящие цикл с традицией так называемого апофатиче-

⁴⁰ *Young R.V. Donne's Holy Sonnets and the Theology of Grace // «Bright Shoots of Everlastingness»: The Seventeenth-Century Religious Lyric. Columbia, 1987. P. 38.*

ского богословия, утверждающего принципиальную непознаваемость Творца, ощутить присутствие которого можно лишь в темноте безмолвия⁴¹. Донн мог знать эту традицию из трудов отцов церкви (Дионисия Ареопагита), а также из произведений Николая Кузанского («Об ученом незнании») или английских (анонимный трактат «Облако незнания») и испанских мистиков (прежде всего Хуана дела Крус). С этой традицией отчасти перекликалось и учение Кальвина. Если это так, то безмолвие Бога помогает герою «Священных сонетов» глубже осознать свою греховность и в то же время как бы исподволь готовит почву для новых отношений с Творцом, которые помогут духовному возрождению героя. Бог стоит рядом и в момент духовного кризиса, Своим молчанием таинственно управляя жизнью героя. Совершенно ясно, однако, что выход из кризиса и новые отношения с Богом еще впереди, уже вне литературного пространства «Священных сонетов».

«Страстная пятница 1613 года. Уезжая на Запад» (Good Friday 1613. Riding Westward) – последнее духовное стихотворение, написанное до принятия сана. Донн сочинил его в момент путешествия в гости к поэту и философу Эдварду Герберту, которое совпало по времени со Страстной пятницей, днем, когда Церковь вспоминает крестную смерть Иисуса Христа. Душевный конфликт Донна раскрыт здесь в противопоставлении движения на запад, куда поэт ехал по долгу дружбы, и стремления его души на восток, где находится Голгофа. Двигаясь вперед, герой неминуемо поворачивается спиной к Спасителю, но парадоксальным образом Христос смотрит на него «в упор». В символическом плане стихотворения запад – это место тьмы, греха, гибели души, а восток – света, милосердия и вечной жизни⁴². Поэт представляет себе Христа, висящего на Кресте и смотрящего ему вслед:

...Скачу, на запад обратив свой взгляд,
Но чувства очи – на восток глядят:
Спаситель, на кресте терпя позор,
Ты смотришь прямо на меня в упор!

Грех заставил героя отвернуться от Спасителя. Из этого мучительного конфликта есть только один выход, и герой на этот раз находит его. В молитве он просит Христа очистить его священным пламенем Своего гнева, восстановить в нем искаженный грехом образ Бога и с помощью благодати помочь повернуться лицом на восток:

⁴¹ Benston L. Talking to A Silent God: Donne's Holy Sonnets and The Via Negativa // Renaissance: Essays on Value in Literature, Winter 1999. Vol. 51, i2. P. 95.

⁴² Магомедова И. Поэзия и вера в век астрономических открытий: «Страстная пятница 1613 года. Уезжая на Запад» Д. Донна // Вопросы литературы. 2004. № 4. Июль–авг. С. 141.

Мои грехи – пусть опалит Твой гнев,
 Вся скверна пусть сойдет с меня, сгорев.
 Свой образ воссоздай во мне, чтоб смог
 Я обратиться – и узреть Восток!

(Перевод Д. Щедровикого)

Теперь почва для новых отношений героя с Богом наконец-то готова, и единственно верный путь открылся.

Гимны, по всей вероятности, – самое позднее из того, что создал Донн-поэт. Внутренняя свобода, спокойствие и бблыпая простота тона выделяют их на фоне религиозной лирики Донна. Не случайно английские композиторы XVII в. заинтересовались ими, положив на музыку. «Гимн Христу перед последним отплытием автора в Германию» (A Hymn to Christ, at the Author's last going into Germany) написан в 1619 г. «Гимн Богу, моему Богу, написанный во время болезни» (Hymn to God my God, in my Sickness) – в 1623-м или, может быть, даже в 1631-м, за семь дней до смерти, а «Гимн Богу-Отцу» (A Hymn to God the Father) – в 1623-м.

Хотя поэтическая манера гимнов в принципе та же, что и прежде, в них нет былого «шума и ярости». Душевная тревога если и не исчезла вовсе – боязнь отверженности от Христа порой продолжает смущать героя, – то ушла внутрь, и в «Гимне Богу...» поэт прямо заговорил о «гармонии души», которой в ответ на любовь одаривает любящий Бог. Гимнам чужда экзальтация, и тайны жизни и смерти принимаются в них со спокойной отрешенностью:

Я рад в проливах встретить свой закат,
 Вспять по волнам вернуться не дано,
 Как связан запад на любой из карт
 С востоком (я ведь – карты полотно), –
 Так смерть и воскресенье суть одно.

(Перевод Д. Щедровицкого)

Столь долго искомое равновесие теперь, кажется, найдено. Во всяком случае ничто как будто бы не мешает герою гимнов, преодолев пропасть, раствориться в Боге.

Однако сама эта гармония, достигнутая ценой отречения от бренного мира, погасила поэтический импульс Донна. В последнее десятилетие жизни он почти не писал стихов. Творческое начало его натуры нашло тогда выражение в проповедях, которые занимают очень важное место в истории английской духовной прозы XVII в. В них Донн часто обсуждал те же темы, что и в поэзии, – грех, смерть, упадок современного мира и т.д., порой используя знакомые уже мысли и образы. Так он продолжил поиски прошлых лет в новой для себя литературной форме.

Читателю, обратившемуся к стихам Донна после поэзии старших елизаветинцев – Сидни, Спенсера и даже Шекспира, кажется, что он попал в

другой мир. Здесь «другая оптика», и все несет на себе отпечаток совсем иной по характеру личности. Отказавшись от гармонической эстетики золотой манеры, Донн с самого начала намеренно сместил принятую тогда степень допустимого в поэзии. При этом он исходил из собственного чувства меры и собственных представлений о пропорции, и, по сути дела, из собственного понимания искусства.

Творческий диапазон Донна был необычайно широк. Как мы стремились показать, ему блестяще удавались и новаторская по своим свойствам злободневная сатира, и совершенно неожиданные для старших елизаветинцев интимно дружеские послания, и поражающая небывало широким спектром эмоций любовная лирика, и исполненная трагических размышлений религиозно-философская поэзия. Каждый из жанров, к которому обращался поэт, он наполнил новым содержанием, трансформировав в духе своего видения мира и собственного понимания задач поэзии.

Вместе с тем острота зрения и небывалая дотоле в английской поэзии четкость его фокусировки сделали поэзию Донна гораздо более личностной и (за возможным исключением Шекспира) гораздо более психологичной, чем у его предшественников. Без конца обыгрывая различные ситуации и заставляя героя менять маски, Донн обнажил сложнейшие повороты мысли и тончайшие нюансы чувств. При этом, однако, каждый отдельный момент жизни здесь и сейчас, каждая индивидуальная ситуация у него были не дискретны, но связаны с вечными вопросами, ответы на которые Донн, подобно большинству художников XVII в., пытался найти заново, в духе своего времени осмыслив загадки бытия.

Важнейшей чертой поэтической манеры Донна стал ярко выраженный драматизм, в целом мало типичный для его предшественников. Почти каждое его стихотворение представляло собой маленькую сценку с четко намеченной драматической ситуацией и вполне определенными характерами. Таких ситуаций можно насчитать великое множество, и они весьма разнообразны. Герой и его возлюбленная гуляли в течение трех часов, но вот наступил полдень, и герой повел речь о философии любви. Разглядев гагатовое кольцо, которое неверная возлюбленная прислала ему, герой все же решил надеть его. Собираясь в путешествие, герой написал свое имя на оконном стекле: быть может, смотря в окно, возлюбленная вспомнит о нем. Знакомясь со стихами Донна, читатель каждый раз становился зрителем маленького спектакля, разыгранного перед его глазами.

Тут, несомненно, сказалось воздействие театра, которым Донн очень увлекался в юности. Недаром некоторые ситуации и персонажи его ранних стихотворений кажутся попавшими туда прямо с елизаветинской сцены. (Достаточно вспомнить хотя бы героиню элегии «На желание возлюбленной сопровождать его, переодевшись пажом».) Увлечение юности со временем остыло, и жизнь увела Донна далеко от театра. Но драматизм навсегда

остался неотъемлемой частью его стиха, проникнув и в позднюю религиозную лирику.

Драматический элемент стихотворений Донна обычно давал о себе знать сразу же, с первых строк, нередко написанных в виде обращения. Часто стихотворения имели форму драматического монолога, новаторскую в английской поэзии XVI–XVII вв. Беседуя с возлюбленной, размышляя над той или иной ситуацией, обращаясь с прошениями к Богу, герой открывал себя. И хотя его «я» обычно не совпадало с авторским (известным исключением была лишь религиозная лирика), внешне поэзия Донна носила гораздо более личностный характер, чем стихи его предшественников.

Драматическое начало определило собой и новые отношения с читателем, который как бы становился нечаянным свидетелем происходящего. За исключением посланий поэт никогда прямо не обращался к читателям, как будто исходя из того, что их нет вообще, как в театре нет зрителей для беседующих друг с другом актеров. А это способствовало особому лирическому накалу его стиха, подобного которому не было в поэзии елизаветинцев.

Ярко индивидуальной была и манера речи Донна, весьма разнообразная в зависимости от ситуации, но всегда близкая к разговорной. Вместе с тем драматические монологи Донна, несмотря на всю его любовь к театру, во многом отличны от сценической речи героев Марло, Шекспира и других елизаветинских драматургов 1590-х гг., писавших для открытых театров с их разношерстной публикой, которую составляли все слои общества.

Биографы предполагают, что Донн сочинил свои первые стихи в годы занятий в лондонской юридической школе Линкольнз-Инн. Как мы помним, до этого он уже провел несколько лет в Оксфорде и Кембридже. Учебная программа этих университетов, в XVI в. все еще тесно связанная с схоластикой, уделяла большое внимание изучению риторики и логики (или, как ее называли, диалектики), развивая у студентов навыки аналитического мышления и способности к аргументированной полемике. Такие занятия как нельзя лучше соответствовали врожденным склонностям Донна, пылкому складу его ума. Однако если в Оксфорде и Кембридже изучение логики и риторики помогало студентам проникнуть в тайны философии (ею занимались старшекурсники), то в Линкольнз-Инн эти предметы имели еще и прикладной характер. Чтобы выиграть дело, будущие адвокаты должны были научиться оспаривать показания свидетелей, поворачивая ход процесса в нужное русло и убеждая присяжных в правоте (быть может, и мнимой) своего подзащитного.

Первые пробы пера Донна, видимо, предназначались для его соучеников по Линкольнз-Инн. В этих стихотворениях поэт всячески стремился ошеломить читателей виртуозностью своих доводов и вместе с тем с улыбкой, как бы со стороны, следил за их реакцией, расставляя им разнообразные ловушки. Гибкая логика аргументов целиком подчинялась здесь поставленной в дан-

ную минуту цели, и вся прелесть веселой игры состояла в том, чтобы с легкостью доказать любое положение, каким бы вызывающе странным оно ни казалось на первый взгляд. Сошлемся хотя бы на дерзкую проповедь свободной любви в «Общине», где автор вывернул наизнанку общее место о том, что добро следует любить, а зло ненавидеть. В «Женском постоянстве» (Women's Constancy) герой прямо заявил, что при желании ему ничего не стоит оспорить и опровергнуть любые доводы⁴³. В дальнейшем приемы подобной игры прочно вошли в поэтический арсенал Донна, и он постоянно пользовался ими в самых серьезных стихотворениях, по-прежнему поражая читателей виртуозностью доводов и головокружительными выражениями мысли.

Поэтическая речь Донна имела во многом аргументативный характер – своими стихами поэт, сам непрестанно искавший ответы на мучившие его вопросы, постоянно стремился в чем-то убедить читателей, каждый раз заново строя причудливое здание доводов, чтобы затем разрушить его в других стихах. Недаром же излюбленными фигурами речи Донна были силлогизмы, помогавшие ему последовательно и обоснованно доказывать ту или иную истину, но также – по столь характерному для него принципу контраста – парадоксы и каламбуры, неожиданно и сразу же открывавшие те же истины в новом ракурсе.

Чтобы понять такие стихотворения, требовалось немалое усилие ума. Строки Донна были в первую очередь обращены к интеллекту читателя. Отсюда их намеренная трудность, пресловутая темнота, за которую столь часто упрекали поэта (еще Бен Джонсон говорил, что, «не будучи понят, Донн погибнет»). Но трудность как раз и входила в «умысел» поэта, стремившегося разбудить мысль читателя. Работа же интеллекта в свою очередь будила и чувство. Так родился особый сплав мысли и чувства, возникла своеобразная интеллектуализация эмоций, что стало важной чертой английской поэзии XVII в.

Порвав с эстетикой «золотой манеры», Донн не просто сблизил интонацию своих стихов с разговорной речью, но и часто придавал ей намеренную резкость, а порой даже грубоватость. Примеры тому легко найти как в сатирах, так и в любовной и религиозной лирике. Современники Донна, противопоставив такие строки плавно-мелодическим стихам старших елизаветинцев, называли их «сильными» (strong lines) за их мускулистую резкость. Согласно декоруму эпохи, они были допустимы в сатирах, но казались абсолютным новшеством в любовной и религиозной поэзии.

Пресловутая резкость «сильных строк» часто объяснялась необычайной свободой, с которой поэт обращался с размером. Во многих вещах Донна свободное, раскованное движение стиха вступало в противоречие с разме-

⁴³ Донн пишет: against these 'scapes I could / Dispute and conquer if I would (Эти доводы я мог бы оспорить и опровергнуть, если бы захотел).

ром, что Бен Джонсон не преминул поставить ему в вину, саркастически заметив: «За несоблюдение ударений Донна стоит повесить». Но на самом деле речь шла о новаторстве поэта, который, стремясь воспроизвести интонацию живой речи, ввел в свои стихи нечто вроде речитатива. По меткому наблюдению К.С. Льюиса, мелодия человеческого голоса звучала здесь как бы под аккомпанемент воображаемого размера⁴⁴.

В стихотворениях Донна часто возникали разного рода отступления от языковых норм, многочисленные примеры которых приведены в издании А. Дж. Смита. Для достижения нужного эффекта Донн действительно менял ударения (*blasphémous, illustrate, mélancholy*), добавлял лишние слоги (*oceán, dungeón, éárnest* – все эти слова имеют не два, а три слога), широко пользовался элизией (*b' occasion, t' intergraft*) и малохарактерным для елизаветинцев *enjambement*, т.е. переносом слов, связанных по мысли, с одной строки на другую (*nor yet hath been / Poisoned*), при этом иногда даже разделяя слоги (*and of good as forget / full as proud*).

Понять просодию Донна часто можно, лишь прочитав то или иное стихотворение вслух и уразумев логику авторской мысли. На это еще в XIX в. обратил внимание чуткий и проницательный С.-Т. Колридж, сказав: «Чтобы декламировать Дж. Драйдена, А. Поупа и т.д., нужно лишь вести счет слогам; но чтобы прочесть Донна, нужно исчислить время и установить длительность каждого слова с помощью страсти»⁴⁵. И в другом месте: «Со времен Драйдена у наших поэтов размер ведет к чувству; у более же древних и более истинных бардов чувство, включающее в себя страсть, ведет к размеру. Прочитав даже сатиры Донна так, как он хотел, чтобы их читали, и как того требует чувство и страсть, вы обнаружите мужественную гармонию строк»⁴⁶.

И в самом деле, многим стихотворениям Донна присуща особая музыка, отличающаяся не только от более гладкой и предсказуемой интонации неоклассицистов типа Драйдена и Поупа, но и чуждая слуху старших елизаветинцев, поскольку в отличие от своих предшественников поэт ориентировался не на песенные ритмы, а скорее на мелодику эмоционально приподнятой речи. Как показали исследователи, ударение в стихах Донна часто зависит от драматической ситуации, требующей логической эмфазы.

Вместе с тем Донн прекрасно владел и обычными «песенными» ритмами. Достаточно сослаться на песни и близкую им любовную лирику из цикла «Песни и стихотворения о любви». Некоторые из них поэт написал на популярные в его эпоху мотивы, другие были положены на музыку современными ему композиторами. Но и здесь концентрация мысли, игра аллитера-

⁴⁴ Lewis C. Op. cit. P. 550.

⁴⁵ Donne J. The Critical Heritage. L., 1975. P. 265.

⁴⁶ Ibid. P. 271.

циями и своеобразие синтаксиса сближали эти стихотворения с разговорной речью и выделяли их на фоне елизаветинской песенной лирики.

Донн много экспериментировал и со строфикой. Особенно интересны в этом отношении «Песни и стихотворения о любви». Цикл состоит из 55 стихотворений. Только два из них написаны рифмованным куплетом, а семь – четверостишиями. Строфы остальных насчитывают от двух до 14 строк. Два стихотворения состоят из одной строфы в 17 строк («Призрак» и «Женское постоянство»), а одно содержит громадную строфу в 24 строки («Возвращение» – *The Dissolution*). Знаменательно, что Донн не повторяет ни одной строфической формы более трех раз, а 44 формы употребляет только один раз. Как установил французский литературовед П. Легуи, поэт достиг этого, не только разнообразя число строк в строфе, но и искусно меняя длину строк внутри строфы (в цикле есть строки, состоящие из 2, 3, 4, 6, 7, 8, 10 и 12 слогов) и схему рифм (здесь Донн, впрочем, более традиционен). Но что особенно интересно, по подсчетам того же Легуи, только четыре относительно простые строфические формы, которые использовал Донн, встречались у его предшественников. Все остальные он придумал сам⁴⁷.

В отличие от поэтов старшего поколения – прежде всего раннего Шекспира, увлекавшихся игрой словами, любивших неологизмы и музыку звука, Донна больше интересовала мысль как таковая. Конечно, и он прекрасно владел словом, но всегда подчинял его смыслу стихотворения, стремясь выразить все свои интеллектуальные пируэты простым разговорным языком. Тут Донн был ближе позднему Шекспиру. Как и в его великих трагедиях и поздних трагикомедиях, мысль автора «Песен и стихотворений о любви» перевешивала слово. При этом, однако, манера Донна была все же проще и аскетичней.

Поэтических образов у Донна меньше, чем у Шекспира, и они имеют иную природу. Если, по меткому выражению К.С. Льюиса, воображение Шекспира можно назвать центробежным, то у Донна оно было центростремительным⁴⁸. В сонетах Шекспира мысль обычно двигалась от частного к общему, и образы, определявшиеся некоей конкретной ситуацией, вызывали цепь самых широких ассоциаций, связанных с природой, искусством, любовью, жизнью и смертью, временем и вечностью. В поэзии Донна движение по большей части шло в обратном направлении – от общего к частному. Широкий спектр образов, связанных с современной философией и средневековой схоластикой, юриспруденцией, географией, алхимией, богословием и многими другими областями знания, всегда вел читателя к конкретной ситуации, к тем мыслям и чувствам, которые владели героем в данную мину-

⁴⁷ *Legouis P.* Donne, the Craftsman: An Essay upon the Structure of Songs and Sonets, N.Y., 1962. P. 22–23.

⁴⁸ *Lewis C.S.* Op. cit. P. 549.

ту. И если у Шекспира опыт любви раздвигал для героя горизонты вселенной, то у Донна, как мы видели, необозримые просторы вселенной сжимались до размеров маленькой комнаты, придавая чувству необычайную остроту и силу.

В поэзии Донна почти не было столь привычных для елизаветинцев описаний природы. В лирике Донна вообще мало образов, связанных со зрительным восприятием мира. Но это совсем не значит, как подметил Дж. Кэрри, что поэт не видел окружающего мира и не ценил его красоту⁴⁹. Изображая те или иные предметы или явления, Донн не столько стремился порадовать взор читателей, сколько удивить разного рода интеллектуальными ассоциациями, возникшими в его сознании в связи с изображаемым. Так, маленькое тело блохи неожиданно стало для него «храмом», соединившим любящих, дерево, чей сок зимой уходит в корни, напомнило человека, на старости лет прощающегося с жизнью, а браслет из сохранивших блеск волос, обвитых вокруг костлявой руки скелета, превратился в символ любви, которая продолжается и после смерти.

Многие из подобных образов представляли собой излюбленные Донном метафоры-концепты (*concepts*), за увлечение которыми его впоследствии, уже в эпоху Просвещения, с позиций неоклассицизма сурово критиковал Сэмюэль Джонсон. Елизаветинцы изредка пользовались такими метафорами и раньше, но именно Донн сделал их важнейшей частью своей поэтической техники. Своеобразие концепта состояло в следующем. При употреблении обычной метафоры происходит перенос значения и один предмет уподобляется другому, в чем-то схожему с ним, как бы показывая его в новом свете и открывая цепь поэтических ассоциаций. Внутренняя механика концепта сложнее. Здесь тоже один предмет уподобляется другому, но предметы эти на первый взгляд настолько далеки друг от друга, что кажется, будто они не имеют между собой ничего общего. Поэта в данном случае интересует не столько уподобление одного предмета другому, сколько неожиданные ассоциации, которые возникают при сопоставлении этих столь несхожих между собой объектов. В качестве примера из поэзии Донна приведем сравнение вздыбившихся волн во время шторма с движущейся траншеей, надвигающейся смерти – со слугой, зажегшим свечу в соседней комнате, или врачей, склонившихся над телом больного, – с картографами.

Все эти концепты, смело и неожиданно взрывавшие привычную цепь ассоциаций, можно назвать сжатыми, или моментальными. Но Донн также любил и развернутые, с помощью которых он мог подробно раскрыть и обосновать сопоставления, наглядно продемонстрировав математичность мышления, неумолимую логику и спокойную точность. Наиболее ярким примером такого развернутого концепта стало знаменитое уподобление

⁴⁹ Carey J. Op. cit. P. 166.

душ двух любящих ножкам циркуля, скрепленных единым центром из «Прощания, запрещающего печаль»:

Простимся. Ибо мы – одно.
Двух наших душ не расчленишь,
Как слиток драгоценный. Но
Отъезд мой их растянет в нить.
Как циркуля игла, дрожа,
Те будет озирать края,
Где кружится моя душа,
Не двигаясь, душа твоя.
И станешь ты вперяться в ночь
Здесь, в центре, начиная вдруг
Крениться, выпрямляясь вновь,
Чем больше или меньше круг.
Но если ты всегда тверда,
Там, в центре, то должна вернуть
Меня с моих кругов туда,
Откуда я пустился в путь.

(Перевод И. Бродского)

Как верно заметил Сэмюэль Джонсон, концепты были для Донна формой выражения его мировидения, присущего ему склада мысли. Ученые обычно называют этот склад мысли остроумием или – более точно – остроумием (*wit*), подразумевая при этом особого рода интеллектуальную деятельность или разновидность духовного творчества, куда смех, комическое начало входило лишь как один из компонентов. По утверждению С. Джонсона, остроумие основано на принципе *discordia concors* (соединение противоположностей) – «комбинации несходных образов или вскрытии тайного сходства в предметах, которые кажутся далекими».

Сам этот принцип достаточно древний. Он возник еще в античности и, трансформировавшись, существовал в Средние века и в эпоху Возрождения. Понятый как единство в многообразии, он был неотъемлемой частью Великой Цепи Бытия, выражая идею соответствий, универсальных аналогий, которые гармонически сочетались в Едином Божестве. Однако к началу XVII в. в эпоху кризиса ценностей идея соответствий, как и сама Великая Цепь Бытия, была поставлена под сомнение. Теперь, чтобы скрепить разомкнутую цепь соответствий и внести порядок в неожиданно зашевелившийся хаос, требовалось немалое напряжение ума. Пытавшиеся преодолеть эти трудности художники XVII в. стали искать утраченное единство в многообразии не только в Боге, но и внутри собственного сознания. Незаметно и как бы помимо своей воли они брали на себя роль творца в творимом ими космосе, по выражению С. Джонсона, «насильственно сопрягая самые разные идеи; обыскивая природу и искусство в поисках иллюстраций, сравне-

ний, аллюзий»⁵⁰. Именно в этом типичном для менталитета XVII в. смысле остроумие и проявило себя в творчестве Донна, сделав его создателем новой метафизической поэзии. И здесь, наверное, нужно искать секрет «другой оптики» поэта, которая обеспечила ему уникальное место в истории английской литературы.

В 1619 г. поэт, уже четыре года служивший священником, в одном из писем сказал о своем эссе «Биатанатос» (*Biathanatos*, 1608?), что эта «книга написана Джеком Донном, а не доктором Донном»⁵¹. Слова поэта вполне понятны, поскольку «Биатанатос» содержал в себе гамлетические размышления о самоубийстве, которые никак не вязались с принятым позже священным саном автора. С легкой руки поэта противопоставление юного Джека Донна маститому доктору богословия, знаменитому проповеднику и настоятелю собора Св. Павла в Лондоне, было принято многими критиками. Дошло до того, что Герберт Грирсон даже взял эпиграфом к своей статье о поэзии Донна строки знаменитого монолога Фауста Гёте:

Но две души живут во мне,
И обе не в ладах друг с другом.
Одна, как страсть любви, пылка
И жадно льнет к земле всецело,
Другая вся за облака
Так и рванулась бы из тела⁵².

(Перевод Б. Пастернака)

Подобное представление о «двух душах» Донна очень сильно упростило картину творчества поэта. Сколь разительно бы внешне ни отличался юный студент-щеголь, учившийся в Линкольнз-Инн, от престарелого доктора богословия, все, что написано ими, написано одним человеком – Джоном Донном. Биографическое прочтение его поэзии, согласно которому веселый волокита и искатель приключений неожиданно для себя влюбился и стал писать серьезные стихи о любви, посвятив их жене, а затем, после ее смерти, ушел в религию, как мы стремились показать, не отвечает фактам. Недаром же и сам поэт в зрелые годы сказал: «Чем дальше тема моих стихов отстояла от правды, тем лучше они мне удавались»⁵³.

Умение столкнуть противоположности и найти точку их соприкосновения, понять сложную, состоящую из разнородных элементов природу явлений и одновременно увидеть скрепляющие эти элементы единство – важнейшая черта всего творчества Донна. Она во многом объясняет бросающиеся в глаза «противоречия» его поэзии. Назовем среди них, например, совмеще-

⁵⁰ *Donne J.* The Critical Heritage. P. 218.

⁵¹ *Gosse E.* The Life and Letters of John Donne. Glouchester, 1959. Vol. 2. P. 124.

⁵² *Grierson H.* Introduction // Donne. Poetical Works. Oxford, 1968. P. XIII.

⁵³ *Bald R.* Op. cit. P. 7.

ние взаимоисключающих взглядов на природу любви или создание примерно в одно время гедонистических элегий и эпистолярного диптиха «Шторм» и «Штиль» с его изображением хрупкости человека перед лицом неуправляемых стихий. Или в более поздний период – сочинение горько-циничной «Алхимии любви» и религиозных стихов. Заметим в связи с этим, что характерные для поэзии Донна цельность и внутреннее единство, на наш взгляд, более важны, чем различие между ранним и более поздним этапами его творчества.

Тем не менее эти этапы, конечно же, есть, они бросаются в глаза, и скрепляющее все творчество Донна внутреннее единство их вовсе не отменяет.

Первый из них – ранний – охватывает большую часть 90-х годов XVI в. Это время, когда поэт сочинил сатиры, эпиграммы, элегии, ранние послания, а также часть лирики «Песен и стихотворений о любви». Фрагмент «Метемпсихоза» знаменует собой конец этого этапа. И хотя новаторство Донна во всех этих произведениях сразу же бросается в глаза (Бен Джонсон считал, что Донн написал все свои лучшие стихотворения до того, как ему исполнилось 25 лет), это все же еще в известной мере период пробы сил, где освоение классики (Горация, Овидия, Ювенала) сочеталось с увлеченным экспериментаторством, которое предполагало отталкивание от опыта ближайших предшественников. В отличие от старших елизаветинцев Донн с самого начала заявил о себе как поэт-маньерист, выразивший в своем творчестве кризис идеалов Ренессанса, как художник, наделенный большей степенью рефлексии и субъективизма, но и большей остротой зрения. Черты маньеризма отчетливо видны уже в его первой сатире с ее неразрешенной двойственностью авторской позиции. Они доминируют и в других сатирах, которые сочетают острую по тем временам социальную критику со скептически отрешенным взглядом на мир, а также в ранних посланиях и в любовной лирике с ее обыгрыванием противоположных отношений к чувству. Черты маньеризма проступают и в своеобразии поэтической манеры Донна с ее новым для английской поэзии пониманием формы стиха.

Второй этап творчества Донна охватывает первые два десятилетия XVII в., а его пик приходится на 1607–1614 гг. В это время Донн продолжил писать любовную лирику, а также сочинил стихи на случай, «Годовщины» и большую часть религиозной лирики. И в этот период маньеристские черты преобладают в творчестве Донна, о чем свидетельствуют такие стихотворения, как «Вечерня в день Святой Люси» и большинство «Священных сонетов», где господствует ощущение кризиса традиционных ценностей. Однако теперь уже это маньеризм, в который исподволь вторглись барочные черты. Они видны в пышной риторике стихотворений на случай и «Годовщин», в некоторой театральности чувств «Священных сонетов».

Третий этап в основном совпадает с последним десятилетием жизни Донна. Это время, когда он почти совсем отходит от поэзии. В 1625 г. он явно через силу пишет траурную элегию на смерть маркиза Гамильтона, которую специалисты считают его последним стихотворением. Видимо, несколько ранее Донн сочинил гимны. В этих последних стихотворениях с их зыбкой гармонией, которая далась ценой отречения от бренного мира, видно усиление барочных черт, стремление не столько обыграть, сколько уравновесить противоречия. Впрочем, грань между поздним маньеризмом и ранним барокко весьма подвижна, и интеллектуальная рефлексия по-прежнему преобладает и в этот период творчества Донна.

Однако все это лишь самая общая канва, в которую поэзия Донна вписывается с известными натяжками. Как художник переходного периода, начавший писать, когда еще были сильны традиции Возрождения, отталкивавшийся от них и всем своим творчеством готовивший новую поэзию XVII в., Донн не вмещается в привычные категории и ломает их. Такие категории, как правило, удобны для талантов меньшего масштаба, легко укладывающихся в прокрустово ложе определений. Так, например, Т. Уайета можно без каких-либо оговорок назвать поэтом раннего Возрождения, а Р. Крэшо – типично барочным автором. Дать столь однозначное определение поэзии Спенсера уже трудно. Крупные художники своей индивидуальностью чаще всего взрывают умозрительные схемы. На наш взгляд, Донн принадлежит к числу именно таких художников. Его поэзия во всей ее неповторимой самобытности, как и творчество Шекспира или Бена Джонсона, во многом явление «надстилевое».

При жизни Донн пользовался огромным авторитетом среди своих современников. Введенное им в английскую поэзию остроумие стало важнейшей чертой лирики и целой группы поэтов (некоторые исследователи называют их школой), шедших вслед за Донном и учившихся у него. Недаром же они вошли в историю литературы под именем метафизиков. Основанная на остроумии схожесть видения мира, а не те или иные поэтические приемы, которые могли присутствовать и могли отсутствовать, в первую очередь и сблизила метафизиков с Донном. Эти поэты восприняли от автора «Песен и стихотворений о любви» его религиозно-философский поиск и упорное стремление раскрыть загадки бытия, построив свою модель мира с помощью «смещенной» гармонии, согласующей, казалось бы, неразрешимые противоречия. Их роднили интеллектуальная рефлексия и стремление найти ответы на вечные вопросы. Хотя их индивидуальная манера могла порой сильно отличаться от манеры их учителя, в своих поисках все они, несомненно, отталкивались от поэтических открытий Донна, от его «другой оптики».

Однако эта «другая оптика» поэта не всегда и не всем оказалась по вкусу. Популярность Донна в середине XVII в. была очень велика. С 1633 по 1669 г. в свет вышло семь изданий его стихотворений. Именно тогда у него

появилось множество последователей, среди которых были очень талантливые стихотворцы – Джордж Герберт, Генри Воэн, Ричард Крэшо или Эндрю Марвел. Любопытно, что даже такой строгий судья, как Бен Джонсон, писавший стихи в совсем иной манере, все же считал Донна «первым поэтом мира в некоторых отношениях»⁵⁴ и посылал ему собственные стихи в надежде услышать полезную для себя критику. Лучший после Шекспира трагедиограф эпохи Джон Уэбстер заимствовал у Донна некоторые образы и выражения, введя их в свои пьесы. (Такое заимствование в то время вовсе не приравнивалось к плагиату, но считалось лишь доказательством богатой эрудиции автора. Реминисценция же из произведений современного писателя была для него знаком большой чести и особого признания.) Томас Кэрю утверждал, что Донн превзошел Вергилия и Тассо, а Джон Саклинг назвал его «великим лордом остроумия», соревноваться с которым невозможно⁵⁵. По-видимому, такое мнение было тогда всеобщим.

Но уже к концу века литературные вкусы в Англии резко поменялись, и в поэзии восторжествовала эстетика неоклассицизма. Стихи Донна совершенно не соответствовали ее нормам, и прежние восторги вскоре стихли. Донна, как и прежде, почитали за остроумие и фантазию, но его поэтическая манера теперь уже казалась грубой и устаревшей. Типичное для новой эпохи мнение очень точно выразил Джон Драйден, сказав, что Донн был «величайшим остроумцем, хотя и не самым лучшим поэтом»⁵⁶. При этом, однако, отношение Драйдена к Донну не было однозначно негативным. Ведь с аналогичных позиций Драйден критиковал и Шекспира, утверждая, что Бен Джонсон был «более правильным поэтом», а Шекспир превосходил его в остроумии. Но это суждение во многом предопределило негативное восприятие Донна на протяжении почти всего XVIII в.

В эпоху Просвещения стихи Донна больше не переиздавались, и Уильяму Куперу, желавшему с ними познакомиться, было весьма трудно их достать. Критическое отношение к непонятной и чуждой вкусам века манере Донна переросло в почти полное неприятие всего его творчества в целом. Льюис Тибалд, известный издатель пьес Шекспира, осудив эпоху драматурга за «неестественное» остроумие, которое противоречило законам природы и здравого смысла, назвал поэзию Донна «бесконечным нагромождением головоломок»⁵⁷. При этом он добавил, что и Шекспир грешил этой «порочной манерой». Быть может, самый влиятельный критик XVIII в. Сэмюель Джонсон, дав проницательное определение концепта, осудил Донна и близких ему поэтов-метафизиков (с его легкой руки это имя прочно утвер-

⁵⁴ *Donne J.* The Critical Heritage. P. 69.

⁵⁵ *Ibid.* P. 124.

⁵⁶ *Ibid.* P. 150.

⁵⁷ *Ibid.* P. 197.

дилось в литературоведческом лексиконе) за «намеренное отклонение от природы в погоне за чем-то новым и странным»⁵⁸. А знаменитый философ Дэвид Юм, развивая идею циклической эволюции культуры, утверждал, что не только творчество Донна, но и вся английская литература начала XVII в. совпала со временем упадка, наступившим после расцвета елизаветинской поры. Такой взгляд еще больше усилил негативное восприятие Донна, ибо, как считает А.Дж. Смит, многие англичане XVIII в., разделяя мнение Юма, ассоциировали творчество Донна с упадком нравов, который привел к «варварству гражданской войны»⁵⁹. Знаменательным образом отношение к Донну как к писателю «упадочному» сохранилось среди некоторых, хотя и немногочисленных, критиков вплоть до XX в., когда история английской литературы была решительно пересмотрена.

Но лучшие умы Англии реабилитировали поэзию Донна задолго до этого пересмотра. «Грубая», «неправильная» манера поэта сразу же привлекла к себе романтиков. Они увидели в «бесконечном нагромождении головоломок» смелый полет фантазии Донна, а в еще недавно казавшейся холодной и вычурной игре его интеллекта движение подлинной страсти. Колридж, самый яркий и глубокий мыслитель эпохи, всю жизнь восхищался поэзией Донна, считая его «истинно великим человеком»⁶⁰. Это восхищение разделяли Де Квинси, Лэм и Ли Хант. Позднее к ним присоединились и виднейшие викторианцы – Роберт и Элизабет Браунинги, Джордж Элиот, Д.Г. Россетти и А. Суинберн. Среди них особенно ревностным почитателем таланта Донна был Роберт Браунинг, с юности увлекавшийся его стихами и пытавшийся подражать ему и трудной манерой письма, и своей излюбленной формой драматического монолога.

Однако возрождение интереса еще не означало всеобщее признание, и увлечение Донном довольно долго оставалось уделом избранных. Популярность к поэту возвращалась медленно и постепенно. В начале XIX в. в Англии стали печатать лишь подборки его стихотворений, а первое отдельное издание его поэзии вышло в США в 1855 г. Оно не было научным и воспроизводило старые тексты со всеми их опечатками. Лишь в 1872–1873 гг. неутомимый английский издатель и библиофил Б.А. Гроссарт выпустил первое двухтомное издание поэзии Донна, попытавшись отредактировать его в соответствии с многочисленными рукописями, а в 1896 г. появился еще один двухтомник, на этот раз составленный крупнейшим шекспироведом Э.К. Чемберсом с предисловием маститого литературоведа Дж. Сейнтсбери. К этому времени талант Донна уже был признан многими критиками, хотя в целом его манера все же казалась им необычной, а его место в истории

⁵⁸ Ibid. P. 231.

⁵⁹ Ibid. P. 15.

⁶⁰ Ibid. P. 278.

английской литературы не было им ясно. Большинство исследователей XIX в., ценивших Донна, считали, что он был эксцентричным гением, чья лирика представляла собой сплав золота и шлака. Эта эксцентричность, по их мнению, и отодвинула его в сторону от магистрального пути английской поэзии, который вел от Спенсера через Бена Джонсона к Милтону.

Но к началу XX в. почва для всеобщего признания Донна, наконец, оказалась готовой. В 1912 г. Герберт Грирсон выпустил первое академическое издание поэзии Донна, снабженное вдумчивым предисловием и развернутым комментарием, а в 1921 г. он же выпустил прекрасно составленную антологию «Метафизические стихотворения и поэмы XVII века». Благодаря этим изданиям творчество Донна стало достоянием не только специалистов, но и широчайших масс читателей, которые с энтузиазмом приняли его стихи. Примерно в это же время замечательный англо-американский поэт Т.С. Элиот опубликовал ряд статей о творчестве Донна и метафизиков, где он чрезвычайно высоко оценил их вклад в историю английской поэзии. Влияние Донна очевидно и в творчестве лучших англоязычных поэтов XX в. – того же Элиота, позднего У.Б. Йейтса, У.Х. Одена и ряда других художников слова Англии и Америки.

Произошла неожиданная метаморфоза. Еще недавно известный лишь относительно небольшому кругу читателей, Донн в 1920-е и 1930-е гг. оказался едва ли не самым популярным классиком английской поэзии, затмившим Милтона и даже немного потеснившим Шекспира. При этом творчество Донна стало восприниматься тогда как важнейший ориентир поиска, как явление, помогающее поэтам XX в. найти свой новый взгляд на мир и свой новый, отличный от викторианского, стиль. Вот как об этом писал сам Т.С. Элиот в 1947 г.: «К началу этого века ожидалась другая революция в средствах выражения – а такие революции приносят с собой изменение метрики, новую чувствительность уха. Неизбежно случилось так, что молодые поэты, поглощенные этой революцией, возвеличивали достоинства тех поэтов прошлого, кто давал образец и стимулировал их творчество...»⁶¹.

Правда, в послевоенные годы, когда новизна открытия утратила былую остроту, страсти несколько утихли, и время скорректировало крайности. К Милтону вернулась былая слава. Но и Донн остался на поэтическом Олимпе, рядом с Сидни, Спенсером и тем же Милтоном, равный среди равных себе.

Во второй половине XX в. стали выходить новые научные издания поэзии Донна, уточнившие и дополнившие труды Грирсона. Здесь можно сослаться на книги, подготовленные Х. Гарднер, У. Милгейтом, А.Дж. Сми-

⁶¹ *Eliot T.S. Milton: Annual lecture on a master mind. L., 1947. P. 18.* О влиянии Донна на Элиота и американскую поэзию XX в. см.: *Половинкина О.И. «Проблески небес»: Метафизический стиль в американской поэзии первой половины XX в.: Эволюция и рефлексия, М., 2005.*

том, Дж.Т. Шокроссом, К.А. Патрайдсом, Дж. Кэри и др. В США появился специальный журнал, посвященный творчеству Донна, – «John Donne Journal», начата публикация и многотомного академического издания «The Variorum Edition of the Poetry of John Donne». Очень много сделали и исследователи, создавшие целую «индустрию» по изучению творчества поэта, – по-английски ее шутливо называют the Donne industry. Сейчас, в начале XXI в., о Донне написано великое множество монографий и статей критиками всех существующих ныне и существовавших в прошлом столетии школ, каждая из которых на свой лад заново открывает его стихи. Но – главное – его поэзию знают, она жива, и ее «другая оптика» по-прежнему продолжает увлекать и волновать читателей, не оставляя никого равнодушным.

Знакомство русского читателя с поэзией Донна началось относительно недавно, всего несколько десятилетий назад⁶². Однако к настоящему моменту накопилось уже достаточно большое число переводов его стихотворений. Мы постарались включить лучшие из них в данную книгу, которая, как мы надеемся, даст нашим читателям достаточно полное представление о творчестве одного из лучших и самых оригинальных английских поэтов прошлого.

⁶² Из статей последних лет, посвященных Донну, см.: *Шайтанов М.О.* Уравнение с двумя неизвестными (Поэты-метафизики Джонн Донн и Иосиф Бродский) // Вопросы литературы. 1998. № 6.

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее собрание стихотворных произведений Джона Донна организовано, как и в англоязычных изданиях, по жанровому принципу. У подавляющего большинства текстов нет точной датировки, и они не публиковались при жизни поэта, за исключением отдельных посвящений и «Годовщин». Поскольку поэзия Донна сохранилась в частных рукописных коллекциях, тексты дошли до нас в нескольких вариантах, которые были обработаны в оксфордских изданиях, подготовленных Х. Грирсоном, Х. Гарднер и У. Милгейтом. Они и послужили основой для русскоязычного литературного перевода. Современные издатели берут за основу не только ранние посмертные издания 1633, 1635 и 1639 гг., но и рукописи, в которых стихи бытовали при жизни и в первые десятилетия после смерти Донна. Возможно, не все они принадлежат поэту, тем не менее корпус наследия Донна пополнялся вплоть до XX в. из рукописных находок.

К сожалению, в наше издание не вошли стихотворения Джона Донна в переводе И.А. Бродского. Фонд по управлению наследственным имуществом И.А. Бродского не дал положительный ответ на обращения издательства «Наука». Стихотворения Дж. Донна в переводе Бродского, предполагавшиеся к публикации в настоящем памятнике («Шторм», «Посещение», «Блоха», «Завещание», «Прощание, запрещающее грусть», «О слезах при разлуке», «Элегия на смерть леди Маркхем»), неоднократно печатались в российских изданиях.

При составлении примечаний использовались следующие издания поэзии Дж. Донна:

- The Poems of John Donne: 2 vols / Ed. H.J.C. Grierson. Oxford, 1912.
John Donne: The Divine Poems / Ed. H. Gardner. Oxford, 1952.
The Elegies and the Songs and Sonnets / Ed. H. Gardner. Oxford, 1965.
The Satires, Verse Epigrams, and Verse Letters / Ed. W. Milgate. Oxford, 1967.
Donne J. The Complete English Poems / Ed. A.J. Smith. Harmondsworth: Penguin, 1971.
Donne J. The Epithalamions, Anniversaries and Epicedes / Ed. W. Milgate. Oxford, 1978.
The Complete English Poems of John Donne / Ed. C.A. Patrides. L., 1985.
John Donne (The Oxford Authors) / Ed. J. Carey. Oxford, 1990.
The Variorum Edition of the Poetry of John Donne. Vol. 6: The Anniversaries & the Epicedes & the Obsequies / Gen. ed. G. Stringer. Indiana, 1995.
The Variorum Edition of the Poetry of John Donne. Vol. 2: The Elegies / Gen. ed. G. Stringer. Indiana, 2000.
The Collected Poems of John Donne / Ed. R. Booth. Ware: Wordsworth Poetry Library, 2002.

Английская лирика первой половины XVII века / Под ред. А.Н. Горбунова. М., 1989.

Донн Дж. Алхимия любви / Сост. Г.М. Кружков. М., 2005.

Донн Дж. Песни и песенки. Элегии. Сатиры / Сост. В. Дымшиц. СПб., 2000.

Донн Дж. По ком звонит колокол / Пер. и сост. А.В. Нестерова и О.А. Седаковой. М., 2004.

*Условные обозначения и сокращения,
используемые в примечаниях:*

OED – Oxford English Dictionary. Полное электронное издание: <http://dictionary.oed.com>.

PE – *Browne Th. Pseudodoxia Epidemica*. 6th ed. L., 1672. Комментар. электрон. изд.: <http://penelope.uchicago.edu/pseudodoxia/pseudodoxia.shtml>

AM – *Бертон Р. Анатомия меланхолии*. М., 2005.

БК – *Данте А. Божественная комедия*.

ЕИ – *Плиний Старший. Естественная история*. Цит. по англ. версии: *Pliny the Elder. The Natural History* / Eds. J. Bostock, H.T. Riley. L., 1855. Комментированное электронное изд.: <http://www.perseus.tufts.edu/cgi-bin/ptext?lookup=Plin.+Nat.+toc>

АС; ЗП – *Сидни Ф. Астрофил и Стелла. Защита поэзии* / Отв. ред. Л.И. Володарская. М., 1982.

ЛЭ – *Овидий. Любовные элегии // Элегии и малые поэмы*. М., 1973.

СЖ – *Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2 т. 2-е изд.* М., 1994.

СТ – *Фома Аквинский. Сумма теологии*.

ЭР – *Эстетика Ренессанса: В 2 т. / Сост. В.П. Шестаков*. М., 1981.

Potter & Simpson. – *The sermons of John Donne: 10 vols.* / Eds. R. Potter, M. Simpson. Berkeley; L., 1953–1962.

ПЕСНИ И СТИХОТВОРЕНИЯ О ЛЮБВИ

Раздел «Песни и сонеты» (*Songs and Sonets*) появляется во втором издании 1635 г. Стихи, входящие в него, в издании 1633 г. были разбросаны по всей книге. Название восходит к первой антологии английской поэзии – «Антологии Тоттела» (1575?), где была собрана любовная лирика того времени. Различали «sonet» – небольшое стихотворение о любви и «sonnet» – формальный сонет.

БЛОХА

THE FLEA

В куртуазной поэзии блоха – разновидность любовного фетиша на теле Прекрасной Дамы. Донн смещает акценты с внешней атрибутики (близость к Даме) на возможные интерпретации этого мотива, связанные с кровью: дефлорация, насилие.

...*вот блошка; / Куснула...* – Контраст литоты (незначительности и обычности блошиного укуса) и гиперболы: напившаяся крови блоха превращается в храм и брачное ложе.

...*Не погуби три жизни ненароком...* – О связи крови и души см. ниже примеч. к «Метемпсихозу», XXXIV.

...*Здесь, в блошке – я и ты сейчас...* – Аллюзия на Мф. 19 : 5–6.

...*В ней храм и ложе брачное для нас...* – Пародия на эпиталаму (см. примеч. к «Эпиталаме... в Линкольнз-Инн»).

С ДОБРЫМ УТРОМ

THE GOOD MORROW

...*семь сонливцев...* – У средневековых авторов (в частности, в житийном сборнике итальянского духовного писателя Иакова Воррагинского «Золотая легенда» и др.) повествуется о семи эфесских юношах, которые во время гонения на христиан при императоре Деции (в 250 г.) удалились в пещеру для предсмертной молитвы, где заснули и проснулись спустя 120 лет.

...*Каморку превращая в мирозданье.* – Вариация на рассуждения средневекового философа и богослова Николая Кузанского (1401–1464) об орехе: «...я вижу ⟨...⟩ дивную силу того семени, в котором было заключено и это дерево, и все его орехи...» (Николай Кузанский. О видении Бога, VII).

...*Миры златые открывать вдали...* – В оригинале – аллюзия на Великие географические открытия XVI–XVII вв. и на теорию итальянского философа и поэта Дж. Бруно (1548–1600) о бесконечности Вселенной и множественности миров.

...*А мы свои миры друг в друге обрели.* – См. примеч. к «Восторгу».

...*Два полушарья карты...* – Лица влюбленных – полушария универсума, и каждый отражается в глазах-полушариях любимого. Каждый – мир и владеет другим мирами (отражениями в глазах). Так образуется единый мир. О математике любви см. примеч. к «Восторгу».

...*Ни убыль им вовек, ни гибель не страшны.* – Гиппократ (около 460 – около 370 г. до н.э.) считал, что тело человека содержит в себе четыре «гумора» – «кровь, слизь и желчь, желтую и черную; из них состоит природа тела. ⟨...⟩ Бывает оно здоровым наиболее тогда, когда эти части соблюдают соразмерность во взаимном смешении в отношении силы и количества и когда они наилучше перемешаны» (Гиппократ. О природе человека, 4). Эти части соответствовали четырем элементам в природе (см. примеч. к «Сатире V») и определяли темперамент человека.

ПЕСНЯ (Трудно звездочку поймать...)

SONG (Go and catch the falling star)

При жизни поэта песня была переложена на музыку.

Мандрагора – См. примеч. к «Метемпсихозу», XV.

Русалка – очаровывала моряков своим пением, как античные сирены. По версии средневекового натурфилософа Варфоломея Английского, усыпляла и похищала их; если они не соглашались жениться на ней, то убивала.

...*Только верных в мире нет.* – Томас Нэш, основоположник английского плутовского романа, в «Анатомии абсурда» (1588) приписывает Демокриту высказывание: «...красивая и целомудренная женщина – чудо из чудес... поскольку ее трудно

найти». Но в сохранившихся фрагментах Демокрита эта фраза не найдена. В «Неистовом Роланде» (1516) Л. Ариосто повествователь говорит, что он верит в существование верных женщин и готов искать такую до седых волос (*Ариосто Л. Неистовый Роланд. Песнь XXVII, 123–124*).

ЖЕНСКОЕ ПОСТОЯНСТВО

WOMAN'S CONSTANCY

Отказ от клятв любви приравнивается к юридическим обязательствам, поступкам или показаниям, признаваемым недействительными по разным правовым причинам.

Что мы уже не те – и нет закона / Придерживаться клятв чужих? – Человек постоянно изменяется, и его нельзя рассматривать в качестве правопреемника самого себя.

...Как вырванные силой Купидона? – Вынужденное обязательство – повод для отказа от него.

...наш союз – / Подобьем смерти может расторгаться... – Закон подобия переносит логику рассуждения из философско-теологического дискурса в юридический (см., например: *Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук, II, 1*).

ПОДВИГ

THE UNDERTAKING

...Деяния героев... – девять великих героев – античности (Гектор, Александр Македонский, Юлий Цезарь), ветхозаветной истории (Иисус Навин, царь Давид, Иуда Маккавей) и христианства (король Артур, Карл Великий, Готфрид Бульонский). Они были персонажами карнавалов и представлений (*Шекспир У. Бесплодные усилия любви, V, 2*).

...лунный камень... – В оригинале «specular stone» – известный в античности минерал (ЕИ, XXXVI, 45), возможно, селенит или слюда. Далее рассказывается о строительстве стен храмов из прозрачного мрамора под названием «фенгит» (ЕИ, XXXVII). Итальянский правовед, профессор в Турине и Падуе, Г. Панчироли в книге «О замечательных вещах» (1599) контаминирует эти два сюжета в рассказе об императоре Нероне, построенном из такого камня храм Фортуны.

...От любопытства черни... – В оригинале – «grophone men» – люди, не посвященные в религиозные таинства и не имеющие права находиться в освященном месте.

К ВОСХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ

THE SUN RISING

Мотив иронического обращения к заре, обвинения ее в страданиях школьников, крестьян см. у Овидия (ЛЭ, I, 13). Жестокость Авроры Овидий объясняет бегством молодой богини от бессмертного, но старого мужа Тифона (см.: *Чосер Дж. Трои и Крессида, III, 210*). У Донна само Солнце – дряхлое.

...Напоминай придворным про охоту... – В этих строках комментаторы видят аллюзию на возросшую популярность охоты при короле Иакове I.

Я ей – монарх, она мне – государство... – Социальная аналогия между властью в семье и государстве в средневековой мысли заимствована из идей Ликурга и Аристотеля (*Аристотель*. Политика).

Ты, Солнце, в долгих странствиях устало... – В геоцентрической модели Солнце «бегало» вокруг Земли, и герой предлагает ему остановиться и «отдохнуть» в гелиоцентрической модели. Аллюзия на сюжет об усталом Фебе (*Овидий*. *Метаморфозы*, II, 385–390).

НЕРАЗБОРЧИВОСТЬ

THE INDIFFERENT

Возможный источник – ЛЭ, II, 4. Об использовании Донном теории «естественного права» см. примеч. к «Общине» и «Изменчивости».

...Еретики на свете... – Пародийная «догматика полигамии»: мифы о любовных связях Венеры свидетельствуют об отсутствии социальных запретов в «естественном праве», а моногамия – измышления отдельных еретиков, противопоставляющих себя догме.

АМУР-РОСТОВЩИК

LOVE'S USURY

За каждый день, что ссудишь мне сейчас... – Контаминация мотивов: «продажа времени» ростовщиком (рассрочка денег) и договор с дьяволом.

...верну я десять... – Ростовщичество было легализовано в 1545 г. при условии низких процентных ставок. При Елизавете I (1533–1603) законная ставка составляла максимум 10 процентов, но это не соблюдалось на деле. В оригинале герой соглашается вернуть в 20 раз больше, но займы он берет само время.

...Когда, седой, устану куролесить... – Контаминация двух античных мотивов: быстро приближающаяся старость (*Анакреон*, 8, 20) и желание насладиться каждым ее мгновением, пока жив («*carpe diem*») (*Гораций*. Оды, I, 11).

...и служанка, и девица... – Античный сюжет об измене госпоже с ее служанкой (ЛЭ, II, 7–8).

Мой вкус не строг... – Аналогия женского тела и еды (Песн. 4:16) прочитывается на буквальном уровне.

...Цыпленок сельский... – В оригинале метафора еды накладывается на традиционное противопоставление девушек двора, города и деревни.

...Избавь меня от застязщих простор / Любовных шор! – Взаимная любовь здесь – самое страшное наказание Амура.

КАНОНИЗАЦИЯ THE CANONIZATION

Вздыхая, чей корабль я потопил? – Ирония над «разрастанием» петраркистского влюбленного до макрокосма.

...Чумные списки... – См. примеч. к «Рассказу о горожанине и его жене».

...как свечка, коротка... – См. примеч. к «Отречению». Набор эмблем: мотылек – любовник, стремящийся к быстротечным и опасным удовольствиям; орел – символ мужской силы и власти; голубь – символ женской кротости и покорности.

Феникс – солярный символ, эмблема вечности, цикличности и возрождения. Почитался египтянами. Считалось, что есть только одна бесполоя птица, жившая 500 лет, затем она сжигала себя и возрождалась из пепла молодой. В bestiариях – символ воскрешения Христа и праведников. У Донна чудо смерти-воскрешения – эвфемизм экстаза.

...найдем приют / В сонетах, в стансах... – «stanza» (*итал.*) – комната.

И нас канонизируют тогда... – В католицизме существовали два вида канонизации: формальная (богословско-юридический диспут с участием «адвокатов Бога» и «адвокатов дьявола») и эквивалентная (подвижник объявлялся святым при наличии доказательств его «героической добродетели»: мученичества, святости жизни, документальных свидетельств, чудес).

Молитесь нам! – После канонизации можно молить святых о помощи и ходатайстве перед Богом.

ТРОЙНОЙ ДУРАК THE TRIPLE FOOL

Как опресняется вода морей, / Сквозь лабиринты проходя земные... – Аристотель сомневался в теории фильтрации воды через подземные каналы, но благодаря Сенеке она была популярна в Средние века.

...боль души моей / Задрет, пройдя теснины стиховые... – Петраркистский мотив: поэзия облегчает страдания неразделенной любви.

...Мотив примыслил модный... – Некоторые стихотворения Донна при жизни были положены на музыку, иногда поэт писал на мотивы популярных песен («Призрак», «Приманка», «Общность» и др.)

...Пропев их принародно. – Условно-поэтическое страдание выносится из интимного мира в социальный.

БЕСКОНЕЧНОСТЬ ЛЮБВИ LOVE'S INFINITENESS

...И все, что там возшло, мое вполне. – По земельному праву, если земля продана, то урожай, выросший на ней, принадлежал новому владельцу.

ПЕСНЯ (Мой друг, я расстанусь с тобой...)

SONG (Sweetest love, I do not go)

Твой каждый вздох... – Единая душа влюбленных медленно умирает, так как считалось, что с каждым вздохом из тела уходит немного крови, распределяющей душу по телу. О связи крови и души см.: Лев. 17:11; Втор. 16:23.

Мне вещим сердцем не сули / Несчастий никаких... – Эней был проклят Дидоной, не сумевшей уговорить возлюбленного остаться с ней (*Вергилий*. Энеида, IV, 380–387).

НАСЛЕДСТВО

THE LEGACY

...Я дал себе (другому) на прощанье... – Отождествление смерти с разлукой – то-пос любовной поэзии. Метафорически умирающий герой может завещать себе, живому в реальности, исполнить свою последнюю волю.

...Румяное, – хотя с бочком... – В оригинале сердце «угловатое, цветное, искусно созданное». Герой подарил даме свое настоящее сердце, а она – одну из своих подделок.

ЛИХОРАДКА

A FEVER

Мотив болезни и страх смерти любимой – один из распространенных в поэзии: ЛЭ, II, 13; *Петрарка* *Фр.* Канцоньере, 246, 249; АС, 101, 102.

...Весь мир погибнет... – Ср.: *Петрарка* *Фр.* Канцоньере, 338, 352.

Лишен тебя, своей души... – Речь идет о Мировой душе (см. примеч. к «Первой годовщине»).

...Спалит наш мир какое пламя? – 2 Петр. 3:10. Выдвигались разные гипотезы о том, как и каким пламенем будет уничтожена Земля: погибнет ли она от вулканических извержений, огня с небес (комета), неблагоприятного соединения планет в созвездии Рака, сокращения расстояния между Землей и Солнцем.

...Не может без конца пылать / Огонь... – Мотив очищения избранных от грехов огнем (Зах. 12:8, 9).

Как в небе метеорный след... – Аристотель считал, что кометы и метеоры наносятся в подлунном мире и состоят из четырех элементов. В 1577 г. датский астроном Тихо Браге (1546–1601) приходит к выводам, что комета не движется по твердым сферам и находится вне пределов лунной области.

ОБЛАКО И АНГЕЛ

AIR AND ANGELS

...Так ангелов туманных очертанья... – Христианский богослов и философ Фома Аквинский (1125 или 1226–1274) писал, что «душа, не воплотившаяся в теле, не отличается от ангелов» и ангелы создают себе тела из воздуха, сгущая его в облако (СТ, I, 75, 7; 1, 51, 2).

Любовь, как видно, не вместима / Ни в пустоту, ни в косные тела... – Концепт взаимной любви. Сначала герой хочет, чтобы его любовь, как ангелы, воплотилась в теле любимой, а потом – в более близкой для себя субстанции – ее любви.

...любви мужской и женской слиться... – Поскольку женщина непостоянна и несовершенна, то женская любовь уподобляется воздуху, а мужская – ангельской чистоте. По мнению врача и философа-неоплатоника Л. Эбрео (Иуды (Леона) Абраванеля, около 1465 – около 1523), «любовь мужчины, которая отдает, более совершенна, чем любовь женщины, которая получает» (*Ebreo L. Philosophy of Love (Dialoghi d'Amore)*. L., 1937. P. 181).

РАССВЕТ

BREAK OF DAY

Английский композитор и музыкант Уильям Коркин (умер в 1617 г.) переложил «Рассвет» для голоса и виолы в своей «Второй книге песен» (1612). Стихотворение написано от лица женщины и восходит к жанру «альбы» – «рассветной песни» трубадуров. Сюжет стал излюбленным в европейской любовной поэзии: *Чосер Дж.* Троил и Крессида, III, 208–209; *Шекспир У.* Ромео и Джульетта, III, 5.

Свет безъязык, хотя глазаст... – См. примеч. к «Метемпсихозу», II.

ГODOBЩИНА

THE ANNIVERSARY

...ни дней, ни лет... – В оригинале – «first last everlasting day» – парафраз Августина: «...седьмой век будет нашей субботой, конец которой будет не вечером, а Господним, как бы вечным восьмым днем, который Христос освятил Своим воскресением...» (О Граде Божием, XXII, 30). Ср.: Венок сонетов, VI.

...не суждено нам, / Увы, быть вместе погребенным... – Так как супругов обычно хоронили в одной могиле, то герои стиха, вероятно, не женаты.

...Но как и все – ничуть не боле... – По католической догматике, все праведники в Раю радуются в равной полной мере.

НА ПРОЩАНИЕ: ОБ ИМЕНИ, ВЫРЕЗАННОМ НА СТЕКЛЕ

A VALEDICTION: OF MY NAME IN THE WINDOW

...я начертал / Алмазом имя... – В магии написанное имя – часть ритуала призвания духов. Средневековый философ и алхимик Генрих Корнелий Агриппа Неттесгеймский (1486–1535?) пишет, что имя, написанное или произнесенное, – это конечная стадия вторичного созидания вещи. Запечатленное имя потенциально содержит все основные свойства предмета (*Агриппа*. Об оккультной философии, I, 70). Постоянство и честность героя передается его имени.

...Друг друга мы в стекле узрим. – Выгравированное имя – медиум между влюбленными: ее отражение на стекле накладывается на его имя.

...Так череп... – Существовала мода носить кольца с изображением черепа, напоминавшим о бренности.

...мой костяк! – Концепт: имя – костяк основных качеств героя; поскольку душа у влюбленных едина, она при помощи воображения может вдохнуть душу в имя и материализовать героя.

...и снова стану целым... – Исида собрала воедино разбросанные по Египту части тела своего мужа Озириса и оживила их. Эта легенда была элементом герметической доктрины.

Влиянье звезд... – Астрологи считали, что Творец создает вещи при помощи прямого влияния небес, первоэлементов и планет. Сочетание всех этих влияний определяет свойства предмета и его имени (*Агриппа. Об оккультной философии*, I, 70).

Гений – в римской мифологии – дух-защитник мужчины, семьи, дома, общины, города и государства.

...предсмертный бред. – Уподобление разлуки и смерти – образ, популярный у петраркистов.

ТВИКНАМСКИЙ САД

TWICKNAM GARDEN

Твикнам-парк (Twickenham Park) – поместье патронессы Донна, Люси Рассел, графини Бедфорд, где она жила в 1607–1618 гг. Сохранился план парка поместья, в нем концентрическими кругами располагались березы, липы и фруктовые деревья – эмблема птолемеевского универсума.

...живительный бальзам... – Средневековый медик и алхимик Парацельс в трактате «О философском камне» писал, что во всем живом содержится *Balsamum perfectum*, источник жизненных сил и универсальное лекарство. Истошение бальзама ведет к болезням и смерти.

...Паук любви, который все мертвит... – Бытовало представление, что все пауки ядовиты. Плиний пишет, что для человека опасны только фаланги (ЕИ, XI, 23).

Манна – Исх. 16:15–31.

...Чтоб мандрагорой горестной стонать... – В Средние века считалось, что мандрагора кричит, когда ее вырывают из земли.

...Или фонтаном... – Мотив превращения влюбленного в камень или источник см.: *Петрарка Фр. Канцоньере*, 23, 115.

...пузырьком хрустальным... – Считалось, что сосуды для благовоний, найденные в древнеримских гробницах, родственники наполняли слезами скорби.

Из них одна доподлинно верна, – / И тем верней меня убьет она! – Возлюбленная верна и любит, но другого.

НА ПРОЩАНИЕ: О КНИГЕ

A VALEDICTION: OF THE BOOK

Сивиллы – изрекали пророчества в стихах. См. примеч. «На “непотребства” сэра Томаса Кориэта».

...Ту, что смогла Пиндара победить... – Коринна (VI–V вв. до н.э.) – древнегреческая поэтесса, согласно римскому поэту и ритору Клавдию Элиану (175?–235?), на поэтическом состязании пять раз побеждала поэта-одописца Пиндара (около 518–442 или 438 гг. до н.э.).

...И ту, кого с Луканом вместе чтут...— Утверждали, что закончить поэму о Цезаре «Фарсалия» Лукану (39–65) помогла его жена Полла Аргентария.

...И ту, чей, говорят, Гомер присвоил труд! – В «Мириобиблионе» патриарха Фотия (820?–893) рассказывается, что поэтесса Фантазия сочинила поэмы о Трое и Одиссее и спрятала в святилище храма Гефеста в Мемфисе. Гомер, путешествуя по Египту, похитил их. Юстус Липсий (1547–1606), гуманист и филолог, популяризировал эту версию авторства поэм.

...Историю любви... – В оригинале – «анналы» (лат. – ежегодная запись событий). С середины IV в. до н.э. в Риме перед резиденцией верховного жреца выставлялись доски с записями имен государственных чиновников и важнейших событий. Между 130 и 140 гг. они были сведены в 80 книг «Великих Анналов».

...Пусть варвары придут... – См. примеч. к «Пагубе».

...Планеты – музыке... – О музыке сфер см. примеч. «На перевод псалмов...».

...ангелы – стихам. – Откр. 5:10–13.

...Каноном станет для жрецов любви... – Пародийная история «религии любви» как социального института, контаминированная с «теологией Эрота» ренессансного неоплатоника М. Фичино (1433–1499; «Комментарий на “Пир” Платона»). Вначале появится священный текст, затем – клир, университеты, потом власть культа распространится на светские институты и государственную власть. Книга будет источником знаний: для теолога – об абстрактной любви, юриста – об уловках, политика – о рискованных решениях.

...Красота сама – / Любви святой престол в обители Ума. – В неоплатонических концепциях Ум/Нус – творец Мира. Ср. у М. Фичино о бесконечном потоке/круге: «Поскольку он начинается в Боге и к Богу влечет – [называется] Красотой; поскольку, переходя в Мир, захватывает его – [именуется] Любовью...» (ЭР, I. С. 151).

...Найдем подвохов и уловок тьму... – В оригинале юридический концепт: Амур, как монарх, использует свое исключительное право нарушать закон (прерогативу) в пользу своих фаворитов и в ущерб закону (подчинение женщин мужчинам – Быт. 3:16). О прерогативе см. примеч. к «Сделке с Амуром».

...Дать слабину – тотчас тебя сомнут. – В духе Никколо Макиавелли сопоставляется право власти сильного в любви и политике.

Чтоб вызвать широту... – Широту определяли уже Эратосфен (276–194 гг. до н.э.) и Гиппарх (190–120 гг. до н.э.), для определения долготы нужен был точный хронометр, изобретенный только в XVIII в. Голландский физик, математик, картограф Гемма Фризиус (1508–1555), развивая идеи Гиппарха, в 1553 г. предлагал хронометрировать солнечные и лунные затмения в разных точках Земли для определения расстояний и долготы. Концепт Донна построен на игре слов «широта» – ширина/величина/сила любви; «долгота» – длительность любви.

ОБЩИНА COMMUNITY

Стихотворение интерпретирует «закон естественного права». Древнегреческий философ Парменид противопоставил человеческий закон (номос) и природу (фюсис). Гераклит, Платон и стоики возводили оба закона к трансцендентному, что позволило Фоме Аквинскому применить эту концепцию к христианству. В «Богословских опы-

тах» («Essays in Divinity», 1614, опубликованы в 1651 г.) Донн пишет: «Природа – это написанный закон, при помощи которого Бог управляет нами...». Донн применяет моральные категории не к деяниям, а к природным явлениям и к женщинам.

...добро видеть, / Как дуб зеленый, отовсюду... – Аристотель утверждал, что предмет привлекает внимание в зависимости от цвета. Неясно, почему Донн выбирает именно зеленый цвет.

Они — плоды у нас в саду... – Ср.: «Изменчивость».

РАСТУЩАЯ ЛЮБОВЬ

LOVE'S GROWTH

...Врачующий страданием страданье... – Парацельс лечил болезни, восстанавливая бальзам и изгоняя болезнетворные субстанции, часто токсичными веществами. Античный врач и теоретик медицины Клавдий Гален (I в. н.э.) стремился восполнить/сбалансировать гуморы и лечил противоположным. О противостоянии двух медицинских школ см.: АМ, II, 5,1,3.

Квинтэссенция – понятие, введенное Аристотелем, – пятый элемент, не имеет никаких качеств, неизменен, находится в метафизическом мире, движется по круговой траектории, синоним термина «эфир», из него сотворены сферы и звезды.

...но сочетанье / Всех зелий... – Любовь оказывается состоящей из четырех элементов (земли, воды, воздуха и огня), подвержена сезонным изменениям и смерти.

...Так Солнце Весперу лучи дарит... – Веспер – латинское название вечерней Венеры. В оригинале – метафора всеобщего обновления. Дж. Мильтон описывает, как звезды днем насыщаются солнечным светом и ночью его излучают (*Мильтон Дж. Потерянный рай*, VII, 354–369).

...Так сок струится к почкам животворней, / Когда очнутя под землею корни. – Ср. вступление к «Кентерберийским рассказам» Дж. Чосера.

...Как сферы Птолемея, едины... – См. примеч. к «Пути любви» и «Разнообразию».

СДЕЛКА С АМУРОМ

LOVE'S EXCHANGE

...Особенных условий... – В оригинале – «поп obstante» – подписанный монархом документ, освобождающий от исполнения какого-либо закона или постановления. Часто включался в тексты королевских патентов на получение монополии – исключительного права на поставку какого-либо товара, покупавшегося одним из поставщиков, что приводило к вытеснению с рынка и разорению остальных. В последние годы правления Елизаветы I в Палате общин шли постоянные дебаты о монополиях, Донн мог участвовать в них в 1601 г. как член парламента. Амур – источник «естественного права», как монарх – законов государства, и властен освобождать фаворитов от подчинения закону.

Дай мне, Амур, свою лишь слепоту... – Амура часто изображали с повязкой на глазах.

Кондиции – По военным правилам, если осадная артиллерия пробивает брешь в городских стенах, крепость не имеет права выставлять условия капитуляции (кондиции).

...Я ждал, ворота заперев... – Милитаристская лексика характерна для средневековой любовной поэзии: Прекрасную Даму всегда сравнивали с неприступной крепостью.

...И сдался, только лик Любви узрев. – Когда Амур снял повязку с лица, его власть над миром стала абсолютной. Ср. миф о Зевсе и Семеле и запрет для чело- века непосредственно созерцать Яхве (Исх. 33:20).

...казни меня, разрежь... – См. примеч. к «Сравнению». Герой предлагает за из- мену не четвертовать его, а анатомировать для устрашения заговорщиков.

...Науке труп истерзанный не гож. – См. примеч. «На “непотребства” сэра Томаса Кориэта».

ЛЮБОВЬ ПОД ЗАМКОМ

CONFINED LOVE

...Ни шагу в сторону – их закон. – Фома Аквинский утверждал, что моногамия – закон естественного права.

...И резвость крылатую запретить? – О полигамии в природе см. примеч. к «Изменчивости».

СОН

THE DREAM

Мотив явления любимой во сне и разочарования явью при пробуждении харак- терен для любовной поэзии. Донн контаминирует сюжеты Овидия (ЛЭ, I, 5) и Ф. Сидни (АС, XXXII, XXXVIII, XXXIX). У Донна наслаждение видением скорее физиологическое, чем платоническое.

...Легко ли отрываться / Для яви от ласкающей мечты? – Интерпретация су- еверий о суккубах-демонах, которые в образе святящихся женщин являются мужчи- нам во сне, отнимают у них семья и витальные силы (СТ, I, 51, 3).

...(В чем ангелы не властны)... – Средневековый философ, логик и богослов Иоанн Дунс Скотт (около 1266–1308) и Фома Аквинский (СТ, I, 57,4) дискутирова- ли о том, могут ли ангелы читать мысли людей.

...Меня, как факел, держишь наготове? – Факел предварительно зажигали и ту- шили, чтобы он потом легко зажигался.

ПРОЩАЛЬНАЯ РЕЧЬ О СЛЕЗАХ

A VALEDICTION: OF WEEPING

...и в любой / Отражена... – В оригинале излюбленный донновский концепт: на слезе-монете отчеканено изображение любимой. На слезе, упавшей на землю, оттиск исчезает, что символизирует разлуку/смерть.

...потом ревет. – Быт. 7–11.

...*Не стань дурным примером для морей...* – В оригинале любимая сравнивается с Луной (см. примеч. к «Метемпсихозу», VII).

...*Но бурь вздыхать глубоко не учи...* – Ученый XVI в. У. Фалк в «Галерее... к саду созерцания природы» (1571) объединил три основных теории происхождения ветра: обычный ветер – это испарения земли под влиянием жара Солнца (Аристотель, Плиний); бриз – движение воздуха (Гиппократ); постоянные ветры через пещеры «будто выдуваются через рот» самой землей (Сенека).

АЛХИМИЯ ЛЮБВИ

LOVE'S ALCHEMY

...*А я не докопался / До жилы <...> Как химик ищет...* – Ф. Бэкон писал, что одни ученые подобны рудокопам, добывающим материал, а другие – кузнецам, выплавляющим и кующим из добытой руды/материала знания (Бэкон Ф. О пользе и успехе знания, II, 7, 1 (1605)).

...*в тигле Совершенство...* – Алхимики стремились получить «философский камень» (квинтэссенцию, первоматерию) – идеальную субстанцию, способную превращать вещества друг в друга. Тигель – огнеупорный сосуд для плавки, варки, нагрева различных материалов.

...*И в дудках свадебных...* – В оригинале – «*rude hoarse minstralsey*». Менестрели с появлением трубадуров потеряли популярность при дворах из-за грубости своего репертуара и стали развлекать простолюдинов.

...*музыку сфер.* – См. примеч. «На перевод псалмов...».

...*И лучшие из них – мертвее мумий.* – Возможны три интерпретации: 1) «мумия» – горькое на вкус лекарство из частей египетских мумий, считалось, что она содержит «жизненный бальзам». Здесь противопоставляется внешняя сладость любви и ее реальная горечь; 2) женщина уподобляется мумии, так как она – мертвое тело, которое покинула душа; 3) пассивность женщины аналогична неподвижности мумии.

ПРОКЛЯТИЕ

THE CURSE

Пример *dirae* в поэзии Донна – прием, пришедший из ритуального призвания богинь мщения Эриний (ср.: *Puttenham G. Arte of English Poesie*, I, 29 (*Патнем Г. Искусство английской поэзии*. Опубликована в 1589 г.) и приписываемые Вергилию «*Dirae*»).

Или нахлебники... – Параситы – персонажи латинской сатиры и комедии – обедневшие свободные граждане, зарабатывавшие на кров и стол развлечением богатых римлян.

...*К обреченным решит он сдаться в плен!* – Проклинаемый готов принять иудаизм, чтобы не умереть с голоду, так как новая община может оказать денежную помощь. Формально еврейские общины в Англии не существовали с 1290 до 1665 г. В конце XVI в. в Англию переселилась часть марранов, крещеных испанских евреев, которые тайно собирались в секретном молельном доме в Лондоне.

...*Самой природой проклята она.* – Быт. 3:16.

ПРОСЬБА
THE MESSAGE

Сохранилось музыкальное переложение этого стихотворения для голоса и лютни английского композитора Джона Купера (около 1570–1626). Донн овеществляет и инвертирует куртуазную военную метафору «пленника любви».

ВЕЧЕРНЯ В ДЕНЬ СВЯТОЙ ЛЮСИ, САМЫЙ КОРОТКИЙ ДЕНЬ ГОДА

A NOCTURNAL UPON S. LUCY'S DAY BEING THE SHORTEST DAY IN THE YEAR

Известный исследователь творчества Дж. Донна Г. Грирсон предположил, что стихотворение написано по случаю тяжелой болезни Люси Бедфорд в 1612 г. Некоторые связывают его с болезнью жены поэта Энн Донн (1611) или с ее смертью 15 августа 1617 г.

Вечерня – служба, совершаемая в вечерние/ночные часы.

День Св. Люси – 13 декабря по юлианскому календарю, почти совпадает с зимним солнцестоянием. Люция – св. мученица, ее имя ассоциировалось с лат. «lux» – свет; считалась покровительницей зрения.

...в водянке опилась лекарства... – Эдема, заболевание, при котором в пораженном органе накапливается жидкость. У Донна жизненные соки (бальзам) ушли в землю, и все живущее засыхает.

...сок из ничего... – Любовь разрушила героя и сделала из него антиэликсир, который может превратить все в ничто.

...и живут / Телесной силой, пламенем духовным... – Парацельс считал, что квинтэссенция – это природа, сила, добродетель, лекарство, цвет, жизнь и свойства вещей (*Парацельс*. Магический Архидокс, IV, 2, 22).

...Как часто мир слезами затопляли... – Автоцитация «Прощальной речи о слезах».

...Шкалы земных ничтожеств... – Образ героя развивается от эликсира умершей природы к эликсиру первозданного хаоса.

...Любил и ненавидел... – По Эмпедоклу, любовь и ненависть – универсальные движущие силы. Все вещи существуют на промежуточных ступенях между полным смешиванием (любовью) и полным разделением (ненавистью). Гилозоисты (Гераклит, Фалес, Эмпедокл, Дж. Кардано, Дж. Бруно) считали, что все типы душ способны испытывать любовь.

...Переступает Козерог... – После зимнего солнцестояния Солнце вступает в созвездие Козерога, и продолжительность дня начинает расти.

КОЛДОВОСТВО С ПОРТРЕТОМ

WITCHCRAFT BY A PICTURE

...Ты хочешь погубить портрет, / Дабы и я погиб за ним вослед? – Один из способов магического воздействия на человека, зафиксированный в известном трактате по демонологии, написанном в 1487 г. инквизиторами Г. Крамером и Я. Шпренгером «Молоте ведьм» (XI): «Если ведьма лепит из воска фигуры или с помощью

расплавленного свинца, выливаемого в воду, получает некие изображения, то те ранения, которые наносятся ведьмами этим фигурам, передаются живым людям...». У Донна слезы – это и материал, при помощи которого удалось воспроизвести облик возлюбленного, и стихия, которая его уничтожает.

ПРИМАНКА

THE BAIT

О предшествующей стихотворению пасторальной традиции см.: *Макуренкова С.А.* Джон Данн: поэтика и риторика. М., 1994. Гл. 4.

Под взорами твоих очей / До дна прогреется ручей... – См. примеч. к «Аромату».

...И томный приплывет карась... – Эвфемизм соития в куртуазной поэзии: влюбленный, подглядывая за купальщицей, видит, как рыбка заплывает в ее сложенные ладони.

ПРИЗРАК

THE APPARITION

Когда убьешь меня своим презреньем... – Стихотворение овеществляет традиционную куртуазную метафору.

Весталка – жрица римской богини Весты. В весталки посвящали девочек 6–10 лет, они должны были поддерживать вечный огонь в храме. Если они нарушали обязательный обет целомудрия, то их заживо закапывали в землю.

...Ужасным гробовым виденьем... – Явление призрака связывали с неотмщенным преступлением.

...И вспыхнет, замигав, огонь свечи. – По распространенному суевию, свеча в присутствии призрака гаснет.

РАЗБИТОЕ СЕРДЦЕ

THE BROKEN HEART

...со сдвоенным зарядом. – Два ядра соединяли цепью для увеличения зоны поражения пехоты противника.

Но так как полностью в ничто / Ничто не может обратиться... – Традиционный аргумент против существования вакуума (абсолютной пустоты) в физике и метафизике.

ПРОЩАНИЕ, ЗАПРЕЩАЮЩЕЕ ПЕЧАЛЬ

A VALEDICTION: FORBIDDING MOURNING

Страшат толпу толчки земли... – Популярным чтением были описания сильных землетрясений XVI в. в Лиссабоне (1531, 1597, 1598 гг.).

...Дрожание небесной сферы. – Trepidus (лат. «дрожащий») – астрономический термин, означавший колебание восьмой и девятой небесной сфер, чем объяснялось незначительное смещение времени равноденствия.

...нити золотой, / Не рвется, сколь ни истончится. – В оригинале – «exraction» – технический термин, означающий раскатку. Души расплющиваются, как слиток золота, затем слиток бьют или растягивают (канитель) до воздушной тонкости (Исх. 39:3).

Как ножки циркуля... – В средневековой иконографии Бога часто изображали Архитектором Мира с циркулем в руках, что было актуально для храмовой архитектуры, поскольку церковь была микромоделью Вселенной. Топос появился в так называемых книгах эмблем (сборниках аллегорических гравюр с латинскими девизами), в живописи («Меланхолия» А. Дюрера), в мистической символической, а также был изображен на издательском знаке типографии голландца К. Плантена над девизом «Трудом и постоянством». Циркуль символизировал совершенную гармонию творения, вечности божественного закона и воли.

...Мы нераздельны и едины... – Вариация мотива экстаза: если тела и души находятся в разных местах, как ножки циркуля, то души сохраняют невидимую связь через Единое.

ВОСТОРГ

THE ECSTASY

Восторг – В оригинале – «экстаз» (от *греч.* – «выходить из себя»), согласно представлениям и неоплатоника Плотина, и античного философа Филона Александрийского, – знак соединения с Единым. В экстазе органы чувств теряют способность восприятия, Единое созерцается при помощи интеллекта. Средневековые мистики адаптировали эту доктрину для богопознания, а ренессансные неоплатоники – для созерцания прекрасного. М. Фичино, итальянский философ-неоплатоник, развивает теорию четырех экстазов: поэтический пробуждает душу ритмами, экстаз религиозного таинства делает душу единой, проричательный экстаз позволяет выйти за пределы себя и увидеть будущее, любовный (небесная Афродита) соединяет душу с Единым. У каждого экстаза есть фальшивые двойники, у любовного – сладострастие (Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона, VII, 14). Любовное стихотворение имитирует жанр диалога (ср.: АС, VIII; *Герберт Э.* Ода на заданный вопрос, может ли любовь длиться вечно).

Фиалка – известный с античности символ любви и плодородия.

...Распухший берег лег подушкой... – Пейзаж пародирует традиционные условности в изображении влюбленных.

...И, отразясь, лучи из глаз... – О теории зрения см. примеч. к «Аромату». Ср. у Платона: «...лицо того, кто смотрит другому в глаза, отражается в них, как в зеркале» (Платон. Федр, 255).

Ее рука с моей сплелась... – Топос любовной поэзии, символизирующий взаимность.

...Весенней склеена смолою... – Влажность женских рук – символ чувственности, соответствующий ее гумору (Шекспир У. Отелло, III, 4).

...Как бессловесные надгробья. – В Средневековье часто делали надгробья в виде лежащей фигуры умершего, изображенного в полный рост.

...Качались души между нами. – Считалось, что в момент экстаза или во сне душа покидала тело и путешествовала за пределами физического мира.

...новый сей состав... – В оригинале – «соsposition» – алхимический термин (сгущение, вытяжка), чистое вещество, получаемое при тепловой обработке.

...Мы знали, но не разумели... – В оригинале – аллюзия на Божественную любовь, движущую миром (БК, Ад, I, 37–40; Рай, XXXII, 143–145). У Донна души знают ее, но не видят.

...Соединяет две в одну / И тут же на две умножает. – Л. Эбрео пишет, что каждая любящая душа преобразуется в любимую душу и раздваивается. Кроме того, души двух любящих соединяются в единую высшую душу. Соответственно две души = четыре души, либо две души = одна Душа.

...И сами стали нашей частью. – В оригинале – «не шлак, а лигатура» – добавка неблагородного металла в состав ювелирных сплавов для придания им твердости и износостойкости.

Как небо нам веленья шлет... – Согласно Парацельсу, сфера звезд влияет на человека посредством смежных с ним субстанций.

...крови ток / Рождает жизнь... – Считали, что животные «духи» зарождаются в крови в виде тончайшего парообразного вещества, при их помощи душа управляет телом.

...Перстами вяжет узелок... – Образ человека как «узла» впервые встречается у раннехристианского богослова Тертуллиана (около 160 – около 230): «...человек... узел, состоящий из двух сопряженных субстанций [души и тела], под каковым названием они не могут существовать иначе, как соединенные между собою...» (*Тертуллиан. О воскресении тела*, 40).

...К простым способностям... – Способности животной души: пять чувств и элементарные эмоции (боль, страх, гнев, радость).

...Не то исчахнет принц в темнице. – В алхимии Князь – первоматерия, скрытая в объектах (см. примеч. к «Браслету» и «Сатире V»).

БОЖЕСТВО ЛЮБВИ

LOVE'S DEITY

...Божка жестокого... – Здесь Амур не является источником естественного права, он – узурпатор власти и извратитель природных законов.

...Всем ведает отныне Купидон. – В оригинале – юридический термин «purlieu», обозначающий прилегающую к лесу землю, которая раньше была его частью, но до сих пор подпадает под действие статутов о королевских лесах.

Но богохульствовать... – В оригинале герой характеризует себя «бунтарем и атеистом» в античном понимании, который отрицает государственных богов, а не богов вообще.

ПИЩА ЛЮБВИ

LOVE'S DIET

Сокол – в оригинале «buzzard» (канюк), птица из-за веса и медленной скорости считалась непригодной для охоты. В стихотворении противопоставляется постоянная любовь (толстый Амур) и непостоянная любовь (Амур-сокол). В новелле Дж. Боккаччо обедневший дворянин Федерико дельи Альбериги подает на обед

ловчего сокола возлюбленной Джованне (*Боккаччо Дж. Декамерон*, V, 9). Герой Донна предпочитает сделать из птицы не еду, а охотника.

По вздоху в день... — Вздохи, слезы, стихи, отчаяние, письма — традиционные мотивы куртуазной и петраркистской поэзии.

ЗАВЕЩАНИЕ

THE WILL

Пародия на завещание известна с античности (анонимное «Завещание поросенка», IV в.), к нему вновь обращаются в XIII в. (Ж. Бодель, А. де ла Галь, Э. Дешан, Ф. Вийон, анонимное «Завещание Патлена»). Пародийные завещания копируют форму «духовной»: юридическую лексику, указание времени составления, перечисление даров, распоряжения о душеприказчиках и похоронах. В качестве мишеней пародии были семейные отношения, феодалы, духовенство, ростовщики, юристы, медики, теологи. В отличие от предшественников, Донн от строфы к строфе меняет мотивацию и завещает «имущество»: 1) тем, у кого это имеется в избытке; 2) тому, кто не сможет воспользоваться наследством; 3) тому, кто будет оскорблен завещанным; 4) тем, кому он возвращает долг; 5) тем, кто когда-то нуждался в даре, но теперь он им бесполезен.

Аргус – многоглазый страж, которому Гера поручила стеречь любовницу Зевса Ио, но Гермес усыпил и убил Аргуса и освободил пленницу, превращенную ревнивой Герой в корову (*Овидий. Метаморфозы*, I, 622–721).

...Язык дам Славе... – На аллегорических изображениях Молвы одежду обычно украшали множеством языков или «говорящих» ртов (*Шекспир У. Генрих IV, II, Пролог*).

Кометам завещаю постоянство... – В оригинале упоминаются планеты (*греч.* «странница»). Поскольку планеты солнечной системы движутся по эллиптическим орбитам, то до XVII в. ученые не могли объяснить их неправильные траектории движения.

Иезуит – член ордена «Общество Иисуса», основанного И. Лойолой в 1540 г. Орден отличался сложной военизированной системой управления, полным контролем над его членами. Иезуиты имели репутацию шпионов-профессионалов. В Англии деятельность монашеских орденов и католических священников была запрещена. Дядя Дж. Донна, Джаспер Хейвуд, был руководителем тайной иезуитской миссии в Англии в 1581–1585 гг. Донн – автор сатирического памфлета на И. Лойолу «Конклав Игнатия» (1611).

Капуцин – монах ордена братьев-миноритов – капуцинов, основанного в 1528 г. с целью восстановить в чистоте учение Франциска Ассизского; минориты принимали строжайший обет бедности.

Дарю учтивость университетским... – Ученые и студенты не отличались утонченностью манер и светским лоском.

...добродетельность – немецким / Сектантам... – Аллюзия на полемику между протестантами и католиками о необходимости добрых дел для личного спасения верующего. См. примеч. к «Сатире II».

Друзьям я имя доброе оставляю... – В оригинале строфа строится вокруг заключительной фразы: «...учишь меня якобы дарить, когда я всего лишь возвращаю».

Например, «оставлю свою предприимчивость врагам», – поскольку враги и трудности делают человека предприимчивым.

Бедлам – Королевский Вифлеемский госпиталь (основан в 1247 г.) в Лондоне, известен как дом для умалишенных с 1377 г.

...Медали дам голодным беднякам... – Слово «medal» в конце XVI в. обозначало римскую монету. Дар для бедняков бесполезен, поскольку такие монеты не имели хождения и ценились только нумизматами.

ПОГРЕБЕНИЕ

THE FUNERAL

Пучок волокон мозговых, виазь... – Считалось, что к мозгу прикреплялись жилы/нервы, которые управляли организмом.

ЦВЕТОК

THE BLOSSOM

Стихотворение доводит до логического завершения ряд фольклорных образов и приемов: параллелизм между расцветающей природой и влюбленностью, срывание запретного плода, скоротечность любви, желание в разлуке оставить свое сердце любимой. У Донна они накладываются на оппозицию между городскими развлечениями и сельской пасторальной идиллией.

ПЕРВОЦВЕТ

THE PRIMROSE

Изданию 1635 г. предпослан заголовок: «В замке Монтгомери, на холме».

Замок Монтгомери (1223–1649) находился в Уэльсе, графстве Повис. Наследственное владение рода Гербертов, где с 1605 г. жил, а с 1613 г. владел им друг Донна Э. Герберт лорд Чербери (см. примеч. к «Сэру Эдварду Герберту...»). Донн гостил в замке на Пасху в 1613 г. (см. примеч. к «Страстной пятнице 1613 года»). Дж. Обри (1626–1697) в «Кратких жизнеописаниях» изображает замок Монтгомери «романтическим» местом, расположенным на высоком берегу реки. К югу от него был «Холм первоцветов».

Манна – См. примеч. к «Твикнамскому саду».

...Свою Галактику светил... – Галилео Галилей в «Звездном вестнике» (1610) доказал на основе наблюдений при помощи телескопа, что Млечный Путь состоит из множества звезд.

Примула – *Primula vulgaris*, первый весенний цветок в Англии, знак весны и целомудрия. В эмблематике примула на вершине холма – символ Райского сада.

Четыре или шесть / Мне лепестков желанны? – У примулы обычно пять лепестков, цветок с четырьмя считали символом верной любви.

...пусть женщина гордится... – В «Богословских эссе» Донн пишет о каббалистической символике числа: когда имя жены Авраама «Saraï» было изменено на «Sarah», последняя буква с числовым значением 10 была заменена на букву со значением 5.

...Таинственной своею пятерницей... – Пифагорейское число 5 – символ брака, родительства и справедливости. Агриппа пишет, что 5 – это сумма первого четного (женского) и нечетного (мужского) чисел: $2 + 3 = 5$ (Агриппа. Об оккультной философии, II, 7).

...Десятку невозможно превзойти... – Число 10 символизирует мироздание, универсальное число, так как его содержат все числа, следующие за ним по счету (Там же).

МОЩИ

THE RELIQUE

Вариация мотива «Погребения».

...Придут, чтоб гостя подселить... – Из-за переполненности городских кладбищ могилы вскрывались и выкопанные кости складывались в специальном помещении-склепе (charnel house). На освобожденном месте хоронили нового покойника.

...Браслет волос... – Знак взаимной любви, который девушка дарила любимому (Шекспир У. Сон в летнюю ночь, I, 1).

...с душою встретится душа... – Когда души перед Страшным судом будут собирать части тел, влюбленные опять встретятся (см. примеч. к «Осенней элегии»).

...Где лжебогов усердно чтят... – почитают мощи святых. В ст. 22 основного догматического документа англиканства – «39 статей» – утверждается, что эта практика, наряду с Чистилищем и призыванием святых, – измышление католиков, не основанное на авторитете Священного Писания.

Магдалина – одна из жен-мироносиц (Мф. 27–28), преданная последовательница Христа. Произвольно отождествлялась с прощенной Христом блудницей (Ин. 8:4–11; Лк. 7:37–50), обращенная, стала примером покаяния. Ренессансные художники часто изображали ее с длинными золотыми волосами.

...Я – кем-нибудь при ней... – Английский поэт и критик, исследователь творчества Дж. Донна У. Эмпсон (1906–1984) отметил, что слова оригинала «a something else» метрически совпадают с «a Jesus Christ». В таком случае высмеивается невежество некоторых католиков, не знающих, что останков Христа не может существовать.

...Он не срывал печать / С природного... – Эротический эвфемизм соития (см. примеч. к «Любовной науке»).

ПАГУБА

THE DAMPE

«The dampre» – ядовитые испарения (например, в шахтах).

...Разрежут труп и, по частям члена... – Р. Бертон излагает рассказ Платона о том, как Эмпедокл присутствовал при вскрытии человека, умершего от любви. Его сердце лопнуло, как сваренное или поджаренное, печень прокоптилась, а легкие высохли от любовного пламени (АМ, III, 2,4,1).

...Сразит каким-то страшным ядом... – Платон и другие рассказывают о жреце Аполлона из Скифии Абарисе Гиперборейце, который избавил Спарту и Кнос

от чумы, очистив от миазмов – болезнетворных испарений, содержащих частицы разложившейся материи. В Средние века в миазмах видели причину эпидемий чумы, холеры и т.п.

...Убей чудовище, что сторожит... – В рыцарских романах рыцарь в поисках Прекрасной Дамы встречается с аллегорическими фигурами: Завистью, Страхом и т.д. В «Королеве Фей» (1593) Э. Спенсера упоминается «великан Презрение».

...Сожги, как готы и вандалы... – В V в. н.э. вестготы и вандалы регулярно нападали на Италию, разрушая памятники культуры.

...Своих побед, чтоб силы уравнять... – Герой вызывает возлюбленную на открытый честный «бой» по кодексу любовного поединка.

...Пред ним сраженным ляжет всякий враг. – Эвфемизм, обозначающий приписываемую женщинам ненасытность в любви (см. примеч. к «Изменчивости»).

ВОЗВРАЩЕНИЕ

THE DISSOLUTION

В переводе несколько изменена терминология: распад на начальные элементы (стихии) заменен возвращением к первооснове, набору основных элементов (примеч. Г.М. Кружкова).

...Все возвращается к первооснове... – Восходящее к Эмпедоклу (*Эмпедокл*. О природе) представление, что все состоит из неразрушимых первоэлементов, которые не могут взаимопревращаться, а только механически перемешиваются. В космосе (надлунном мире) они представлены в чистом, в беспримесном виде.

...И грозной тяжестью отяжелили. – У одной души оказался двойной набор элементов. Избыток их, по мнению древнеримского врача Галена, отяжеляет и отравляет организм.

...И больше тратит, и быстрее падет... – Намек на колониальную Испанскую империю.

АГАТОВЫЙ ПЕРСТЕНЬ

A JET RING SENT

Jet – агат (в оригинале – гагат), минералогид черного/коричневого цвета, образующийся из древесины под высоким давлением. Добывался на побережье Йоркшира. Легко поддается обработке и полировке, но отличается хрупкостью.

Ты черен... – Черный цвет – символ постоянства, поскольку его нельзя переокрасить в другой цвет.

...Храниться можешь век... – Круг – символ вечности.

ЛЮБОВЬ БЕЗ ПРИЧИНЫ

NEGATIVE LOVE

...Иль воспарить к уму... – Платон в «Пире» развивает теорию о двух Афродитах – земной и небесной.

...Что совершенство описать / Никак нельзя без негатива. – Описание Бога через отрицание применялось в апофатическом богословии: каждый из отрицаемых

атрибутов относится к определению Бога, но не исчерпывает Его. Ср.: «Скорее находят небытие, чем бытие Бога. И если ищут Его утвердительно — находят Его только через подражание, скрытым, не обнаруженным» (*Николай Кузанский. Письмо... по поводу таинственной теологии Дионисия Ареопагита / Пер. А.Ф. Лосева. Опул.:* <http://renaissance.rchgi.spb.ru/Cusanus/opus3.htm>). Стихотворение пародирует мистическую традицию, доводя метод до логического предела: если любовь – не то и не это, то она – ничто.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

THE PROHIBITION

Композиция стихотворения подчинена логике диалектической триады: первая строфа – тезис, вторая строфа – антитезис, третья строфа – синтез. Образ любви-ненависти встречается у Катуллы, римского поэта. См.: *Катулл. Элегии, LXXXV.*

...Люби – чтоб мне счастливым умереть... – См. примеч. к «Любовной войне».

...Подмостками я стану для тебя. – В оригинале подмостки противопоставляются триумфу. Во время триумфального торжества в честь полководца-победителя убийство захваченных пленников, в отличие от театра, было настоящим.

ПОСЛЕДНИЙ ВЗДОХ

THE EXPIRATION

Первое известное опубликованное стихотворение Донна (1609) в сборнике «Песни» (*Ayres*) в переложении для лютни и голоса.

...Пока душа из уст не излетела! – По-гречески и по-латыни слова *рнеи* и *spiritus* означают и дыхание, и душу. Это породило представление, будто душа выходит из тела вместе с вздохом. В стихотворении, приписываемом Платону, душа была на губах целующихся и стремилась перейти в тело возлюбленного (анонимная «Греческая антология», V, 178).

ПОДСЧЕТ

THE COMPUTATION

Мафусаил – Быт. 5:27.

Нет, я — мертвец. – Герой, в разлуке с любимой, продлившейся (в оригинале) 2400 лет (20 + 40 + 40 + 100 + 200 + 1000 + 1000), умер от страданий и стал призраком.

ПАРАДОКС

THE PARADOX

Парадокс – в логике высказывание, которое может быть истолковано как истина и как ложь. Донн – автор прозаических «Парадоксов и проблем».

ПРОЩАНИЕ С ЛЮБОВЬЮ

FAREWELL TO LOVE

...Незнание / Лишь пуще разжигает в нас желанье... – Ср.: «...любящие не знают, чего желают, или ждут, ибо не знают самого Бога...» (Фичино М. Комментарий на «Пир» Платона, II, 6).

...Ребенок, видя пряничного Принца... – Фигурные пряники обычно продавались на ярмарках.

...Добившись цели, скучен... – Высказывание «post coitum triste» известно из приписываемых Аристотелю «Проблем» (гл. «О разных предметах»).

...как Лев... – Ссылаясь на неустановленный текст Галена, считали, что львы и петухи обладают избытком солнечной энергии и не испытывают упадка сил, в том числе посткоитального.

...Ведь каждая нам сокращает на день / Отмеренный судьбою срок...– Семя считалось проводником витальной энергии, и частое соитие лишало организм сил и здоровья (Аристотель. О долгой и краткой жизни). Источник суеверия, что каждое соитие отнимает один день жизни, не установлен.

Цитварное семя – неправильное название высушенных нерасцветших соцветий цитварной полыни (Artemisia cina Berg). Считалось анафродизиак (средством, подавляющим половое влечение), так как понижает давление и сужает сосуды.

ЛЕКЦИЯ О ТЕНИ

A LECTURE UPON THE SHADOW

Фигуры влюбленных уподобляются гномону (стержню) солнечных часов. В эмблематике солнечные часы – символ связи между влюбленными. Об этой символике писал Питер Корнелий Хофт, нидерландский поэт и драматург (*Hoofi P.K. Emblemata amatoria* (Эмблемы любви), 1611). У Донна символ любви – Солнце.

...Но Полдень воссиял над головой... – Просьба к любимой надолго сохранить любовь, что повторит подвиг Иисуса Навина (Нав. 10:13).

...Не удержавшись, к западу сойдет... – Рудимент солярных культов, где Запад был символом смерти, страны теней.

СОНЕТ. ПОДАРОК

SONNET. THE TOKEN

Опубликован в 1649 г. Авторство Донна сомнительно.

ИДЕАЛЬНЫЙ ПРЕДМЕТ

SELF LOVE

Опубликован в 1650 г. Написан от лица женщины (ср.: «Рассвет» и «Сапфо к Филене»). Героиня перечисляет основные модели мужского поведения, которые в «Любовных элегиях» упоминает Овидий.

ЭЛЕГИИ

РЕВНОСТЬ

JEALOUSY

Г. Грирсон отметил сходство образов освобожденного раба и ожидающих смерти богача наследников с классическими римскими образцам (ЛЭ, I, 4, 15–32, 51–54). Заключительная часть элегии вписывает образы в современный Донну контекст.

...*Он – господин, владыка и монарх.* – Перечисление всех форм власти феодального общества подчеркивает тотальную зависимость жены от мужа: имущественную, духовную, юридическую.

...(как те враги короны, / Что отъезжают в земли отдаленны... – В конце XVI в. английские католики, не желавшие мириться с дискриминацией, эмигрировали на континент. Среди них встречались контрабандисты, фальшивомонетчики и мошенники, пользовавшиеся издержками практики монополий и сложностью торговли Англии с католическими странами. Возможно, в оригинале – аллюзия на обвинение в подделке денег, предъявленное К.Марло при его аресте в Голландии (1592).

...*Ревнивцев и шпионов презирая...* – Осведомительство было очень распространено в Англии конца XVI в. Создателем сложной разветвленной елизаветинской секретной службы, пронизывающей Англию и континент, считается Ф. Уолсингем (1530–1590).

...*Как лондонцы, что за Мостом живут...* – Районы на южном берегу Темзы (Бэнксайд) имели особый административный статус и не подчинялись лорд-мэру города. Там сосредоточивались публичные дома, балаганы, где травили животных, и театры.

...*или немцы – римский суд.* – Протестантские территории в Германии отказались признавать юрисдикцию католической церкви.

АНАГРАММА

THE ANAGRAM

Риторический прием анаграммы основан на том, что определения-эпитеты перераспределяются между предметами. Несомненна текстуальная близость к сонету «*Chiome d'argento fino...*» Ф. Берни (1497–1536) и 37-му стихотворению цикла «*Rime*» Т. Тассо (1544–1595).

...*зубы / Черны, как ночь...* – Сравнение присутствует у всех предшественников Донна.

...*Другой певец нам песню пропоет, / А сложена она из тех же нот.* – Идея, что гармония мира выражается в музыке путем бесконечного чередования ограниченного числа исходных элементов, была общим местом средневековой и ренессансной теории музыки, идущим от пифагорейцев. Г. Грирсон отмечает текстуальную близость этого фрагмента с переводом эпической поэмы Гильома дю Барта (1544–1590) «Шестоднев, или сотворение мира», сделанным английским поэтом Джошуа Сильвестром (опубликована в 1603 г.).

...*опасней / Падение – тому, кто всех прекрасней.* – Ис. 14:12.

АРОМАТ

THE PERFUME

...папаша мне чинит вопрос... – Г. Кружков (Алхимия любви / Сост. и пер. Г.М. Кружков. М., 2005. С. 299–313) считает, что концепт дублирует практику полицейского преследования католиков и инакомыслящих в елизаветинской Англии.

...он глазами рыскал... – В оригинале – «glazed eyes». Возможно: 1) бельмо; 2) слезящиеся от старости или болезни глаза; 3) взгляд сквозь очки.

Василиск – Вслед за Плинием (ЕИ, VIII, 33; ХХІХ, 19) считали, что василиск убивает человека взглядом или запахом. Средневековая традиция (в частности, в трудах немецкого философа и теолога Альберта Великого) добавила, что василиск сам погибает, если человек увидит его первым. Согласно средневековой теории зрения, глаз сам излучает свет. Возможно, пассаж написан под влиянием И. Кеплера («*Astronomiae Pars Optica*», опубликована в 1604 г.), где была изложена и доказана концепция глаза и зрения, близкая к современной.

Привратник ваш... – Ср. с образом привратника в элегиях Овидия (ЛЭ, I, 6).

Родосский колосс – статуя Гелиоса на о. Родос, созданная в конце III в. до н.э.

...Как мы, привыкли к свиньям и баранам... – В оригинале – инвектива против общества современной Донну Англии, состоящего из покорного скота и охраняющих его собак. В 1597 г. пьеса Б. Джонсона и Т. Нэша «Собачий остров» (*The Isle of Dogs* – название территории в излучине Темзы ниже Лондона) была запрещена за клевету и подстрекательство к мятежу, все экземпляры уничтожены.

Единорог – Вслед за Плинием в Средние века подчеркивались редкость, неукротимость и свободолюбие единорога. Рогу приписывались сильные лекарственные свойства и способность нейтрализовать любые яды. Тертуллиан видел в единороге религиозный символ, в «Физиологе» единорога может усмирить тольско девственница. Акт усмирения – символ Воплощения Христа и смены божественного гнева на милость. Декоративные изображения девственницы, усмиряющей единорога, и охоты на единорога были популярны в XV–XVI вв.

О выброски презренные земли... – В конце XVI в. «the perfume» употреблялось в значении «ароматическое вещество»; к этим веществам относились благовония, духи, эфирные масла, ароматические мази растительного, минерального и животного происхождения, составные части которых не всегда отличались приятным запахом и достойным происхождением.

...Подобья ваши жгли на алтарях. – Ароматические благовония использовались и используются в религиозных церемониях: ладан, мирра, кедровая смола.

...А истинному благу чужд распад. – Распространенный аргумент против арианской ереси, атомарной теории Демокрита и Дж. Бруно.

ПОРТРЕТ

HIS PICTURE

Датируется 1596/97 г., когда Донн принимал участие в морских экспедициях против испанцев (см. примеч. к «Шторму» и «Штилю»). Но в тексте нет данных для такой идентификации.

Возьми на память мой портрет... – Возможно, герой дарит свое миниатюрное изображение. Портрет Донна – так называемая гравюра Маршалла (1591) – считается копией с утерянной миниатюры.

Дарю лишь тень... – Слово «shadow» могло употребляться в значении «изображение», «портрет» (*Шекспир У.* Два веронца, V, 4, 197). В поэзии Донна часто варьируется мотив соотношения между копией и оригиналом.

...Любовь питалась молоком грудным... – 1 Кор. 3:1–2, Евр. 5:13–14.

ОТРЕЧЕНИЕ

(RECUSANCY) (O, let not me serve so...)

Заглавие «Recusancy» принадлежит Х. Гарднер, как и заголовки других элегий, приводимые в угловых скобках.

...ишь нищенствуют от щедрот... – Почетные должности часто не оплачивались, либо вознаграждались символически, так как носили статусный социальный характер.

...Как вносят в королевский титул земли / Для вящей славы... – Некоторые титулы королей были чисто номинальными. Короли Англии в 1340–1801 гг. титуловались и королями Франции, Мария Стюарт в 1558–1566 гг. – королевой Англии и Ирландии.

Чистилище – Согласно догматическому определению (1254) и учению Ферраро-Флорентийского собора (1438), в Чистилище души умерших грешников очищаются муками от грехов, не обладающих статусом «смертных». Время пребывания зависит от поминовения на литургии, молитвы за умерших, благотворительности живущих родственников. В оригинале с Чистилищем сравнивается возлюбленная, и разрыв с ней приобретает протестантскую иронию, так как ими Чистилище не признавалось.

...Так мотылька бездумного торопит / Свеча... – ренессансная эмблема, обозначающая пагубность похоти (Amorum emblemata (Эмблемы любовные), 1608, N 52; Emblemata aliquot selectiora amatoria (Избранные любовные эмблемы), 1618, N 33, девиз «Brevis et damnosa voluptas» (Кратка и погибельна похоть)).

...Она – сия Река, а Русло – я... – О мужчине, придающем форму женщине, см. примеч. к «Изменчивости».

...но презрение острит. – В оригинале различается несколько видов презрения. «Scorne» рождается из отчаяния любовной меланхолии. «Презрение к миру» (contemptus mundi) – концепция стойков и киников, частично усвоенная христианской аскетической доктриной. «Disdain» – презрение к конкретному человеку.

...Смерть на щеках... – Изображение «Пляски Смерти» подчеркивало отвращение к разложившейся плоти (*Хейзинга Й.* Осень Средневековья. Гл. «Образ Смерти»).

...отпаду, / Как от погрязшего в неправде Рима... – Разрыв с возлюбленной включается в религиозно-политический контекст: католическая церковь отлучила реформаторов-протестантов после того как они сами отказались признавать ее власть и авторитет.

ЛЮБОВНАЯ НАУКА

(TUTELAGE) (Natures lay Ideot)

Мотив обучения женщины любовному искусству известен из «Искусства любви» Овидия, а мотив проклятия изменившей любовнице – из поэзии Тибулла (Элегии, I, 6). В элегии переосмыслены споры XV–XVI вв. о целесообразности и формах женского образования (см.: *Лабутина Т.Л.* Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб., 2001. Гл.1).

Дуреха! – В оригинале – «Natures lay Ideot» – отсылает к концепции «воздвизания» природного разума и тела. Неокультуренная природа воспринимается как синоним несовершенства, дикости и низкого социального статуса (*греч.* «idios» – частный, незнатный). Концепт развивается на протяжении стихотворения: немота – речь, пустошь – рай, баклага – кубок. Слово «lay» (непосвященный, мирской) связано с концепцией мистического познания М. Фичино и предшествующей этому познанию инициации.

...В таинственных намеках глаз и рук... – Язык жестов, в том числе любовных, был детально разработан в повседневной жизни.

...Или узнать по виду влаги слезной, / Озноб иль жар поклонника томит... – Болезни (в том числе и любовные) диагностировали по характеру выделений организма: пот, моча, рвота, слезы.

...И ты цветов не знала алфавит... – Любовная, религиозная, мистическая символика растений вошла в повседневный обиход. В XVII–XIX вв. появляются иллюстрированные книги с названием «Alphabet of Flowers».

...Как робко ты загадывала мужа! – В оригинале бытовая пассивная магия гадания (household charms) противопоставлена активному и разумному искусству любви.

...То отвечала вовсе невпопад, / Дрожа и запинаясь то и дело... – В XVI в. вернулась полемика о воспитании женщин: Томас Мор и Эразм Роттердамский считали, что женщины должны изучать логику, грамматику, риторику, тогда как Хуан Вивес, испанский мыслитель эпохи Возрождения, занимал противоположную позицию. Известна комическая ситуация из биографии Т. Мора, приходившегося родственником Донну по материнской линии. Когда Мор пытался образовывать свою 17-летнюю жену, не привыкшую к чтению книг и музицированию, она через некоторое время стала плакать и даже пригрозила самоубийством, если занятия продолжатся. Используя авторитет ее родителей, гуманисту удалось продолжить обучение жены.

Так долго воск трудился размягчать... – Эротическая шутка, связанная с оппозицией печать–воск, была распространена в елизаветинской Англии.

СРАВНЕНИЕ

THE COMPARISON

В петраркистской традиции XVI в. появляется самопародия на поэтические штампы, описывающие женское совершенство и страдания безответной любви (Франческо Берни, Пьер Ронсар, Филип Сидни). Композиция восходит к древнеримскому ритуальному хулению триумфатора стоявшим позади него поносителем, вопреки восхищенным возгласам толпы. Катулл применяет этот принцип к женщине (Книга стихотворений, 41–43, 83), объединяя поношение и хвалу: риторико-грамматическая конструкция превозношения наполнена бранной лексикой.

...В Сансере... – Осада гугенотов в Сансере в 1573 г. продолжалась девять месяцев и была описана в произведении кальвинистского богослова и миссионера Жана де Лери (1536–1613) «Достопамятная история города Сансера» (1574).

Головка у моей кругла... – Сфера считалась идеальной геометрической фигурой, отождествляемой с божественным совершенством. В оригинале возлюбленная сравнивается с миром и описывается как копия макрокосма.

...или тот прелестный плод... – Подчеркивается обольстительность женского совершенства, так как плоды формально послужили началом Троянской войны и грехопадения.

Грудь милой – урна жребиев благих... – Ср.: Гомер. Илиада, XXIV, 527: «Две глубокие урны лежат перед прагом Зевеса, / Полны даров: счастливых одна и несчастных другая» (пер. Н.И. Гнедича).

...Фиал для благовоний дорогих... – В оригинале – аллюзия на Апулея: Венера посылает Психею принести из Тартара немного красоты Прозерпины в сосуде (*Апулей. Метаморфозы, или Золотой Осел, VI, 16*).

...выставки кровавой / Обрубков тел над городской заставой. – В Англии XIV–XVIII вв. трупы казненных выставляли напоказ в людных местах на долгое время (*gibbeting*). Этот вид казни применялся к обвиненным в государственной измене.

Как печь алхимика, в которой скрыт... – Традиционно в алхимии для описания химических процессов использовались образы, связанные с браком и размножением. У Донна – обратное: женская сексуальность сравнивается с тигелем алхимика.

...иль обгоревшей Этны... – Вулкан Этна на Сицилии отличается почти постоянной активностью, хотя крупные извержения случались редко, особенно в первые полтора тысячелетия нашей эры.

...как голубки воркуют вместе... – Голубь считался священной птицей Венеры.

...Как жрец обряд свершает честь по чести... – В оригинале – аллюзия на принесение бескровной жертвы во время литургии.

...И та, и те хромают... – В оригинале – «*comparisons are odious*» – поговорка, зафиксированная в английском языке начиная с XV в.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ
THE AUTUMNAL

И. Уолтон и некоторые другие указывают на адресата элегии – леди Магдален Герберт (1557–1627), во втором браке леди Дэнверс, мать поэтов Э. и Дж. Гербертов. По мнению английского литературоведа, автора биографии Донна Р. Болда (*Bald R. J. Donne: A Life. Oxford, 1970. P. 118–119*), Донн мог познакомиться с М. Герберт не ранее 1598 г., когда она приезжала навестить Джорджа Герберта в Кембридж. Вероятны более поздние датировки (1607). Представить ей поэта мог и один из самых близких друзей Донна, Генри Гудьер. Х. Гарднер считает, что тесная дружба между ними началась после 1607 г.

Весны и лета чище и блаженней / Представший предо мною лик осенний. – Похвала красоте зрелой женщины – мотив, известный с времен античности. Эразм Роттердамский в «*Adagia*» приводит изречение из Плутарха (СЖ, Алкивиад, 1,5): «Если жизнь человека красива, то и осень его красива». В анонимной «Греческой антологии» (V, 258) преимущество отдается осенней красоте, а не весенней и летней. Б. Джонсон в пьесе «Эписин» (I, 1; опубликована в 1609 г.) высмеивает «осеннее лицо» леди – председательницы женского «Колледжа остроумиц».

...Теперь из глаз умеренность лучится. – В оригинале молодость сравнивается с жарким экваториальным климатом, а зрелость с более умеренным тропическим (*tropique clyme*).

...Зане Любовь морщину прочертила... – В «Греческой антологии» есть похвала морщинам (VII, 217).

Анахорет – отшельник (*греч.*), который давал обет жить рядом с каким-либо святилищем.

Притин – предел; место (примеч. Г.М. Кружкова). В оригинале упоминается обычай монарха совершать церемониальные путешествия (*progress*) по стране, оставаясь во владениях подданных. Таким временным резиденциям противопоставляются принадлежащие самому монарху (*standing house*).

Пленился Ксеркс лидийскою чинарой... – Геродот (История, VII, 31) рассказывает, как Ксеркс на пути в Сарды увидел роскошный платан, «одарил дерево за красоту золотым украшением» и приказал его охранять. Этот случай, возможно, связан с культом священных деревьев, охраняемых демонами. Подобная ситуация изображена на ассирийских рельефах. Бесплодный платан упоминается Вергилием (Георгики, II, 69–70: «Яблоки сочные вдруг на бесплодном зреют платане...»).

И каждый зуб – в отдельном погребень, / Чтоб досадить душе при воскрешенье. – Библейское учение о телесном воскресении (1 Кор. 15:52) породило теологическую дискуссию о том, как в тело вернутся выпавшие на протяжении жизни зубы и волосы.

ОБРАЗ ЛЮБИМОЙ

(IMAGE AND DREAM)

В некоторых изданиях печатается в разделе «Песни и стихотворения о любви».

...образ несравнимый, / Что оттиском медальным в сердце вбит... – В «Диалогах о любви» Л. Эбрео Филон доказывает Софии, что образ ее лица оказывает на него более сильное влияние, чем ее реальное лицо, поскольку он находится внутри Филона и правит им.

...слепнет разум мой. (...) мечта в душе моей царит... – Л. Эбрео утверждает, что человек может познавать прекрасное с помощью любой из трех способностей души: воображения и, более полно, при помощи разума и интеллекта (ЭР. Т. 1. С. 318). У Донна разум потерял, осталась только фантазия.

БРАСЛЕТ THE BRACELET

Х. Гарднер считала, что элегия написана не ранее 1593 г., и предположила, что Донн интерпретировал пьесу «Солиман и Перседа», приписываемую Т. Киду (умер в 1594 г.), где потеря Эрастом золотой цепочки, подаренной ему Перседой, приводит к трагедии.

...как локон твой, / Сиял... – Вступление элегии пародирует обычай дарить возлюбленному локон в знак любви и фетишистское преклонение перед предметами туалета.

...где-то я прочел... – Возможная аллюзия на пьесу Т. Кида.

Ужель двенадцать ангелов благих... – Сближение ангелов с названием английской золотой монеты стоимостью в 10 шиллингов. На монете изображался архангел Михаил, убивающий дракона. Концепт разворачивается на сопоставлении функций денег и католического учения об ангелах: ангелы – правители мира, вестники и служители Бога. «Благой ангел» – настоящая монета, «падший ангел» – подделка или иностранная монета, имевшая хождение в Англии.

...Не тронутые – ни пятном, ни скверной... – В оригинале – парафраз Мф. 15:8 и 1 Кор. 5:8. Поврежденные монеты обычно запаивались оловом.

...Друзья, ниспосланные мне... – Каждая монета сравнивается с ангелом-хранителем.

...За грех, мне одному принадлежащий? – Ироническая трактовка искупительной жертвы Христа и/или мученичества. «Брошенные в печь» ангелы-монеты переплавлены на новый браслет. Донн часто использует элементы «parodia sacra» для межконфессиональной полемики.

Будь это пригоршня эку... – В оригинале – «Crowns of France». Курс французских монет в Англии был низким («падшие ангелы»), так как во Франции 1570–1580-х гг. произошла значительная девальвация.

...Французской хворью... – Распространенное в конце XVI в. название сифилиса. Описание фальшивых или поврежденных монет воспроизводит симптомы сифилиса.

...Обрезаны они по-иудейски. – Практика отрезания части монеты для изменения номинальной стоимости, либо эмиссия монет с пониженным весом или содержанием золота известна во Франции со времени короля Филиппа IV (1268–1314). В оригинале ирония над несовместимостью «иудейского обрезания» монет и титула «христианнейшего короля», данного папой римским королям Франции.

...горсть испанских золотых... – Испанское колониальное золото в XVI в. распространилось по Европе. В оригинале «catholique» намекает на вселенскую экспансию «Его Католического Величества» (короля Испании). В Англии опасались, что нелегальная торговля с Испанией приводит к незаконному проникновению ее монет на внутренний рынок, в том числе через подкуп вельмож.

Пистоль – название испанской золотой монеты.

Пентаграмма – Неровные края монеты делают ее похожей на пентаграмму – звездчатый пятиугольник, который считался магическим знаком, дающим заклинателю власть над пространством.

...Французская земля опустошилась, / Шотландия не в меру возгордилась... – В 1593 г. велись парламентские дебаты об испанских интригах в религиозных войнах Франции и о предложении испанского короля Филиппа II финансировать содержание шотландской армии и оказать Шотландии военную поддержку в войне против Англии.

...И Бельгия истерзана лежит... – Речь идет о многолетней освободительной войне Нидерландов с Испанией, завершившейся отделением Северных провинций. Термины «Бельгия» и «Фландрия» Донн использовал для обозначения всей территории, называемой Low Countries – Испанские Нидерланды, Соединенные провинции и Люксембург.

...Извлечь первичный дух из мертвых тел / И минералов... – Имеется в виду первоматерия (энергия сотворения). Если ее освободить, то при ее помощи можно получить философский камень (эликсир), преобразующий вещества.

Пусть лучше с крепкой глоткою глашатай... – Ср.: Кид Т. Солиман и Перседа, 1, 4.

Отправь меня к какому-нибудь магу... – Аллюзия на обычай обращаться за помощью к предсказателям в случае потери ценного предмета.

...И небо разделив на сто Домов, / Вместил в них столько шлюх... – Астрологи делили небесную сферу на 12 Домов, определяющих в том числе и предназначенный человеку род занятий. Предсказатель уподобляется домовладельцам лондонских трущоб.

...и падшим ангелам осталась / Их мудрость... – Согласно католическим богословам, природное знание остается у ангелов и после падения.

...Ведь форма дарит бытие. – Аристотелианская концепция: форма первична по отношению к материи.

Власти, Господства и Силы – По Дионисию Ареопагиту («О небесной иерархии»), три из девяти ангельских чинов. Донн комбинирует два чина из средней триады – virtues и powers (власти и силы) и один из низшей – principalities (начала). Этот отбор, вероятно, связан с аналогией между небесными ангельскими чинами и земной (социальной) иерархией. Деньги (золотые «ангелы») подчиняются власти, но они более могущественны, чем «силы и начала».

О вестники судьбы... – «Ангел» (греч.) – вестник.

Страшись: я на тебя кладу клеймо... – См. примеч. к «Проклятию».

...за фразу в найденном письме! Подвергнут будешь пытке... – Х. Гарднер полагает, что здесь содержится намек на арест Т. Киды в мае 1593 г. и его признание, что черновик богохульной рукописи, обнаруженный у него в доме, принадлежал К. Марло. В оригинале – письмо нанесет урон «по небрежению» (negligently), именно этим Кид объяснял то, что бумаги Марло оказались у него.

...недуг твой излечим / Лишь золотом... – В современной Донну медицине золото использовалось в различных видах. Парацельс считал aurum rotabile («питьевое золото») универсальным лекарством. Напиток из смеси вина, специй и порошка из сусального золота применялся для омоложения, очищения крови и

укрепления сердечной мышцы. Полезным также считалось ношение золота. В оригинале игра слов: «...если ты не хочешь расстаться с золотом, потому что оно полезно для сердца, то оставь его у сердца». Возможно несколько прочтений: 1) пусть нашедший растворит его все и выпьет, став жертвой своей жадности, как Мидас; 2) щедрость по отношению к больному человеку: найденное золото излечит; 3) ношение браслета из неподдельного золота близко к сердцу облагородит нашедшего, и он вернет его.

РАЗЛУКА С НЕЮ

HIS PARTING FROM HER

Х. Гарднер ставит под сомнение авторство Донна.

О Ночь, приди, меня окутай тьмою... – Первая часть элегии описывает гипертрофированное отчаяние – симптом любовной меланхолии, вызванной неразделенной любовью, смертью любимой или разлукой. Р. Бертон описывает влюбленного, лежащего всю ночь без сна (АМ, III, 3, 2). На «лотиановском портрете» молодой Донн изображен в модной позе меланхолика: в черной одежде на черном фоне, с бледным сосредоточенным лицом и скрещенными на груди руками.

...без звезд и без луны. – Трагедийный штамп, часто пародировался в елизаветинской драматургии (*Шекспир У.* Сон в летнюю ночь, V, 1).

...Сказав: Заря теперь не загорится! – Отчаявшийся герой хочет погрузить мир в хаос магическим заклинанием, обращающим вспять историю сотворения мира (Быт. 1:4–5).

...Вдруг к яблоку приник я золотому, / Я только каплю уловил в волне... – Аллюзия на миф о мучениях Тантала.

Любовь слепая... – Завязанные глаза – распространенный элемент в иконографии Эрота.

...Фемида. – Завязанные глаза богини правосудия – обязательный атрибут ее иконографии.

...Где ждали нас ловушки и шпионы... – Ср.: «Аромат».

...И бдительный супруг твой, распаленный / От ревности... – Ревнивый муж – один из основных образов римской элегии (например: ЛЭ, II, 19; III, 4 и др.).

Украдкой от врагов мы письма слали {...} диалог – / Его вели мы при участие ног. – Ср.: ЛЭ, I, 4, 15–32.

У нас навек слились уста и руки... – В позднеантичную эпоху было распространено скульптурное изображение Амура и Психеи, слившихся в объятии и поцелуе.

Как гибкий плющ... – Ср.: Катулл. Книга стихотворений, 61, 33–35, 106–109.

...Судьба пред нами / Зальется вдруг кровавыми слезами. – В оригинале Фортуна «срывает повязку», что можно трактовать как символ случайности.

...Нежна, как воздух, как огонь, чиста, / Ясна, как влага, как земля, тверда. – Герой призывает любимую сохранить баланс между четырьмя стихиями для душевного и телесного здоровья.

Хоть где-то бесконечны холод с тьмою... – Меланхолию связывали с воздействием Сатурна, управляющего физической силой и мраком. По галеновской теории гуморов, во время этой болезни в организме преобладали холод и сухость.

ДЖУЛИЯ

JULIA

Х. Гарднер ставит под сомнение авторство Донна. Еще один вариант стихотворного гиперболизированного хуления возлюбленной.

Будь жив Вергилий, слывший жен бичом... – В оригинале речь идет об итальянском неолатинском поэте и генерале ордена кармелитов Мантуане (Джанбатиста Спаниоли, 1447–1516), авторе сборника «Эклоги». Четвертая эклога «О природе женщин» сатирически изображает женские модели поведения.

Химера – в древнегреческой мифологии огнедышащее чудовище. По описанию Гомера, она спереди – лев, в середине – коза, сзади – змея.

Тенарус – мыс на юге Пелопоннеса, где находился храм Посейдона, под которым был вход в преисподнюю, через него Геракл выволок на землю Цербера.

Она обычно портит всем обед... – Гарпии, безобразные полуптицы-полуженщины, отбирали и оскверняли пищу царя Финея, наказанного за жестокость слепотой.

Орк – римское название подземного царства мертвых и имя властителя этого мира.

И, как в луче пылинки мельтешат... – Тит Лукреций Кар (I в. до н.э.) в поэме «О природе вещей» (IV) описывает природу света как поток атомов, испускаемых Солнцем.

РАССКАЗ О ГОРОЖАНИНЕ И ЕГО ЖЕНЕ

A TALE OF A CITIZEN AND HIS WIFE

Одна из немногих элегий, которая точно датирована (конец 1609 – начало 1610) по упоминанию современных событий (см. ниже). Авторство Донна ставится под сомнение большинством исследователей. А. Паттерсон признает авторство Донна на основании типологической близости с «Сатирой IV» и использования донновского приема «подстрекательства через посредника» (*sedition by proxy*). Стихотворение написано в духе фавльо – короткой средневековой стихотворной повести, обычно сатирического или комико-эротического содержания.

...болеют ли чумой... – Списки с указанием смертей от разных болезней ежедневно вывешивались в Лондоне. Особые чумные списки впервые появились во время лондонской эпидемии 1592–1593 гг. В 1606–1610 гг. число умерших от чумы в неделю могло доходить до 30 человек.

...Купцы ведут ли на таможенных бой... – Должность таможенника покупалась, и чиновник стремился ее быстрее окупить и получить прибыль.

Виргиния/Вирджиния – колония Англии в Северной Америке, названная в честь Елизаветы I. В 1609 г. было предпринято две экспедиции в Вирджинию, в том же году Донн обратился с просьбой предоставить ему должность секретаря Виргинской компании, но ходатайство было отклонено.

Уорд – Джон Уорд (около 1552–1622), известный средиземноморский пират, имел базы в Марокко и Тунисе. Перешел в ислам, взяв имя Юсуф Реиз. Персонаж баллад и нескольких пьес.

...И как на бирже лондонской дела... – «The Britain Burse», открытая в 1609 г.

...Олдегейтские ворота... – ворота в средневековой городской стене Лондона, были снесены в 1606 г. и заново построены в 1609 г.

...Хвалил он только Эссекса эпоху... – Роберт Девере, 2-й граф Эссекс (1566–1601), стал фаворитом Елизаветы I в 1587 г. Руководил каперскими экспедициями в Испанию (Азорские острова, Кадис) и неудачной компанией в Ирландии. Был казнен по обвинению в государственной измене.

...Лишь королевским фаворитам льготы... – Речь идет о монополии (см. примеч. к «Сделке с любовью»).

Лорд-мэр – глава самоуправления лондонского Сити, избирался корпорацией гильдий сроком на один год.

...Как будто их в дороге обокрали... – Аллюзия на эпиграмму «Греческой антологии» (IX, 44): некто спрятал золото в сосуд и зарыл его, а вор откопал клад, обвязал веревкой и поднял из ямы. Владелец, обнаружив в яме вместо золота веревку, с горя повесился на ней.

УВЕЩЕВАНИЕ

THE EXPOSTULATION

В 1640 г. напечатан другой вариант элегии, приписанный Б. Джонсону издателем его сборника «Подлесок». Х. Гарднер считает наиболее вероятным автором юриста, дипломата сэра Томаса Роу (1581–1644), многолетнего друга Донна.

...верных женщин нет... – См. примеч. к «Изменчивости».

...Что ветер вдаль уносит за собой? – Ср.: Катулл. Книга стихотворений, 70, 3,4.

Иль в женском знойно-ледяном дыханье / Нам жизнь и смерть предречены заранее? – Женщина, рождая человека, одновременно обрекает его на неизбежную смерть.

...Скорее реки потекут назад... – Adunata – перечисление невозможного – классический мотив античной любовной поэзии (см.: Проперций. Элегии, II, 15, 29–36; Овидий. Скорбные элегии, VIII, 1–10).

...Иль Темзу летом льды загромоздят... – Климатические условия Англии в XVII в. были более суровыми, и Темза зимой часто покрывалась льдом.

...бродит Каином... – Каин – сын Адама и Евы, убивший своего брата Авеля, проклятый Богом и изгнанный скитаться (Быт. 4:8–16).

Пусть волки это сердце растерзают... – Ср.: Катулл. Книга стихотворений, 108, 3–6.

Пусть любовь / Во мне, как пламя, возникает вновь... – Ср.: ЛЭ, III, 2, 1–7.

...Попав на пьесу или маскарад... – В оригинале упоминаются «маски» – короткие аллегорические костюмированные представления обычно пасторального содержания, популярные у аристократии. Актерами были придворные и члены королевской семьи. Известны многочисленные маски Б. Джонсона, Т. Кемпиона и др.

...как недуг, любовь легко поймать. – См., например: АМ, III, 2, 1.

...Найти легко, а сохранить труднее. – В оригинале – почти дословная цитата из Овидия (Наука любви, II, 13–14).

НА ЖЕЛАНИЕ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ СОПРОВОЖДАТЬ ЕГО,
ПЕРЕОДЕВШИСЬ ПАЖОМ

ON HIS MISTRESS'S DESIRE TO BE DISGUISED
AND TO GO LIKE A PAGE WITH HIM

Комментаторы считают, что аргументы элегии основаны на личном опыте путешествий Донна в Европу. Мотив трагедии неоднократно упоминают и другие современные Донну авторы (Лопе де Вега, У. Шекспир, Т. Миддлтон, Дж. Уэбстер). В елизаветинской Англии существовал запрет на публичное ношение женщинами мужской одежды, санкционированный авторитетом Священного Писания (Втор. 22:5).

Донн интерпретирует мотивы «Трагической истории Ромео и Джульетты» английского поэта А. Брука (1562). Джульетта просит Ромео взять ее с собой в качестве слуги, хочет разделить с ним тяготы и доказать свою любовь и верность. Ромео отказывает, потому что это противоречит законам природы и мудрости («Nature's law and wisdom's lore»). Описание Джульетты у Брука – бледность лица, безумный взгляд – выдает признаки любовной меланхолии, толкнувшей ее на нелепую просьбу.

Орифья – дочь афинского царя Эреффея, похищенная богом северного ветра Бореем и родившая ему двоих детей. Известен также миф о том, что Борей сломал шею любимой девушке.

Утешься обольщением благим, / Что любящих союз неразделим. – Ср.: «Прощание, возбуждающее печаль».

Учти, французы – этот хитрый сброд... – См. примеч. к «Браслету» и «Любовной войне».

В Италии какой-нибудь блудник... – Утверждалось, что пребывание в Италии часто заражает путешественника «макиавеллизмом» – презрением к морали, чести, религии и государству – и развратом.

...Как содомиты к лотовым гостям... – Быт. 19:1–5.

...Иль пьяный немец... – В оригинале «раздутый от водянки голландец» («spungy hydroptique Dutch»). Считалось, что голландцы злоупотребляют алкоголем.

Лишь Англия – достойный зал приемный... – Галерея перед входом в зал приемов монарха. Также, возможно, аллюзия на храм базиликального типа.

Не напугай спросонья няню криком... – Возможно, контаминация шекспировского сюжета и интонации: сон изгнанного Ромео о своей смерти (V, 1) и сумбурный рассказ кормилицы о поединке Ромео и Тибальда (III, 2).

РАЗНООБРАЗИЕ

VARIETY

Я в небе измененья наблюдаю... – В оригинале – «motion» (движение). Согласно античной космогонии (Аристотель, философ; Птолемей, античный математик и географ, создатель геоцентрической системы мира), небесные тела расположены на идеальных сферах, которые вращает внешняя сфера-перводвигатель.

Прозрачнее всего реки поток... – Ср. заключительную часть «Изменчивости».

Я белокурой нынче околдован... – На женскую красоту, в том числе и на петраркистский идеал, герой смотрит с овидианской точки зрения (ЛЭ, II, 4, 39–46).

А нашим предкам счастье улыбалось... – Начиная с Гесиода (VIII–VII вв. до н.э.), древние считали, что в золотой век правления Кроноса (в греческой мифологии отца олимпийских богов) нравственные законы были врожденными, поэтому не были нужны социальные институты принуждения, контроля и репрессии. Здесь ситуация отсутствия этих институтов перевернута и трактуется в духе Монтеня (Опыты, I, 31: «О канибалах»).

...Женились на сестре и на кузине... – Инцестуальные формы брака встречаются в архаических мифологических системах и Ветхом Завете. Мотив соотношения между браками людей, героев и браками богов см. у Овидия (Метаморфозы, IX, 497–509).

...Как водится у персов и поныне. – Европейцам был известен обычай персов жениться на двоюродных сестрах, который сохранился вплоть до XX в.

...И стали мы теперь рабами Мненья. – Персонифицированная фигура Молвы встречается в «Энеиде» (Кн. IV) Вергилия. Произвольно навязанная человеческая мораль ограничивает более древнюю божественную свободу (Овидий. Метаморфозы, X, 325–331).

ПУТЬ ЛЮБВИ

LOVE'S PROGRESS

Мотив путешествия по женскому телу встречается у Т. Нэша в эротической поэме «The Choice of Valentines» (Выбор Валентинов).

...как медвежонка мать, / Мы не должны без удержу лизать... – Согласно античному и средневековому представлению (Аристотель, Плиний, Элиан, бестиарий), медвежата рождаются без глаз и конечностей, и медведица, вылизывая их, придает им форму. В XVI в. это заблуждение было опровергнуто.

В единстве совершенство нам дано: Люби одну, и в ней люби – одно. – Аллюзия на теологическую полемику о догмате триединства Бога. Донн воспроизводит логику аргументации Николая Кузанского о единстве во множественности, основанную на абсолютной любви. Кузанец рассматривает ее, не исключая опыт земной любви: «...то, что предстает мне тремя разными вещами, любящий, желанный и связь – есть твоя простейшая абсолютная сущность, стало быть, здесь не три, а одно» (Николай Кузанский. О видении Бога, 17).

...Ценить не свойства внешние, а суть. – Концепт перераспределяет в женщине субстанцию (неизменную сущность) и акциденции (сочетание внешних признаков). Поэт предлагает одну из акциденций (гениталии) в качестве субстанции женщины и доказывает, что душа – лишь одна из акциденций.

Амура не ищите в выси горней. – До XX в. не было ни одного небесного тела, названного в его честь.

Подземный бог, с Плутоном наравне... – Подчеркивается хтоническая сущность бога любви как древнейшей космогонической силы.

...В золотомосной, жаркой глубине / Царит он. – Чтобы служить богу любви, необходимо иметь золото и пылкий темперамент.

...Приносят жертвы в ямки и ложбины. – Древнегреческий ритуал жертвоприношения подземным богам требовал лить кровь животного в специально выкопанные ямки.

...нулевым меридианом... – В античности считалось, что меридиан, разделяющий западное и восточное полушария, проходит через Канарские острова (крайний запад известного мира).

...К Блаженным островам – но не Канарам... – «Блаженные» – античное название Канарских островов, поскольку они считались Элизиумом, куда направляются души умерших праведников.

...поддельным опоят нектаром... – Канарское – сорт легкого вина.

Там сирены распевают... – В греческой мифологии люди-птицы с женской головой. Волшебным пением заманивали корабли на скалы.

...Премудрые оракулы вещают... – В оригинале упоминается Дельфийский оракул, прорицавший через жрицу-пифию в храме Аполлона.

...Где Прилипала страстная живет. – Язык сравнивается с рыбой семейства Echepeidae. Плиний (ЕИ, 32,1) писал, что она способна остановить корабль, присосавшись к днищу, например, к судну Антония во время сражения при Акции (31 г. до н.э.). По версии Плутарха, Антоний терял способность к действию из-за любви к Клеопатре (СЖ, Деметрий и Антоний, Антоний, 66).

Меж Секстом и Абидосом грудей... – Секстос и Абидос – два портовых города, расположенные по разные стороны Дарданелл. Широко известны из мифа о Геро и Леандре в изложении Овидия (Героиды, 18–19). Сюжет был популярен в XVI в. (произведения К. Маро, Т. Тассо, поэма К. Марло «Геро и Леандр», упоминания в пьесах У. Шекспира, Б. Джонсона).

...И к Индии стремясь прямым путем... – Подчеркиваются сказочные богатства Вест-Индии.

...да послужит вам ступня / Надежной картой к странам вожделенным... – Вероятно, сравнение построено на созвучии английского «foot» с французским обцензизмом «foutrе». Пример подобной шутки можно найти у Шекспира в пьесе «Генрих V», III, 4.

...Что даже черт не может спрятать пят... – Считалось, что дьявол, несмотря на возможность принимать любой облик, не может скрыть раздвоенного копыта.

...Она эмблемой служит постоянства. – В книгах эмблем эпохи Возрождения ступня могла обозначать постоянство.

...Властительным коленом иль рукою... – Целование колена было знаком феодальной зависимости от сюзерена.

...А ныне папской тешитя ступнею. – Целование папской туфли в знак полного подчинения и благоговения. Папа Иннокентий III в сочинении «De altaris mysterio» (О тайне алтаря) (VI, 6) возводит этот ритуал к новозаветному сюжету о женщине, целовавшей ноги Христа (Лк. 7:38). Обычай известен уже в IX в., ко времени Донна стал частью приветствия папы при личной аудиенции.

Когда и князи начинают с ног... – Считалось, что первыми обычай целования папской туфли совершили императоры Юстин I и Юстиниан II.

...Полет свободных сфер сквозь эмпирию... – Согласно Птолемею, небесные тела с постоянной орбитой были прикреплены к хрустальным сферам. Большая скорость их вращения удивляла (полный оборот за 24 часа), что послужило одним из аргументов доказательства гелиоцентричности системы.

НА РАЗДЕВАНИЕ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ
TO HIS MISTRESS GOING TO BED

Донн переосмыслил Овидия (ЛЭ, I, 5). Элегия Донна построена на освобождении возлюбленной от петраркистских ангелических метафор и обнажении ее земного начала.

Прочь – поясок! небесный Обруч он, / В который мир прекрасный заключен. – Аллюзия на Пояс Ориона, или Млечный Путь.

Сними с чела сей венчик золоченый / – Украсься золотых волос короной... – Речь о созвездиях Южной и Северной Короны.

В таком сиянье млечном серафимы... – В оригинале – сравнение с высшим чином небесной иерархии. Сияющие и белые ангелы – распространенные библейские образы (Иов 15:15; Дан. 10:5, 6; Мк. 16:5, Ин. 20:12). Далее – ирония над мусульманскими представлениями о рае, где праведников встречают и ублажают гурии.

...Хотя и духи адские порой / Облечься могут лживой белизной... – Х. Гарднер считает, что основой этого рассуждения является изречение из 2 Кор. 11:14.

Моим рукам-скитальцам дай патент / Обследовать весь этот континент... – Любой экспедиции выдавался королевский патент на открытие, исследование и освоение новых земель.

...Тебя я, как Америку, открою, / Смирю... – В английской поэзии можно было встретить сравнение женщины с Америкой (например: *Шерли Дж. Love tricks* (Уловки любви). 1625). Это было связано с представлением о женщине как части неокультуренной дикой природы (см. примеч. к «Любовной науке»).

И ты подвластна лишь моей печати. – См. примеч. к «Любовной науке».

...Как душам – время тел, так и телам / Необходимо сбросить груз одежды... – Перефразировка Фомы Аквинского: СТ, III, 69, 2.

Лишь невежды / Ключут на шелк, на брошь... – Инверсия мифа об Аталанте, вызывавшей женихов на состязание в беге, а проигравших пронзавшей копьем. Гиппомен победил хитростью: бросил на землю три золотых яблока, и Аталанта, подбирая их, отстала и проиграла. У Донна в роли яблок выступают драгоценности, позволяющие женщинам отвлекать внимание мужчин от своей красоты.

Только избранный проник... – Между протестантами и католиками велись споры вокруг догмата о спасении Благодатью. Ж. Кальвин писал: «...мы вступаем в общение с Богом не благодаря тому, что заслуживаем ее [святость]: прежде чем стать святым, нам нужно соединиться с Ним, чтобы Он сам излил на нас Свою святость и принудил идти туда, куда Он зовет» (Кальвин Ж. Наставление в христианской вере: В 3 т. М., 1998. Т. 2, III, 6, 2. С. 150). Используя протестантский термин «imputed гасе» (вменение Благодати Христа истинно верующим в Него), Донн подчеркивает, что «благодать любви», постигаемая через женщину как магическую книгу, доступна лишь избранным. См. также примеч. к «Сатире II».

ЛЮБОВНАЯ ВОЙНА

LOVE'S WAR

Оппозиция между войной Марса и войной Венеры берет начало в «Илиаде» Гомера. Среди латинских источников – элегии Тибулла (I, 10) и Проперция (III, 5), «Свадебный центон» Авсония и «Любовные элегии» Овидия (I, 9). Элегия Донна построена на сравнении жизни воина и влюбленного. Вместо мифологических аналогий Овидия Донн перечисляет современные ему военные конфликты и приходит к выводу, что они не стоят того, чтобы принимать в них участие, поскольку они «scrupulous» (вызывают сомнения).

..Лишь мне, прекрасный Град, врата открой! – «Вольный город» имел право сдаваться и открывать ворота неприятелю по решению городского самоуправления.

К чему нам разбирать фламандцев смуты? – Освободительная война в Испанских Нидерландах (Фландрии) продолжилась и после провозглашения независимости Северных провинций в 1581 г. Английские добровольцы-протестанты принимали участие в военных действиях на стороне голландцев. В 1585 г. Англия предприняла попытку официального военного вмешательства, закончившуюся дипломатической неудачей командующего английскими войсками графа Лестера.

Строптивва чернь или тираны люты – / Кто их поймет! – В затянувшемся военном конфликте территории южных провинций Нидерландов часто переходили из рук в руки.

Французы никогда нас не любили, / А тут и бога нашего забыли... – Донн предъясняет французам традиционный упрек в «переменчивости» (giddiness), в том числе и политической. После убийства в 1589 г. Генриха III Валуа войну против католической Лиги продолжал Генрих IV Наваррский. Королева Елизавета оказала ему финансовую (40 тыс. фунтов) и военную поддержку. Париж не соглашался принять нового короля по религиозным мотивам, и Генрих IV в 1593 г. окончательно перешел в католичество.

..Лишь наши «ангелы» у них в чести: / Увы, нам этих падших не спасти! – См. примеч. к «Браслету». Франция после окончания религиозных войн находилась в экономическом кризисе, и англичане не надеялись на возврат Генрихом IV долга. Однако в 1603 г. выплаты начались. Элегия была написана не позднее этой даты.

Ирландию трясет, как в лихорадке... – В Ирландии конфликт между местной аристократией и назначенными из Лондона шерифами привел в 1596 г. к «восстанию графа Тайрона» («Девятилетняя война»). Антиирландская позиция Донна была характерна для большинства англичан, считавших свою цивилизаторскую миссию в Ирландии благотворной для ее неокультуренного населения.

Что ждет нас в море? – Речь о набегах английских каперов на испанские колонии в Новом Свете, участвовавших после разгрома «Непобедимой Армады» – испанского флота, посланного на завоевание Англии в 1588 г. Возможно, Донн опирается на собственный опыт участия в экспедициях (см. примеч. к «Шторму» и «Штилю»). Донн иронизирует по поводу высокой цены трофеев, несоизмеримой с расходами на экспедиции: тяжелые климатические и походные условия, скудость продовольственного обеспечения, военные потери, экономические затраты.

Мидас – богатый царь Фригии, получивший от Диониса способность превращать предметы в золото своим прикосновением. Избежал голодной смерти, испугавшись в источнике.

Корабль – тюрьма... – Хотя использование кораблей в качестве плавучих тюрем принадлежит более поздней эпохе (XVIII–XIX вв.), метафорическое сближение корабля и тюрьмы широко распространено и в XVI в. (АМ, II, 3, 4).

...Или больница для умалишенных... – Средневековые европейские города избавлялись от умалишенных, заплатив капитану корабля за то, чтобы он перевез безумца в другой населенный пункт или высадил на острове. Образы корабля дураков, безумия и глупости активно разрабатываются в литературе и иконографии XV–XVI вв. (см. подробнее: Фуко М. История безумия в классическую эпоху, I, 1).

...Мой выкуп – сердце, дай свое взамен! – Здесь и далее Донн при описании любви использует оксюморон. В эротической поэзии Ренессанса любовный экстаз уподоблялся смерти. В военной практике Средневековья пленных не убивали, предпочитая получать с родственников или сеньора выкуп, благодаря чему жизнь в плену обычно соответствовала социальному статусу и могла длиться годами.

...Кому-то надо и клинки ковать... – Аллюзия на брак Гефеста и Афродиты. Откровенность и эвфемистичность эротических описаний элегии санкционирована двумя традициями: «Песнь Песней» Соломона и жанром эпиталамы. Авсоний в «Свадебном центоне» описывает брачный ритуал в военных терминах, причем все произведение составлено из цитат «Энеиды» Вергилия.

Давай с тобою делать новобранцев! – Заповедь «плодитесь и размножайтесь» (Быт. 1:28) была дана Творцом Адаму и Еве, когда они еще были непорочны, пребывали в Раю и не знали греха, вражды и войн.

САПФО К ФИЛЕНЕ

SAPHO TO PHILAENIS

Жанр послания от лица мифической героини возлюбленному заимствован из «Героид» Овидия. В елизаветинской Англии в жанре героид писали М. Дрейтон, С. Дэниел. Последняя из «Героид» Овидия – предсмертное послание единственной исторической героини в его книге, Сапфо, к Фаону. Донн иронически переосмысливает легенду: Сапфо рассталась с Фаоном и вернулась к одной из своих прежних возлюбленных, Филене (имя вымышлено Донном). Донн почти полностью избавляется от мифологического антуража, характерного для героического послания.

Несмотря на то что текст печатался в абсолютном большинстве изданий, принадлежность послания Донну не доказана.

Сапфо (между 630 и 620–около 572 до н.э.) – древнегреческая поэтесса, родилась на острове Лесбос. Возглавляла школу риторики, посвященную Афродите. Благодаря самой поэзии Сапфо в античности сложилась легенда о гомозротической женской любви. Современные исследователи связывают творчество Сапфо с традицией архаических женских союзов, распространенных на Лесбосе.

...огонь поэзии священный? – Трактовка поэзии как священного дара в античности была связана с культом Аполлона, бога солнечного света, обладавшего даром предвидения и наделявшего им людей. Он покровительствовал Музам, и поэтический дар счи-

тался пророческим. Такое представление о поэзии унаследовали средневековые и ренессансные поэтики. Ф. Сидни считал, что поэты произошли от пророков (*vates*), боговдохновенных авторов стихотворных книг Священного Писания (ЗП. С. 155–156).

Мой Стих, что воссоздаст предмет любой... – В оригинале – игра смыслов: глагол «draws» может означать как магическое воздействие слова на законы природы (Орфей, песней останавливающий реки), так и их вербальную имитацию в искусстве. Последнее связано с аристотелевской теорией искусства как мимесиса. У Донна Сапфо жалуется, что не может в стихах воссоздать образ возлюбленной и тем самым материализовать ее.

...в сердце образ твой желанный <...> Но Память... – Сократ говорил, что в наших душах есть воск, дар Мнемосины – матери Муз. Все, что мы воспринимаем, отпечатывается на нем (*Платон*. Теэтет, 191 С–D). Фома Аквинский считал память связующим звеном между чувственными и духовными способностями (см.: *Йейтс Ф.* Искусство памяти. СПб., 1997. Гл. 1–4).

...И, раздувая в сердце этот жар... – Ср.: *Овидий*. Героиды, XV, 9–14.

И, если каждый <...> Есть малый / мир... – Популярная в античной и средневековой мысли идея о подобии микрокосма (человека) макрокосму (универсуму). Излюбленный троп Донна (ср.: «Священные сонеты», 5).

Кедр и Лилея – широко известные библейские символы величия (2 Цар. 2:7, Пс. 91:13, Ис. 2:13) и красоты (Песн. 2:1–2, Сир. 39:18, Мф. 6:28–29). В книге пророка Осии кедр и лилия составляют одно развернутое сравнение (Ос. 14:6–7).

Фаон – легендарный перевозчик на Лесбосе, последняя любовь немолодой Сапфо. Отвергнутая Сапфо покончила самоубийством, бросившись с Левкадской скалы в море.

...Пусть невозделанный, но совершенство / Не станет совершенней... – См. примеч. к «Любовной науке». В средневековой науке часто утверждалось, что женщина приобретает совершенство, соединившись с мужчиной. Аристотель утверждал, что мужчина – это причина изменений формы, а женщина – поставщик материи для нее (*Аристотель*. О размножении животных, 716 а 4–9, 765 б 9–16). Донн инвертирует аргумент о необходимости возделывать природу женщины.

...И ласки, как тебе, себе дарю. – Согласно мнению современной исследовательницы М. Холстен, в тексте создается мир «автокосма», где две половины не взаимодополняют друг друга, а абсолютно идентичны, отсюда – автоэротизм элегии. Ср.: *Овидий*. Героиды, XV, 134.

Ты в зеркале стоишь перед глазами, / Прильну... – Вариация на тему мифа о Нарциссе, влюбившемся в свое отражение в ручье.

ЭПИТАЛАМЫ

ЭПИТАЛАМА, СОЧИНЕННАЯ В ЛИНКОЛЬНЗ-ИНН

EPITHALAMION MADE AT LINCOLN'S INN

Эпиталама – в античной Греции ритуальная свадебная песня, исполняемая под музыку в честь жениха и невесты. Поэтические эпиталамы писали Сапфо, Пиндар, Феокрит. Катулл перенес жанр на римскую почву, соединив с фесциниями – традиционными обрядовыми песнями. У Катуллы строго соблюдена по-

следовательность свадебного ритуала, принятого в Риме: гимн Гименею, песни перед домом невесты, во время шествия, перед домом жениха, перед порогом брачного покоя (эпиталамий в узком смысле слова). В эпоху Возрождения жанр получил вторую жизнь в неолатинской и национальной поэзии (П. Ронсар, П. Метастазιο, Э. Спенсер).

Линкольнз-Инн (основан в 1422 г.) – часть юридической корпорации Иннз-оф-Корт, входил в ее состав в качестве так называемых «inns» (аналогов колледжей в университетах). В 1592–1595 гг. Донн обучался в Линкольнз-Инн, в 1616–1621 гг. преподавал там теологию. В годы студенчества Донн был «распорядителем увеселений» (Master of Revels). Возможно, поэт написал эпиталаму между 1592 и 1594 гг.

Восток лучами яркими зажжен / Прерви, Невеста, свой тревожный сон... – Традиционное для эпиталамы начало (см.: Авсоний. Свадебный центон), построенное на параллелизме между восхождением солнца и пробуждением невесты.

...Сегодня в совершенство облекись... – См. примеч. к «Сапфо к Филене».

...И женщиной отныне нарекись! – Каждая песня/строфа античного эпиталамия традиционно заканчивалась рефреном-призыванием Гименея. Если согласиться с мнением современного исследователя Д. Новарра, что эпиталама сочинена для комической свадьбы, разыгранной студентами, то этот рефрен носит травестийный оттенок.

...Взять «ангелов», к приданому приладясь... – См. примеч. к «Браслету».

Флора – римская богиня цветов и юности, на ее праздниках было принято украшаться растениями.

Вот входит в храм... – Игра слов: храм (Temple) – традиционный образ античного эпиталамия и намек на Линкольнз-Инн, который располагался на территории бывшего монастыря ордена тамплиеров.

...Мистически соединились оба... – См.: Мф. 19: 5–6.

...Твоя всегда насытая утроба. – Имеются в виду крипты, подземные склепы-галереи под храмом, где хоронили высокопоставленных персон.

...Достойная похвал и восхищенья... – Ср.: АС, XXXV.

...и первая звезда... – вечерняя Венера.

Феб – латинское имя бога солнца – Гелиоса (Аполлона).

...Для всякой твари в мире есть пора (...). Поспать ... – Ср.: Спенсер Э. Эпиталамий, 315–318.

На ложе, как на алтаре Любви... – Концепт ложе-алтарь, невеста-жертва – аллюзия на жертвоприношение Исаака (Быт. 22: 3–13).

...Она лежит, покорна и тиха... – В оригинале невеста «предпочитает имя матери». Ср. благословение Авраама многочисленным потомством (Быт. 22: 16–24).

ЭПИТАЛАМА, ИЛИ СВАДЕБНАЯ ПЕСНЬ В ЧЕСТЬ ПРИНЦЕССЫ ЕЛИЗАВЕТЫ
И ПФАЛЬЦГРАФА ФРИДРИХА, СОЧЕТАВШИХСЯ БРАКОМ
В ДЕНЬ СВЯТОГО ВАЛЕНТИНА

AN EPITHALAMION, OR MARIAGE SONG ON THE LADY ELIZABETH
AND COUNT PALATINE BEING MARRIED ON ST. VALENTINE'S DAY

Елизавета Стюарт (1596–1662), королева Богемская – старшая дочь короля Якова I.

Пфальцграф Фридрих V (1596–1632) – король Богемский, глава Протестантской унии (1610). 14 февраля 1613 г. состоялось их бракосочетание. Рассчитывали, что союз создаст сильную политическую протестантскую группировку в Северной и Центральной Европе. Тридцатилетняя война (1618–1648) похоронила эти надежды. После разгрома при Белой горе (1620) король и королева Богемии эмигрировали в Голландию.

Епископ Валентин – мученик римский, пострадавший при императоре Аврелиане (270—275). Основой легенды было чудо, сотворенное Валентином: он излечил молитвой ослепшую дочь тюремщика. Остальные версии – позднейшие дополнения к этой истории.

...Своей епархией воздушной... – Представление о том, что в день Св. Валентина начинаются птичьи брачные игры, в литературе впервые зафиксировано у Дж. Чосера в «Птичьем парламенте» (1382).

Воробей – См. примеч. к «Метемпсихозу», XX.

...Жену с ее пуховою периной. – Обязательная часть приданого.

...Двух Фениксов... – См. примеч. к «Канонизации». В эпителиаме фениксов два, но каждый из них уникален в своей стране.

...предвещает и твою паденье, / И новый, ослепительный Восход... – Происходит смена идентичности: принцесса – монархиня, дочь – жена, девственница – женщина. В оригинале астрономический образ: падающая звезда сменяется вспыхнувшей сверхновой. См. примеч. к «Графине Бедфорд (За ваш привет...)».

...Огонь с огнем... – Согласно учению о первоэлементах, подобная стихия притягивается подобной (см. примеч. к «Сатире V»).

...Узлом любви... – К XVI в. из Голландии в Англию пришел символический обычай завязывать узел из двух веревок, за концы которых тянули новобрачные.

...Шуты, видать, намерены кривляться, / Пока Петух им не велит убраться. – В оригинале упоминаются духи – персонажи масок (см. примеч. к «Увещеванию»). Призраки и духи исчезают с первым криком петуха.

...душа из оболочки брэнной / Возносится... – См. примеч. к «Восторгу».

...за Сферой Сферу пронциая... – См. примеч. к «Метемпсихозу», VII.

Что миновавший день? Он лишь зачин... – Церковные сутки начинаются с вечера.

Как Солнце, милостью дарит она, / А он сияет, как Луна... – Птолемей считал Луну влажным женским началом, а Солнце – сухим мужским (*Птолемей*. Четверокнижие, I, 6). Соединение Солнца и Луны возможно только при затмении, которое Донн осмысляет как мистический союз, позволивший обменяться качествами. В английском языке Луна – женского рода, а Солнце – мужского; в немецком (родном языке Фридриха) – наоборот.

Голубка – В оригинале – горлицы и воробьи. Горлицы считались моногамными птицами, а воробьи неутомимыми в любви (см. примеч. к «Метемпсихозу», XX).

...Жить предвкушеньем утреннего чуда... – С целью безопасности, информирования и услужения особо приближенные придворные присутствовали в опочивальне новобрачных и монархов, что было обычной практикой XVII в.

ЭПИТАЛАМА ПО СЛУЧАЮ БРАКОСОЧЕТАНИЯ ГРАФА СОМЕРСЕТА

AN EPITHALAMION ON THE OCCASION OF THE MARRIAGE OF THE EARL OF SOMERSET AND THE COUNTESS OF ESSEX

Роберт Керр (1585/6?–1645), с 1611 г. – виконт Рочестер, с 1613 г. – граф Сомерсет – государственный деятель, королевский фаворит. *Фрэнсес Ховард* (1590–1632) – в первом замужестве графиня Эссекс, добилась развода с первым мужем Робертом Девере. К скандалу вокруг развода присоединилось заключение в Тауэр секретаря графа Сомерсета сэра Томаса Овербери, где он был отравлен.

Известен интерес Донна к процессу об аннулировании брака леди Эссекс. Судя по сохранившимся письмам, поэт мог оказывать юридические услуги Сомерсету.

Эпиталаму обрамляет эклога, которая ей служит прологом и эпилогом. *Эклога* (греч. «отбор») – жанр пасторальной поэзии, представляющий собой стихотворный диалог пастухов/сельских жителей. Цикл эклог Вергилия известен под названием «Буколики». В ренессансной поэзии эклоги писали П. Ронсар, К. Маро, Я. Саннадзаро, Э. Спенсер.

ЭКЛОГА

ECLOGUE

Аллофан (Allophanes) (от греч. «allos» – другой и «phaino») – показывать, обнаруживать или «рhoneo» – звучать. Возможно, за именем скрывается полный тезка жениха, друг Донна, сэр Роберт Керр.

Идий (Idios) (греч. «частный», «особенный»). Вероятно, маска самого Донна.

...свет, что осветил / Наш мир до появления светил... – Быт. 1:3.

...С высот свои владенья озаряет... – Римские императоры отождествляли себя с Солнцем. Средневековые императоры пытались возродить это сравнение, но папа Иннокентий III создал «теорию двух светил»: Солнце – папа, а Луна – император или король. Это соотношение светской и духовной властей было пересмотрено протестантами, и английские короли возглавили англиканскую церковь. У Донна королевская власть – это предвечная движущая энергия, перводвигатель (см. примеч. к «Разнообразию»), свет мудрости и тепло милости; придворные – это звезды. Астроном И. Кеплер (1571–1630), формулируя в «Гармонии мира» принцип симпатии-притяжения (гравитации), объяснял взаимодействие между планетами и Солнцем, используя социально-политические термины власти и служения.

...Всяк смертный – образ мира... – См. примеч. к «Сапфо к Филене».

...сердца / Людские – точно Книги Мирозданья... – В Средние века появляется образ двух книг, где запечатлена мудрость Творца: Священное Писание и Книга Природы. Средневековый философ Гуго Сен-Викторский (1096?–1141) считал, что

весь видимый мир – книга, написанная Богом, и человек может прочесть ее духовным зрением (*Гуго Сен-Викторский*. Дидаскалион).

Ведь это уголки одной души. – Аллюзия на теорию государства как политического тела, одушевляемого волей монарха (см. примеч. к «Сатире I»).

Амбра – воскоподобное вещество в пищевом тракте кашалота, в парфюмерии используется для придания стойкости запаху духов.

...сделаться б могли (<...> оком огненным позолотило... – Представление о том, что Солнце способно передать руде свои качества, лежало в основе алхимических попыток превратить ее в золото путем термического воздействия в тигеле.

...чтоб стать мудрей, необходим / Владыки взор... – См.: 3 Цар. 4: 29–34; 10: 8–9, 23–24.

ЭПИТАЛАМА

ΕΠΙΘΑΛΑΜΙΟΝ

...Открыв проход нам Северо-Восточный... – Морские торговые пути в Азию контролировались испанцами через Магелланов пролив и португальцами через Мыс Доброй Надежды. Англичане и голландцы пытались найти более короткую дорогу в Индию и Китай через северные моря: Северо-Западный и Северо-Восточный проход (Х. Уиллоуби, 1554, С. Берроу, 1556–1557, В. Баренц, 1594).

...Как девушка, жених собой пригож... – Иаков при первом знакомстве в 1607 г. был поражен красотой юного Роберта Керра, с чего и началось его возвышение.

...как рано встал ты в день счастливый... – Пробуждение жениха – мотив, не характерный для эпиталам. Донн подчеркивает абсолютное равенство новобрачных.

Фазтон (греч. «излучающий») – сын бога солнца Гелиоса, управляя повозкой отца, не смог удержать огнедышащих коней на обычной дороге солнца и опалил землю (*Овидий*. *Метаморфозы*, II, 1–339).

...Спрячь их опасный жар под нежной пудрой! – Пудра красного и желтого цвета использовалась для придания блеска светлым волосам.

Как солнце, чтоб не ранить нам очей, / Туманит влагой... – Аллюзия на христианский символ солнца, отраженного в воде, как созерцания Бога в его творении (*Василий Великий*. О крещении и благодати, XIV, 33). Ср.: БК, Рай, XXVI, 106–108, XXX, 85–90; *Эбрео Л.* Диалоги о любви, I, 3 (ЭР. Т. I. С. 23).

...Но твердь, что держит их, милей... – Считалось, что сферы состоят из прозрачного хрустального эфира.

Так кипарис... – В оригинале – «сiрres» – плательная прозрачная жесткая шелковая ткань «органза», из которой делали вуали.

Воинствующей Церкви... – Земная часть мистического тела Церкви, составляющая целое с небесной Церковью Торжествующей.

Благословение – Англиканская церковь лишила брак статуса таинства (см.: «39 статей», XV).

О лебедей... – В алхимии – символ гермафродитизма, соединения противоположных стихий: огня и воды. Считался моногамной птицей и был атрибутом свадебных столов. См. также примеч. к «Метемпсихозу», XXIV.

...*Прожить и не запеть*... – Вопреки мнению Плиния, в бестиариях утверждалось, что перед смертью лебедь поет прекрасную песню.

...*род монарший*... – Речь идет о потомках Иакова I (1566–1625), первого короля из династии Стюартов.

...*Подпрыгнув, доказать вам на примере / Вращение Земли*... – Противники теории вращения Земли утверждали, что в таком случае подпрыгнувший должен был приземлиться в другой точке.

...*лучший пир готовишь для него ты*... – См. примеч. к «Амуру-ростовщику».

...*Дрожащею и размягченной*... – В оригинале – «star jellie». Считалось, что при падении на землю метеор превращается в желеобразное вещество; так могли называть студенистые грибки семейства Tremellales.

Туллия (79/78–45 гг. до н.э.) – единственная дочь Марка Туллия Цицерона, была три раза замужем, умерла при родах. В первой половине XVI в. была обнаружена ее гробница, где, по легенде, нашли горящую масляную лампу, которая сразу погасла из-за притока воздуха.

...*Сожгу ее, чтоб жертве быть полнее*. – В античности в жертву приносили либо нечто ценное (ладан, лавр и др. благовония), либо часть от плодов деятельности (урожай, животные и т.п.).

ЭПИГРАММЫ

Шестнадцать эпиграмм Донна были опубликованы в издании 1633 г., остальные четыре были добавлены позже. Предполагаемая датировка – между 1596 и 1602 гг.

ГЕРО И ЛЕАНДР

HERO AND LEANDER

См. примеч. к «Пути любви». Суть эпиграммы состоит в утверждении, что смерти нет, а есть только разложение на четыре первоэлемента (вода, огонь, воздух, земля) и их дальнейшее перераспределение. В эпиграмме эти элементы служат причиной их гибели, благодаря чему каждый из элементов, составляющих Геро, соединяется с подобным элементом Леандра.

ПИРАМ И ТИСБА

PYRAMUS AND THISBE

Сюжет заимствован из Овидия (Метаморфозы, IV, 55–166).

НИОБЕЯ

NIOBE

Ниобейя – жена фиванского царя Амфиона, хвасталась своими детьми перед титанидой Лето/Латоной. В наказание за это святотатство дети Лето, Аполлон и Артемиды, поразили всех детей Ниобеи. Ниобейя на вершине горы Сипил была превращена Зевсом в скалу, источающую слезы. Эпиграмма доводит сюжет до логического конца: Ниобейя высохла от слез.

ГОРЯЩИЙ КОРАБЛЬ

A BURNT SHIP

Неизвестно, создана ли эта эпиграмма под влиянием личного опыта. А. Нестеров в работе «Алхимическое богословие Джона Донна» пишет, что в основе эпиграммы – алхимические коннотации этапов очищения (*Донн Д. По ком звонит колокол. С. 361–364*).

РУХНУВШАЯ СТЕНА

FALL OF THE WALL

В 1589 г. экспедиция Дрейка–Норриса (19 тыс. солдат, 130 кораблей – «Английская армада») была направлена в Португалию для военной поддержки претенденту на португальский престол Дому Антонию. Был захвачен город Ла-Корунья на северо-востоке Испании, где, согласно сохранившимся документам, погиб под рухнувшей стеной английский капитан Сайденхем. Экспедиция окончилась неудачей.

По легенде, Геракл (Геркулес) в окрестностях города убил великана Гериона и похоронил его голову в холме, на котором в римскую эпоху был построен маяк. На гербе города изображена башня маяка с погребенными под нею костями.

СЭР ДЖОН УИНГФИЛД

SIR JOHN WINGFIELD

В 1596 г. экспедиция Хоурда–Рэли–Эссекса была отправлена на захват Кадиса (порт на юго-западе Испании). В качестве «джентльмена-добровольца» в ней принимал участие Дж. Донн. 29 июня 1596 г. город был взят, при штурме погиб сэр Джон Уингфилд, контр-адмирал, командовавший авангардом английского десанта.

Геркулесовы Столпы – два скалистых мыса на противоположных берегах Гибралтарского пролива, в античности считались краем обитаемой земли. Название связано с путешествием Геракла за быками Гериона (см. примеч. к «Рухнувшей стене»).

Наш граф... – Роберт Девере, 2-й граф Эссекс, воздвигший памятник Уингфилду.

КАДИС И ГВИАНА

CALES AND GUIANA

Возможно, адресат – У. Рэли (государственный деятель, придворный Елизаветы I). В эпиграмме сопоставлены два события 1596 г.: взятие Кадиса и публикация книги У. Рэли «Описание могучей империи Гвиана» (см. примеч. к «Сатире IV»). Кадис считался крайней юго-западной точкой Европы.

ХРОМОЙ ПОПРОШАЙКА

A LAME BEGGER

Слегка измененный текст эпиграммы приводится в дневнике юриста Дж. Маннингэма (около 1575–1622) от 31 марта 1603 г. Английские глаголы «лежать» и «лгать» – омонимы (lie).

РАСПУТНИК

A LICENTIOUS PERSON

Сопоставление количества грехов и волос – возможная аллюзия на последствия сифилиса. См. также: Пс. 39:13.

АНТИКВАР

ANTIQUARY

Антиквар – традиционная мишень эпиграмм со времен Марциала (Эпиграммы. VIII, 6).

ПРАВДИВАЯ ЛОЖЬ

THE LIAR

Навуходоносор – царь Вавилона, был наказан Господом за гордость и тщеславие (Дан. 4:30).

«ГАЛЛО-БЕЛЬГИЙСКИЙ МЕРКУРИЙ»

«MERCURIUS GALLO-BELGICUS»

«Галло-бельгийский Меркурий» – См. примеч. к «На “непотребства”...».

Как те рабы, Эзоповы друзья... – Эзоп – греческий баснописец, раб (VI в. до н.э.). Когда Эзопа продавали на рынке, стоящие рядом с ним рабы на вопрос покупателя, что они умеют делать, ответили: «Всё», – а он сказал: «Ничего, поскольку эти двое уже умеют всё» (анонимная «Жизнь Эзопа», 20–25).

Меркурий ты и Грек одновременно... – Меркурий (Гермес) – вестник богов, бог сновидений, покровитель странников, купцов, воров, школ. Греки славились хитростью и красноречивостью.

ПОРТРЕТ ФРИНЫ

PHRYNE

Фрина – под этим прозвищем известна знаменитая античная гетера Мнесарета (IV в. до н.э.), впоследствии прозвище стало нарицательным для гетер.

РАДЕРИЮ

RADERUS

Радерий – Матеус Радер (1561–1634), немецкий ученый, иезуит, который в 1602 г. опубликовал эпиграммы Марциала, «очищенные» им от непристойностей. Поэт считает, что Радерий решил сам воспользоваться краденными скабрзностями.

Екатерина – Точная идентификация невозможна. А. Гросарт (1827–1899), шотландский священник и издатель, в 1872 г. выпустивший сочинения Дж. Донна, считал, что речь идет о Екатерине Медичи. Возможно, это одна из трех жен Генриха VIII, который закрыл бордели в Саутворке.

САТИРЫ

Все сатиры были опубликованы в 1633 г. Датировка (1593–1597) носит предположительный характер. Критерии датировки: обозначение даты в рукописи, либо события, описанные в тексте. В оригинале сатиры не имеют названий.

САТИРА I

SATYRE I

У. Милгейт датирует сатиру 1593–1594 гг. Мотив прогулки с очень болтливым и назойливым компаньоном встречается у Горация (Сатиры, I, 9). Друг поэта, Э. Гилпин, имитировал первую сатиру в цикле сатир «Тень истины» (Skialetheia) (1593–1598).

Ступай, бездельник: я тебя не звал! – В оригинале – «humorist», человек, у которого, по Гиппократу, нарушен гуморальный баланс (см. примеч. «С добрым утром»). Ему противопоставляется руководствующий разумом сатирик-повествователь. Существует спорная точка зрения, что оба персонажа – это персонификации двух типов познания (активного и созерцательного).

В каморке этой узкой, как пенал... – Сатира могла быть написана Донном во время учебы в Линкольнз-Инн. Комнаты для проживания студентов были поделены тонкой перегородкой на две секции, каждая состояла из кабинета и спальни. Соседом Донна и его близким другом был Кристофер Брук (см. примеч. к «Мистеру К(ристоферу) Б(руку)»).

...друг природы, Философ... – т.е. Аристотель.

...Мистического тела Государства... – Теория об обществе как организме существовала в Египте, Греции (Платон, Аристотель), Риме (Цицерон, Сенека). В Средние века социобиологическая концепция соединилась с доктриной Церкви как мистического тела Господня (Фома Аквинский). Теоретики политической науки XV–XVI вв. часто употребляли это словосочетание. Юрист сэра Дж. Фортеस्कью в книге «De laudibus legum Angliae» («О достославных законах Англии») (1470) писал, что политическое тело Англии – это мистическое тело, и его связывают нервы (законы) и кровь (дух общества).

...Поэт, земель волшебных пилигрим. – Возможно, порядок расположения книг соответствует четырем способностям души: интеллект (богословие), разум (философия), воображение (поэзия), память (история).

...Из жалованья выбывших солдат... – Офицеры часто присваивали себе жалование умерших солдат, не сообщая об их гибели.

О пуританин в области манер... – В оригинале – оксюморон, построенный на том, что пуритане осуждали жесткость католического религиозного церемониала, но в то же время сами строго придерживались правил, установленных в своей общине.

...Когда по платью ближнего встречаешь... – Мода – любимая тема пуританских инвектив против развращенности общества. Донн иронично подчеркивает пристрастность и крайности в оценках как сторонников, так и противников вычурности в одежде.

...вдовья часть... – В оригинале – «jointure» – юридический термин, означающий совместную земельную или другую недвижимую собственность мужа и жены, закрепленную контрактом до заключения брака в обмен на приданое. После смерти мужа жена немедленно вступала в права собственности на вдовью часть и получала прибыль на протяжении всей жизни.

...*Нагую честность...* – В оригинале – «нагая добродетель» («naked virtue»), образ, популярный у античных моралистов.

Мы в мир приходим и уходим голы. – См.: Быт. 2:25; Иов 1:21.

Не скинув плоти плащ, душе никак / Блаженства не вкусить... – См. примеч. «На раздевание возлюбленной».

...*Довольствовался шкурою звериной.* – Быт. 3:21.

...*пряжку / На шляпе...* – В оригинале – «черное перо» – роскошное украшение, популярное среди модников.

...*какому франту / Дано увлечь йоркширскую инфанту...* – В оригинале – «The Infanta of London, Heire to an India». Инфанта – титул принцессы, дочери испанского короля. В переносном смысле в елизаветинской Англии так называли наследницу большого состояния, которое иронически сравнивали с Индией.

...*звездочет / Предскажет вам на следующий год...* – В Европе XVI в. самым популярным чтением были «альманахи» (календари на год). Они содержали астрономические таблицы, сведения о затмениях, приливах и отливах, а впоследствии – аграрные советы и астрологические прогнозы, неточность и расплывчатость последних часто была предметом насмешек.

...*Спешит к стене притиснуться скорей...* – Узкие улицы елизаветинского Лондона были опасными для пешехода. Идти вплотную к стене дома было более безопасно и потому более почетно.

...*Слон/Иль Обезьяна...* – В балаганах дрессированные животные, услышав имена политических противников или союзников Англии, демонстрировали почтение или агрессию. Б. Джонсон в «Варфоломеевской ярмарке» упоминает о лошади по кличке Марокко и обезьяне. Дрессировка слона основывалась на античном представлении о том, что перед истинным монархом слон падает на колени (ЕИ, VIII, 1).

...*Заядлый табакур встречает нарком...* – Согласно Оксфордскому словарю, это третье по хронологии упоминание о «питии» табака в Англии.

«Он был бы и в комедии хорош. – Игра слов: можно избрать щеголя прототипом для комедийной роли и можно продать в театр его вычурную одежду (см. примеч. к «Сатире IV»).

...*В Италии манер он понабрался, / В самом Париже ...* – Елизаветинская мода отличалась эклектизмом (присутствовали элементы французского, итальянского, испанского и т.д. костюма), что приводило в шок истинных знатоков и ценителей стиля.

...«*И что же он в Париже подцепил?*»... – В оригинале упоминается сифилис (*рох*) – «французская» болезнь. См. примеч. к «Метемпсихозу», XXI.

САТИРА II

SATYRE II

Возможно, сатира создана не ранее 1594 г., так как в этом году появился анонимный сборник сонетов «Зефирия», где использовалась юридическая лексика в любовном контексте. Вторую сатиру в XVIII в. переложил А. Поуп, заменив некоторые реалии XVI в. на современные ему.

Не стихоплетство, – хоть сия досада... – Ф. Сидни («Защита поэзии», 1583) и С. Госсон («Школа ошибок», 1579) вели полемику о порочности поэзии. В трактате

последнего утверждается, что поэты, музыканты и актеры приносят нам «лень, сон, грех и смерть без покаяния...».

...Страшной испанских шпак... – В 1580–1590-е гг. испанское вторжение было реальной угрозой для Англии, даже после разгрома «Непобедимой Армады» 1588 г.

...Внезапней, чем зараза... – В оригинале предлагается лечить от поэтического дара голодом, это средство рекомендовали врачи от инфекционных болезней.

...«виселичного псалма»... – Приговоренные к смертной казни (кроме обвиненных в измене и рецидивистов) могли рассчитывать на смягчение наказания, доказав, что умеют читать. Обычно для проверки использовали 51-й псалом. Возможно, намек на Б. Джонсона, который в 1598 г. был приговорен к смерти за убийство актера на дуэли. Приговор не был приведен в исполнение.

...так дышит / Органчик дряхлый с куклами на крыше. – Органы с фигурами на крышке, движущимися и «поющими» под напором воздуха, нагнетаемого мехами, были распространены в XVI в. в Европе. Можно было встретить как компактные переносные, так и церковные стационарные инструменты с подобными украшениями.

Другой на штурм сердец стихи ведет... – Пародия на использование военной терминологии в любовной поэзии.

...Точнее попадают в цель пистолы! – Двойная игра смыслов, с одной стороны, речь о жалобах на то, что с изобретением огнестрельного оружия рыцарские ритуалы ведения боя ушли в прошлое. С другой стороны, война Венеры и даже война Марса выигрываются при помощи денег. См. примеч. к «Браслету».

...Что превзошли божбою литургию... – В оригинале – «outweare the Letanie». См. примеч. к «Литании». Шутка связана с букввальным пониманием ветхозаветного запрета на произнесение всуе имени Бога (Исх. 20:7).

...пьянством – океан. – Океан вбирает в себя воду всех рек и морей.

...В аду не хватит особливых залов... – Католики систематизировали грехи по степени тяжести и наказанию. Данте в «Божественной комедии» круги ада разделил на подуровни.

Коский (Coscus) – условное латинское имя, прием, характерный для римской сатиры. Само имя «Coscus» в сохранившихся античных текстах встречается крайне редко. Например, в форме косвенного падежа «Cosconi» у Марциала (Эпиграммы, II, 77; III, 69). В обеих эпиграммах речь идет о бездарном поэте.

...Студента превратила в адвоката... – В оригинале метафора построена на слове «plod on» (надрывать на тяжелой работе, корпеть). «Plodder» – прозвище студентов-юристов. Монотонное изучение юристом законов, комментариев к ним и прецедентов сравнивается с тяжелым физическим трудом.

...Став крючкомтвором... – В оригинале – «barrister» – юрист, имеющий право выступать на судебном процессе.

...Законно подтвердить мои права... – Комментаторы отмечают, что в этом фрагменте Донн точно использует юридическую терминологию из области имущественного права. Коский наделяет женщину атрибутами собственности, и она оказывается объектом разбирательства по делу о преимущественных правах на земельный участок. Она одновременно является субъектом, к которому герой апеллирует (т.е. судьей), и ответчиком в воображаемом деле.

...Над монастырской сломленной стеной! – При Генрихе VIII в 1536–1541 гг. произошла конфискация собственности монастырей и их ликвидация. Некоторые монастырские владения были проданы, в том числе на слом. Невостребованные монастырские строения пришли в ветхость.

...к барьеру напролом... – Ограждение, у которого располагаются места юристов в суде.

Нет столько в королевской родословной / Ублюдков... – Имеются в виду незаконнорожденные дети. Некоторые королевские династии бы основаны ими (например, Вильгельмом Завоевателем, герцогом Нормандским и королем Англии).

...Содомских пятен... – Распространенный аргумент протестантов против обета безбрачия католических священников. В оригинале упоминается и симония – продажа церковных должностей.

Добавил Славу с Силой в Отче наш. – В переводе Библии св. Иеронимом (Вульгата) в молитве «Отче наш» отсутствовала фраза, в синодальном переводе звучащая: «...Ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь» (Мф. 6:13). На основании древнегреческих евангельских текстов Эразм Роттердамский ввел эти слова в свой латинский перевод Евангелия, а вслед за ним и Мартин Лютер, переводя Библию на немецкий язык. В «Библиотеке придворного», пародийном каталоге несуществующих книг, приписываемом Донну, упоминается сочинение Лютера «О сокращенных Божественных именах». Мартин Лютер (1483–1546) – глава Реформации в Германии, отверг авторитет папских декретов и посланий и потребовал восстановления авторитета Священного Писания. Не признавал превосходства «священнической» власти над «царской».

... как бы по оплошке пропускает / Наследников... – Намеренно опускаются слова «и его наследники» в тексте документа, подтверждающего права собственности, для того чтобы наследникам пришлось его заново подтвердить и еще раз оплачивать юридические услуги.

Гекатомба – в Древней Греции жертвоприношение сотни быков.

...Всё – в меру. – Классический принцип античной этики, связанный с идеей гармонии.

Дела благие... – Спор протестантов и католиков об оправдании был связан с интерпретацией соответствующих мест Священного Писания (Рим. 3:28, Иак. 2:17–24). Обе стороны признавали, что греховность человеческой природы – источник деяний человека. Согласно Лютеру (1530), человек не может заслужить благодать добрыми делами и собственными усилиями, но только верой в Христа, который сообщает верующим в Него Свою праведность. Поэтому добрые дела являются лишь плодами и знаками уже полученного оправдания. Католические богословы настаивали, что полученная при крещении благодать может сохраняться и возрастать через добрые дела (Тридентский собор 1547 г., Декрет об оправдании, канон 24). Англиканский канон (1571), вслед за лютеранским, называет доктрину об оправдании верой «более полезной и утешительной» («39 статей», 11).

...под Указ. – В оригинале – «statute laws» – «право, выраженное в законе», «писанный закон».

САТИРА III

SATYRE III

Точная датировка невозможна. Сатира посвящена несовершенству Земной церкви, далекой от Небесной церкви.

После буллы папы Пия V, отлучившей Елизавету I, английские католики обязательно должны были давать присягу на верность королеве (см. примеч. к «Жизнеописанию...» И. Уолтона). Отказавшиеся лишались возможности сделать карьеру.

Дата обращения Донна в англиканство неизвестна. Биографы сходятся во мнении, что, скорее всего, обращение произошло к 1596 г., до участия в рейде на испанский город Кадис, или к 1597 г., когда Донн поступил на службу секретарем лорда-хранителя печати Томаса Эджертона.

Печаль и жалость мне мешают злиться, / Слезам презренье не дает излиться... – Две традиционные жанровые реакции на пороки – элегический плач и сатирическое презрение – переосмысляются Донном как взаимоисключающие. Рациональность, а не эмоциональность должна руководить человеком при выборе религии.

...и смех... – По медицинским представлениям, смех, как и меланхолия, были связаны с функционированием селезенки, так как она производила черную желчь.

...Чем добродетель, коей человек / Был предан в тот, непросвещенный, век? – Проблема спасения добродетельных язычников была актуальна для католической теологии. Так, Данте помещает в преддверие ада Пифагора, Платона, Аристотеля, Вергилия, Ювенала, а Катона – в Чистилище. Моральная философия гуманистов перестала жестко детерминировать добродетель конфессиональной принадлежностью.

...Философов незрячих, но спасенных... – Полемика с католической традицией. Донн считает спасенными добродетельных философов, несмотря на то что они не были озарены светом Откровения, отсюда эпитет «незрячий». Их праведная жизнь приравнивается к вере.

...Тот мужествен, в ком страх такого рода. – 1 Пет. 1:17.

А ты, скажи, рискнешь ли новобранцем... – Антитеза противопоставляет деяния ради собственной выгоды и деяния ради спасения души. Эта идея близка мыслям из «Оружия христианского воина» Эразма Роттердамского (*Эразм Роттердамский*. Философские произведения. М., 1986. С. 93).

...Отправиться к бунтующим голландцам? – См. примеч. к «Любовной войне».

Иль в деревянных склепах кораблей... – Распространенный образ в произведениях Донна («Шторм», «Любовная война»).

Нырять в пучины... – Аллюзия на путешествие пророка Ионы (Ион. 1–2).

...Полярные пространства растопить? – См. примеч. к «Эпиталаме... графа Сомерсета».

Саламандра – Плиний (ЕИ, X, 67) утверждал, что саламандра, будучи холодной, как лед, способна тушить огонь. В Средние века считалось, что она способна жить в огне (Парацельс). Возможно, это представление связано с тем, что саламандры любят зимовать под гнилой древесиной или в стволах гнилых деревьев. Когда дрова с ними кидали в печь, земноводные через некоторое время выползали из огня.

...костров испанских... – Возможно, речь идет о кострах испанской инквизиции.

...Ни жара побережий африканских... – Экваториальная климатическая зона, где, по представлениям, идущим еще от Аристотеля (Метеорология, II, 5,362а), климат настолько жаркий, что непригоден для жизни.

...словно перегонный куб? – Alembic – прибор для дистилляции, состоящий из двух реторт. В первой происходит нагревание и испарение вещества, во второй – его конденсация. У Донна в качестве конденсата – душа, выпаренная из тела.

...присягу часового... – Духовные возможности человека сравниваются с доспехами и оружием. Христианин – это воин, непрерывно борющийся с пороками и искушениями (см., например: Ис. 59:17; Еф. 6:10–17; 1 Фес. 59:17).

...А хитрый Дьявол <...> плоть (в которой смерть таится)... – Речь идет о трех основных врагах христианина: Дьяволе, Мире и Плоти. Ср. у Эразма Роттердамского: «Дьявол преграждает нам путь наверх, Мир обступает снаружи, а Плоть нападает на нас изнутри» (*Эразм Роттердамский*. Оружие христианского воина. С. 90).

Найти старайся истинную веру. – Донн неоднократно писал в стихотворениях и письмах, что возможность спасения может дать любая христианская конфессия. Галерея последующих образов иллюстрирует крайности в поисках веры, что одинаково лишает возможности ее найти.

Миррей – имя образовано от слова «мирра». Подчеркивается любовь католиков к внешним атрибутам религии (ритуальной театральности) и слепое следование авторитету Рима.

Кранц – В рукописях существуют разночтения имени. Оно обозначает кальвиниста, проповедующего максимальное упрощение церковных ритуалов.

Женева – В XVI в. город являлся центром протестантизма. С 1541 по 1564 г. женевскую консисторию возглавлял Ж. Кальвин.

Грей – Существует точка зрения, что здесь имеются в виду исповедующие православие. Однако все упомянутые аллегорические образы относятся к англичанам, которые выбирают между существующими христианскими конфессиями. Донн применительно к ним употребляет слово «here» – «здесь», в Англии. Следовательно, Грей – сторонник англиканства.

...Внушали сводни наглые... – англиканские проповедники.

...Не женишься – заплатишь отступного... – По елизаветинскому закону, опекун имел право заключить договор о будущем браке подопечного. Если последний отказывался соблюдать условия, то был обязан заплатить опекуну штраф, компенсирующий его расходы. Донн прослеживает аналогию: штрафы существовали и для уклоняющихся от посещения англиканской церкви.

Фригий – Точный смысл имени неясен. Возможно несколько прочтений: 1) метафорически переосмыслиется ношение фригийского колпака освобожденными рабами; 2) подчеркивается связь с традицией вольнодумства, ведущего свое начало от Лукиана Самосатского (120–190), родившегося в Малой Азии близ древней Фригии. Осмеивал и пародировал все религии, в том числе и раннее христианство, как суеверия.

Любвеобильный Гракх... – Тиберий и Гай Гракхи – римские народные трибуны 133 и 123–121 гг. до н.э., пытались провести популистские реформы. Неясно, почему поэт апеллировал к этому имени. Гракх в сатире Донна считает, что каждая религия достойна поклонения.

Сын у отца спроси, отец – у деда... – Втор. 32:7, Иов 8:8.

...Почти близняшки – истина и ложь... – Ср.: Эзоп. Басни, 530; см. также: Тертуллиан. Adv. Praxeam (Против Праксея), II.

...Отвергнуть идолов иль поклоняться? – В оригинале – аллюзия на полемику между протестантами и католиками об использовании живописных образов в религиозных целях. Демонстративное поругание святых радикальные протестанты рассматривали как декларацию своей веры. В «39 статьях» (ст. 22) говорится, что почитание мощей и икон не подтверждено авторитетом Священного Писания и «оскорбительно для Слова Божия» как разновидность идолопоклонства.

Пик Истины высок неимоверно... – Образ добродетели, стоящей на высоком холме, появляется еще у Гесиода в «Трудах и днях»: «Но добродетель от нас отделили бессмертные боги / Тягостным потом: крута, высока и длинна к ней дорога, / И трудновата вначале. Но если достигнешь вершины, / Легкой и ровною станет дорога, тяжелая прежде» (286–289). Аллегория стала популярной уже в античности (Ксенофан Колофонский, Лукреций), пользовалась успехом у средневековых и ренессансных авторов (БК, Ад, I; Петрарка Ф. Моя тайна) и попала в книги эмблем (см. примеч. к «Прощанию, запрещающему печаль»). Так, Ф. Бэкон, перефразируя Лукреция, пишет, что стоять на холме правды и смотреть на покрытую туманом долину – высшее счастье (эссе «О правде»).

Спеши, доколе день... – Ин. 9:4.

Слепит глаза загадок средоточье, / Хоть каждый их, как солнце, зрит воочью. – Физика и метафизика света – излюбленная тема Донна. Ср.: «Но если поднаться над всяким светом, то придется войти в нечто такое, что лишено всякого видимого света и есть поэтому для глаза как бы мрак (...) окутывает зрение из-за чрезвычайности солнечного света, и зрению становится тем яснее, что во мраке сияет невидимый свет» (Николай Кузанский. Сочинения: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 45).

Бог не дал людям хартии такой... – Во время проскрипций 86 г. до н.э. утверждали, что римский диктатор Сулла разрешил своим приверженцам вписывать имена их личных врагов в уже подписанные им списки приговоренных к казни.

...Быть палачами Рока – с них довольно. – М. Лютер писал, что плохой государь – это палач Божий, но будет хуже, если он захочет стать пастырем.

...этим ли земным / Законом будешь ты в конце судим? – Откр. 20:12.

Филипп – Филипп II (1527–1598) – король Испании (первый использовал этот титул) из династии Габсбургов. Сын и наследник императора Священной Римской империи Карла V. Он преследовал две основные цели: усиление своей власти и борьбу с еретиками. Провел реформу государственного управления. Сам правил империей, в качестве советников избирал духовных правоведов с университетским образованием.

Григорий – папа римский Григорий VII (1073–1085) стремился завершить процесс обновления церкви. В 1074 г. запретил браки духовенства (целибат). Узаконил доктрину непогрешимости папы римского как преемника апостола Петра. Старался подчинить Риму епископов и светскую власть.

Мартин – См. примеч. к «Сатире II».

Гарри – король Генрих VIII (1491–1547), которого папа римский Климент VII 23 марта 1534 г. отлучил от церкви. 3 ноября 1534 г. Генрих становится главой англиканской церкви. В Англии был принят ряд статутов об отмене налоговых

платежей и судебных апелляций в Рим. Были провозглашены 10 статей веры (1536), в которых контаминируются протестантская и католическая доктрины.

Нет, должно всякой власти знать границы... – Мф. 22:21.

Пред идолами простираясь ниц. – Идолопоклонство и отпадение от Бога – распостраненный библейский сюжет (Лев. 26:30; 4 Цар. 17:16; 2 Пар. 15:7).

САТИРА IV

SATYRE IV

Упоминание Гвианы указывает на 1595 г. как самую раннюю дату создания сатиры, однако более вероятная дата – 1597 г., когда Донн, возможно, впервые был представлен ко двору перед или сразу после экспедиции к Азорским островам в июле того же года. Эту сатиру переложил А. Поуп.

Сатира частично имитирует Горация (Сатиры, I, 9), что отмечали еще современники Донна. Горацианского надоедливового собеседника Донн превращает в сложную фигуру, сочетающую черты нескольких традиционных персонажей сатир и комедий – жеманного путешественника, доносчика, «политика», чье искусство заключалось в собирании придворных сплетен.

...В таком чистилище я побывал сегодня... – См. выше примечание к «Отречению».

...Не то чтоб я хотел покрасоваться... – Овидий. Наука любви, I, 99.

...попав / На мессу, заплатил в сто марок штраф... – Согласно «Акту о религии» 1580 г., за посещение католического богослужения налагался штраф в 100 марок (около 66 фунтов) и год тюрьмы.

...В Ковчеге зверя не было страннее... – Быт. 7:8, 9.

...Не същещь ни в Гвиане, ни в Гвинее... – В оригинале – «stranger... than Africks monsters, Guianaes rarities». Уже римляне считали Африку источником чудес природы: «Ex Africa semper aliquid novi» (Из Африки всегда появляется что-то новое) (ЕИ, VIII, 17). По Плинию, из-за сильной африканской жары животные устремлялись на водопой к немногочисленным рекам, из-за чего увеличивалось межвидовое спаривание и рождались монстры. Гвиана стала известна после плавания Уолтера Рэли в поисках Эльдorado вверх по реке Ориноко в 1595 г. Свои впечатления он описал в книге «Путешествие в огромную, богатую и прекрасную империю Гвиана». В ней, наряду с реальными необычными для европейца чудесами природы (броненосец) упоминаются амазонки и антропофаги.

...как его назвать, / Адам бы затруднился угадать. – Быт. 2:20.

Норманская резня – По приказу короля Этельреда 13 ноября 1012 г. была совершена массовая резня норманнов, проживавших в Англии.

...Когда поднимется мастеровой / На чужаков. – Переселение континентальных торговцев и ремесленников в Англию увеличилось во времена Реформации, что обострило конкуренцию, особенно среди мелких ремесленников и подмастерий.

...«Эй, падре, стой!» – Иезуитам и католическим священникам, получившим образование за границей, был запрещен въезд в Англию под страхом смерти.

Джеркин – куртка с воротником, часто без рукавов, которая одевалась поверх дублета и защищала от холода и грязи. Дублет – верхняя часть одежды из плотной ткани, которую во времена королевы Елизаветы носили мужчины и женщины.

Сурий – Лоренц Зур (в латинизированной форме Лауренций Сурий (1522–1578), немецкий католический историк Церкви, монах-картезианец, автор шеститомного агиографического сочинения «De probatis Sanctorum historiis» («Об истинности Священной истории») (Кельн, 1570–1577), а также ряда антипротестантских памфлетов. Протестанты высмеивали фантастические сюжеты скомпилированных им житий.

Джовий – Паоло Джовио (1483–1552), итальянский гуманист, врач, историк, епископ г. Ночера, автор «Истории своего времени в 15 книгах» (опубликована в 1550 г.). С иронией признавался, что предвзято изображал некоторые современные ему события. В ранних списках сатиры упоминался также протестантский историк Иоганн Слейден (1506–1556), автор ранних сочинений по истории протестантизма.

...Калепайновскому словарю. – Латинский словарь, впервые опубликованный в 1502 г. Его автор – Амброджио Калепино (1440–1510/11), итальянский лексикограф, монах-августинец. На протяжении XVI в. словарь переиздавался 18 раз, постепенно становясь многоязычным (в базельском издании 1590 г. – 11-язычный).

Беза – Теодор де Без (в латинизированной форме Беза) (1519–1605) – протестантский теолог, соратник Кальвина, руководил женевской конгрегацией с 1564 г. до своей смерти. Автор многочисленных полемических и богословских трудов. Особенно известен его перевод Нового Завета с греческого оригинала на латынь (1556), выполненный на основе найденных им текстов древних кодексов. В 1565 г. издал Новый Завет с параллельными греческими и латинскими текстами.

...Да пару наших лучших знатоков... – В маргиналиях одной из рукописей упомянуты «доктор Рейнольдс и доктор Эндрюс». *Джон Рейнольдс* (1549–1607) – профессор греческого языка в Оксфорде, участник перевода «Библии короля Иакова» (книги пророков Ветхого Завета). *Ланселот Эндрюс* (1555–1626) – теолог, ученый, капеллан Елизаветы I, в 1605–1609 гг. – епископ Чичестерский. Стоял у истоков формирования англиканской доктрины. В 1604 г. – участник конференции в Хэмптон-Корте (см. примеч. к «Кресту»). Во время подготовки нового перевода Библии, известного впоследствии как «Библия короля Иакова», или «Авторизованная версия», возглавлял группу переводчиков и комментаторов, работавших над переводом Пятикнижия и Книг Царств, а также осуществлял общую редакцию всего текста Библии.

Апостоль, конечно, / Знали толк в наречьях... – Деян. 2:4.

...Панург болтал на разных языках... – В романе Ф. Рабле Панург поражает Пантагрюэля способностью говорить на многих языках, в том числе на несуществующих (*Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль, II, 9).

Вавилон – Быт. 11: 7,8.

«Но я не так уж одинок один. – Известное высказывание римского государственного деятеля Сципиона Африканского, приводимое Цицероном в книге «Об обязанностях» (III, 1).

...спартаец / От пьянства отвращался видом пьяниц... – Спартацы «заставляли илотов пить несмешанное вино, а потом приводили их на общие трапезы, чтобы показать молодежи, что такое опьянение. Им приказывали петь дрянные песни и танцевать смехотворные танцы, запрещая развлечения, подходящие свободному человеку» (СЖ, Ликург, XXVIII, 4).

...картинок Аретино... – Джулио Романо, ученик Рафаэля, долго ожидая от папы Климента VII оплаты работы над фресками в ватиканском «Зале Константина», нарисовал эротические наброски на стенах. Впоследствии Маркантонио Раймонди сделал с них гравюры, а Пьетро Аретино (1492–1557) сочинил к ним 16 откровенных сонетов («I modi»). См. подробнее: Любовные позиции эпохи Возрождения. СПб., 2002.

...В Вестминстерском аббатстве... – Аббатство Св. Петра в Вестминстере. Традиционное место коронации (с 1066 г.) и захоронения королей Англии (1065–1760).

...Всех наших Эдвардов и наших Гарри... – самые распространенные имена английских королей, ко времени Донна насчитывалось шесть Эдвардов и восемь Генрихов.

...поведав / Такое ⟨...⟩ Кто отравил кого... – Ср.: Ювенал. Сатиры, VI, 403–412.

Холиншед – Рафаэл Холиншед (умер в 1580 г.), автор компилятивных «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии» (опубликованы в 1577 г.). В оригинале упоминаются и другие хронисты: Эдуард Холл (около 1499–1547), юрист и хронист, автор труда «Союз благородных фамилий Ланкастеров и Йорков» (опубликован в 1542 г.), чаще известного как «Хроники». Джон Стоу (1525–1605), антиквар, лекционер и историк, автор популярных, в основном компилятивных, трудов, в том числе «Сумма хроник Англии» (1580) и «Анналы, или Общая хроника Англии от Брута до года 1580» (1580). Наиболее ценная работа Стоу – «Обозрение Лондона» (1598). Всех упомянутых хронистов критиковали за смесь легенд, слухов, исторических событий и бытовых деталей.

...стал владельцем полных прав / На ввоз и вывоз... – При дворе Елизаветы I широко практиковались лицензии, откупы и монополии (см. примеч. к «Рассказу о горожанине и его жене»), которые стали вожаделенной целью многих мечтавших об обогащении дворян. Возможность получить подобные экономические привилегии зависела от близости к монарху, например, монополия графа Эссекса на ввоз вин.

...От Гальских войн... – В оригинале – «deeds that have been since / The Spaniards came», т.е. со времени поражения испанской «Непобедимой Армады» в 1588 г.

...до взятия Амьена. – Город в северо-восточной Франции, захвачен испанцами 11 марта 1597 г., возвращен французами 25 сентября 1597 г.

...потеею... – Ср.: Гораций. Сатиры, I, 9,10,11.

Хэмптон-Холл – Хэмптон-Корт – королевский дворец рядом с Лондоном. В 1515–1521 гг. был построен приближенным Генриха VIII, кардиналом Томасом Вулси. В 1529 г. был им подарен королю.

Дюнkerцы – жители г. Дюнкерк, находившегося на границе Франции и Бельгии. В XVI в. контроль над городом оспаривали французы, испанцы, англичане. Удобное стратегическое положение Дюнкерка использовали в своих целях пираты.

Как пленники Цирцеи... – Волшебница Цирцея заманивала путников на свой остров, а затем превращала их в свиней (Гомер. Одиссея, X, 203 и далее).

...Акт об измене!.. – Существовало несколько законов, определявших понятие измены. В частности, Акт об измене 1571 г. предусматривал смертную казнь и конфискацию имущества за укрывательство изменников и хулителей королевского достоинства. Недоносительство могло расцениваться как пособничество.

Один другому передал заразу – / И вылечился? – Распространенное тогда суеверие, что от венерических заболеваний можно вылечиться, заразив кого-либо (Шекспир У. Тимон Афинский, IV, 3, 63–64).

...Грехи свои и всех своих отцов... – Скептическая интонация сатиры связана с ответственностью детей за грехи отцов в Библии: Исх. 20:5; Числ. 14:18; Втор. 5:9; Иудифь 7:28. Оправдательная позиция в кн.: Иез. 18:19–20.

Крона – английская монета достоинством пять шиллингов, чеканилась с 1526 г. На монете было изображение короны.

Джига – народный танец с характерным быстрым ритмом и резкими телодвижениями.

...кто Ад узрел... – Аллюзия на загробное путешествие Данте.

Садик восковой... – Популярное развлечение лондонцев конца XVI – начала XVII в.: восковая модель сада с деревьями, плодами и цветами, привезенная из Италии.

Итак, одиннадцатый час; пора! – В «Характерах» (опубликованы в 1614 г.) Т. Овербери, английского придворного, поэта, эссеиста, сказано, что «остроумие просыпается с солнцем, поэтому придворные не встают до десяти утра».

...Конюшней... – Уроки верховой езды были модны среди придворных елизаветинской эпохи. С рассуждения о таких уроках начинается «Защита поэзии» Ф. Сидни.

Теннис – аристократическая игра, известная во Франции с XII в., в XVI–XVII вв. – под названием «королевский теннис» и «придворный теннис», отличается от современной игры более тяжелым мячиком, крытым кортом и длиной ракетки.

Неважно, что назавтра их продать / Актерам отнесут... – Костюмы, в которых играли артисты елизаветинских театров, были не театральными, а настоящими, зачастую очень дорогими придворными нарядами – гордость комедиантов и одна из главных приманок зрителей. Их дарили щедрые меценаты или продавали кавалеры, оказавшиеся в затруднительном положении (примеч. Г.М. Кружкова).

...мир – это сцена... – В трактате «Поликратик» средневековый философ, дипломат и богослов Иоанн Солсберийский (около 1120–1180) приписывает римскому писателю Петронию (около 27–66) легендарную фразу: «Totus mundus agit histriopem» (Весь мир лицедействует) (Иоанн Солсберийский. Поликратик, III, 8). Ср. речь о семи возрастах человека: Шекспир У. Как вам это понравится, II, 7.

Кошениль – насекомое (*Dactylopius coccus*), обитающее в пустынях Центральной Америки. Из высушенной кошенили получали краситель ярко-красного или малинового цвета.

Ум в пурпур не рядится... – Красные мантии носили судьи на процессе, по торжественным дням олдермены (старшины городского самоуправления) и доктора университетов. В оригинале аналогия: носящие красные мантии покупают чужие умы для составления за них речей, а женщины покупают косметику, на все это расходуются красители.

В зал приемный, как в Мечеть... – Аллюзия на обязательное ритуальное очищение мусульман перед молитвой.

...Не только смертные грехи прорех... – Пародия на католическую градацию грехов на смертные и «простительные». Первые нарушают божественные заповеди,

совершаются преднамеренно, сознательно и без покаяния приводят в Ад. Вторые – менее тяжелые, непреднамеренные, совершенные по незнанию, их исповедание обязательно и наказание за них – Чистилище.

...выверяет позы / По Дюреру... – В своем трактате «Четыре книги о человеческих пропорциях» (издан в 1528 г.) А. Дюрер (1471–1528) отказался от поисков единого канона человеческого тела, характерных для итальянских теоретиков. Он систематизировал и описал пропорции разного типа фигур. Придворный модник копирует вслед за Дюрером не нормативные пропорции, а отклонения от эталона и способы построения ненормативных человеческих фигур.

«Клянусь Иисусом!» – Аллюзия на католический «Розарий», циклически повторяющийся набор молитв и призываний к Иисусу или Деве Марии.

Но Глорий... – Антитеза, сатирически изображающая две противоположных модели поведения.

...терзая острой шпорой / Полу плаща... – Во дворце запрещалось ношение плаща и шпор, за исключением экстраординарных случаев.

...солдат, / Бичующих Христа на гобеленах... – Известны многочисленные серии средневековых гобеленов с изображением крестных мук Христа, где обычно присутствовал и этот эпизод.

...в соседнем холле / Семь смертных сторожат меня Грехов... – Для Хэмптон-Корта в 1522 г. Томас Вулси приобрел семь фламандских гобеленов с изображением смертных грехов.

...Пуды бифштекса... – «Мясоеды» (beefeaters) – прозвище караула королевских дворцов, в настоящее время – Тауэра. Склонность стражников к чревуоугодию часто вызывала насмешки.

Аскапар – великан ростом 10 м, персонаж из рыцарского романа о сэре Бевисе из Хемптона.

Смиренью Маккавеев подражая... – Парафраз. См.: 2 Макк. 15:38.

...и внесен в Канон. – В «39 статьях» (ст. 6), ссылаясь на Иеронима, перечислены книги Вульгаты, не вошедшие в англиканский канон, в том числе первые две книги Маккавейские.

САТИРА V

SATYRE V

Адресат сатиры – сэр Томас Эджертон (1540–1617), юрист и государственный деятель, в 1596–1603 гг. лорд-хранитель печати, с 1603 г. – лорд-канцлер. Донн служил секретарем Эджертона в 1597–1602 гг. Вероятно, сатира написана в начале 1598 г. и не позднее 1603 г., так как упоминается Елизавета I (умерла весной 1603 г.). По мнению некоторых комментаторов, сатира написана «наспех» или скомпилирована специально к какому-то случаю. В ней повторяются образы, уже использованные Донном в более ранних сатирах, – река как символ власти («Сатира III»), море и ручей («Сатира IV»).

Я смех считаю, муза, неуместным. – Ср. строки 1–3 «Сатиры III».

Творец трактата о придворном честном... – Бальдассаре Кастильоне, граф Новеллата (1478–1529), гуманист и дипломат, автор трактата-диалога «О придвор-

ном» (опубликован в 1529 г.). Описал идеального придворного, гуманистически образованного и всесторонне развитого. С 1529 по 1616 г. трактат выдержал 108 изданий на пяти языках. На английский язык перевел сэр Томас Хоби (1561).

...ишутить не след / Над хворью... – Во второй книге трактата «О придворном» утверждается, что издевательства над нищим или несчастным не будут казаться собеседникам смешными.

...Те ж элементы в каждом есть предмете... – Античные натурфилософы исходили из того, что все в мироздании состоит из пропорциональной смеси исходных первоэлементов. Аристотель ввел понятие первоматерии, которое оказало влияние на алхимию. В оригинале – «If all things bee in all» – аллюзия на герметические теории: в каждом предмете благодаря одухотворяющей первоматерии содержатся все остальные вещества. При высвобождении первоматерии возможно взаимопревращение веществ.

Мир тоже все равно что человек... – Об аналогии мира и «политического тела» см. примеч. к «Сапфо к Филене».

...И власти в нем играют роль утробы... – Интерпретация басни Эзопа о брюхе, известной в изложении Тита Ливия (*Тит Ливий. История Рима от основания города*, II, 32, 8–12). Менений Агриппа рассказывает взбунтовавшемуся против сената плебсу притчу о восстании частей тела против брюха (см.: *Шекспир У. Кориолан*, I, 1 и примеч. к «Сатире I»).

Все люди – прах. – Сотворение людей из глины – общее место мировых космогоний: Быт. 3:19; *Горащий. Оды*, I, 16,13.

...словно труп – червям могильным, / Добычею... – Один из библейских образов смерти: Иов 17:14; Сир. 10:13.

Известно ли монархине о том? – Елизавета I Тюдор, королева Англии в 1558–1603 гг.

...начну выпалывать порок... – В оригинале эти слова относятся к Эджертону.

... И честностью снискал Глорьяны дружбу. – Положение Эджертона при дворе в 1596–1603 гг. было уникальным. Елизавета назначила его на пост лорда-хранителя печати, который незначительно отличался от занимаемого им поста лорда-канцлера. Эджертон остался и в должности начальника судебных архивов (Master of the Rolls), третьем по важности судебном посту в стране. Это давало ему право полного контроля над Канцлерским судом (одна из трех ветвей Верховного суда) и позволило бороться с коррупцией. Честность Эджертона не ставили под сомнение и его враги.

Глориана – имя королевы фей в одноименной поэме Э. Спенсера, олицетворяющей Елизавету I.

Наш век считать железным не резон, / Именоваться ржавым должен он... – Идея человеческой истории как старения, распада и регресса известна с глубокой древности из поэмы Гесиода «Труды и дни», Библии (3 Езд. 6–7) и «Сатир» Ювенала (XIII, 28–31). Образ повторяется в «Первой годовщине».

Быстрой, чем от поклонников своих / Бежала Анджелика... – Анджелика, героиня поэмы Л. Ариосто «Неистовый Роланд», скрывается от своих поклонников Ринальдо, Ферро и Сакрипанта (I, 14–23; II, 2–12).

...С теченьем будет, как пловец, бороться. – Метафора развертывается на буквальном понимании политических теорий происхождения и природы власти.

Власть проистекает от монарха, получившего ее от Бога, поэтому апеллировать, продвигаясь от низших инстанций к высшим, – идти против течения, следовательно, против власти.

Богами судьбы сделались земными... – Пс. 81:6.

...Без «ангелов» нельзя предстать пред ними... – См. примеч. к «Браслету».

...Ведь если б взятки ангельским чинам... – Протестантская ирония над торговлей индульгенциями, поскольку ангельские чины по своей природе не могли воспользоваться деньгами от их продаж.

...фискал, / Назвал посуду утварью церковной... – Поскольку полицейской системы надзора не существовало, то для слежки и обыска нанимали специальных лиц (*pursuivant*). Если находили богослужебную утварь, то она была главной уликой для ареста католических священников, которым было запрещено вести мессу.

...когти у него так длинны... – На острове Застенке обитали Пушистые Коты в судейских мантиях, требовавшие от посетителей взяток (*Рабле Ф.* Гаргантюа и Пантагрюэль, V, 11–15).

...Как Уримом и Туммимом, прикрытый? – В Ветхом Завете ценные артефакты (возможно, драгоценные камни на нагруднике), при помощи которых первосвященники узнавали волю Бога: Исх. 28:30; Лев. 8:8.

...Амана ты затмишь богатством скоро. – Аман (*Аман* или *Hammond* в некоторых списках) – антиквар, не идентифицированный исследователями.

...Как пес, что в воду за своею тенью / Нырнул... – Сюжет известен из басни Эзопа, пересказанной Федром. Собака с куском мяса в зубах переплывала реку, увидела свое отражение, захотела у него отнять мясо и потеряла кусок (*Федр.* Басни, I, 4).

НА «НЕПОТРЕБСТВА» СЭРА ТОМАСА КОРИЭТА

UPON MR THOMAS CORYAT'S CRUDITIES

Стихотворение было опубликовано в 1611 г. в полубурлескных путевых заметках «Coryat's Crudities» Томаса Кориэта (1577–1617). Название их можно перевести как «нелепости», «незрелости», «непереваренности», «экскременты»; «*cruditas*» (*лат.*) – несварение желудка. Полное название звучит так: «Кориэтовы нелепости, поспешно проглоченные во время пятимесячного путешествия по Франции, Савойе, Италии, Ретии, которую обычно называют Страною Серых, Гельвеции, или Швейцарии, отдельным провинциям Верхней Германии и Нидерландам; заново переваренные натошак в Одкомбе, что в Сомерсете, и ныне распространяемые для пользы путешественников из нашего королевства» (пер. Г.М. Кружкова). Книга содержит исторические экскурсии, описание архитектуры, памятников, нравов, курсы обмена валют, цены и т.п. На художественную структуру книги оказал влияние роман Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

Книге предпосланы «панегирические стихи на книгу и ее автора», принадлежащие перу Б. Джонсона, М. Дрейтона, Д. Донна, Дж. Дэвиса, Т. Кэмпiona, Г. Гудьера, Х. Холланда, К. Брука, Дж. Харрингтона и ряда придворных, юристов, политических деятелей. Панегирик Донна был опубликован без заглавия, в собрание сочинений включался с 1649 г., условно входит в раздел сатир.

Томас Кориэт родился в местечке Одкомб, окончил Оксфорд без присуждения ученой степени. С помощью патронажа получил доступ к свите Генри Стюарта, принца Уэльского, и был при нем неофициальным шутком. В 1608 г. предпринял путешествие по Европе и описал его в вышеуказанном труде. Был принят в сообщество поэтов и писателей, встречавшихся в таверне «Русалка», где, вероятно, и познакомился с Дж. Донном. В 1612 г. отправился в путешествие на Восток, умер в Сурате.

Величья ты искал венец – и что же? – В оригинале упоминаются венецианские куртизанки, которым в книге Кориэта посвящено восемь страниц. Он восхваляет их учтивость, любезность, красноречие, красоту, богатство, которые тут же оборачиваются другой стороной: косметикой и умением вытянуть деньги. См.: Coryat's Crudities: Vol. 1–2. Glasgow, 1905. Vol. 1. P. 401–409.

Лагуна – имеется в виду Венецианский залив.

...Ты в Гейдельберге отыскал залив / Столь дивных вин... – В Гейдельберге находился знаменитый винный погреб, где демонстрировалась огромная бочка диаметром 6 м и длиной 9 м. Кориэт приравнивает ее к семи чудесам света. См.: Coryat's Crudities. Vol. 2. P. 217–223.

Коль Смех и Смысл – два основных отличья / Людей (как некто справедливо рек)... – Контаминация двух цитат Аристотеля: 1) «человек – единственное животное, умеющее смеяться» (О частях животных, 673а) и 2) «рассуждение же не присуще никому из животных, [кроме человека]» (Большая этика, 1189а).

Когда, Лунатик... (фр. «lunatique») – подверженный периодическим припадкам безумия (OED, lunatic, 1). Также символ изменчивости под влиянием Луны.

Побольше городов возьми / Из Мюнстера... – Себастьян Мюнстер (1489–1552), немецкий картограф, географ, гебраист. В 1541 г. издал «Всемирную космографию», где были описания стран и городов Европы, Африки и Азии. Книга пользовалась популярностью в Европе на протяжении всего XVI в.

Геснер Конрад фон (1516–1565), известный биолог, автор многочисленных трудов по зоологии и ботанике и «Универсальной библиотеки» (1545), где каталогизированы 15 тыс. книг на греческом, латинском и древнееврейском языках. Кориэт нередко сам ссылается на Мюнстера и Геснера.

«Меркурий» – «Галло-бельгийский Меркурий» – одно из первых новостных периодических изданий в Северной Европе (Кельн). Выходил с 1588 до 1654 г. два раза в год на латинском языке. Его часто критиковали за недостоверность информации и плохую латынь.

...Про Карлуса, про персов и Китай. – В оригинале – «Talk of Will. Conqueror, and Prester Jack», т.е. о короле Англии Вильгельме Завоевателе (1025?–1087) и мифическом христианском властителе Востока царе-пресвитере Иоанне, чье царство помещали то в Азии (Индия), то в Африке (Эфиопия). Донн иронично употребляет фамильярный вариант имен Уильям и Джон. У. Милгейт отмечает: смысл фразы в том, что все новости в книге Кориэта либо так же новы, как Вильгельм Завоеватель, либо так же правдивы, как легенда о царе-первосвященнике.

...Которому две Индии несут / Свои дары... – Наложение библейского сюжета (о приношении даров волхвами младенцу Иисусу (см.: Мф. 2:1–12)) на историю открытия морских путей в Индию и Вост-Индию. В стихотворении золото – дар из Вост-Индии, а его место в триаде даров от Востока занимает перец.

...(Чей путь легко издателем угадан)... – Книга Кориэта предназначалась и членам королевской семьи, поэтому была издана на хорошей бумаге, в дорогом переплете, с золочеными застежками. Это явно расходилось с саморепрезентацией автора как бедного странника и его же утверждением, что труд был опубликован за собственный счет.

Пандекты (греч. *Pandektes* – «содержащий в себе все») – компендиум трудов древнеримских юристов, составленный по приказу императора Юстиниана в 530–533 гг.

...*От Палача к Анатому на стол.* – Закон 1540 г. предоставлял право Корпорации цирюльников и хирургов Лондона забирать в год четыре трупа казненных для вскрытия и анатомической демонстрации в учебных целях.

...*Пойдут на фишки целые тома...* – Существовал обычай: если игрок проигрывал, то он мог под честное слово заменить деньги частью разрезанной игровой карты или плотной бумагой, на которой указывался разыгрываемый номинал.

...*На склейку в корешок и в переплет / Других томов...* – В эпоху раннего книгопечатания на прошитый книжный блок наклеивали полоски бумаги или использовали листы старых книг для укрепления форзаца.

...*Подобье книг Сивилиных; цена / Частям и целому у ней одна.* – Кумская Сивилла предложила римскому царю Тарквинию дорого купить у нее девять пророческих книг. В ответ на его отказ пророчица сожгла три книги и предложила купить оставшиеся шесть по цене девяти. В огонь последовали еще три книги. Тарквиний согласился купить оставшиеся три книги по цене девяти (*Дионисий Галикарнасский*. Римские древности, IV, 62, 1–4). «Оракулы Сивилл» – реальные тексты, тайно хранились в одном из капитолийских храмов (Юпитера Капитолийского либо Аполлона) под государственным контролем. К ним обращались в особо сложных политических ситуациях. Книга Кориэта, наоборот, ничего не стоит: и вся целиком, и каждый лист в отдельности.

IN EUNDEM MACARONICON

В издании «Coryat's Crudities» (1611) это четверостишие располагается вслед за стихотворением «На “непотребства” мистера Томаса Кориэта». Произведение написано в традициях макаронической поэзии, известной в античности: первоначально в стихах латинские слова чередовались с греческими, причем морфология и синтаксис оставались латинскими (например, стихи римского поэта Авсония). В эпоху Возрождения подобного рода поэзия широко использовалась в пародийно-сатирических целях, причем набор смешиваемых языков значительно расширился (Л. Пульчи, Ф. Рабле).

Донн переплетает латынь, французский, испанский, итальянский и английский. Курсивом в том тексте выделены латинские слова, полужирным – английские. Примерный прозаический перевод Г.М. Кружкова: «Сколь много совершенных лингвистов потрудились над этими двумя дистихами, столь много разумных мужей произвело на свет эту книгу (подразумевается, что нисколько. – Г.К.). С меня достаточно чести, если меня поймут; а что никто не поверит, эту честь я оставляю тебе».

МЕТЕМПСИХОЗ, ИЛИ ПУТЬ ДУШИ THE PROGRESS OF THE SOUL (METEMPSYCHOSIS)

Дата написания указана на титульном листе рукописи самим поэтом: 16 августа 1601.

Метемпсихоз (переселение души) описан пифагорейцами, Эмпедоклом, Платоном. В конце XV–XVI в. каббалистические и герметические варианты метемпсихоза можно найти у неоплатоников (Дж. Пико делла Мирандола, М. Фичино). Известно, что этими учениями увлекались Генрих III Валуа, Дж. Ди, Дж. Бруно, Ф. Сидни и его кружок (*Йейтс Ф.* Розенкрейцеровское просвещение. М., 1999; *Она же.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М., 2000). К концу XVI в. существовали две точки зрения на метемпсихоз. Христианские герметики не признавали переселения душ. В анонимном «герметическом своде» утверждалось, что смерти нет, а благодаря разложению существ на первоэлементы происходит их обновление. Но душа не может переселиться в существо более низкое (Гл. «О всеобщем уме», 16).

Подобные идеи появились и у иудейских каббалистов (Исаак Лурия, 1534–1572; Хайм Видал, 1543–1620). По их представлениям, душа человека состоит из четырех или более частей. Часть души, знавшая Тору и учение о Боге, во время смерти отделялась, а оставшиеся чувственные части души, не имеющие памяти, проходили очищение посредством метемпсихоза («иббур» – внедрение). Они могли временно подселаться к ныне живущему человеку, животному или растению для очищения от ранее совершенных грехов и сосуществовать рядом с их душами. Если тело, в котором живет грешная часть души, поглощалось или уничтожалось другим существом (корова съела траву, человек съел корову), то подселенная душа переходила в него. Если там она соприкасалась с душой более высокого уровня, то она проходила через следующую стадию очищения. Если наказанная душа очистилась полностью, она воссоединялась с собственной разумной частью души. Теория была эзотеричной и недоступной для неинициатов, поэтому непосредственный доступ Донна к иудейскому варианту доктрины о метемпсихозе маловероятен. Поэт мог познакомиться с ней через современников-герметиков.

Донн в поэме соединил элементы разных родственных учений и придал им сатирическую окраску. История начинается с восхождения «растительной души» плода с Древа Познания к «разумной душе» человека. Но оно сопровождается, вопреки традиционным доктринам, моральным падением и приобщением ко все новым грехам.

Возможно, Донн пародирует желание эпических поэтов описать бесконечные странствия героев, намереваясь рассказать историю переселения души от времен Адама до «наших дней». Изначально недостижимая цель тоже могла быть частью замысла Донна.

Poema Satyricon (греч.) – сатирическая поэма.

Infinitati Sacrum (лат.) – [посвящается] «священной бесконечности». Эпиграф, который иронично определяет цель повествования – описать приключения бесконечно путешествующей души.

...ум столь простой, незамысловатый и бесхитротный... – Противопоставление манеры повествователя герметическим трактатам с их таинственностью, зашифрованностью, символичностью и сложностью стиля.

sine talione (лат.) – без возмездия.

Триденский собор – 19-й Вселенский собор римско-католической церкви, заседал с перерывами с 1545 по 1563 г. Донн контаминировал два постановления церковного собора. 25-я сессия (1563) постановила создать впервые комиссию для составления Индекса запрещенных книг, но не авторов. Ранее, на восьмой сессии (1547), было запрещено анонимно печатать книги о религиозных проблемах либо комментарии к Священному Писанию.

...если я одалживаю у древности... – В конце XVI в. разгорелась полемика между «древними и новыми» о том, что должно быть примером для подражания: классические античные тексты или Книга Природы (см.: АС, I).

...кто выкопал для меня сокровище, но и того, кто осветил мне к нему дорогу. – Речь идет о соотношении авторского текста и комментария к нему. Возможно, ирония в адрес современных Донну герметических трактатов, которые часто представляли собой комментарии к анонимному «Герметическому своду» и другим подобным трактатам.

...находя одну душу в императоре, в почтовой лошади и в бесчувственном грибе... – Аристотель в трактатах «Физиология», «О душе» выделил три типа души: растительную, животную и разумную, которые отличаются способностями.

...одно только нерасположение органов творит сие. – Душа человека, находясь в низшем организме, теряет некоторые свои способности (речь, мышление).

...зато может помнить... – С понятием метемпсихоза была напрямую связана проблема памяти о предшествующих перевоплощениях. Так, Платон считал, что души после смерти и выбора нового тела пьют из Леты, а потом пытаются вспомнить предшествующую жизнь (*Платон. О республике*, X; *Тимей*, 42, b–d; *Федр*, 249; *Федон*, 810). В «Герметическом своде» утверждается, что «не изменение есть смерть, но забытьё» (*Герметический свод. Гл. «О всеобщем уме»*, 18).

...паучий яд... – См. примеч. к «Твикнамскому саду».

...она была яблоком... – В Библии упоминается плод, в иудейской традиции его идентифицируют с виноградом, цитроном, гранатом, финиками. Под влиянием омофонии «malum» (*лат.* – «зло» и «яблоко») его стали отождествлять с яблоком.

...она стала той, чью жизнь вы найдете в конце сей книги. – В рукописях разночтение: «shee is hee» или «shee is shee». До сих пор комментаторам не удалось убедительно ответить на вопрос, о чьей душе идет речь, поскольку поэма осталась незавершенной. Б. Джонсон говорил шотландскому поэту У. Драммонду (1585–1649), что душа должна была побывать в телах всех еретиков от Каина до Кальвина. Сам Донн среди воплощений души упоминает Магомета и Лютера (стих 65). Из строфы VII можно сделать вывод, что душа нашла свое очередное воплощение «ныне» в Англии. Были предложены различные «кандидаты»: Роберт Сесил граф Солсбери, граф Эссекс и др. В настоящее время большинство комментаторов считает, что «великая душа», которая имела власть «двигать всеми нами», могла принадлежать только королеве Елизавете I, но к моменту ее рождения (1533) Кальвин и Лютер были еще живы.

I

Пою... – традиционное начало эпической поэмы (*Вергилий. Энеида*, I, 1).

...В обличьях многих, данных ей судьбой... – Судьба считалась инструментом Провидения Господня, по мнению раннехристианского философа Аниция Манлия Северина Боэция (475–525), она «упорядочивает движением отдельное, распределяя

и наделяя местом и формой» (*Бозций. Утешение философией*, IV, проз. 6 // Бозций. Утешение философией и другие трактаты. М., 1966. С. 215).

...с того халдеев золотого века... – Интерпретация видения четырех Царств пророком Даниилом (Дан. 2: 31–40).

Мой труд, как столп... – Иосиф Флавий, древнееврейский историк, упоминает кирпичный и каменный столпы, построенные потомками Сифа. На них они записали изобретенную ими науку о небесных телах, так как хотели сохранить это знание от потопа и огня (*Иосиф Флавий. Иудейские древности*, I, 2, 3). Мотив поэзии как негленного памятника известен у Горация (Оды, II, 30).

Книга книг – Библия.

II

...Зрачок небес... – В астрологической и герметической традиции иконография солнца напоминает глаз: круг с точкой в середине. В христианской символике возможно наложение нескольких коннотаций. «Солнце» и «око» выступают в качестве метафорического обозначения некоторых атрибутов Бога – жизнь, милость, свет, истина, познание (Пс. 31:8; Зах. 9:1). Метафора встречается у Овидия применительно к богу солнца, Гелиосу: «Я – тот самый, – сказал, – кто длящийся год измеряет, / Зрящий все и которым земля становится зряча, – / Око мира» (Метаморфозы, 225–229). Выражение стало топосом, часто встречается у Мирандолы, Кеплера, Шекспира, в книгах эмблем.

...та, что до тебя пришла из темноты... – Душа яблока появилась раньше солнца, так как Пико делла Мирандола говорил, что растительные души были сотворены в третий день творения вместе с растениями. Солнце было сотворено на четвертый день (Быт. 1: 11–18).

...и будет жить, когда погаснешь ты. – Откр. 21:23.

III

...священный Янус... – Образ, к которому Донн возвращается в проповеди, заимствован у раннехристианского богослова Луция Целия Лактанция (около 240 – около 320): Ной, как Янус, видел на две стороны – мир до Потопа и мир после Потопа. Эпитет «священный» связан с тем, что Ной обрел благодать Господа (Быт. 6:8, 9). Августин считал, что Ной был прообразом священника, а его Ковчег – прообразом Церкви.

Виварий (от лат. «vivus» – живой) – помещение для содержания и разведения подопытных животных.

...Как эта искра горня собой / Живила... – Свойство оживлять тело приписывалось душе с античности, так как она была производной одного из первоэлементов – огня.

IV

...Молю, открой страницу и прочти... – Речь идет о книге жизни. На Страшном суде Бог-Сын снимет с нее семь печатей и огласит имена записанных в ней: Откр. 17:8; 20:12.

V

Шесть пятилетий жизни промотав... – Если поэма была написана в 1601 г., то Донну уже исполнилось 29 лет, так как он родился между 24 января и 19 июня 1572 г.

VI

...И якорь, поднятый в струях Евфрата, / Я брошу в Темзы хладную волну... – Эдем находился между четырьмя реками – Фисоном, Гихоном, Тигром, Евфратом.

VII

...великая душа <...> Что движут всеми нами... – См. примеч. к Предисловию.

...как Луна – / Волной... – Уже Аристотель и Плиний говорили о связи между приливами и Луной. Однако сама природа взаимодействия оставалась непонятной. Герметики объясняли приливы симпатическими связями между Луной и водой, так как подобные элементы притягиваются подобными. В XVII в. Галилей пытался объяснить приливы движением Земли. Кеплер впервые объяснил приливы с точки зрения теории гравитации, но называл он эту силу симпатией.

...плоти временной тюрьмой... – Идея тела как «тюрьмы души» отмечается еще у Платона (Федон, 82), она впоследствии была развита гностиками и неоплатониками. Душа человека, оторвавшись от Мировой души, пролетает сквозь сферы, где приобретает свойства планет, а затем попадает в тело-тюрьму. Христианство не принимало этой части доктрины античного платонизма и считало ее ересью, поскольку не только на душе, но и на всей человеческой природе лежит отблеск образа Божьего. Реформаторы, борясь с подобного рода ересями внутри своих общин, заняли ортодоксальную позицию (см.: *Кальвин Ж.* Наставление в христианской вере, I, 15. М., 1997. Т. 1. С. 175–189). См. также примеч. к сонету «Благовещение».

VIII

...сам безгрешный, все грехи вмести, / Бессмертный, смерть испил... – 1 Кор. 15:45. Ср. у Кальвина: «Поскольку же Бог не может испытать смерть, а человек – победить ее, Он соединил человеческую природу со своею, дабы через смертность первой очистить и освободить нас от наших злодеяний, а силою второй достичь ради нас победы над смертью» (*Кальвин Ж.* Наставление в христианской вере, II, 12, 3. Т. 1. С. 465). Ср.: «Венок сонетов», 2.

...Крест <...> Стоял на том заветном месте Сада, / Где волею священной был взращен / Плод... – Согласно новозаветным апокрифам, Голгофа была именно той возвышенностью, где некогда в Раю росло Древо Познания. Крест был сделан из дерева, которое выросло из семян Древа Познания.

IX

...А ныне должен за свою вину / На брюхе ползать... – Быт. 3:14. Ср.: *Иосиф Флавий.* Иудейские древности, I, 1,4.

...Возмездье было в нем – хлад, смерть и горький пот. – Быт. 3: 17–19.

X

Так женщина сгубила всех мужчин... – Сир. 25:27; 1 Тим. 2:14. Эта точка зрения на женщину была распространена в раннем христианстве и Средневековье. Тертуллиан в рассуждении «Об одеянии женщин» писал: «Ты была... дверью для дьявола, ты получила от него для нашей гибели запрещенный плод, ты первая возмутилась против Творца твоего, ты соблазнила того, на кого дьявол не смел напасть, ты изгладила в человеке лучшие черты божества, наконец исправление вины твоей стоило жизни Самому Сыну Божию» (Творения Тертуллиана. СПб., 1849. С. 162). Средневековый реформатор монашества и богослов Бернард Клервоский придерживался этого же мнения.

Мать отравила / Исток... – Быт. 3:20.

...она грешила – / А нас казнят? – Полемика о том, распространяется ли проклятие, наложенное на Адама, на его потомство, началась с первых веков христианства (Августин против христианского монаха Пелагия) и вспыхнула с новой силой во время Реформации. Кальвин пишет: «Не следует думать, что по вине Адама мы лишь заслужили наказание, но не восприняли его греха» (Кальвин Ж. Наставление в христианской вере, II, 1:8. Т. 1. С. 246–247). Донн иронически усложняет конфликт: он не сомневается в том, что дочери Евы должны наследовать ее грех, но сыновей Адама считает невинными, поскольку он согрешил позже.

XI

Строфа подчинена риторике адвокатской защиты. Такие рассуждения о первоначальном грехе были распространены в качестве образцов еретических вопросов и опровергались в комментариях на Книгу Бытия.

...как это Бог поставил / Такой закон, что Божья тварь его / Могла переступить? – Установленный запрет был испытанием послушания и смирения Адама. Апостол Павел дал каноническое решение этой проблемы: «...непослушанием одного человека сделались многие грешными...» (Рим. 5:19).

Ни Ева же, ни змей не знали правил... – Снятие обвинения при помощи несоблюдения формальных процедур: в Книге Бытия сначала повествуется о запрете (Быт. 2:16), а потом о сотворении Евы (Быт. 2:22). Из Библии неясно (Быт. 3:3), от кого именно Ева узнала о запрете: от Адама или от Бога.

...И нет того в Писанье, что Адам / Рвал яблоко... – В Библии нет указаний ни о виде плода, ни о том, кто именно сорвал плод (Быт. 3:6). Традиционно считается, что это могла сделать либо Ева, либо искуситель. Символика яблока еще в Древней Греции связана с любовью и плодородием.

XII

...Покончить дланью с ним верней, чем языком. – Августин считал, что донатистов и других еретиков «нужно принудительно воцерковлять» (*compelle intrare*) (Августин. Против Гауденция донатиста).

XIII

...Сквозь трещины земные... – В оригинале – «поры земли». Считалось, что весной поры земли открываются и через них могут вылететь души умерших.

XV

...На пальцы – крохотней, чем у дитяти... – Речь о мандрагоре. В средневековых bestiариях утверждалось, что мандрагора – это дерево, выросшее около земного Рая, символ Древа Познания. Этот род пасленовых был известен с античности. У мандрагоры корень напоминает человеческую фигуру, обладающую половыми признаками, и есть небольшие округлые ярко-оранжевые плоды.

...Была ему дана двойная власть / В делах любви... – Корни, листья и плоды мандрагоры с древности использовались для утоления боли, в качестве афродизиака (возбуждающего средства) (Песн. 7:14), снотворного и наркотического вещества, для лечения гинекологических заболеваний (Быт. 30: 14–23) и как abortивное средство. Мандрагоре приписывали магическую силу (см.: РЕ, II, 6, 1).

XVI

Немой, он обладал подобьем рта... – См. примеч. к «Твикнамскому саду».

XVII

...Не просыхал от слез ни на минутку... – Авель означает «страдание, печаль» (Иосиф Флавий. Иудейские древности, I, 2,1). Отвар мандрагоры использовался при воспалении глаз.

...Кто благ, тот умирает в цвете лет... – Имеются в виду лекарственные растения.

XVIII

...Летит на волю, жмурясь с непривычки... – После первых двух воплощений в растениях, имеющих только функции роста и размножения, Душа впервые воплощается в движущееся существо и получает способность своей волей направлять тело.

XIX

И вот на свет явился Воробей... – В античности воробей считался священной птицей Венеры. Птицу и ее яйца употребляли в пищу в качестве афродизиака. Словом «воробей» часто называли гетер.

XX

Мир молод был; все в нем входило в сок... – Топос «старения мира» был распространен у мыслителей XVII в. По контрасту с современностью мир в первые века его существования, несмотря на грехопадение человека, был более плодородным и все живые существа жили дольше.

XXI

В те дни не ограничивал закон / Свободу в выборе мужей и жен... – Поскольку человеческий род состоял лишь из нескольких поколений потомков Адама, инцестуальные отношения не могли считаться грехом. Как поясняли богословы, в «начале мира» инцест был необходимостью, а не нарушением заповеди (см., например: *Беза Т. де. Tractatio de Polygamia* (Трактат о многобрачии), 1568. Эта книга имела в библиотеке Донна). Августин в послании «О благе брака» (XV, 17) отмечал, что «закон патриархов» не может распространяться на освещенное светом Закона и Благодати человечество. Кроме очевидно инцестуозных браков Каина (Быт. 4: 17–18), Сифа (Быт. 4:29) и их потомков, в патриархальный период Священной истории известны инцестуозные браки Исаака, Исава, Иакова и др., история Лота и его дочерей (Быт. 19: 30–38). Они использовались как средство сохранить чистоту рода. В английской поэзии эта идея встречается у Дж. Гауэра («*Confessio Amantis*» (Исповедь влюбленного), VIII, 68–70 и др.). Донн переосмысляет традиционную логику, описывая свободные промискуитетные отношения, а не прочный инцестуозный брак. См. также примеч. к «Изменчивости».

...Три года не прошло, как он уже банкрот. – Краткость жизни воробьев традиционно приписывалась сексуальной неводержанности. Плиний (ЕИ, X, 36), основываясь на наблюдениях за цветом клюва у воробьев, утверждает, что максимальный срок их жизни – один год. Возраст в три года отмечается в приписываемых Аристотелю «Проблемах» (гл. «О телесном совокуплении»).

XXII

А мог бы жить да жить! – В числе занятий непосредственных потомков Адама не упоминается охота и ловля птиц.

XXIV

...Прекрасный Лебедь мимо проплывал, / Он, мнилось, все земное презирал... – С античных времен лебедь считался птицей Зевса: он явился Леде в образе лебедя, и она родила яйцо, из которого вылупилась прекрасная Елена. В средневековых bestiариях высоко поднятая и изящно изогнутая шея лебедя символизировала гордыню. Считалось, что под ослепительно белым оперением лебедь прячет черную кожу, что служит знаком лицемерия и тайной порочности. В алхимии лебедь – обозначение белой стадии очищения.

XXV

...лебяжьего желудка пыл... – Пищеварение описывалось в терминологии нагревания, и желудок уподоблялся кухне (см.: АМ, I, 1, 2, 4).

...Она летит, как пар... – Под воздействием термической обработки Душа покинула желудок через органы дыхания Лебедя.

XXVI

...с ячеей / Широкой, ибо в те поры ловили / Лишь крупных рыб... – Подобная разборчивость рыбаков приписывается первобытному изобилию.

XXVII

...Двойного лиха рыбка избежала... – Сети и шуки.

...Едва дыша; а чем дыша – как знать? – Со времен Платона и Аристотеля высказывались различные предположения о том, где находились дыхательные органы рыб, какие они и как происходил процесс дыхания (*Аристотель*. О дыхании, II–III, X, XIX). Эта проблема оставалась нерешенной и в конце XVI в.

XXVIII

Вода не столь способна что-нибудь / Скрыть, как преувеличить и раздуть... – Закон преломления света в жидкости, сформулированный Птолемеем: угол падения света равен углу его отражения. Поэтому предмет, находящийся в воде, оптически увеличивается.

...Морская Чайка... – В оригинале – «sea Pie» – кулик-сорока (*Haematopus ostralegus*). Эта птица живет и кормится на морских побережьях и не способна улетать далеко от берега.

XXIX

...и даже есть / Закон, что в Пост должны мы только рыбу есть? – Хотя сами посты англиканство не осуждало, жесткие требования к ним и ограничение сроков считались изобретением католической церкви. В «Книге гомилий» (сборник проповедей времен королевы Елизаветы) утверждается приоритет внутреннего духовного поста над формальным, который считается не имеющим исключительно полезного значения (II, 4.1, 189–197). Отказ от соблюдения постных дней привел к падению спроса на рыбу на внутреннем рынке. Для поддержания рыбаков в Англии в 1564 г. был издан закон, объявлявший среду и субботу рыбными днями, в которые запрещалось есть мясо.

XXXI

...И сделалась громадою такой... – Сравнение кита с горой – общее место античной и средневековой естественной науки. В бестиариях писали, что кит подолгу плавает на поверхности, и поэтому у него на спине откладывается песок, земля и вырастают растения. Доверчивые измученные путешественники часто принимают китов за острова и причаливают к ним, вследствие этого кит в Средние века был аллегорией дьявола. См., например: *Исидор Севильский*. Этимологии, 12, 6, 6.

Морея – средневековое название полуострова Пелопоннес, с материком его связывает Истмийский перешеек.

Надежный Мыс – так Донн называет здесь Мыс Доброй Надежды (примеч. переводчика).

XXXII

...*Дельфины в пасть ему плывут без страха...* – Дельфин считался самым быстрым из морских животных и рыб (ЕИ, VIII, 38; *Исидор Севильский*. Этимологии, 12, 6, 11).

...*С надмирной хлябью вод связует он моря.* – Быт. 1:7. Фома Аквинский предлагал два возможных истолкования: сфера воды выше сферы неподвижных звезд либо выше сферы воздуха. У Донна гиперболизированная мощь кита способна вернуть мир к состоянию хаоса, когда воды были еще не разделены.

XXXIII

Он рыб не ловит – где там! – Считалось, что кит испускает из пасти приятный запах, привлекающий множество мелких рыб, и они сами заплывают к нему в пасть.

XXXIV

...*Душе его теперь простору много: / Ее указы мчат во все концы...* – Аристотель, Фома Аквинский считали, что душа равномерно распределена по всему телу при помощи крови. Но были мнения, что душа обитает в голове, сердце, печени.

Уж Солнце двадцать раз своей дорогой / И Рака обошло, и Козерога... – Т.е. прошло 20 лет. Различают летнее (в созвездии Рака) и зимнее (в созвездии Козерога) солнцестояние. В северном полушарии летнее солнцестояние обычно приходится на 21 июня, а зимнее – на 21 декабря (в южном полушарии – наоборот). Точками солнцестояния называют точки эклиптики, максимально удаленные от небесного экватора, через которые проходит Солнце.

XXXVI

Меч-рыба с Молот-рыбою вдвоем... – В оригинале вместо молот-рыбы говорится о «лишьей акуле» (*Alopias vulpinus*). В естественнонаучных сочинениях нередко описывались битвы кита с этими двумя рыбами: морская лисица бьет кита сверху хвостом, а меч-рыба колет его снизу. Этот сюжет стал и поэтическим топосом. См.: *Спенсер Э. Visions of the Worlds Vanitie* (Видение о тщете мира), II, 61–68. Заговор против монарха – популярная тема последних лет правления Елизаветы I.

...*И пожиравший тварь сам твари в корм идет.* – Аллюзия на средневековые изображения Колеса Фортуны.

XXXVIII

...*Так эта Мышь была обозлена / На всех; и дерзкий план задумала она.* – Душа впервые получает возможность активно использовать опыт, полученный из предшествующих жизней, для осуществления преднамеренного преступления. Ср. у Августина: «...я хотел насладиться самим воровством и грехом» (Исповедь, II, 4).

XXXIX

...Который столь же мощным сотворен, / Сколь благородным... – Все античные авторы утверждали, что слон – самое крупное и сильное животное, он обладает близкими человеку качествами: умственными (сообразительность, обучаемость, память) и социальными (моногамность, верность, справедливость, взаимовыручка) (ЕИ, VIII, 1–13). В средневековых bestiариях благодаря этим качествам слоны символизируют Адама и Еву (до грехопадения), 12 апостолов и Христа.

...(поскольку не имел / Колен, как и врагов), зато умел / Стать стоя. – Еще Аристотель опровергал представление, что у слона нет колен, но оно продолжало бытовать в повседневных представлениях до XVI в. Bestиарии используют это в религиозной символике: слон-Адам «падает» и не может подняться, ему на помощь приходят апостолы и маленький слон-Христос.

...Сквозь щёлку узкую в нутро к нему вползло. – Утверждение, что слоны боятся мышей, встречается у Плиния (ЕИ, VIII, 10), но не сказано, что мышь способна убить слона. Об убийстве слона, забывшего согнуть хобот, проползшей в него мышью, рассказывается в латинском переводе «Historia aromatum» (История запахов) (опубликован в 1567 г.) португальского врача Гарсиа де Орта.

XLI

...Он, едва родясь, / Уж резать был готов ягнят и маток. – Среди качеств волка bestiарии называют свирепость и прожорливость. Волк, крадущий овец, был символом дьявола, похищающего христиан (Иез. 22:27).

Безгрешный Авель, от кого пошло / Всех пастырей на свете ремесло... – Авель – символ церкви и священства, поскольку был миролюбивым, творил жертву, угодную Богу, на нем была божественная благодать (Быт. 4: 2, 4).

XLIV

...цезарей развратный двор... – В «Жизнеописании двенадцати цезарей» Светоний (около 70 – около 140) описал пороки римского двора при Калигуле, Нероне, Домициане.

...Сей волк зачал себя же, свой конец / В начало обратив: сам свой отец / И сам свой сын. – Душа волка переселилась в его щенка. Аллегория традиционного христианского представления, что грех порождает еще больший грех.

Моав – Возможный источник имени Моав – книга «Библейские древности», приписываемая Филону Александрийскому. В латинском переводе издана в Базеле в 1527 г. Среди детей Адама упоминается Ноаба, сестра-близнец Сифа (*Филон Александрийский*. Библейские древности, I,1). Неизвестно, сознательно ли автор заменил букву, либо это ошибка переписчика, либо контаминация с именем Моава – сына Лота от его старшей дочери, который стал прародителем моавитян (Быт. 19:37).

XLV

Со временем шалун стал грубоват... – У Плиния и в бестиариях отмечается особая злобность потомства, рожденного от скрещивания волка и собаки (ЕИ, VIII, 21).

XLVI

...Забавный Бабуин... – В оригинале видовая принадлежность не указана. Согласно Плинию, основной особенностью обезьяны является страсть к подражанию человеку (ЕИ, VIII, 53). В бестиариях бесхвостая обезьяна – символ дьявола.

...Зачем ни речи не дано, ни смеха / Красавцу. – См. примеч. к «На “непотребства” Томаса Кориэта».

Зифат – В оригинале – «Siphatesia» – контаминация имен пятой и шестой дочерей Адама: Зифат и Хекия в еврейском тексте «Библейских древностей» Филона Александрийского в латинском переводе (I, 4) – Сифа и Тесия.

...Его пленила; для нее он рад / Скакать... – В оригинале – обезьяна – первый «истинно влюбленный». Ирония в адрес подражателей Петrarки.

XLVII

...мыкал и немел... – Ирония над языком знаков и ритуалами любовного этикета.

XLVIII

Возвышенную цель себе избрав... – Насмешка над кажущейся недоступностью петраркистской Прекрасной Дамы.

...то серафим, / То бык нас манит... – Быт. 6:4. Пасифая родила Минотавра, воспылав позорной страстью к быку.

Он лапой желто-бурю своей... – Священник и натуралист Эдвард Топселл (около 1562–1625) в книге «История четвероногих» (опубликована в 1607 г.) утверждал, что самцы некоторых обезьян чрезвычайно похотливы и могут посягнуть даже на женщин.

XLIX

Тефелит (у Донна – *Тэфлемит*) – источник имени не установлен.

L

...Адам и Ева, легиши вместе, кровь / Смешали... – Здесь и далее описаны стадии развития эмбриона согласно теории XVI в. (*Викари Т.* *Анатомия человеческого тела*, 1548). Лучшие части родительской крови смешиваются, ступок крови нагревается в матке, как в печи, потом последовательно образуются органы: печень, сердце, мозг. Аналогичный процесс пытались воспроизводить алхимики для того, чтобы «родился» философский камень (см. примеч. к «Браслету»).

...Ком печени – исток витальных сил... – Печень была известна как кроветворный орган.

LI

...Мозг утонченный, средоточье нитей... – См. примеч. к «Погребению».

Фетх – В оригинале – «Themexh» – имя жены Каина, заимствовано из «Библейских древностей» Филона Александрийского (II, 1–2).

LII

...брат проклятый / Все изобрел – соху, ярмо, топор... – Проклятый и изгнанный за братоубийство Каин и его потомки изобрели основные ремесла (Быт. 4: 14–22).

...Что Каин – первый на земле ораитай... – Библейский парафраз (Быт. 4:2).

Сет – в славянской Библии Сиф, третий сын Адама и Евы (Быт. 4:25). Иосиф Флавий пишет, что Сиф и его сыновья изобрели астрономию. См. примеч. к «Метемпсихозу», I.

...Но благо, как и зло, не абсолют... – Ср.: Шекспир У. Гамлет, II,2: «...сами по себе вещи не бывают хорошими или дурными, а только в нашей оценке» (пер. Б. Пастернака).

...а предрассудок – суд. – В оригинале – «opinion» (мнение). Т. Нэш в предисловии к «Астрофилу и Стелле» приписывает это высказывание скептику Сексту Эмпирику (конец II в.): «Мнение называет все хорошим либо плохим». В одной из проповедей Донн рассматривает мнение как промежуточное состояние между невежеством и знанием. Знание в отличие от мнения исключает всякое колебание и едино для многих.

СТИХОТВОРНЫЕ ПОСЛАНИЯ

Популярный жанр в античной и европейской поэзии философско-теоретического, дидактическо-публицистического, любовного и дружеского характера. К нему обращались Гораций, Овидий, во Франции послания сделал популярными К. Маро, в Англии – С. Дэниел, Дж. Донн, Б. Джонсон. В 1590-е гг. Донн писал послания друзьям, а затем и высокопоставленным покровителям. В настоящем издании порядок расположения учитывает хронологию их появления и адресатов. Часть ранних посланий поэта написана в форме итальянского сонета.

МИСТЕРУ К(РИСТОФЕРУ) Б(РУКУ)

(Достойный друг мой! В странствиях соскучась...)

TO MR C.B.

(Thy friend, whom thy deserts to thee enchaines...)

Кристофер Брук (1570?–1628) – поэт и политик, сын лорд-мэра Йорка. Обучался в Линкольнз-Инн (1587–1594), с 1592 г. и до самой смерти друг Донна. За участие в качестве шафера в тайном бракосочетании Донна с Энн Мор был заключен в тюрьму Маршалси вместе с братом-священником Сэмюэлом. Неоднократный член парламента в 1604–1624 гг., выступал против права неограниченной власти короля

и монополий. Автор элегий, посланий, поэм «Призрак Ричарда III» (1614), «О недавней резне в Вирджинии» (1622).

Послание по набору мотивов (разлука, сетования, параллелизм между возлюбленной и природой, холодность Госпожи) и поэтической интонации представляет собой редкую для Донна попытку создать сонет в классическом петраркистском стиле.

...*край студеный...* – Сетования на холод ср. у Овидия (Письма с Понта, III; К жене, 11, 24).

МИСТЕРУ С(ЭМЮЭЛУ) Б(РУКУ)

(О, странник мой, отплывший в добрый час...)

TO MR S.B.

(O thou which to search out the secret parts...)

Вероятный адресат сонета – *Сэмюэл Брук* (1575?–1631), младший брат Кристофера Брука, теолог. После окончания Кембриджа (1592–1598) в степени магистра в 1599 г. был рукоположен в сан священника. В 1601 г. тайно обвенчал Донна с Энн Мор. Занимал ряд церковных должностей: с 1612 г. королевский капеллан, с 1615 г. доктор богословия, с 1628 г. глава Тринити-Колледжа в Кембридже. Автор трех латинских пьес и теологических трактатов. Сонет, возможно, относится ко времени поступления Сэмюэла в Кембридж.

...*к берегам Искусства...* – Университетское образование начиналось с изучения свободных искусств (грамматика, риторика, логика, арифметика, геометрия, астрономия и т.д.).

...*кастальская струя...* – родник на горе Парнас около Дельф. Считалось, что способен давать пророческий и поэтический дар. В оригинале – Иппокрена, источник в горах Геликона, появившийся от удара копыта Пегаса, в нем любили купаться Музы.

...*не тщусь речами притянуть / К себе младую душу...* – Автохарактеристика Донном своего поэтического стиля («harsh» – жесткий), уже лишённого петраркистской сладости, музыкальности, эфемистичности и условности.

...*схизматик...* – раскольник, уводящий часть паствы от церкви. Возможно, речь идет о кружке «Ареопаг», где Гэбриэль Харви (1545?–1630), друг Ф. Сидни и Э. Спенсера, отстаивал идею, что английская поэзия должна заимствовать греко-латинскую просодию и жанровую структуру.

...*огонь поэзии...* – См. примеч. к «Сапфо к Филене».

МИСТЕРУ Б.Б.

(Святую жажду знаний, милый друг...)

TO MR B.B.

(Is not thy sacred hunger of science...)

Адресат точно не идентифицирован. Возможно, это Бопре Белл (1569/70 – 1638) – юрист, младший сын сэра Роберта Белла, судьи, спикера Палаты общин в 1572–1576 гг. Белл обучался в Кембридже в 1587–1594 гг., затем в Линкольнз-Инн,

где, вероятно, и познакомился с Донном. У. Милгейт датирует сонет 1592–1594 гг.

...И разума не переполнил соты... – Сир. 24: 21–24.

...квинтэссенцией наук? – См. примеч. к «Растущей любви».

...как сосунка... – См. примеч. к «Портрету».

...кормилицы твоей... – В античном Риме титул Матери-Богини. Девизом Болонского университета было: «Alma Mater Studiorum».

...За томом том жевать закон и право! – Имеется в виду обучение в Линкольнз-Инн.

МИСТЕРУ Б.Б.

(Коль с Музой нынче ты живешь в ладу...)

TO MR B.B.

(If thou unto thy Muse be married...)

...с Музой нынче ты живешь... – Брачные и интимные отношения с Музой – важная тема ряда донновских посланий. Ср. у Ф. Сидни: «Будто все Музы решили забеременеть и одновременно произвести на свет внебрачных поэтов, которые, не имея на то никаких полномочий, мчатся к берегам Геликона, пока не загонят читателя хуже лошади...» (ЗП. С. 200).

...Второй обзаводиться мне женою. – Мф. 5: 31, 32.

...Материи ты в рифмах... – См. примеч. к «Изменчивости».

...Но примешь и как должно узаконишь. – В оригинале – аллюзия на конфирмацию – католическое таинство и протестантский обряд приобщения подростка к церкви, состоящий в миропомазании и подтверждении в присутствии епископа обещаний, данных некогда крестными во время крещения.

МИСТЕРУ И.Л.

(Блажен тот край, где скрылось божество...)

TO MR I.L.

(Bless'd are your North parts...)

Личность И.Л. не идентифицирована, вероятно, он жил на севере Англии.

...Лето скрылось прочь (...). Пылает, злится и грозит чумой. – По свидетельству «Анналов» Дж. Стоу, с мая по июль 1594 г. была дождливая погода и лондонцы радовались, что чума 1592–1593 гг. не вернется. Август 1594 г. был жаркий и благоприятный для эпидемии, но чума миновала.

...Чтоб в жертву Солнцу ты его принес. – Аллюзия на свидетельство испанского конкистадора Э. Кортеса о принесении ацтеками в жертву соляному божеству свежесырванного сердца из груди живого человека.

Да будет тучен знак в твоих лугах... – Здесь и в следующем послании пародия на грубость и простоту сельской жизни и пастораль.

...Лишь молви ей словечко за меня. – Адресат выступает в роли жреца-посредника при жертвоприношении и молитве божеству.

МИСТЕРУ И.Л.

(Ты, первый из оставшихся друзей...)

TO MR I.L.

(Of that short Roll of friends writ in my heart...)

Адресат послания неизвестен.

Секвана – Сена. По, Сена и Дунай – маршруты путешествия Генри Уоттона (см. послания Г.У.) в 1594 г. в Падую, Париж, Вену, Прагу. Это позволяет установить датировку послания – 1594–1595 гг.

Лета – река забвения в царстве мертвых; души мертвых должны были испить из нее, чтобы забыть свою жизнь.

Трент – река в Северной Англии.

...*Блюсти хлеба, стада*... – Ср. «Послания к Феону» Авсония.

МИСТЕРУ Т.В.

(Привет тебе, певец, душа живая!)

TO MR T.W.

(All hail sweet poet...)

Предполагают, что адресат – Томас Вудворд (родился в 1576 г.), младший брат Роланда Вудворда (см.: «Мистеру Р(оланду) В(удворду) (В стихах твоих звучит отрадный лад...)»).

...*быстрый ум*... – «wit», ключевое понятие поэтики позднего Ренессанса.

...*Чужая зависть, а не состраданье*... – Цитата из «Первого Пифийского гимна» Пиндара (ст. 193).

Я безобразен волею Природы... – О дарах природы (тело), фортуны (социальный статус) и благодати (знания) см., например: *Алан Лилльский*. Жалоба Природы, проз. 7, 9 (ср.: *Чосер Дж.* Кентерберийские рассказы, Рассказ Священника, 10).

...*Как верный шут*... – В оригинале «дзанни» – персонаж комедии дель'арте, слуга и шут, пародирующий и подражающий другим маскам.

МИСТЕРУ Т.В.

(Отсюда врозь брести стихам и мне...)

TO MR T.W.

(At once, from hence...)

...*Я к Няньке Муз*... – Аристотель считал, что искусства возникли там, где у людей был досуг (*Аристотель*. Метафизика, I).

МИСТЕРУ Т.В.

(Ступай, мой стих хромой, к кому – сам знаешь...)

TO MR T.W.

(Haste thee harsh verse...)

Ступай, мой стих хромой... – Обращение к своему письму было популярным в эпоху Ренессанса и использовалось для описания цели послания. Ср.: *Сидни Ф.* Аркадия, II, 5.

...*Я твой один Творец, ты мой Спаситель.* – Эта фраза есть не во всех рукописях. Донн переосмысливает общее место в ренессансных поэтиках, уподобляющих поэта творцу (см.: ЗП. С. 151). С теологической точки зрения неадекватное сравнение: Христос спасает не Бога-Отца.

...*мудрый спор, / В чем ад и где...* – Считалось, что Ад находится под землей (Числ. 16:31; Пс. 54:16; Ис. 5:14; Иез. 26:20; Фил. 2:10), но не было известно местоположение входа (см.: АМ, II, 2,3). Св. Августин предвосхитил официальную позицию церкви; он писал, что узнать, где Ад и каковы адские муки, невозможно (*Августин. О Граде Божием*, XX, 15). Существовало две концепции адских мук: *roepa dampni* – мучительное отпадение от Бога (признавали все) и *roepa sensus* – мучения материального характера (огонь, сера, тьма). Оппоненты (например, философ-мистик Бонавентура, 1221–1274) парировали, что душа не может их испытывать, поскольку нематериальна.

...*зараза входит в каждый дом...* – Эпидемия чумы 1592–1593 гг. В оригинале – «инфекция» – понятие, введенное в медицину итальянским ученым Дж. Фракасторо в труде «О заразе и заразных болезнях» (1546).

МИСТЕРУ Т.В.

(Тревожась, будто баба на сносях...)

TO MR T.W.

(Pregnant again with th'old twins...)

...*Выклянчивал, любой подачке рад...* – Нищенство в елизаветинской Англии считалось преступлением, в 1570–1590-х гг. велись парламентские дебаты о наказании за него, принимались отдельные меры, которые суммировались в законе 1601 г. «О бедных».

Крез (560–547 до н.э.) – последний царь Лидии, побежден персидским царем Киром. Известен своим богатством, щедростью и верой в свою счастливую судьбу (*Геродот. История*, I, 29–39).

МИСТЕРУ Э(ДВАРДУ) Г(ИЛПИНУ)

(Как все кривое жаждет распрямиться...)

TO MR E. G.

(Even as lame things thirst their perfection, so...)

Гилпин Эдвард (Эверард) (1572?–?) – поэт. С 1588 г. учился в Кембридже, с 1591 г. в Грейз-Инн, о последующей жизни сведений не сохранилось. Автор сборника сатир «*Skialetheia*» (Тень Истины), в которых развивает ряд донновских мотивов.

Так стих мой, копошась в грязи... – Теория о самозарождении существ в илистой грязи известна от Плиния (ЕИ, IX, 68).

Парнас – горный массив в Центральной Греции (см. примеч. к «Мистеру С(эмюэлу) Б(руку)»).

Оттуда ты весь Лондон зришь... – У Гилпина был дом в Хайгейте близ Лондона.

...*В театрах – запустение и голь.* – Во время чумы театры и большинство увеселительных заведений закрывали.

...*медвежие бои.* – Травля медведей собаками на специальных аренах была популярным развлечением англичан вплоть до начала XIX в.

...*А как купец, торгующий с Москвою...* – Московская компания была основана в 1555 г., в России имела монополию до 1649 г., а в Англии – до 1698 г.

МИСТЕРУ Р(ОЛАНДУ) В(УДВОРДУ)

(В стихах твоих звучит отрадный лад...)

TO MR R. W.

(Kindly'I envy thy Songs perfection...)

Вудворд Роланд (Роулэнд) (1573–1636?) – сын винооторговца, дипломат, библиофил, друг Донна. С 1591 г. обучался в Линкольнз-Инн. Дружба возобновилась после 1605 г. Составил «Вестморлендский манускрипт», куда вошли почти все тексты Донна, в том числе и послания, кроме «Песен и сонетов».

...*Всех четырех стихий, как в нашей плоти...* – Концепт сонета основан на теории четырех стихий/первозлементов (см. примеч. к «Возвращению» и «Геро и Леандру»).

МИСТЕРУ Р(ОЛАНДУ) В(УДВОРДУ)

(Любезный друг, твоей души расстройство...)

TO MR R. W.

(Muse not that by thy Mind thy body' is led...)

...*Мной разделяема, твоя тоска...* – В стихотворении обозначены симптомы меланхолии, которую Донн, в отличие от медицинских представлений, изображает заразной болезнью.

Гений – См. примеч. к «На прощание: об имени, вырезанном на стекле».

МИСТЕРУ Р(ОЛАНДУ) В(УДВОРДУ)

(От нашей Музы вам троим – привет!)

TO MR R. W.

(Zealously my Muse doth salute all thee...)

...*Тело, Ум и Муза.* – Согласно классификации природы на животную, человеческую и ангельскую, Муза занимает место последней (см., например: *Пико делла Мирандола Дж.* Комментарий к канцоне о любви, I, 2).

...*нашим музам вместе быть угодно...* – См. примеч. к «Мистеру Б.Б. (Коль с Музой...»)».

МИСТЕРУ Р(ОЛАНДУ) В(УДВОРДУ)

(Как женщина, что, трижды овдовев...)

TO MR R. W.

(Like one who'in her third widowhood doth profess...)

Приблизительная датировка – 1597 г.

...*Так я...* – В оригинале – Муза....*На сорняки...* – См. притчу о сеятеле: Мф. 13:3–8....*можно смыть пятно...* – Откр.3:5.*Вся добродетель в Вере...* – См. рассуждение Августина об истинной и мнимой добродетели (*Августин. О граде Божием, XIX, 25*)....*В ней – мудрость и отвага...* – Основные истинные добродетели по Платону: мудрость, стойкость, умеренность (благоразумие) и справедливость (*Платон. Федон, 68*).*Ищи себя в себе...* – «Познай самого себя» – изречение, которое было написано над входом в храм Аполлона в Дельфах, авторство его приписывалось Фалесу Милетскому, Сократу, Пифагору, Солону. См.: *Персей. Сатиры, IV, 52; Монтень. Опыты, III, 10*....*особое стекло, / Дабы собрать лучи оно могло...* – Предметом спора вплоть до XX в. была достоверность легенды о том, что Архимеду удалось поджечь вражеский флот при помощи линзы/зеркал....*в состав...* – В оригинале – отсылка к изготовлению лекарств путем добавления экстракта трав (*soules of simples*) к базовому маслу с последующим хранением в тепле определенный срок. Следовательно, добродетель в длительном уединении укрепляется....*Таков для нас уединенья труд...* – Аллюзия на полемику о пользе активной и созерцательной жизни. См.: СТ, II, 188....*Хранит и умножает свой запас...* – Мф. 6:20....*Расплатится сполна в урочный час.* – Аллюзия на Судный день (см. притчу о талантах: Мф. 25:14–30).*Так удобряй...* – См. притчу о смоковнице: Лк. 13:8,9.

МИСТЕРУ Р(ОЛАНДУ) В(УДВОРДУ)

(Коль жизнью ты, как я, живешь дремотной...)

TO MR R. W.

(If, as mine is, thy life a slumber be...)

В послании описываются события неудавшейся экспедиции в Гвиану (см. примеч. к «Сатире IV») летом 1597 г., в которой Донн принимал участие. По плану граф Эссекс и У. Рэли должны были возглавить нападение на испанские колонии в Южной Америке. Но не было получено санкции королевы, в итоге флот направился к Азорским островам (см. примеч. к «Шторму» и «Штилю»).

Коль жизнью ты, как я, живешь дремотной... – Согласно средневековым представлениям о меланхолии, избыток черной желчи погружал человека в лень, он становился расслабленным и сонливым в работе.

Морфей (греч.) – бог сновидений, сын бога сна Гипноса. В оригинале – аллюзия на миф о Морфее и его братьях, способных являться во сне в разных обликах (*Овидий*. *Метаморфозы*, XI, 635–641).

...И к мудрой меланхолии... – М. Фичино отождествил римского бога земледелия Сатурна с греческим богом времени Кроносом, и меланхолическое безразличие в XV в. стало истолковываться как равнодушие к суетному, пресыщение земным, находящимся под властью Сатурна (*Дюрер А.* *Трактаты. Дневники. Письма*. СПб., 2000. С. 93). В позднейших трактатах писали, что меланхолики склонны к учению, задумчивости, размышлениям. Это люди, которые являются представителями свободных искусств – астрономии, геометрии, арифметики, музыки, логики, диалектики.

...Как ангелы, неся на крыльях вести. – В оригинале они несут Евангелие (некрещеным туземцам) и угрозу (колонизаторам-испанцам).

Как иудеям их заветный край / Был явлен... – Числ. 20:12; Втор. 34:1–5.

...как Земля меж Солнцем и Луной... – Лунное затмение.

1. ШТОРМ. КРИСТОФЕРУ БРУКУ

THE STORM. TO MR CHRISTOPHER BROOKE

План нападения на Гвиану (см. предыдущее стихотворение) был отменен, было решено атаковать в районе Азорских островов испанскую флотилию, груженную колониальным золотом. 5 июля 1597 г. флот вышел в море из Плимута. Но через несколько дней потрепанные штормом корабли вернулись в гавань, где оставались до 17 августа. Вероятно, во время вынужденного ремонта Донн написал это послание.

Кристофер Брук (1570–1628) – См. примеч. к «Мистеру К(ристоферу) Б(руку)».

Тебе – почти себе... – Трактовку друга как «альтер эго» см.: *Платон*. *Пир*, 192; Втор. 13:3.

Хильярд Николас (1547?–1619) – знаменитый художник-миниатюрист, гравер, потомственный ювелир по золоту и драгоценным камням. Был любимцем Елизаветы I и Иакова I, выполнял заказы королевского двора.

...За вздохом вздох бессильный исторгала... – О теории ветров см. примеч. к «Прощальной речи о слезах».

...Как бедолага в яме... – Если семья или родственники осужденного не могли оплатить его содержание в тюрьме, то его помещали в подвал, и он отработывал плату тюремщикам, даже если срок заключения закончился.

Сарра – жена Авраама, родившая Исаака в старости (Быт. 21:5–7).

Но как приятель... – В оригинале – аллюзия на средневековый обычай провожать гостя на расстояние, равное одному дню пути.

Иона – ветхозаветный пророк (Ион. 1:4–7).

...Как труп повешенного... – См. примеч. к «Сравнению».

Сизиф – царь Коринфа, за обман богов осужден вечно вкатывать на гору тяжелый камень.

Бермуды – острова в Атлантическом океане, уже в XVI в. известные частыми ураганами.

Мрак заявляет право первородства... – Быт. 1:2. Майорат – система наследования, при которой все имущество безраздельно переходит к старшему в роде или семье.

...Быть хаосом... – О полемике по поводу бесформенности мира см.: СТ, I, 66,1.

Покуда Бог не изречет... – Быт. 1:3.

2. ШТИЛЬ

THE CALM

См. примеч. к «Шторму». 17 августа 1597 г. после починки и ожидания попутного ветра флот разделился на флотилии Эссекса и Рэли. Последняя попала 9 сентября в двухдневный штиль, затем достигла Азорских островов, но испанский флот уже вошел в гавань Терсейры и экспедиция для англичан окончилась ничем.

...хуже Аиста Чурбан! – В басне Эзопа (XXVI) лягушки просили Юпитера дать им царя, он сбросил им в болото бревно, но они стали насмехаться над неподвижным царем. Тогда бог послал им смертоносную водяную змею. В средневековых версиях басни змея заменяется аистом.

...Так опустевшей сцены жалок вид... – После окончания пьесы снимался задник – ткань, драпировавшая сцену.

...все ветры... – В оригинале – аллюзия на теорию трех уровней атмосферы: в нижнем господствуют ветры, в среднем – холод и плотные облака, в верхнем ветров нет. По Донну, во время штиля воздух не движется ни в одном из слоев.

...ни друзей найти / Отставших... – Флотилия Эссекса.

...ни врагов... – испанский флот, возможно, двигавшийся к английским берегам.

...Болтаемся бессмысленной кометой... – В оригинале – «meteor», термин, употреблявшийся вслед за Аристотелем («Метеорология») для всех видов атмосферных явлений (ветер, дождь, град, снег, роса). Корабль находится между друзьями и врагами, как «метеор» между землей и небом.

Отсюда выход – только в рыбью пасть... – В оригинале упоминается «calenture» – вид лихорадки, главным образом тропической, когда от сильного солнечного или теплового удара больные бредили. Моряки могли прыгать за борт, принимая волны за цветущий луг.

...отрок в жаркой печи... – Один из трех иудейских юношей, брошенных Навуходоносором в раскаленную печь за отказ поклониться кумирам, но огонь не причинил им вреда и они свободно ходили внутри печи (см.: Дан. 3:13–91).

...в горячей ванне. – Аллюзия на озеро кипящей серы, в котором мучаются грешники (см.: Откр. 19:20, 20:10).

Баязет I (Баязид) (около 1354–1403) – турецкий султан, разбитый и плененный Тамерланом 20 июля 1402 г. По легенде, отраженной К. Марло в трагедии «Тамерлан Великий» (1588), Тамерлан, некогда скифский пастух, заключил Баязета в клетку, в которой тот и умер.

...наголо остриженный Самсон... – Библейский герой, по обычаю секты назореев не стриг волос. В них заключалась его сила. Когда волосы были острижены, Самсон ее потерял (Суд. 16: 4–21).

Как муравьи, что в Риме змейку съели... – Светоний (около 70–около 140) рассказывает, как император Тиберий, увидев свою ручную змею съеденной муравьями, истолковал это как знак «остерегаться насилия черни» (*Светоний. Жизнь двенадцати цезарей, Тиберий, 72, 2*).

...Галер, где стонут узники в цепях... – См. примеч. к «Изменчивости». Галера как гребное судно сравнивается с черепахой.

...град плавучий... – Венеция.

СЭРУ ГЕНРИ ГУДЬЕРУ
TO SIR HENRY GOODYER

Сэр Генри Гудьер (Гудьир) младший (1571–1627) – придворный, друг Донна, М. Дрейтона (1563–1631), Б. Джонсона. После окончания Кембриджа в 1589 г. поступил в Миддл Темпл, где, вероятно, и познакомился с Донном; на протяжении многих лет велась их переписка. Участник экспедиции графа Эссекса в Ирландию в 1599 г., где был посвящен в рыцари. Сэр Тоби Мэтью, английский придворный, дипломат и поэт (1577–1655), вспоминал Гудьера как «доброго и милого, приятного собеседника...», но непостоянного и расточительного. Последние годы жизни Гудьер, растративший семейное состояние, сильно нуждался и зависел от покровителей.

Кто новый год кроит на старый лад... – Возможно, послание написано перед Новым годом или днем рождения Гудьера. О датировке см. ниже.

Дворец {...} гостья... – Аллюзия на представление о теле как доме и душе как госте (см. примеч. к «Метемпсихозу», VII).

...Она же солнце и луну затмит... – Во время космической катастрофы Апокалипсиса солнце и луна погаснут (см.: Откр. 21:1, 23, 22:5).

...Ни молочком грудным кормить... – См. примеч. к «Портрету».

...В страду грешна пустая сил растрата. {...} Она вернулась к ветхому порогу. – Интерпретация Донном притчи о блудном сыне (Лк. 11–32).

...Как ястреба... – Донн иронизировал в письмах над аристократическими претензиями Гудьера, любившего дорогую соколиную охоту.

...познать и возлюбить – / Прекрасно, но и страх потребен Божий... – Пс. 102:13; 1 Петр. 1:17. Христианская добродетель, следствие благоговения к святости и воле Божией. О соотношении любви и страха см.: Ин. 4:18.

...И что на мисках пишется по краю? – Fruit-trencher – круглое деревянное блюдо, украшенное по краю сентенцией.

Митчем – пригород в 12 км на юго-запад от Лондона (ныне часть Большого Лондона), где Донн жил в 1605–1610 гг.

ПИСЬМО, СОЧИНЕННОЕ СЭРОМ Г.Г. И ДЖ.Д. ALTERNIS VICIBUS

A LETTER WRITTEN BY SIR H.G. AND J.D. ALTERNIS VICIBUS

Alternis vicibus (лат.) – поочередно. Стихотворение сочинено Гудьером и Донном: Гудьер написал нечетные строфы, Донн – четные.

...два солнца... – Стихотворение адресовано, вероятно, двум знатным дамам.

Анкор (Анкер) – река, протекающая через Полсворт-Холл, имение Гудьера в Уорикшире (здание не сохранилось).

...келейницы святой Эдит... – Полсворт-Холл был построен на месте древнего аббатства, основанного в 827 г. В X в. его настоятельницей была св. Эдит (961–984). После упразднения монастырей земля была продана деду Гудьера.

ad infiniti (лат.) – до бесконечности.

СЭРУ ГЕНРИ УОТТОНУ

(Что нового, я доложу вам, тут?)

TO SIR HENRY WOTTON

(Here's no more news...)

Генри Уоттон (1568–1639) – дипломат, писатель, друг Донна. В 1584 г. поступил в оксфордский колледж Харт-Холл (ныне Хартфорд-Колледж), где познакомился с Донном. В 1589–1594 гг. путешествовал по Европе (Гейдельберг, Вена, Флоренция, Женева). По возвращении в Англию стал секретарем графа Эссекса. В 1596 и 1597 гг. участвовал в экспедициях в Кадис и на Азоры. В 1599 г. сопровождал Эссекса в Ирландию. После ухода со службы у Эссекса предпринял секретную миссию из Тосканы в Шотландию, где оказал услугу королю Иакову. В 1603 г. посвящен в рыцари. Возглавлял посольства в Венецию (1604–1612, 1616–1619, 1621–1624), Савойю (1612), Гаагу (1614–1615). В 1624–1639 гг. – глава школы Итон-Колледж. Автор лирических стихотворений, гимнов, трактата «Элементы архитектуры».

...*Так посещаю Город я и Двор.* – Стихотворение могло быть написано во время службы у Эджертонна в 1597–1598 гг. В рукописи, принадлежавшей Р. Вудворду, датировано 20 июля 1597 г.

В сраженьях жизни... – См. примеч. к «Сатире III».

...*Кого Судьба (над ней же свой закон)...* – См. примеч. к «Метемпсихозу», I.

...*Индееца он окажется слабей...* – Испанцы завоевали и разграбили Южную Америку благодаря преимуществу в вооружении и эпидемиям черной оспы. Ф. Писсарро и 170 испанцев в битве при Кахамарке 16 ноября 1532 г. убили в течение нескольких часов 7 тыс. невооруженных инков.

...*А нынче Двор – актерскому шатру.* – Актеры и актерское ремесло пользовались особой любовью римских императоров-тиранов Калигулы, Нерона, Коммода.

...*их шахматных ходов.* – Со времени издания английским первопечатником У. Кэктоном в Брюгге «Правил игры в шахматы» (1474) игра воспринималась как обучение стратегии управления в военное и мирное время.

СЭРУ ГЕНРИ УОТТОНУ

(Сэр, в письмах душ слияние тесней...)

TO SIR HENRY WOTTON

(Sir, more than kisses, letters mingle Souls...)

Мотив сравнения жизни в деревне и городе известен из «Идиллий» (XX) Феокрита. В эпоху Возрождения на фоне увлечения пасторалью он получил новое развитие. В окружении графа Эссекса было создано несколько стихотворений, сравнивающих село, город и двор (Дж. Донн, Г. Уоттон, Ф. Бэкон).

...слияние тесней, / Чем в поцелуях... – См. примеч. к «Последнему вздоху».

...И, Пук травы, я лягу в обихий Стог. – Пс. 102:15; Ис. 40:6–8.

Ремора – См. примеч. к «Пути любви».

Скат – Бытовало представление, что скат выбрасывает из жала сильнодействующий яд, парализующий жертву на расстоянии (РЕ, III, 7).

Из трех что назову я худшей скверной? – Ср. в стихотворении Ф. Бэкона: «And where's a city from foul vice so free, / But may be term'd the worst of all the three?» (И где же найти город, настолько свободный от порока, / который можно назвать худшим из трех?).

Деревня – дебрь затерянная; тут / Плодов ума не ценят и не чтут. – Фома Аквинский считал, что добродетель – это плод ума (СТ, I, 40, 3). По Донну, селянам недоступны плоды ума и жизнь у них неосознанна.

Рассудок в твари обернулся вредом: / Пал первым Ангел, черт и люди – следом. – Ангельский интеллект превосходил человеческий (см. примеч. к «Восторгу»), так как не связан с материальным миром и может непосредственно созерцать божественное. Ср.: Эбрео Л. Диалоги о любви, I, 3 (ЭР. Т. I. С. 23).

Утопический – «Утопия» Т. Мора (1478–1535) заслужила репутацию идеально-го проекта устройства социальной, политической и нравственной сфер жизни, невозможного для реализации.

Живи в себе... – См. примеч. к «Мистеру Р{оланду} В{удворду} (Как женщина...)».

Улитка всюду дома... – Метафора стойка.

Не доверяй Галеновой науке... – См. примеч. к «Растущей любви». Донн имеет в виду, что не перемена мест жительства излечивает от пороков, а самопознание.

...Германцев ересь и французов блажь / Узнал – с безбожием латинским вкупе. – См. примеч. «На желание возлюбленной...».

...Извлек урок для всех времен и стран. – Донн ссылается на опыт Г. Уоттона во время путешествия 1589–1594 гг.

Данн – английское произношение фамилии Donne.

СЭРУ ГЕНРИ УОТТОНУ, ПРИ ЕГО ОТБЫТИИ ПОСЛОМ В ВЕНЕЦИЮ

TO SIR HENRY WOTTON, AT HIS GOING AMBASSADOR TO VENICE

Послание посвящено отъезду Генри Уоттона в Венецию 13 июля 1604 г. (см. примеч. к «Сэру Генри Уоттону (Что нового...)»). Донн приписал к посланию постскрипtum, где выражал надежду на встречу с другом перед его отбытием из Англии, поскольку королевское назначение было неожиданным.

...Его величья наделяют частью... – Верительные грамоты наделяли Уоттона статусом полномочного посла.

...от Факела его Свеча... – В проповеди Донн использует этот образ применительно к соотношению власти Бога и короля (Potter & Simpson. V, 85).

...Являл собой подобие луча... – О метафоре монарха как солнца см. «Эпиталаму... графа Сомерсета».

...оно само / От сердца говорит в смиренье гордом... – Письмо одновременно является «послом» от Донна к Уоттону и копией автора.

...Свидетельствуя дружбу и любовь... – Одной из миссий Уоттона было создание антииспанского и антипапского союза между Англией, Францией, Венецией, Швейцарией и германскими княжествами.

...*пройдя последний перегон...* – О дистилляции см. примеч. к «Сатире III».

...*В горниле дела, этом главном Тигле.* – См. примеч. к «Алхимии любви». Уоттон проходит последнюю стадию подготовки к деятельности посла (IV ступень алхимического процесса).

...*я большего не стою.* – Донн, потерявший надежду на удачную карьеру, не получивший приданного из-за скандала, в это время жил в Пирфорде, в доме сводного брата его жены сэра Френсиса Уолли.

...*И путь до неба одинаков всюду.* – Быт. 28:12.

Г(ЕНРИ) У(ОТТОНУ) IN HIBERNIA BELLIGERANTI

HENRICO WOTTONI IN HIBERNIA BELLIGERANTI

...*In Hibernia Belligeranti (лат.)* – «воюющему в Ирландии». Генри Уоттон принимал участие в подавлении восстания графа Тайрона в Ирландии с апреля до октября 1599 г. (см. примеч. к «Любовной войне»).

Что дружба побоку – пускай хиреет? – В ответном письме Уоттон удивляется жалобам Донна, поскольку его собственные ответы медленнее «ползут, как по болоту».

...*Смерть, что летит на пир...* – 23 августа 1599 г. от ран скончался Томас Эджертон-младший, сын Томаса Эджертона, лорда-канцлера (см. примеч. к «Сатире V»). Донну выпала честь нести его шпагу перед гробом.

...*Чем летаргию памяти твоей.* – Донн опасается, что друг уподобится ирландцам: тупым, забывающим хорошее, ленивым, беспечным и бесчувственным, как представляли их англичане.

Как эликсир, блуждаю в перегонной... – О дистилляции см. примеч. к «Сатире III».

...*И глаз, глядящих под печать письма...* – О перлюстрации см. примеч. к «Браслету».

СЭРУ ЭДВАРДУ ГЕРБЕРТУ, В ЖУЛЬЕР

TO SIR EDWARD HERBERT, AT JULIERS

Эдвард Герберт (1582?–1648) – поэт, дипломат, философ-деист, историк, старший брат поэта-метафизика Джорджа Герберта, сын Магдален Герберт. В 1596–1600 гг. обучался в Оксфорде, с 1605 г. жил в замке Монтгомери (см. примеч. к «Первоцвету»), в Париже (1608–1610). В 1619–1621 и 1622–1624 гг. был английским послом во Франции, в 1629 г. получил титул барона Чербери. Автор религиозного сочинения «Об истине» (лат., 1624), автобиографии (опубликована в 1764 г.), ряда трактатов и стихов. Послание Донна – ответ на сатиру Герберта «Триумф Зла» (август 1608 г.).

Жульер (совр. Юлих, земля Северный Рейн-Вестфалия, ФРГ) – с 1360 г. центр герцогства, с 1511 г. состоял в унии с герцогством Клевским. После династического кризиса (1609) на эту территорию претендовали ряд германских княжеств. В цитадели Жульера укрепились войска императора Рудольфа II, с июля по сентябрь 1610 г. ее осаждала и захватила союзная армия Голландии, Бранденбурга и Пфальцграфства Рейнского, где среди 4 тыс. английских волонтеров сражался Э. Герберт.

Клубку зверей подобен человек... – Душа более высокого уровня вбирает в себя качества более низших душ (см. примеч. к «Метемпсихозу», Предисловие).

Мудреци, смиряя, вводит их в Ковчег. – Согласно средневековым аллегорическим интерпретациям, Ной – это интеллект, а звери – усмиренные страсти (Быт. 7:14–16). Ответ на заключительные строки сатиры Э. Герберта: «The World, as in the Ark of Noah, rests, / Compos'd as then, few Men, and many Beasts» (Мир остается таким же, как Ноев ковчег, – / Как и тогда, в нем мало людей и много скотов).

Виварий – См. примеч. к «Метемпсихозу», III.

...И расчищает лес... – В оригинале – юридический термин «disaforest» – лишение земли статуса леса (охотничьих угодий), что позволяло ее запахивать и продавать (см. примеч. к «Божеству любви»).

...И может ждать от нивы плодородья... – Мф. 13:3–8.

...Он коз и лошадей себе завел... – Иер. 5:8.

...Одновременно боровом и бесом... – Мф. 8:30–34.

...Отраву Первородного Проступка... – По определению Тридентского собора (1547), первородный грех передается ребенку при зачатии.

Господь крошит нам мяту, как цыпльтам <...> В цикуту... – В оригинале в обоих случаях упоминается цикута (*Conium maculatum*, болиголов). Существовало мнение, что для мелких птиц цикута безвредна (РЕ, VII,17,4).

...Внося в него греховный хлад иль жар. – В работе «О ядах» (1606) «нидерландского Гипократа» Питера Ван Фореста (1522–1597) классифицируются яды по воздействию на организм (холод, жар, коррозия).

...Что человека мыслят в круге малом... – Донн в противовес учению, уподобляющему человека-микрокосма Макрокосму-Миру, видит в нем подобие Бога (Быт. 1:26). Ср.: *Донн Дж.* Обращения к Господу в час нужды и бедствий: Медитация IV // *Донн Дж.* По ком звонит колокол. С. 61–62.

...Что одному бальзам, другому яд... – Донн противопоставляет Форесту теорию Парацельса, что лекарство может быть ядом в зависимости от дозы. Ср. также у Феодорита Кирского: «...опиум и цикута, если за полезное признаны для кого врачами, делаются предохранительными средствами, а если приняты против законов искусства, вредны и пагубны» (*Феодорит Кирский.* Сокращенное изложение божественных догматов, VIII).

...Насытившись и зрелищем, и чтивом... – Мотив приобретения мудрости как поедания книги см.: Откр. 10:9,10.

МИССИС М(АГДАЛЕН) Г(ЕРБЕРТ)

TO MRS M. H.

Магдален Ньюпорт (1567?–1627), в первом браке – Герберт, во втором – Данверс; мать поэтов Эдварда и Джорджа Гербертов и патронесса Донна (см. примеч. к «Осенней элегии»). В 1607 г. они начинают регулярно обмениваться дружескими письмами. Донн укрывался от эпидемии чумы в ее доме, находившемся в Челси (пригород Лондона), несколько месяцев; одалживал деньги ее второму мужу и произнес проповедь на ее похоронах (см. примеч. к «Восторгу»).

...Из ветоши восстав, истлеешь снова. – Бумага изготовлялась из тряпичной полумассы: тряпье размалывали, размягчали, выдерживали в клеящих веществах и

вычерпывали сетчатыми формами, через которые стекала влага, и масса застывала в листы.

...Листок безжизненный, воскреснешь ты... – В Библии сухой лист – символ отпадения от Бога и смерти (Ис. 64:6), а зеленый – праведности (Притч. 11:28). Прикасаясь к листу, Магдален одаряет его своей милостью и праведностью.

И слух к тебе склонит она, как мать... – Практически все стихотворения Донна имели конкретного адресата, поэтому впоследствии он сам, его сыновья и исследователи собирали их в частных архивах.

...На пиришество умов и дарований. – Магдален была известна как ценительница и покровительница искусств.

...Хочу любить того, кто избран ею. – Речь идет о сэре Джоне Данверсе (1584/5–1655), брак с которым был заключен в феврале 1609 г.

ГРАФИНЕ БЕДФОРД НА НОВЫЙ ГОД

TO THE COUNTESS BEDFORD AT NEW YEARS'S TIDE

Люси Рассел, урожденная Харрингтон, графиня Бедфорд (1581–1627) – фрейлина королевы Анны, покровительница искусств, поддерживала отношения с Донном в 1607–1615 гг., была крестной матерью его дочери, Люси. Вела расточительную и активную придворную жизнь. В последние годы жизни попала под влияние кальвинистов, и отношения с Донном стали прохладными. Он написал проповедь на смерть графини Бедфорд в 1627 г.

...на Новый Год – Официальный Новый год в Англии по средневековой европейской традиции начинался с 25 марта (весеннее равноденствие и Благовещение), но сохранилась древнеримская традиция называть «днем нового года» и 1 января (Сатурналии).

...Как Метеор... – См. примеч. к «Лихорадке» и «Штилю».

...Что не Должник я и не Кредитор... – Если принять 1607 год как дату создания стихотворения, то Донну 35 лет (середина жизни), у него дебет прожитых лет сведен с кредитом предстоящей жизни.

...сильный алкоголь... – В оригинале – «tincture» в значении «эликсир, вытяжка» (см. примеч. к «Браслету»).

...порождая духов... – Эликсир способен проникать в любое вещество, растворять его духов (сущность, определяющая свойства) и заменять их своими.

Как бесконечность карлик сей постиг? – Каббалисты считали, что если узнать, написать и произнести истинное имя Бога, то человек познает Его.

...И похвалы в молитвы обратит. – Ср.: Венок сонетов, I.

...Что праздные забавы и веселье – / У места здесь... – Графиня Бедфорд была обязана и любила принимать участие во всех придворных развлечениях.

Он вашу душу примет, не позволяя / Слезинки ей пролить... – Пс. 55:14.

...а коль прольет, / Тем окрестится вновь... – Крещение слезами Григорий Назианзин, греческий мыслитель и церковный деятель, считал возможным для кающихся, которые денно и нощно обливают свою постель слезами. Поскольку графиня практически безгрешна, то она может получить такое крещение после первой же слезинки.

ГРАФИНЕ БЕДФОРД
(Честь – совершенства высшего венка...)
TO THE COUNTESS OF BEDFORD
(Honor is so sublime perfection...)

Послание строится на перечислении отношений взаимозависимости между иерархическими элементами цепи Бытия.

...*И сам творец иметь ее не мог...* – Честь предполагает несовпадение объекта и субъекта. Ангелы первыми стали чтить и славить Творца (*Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии, VII*).

...*Как дольных две стихии <...> А горние бесплодными сльвут...* – Земля и вода дают жизнь, а огонь и воздух ничего не порождают и не служат средой обитания (*Аристотель. Метеорология, IV,4*).

...*Навоз к сему – удобнейшая печь.* – Тепло преющего навоза и сена – результат медленного окисления органических веществ растительного происхождения. Эта энергия использовалась в процессе дистилляции для подогрева вещества.

...*Как уличный балладник...* – В оригинале: народная баллада может быть угоднее Богу, чем церковный гимн «Te Deum». М. Лютер, переводя богослужебные каноны на немецкий язык, использовал народные полифонические песнопения.

...*Как рев земной утробной глубины.* – В пещерах Этны постоянно слышался гул вулканической активности.

...*В замес вложив бессмертия щепоть.* – *Августин.* О книге Бытия, VII, 5.

В нем, как Пчелу в осколке Янтаря... – *Марциал.* Эпиграммы, IV, 32.

...*сквозистом камне...* – См. примеч. к «Подвигу».

...*с животной и растительной душой...* – См. примеч. к «Метемпсихозу», Предисловие.

Благоразумье – одна из высших добродетелей, по Платону (см. примеч. к «Мистеру Р(оланду) В(удворду) (Как женщина...)»). Ср.: *Фичино М.* Комментарий на «Пир» Платона, IV, 5.

...*А вера – христиан...* – В оригинале – «religion» в значении «признание высшей силы, контролирующей судьбу человека и требующей почитания и послушания» (OED, religion, 5a).

...*Бог – это центр и средоточье сфер.* → Августин считал Сферу геометрическим символом Бога; в Шартрской теологической школе (XII в.) появилось определение: «Бог – это сфера, окружность которой нигде, а центр – везде». Ср.: СТ, I, 14, 6.

ГРАФИНЕ БЕДФОРД
(Рассудок – левая рука души...)
TO THE COUNTESS OF BEDFORD
(Reason is our soul's left hand...)

Рассудок – левая рука души, / А вера – правая. – Николай Кузанский сравнивает веру с правым глазом, а разум с левым (Проповеди, IV, 23, 16–17). Донн заменяет созерцающий глаз на деятельную руку. Соотношение между верой и разумом как способами познания Бога и Мира – постоянный предмет полемики

богословов начиная с раннего христианства. П. Абеляр был первым, кто в средневековье легитимировал интеллектуальное познание: «...чем более трудными вопросами (...) кажется наполненной наша христианская вера и чем дальше она от человеческого разума, тем более надежными подпорами разума следует ее укреплять...» (Абеляр П. Введение в теологию // Памятники средневековой латинской литературы X–XII веков. М., 1972. С. 292–293). Фома Аквинский уточнил роль разума: «Священное учение пользуется человеческим разумом не для того, чтобы доказать веру, а чтобы прояснить (manifestare) все, что предлагается в этом учении» (СТ, I, 8, 2).

...*Я ж верую, не досягая взглядом.* – Ин. 20:29. Вероятно, Донн еще не был удостоен личной встречи с графиней, и это послание к ней – первое.

...*Теперь обнять умом хочу я тоже.* – Ср. высказывания Августина: «И разум не обходится совершенно без авторитета, когда речь заходит о предмете веры; и совершенно ясно, что высшим авторитетом является познанная и постигнутая истина» (Августин. Об истинной религии, 24, 45) и теолога и философа Ансельма Кентерберийского: «Credo ut intelligam» (Верую, чтобы понимать).

...*И пониманья превосходит...* – Герой достиг предела спекулятивного познания и обращается за помощью к церковным догматам.

...*Вы добры.* – Всеблагость – одно из основных качеств Бога (ср.: Августин. О Троице, VIII,3).

Во всяком теле некий есть Бальзам... – См. примеч. к «Твикнамскому саду».

...*Почище Митридатова, состав...* – Митридат VI Евпатор (132–163 до н. э.), царь Понта. Согласно легенде, желая себя обезопасить от заговоров, регулярно пил особое противоядие (Antidotum Mithridates), состоящее из 65 ингредиентов (Корнелий Цельс. О медицине, V, 23, 3).

...*Вы добрый ангел в образе жены...* – В проповеди о женах-мироносицах Донн говорит, что ангелы всегда являлись в облике мужчин, хотя добрые женщины на земле становятся ангелами (Potter & Simpson, IX, 190).

...*мытарство...* – Собираение дани, налогов. В оригинале графиня сравнивается с фактором (посредником при сделке, торговым агентом – OED, factor, 3, 4a).

ГРАФИНЕ БЕДФОРД
Из Франции, незаконченное
(Пусть лягу в гроб, отмаясь, отгрешив...)
TO THE COUNTESS OF BEDFORD
(Thou I be dead, and buried, yet I have...)

Донн был во Франции в течение шести месяцев с ноября 1611 до апреля 1612 г.

...*Я при Дворе...* – В окружении леди Бедфорд.

...*И исповедаться меня влечет.* – В Страстную неделю принято исповедоваться. Донн-протестант, в традициях Августина, называет исповедью словесное произведение.

...*Хвалить в стихах иные Рудники.* – По дошедшим до Донна слухам, Люси Бедфорд выразила недовольство высокой хвалой в адрес Элизабет Друри (см. примеч. к «Первой годовщине»).

...оригинал, / И копия способна дать урок... – Поскольку Элизабет умерла в отрочестве, то она является лишь копией полностью раскрывшейся добродетели леди Бедфорд.

ЛЕДИ БЕДФОРД, ПРИ ПОСЫЛКЕ ЭЛЕГИИ
НА СМЕРТЬ ЛЕДИ МАРКХЕМ

(Вы – вы и та, кто вами был...)

TO THE LADY BEDFORD

(You that are she and you, that's double she...)

4 мая 1609 г. в Твикнам-Парке умерла двоюродная сестра Люси Бедфорд, леди Бриджит Маркхем (1578/9–1609). А 4 августа – двоюродная племянница, фрейлина, Сесили Боулстред (1584–1609). В оригинале нет подзаголовка, и послание могло сопровождать элегию на смерть одной из них.

Вы – вы и та, кто вами был вдвойне... – О единстве любящих душ ср. «Шторм» и «Восторг». В мистической математике любви один равен двум и два одному. По словам Л. Эбрео, благородная дружба делает из двоих одного, из одного двоих (*Ebreo L. Philosophy of Love... P. 31*).

...Пусть тот в Москве рожден, а тот в Перу... – Друзья соотносятся между собой как антиподы, живущие на противоположной стороне земного шара.

...Созвездья одного... – Зодиакальное созвездие Близнецов.

...Тончайшие частицы устоят... – Первоэлемент, первоматерия. См. примеч. к «Геро и Леандру» и «Сатире V».

...Вернулись к вам (...) куда несут струи... – Донн выстраивает концепт перемещения добродетели по аналогии круговорота воды: дождь – реки – океан. Ср.: Ис. 44:3.

...символ совершенства – круг. – Иероглиф божественного покоя и бесконечности.

Там – пряности, тут – золото и серебро... – Для европейцев источником первых была Ост-Индия, а вторых Вест-Индия.

...Не истребить крупницы золотой... – См. примеч. к «Прощанию, запрещающему печаль».

...Опричь «Юдифи»... – Иудифь оставалась верной своему умершему мужу и носила траур три года и четыре месяца (Иудифь 8:7–8; 11:21,23). В послании, вероятно, речь о леди Маркхем, так как она, в отличие от незамужней С. Боулстред, была вдовой последние пять лет.

ГРАФИНЕ БЕДФОРД ПРИ ПОЛУЧЕНИИ ОТ НЕЕ СТИХОВ

TO THE COUNTESS OF BEDFORD

Симония – продажа и покупка св. сана (Деян. 8:18–42).

...молчать неблагодарно – грех. – См.: *Сенека*. О благодеяниях, III, 127. В поведеньях Донн говорил, что о неблагодарности больше всего писали Плутарх, Сенека (Potter & Simpson, VI, 42).

...Юпитера взял Петр, Дианы – Павел... – По легенде, храм Юпитера Капитолийского стал собором Св. Петра в Риме, а храм Дианы в Лондоне – собором Св. Павла.

Куда? – я это понял, вас узнав... – О Люси Бедфорд как прибежище добродетели см. примеч. к предыдущему посланию.

...И выкупает, чести верный страж, / Полмира – пол, я мною, не мой, а Ваш. – Если согласиться с мнением, что Люси уподобляется Новой Еве, Деве Марии, то здесь имеются в виду не только ее добродетели, но и дети патронессы, умершие в раннем младенчестве. Последнее обстоятельство могло стать причиной набожности, приведшей графиню Бэдфорд к пуританам.

...Кряхтя, как в гору, под гору бредем. – Образ Холма Добродетели встречается у Гесиода, Лукиана. Страх перед восхождением и желание вернуться см.: БК, Ад, I, 13–93.

Подобно солнцу... – Отношения между душой и телом описываются по аналогии с гелиоцентрической системой.

Тень от Земли надкусывает грушу / Луны... – Коперник объясняет лунные затмения вращением Земли и статусом Луны как спутника.

...труд и слово – / Одно безблагодатно без другого. – Критика в адрес монастырей, основанная на толковании 3 Фес. 3:8–13.

...«плугом в пахоту упрись... – Лк. 9:62.

...Благое семя в плевел превратится... – Считалось, что ядовитый плевел (*Lolium temulentum*) зарождается в зернах пшеницы из-за отсутствия ухода за почвой и растениями.

...Мы сами изгоняем... – Ср.: Августин. О Граде Божием, XIV, 3: «Не плоть тленная сделала душу грешной, а грешница-душа сделала плоть тленной».

...Он может жаб, червей и змей плодить... – В медицинских книгах часто описывались случаи нахождения подобных существ внутри человека.

Вирджиния – См. примеч. к «Рассказу о горожанине...». С 1612 г. Люси Бедфорд стала пайщицей компании.

...Две новых в небесах звезды зажгли... – Вопреки средневековому мнению о неизменности сферы неподвижных звезд Тихо Браге зафиксировал рождение сверхновой звезды в созвездии Кассиопеи (1572), Кеплер в 1604 г. – еще одной в созвездии Змееносца.

...оно стоит / На двух китах... – В письме обосновываются два тезиса: мир порочен, но она – скала Добродетели в нем.

Политики злым вышибают злое... – Ср. у Н. Макиавелли: «...государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствует беспорядку» (*Макиавелли Н.* Государь, 17).

ГРАФИНЕ БЕДФОРД

(Мадам, благодарю; я буду знать вперед ...)

TO THE COUNTESS OF BEDFORD

(Madam, You have refined me, and to worthiest things...)

...в Деревне... – одно из поместий графини Бедфорд, возможно, Твикнам-Парк.

...новая заря! Взойдет над миром новообретенным... – Донн контаминрует Библию, учение Дж. Бруно о множественности миров и открытие сверхновых звезд (см. примеч. к предыдущему посланию): если рождаются новые светила, то они творят и новые миры (Быт.1:5).

Антиподы – Платон употреблял это слово в значении противоположного географического положения на шарообразной Земле (*Платон*. Тимей, 63а), затем оно стало применяться к людям. Представления о людях-антиподах критиковал Августин (О Граде Божиим, XVI, 9).

...*Пусть Солнце, ваш наместник...* – Ср. с «Страстной пятницей 1613 года».

...*Хрустальные, сверкающие стены...* – См. примеч. к «Подвигу».

Эскуриал – укрепленная резиденция испанских королей, монастырь, библиотека, усыпальница. Построен в 1563–1584 гг. в 45 км на северо-запад от Мадрида.

Когда добро и красота – одно... – Ср. у Фичино: «Различие между благом и красотой такое же, как между семенем и цветком» (*Фичино* М. Комментарий на «Пир» Платона, V, 1).

...*и часть, и целость...* – Ср. полемику древнегреческих философов Сократа и Протагора в диалоге Платона: соотносится ли часть с целым так, как части золота в слитке, либо как части лица: они не похожи ни на то целое, которое составляют, ни на друг на друга и имеют каждая свое особое свойство (*Платон*. Протагор, 329d–330c).

...*Схоластикой, от коей неотвязны / Сомнения...* – Принцип схоластического доказательства строился на опровержении противоречащих концепций, которые обязательно предпосылались самому обоснованию и так становились его частью.

Херувим – второй чин первой степени ангельской иерархии (см. примеч. к «Браслету»), созерцает множеством глаз Бога и проникает в тайны спасения.

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ

EPITAPH ON HIMSELF

ГРАФИНЕ БЕДФОРД

TO THE COUNTESS OF BEDFORD

Эпитафия в издании 1633 г. была помещена в раздел религиозной поэзии.

Кабинет (OED, cabinet, 5a) – небольшой подвесной или переносной шкафчик для писем, документов, драгоценностей и т.д. со множеством полочек, ящичков, часто резной, украшенный инкрустацией.

OMNIBUS

КО ВСЕМ

Вторая часть эпитафии – вариация на стихи 1Кор. 42–58. «Omnibus» (*лат.*) – ко всем.

...*уклад сломать велит...* – На надгробиях принято было писать о похороненном, а герой хочет сказать обо всех людях.

Сырою глиной мы ютимся тут... – Европейцы долгое время считали, что заготовки для фарфора китайцы складывают под землю на 80 или 100 лет для созревания (PE, II, 5,7).

...*слитком золотым в земле...* – Химическая инертность золота объяснялась совершенной пропорцией составляющих его элементов, поэтому все вещества стремятся стать золотом, что и является метафорой воскрешения.

ПИСЬМО ЛЕДИ КЭРИ И ЕЕ СЕСТРЕ МИССИС ЭССЕКС РИЧ
ИЗ АМЬЕНА

A LETTER TO THE LADY CAREY, AND MISTRESS ESSEX RICH,
FROM AMIEN

Летиция леди Кэри и Эссекс Рич – дочери сэра Роберта Рича (1559?–1619) и Пенелопы (1563–1607), уржд. Девере (прототип Стеллы – героини «Астрофила и Стеллы» Ф. Сидни).

Письмо – единственный сохранившийся поэтический автограф Донна, найденный на аукционе Сотбис в 1970 г. в числе рукописей из коллекции герцога Манчестерского.

Амьен – город на севере Франции, где Донн находился в 1611–1612 гг.

...хвалят Всех Святых... – Католическая церковь празднует день Всех Святых 1 ноября, возможно, в этот день послание написано. Протестанты отменили культ святых.

Но ангелов иных, помимо вас... – Донна Ангеликата – образ Лауры, созданный Петраркой.

Неофит – новообращенный в религию.

...Но здесь легко прощение купить. – Предметом критики Лютера и протестантов были римские индульгенции – грамоты об отпущении грехов, покупаемые за деньги или услуги.

...где вера – не в большой цене... – См. примеч. к «Сатире II».

Гумор – См. примеч. к «Сатире I».

...Он в желчь... – Холерический тип темперамента.

...Стать полновесным слитком золотым... – Иов 23:10; 1 Тим. 2:9,10. См. примеч. «Omnibus (Ко всем)».

Она не мечет стрел... – Женская красота как стрела – куртуазный и петраркистский мотив (*Петрарка* Ф. Канцоньере, 3, 38).

...Душ притяжение... – О законе симпатии см. примеч. к «Метемпсихозу», VII.

...удвоенье перспектив... – В Европе с середины XVI в. входят в моду оптические обманы в архитектуре (Л. Бернини), в этих целях использовались и дорогие венецианские зеркала, которые умножали перспективу в зависимости от их количества в помещении.

ГРАФИНЕ ХАНТИНГТОН

(...Они – как дикари, что бродят наги...)

TO THE COUNTESS OF HUNTINGTON

(That unripe side of Earth...)

Леди Элизабет Стенли, графиня Хантингтон (1587–1633) – дочь графа Фердинанда и Алисы Дерби, с 1600 г. падчерица Томаса Эджертон. В 1603 г. вышла замуж за Генри Гастингса, унаследовавшего титул графа Хантингтона в 1605 г. Была известна образованностью и набожностью. Возможно, стихотворение написано на бракосочетание, начало послания утеряно. Опубликовано в издании 1635 г.

Сэр Уолтер Эштон (1580–1639) – придворный, увлекался поэзией, но неясно, сочинял ли он стихи и был ли знаком с графиней Хантингтон.

...Не знай бедняги наготы своей... – Быт. 3:7.

Атомы – В Средние века критиковали атомизм Демокрита (460–371 гг. до н.э.), учившего, что мир состоит из мобильных комбинаций атомов и пустот; от вещей образы (идолы) истекают к органам чувств, воздействующих на огненные атомы души.

...Элегии, скрестившей томно длани... – См. примеч. к «Портрету», «Разлуке с нею».

Он от любви то стынет, то горит... – О симптомах и знаках любовной меланхолии см.: АМ, III, 1, 3.

...С деревьями, забывшись, говорит... – Топос «любовного безумия» в рыцарском романе (см.: *Ариосто Л.* Неистовый Роланд, 6, 19 и далее; 23, 124–136; *Сервантес М.* Дон Кихот. Ч 1, гл. 25, 26).

...Кто ввел мольбы да пени в обиход! – Выпад против увлечения петраркизмом.

Как сонный Хаос (...) для мира благу... – Описание Парацельсом сотворения мира: разделение элементов и очищение стихий.

...Так и любовь на свет порождена... – О рождении Эроса ср.: *Фичино М.* Комментарий на «Пир» Платона, VII, 7.

...Пока во льдах прохода нет для судна. – См. примеч. к «Эпиталаме ...графа Сомерсета».

...В привратники я, право, не гожусь. – Ср.: ЛЭ, I, 6.

...Перенимая каждое движенье, / Влекутся тени... – Ср. «Лекцию о тени». Средневековый философ Р. Гроссетест («О свете, или о начале форм») в духе неоплатонической теории эманации считал свет простым, вбирающим в себя все и самоидентифицируемым: «...из световой точки тотчас же порождается сколь угодно большая световая сфера, если только путь распространения света не преградит нечто, способное отбрасывать тень» (в пер. А. Шишкова. Цит. по: Вопросы философии. 1995. № 6. С. 124). Из потока световой энергии образовалась вселенная, свет – источник бытия и красоты.

...От вас, а кто вблизи – огнем спален. – Инверсия мифа о Зевсе и Семеле.

Но воздух равно напоен сияньем... – Кеплер считал, что ухудшение видимости объясняется не законом перспективы, а рефракцией (отражением и преломлением) света в воздухе, которую он пытался математически вычислить.

...В ряд добродетелей не включена... – Платон не включает любовь в число добродетелей. См. примеч. к «Мистеру Р(оланду) В(удворду) (Как женщина...)».

...Все до одной включает их она. – Мф. 22:36–40; 1 Кор.13.

ГРАФИНЕ ХАНТИНГТОН

(Мадам, не в женщине впервые воплощен...)

TO THE COUNTESS OF HUNTINGTON

(Madam, Man to God's image...)

Мадам – послание адресовано замужней даме.

...Не в женщине впервые воплощен / Господень дух и образ... – Быт. 1:26–27.

...не велит закон / Делами ведать и служить во храме. – 1 Тим. 2:11–14.

На основании высказываний Тертуллиана (Против еретиков, 41, 4–5), Августина (О еретиках, 1, 17), Иоанна Златоуста (О священстве, 2, 2) и др. церковные каноны запрещали рукоположение женщин. В средневековом праве женщины не имели и юридической ответственности, которая возлагалась на главу семьи.

...*Возникшая – вот истинное чудо!* – О сверхновых звездах см. примеч. к «Графине Бедфорд при получении...»; о кометах – к «Лихорадке».

И как звезда, что трех царей... – Мф. 2:2–9.

Мир постарел. – См. примеч. к «Сатире V».

...*Снижение солнца...* – Сторонники геоцентрической системы, противники Кеплера, высказали предположение, что если существует притяжение небесных тел (симпатия), то Солнце упадет на Землю. Этим объясняли и астрономию Апокалипсиса (Откр. 6:12–13).

Эликсир – См. примеч. к «Браслету».

Мать и Жена – всего лишь имена / Для женщины... – Ср.: 1 Кор. 7:34, 38; 1 Тим. 2:15.

...*Как с воздухом вода (...)* Подобно облакам... – Платон. Тимей, 29 с.

...*Сиятельная ваша добродетель.* – Ср.: Откр. 12:14–17.

Как верноподданный... – О метафоре власти-света см. примеч. к «Эпиталаме... графа Сомерсета».

...*что стих мой льстив...* – Ср.: АС, XXXV.

...*А я лишь исполнительный писец...* – Позиция пророка, хрониста и монаха, пишущего житие, подчиняющегося воле Господа и лишенного статуса автора.

Я был пророком вашим... – Донн считает, что он первым увидел и оценил подлинность добродетели Элизабет.

ГРАФИНЕ СОЛСБЕРИ

TO THE COUNTESS OF SALISBURY

Леди Кэтрин Ховард, дочь Томаса графа Саффолка, сестра Френес Ховард (см. примеч. к «Эпиталаме... графа Сомерсета»), в 1608 г. вышла замуж за Уильяма Сесила, впоследствии 2-го графа Солсбери. Об отношениях Донна с семейством Солсбери ничего не известно, но в 1614 г. у них на службе состоял друг Донна Дж. Геррард, который мог передать адресату это послание (в некоторых рукописях оно датируется августом 1614 г.).

...*когда и солнце не в цене...* – Открытие немецкими астрономами Д. и Й. Фабрициусами солнечных пятен в 1611 г. осталось практически неизвестным вплоть до публикации Галилеем в 1613 г. «Писем о солнечных пятнах».

...*храм / Торгуют в розницу по мелочам...* – В крытых галереях храма Св. Павла велась торговля.

...*А слитки благородного металла...* – См. примеч. к «Письму леди Кэри...».

И хоть случалось мне хвалой похожей / Хвалить других... – Диапазон социальных ролей женщин был ограничен, и Донн вынужден оправдывать свои однотипные похвалы, поскольку их добродетель проявляет себя одинаково.

...*Создай Господь Адама в первый день...* – Риторическая фигура допущения используется в аналогии между историей сотворения Мира (Быт.1) и появлением патронесс.

...*В душе растительной, затем животной...* – См. примеч. к «Метемпсихозу», Предисловие.

Констебль – «приходской констебль» – низшее должностное лицо, ответственное за поддержание порядка на территории прихода (OED, constable, 5c).

Вы – свет и книга... – См. примеч. «На раздевание возлюбленной».

...И под землей... – В оригинале – аллюзия на пещеру нимф Платона (Государство, VII).

...что добывал свой хлеб / Искусствами, был от рожденья слеп... – Гомер.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЭЛЕГИИ

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ Л.К.

ELEGY ON THE L.C.

Стилистический анализ позволяет комментаторам отнести элегию к раннему периоду творчества. Не установлено, чья смерть оплакивается. Вероятны три варианта: 1) лорд-камергер Генри Кэри, барон Хансон (1526–1596); 2) Х. Гарднер полагает, что под инициалами Л.К. кроется не покойный Томас Кранфилд (умерший в 1595 г.), а оплакивающий его сын, Лайонел Кранфилд (1575–1645), финансист, государственный деятель, с которым Донн был знаком; 3) Дж. Кэри, английский литературовед, считает, что это сэр Томас Эджертон-младший, погибший в Ирландии в 1599 г.

...И вдоволь слез... – Древние греки считали, что родственники умершего должны пролить больше слез, чтобы Коцит, река слез, не иссякала.

Как вянет плющ... – В оригинале – «sweetbriar» – шиповник ржаво-красный (*Rosa rubiginosa*), его выращивали в садах из-за приятного яблочного запаха листьев. Ср.: Спенсер Э. Пастушеский календарь, II.

...Направил он корабль... – Мифологический топос путешествия души умершего на погребальной ладье в иной мир.

...свои доверить вклады. – Томас Кранфилд был акционером Компании торговцев с Восточными землями (Company of Merchants of the East): морские путешествия в надежде на большую прибыль прибыль финансировали купцы-пайщики.

...Семья живым надгробьем замерла. – Ср. «Ниобею».

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ ЛЕДИ МАРКХЕМ

ELEGY ON THE LADY MARKHAM

Бриджит леди Маркхем – См. примеч. к «Леди Бедфорд, при посылке элегии на смерть леди Маркхем». На ее смерть написал элегию Ф. Бомонт (1584–1616).

Смерть – Океан, которому во власть (...) грозящий вал не достигнет... – Ср.: Донн Дж. Обращение в час нужды и бедствий, XVII.

...Но даже токи наших высших слез (...) Становятся от скорби солонь. – Ср.: БК, Ад, XIV, 112–120.

Твердь более не делит воды над / и под... – Быт. 1:7.

...потоп не ведает преград. – См. примеч. к «Прощальной речи о слезах».

В Китае, глиняный зарыв сосуд... – См. примеч. «Omnibus (Ко всем)».

...этот мир спалив... – Откр. 18:8. См. примеч. к «Лихорадке».

...Смерть поражает наше тело... – Откр. 6:8.

...две смерти погребла... – Победила смерть тела и смерть души (Откр. 20:6–15; 21:8).

...от малого пятна / На снежной белизне. – Откр. 3:5.

...Зерцало треснет, если капнет яд. – В оригинале – хрусталь. Сэр Томас Браун (1605–1682), английский врач и ученый, опровергает популярное представление, что если яд попадет в сосуд из венецианского стекла, тот треснет или взорвется (РЕ, VII, 17, 3).

...не прослыть безгрешною совсем. – В оригинале – «грешила, чтобы подтвердить, что “все грешны”»... – Аллюзия на 3 Цар. 8:46, Притч. 20:9, Екк. 7:20, 1 Ин. 1:8. Ср. также: Ин.8:7.

Быстрей, чем огнекрылый херувим... – Речь идет об изображениях херувимов на крышке Ковчега Завета (Исх. 25,18–21).

...По лестнице своих же слез взошла. – Христианский символ, означающий постепенное восхождение души к спасению и богопознанию (БК, Рай, XXI, 28–33).

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ МИССИС БОУЛСТРЕД

(О Смерть, перед всеильностью твоей...)

ELEGY ON MISTRESS BOULSTRED

(Death I recant...)

Две элегии на смерть миссис Боулстред, по мнению современного исследователя К. Саммерса, были частью поэтического диалога между Донном и графиней Бедфорд.

Сесилия Боулстред (Балстроуд) – См. примеч. к «Леди Бедфорд, при посылке элегии на смерть леди Маркхем».

...От дерзких отрекаюсь я речей... – См.: «Священные сонеты», X.

И мало ей земли! – См. примеч. к предыдущей элегии.

...Когда б не Смерть... – Некоторые теологи считали, что Адам своим грехопадением принес смерть и зло в тварный мир (Рим. 5:12). Оппоненты утверждали, что твари, кроме человека, изначально были смертными (Быт. 1:29–30). Богослов Афанасий Александрийский развил теорию «естественного закона смерти», от которого изначально человек был освобожден.

Средь ангелов явился б чин десятый. – См. примеч. к «Браслету».

Смерть не рожденная! Откуда ты... – Прем. 1:13–16.

Антихрист – Откр. 20:10 – 14.

...Лишь разные ступени умиранья... – Ср.: «То, что мы именуем жизнью, есть (...) семизды пройденная смерть» (Донн Дж. Дуэль со смертью // Донн Дж. По ком звонит колокол. С. 331).

...Себе лишь часть добычи отобрав. – Мф. 22:14. См.: Кальвин Ж. Наставления в христианской вере, III, 21, 1. Т. 2. С. 376.

...Ты в гневе нижний разнесла покой... – Смерть разрушила тело.

...Как грех меж праведником ослабелым / И благодатью... – 2 Кор. 4:14–18.

...Иль тайно возделая к ней... – Мф. 5:10.

...В унынье могут впасть. – Фома Аквинский причислил уныние (*acedia*) к смертным грехам, поскольку человек не прилагает усилий к своему спасению (СТ, II(II), 35).

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ МИССИС БОУЛСТРЕД

(Речь, ты бессильна облегчить нам муки...)

ELEGY UPON THE DEATH OF MISTRESS BOULSTRED

(Language thou art...)

О Скорбь, царица пятой из империй... – Интерпретация видения: Дан. 2: 42–43.

...сапфир прозрачный... – Атрибут Божьего престола, символ небесного, чистого, светлого (Исх.4:10).

...Всех добродетелей без исключения. – В оригинале – «*vertues cardinal*» – термин Фомы Аквинского (СТ, II(1), 61). Вслед за Платоном (Федон, 68) он относил к ним умеренность, стойкость, мудрость и справедливость. Уникальным является то, что Донн находит их все в 30-летней женщине.

...Чтоб возлюбить ее мы не смогли / Превыше Неба... – Мф. 10:37.

...куст неопалимый... – Исх.3:2.

...Она верховным ангелам равна... – В оригинале героиня приравнивается к серафимам (Ис. 6:2).

...Лемнийской глиной станет благородной... – Красная глина с острова Лемнос, использовалась в медицинских целях от воспаления глаз, как противоядие и т.д. (ЕИ, XXXV, 14). Считалось, что ее надо собирать 6 августа (Сесилия умерла 4 августа).

...вечным деревом... – В оригинале – «*spruce*» (норвежская либо обыкновенная ель), ценная порода дерева, не гниющая из-за высокой смолистости. Донн выстраивает концепт: нетленный алмаз тела будет заключен в негниющий ларец, окруженный целебной глиной, что сохранит ее тело нетленным для воскрешения.

ЭЛЕГИЯ НА БЕЗВРЕМЕННУЮ КОНЧИНУ
НЕСРАВНЕННОГО ПРИНЦА ГЕНРИELEGY UPON THE UNTIMELY DEATH OF
THE INCOMPARABLE PRINCE HENRY

Генри Фредерик, принц Уэльский (1594–1612), старший сын и наследник Иакова I, убежденный протестант, сторонник войны с католиками, коллекционер, покровитель живописи и архитектуры. Умер от тифа 6 ноября. Элегии на его смерть были опубликованы в 1613 г. в сборнике «*Lachrymae Lachrymarum*» (Слезы слез). Со слов Бена Джонсона известно высказывание Донна, что в элегии он стремился «сравниться с темнотой» стихов Э. Герберта.

...Рассудок наш, как некий свод, / Объемлет {...} мирозданье. – В оригинале – «круг». Философ-неоплатоник Плотин исходил из того, что мы познаем/созерцаем все (природу, ощущения, размышления и сам ум) при помощи ума. «Чем отчетливей вера, тем спокойнее созерцание» (О природе, созерцании и едином, VI,14); «...начав

созерцать единое, ум (...) сделался многим (...) Сходным образом развернувший себя круг оказался плоской фигурой, окружностью, центром, радиусами, тем, что ближе к центру, и тем, что на периферии. (...) будучи всяким умом, он оказался умом всего» (Там же. VIII, 30–45). См. также примеч. к «Графине Бедфорд (Рассудок – левая рука...)».

...*Вершины и провалы* (...) *Доступно только Вере*. – См. примеч. к «Мистеру Т.В. (Ступай, мой стих...)».

...*Могучий ум в одной сойдется точке...* – В оригинале – геометрический концепт: сначала разум и вера – фокусы эллипса, но иногда они совмещаются и получается круг с одним центром. Такое идеальное совпадение разума и веры было присуще принцу.

Простертых в ожиданье... – Принц имел репутацию образованного религиозного, целеустремленного человека, и европейские дворы уже устанавливали с ним политические контакты.

...*Как скат морской...* – См. примеч. к «Сэру Генри Уоттону (Сэр, в письмах...)».

...*Сплотив душою христианский мир...* – Внешняя политика короля Иакова I была подчинена идее общеевропейского мира.

...*в вечность канут / Усобицы, и мир, погрязший в эле...* – Ис. 60:10–22.

...*Узрит преддверье рая на земле?* – Доктрина Иакова о монархии (см., например, Речь к Палатам лордов и общин в Уайтхолле 21 марта 1609 г.) покоилась на положении, что короли – это боги и сыновья Бога (Пс. 80:6), и их богопослушное царствование продлится до Царства Божия (1 Пар. 17:13).

...*Слышны уж снова речи о войне*. – Мф. 24:3, 6–8.

...*А прадед Прах...* – Быт. 3:19.

...*О смерти молим...* – Откр. 9:6.

Мандрагора – См. примеч. к «Твикнамскому саду».

Когда рассудок – только нить, / Что следствие должна соединить / С причиною... – «Ratio» (разум, рассудок), одна из четырех способностей души, ее умение логически мыслить.

...*Как без основы...* – В оригинале – «если все субстанции утрачены», то нет и акциденций, т.е. без веры и разума нет и принца (см. примеч. к «Пути любви»).

...*цепь, чьи сомкнутые звенья...* – Одна из древних идей иерархичной структуры мира, чьи элементы взаимосвязаны. Высказана Платоном в «Тимее» (27d–29c) и упорядочена Плотиним: «...мир истинно-сущего представляет как бы длинную цепь жизни, в которой каждая предыдущая форма производит последующую, каждая последующая производится предыдущей, но так, что предыдущая не истощается в последующей и ее не поглощает, – так, что все они друг от друга отличны и в то же время составляют одно непрерывное целое» (*Плотин*. Эннеады, V, 2, 1–2). Концепция была адаптирована христианством: Дионисий Ареопагит (О Божественных именах, IV, 10), П. Абеляр, Фома Аквинский, неоплатоники, Дж. Бруно. См.: *Лавджой А. Великая цепь бытия: История идеи*. М., 2001.

...*Его любовь прославив – и твою!* – Литературовед Р. Бут полагает, что в конце элегии речь идет о неидентифицированной возлюбленной принца Генри.

НАДГРОБНОЕ СЛОВО ЛОРДУ ХАРРИНГТОНУ, БРАТУ ЛЕДИ ЛЮСИ,
ГРАФИНИ БЕДФОРД

OBSEQUES TO THE LORD HARRINGTON, BROTHER TO THE LADY LUCY,
COUNTESS OF BEDFORD

Джон Харрингтон, 2-й барон Харрингтон Экстон (1591/92–1614), придворный, друг и компаньон принца Генри, с которым совместно обучался в 1603–1607 гг. В 1608–1609 гг. путешествовал по Европе, чтобы ознакомиться с формами правления и установить полезные для принца контакты, с целью создания протестантской коалиции. Умер от оспы 26/27 февраля 1614 г. Донн послал элегию графине, которая обещала оплатить его долги (100 фунтов), но из-за долгов, оставленных братом, заплатила всего 30 фунтов.

...много разных троп, вьязь, / Прошли меж небом и землей... – Считалось, что души умерших поднимаются на небо по Млечному Пути.

...в этом размышлении благом... – В оригинале – медитация как ступень познания, следующая за созерцанием.

Взгляни – тут полночь... – Ср.: «Вечерня в день Святой Люси...». Полночное размышление любили меланхолики (см. примеч. к «Разлуке с нею»).

...Чтоб мир прозрачен стал и я прозрел... – 1 Кор. 13:12.

...И сам себя постиг... – См. примеч. к «Мистеру Р(оланду) В(удворду) (Как женщина...)».

Бог – истинное зеркало, ведь в нем / Весь Божий мир вмещается одним... – Доктрина созерцания, изложенная древнеримским философом-неоплатоником Макробием (IV в.): «Так от Всевышнего (...) сияние освещает все и отражается во всем, подобно тому, как одно лицо может быть отражено во многих зеркалах, расположенных в ряд» (*Макробий*. Комментарий на Сон Сципиона, I, 14,15). Ср. также: «В этом первом зеркале, т.е. Зерцале Истины (которое называют Словом Божиим или Логосом), зеркало интеллекта обретает сыновство, так что все вмещается в нем (*Николай Кузанский*. О Сыновстве Божиим, III, 67).

...подзорная труба... – В оригинале – «perspective trunk» – телескоп, первое словопотребление зафиксировано в 1610 г. (OED, trunk, 14). Был изобретен в начале XVII в.

...я не тот / Ни кровью, ни душой, что прошлый год... – О кроветворении см.: *Гиппократ*. О природе человека, VII. По Платону и Аристотелю, признаком несовершенства и незавершенности было движение и изменчивость, что позволило лишить их гносеологической ценности. Познать можно только завершенные, находящиеся в покое вещи. Изучение физики движения началось в XVI в. в баллистике и астрономии.

...Какую каплю ни отметь в реке... – «panta rhei» – все течет (*Гераклит*. О природе).

...каждый атом на счету Творца... – Эту же фразу Донн употребляет в проповеди на Пасху 1626 г. См. примеч. к «Осенней элегии».

...На части нераздельное дробя. – Ранние философы-стоики (Зенон и его школа) учили, что добродетель неделима: либо есть добродетель, либо – порок. Фома Аквинский уточнил это положение (СТ, II, 66,1).

...что он насквозь пронзил / Орбиты малых и больших светил. – Фома Аквинский считал, что ангелы движутся с высокой скоростью (но не мгновенно), поскольку их природа нематериальна (СТ, I, 52–53).

Как ангел правду постигает вмиг... – У ангелов есть лишь интеллект, они познают только форму, их познание интуитивно, мгновенно, но не всеобъемлюще (СТ, I, 54–56). А человеческое познание обременено разумом, памятью и воображением, поэтому он постигает через причинно-следственные связи.

Душа, зачем так быстро ты свела / Начало и конец? – Ср.: Пико делла Мирандола. Комментарий к «Канцоне о любви», II, 15.

...Свой циркуль... – Ср.: «Прощание, запрещающее печаль».

Хоть параллели разных поясов... – Впервые двойная система координат Земли была введена Птолемеем в «Географии».

...Нам лишь великий круг задаст масштаб... – Античный географ Эратосфен впервые сделал экватор линией отсчета для измерения широты.

Как часиков карманных... – Первое упоминание о карманных часах в Европе – 1462 г. С 1510 г. их производство было поставлено на поток нюрнбергским часовщиком П. Хенлейном (1479/80–1542); из-за неточности хода у часов долгое время была только часовая стрелка. В Англии первые карманные часы принадлежали Генриху VIII. Уолтон пишет, что у Донна был репетир – карманные часы с боем. Ср. уподобление Николаем Кузанским часов и Божественного замысла / Слова (О видении Бога, 11).

Часы на башне... – Башенные часы в Европе известны с XII в., современный механизм – с XIV в.

...Быстрой отхлынул, чем прихлынул он? – Явление, характерное только для эстуариев (однорукавное, воронкообразное устье реки, впадающее в море или океан).

...Новый Иерусалим. – Откр. 21:9–27; 22:1–5.

...в сии врата / Вступай, как Триумфатор! – Триумф начинался с торжественного вступления в Рим через Сервийские ворота. Концепт переносит законы римского триумфа на сражение христианского воина с пороками (см. примеч. к «Сатире III»).

...тебя бранят – / Таков уж праздника сего уклад... – См. примеч. к «Сравнению». За триумфатором на колеснице стоял раб, повторявший слова «Помни о смерти» и «Ты всего лишь человек».

Магистрат – название высшего должностного лица в Древнем Риме, имевшего право на триумф: диктатор, консул, квестор, претор и др.

...Ты лишь в гражданской побеждал войне... – Победа в битвах гражданской и оборонительной войны не давала права на триумф.

...Свободен должен быть от войн и смут. – Заключительное условие триумфа – полное и окончательное завоевание территории.

...источник почестей – Сенат. – Сенат – институт государственной власти Древнего Рима, перед которым были ответственны магистраты. Согласно Цицерону, суверенность и непрерывность в работе Сената составляли основу политико-правовой системы Рима. Сенат считался священным институтом, связывающим современность с неизменными традициями предков. Поэтому решения Сената, в отличие от магистратских, не подлежали критике.

Гней Помпей Великий (106–48 до н.э.), – римский полководец, после побед в гражданской войне в Сицилии и Африке добился у Суллы права на триумф, хотя не был магистратом. Его молодость вызывала насмешки во время триумфа.

...Чтоб, как саксонка, в гроб легла жена... – У некоторых германских племен (например, герулов) существовал обычай самоповешения жены после смерти мужа.

...или друг, как древний галл, / Смерть принял с тем, кому он присягал... – Гай Юлий Цезарь отмечает, что у галлов существовали так называемые *soldurii* –

оруженосцы или клиенты, дававшие обет умереть вместе со своими вождями (*Гай Юлий Цезарь*. О Галльской войне, III, 22, 2).

...*Скорбь Александра, что велел...* – После смерти своего ближайшего друга Гестифиона Александр Македонский казнил лечившего его врача, приказал снять зубцы с оборонительных башен ближайших городов и устроил массовые убийства, называя все это заупокойной жертвой (СЖ, Александр, 72).

ГИМН ВСЕМ СВЯТЫМ В ПАМЯТЬ МАРКИЗА ГАМИЛЬТОНА

AN HYMN TO THE SAINTS, AND TO THE MARQUIS HAMILTON

Вероятно, это последнее стихотворение Донна.

Джеймс Гамильтон, 2-й маркиз Гамильтон (1589–1625), придворный и государственный деятель, член Тайного совета, представитель короля в парламенте Шотландии в 1621 г. В 1623 г. участвовал в переговорах о заключении брака принца Чарльза Стюарта с испанской инфантой. Умер в королевском дворце Уайтхолл 2 марта 1625 г. Похоронен в Шотландии.

Роберт Кер (Kerr), 1-й граф Анкрам (1578–1654), придворный. С 1604 г. на службе принца Генри, затем капитан королевской Шотландской гвардии. С 1612 г. постельничий на службе принца Чарльза. Друг и покровитель Дж. Донна, У. Драммонда, С. Дэниела. После казни в 1649 г. короля Карла I эмигрировал, умер в Амстердаме.

...*способен оправдать и самую поэзию*. – Ср.: «...лучшее в истории является предметом поэзии (...) поэт может, подражая, создать нечто свое и украсить это по своему разумению, чтобы... учить и доставлять удовольствие» (ЗП. С. 168).

...*каждый серафим / Отдельный род являет нам...* – Фома Аквинский считает, что каждый ангел состоит из особой нематериальной материи и потому уникален (СТ, I, 50, 2–4).

...*Подвязка ослабела...*— Гамильтон был кавалером рыцарского ордена Подвязки с 1623 г.

...*Свою красу утратило мгновенно...* – Гамильтон неожиданно скончался от неуставленной болезни (тело сильно почернело и распухло). Современники предполагали, что он был отравлен.

...*(Так в груди камня обращались вмиг / Монастыри...* – См. примеч. к «Сатире II».

...*Окрашен Агнца кровью...* – Откр. 7:14.

...*Царю Давиду мы – иль Магдалине!* – Считалось, что покаянные псалмы были следствием раскаяния царя (Пс. 50). О Магдалине см. примеч. к «Мощам».

ПОЭМЫ ГОДОВЩИНЫ

Две аллегорические поэмы, посвященные памяти внезапно умершей от неуставленной болезни *Элизабет Друри* (1596–1610), единственного ребенка сэра Роберта и Энн Друри. Сэр Роберт Друри (1575–1615) участвовал в экспедициях графа Эссекса в Кадис и Ирландию. Хотя отец сэра Роберта оставил многочисленные долги, сын разбогател на земельных спекуляциях и удачной женитьбе. Приобрел для

сдачи внаем комплекс зданий на современной Друри-лейн в Лондоне, где Донн жил с семьей в 1611–1621 гг. без оплаты. В эти же годы Донн сопровождал Роберта Друри в поездке во Францию. Вероятно, поэмы – единственное авторизованное издание стихов Донна – заказаны и оплачены сэром Робертом. Был ли поэт знаком с Элизабет Друри, неизвестно.

Поэмы вызвали противоречивые мнения (см. примеч. к «Графине Бедфорд (Пусть лягу в гроб...)»). Бен Джонсон иронизировал, что подобных похвал достойна одна только Дева Мария. Донн, по сообщениям, ответил в духе неоплатонизма, что описал Идею Элизабет Друри. Американский литературовед Л. Мартц выделяет в структуре «Годовщин» разделы, каждый из которых состоит из трех стандартных частей: медитации о несовершенстве мира, панегирика Элизабет и морали, начинающейся рефреном «Она умерла...».

Обеим поэмам предпосланы стихотворные вступления: «Похвала усопшей и «Анатомии» и «От герольда и вестника...», написанные, по свидетельству Б. Джонсона, Джозефом Холлом.

Джозеф Холл (1574–1656), поэт, теолог, епископ Нориджский. Окончил в 1593 г. Кембридж. Автор первой книги сатир в Англии «Virgidemiarum» (1597), «Характеров добродетелей и пороков» (1608, подражание Феофрасту, древнегреческому философу). В 1601–1607 гг. был настоятелем церкви в Хостеде, поместье сэра Роберта Друри; в 1607–1612 гг. – капелланом принца Генри.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА. АНАТОМИЯ МИРА THE FIRST ANNIVERSARY. AN ANATOMY OF THE WORLD

«Первая годовщина» написана в июле–октябре 1611 г., опубликована отдельным изданием в ноябре 1611 г.

ВСТУПЛЕНИЕ ПОХВАЛА УСОПШЕЙ И «АНАТОМИИ»

¹ *Анатомия* (греч. «рассечение»). – Литературный жанр анатомии появился во второй половине XVI в. под влиянием медицинской теории и практики исследования строения человеческого организма, разработанный естествоиспытателем Везалием. Цель жанра – подробно рассмотреть, проанализировать структуру и состояние предмета изображения (OED, anatomy, 10). Донн совмещает два значения слова «анатомия» – вскрытие и строение.

² *...мир – мертв. Его мы расчленим...* – В оригинале – расчленим при помощи «wit» – острого аналитического поэтического ума, который заменяет скальпель анатома-врача. Различают анатомию животных, человека, а поэт, по закону аналогии, вводит понятие «анатомия мира».

³ *...С тем духом...* – Имеется в виду Дж. Донн.

⁴ *сын Египта (...) гроб его стал прочен...* – Начиная с Геродота историки проявляли неизменный интерес к обычаю древних египтян мумифицировать тела и строить гробницы более богатыми, чем их жилище, поскольку они предназначались для вечной жизни.

- ⁵ ...дом – всего лишь глина... – Возможно, аллюзия на сотворение человека из глины/праха (Быт. 2:7).
- ⁶ ...Твоя душа да славит Божье имя. – В оригинале – аллюзия на Ис. 6:2.

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

- ¹ Лишь тот, / Кто благородно мыслит и живет... – В оригинале упоминаются три признака наличия человеческой души: возможность видеть, рассуждать, подражать достойному примеру. Фома Аквинский их соотносит со способностями души (СТ, III доп., 95, 5).
- ² ...Взошла Царица в вышний свой покой... – См. примеч. о «standing house» к «Осенней элегии».
- ³ ...Он окровавлен, плач – в его очах... – В оригинале – аллюзия на медицинскую практику кровопускания. Оно проводилось в горячей ванне для большей эффективности. Детальная техника кровопускания была разработана древнеримским врачом Галеном.
- ⁴ Мир лихорадит... – Высокую температуру с античности считали шагом к выздоровлению после преодоления кризиса (Гиппократ. Эпидемии, I, Четырнадцать больных).
- ⁵ ...Но в летаргический впадаешь сон. – Здесь в значении «патологическая анемия» (OED, lethargy, 2).
- ⁶ ...младенец <...> ждет <...> крестный-принц в собор войдет... – Как некрещеное дитя мир без Элизабет лишен божественной благодати.
- ⁷ Всё – имя, смысл и контуры свои... – Мировая Душа придает материи форму и жизнь (Плотин. Эннеады, V, 2). У Донна мир является материальной субстанцией, а Элизабет – его душой.
- ⁸ ...в ночи / Ее душа чуть видные лучи / Добра и милосердья свыше льет / На тех... – Душа усопшей, как звезда в ночи, излучает свет добродетели, который отражают души живущих и помнящих о ней.
- ⁹ Покинув старый мир, Она вольна / Мир новый созидать... – Мировая Душа путем эманации творит мир.
- ¹⁰ «Здоровья в мире нет... – О физической деградации человечества см.: Киприан Карфагенский. Трактаты, V, 4–5; Бернар Клервоский. Sermones de Diversis (Проповеди на различные темы), XLII, 2.
- ¹¹ ...Зловещий признак будущих невзгод... – В оригинале описываются патологические и нормальные роды. В последнем случае человек получает жизнь, но в том, что он обращен лицом вниз, к земле, Донн видит его существование как путь к праху.
- ¹² ...в помощь женщина была / Дана Адаму... – Быт. 2:20.
- ¹³ ...недуг – в ее природе! – Быт. 3:16.
- ¹⁴ ...Ева всех убила, / И женщины <...> убивают нас... – См. примеч. к «Метемпсихозу», X.
- ¹⁵ ...желая свой продолжить род... – См. примеч. к «Прощанию с любовью».
- ¹⁶ ...жизнь ворона, вола... – В оригинале упоминаются ворон и олень (ЕИ, VIII, 32) как символы долгожительства.
- ¹⁷ ...если некая звезда <...> Чтобы ее вторично наблюдать... – В оригинале описываются кометы. Тихо Браге и И. Кеплер опровергли точку зрения аристотеликов,

- что кометы находятся в подлунном (между Землей и Луной) мире. Астроном Уильям Лоуэр (1570?–1615) на основании наблюдений за кометой Галлея (1607) в письме (1610) своему другу астроному Томасу Хэриоту впервые предположил, что кометы движутся по удлинённым эллипсам. Р. Болд установил, что Донн и Лоуэр были знакомы лично.
- 18 *При долгом веке – был и рост не мал...* – Быт. 5. Согласно апокрифам, библейские праотцы были гигантами-долгожителями, до грехопадения земля щедро насыщала Адама, после грехопадения она была проклята (Быт. 3:16–18).
- 19 *...что за троих пахать...* – Аллюзия на традиционный срок аренды земельных участков – период жизни трех поколений.
- 20 *...И даже тень у нас короче стала.* – Ср.: 1 Пар. 29:15.
- 21 *Всё новые нас хвори постигают...* – Проказа, бубонная чума, сифилис, грипп проникли в средневековую Европу посредством межкультурных коммуникаций. В 1485 и 1551 гг. происходили эпидемии неустановленной болезни, известной как «sweating sickness».
- 22 *...Врачи же нам всё меньше помогают.* – О парацельсовской медицине см. примеч. к «Растущей любви».
- 23 *...предок только Бога был пониже: / Красой и Мощью правил он...* – Быт.1:28.
- 24 *Он днесь – ничто, пустяк.* – Ср. монолог о квинтэссенции праха в «Гамлете» У. Шекспира (II, 2).
- 25 *Античность, греза об Ее приходе, / Невинность представляла в женском роде...* – В греческом и латинском языках слово «добродетель» – женского рода.
- 26 *Но яд, / Что Еву встарь испортил, – был изъят / Из сердца Той...* – Раннехристианские богословы Юстин Философ, Ириней Лионский, миланский епископ и проповедник Амвросий Медиоланский неоднократно говорили о Марии как о Новой Еве: как Ева породила грех и человечество унаследовало его, так Мария открыла путь к спасению и дала образец женского благочестия. Элизабет удалось последовать святому примеру.
- 27 *...первыми пасть Ангелы успели...* – См. примеч. к «Анаграмме».
- 28 *...Первый Человек / Зверей и травы в ту же скорбь поверг.* – Быт. 3:17.
- 29 *...новые философы...* – Николай Коперник, Тихо Браге, Иоганн Кеплер, Галилео Галилей и т.д., поскольку астрономы причислялись к натурфилософам.
- 30 *...нет воспламененья...* – По античным и средневековым представлениям, подлунный мир включал в себя сферы, где первоэлементы (земля, вода, воздух, огонь) находились в чистом виде. Сфера огня находилась между сферами воздуха и Луны (см.: *Аристотель*. Метеорология, 354b, 23–25). Астрономы пришли к выводу, что сферы огня не существует, как и разделения на подлунный и надлунный миры (И. Кеплер).
- 31 *...Исчезло Солнце, и Земля пропала...* – Аллюзия на гелиоцентрическую систему.
- 32 *...Коль ищут меж планет <...> Познаний новых...* – К 1611 г. при помощи телескопа были открыты: пятна на Солнце, лунный рельеф, спутники Юпитера, структура Млечного Пути.
- 33 *...всё на атомы крошится.* – В начале XVII в. появляется интерес к атомизму (см. примеч. к «Графине Хантингтон (...Они – как дикари...)»). Известна полемика по этому поводу между немецким и английским астрономами И. Кеплером и Т. Хэриотом.

- ³⁴ *...Распались связи...* – т.е. связи между элементами Великой Цепи Бытия (см. примеч. к «Элегии на... кончину принца Генри»), в том числе и на уровне социальной иерархии.
- ³⁵ *Феникс* – См. примеч. к «Канонизации».
- ³⁶ *...небо так блаженно, / В движеньях гармонично, совершенно...* – См. примеч. «На прощание: о книге».
- ³⁷ *...светил разнообразный ход...* – Неидеальная траектория движения планет (Марса, Венеры и т.д.) объяснялась Птолемеем при помощи эпициклов, а Кеплером – их эллипсовидной траекторией.
- ³⁸ *...сорок восемь сфер...* – Птолемей в «Альмагесте» описал 48 созвездий.
- ³⁹ *...Там звезды умирают...* – В 1596 г. Давид Фабрициус впервые открыл переменную звезду Миру, повторно он зафиксировал ее в 1609 г. Астроном принял ее за сверхновую (см. примеч. к «Графине Бедфорд (За ваш привет...)»), поскольку она была видна несколько месяцев.
- ⁴⁰ *...И место восхождения меняет. {...} точки Змея проскользнет...* – Точки восхода и захода Солнца циклически сдвигаются в течение года. Солнце, двигаясь по эклиптике, более всего отклоняется от небесного экватора в точках солнцестояния: в сторону северного полюса – в созвездии Рака, в сторону южного полюса – в созвездии Козерога, т.е. тропики «заворачивают» видимое движение Солнца в противоположном направлении.
- ⁴¹ *...Готово наземь пасть в изнеможенье.* – См. примеч. к «Графине Хантингтон (Мадам, не в женщине...)».
- ⁴² *Напрасно в небе хвалится звезда...* – Тихо Браге, наблюдая комету в 1577 г., доказал, что хрустальные неподвижные сферы, к которым прикреплены планеты и звезды, – плод воображения астрономов. Кеплер предположил, что звезды тоже движутся (было замечено, что точки восхода и заката меняются, и оттого движение не круговое), но поскольку они находятся на гораздо большем расстоянии от Земли, чем ранее предполагали, то это движение незаметно.
- ⁴³ *...А небеса к себе на Землю сводим...* – Аллюзия на теорию И. Кеплера (Новая астрономия, 1609), что в метафизическом (надлунном) мире действуют те же законы, что и в физическом (подлунном).
- ⁴⁴ *Тенериф* – вулкан Пико дель Тейде (3717 м) на Канарских островах.
- ⁴⁵ *Антипод* – См. примеч. к «Графине Бедфорд (Мадам, благодарю...)».
- ⁴⁶ *И если там, внизу, простерся Ад...* – Согласно классическим мифологическим и средневековым представлениям, Ад находился в обширной подземной полости.
- ⁴⁷ *Мать красоты – Гармония...* – классическое представление, начиная с пифагорейцев. Красота проявляет себя в пропорции между земным и небесным, духовным и телесным, что в свою очередь является основой гармонии, выраженной в числовом соотношении и симметрии.
- ⁴⁸ *...Гармония {...} Есть наших душ Причина и Творец...* – Древнегреческий философ и музыковед Аристоксен (IV в. до н.э.) писал, что душа соотносится с телом, как гармония с музыкальным инструментом. В XVII в. была популярна идея (приписываемая античности, но неавторизованная), что душа состоит из особой материи – гармонии.

- ⁴⁹ ...*Так формы всех вещей – к очам стремятся.* – Аристотель считал, что от предметов к глазам текут формы вещей, но не их материя, поэтому зрение – самое благородное из чувств (Аристотель. О душе, III, 2).
- ⁵⁰ ...*Ковчег / Был по пропорциям, как человек...* – См.: Августин. О Граде Божиим, XV, 26.
- ⁵¹ ...*Цвет – Гармонии вторая часть...* – «...Во всем прекрасном... есть согласие или соразмерность и ясность и ясность или блеск ... Добродетель несет в себе ясность, в силу которой она прекрасна...» (из проповеди Николая Кузанского на Песн. 4:7 (ЭР. Т. I. С. 117), который контаминирует положения Дионисия и Аристотеля: пропорция – основа красоты, а цвет и свет позволяют ее воспринять: «Видимое есть цвет, нельзя видеть [цвета] без света, но всякий цвет каждого видимого предмета созерцается в свете» (Аристотель. О душе, 418а, 29; 418b, 2; О цвете, I, 791b, 2–17)).
- ⁵² ...*Что в золото, как яд, проникла ртуть...* – В руду с низким содержанием золота заливали ртуть, на поверхности руды образовывавшую золотую амальгаму, из которой путем нагревания выделяли очищенное золото.
- ⁵³ ...*Повесил в небе радугу...* – Быт. 9:12–17.
- ⁵⁴ ...*чей лик прозрачнее (<...> сравненье с ней, / И темен блеск...* – Концепция Аристотеля о сущности цвета и света: «Свет же оказывается как бы цветом прозрачной [среды]» (О душе, II, 7, 418b, 11); «...некоторые вещи, которые не суть огонь и по природе своей не являются каким-либо его видом, все же представляются испускающими свет. Возможно, что хотя свет и есть цвет огня, но не только огня» (О цвете, I, 791b, 11–13).
- ⁵⁵ ...*Отец и Мать бесплодны...* – Здесь: небо и земля.
- ⁵⁶ ...*И Метеоры небосклон плодит...* – См. примеч. к «Штилю».
- ⁵⁷ *Волхвы Египта вызвать не могли / Червей, что днесь родятся из земли.* – Исх. 7:10–12. Речь идет о новых видах змей, открытых в Африке и Америке.
- ⁵⁸ ...*песней лебединой...* – См. примеч. к «Эпиталаме... графа Сомерсета».
- ⁵⁹ *Теряет свойства даже сильный яд, / Когда от гада мертвого он взят...* – Точный источник таких представлений не установлен, но в XVII в. предметом дискуссий был вопрос, способны ли поражать ядовитые мертвые змеи (РЕ, III, 27, 12).
- ⁶⁰ ...*Когда б Железный Век не заржавел...* – См. примеч. к «Сатире V».
- ⁶¹ ...*зола сухая...* – Ср.: Сир. 17:31.
- ⁶² *Нам не понять при первом рассеченье...* – С 1581 г. в Лондоне в Королевском медицинском колледже (Royal College of Physicians) два раза в неделю читались лекции по операционной хирургии и анатомии. Поскольку расчлененное тело не умели долго хранить, то от него отрезали части и на очередном сеансе демонстрировали публике.
- ⁶³ ...*Прими оброк за этот – Первый – Год...* – Основная идея цикла «Годовщин» – чтить память Элизабет ежегодными поэмами.
- ⁶⁴ ...*Бог, в конце Закона / Песнь поместив...* – Господь явился Моисею и собранию народа и велел ему закончить Пятикнижие песнью и обучить ею сынов Израиля, чтобы они соблюдали Закон и не отпали от Бога (Втор. 31:16–22; 32:1–47).
- ⁶⁵ ...*Так доблести – Поэзия хранила!* – Ср.: «...в Поэзии... человек, познав силу божественного дыхания, создает произведения, затмевающие создания Природы...» (ЗП. С. 134).

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ЭЛЕГИЯ

Возможно, была написана Донном раньше «Анатомии мира».

- ¹ *Порфир* – горная порода, использовавшаяся как строительный и декоративный камень.
- ² *Хризолит* – минерал, прозрачная, оливково-зеленая разновидность оливина; либо название драгоценного камня – зеленого граната.
- ³ *Две Инди...* – Ср.: «Леди Бедфорд, при посылке элегии...».
- ⁴ *Эскуриал* – См. примеч. к «Графине Бедфорд (Мадам, благодарю...)».
- ⁵ *...Ведь если бы она не умерла, – / То как бы в этих строках ожила?* – Ср.: Шекспир У. Сонеты, XVIII.
- ⁶ *...Пока весь мир (...) Его рука – король (...) купцы...* – См. примеч. к «Сатире I» и «Сатире V».
- ⁷ *Но тонких духов сонм...* – См. примеч. к «Восторгу».
- ⁸ *...Их снова воедино соберет...* – Концепт смерти/воскрешения.
- ⁹ *...Что Нигером зовется, некий срок / Проводит под землей...* – Плиний писал, что река Нигер является истоком Нила и на протяжении 20 дней пути течет под пустыней, выходя на поверхность в Эфиопии (ЕИ, V,10).
- ¹⁰ *...Как Ангел иль Престол, иль Херувим.* – Престолы и херувимы – два из трех высших ангельских чинов. Об ангельских чинах см. примеч. к «Браслету».
- ¹¹ *...смерти от Последнего Пожара...* – См. примеч. к «Лихорадке».
- ¹² *...вспыхнет новая комета...* – В оригинале – аллюзия на сверхновые звезды. См. примеч. к «Анатомии мира».
- ¹³ *Мгновенно в лампе прогорит бальзам...* – Ароматические масла, которые испаряли путем нагревания в специальных емкостях.
- ¹⁴ *...Она ушла, еще не став женой...* – Ис. 54:1,7.
- ¹⁵ *...Как опиум, кончину приняла.* – Препарат из опийного мака применялся как анестетик, успокоительное и снотворное.
- ¹⁶ *...А только впала в длительный экстаз.* – Об экстазе см. примеч. к «Восторгу».

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА. О СТРАНСТВИИ ДУШИ

THE SECOND ANNIVERSARY. OF THE PROGRESS OF THE SOUL

Написана во Франции в декабре 1611 – январе 1612 г., опубликована до мая 1612 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

ОТ ГЕРОЛЬДА И ВЕСТНИКА ЭТОГО СТРАНСТВИЯ

- ¹ *Герольд* – В оригинале – «harbinger» – чиновник, который посылается на место прибытия короля для подготовки его пребывания (OED, harbinger, 2).
- ² *О две души...* – Душа умершей Элизабет Друри и душа Донна, созерцающая ее полет.
- ³ *Как звезды (...) Свршают вечно путь свой круговой...* – Считается, что прецессия звездного неба в Европе была открыта древнегреческим астрономом Гиппархом:

точка небесной сферы перемещается по кругу с периодом полного оборота 25 800 лет. В результате прецессии точки равноденствия «ползут» по эклиптике, проходя по небу полградуса менее чем за 40 лет.

- ⁴ *Ты вдаль уносишься быстрее света, / Но плотский ум узреть не в силах... – О скорости перемещения ангелов см. примеч. к «Надгробному слову лорду Харрингтону...».*
- ⁵ *...о дух великий, вслед за ней / Идешь путем... – Аллюзия на восхождение в Рай души Данте вслед за душой Беатриче.*
- ⁶ *...Творцу украсить лаврами чело! – В оригинале – аллюзия на Лауру и Петрарку.*

ВТОРАЯ ГОДОВЩИНА

- ¹ *...Иль как поверженный на плахе... – Публичные казни были обычным явлением в Европе до XIX в.*
- ² *...И чья душа уж в вечность отлетела... – О связи души и крови см. примеч. к «Песне (Мой друг...)» и «Метемпсихозу», XXXIV.*
- ³ *До сотворенья Солнца – были дни... – Быт. 1:3, 4, 14–18.*
- ⁴ *Потоп Всемирный... – Быт. 7, 8.*
- ⁵ *Лета – См. примеч. к «Мистеру И.Л. (Ты, первый...)».*
- ⁶ *...Ты – отец. – О форме как мужском начале см. примеч. к «Изменчивости».*
- ⁷ *...Пока Бог новый гимн не воспоем!.. – В оригинале – аллюзия на Мф.25:34.*
- ⁸ *...из чаши / Господней эту жажду утоляя... – Чаша святого Причастия (Мф. 26:26–29; Ин. 6:53).*
- ⁹ *О червь... – Иов 25:6; Пс. 21:7.*
- ¹⁰ *...мир был только сценой... – См. примеч. к «Сатире IV».*
- ¹¹ *...Золотого Века... – См. примеч. к «Разнообразию».*
- ¹² *...И Севером, и Югом управляя... – В оригинале – аллюзия на популярное представление, что небо северного полушария содержит больше звезд, чем южного, поскольку звездное небо южного полушария было изучено плохо, то и созвездий на карте было меньше.*
- ¹³ *...мозаика цветная... – В оригинале – «fragmentary rubbish» (бессвязный мусор) – первое словоупотребление «fragmentary», зафиксированное OED.*
- ¹⁴ *...звонят в преддверье похорон. – Когда в приходе кто-то умирал, звонили в колокол, чтобы живущие могли помолиться за отходящую душу. Так же считалось, что звон отгоняет от нее злых духов.*
- ¹⁵ *...кровь Христа очистит от вины... – 1 Ин. 1:7.*
- ¹⁶ *Сошлись друзья и плачут все навзрыд... – Ср.: «Прощание, запрещающее печаль».*
- ¹⁷ *...И ты чиста, твои одежды белы! – Откр. 3:5.*
- ¹⁸ *...Чтоб в ночь Люциии сладок был твой сон... – Донн сравнивает смертный сон с одной самой длинной ночью года. См. примеч. к «Вечерне».*
- ¹⁹ *...А если ты сонлива и слаба, / То вспомни ту, чьей бодрости и силы... – В оригинале – интерпретация слов Христа: «...бодрствуйте, потому что не знаете ни дня, ни часа, в который придет Сын Человеческий» (Мф. 25:13). См.: Мф. 26:4; Мк. 13:33–37; 1 Петр. 5:8.*

- 20 ...*в благовонной масти / Равны все составляющие части...* – Ср.: «Аромат».
- 21 ...*Как плоскости – из линий состоят, / А линии – из точек...* – Классическое определение Эвклида.
- 22 ...*Так Элементы сочетались в Ней...* – См. примеч. «С добрым утром».
- 23 ...*Сколь неустойчив куб...* – Куб – символ земли и устойчивости. Донн исходит из рассуждений Николая Кузанского: «...в своей логической абстрактности правила построения фигуры, равной данной, верны, но актуальное равенство различных фигур невозможно» (Николай Кузанский. Об ученом незнании, II, 1 // Николай Кузанский. Об ученом незнании. СПб., 2001. С. 108).
- 24 ...*ущербен круг...* – Круг – символ стабильной бесконечности и вечности. Ср.: «...даже при умножении своих углов до бесконечности он [многоугольник] никогда не станет равен кругу, если не разрешится в тождество с ним» (Николай Кузанский. Об ученом незнании, I, 3. С. 104).
- 25 ...*цепь золотая...* – Мотив цепи, соединяющей небо и землю, см.: Гомер. Илиада, VIII, 19. См. примеч. к «Элегии на... кончину... принца Генри».
- 26 ...*Небеса берутся силой...* – Мф. 11:12.
- 27 ...*Другие две души {...} Растительная с Чувственной.* – См. примеч. к «Метемпсихозу», Предисловие.
- 28 ...*Плоть – скисшее, дрянное молоко...* – Иов 10:9–12.
- 29 ...*Грех свой Первородный!* – См. примеч. к «Сэру Эдварду Герберту...».
- 30 ...*Анахорет* – См. примеч. к «Осенней элегии». В оригинале – аллюзия на святых столпников.
- 31 ...*до Неба высшего стезю / Минует вмиг...* – Далее Душа возносится сквозь небесные сферы (воздух, огонь, Луна, Венера, Меркурий, Солнце, Марс, Юпитер, Сатурн, неподвижные звезды); ср.: БК, Рай, I–XXX.
- 32 ...*ни один метеорит...* – См. примеч. к «Штилю».
- 33 ...*Сферу Огненную...* – См. примеч. к «Первой годовщине».
- 34 ...*безжизненна Луна / Иль некими людьми населена...* – Френсис Годвин (1562–1633) между 1599 и 1603 гг. написал роман «Человек на Луне, или Рассуждение о путешествии на Луну» (опубликован посмертно в 1638 г.). Донн мог быть знаком с Годвином через Дж. Холла.
- 35 ...*То Утренней Звезды, а то – Вечерней...* – Геспер и Веспер – названия Венеры.
- 36 ...*Меркурий Аргусу глаза отвел...* – См. примеч. к «Завещанию».
- 37 ...*Без стражи входит к Марсу...* – В оригинале – аллюзия на Марсово поле – низменность в Риме на берегу Тибра, где проходили народные собрания, спортивные соревнования и военные смотры.
- 38 ...*ни его отец...* – Кронос (Сатурн), бог времени.
- 39 ...*Благодать – / Второе даровали ей).* – Таинство крещения.
- 40 ...*на всех морях...* – В оригинале – «неизвестный остаток», т.е. Terra Australis, южный континент, гипотетически нанесенный на карту Птолемеем.
- 41 ...*Коль Ангелы-хранители даны...* – Ирония над обычаем католиков наделять ангелами-хранителями не только людей.
- 42 ...*Электр (электрум)* – сплав золота с серебром в пропорции 4:1.
- 43 ...*Теперь в них части видятся иные...* – Парацельс к четырем элементам добавил *Tria Prima* (активные первоначала): серу, соль и ртуть.
- 44 ...*Ложатся камни...* – Гиппократ по-разному объяснял образование камней в почках/мочевом пузыре: 1) у детей из-за теплоты (О природе человека, 12); 2) если

- пить речную воду, то в мочевом пузыре оседает ил и песок (О воздухах, водах и местностях, 9); 3) если почка не отторгает слизь, а накапливает ее, то со временем она изнутри отвердевает (О внутренних страданиях, 14).
- ⁴⁵ *...как сердце очищает <...> продукт распада?* – Гален считал, что в сердце при помощи воздуха образуется артериальная кровь, а в печени – венозная; попадая в сердце, она очищается в желудочках: сажеобразный пар из сердца попадает в легкие и выводится из организма. Природа кровообращения была предметом полемики и описана У. Харви («Анатомическое исследование о движении сердца и крови у животных», опубликовано в 1628 г.).
- ⁴⁶ *А споры о ногтях, о волосах!* – Существовали мнения, что ногти и волосы – часть кожи, особые органы либо отходы жизнедеятельности организма, испарения мозга.
- ⁴⁷ *...И вымысла мечту, и страсти ложь?* – Согласно Аристотелю (О душе, III; О памяти и припоминании), чувственное восприятие порождает впечатления, которые переносятся в мозг, где образуется фантазм (умозрительный образ).
- ⁴⁸ *...решетки глаз...* – Сетчатка глаза.
- ⁴⁹ *Не прерывай же своего экстаза...* – См. примеч. к «Восторгу».
- ⁵⁰ *...На волосы и ногти...* – Дж. Кардано (1501–1576), итальянский философ и врач, писал, что по выпадению волос и изменению цвета ногтей можно диагностировать отравление ядом.
- ⁵¹ *Там обновленным слухом...* – Смертный слух не может слышать песни Рая (ср.: БК, Рай, XXI:58–62). Все телесные свойства обновятся после воскресения: БК, Рай, XIV, 43–61.
- ⁵² *...оставишись Девой, – родила...* – V Вселенский собор (восьмая сессия, 2 июня 553 г.) подтвердил учение о Богоматеринстве и Приснодевственности Марии.
- ⁵³ *...к Праотцам <...> услаждали...* – На основе средневекового анализа библейской хронологии считалось, что праотец Авраам жил за 1700 лет до пришествия Христа, который вывел патриархов из Ада, т.е. в Раю они ко времени Донна находились 1600 лет.
- ⁵⁴ *Пророки* – провозвестники воли Божьей, многие из них пророчествовали Боговоплощение.
- ⁵⁵ *...Врага на поле брани покорила...* – О христианском воине см. примеч. к «Сатире III». В оригинале здесь и далее перечисляются основные функции (прерогативы) монарха: война, заключение мира, правосудие, помилование, право на чеканку денег.
- ⁵⁶ *...А Вера – Церковью...* – Один из четырех великих латинских учителей Церкви Амвросий Медиоланский (около 340–397) трактует Новую Еву как краеугольный камень в основании Храма и Нового Иерусалима в сочинении «Церковь, мистическая Ева» и как Церковь в гимне «Гряди, Искупитель народов» (*Veni, Redemptor gentium*): «В Ней Бог пребывает, как в храме!». Поскольку Элизабет осталась девственной, то ее тело тоже принадлежит Христу.
- ⁵⁷ *...От радости случайной – к настоящей!* – В оригинале – от акциденциальной к субстанциальной радости (см. примеч. к «Пути любви»), т.е. от созерцания Элизабет к личному спасению. Настоятель августинского монастыря Уолтер Хилтон (1340?–1396) в мистическом сочинении «О песни ангелов» разграничивал истинную радость в созерцании Бога и вторичную – в созерцании ангелов и блаженных душ.

- 58 *...река все то же носит имя...* – См. примеч. к «Надгробному слову лорду Харрингтону...».
- 59 *...Ты сам меняешься, непостоянный...* – автоцитация «Изменчивости».
- 60 *Кто ниже нас по рангу, те нас чтят...* – автоцитация послания «Графине Бедфорд (Честь – совершенства...)».
- 61 *...кто башню Вавилона строил...* – Быт. 11:4–9. Т. Браун также рассуждает о физической невозможности построить Вавилонскую башню (PE, VII, 6).
- 62 *...Язычник разных создавал богов...* – Исх. 20:4. Возможно, источниками рассуждения были изречения Сократа, трактаты «О природе Богов» Цицерона и «Об идолопоклонстве» Тертуллиана.
- 63 *...Пройдя сквозь центр окружности, прямая (...) Коснется.* – Определение диаметра.
- 64 *...И Мыслимый Объект, и Мысль сама.* – Фома Аквинский доказывал, что в интеллекте человека, сотворенном Создателем, проявляется соучастие и подобие с Первоинтеллектом Бога (СТ, I, 12, 1).
- 65 *...Из крон деревьев, из холмов камней...* – О книге Природы см. примеч. к «Эпиталяме... графа Сомерсета (Эклога)».
- 66 *...И с Богом обручил Ее наш мир...* – О духовном браке с Богом см.: Ос. 2:16; Мф. 25:1–10.
- 67 *...Плодит святых угодников без меры...* – См. примеч. к «Письму леди Кэри...».
- 68 *Где лишь закон / Поэзии не вызывает гнева / У Веры...* – Как католицизм допускает молитвенное призвание святых, так поэзия обращается к умершим.
- 69 *...я – лишь Трубный Глас...* – Числ. 10:2, 3.

ДУХОВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕНОК СОНЕТОВ

LA CORONA

Написано в форме «венка сонетов», который известен в двух разновидностях: 1) обычный венок – семь сонетов; 2) героический венок – 14 сонетов и магистрал (сонет, состоящий из первых строк остальных). Л. Мартц сближает архитектуру цикла с практикой католических медитаций в духе И. Лойолы о «пятнадцати тайнах веры». Такая медитация была основана на «composition loci» – воображении евангельской сцены как бы с точки зрения свидетеля. Х. Гарднер усматривает влияние бревиария (литургического сборника канонов, молитв, гимнов, псалмов и евангельских чтений).
La Corona – Ср.: Ис.28:5.

1. ВСТУПЛЕНИЕ

(DEIGNE AT MY HANDS THE CROWNE...)

...О властелин (...) Ветхий Днями, вечный средь времен! – Бог-Отец.

...Ветхий Днями... – Дан. 7:9.

...вечный средь времен! – В оригинале – аллюзия на стих из приписываемого Амвросию Медиоланскому гимна Nones (службы девятого часа): «... Immotus in Te

permanens» (Ты – всегда неподвижный/неизменный). В трактате «О божественных именах» Дионисий Ареопагит систематизировал слова и тропы, которыми обозначен Творец в Священном Писании и литургических текстах: «Творца можно воспевать и как Вечность, и как Время – как причину и всего времени, и вечности и Ветхого денми <...> поскольку Он – и до вечности, и выше вечности...» (Дионисий Ареопагит. Сочинения. Максим Исповедник. Толкования. СПб., 2003. С. 523).

...*Венком лавровым...* – В Древней Греции лавровым венком венчали победителя состязания на Пифейских играх и поэтических состязаниях; в Риме – триумфатора и солдат победившей армии.

...*Венцом терновым...* – Мф. 27:29.

...*Покою без конца...* – Евр. 4:10.

В начале скрыт конец. – Откр. 1:8.

...*Кто возжелал спасенья, тот спасен!*» – Откр. 3:2, 3.

2. БЛАГОВЕЩЕНИЕ

ANNUNCIATION

Благовещение – возвещение архангелом Гавриилом Деве Марии о таинстве Боговоплощения (Лк. 1:26–38). Праздник приходится на 25 марта, т.е. близок дню весеннего равноденствия.

Кто всё во всё, повсюду и во всех... – См.: СТ, I, 8, 2.

...*Безгрешный – но чужой искупит грех...* – См. примеч. к «Метемпсихозу», VIII.

...*Греха не зная, от тебя навек / Он принял плоть – и смертью искушен...* – Ср.: «Поскольку же Бог не может испытать смерть, а человек – победить ее, Он соединил человеческую природу со своею, дабы через смертность первой очистить и освободить нас от наших злодеяний, а силою второй достичь ради нас победы над смертью» (Кальвин Ж. Наставление в христианской вере, II, 12, 3. Т. 1. С. 465).

...*Ты – мать Отца, которым ты зачата.* – В Часослове св. Девы Марии стихи Сир. 24:5–10 цитируются применительно к св. Марии, там же встречаются фразы: св. Мария – мать и дочь Царя царей.

Он – свет во тьме: пусть хижина мала... – Ин. 1:5. Ср. гимн Амвросия Медиоланского «Гряди, Искупитель народов» (Veni, Redemptor gentium): «Покинув с великою славой Чертог целомудренной Девы, – Пречистое лоно Девичье, – Ты стал ради нас человеком». Ср. аргумент Николая Кузанского о заключенном в скорлупу орехе, из которого в свой час вырастет дерево: «...семя дерева в тебе [Боге] есть истина и прообраз самого себя, то есть прообраз и дерева, и семени» (Николай Кузанский. О видении Бога, VII).

3. РОЖДЕСТВО

NATIVITIE

...*Столь слабым став, что в мир земной явиться / Сумел...* – Донн воспроизводит логику Никейско-Константинопольского символа веры: «...Свет от Света, Бога истинного от Бога истинного, рожденного, не сотворенного, единосущного Отцу, через Которого все сотворено; ради нас, людей, и ради нашего спасения сошедшего с небес, и воплотившегося от Духа Святого и Марии Девы и ставшего Человеком...».

Гостиница вам крова не дала... – Лк. 2:7.

...ясновидцы / спешат с Востока... – Мф. 2:1–2.

Не дано свершиться / Предначертаньям Иродова зла! – Мф. 2:3–18.

4. ХРАМ

TEMPLE

...Слово Божье... – Ин. 1:1–5,14. Иисус Христос – Бог-Логос, вторая ипостась Троицы.

В Писаньях умудрен не по летам... – Лк. 11:43–52.

5. РАСПЯТИЕ

CRUCIFYING

...Пылали верой – эти, злобой – те... – Учение Христа никого не оставило равнодушным: как апостолов, так и фарисеев, книжников, иудейского первосвященника Каиафу, римского наместника Иудеи Понтия Пилата (Мф.26:46–75; 27:1–26. Ин. 12:9–19).

...крест несет... – Ин. 19:17.

О, если б Ты меня на крест вознес! – Ин. 12:32.

...Мне каплей крови душу увлажни!.. – Ин. 19:34.

6. ВОСКРЕСЕНИЕ

RESURRECTION

...Осквернена и каменно-тверда... – Симптомы меланхолии – сочетание холода и сухости, недостаток огня – указывают на греховность. Ср.: Лк. 5:31, 32.

...Душа моя очистится тогда... – Евр. 10:10; Откр. 7:14–17.

...смертью смерть поправший... – Ср. гимн Амвросия Медиоланского «На светлой Агнца трапезе» («Ad cenam Agni providi»): «Нас, обновленных в Господе, Причисли к сонму праведных. Иисусе, в Воскресении Ты, смерть поправший смертью...».

От первой смерти, от второй – вреда / Не потерплю... – Откр. 2:10–11. Первая смерть – смерть тела, вторая – смерть души.

...коль в Книгу ископи / Я вписан... – Откр. 20:12–15.

...как зерно, взойдет... – Ин. 12:24–25; 1 Кор. 15:37–44.

...и смерть, как сон, пройдет... – Рим. 13:11.

...Последний – вечный – день восславлю я!.. – 2 Петр. 1:19; Откр. 21:25.

7. ВОЗНЕСЕНИЕ

ASCENSION

...вознесся – далека земля... – Вознесение Христа совершилось через 40 дней после Пасхи (Воскресения): Мк. 16:19.

Ты небеса расторг, могучий Овен... – В оригинале – игра слов: баран («ramme») как животное и как вид стенобитного орудия (Мих. 2:13). Овен, принесенный

в жертву Авраамом вместо единокровного сына, истолковывался как прообраз жертвоприношения Христа (Быт. 22:13).

...*Агнец, путь мой кровью оросил...* – По закону Моисея, агнец (ягненок или козленок) – обязательная пасхальная жертва (Исх. 12:5). Жертвенный Агнец – символ Христа (Ис. 53:7; Ин. 1:29–36; Откр. 5:6 и т.д.).

...*Ты – свет моей стезе...* – 2 Цар. 22:29; Ин. 1:5.

...*Ты гнев свой правый кровью угасил!* – 1 Фес. 8–10.

СВЯЩЕННЫЕ СОНЕТЫ

THE HOLY SONNETS

Возможно, 12 сонетов цикла (в нумерации наст. изд. 2, 4, 6, 7, 9–16) Донн написал в 1609–1611 гг. для графини Бедфорд (опубликованы в 1633 г.), еще четыре опубликованы в 1635 г. (1, 3, 5, 8); три последних сонета (17–19) были найдены и опубликованы в 1899 г. Х. Гарднер предполагает, что шесть из этих сонетов Донн послал графу Дорсету в 1609 г.

I. «УЖЕЛЬ ТЫ СОТВОРИЛ МЕНЯ ДЛЯ ТЛЕНЬЯ?»

«THOU HAST MADE ME...»

...*для тленья?* – В оригинале – «decay», возможно, аллюзия на Екк.10:18 (в переводе Библии короля Иакова «By much slothfulness the building decayeth») или Ис. 44:26.

...*близок смертный час!* – Лк. 21:7–9; Откр. 1:3; 22:10–12.

...*И плоть, под тяжестью греха клонясь, / Загробной кары ждет за преступленья.* – Ж. Кальвин различал евангельское и законническое покаяние, в последнем случае грешник, «обоженный своим грехом и поверженный страхом Божьего гнева, остается в плену этого потрясения <...> покаяние было ничем иным как вратами ада...» (Кальвин Ж. Наставление в христианской вере, III, 3, 4. Т. 2. С. 65).

...*хитрый враг...* – дьявол. Ср.: «Змей поджидает нас на всяком пути, во всякой склонности таится грех» (Донн Дж. Обращения к Господу... Увещевание 1 // Донн Дж. По ком звонит колокол. С. 35).

Ты – магнит! – В оригинале – «adamant» – легендарный камень, известный своей твердостью, в этом значении употребляется в английских переводах Библии (Зах. 7:12), часто как синоним слова «магнит» (OED, adamant, 1a, 3c).

II. «О БОЖЕ, ВСЕМИ НА МЕНЯ ПРАВАМИ...»

«AS DUE BY MANY TITLES...»

...*Как сына – осияв меня лучами...* – Мф. 13:43.

...*И как слуге – за все труды воздав.* – Притча о талантах (Мф. 25:14–46).

...*И жил во мне Твой Дух – как в некоем храме...* – 1 Кор. 3:16.

Как взял разбоем данное Тобой? – См. притчу об овцах, добром пастыре и разбойнике (Ин. 10:1–18).

III. «О, ЕСЛИ Б Я, ОТ СЛЕЗ ЛИШИВШИСЬ СИЛ...»

«O MIGHT THOSE SIGHS AND TEARS...»

...*Святой бы плод отныне приносил!* – Т.е. покаянный плач вместо слез и вздохов петраркистской любви.

Каким я ливнем слезным оросил / Кумира! – См. примеч. к «Пище любви» и «Канонизации».

...*вор ночной...* – Ср.: Притч. 6:30–31.

Но мне не будет скорбь облегчена... – О грехе уныния см. примеч. к «Элегии на смерть миссис Боулстред». Если раньше героем владела любовная меланхолия, то теперь – религиозная. Р. Бертон описывает ее симптомы: печаль, упадок веры, угрызения совести, отчаяние (АМ, III, 4, 3).

IV. «О ЧЕРНАЯ ДУША! НЕДУГ НАПАЛ...»

«OH MY BLACK SOUL...»

Недуг напал – / Он, вестник смерти... – «Наш распад предопределен и едва явлены нам первые его симптомы...вынашивая болезнь, мы рождаемся в смерть» (Донн Дж. Обращения к господу... Медитация 1 // Донн Дж. По ком звонит колокол. С. 32–33).

Ты благодать получишь, лишь покайся... – Деян. 3:19–20. Евангельское покаяние, которое протестантами этимологически возводилось к греческому понятию «metanoia» (изменение ума), предполагает, что «грешник, язвленный в своем сердце, все же поднимется, принимая Иисуса Христа как лекарство от своих язв, утешение в своем страхе, спасительную гавань в своем бедствии» (Кальвин Ж. Наставление в христианской вере, III, 3, 4. Т. 2. С. 65).

...*Твой грех омыть, очистив добела!* – Откр. 7:14.

V. «Я – МИКРОКОСМ, ИСКУСНЕЙШИЙ УЗОР...»

«I AM A LITTLE WORLD MADE CUNNINGLY...»

Я – микрокосм... – Сократ в платоновском диалоге «Филеб» (29) говорит, что человек как и мир, состоит из четырех элементов, в человеке их связывает душа, в мире – Душа мира. Аристотель в «Физике» впервые употребляет термин микрокосм (252b, 26).

...*Где ангел слит с естественной природой...* – Богослов Илья Критский считал, что «человек как *μικροσ κοσμος* имеет общение со всем тем, что находится в мире, и всему причастен; он мал, вследствие незначительности тела, но велик, вследствие достоинства души, одаренной разумом, почему имеет общение и с разумной природой ангелов» (Илья Критский. Комментарий на св. Григория Назианзина). Иоанн Дамаскин, византийский богослов и философ, указывал, что Бог сотворил человека «непричастным злу, нравственно добрым... как бы другого Ангела..., смешанного (из двух природ) царя над тем, что находится на земле...» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. Сергиев Посад, 1910. С. 80). См. примеч. к «Сэру Генри Уоттону (Сэр, в письмах...)».

...*Но обе части мраку грех запродал...* – Ср. у Августина: «...повреждение тела, которое отягощает душу, было не причиной первородного греха, а наказанием. Не

плоть тленная сделала душу грешной, а грешница-душа сделала плоть тленной» (Августин. Творения: В 4 т. СПб.; Киев, 1998. Т. 4. С. 7).

...сферы, что превыше небосвода... – Открытые Галилеем при помощи телескопа звезды Млечного Пути, о чем он сообщил в «Звездном вестнике» (март 1610 г.).

...целый мир {...} Омойте. – В оригинале – аллюзия на Быт. 9:11.

...Мой мир сгорит... – 2 Петр. 3:6, 7, 12.

...Твой огонь... – Евр. 12:29.

VI. «СПЕКТАКЛЬ ОКОНЧЕН. НЕБО НАЗНАЧАЕТ...»

«THIS IS MY PLAY'S LAST SCENE...»

...Предел моим скитаньям... – Жизнь как странствие/скитание – христианский топос (Иов 15:23).

...смертным сном осилен... – Рим. 13:11.

Когда душа вспорхнет в небесный дом... – Флп. 3:20–21.

...А тело ляжет в прах... – Быт. 3:19.

Но оправдай меня – я грех отрину... – О спасении благодатью см. примеч. к «На раздевание возлюбленной».

VII. «С УГЛОВ ЗЕМЛИ, ХОТЯ ОНА КРУГЛА...»

«AT THE ROUND EARTH'S IMAGINED CORNERS...»

С углов Земли, хотя она кругла, / Трубите, ангелы! – Откр. 7:1. В картографии ангелы с трубами изображались на углах карты.

Кто утонул и кто сгорел дотла... – См. примеч. к «Священным сонетам», V.

...Кого война {...} / Убил... – Втор. 32:24–26; Иез. 14:21; Откр. 6:8.

...Кого вовек не скроет смерти мгла!.. – 1 Кор. 15:51–54.

VIII. «О, ЕСЛИ ЗНАНЬЕ – ВЕРНЫХ ДУШ НАГРАДА...»

«IF FAITHFUL SOULS BE ALIKE GLORIFIED...»

О, если знание – верных душ награда... – Мнение о том, что души праведников в раю получают ангельское знание, было спорным (см. примеч. к «Надгробному слову лорду Харрингтону...»).

...Душа отца... – Джон Донн-старший, умер в 1576 г.

...Волхвов, носящих имя христиан... – Деян. 19:13.

...фарисейство и обман / Притворно святы... – Мф. 23.

IX. «КОГДА НИ ДЕРЕВО, ЧТО, ДАВ СВОЙ ПЛОД...»

«IF POISONOUS MINERALS...»

Когда ни дерево, что, дав свой плод... – Быт. 3:6.

...Ужель сознание в грех нас вовлекло? / Иль Бог {...} Впал в страшный гнев... – Рим. 2:5–12.

Лета – См. примеч. к «Мистеру И.Л. (Ты, первый...)»..

X. «СМЕРТЬ, НЕ ТЩЕСЛАВЬСЯ: СЕ ЛЮДСКАЯ ЛОЖЬ...»

«DEATH BE NOT PROUD...»

Возможно, сонет связан со смертью леди Маркхем или С. Боулстред. См. примеч. к «Элегии на смерть миссис Боулстред (О Смерть...)».

Смерть, не тщеславься... – 1 Кор. 15:26, 54–56.

...рабыня рока и разбоя... – Как бледному всаднику Апокалипсиса Бог дал смерти власть над телами (Откр. 6:8; 9:6; 20:6–15). В «Священных сонетах» (VII и X) Донн группирует причины смерти по принципу контраста.

...война, недуг и яд. – См. примеч. к «Священным сонетам», VII.

И ты, о смерть, сама умрешь тогда! – Откр. 21:7–8.

XI. «О ФАРИСЕИ, БЕЙТЕ ЖЕ МЕНЯ...»

«SPIT IN MY FACE YE JEWS...»

...бейте же меня... – Мф. 26:67.

...громко проклиная!.. – Евр. 6:6.

...за грех наш пострадал! – Ин. 1:29.

Иаков, облачившись в козьи кожи... – Быт. 27:1–36.

...Но в человечью плоть облекся Бог... – См. примеч. к «Венку сонетов», 3.

XII. «ЗАЧЕМ У НАС – ВСЕ ТВАРИ В УСЛУЖЕНЬЕ?»

«WHY ARE WE BY ALL CREATURES WAITED ON?»

Зачем у нас – все твари в услуженье? – Поскольку Бог поставил человека властвовать над тварным миром (Быт. 1:26), то, по логике феодальных отношений, мир должен ему служить. Англосаксонский историк и богослов Беда Достопочтенный в комментарии к Книге Бытия утверждает, что Бог дал человеку право господства над животными, так как предвидел, что они понадобятся ему после грехопадения. Фома Аквинский полагает, что непослушание животных человеку – наказание ему за ослушание Богу, поэтому человек обречен силой утверждать свое право господства (СТ, I, 96, 1). Герой сомневается в существующем порядке, потому что человек в грехопадении исказил в себе облик Божий.

...Стихици, хоть они и чище нас... – См. примеч. к «Возвращению».

...Кабан и бык... – В оригинале – «могли бы питаться людьми». Фома Аквинский (СТ, I, 96, 1) обосновывает пищевую цепочку господством высших над низшими: растения питаются землей, животные – растениями, человек – животными и растениями (Быт. 1:29–30).

...Что сам Творец на гибель шел в смирень / За нас... – См. примеч. к «Венку сонетов», 7.

XIII. «ЧТО, ЕСЛИ СТРАШНЫЙ СУД НАСТАНЕТ ВДРУГ...»

«WHAT IF THIS PRESENT BY THE WORLD'S LAST NIGHT?»

Что, если Страшный суд настанет вдруг / Сегодня ночью?.. – Сонет представляет собой вариацию на наставление 1 Фес. 5:1–24, которое Донн пытается исполнить.

Ведь взор Его померк от смертных мук... – В эпоху Возрождения изменилась иконография распятого и оплакиваемого Марией Христа. Муки Христа изображались более реалистично, произошел полный отказ от символической условности (см., например, «Пьету» Микеланджело).

Ужели тот тебя отправит в ад, / Кто и врагов своих простил... – Лк. 23:34.

...Твоя ж краса – есть признак сострадания!.. – Отзвук теологических споров о красоте Христа. Противники опирались на Ис. 53, а сторонники – на Пс. 44:3–5. Дионисий утверждал, что все твари любят красоту и добро, а они – суть божественные имена (О Божественных именах, IV).

XIV. «БОГ ТРИЕДИНЫЙ, СЕРДЦЕ МНЕ РАЗБЕЙ!»

«BATTER MY HEART, THREE-PERSONED GOD...»

Ты звал, стучался в дверь, дышал, светил... – Песн. 5:2.

...пересоздал в борьбе!.. – Аллюзия на Еф. 4:20–24.

Я – город, занятый врагом. – Ис. 1:8.

...И разум – Твой наместник – все слабей... – Фома Аквинский доказывал, что в сотворенном Создателем интеллекте человека проявляется соучастие и подобие с Первоинтеллектом Бога (СТ, I, 12, 1).

Порви оковы, узел разруби... – Донн аллегорически интерпретирует защиту Господом Давида (2 Цар. 22) и просит оказать ему такое же покровительство.

XV. «ДУША, ТЫ ТАК ЖЕ ВОЗЛЮБИ ТВОРЦА...»

«WILL THOU LOVE GOD, AS HE THEE...»

...ты так же возлюби творца, / Как Он тебя! – Ин. 3:16–17.

...Избрал своими храмами сердца! – 1 Кор. 6:19.

...тебя усыновленье... – Рим. 8:15–17.

...у торговца краденым должны / Имущество свое мы выкупать... – По законам 1555, 1588, 1589 гг., человек мог восстановить свое право собственности на украденные у него и легально проданные вещи, только купив их у нового владельца. Но если вор был осужден, то вещи бесплатно возвращались хозяину.

XVI. «ОТЕЦ, ТВОЙ СЫН ВОЗВЫСИЛ РОД ЗЕМНОЙ...»

«FATHER, PART OF HIS DOUBLE INTEREST...»

...Он – в Царстве Божьем – делится со мной! – В оригинале – аллюзия на «двойное право» Христа на Царство Божие: по рождению и по заслугам (искупление грехов мира и победа над смертью).

Со смертью Агнца (...) / Он заклан от начала мироздания... – Откр. 13:8.
 ...два Завета... – Ветхий и Новый.
 ...Все, что убито буквой, воскресил! – Ин. 1:17; 2 Кор. 3:6.
 ...цель Завета – / Любовь! – Ин. 13:34.

XVII. «КОГДА Я С НЕЙ – С МОИМ БЕСЦЕННЫМ КЛАДОМ...»

«SINCE SHE WHOM I LOVED...»

Жена поэта Энн Донн умерла 15 августа 1617 г. на 33-м году жизни через неделю после рождения 12-го ребенка.

...но встретился там взглядом / С Тобою... – Еф. 5:31–32. Земной брак – прообраз будущего брака Христа и Души (Храма/Церкви).

...И все ж меня ревнуешь... – Втор. 4:24; Пс. 77:58.

XVIII. «ХРИСТОС! СВОЮ НЕВЕСТУ, ВСЮ В ЛУЧАХ...»

«SHOW ME DEAR CHRIST...»

Невеста Христова – Истинная Церковь (Откр. 19:7–8). Песнь Песней Соломона также аналогически истолковывалась как пророчество о браке Христа и Церкви.

Не за морем ли она / Владычит, в роскошь риз облачена? – Римско-католическая церковь отличается пышностью убранства и богослужения.

... как и у немцев... – Протестантские конфессии стремились упростить богослужебный чин, отказались от украшений в храме.

...спит себе в веках? – Радикальные секты утверждали, что благодать исчезла из церквей и только теперь может быть заново обретаена.

Лжи – или истины она полна? – О соотношении Вселенской церкви и современных Донну конфессий см. «Сатиру III».

на холме (...) на семи холмах? – Соломон построил Иерусалимский храм на горе Мориа. Собор Св. Павла в Лондоне стоит на холме Ладгейт. На семи холмах стоит Рим.

...Как рыцарей, ее любовь нас ждет? – Аллюзия на крестовые походы и на рыцарские романы, описывающие поиски св. Грааля и возлюбленной, в которой также можно увидеть аллегорию Церкви Истинной.

И пусть душой владеет Голубь тот... – Голубь – символ Св. Духа. Голубица – символ христианской любви и чистоты (Песн. 5:2). У иудеев голубку приносили Богу в жертву неимущие (Лев. 12:6–8).

XIX. «Я ВЕСЬ – БОРЕНЬЕ: НА БЕДУ МОЮ...»

«ОН VEX ME...»

Возможно, написан после посвящения Донна в сан в 1615 г.

...от веры отступала... – Ср.: «Вера моя была иногда крепче, иногда слабее, но всегда верил я и в то, что Ты есть...» (*Августин. Исповедь, VI, 5,7*).

...то жар терплю – / То хлад... – Донн сравнивает свои религиозные переживания с лихорадкой (известно, что в 1610–1620-е гг. Донн страдал малярией). Герой пе-

реносит диагностику болезни на моральный уровень и истолковывает ее как проявление своей греховности и несдержанности.

...*Как в лихорадке...* – Ср.: «Я задыхался от этих забот и лихорадочного наплыва изнуряющих размышлений» (*Августин*. Исповедь, VI, 6, 8).

ГРАФУ Д. ПРИ ПОСЫЛКЕ ШЕСТИ СВЯЩЕННЫХ СОНЕТОВ
TO E. OF D. WITH SIX HOLY SONNETS

Возможный адресат сонета – Ричард Сэквилл (1589–1624), 3-й граф Дорсет (с 1609 г.), покровитель эпиграмматиста Джона Оуэна и других поэтов. Х. Гарднер считает, что Донн послал ему первые шесть из написанных им сонетов (в нумерации наст. изд.: 2, 4, 6, 7, 9, 10). Поскольку в тексте указано, что посланы шесть сонетов, а седьмой еще не готов, то это могли быть и сонеты «Венка».

...*как Солнца жар мужской / Жизнь зачинает в мутном нильском иле...* – ЕИ, IX, 84; *Овидий*. *Метаморфозы*, I, 416–429.

...*Хватило б на зачатъе всей седмицы...* – Плиний утверждает, что египетские женщины, пьющие воду Нила, более плодовиты и могут родить семерых близнецов (ЕИ, VII, 3).

...*Как Эликсир, их в золото обратят!* – См. примеч. к «Браслету».

ЛЕДИ МАГДАЛЕН ГЕРБЕРТ,
НАЗВАННОЙ В ЧЕСТЬ СВЯТОЙ МАРИИ МАГДАЛИНЫ
TO MRS MAGDALEN HERBERT: OF ST. MARY MAGDALEN

Написано в 1607–1609 гг. Впервые напечатано в «Жизнеописании Джорджа Герберта» И. Уолтона (1670). Сохранилось письмо Донна леди Герберт (июль 1607 г.): «...с этим же посланцем в этот благоприятный день вручаю вам свои Святые Гимны и Сонеты (которые не были преданы огню лишь ради их темы, а не ради их достоинств) – предоставляю их Вашему суждению, а также Вашей защите, если вы их сочтете достойными этого; и я приложил этот сонет в качестве моего посла, чтобы вручить их в Ваши счастливые руки» (пер. Г.М. Кружкова по изд.: John Donne: *The Divine Poems* / Ed. H. Gardner. Oxford, 1952. P. 55). Неизвестно, это ли стихотворное послание имеется в виду.

Мария Магдалина – См. примеч. к «Мощам».

Та, в честь кого, о леди, Вас назвали... – Донн следует за версией жития, изложенного в «Золотой легенде» (XIII в.) Иакова Воррагинского, где Мария – богатая наследница земель в Вифании и Магдале, сестра Марфы и Лазаря (Лк. 10:38–42; Ин. 11:1–45) и грешница, излеченная Христом от бесов (Лк. 7:37–50).

...*Вняв о Воскресшем самой первой весте!* – Ин. 20:14–18.

Отцы – в сомненье... – Папа римский Григорий Великий под именем Марии Магдалины объединил всех упоминаемых в Евангелии Марий и блудницу, но Восточная церковь эту версию не приняла и различала Марию Магдалину, Марию Вифанскую и безымянную грешницу.

Та приняла Иисуса Самого... – Лк. 10:38–42.

ЛИТАНИЯ

A LITANY

Литания (греч. «моление, богомолье») – массовое публичное моление, включающее периодически повторяющиеся призывания Господа, сопровождало уличные шествия. Ранние литании известны с VI в. По свидетельству церковного историка кардинала Ц. Барония (Чезаре Баронио, 1538–1607) к 1601 г. было известно более 80 вариантов, и папа Климент VIII декретом от 6 сентября 1601 г. запретил публикацию новых неавторизованных литаний. После Реформации появились протестантская литания М. Лютера и первый англиканский богослужебный текст – литания Т. Кранмера (1489–1556), реформатора англиканского богослужения. В недатированном письме Г. Гудьеру Донн, не будучи священником, оправдывает сочинение «размышления в стихах, которое... назвал Литанией...» тем, что католическая церковь приняла и включила в канон «варварские» литании монахов бенедиктинского Санкт-Галленского монастыря Ноткера и Ратперта (Заики, около 840–912). Донн считал, что его литания не вызовет нареканий у католиков и протестантов, предназначая ее для своих друзей. Возможно, литания была написана во время болезни в 1608–1609 гг.

I. ОТЕЦ

...Вновь мя содей и сердце дай иное... – Пс.50:12.

...Уныл я – глина плоть его... – Симптомы религиозной меланхолии; см. примеч. к «Священным сонетам», III.

...Из красной этой глины... – Слово «Адам» на древнееврейском языке означает «красная глина/земля».

II. СЫН

...смерть и грех познав, / Сих двух, не сотворенных изначала... – Фома Аквинский полагал, что у греха нет причины, так как греховное желание – часть греха (СТ, II(I), 75, 3). Смерть пришла в мир с грехом (Рим. 5:12).

...А смерти (...) жало... – 1 Кор. 15:55.

...Будь к сердцу моему прибит... – Сердце отождествляется с крестом Распятия, жертвенником. Ср. с идеей сораспятия Христу (Гал. 2:19–20).

III. СВЯТОЙ ДУХ

Святый, я храм Твой... – 1 Кор. 3:16. Ср.: «Священные сонеты», III.

...Хоть юности моей огни... – Иов 13:26; Пс. 24:7.

...Гордыня, блуд... – В оригинале – грехи сожгли наполовину. Возможно, аллюзия на Данте (БК, Ад, I, 31–54).

IV. ТРОИЦА

...Для веры млеко... – Ис. 55:1–3; 1 Петр. 2:2,3; Евр.5:12.

...Ты, как змея... – Медный змий отождествлялся со Христом (Числ. 21:9; Ин. 3:14, 15; см. также: Мф. 10:16).

...Любовь, Познание, Сила... – Сила – Бог-Отец, Любовь – Христос, Познание – Св. Дух.

V. ДЕВА МАРИЯ

В строфах V–XIV Донн следует традиционному для литаний перечислению адресатов молитвы от Девы Марии до святых. Кранмер оставил в литании только обращение к святым: «молитесь за нас», которое впоследствии было изъято. Донн балансирует на грани двух традиций: обращаясь напрямую к Богу, желает, чтобы святые помолились за него.

Тебе, о девственница-мать... – См. примеч. к «Второй годовщине (О странствии души)».

...И херувим, принявший облик женский, / Кто, Рай открыв нам... – Быт. 3:24.

...Молитвы шлем: не тщетны Той прошения... – Первое чудо Иисус сотворил по просьбе матери на свадьбе в Кане Галилейской превратив воду в вино (Ин. 2:1–11).

VI. АНГЕЛЫ

...И под опекой ангелов он длится... – Вера в ангелов-хранителей возникла в ветхозаветный период – ангелы охраняют праведных (Пс. 90:11–13; Евр. 1:14). Богослов Гонорий Отенский (умер в 1151 г.) впервые разработал доктрину о том, что каждая душа в момент соединения с телом получает ангела-хранителя.

...Им небеса – чертог родной... – Мф. 18:10.

...Над грешником, что слеп в предвечном зренье. – Человек слеп, так как утратил ангельское созерцание. См. примеч. к «Надгробному слову лорду Харрингтону».

VII. ПАТРИАРХИ

Патриархи – праотцы человечества, жившие от Адама до Моисеева закона.

...превыше зрели, / Чем мы в огне, во облаце столпа... – Исх. 13:21,22. В пятитомном толковании Библии Николая де Лиры (около 1270–1349), экземпляр которого принадлежал Донну, столб пыли считался прообразом Ветхозаветной, а Огненный столп – Новозаветной церкви.

...И от одной Природы взять сумели, / Что нам Закон и Благодать... – Патриархи, жившие до заключения Завета, руководствовались «законом естественного права» (см. примеч. к «Общине»).

...Да зрак ума не меркнет перед Светом... – 2 Кор. 3:14; 2 Кор. 4:4.

VIII. ПРОРОКИ

...кто два закона взял / И дал один... – Пророки (Исайя, Даниил, Иеремия, Иезекииль), предсказывая события новозаветной истории, соединили два Завета.

...Поэты Божию, чей стих / Господне славит имя... – Ср.: ЗП. С. 150–151.

...О том, чтоб не оправдывался ими / Я с рифмами и тайнами моими. – Ф. Сидни отмечал, что «не познаны законы, которым эти стихи [Псалмы] подчиняются... пророчествует он [Давид] в истинно поэтической манере» (ЗП. С. 151), но светский поэт не должен стремиться пророчествовать.

IX. АПОСТОЛЫ

Величественный Зодиак... – Зодиак (сфера неподвижных звезд) – зона на небе шириной по 9° в обе стороны от эклиптики, содержащая видимые пути Солнца, Луны и основных планет. Она делится на 12 знаков, обозначаемых именами созвездий. Апостолы называются зодиаком, поскольку среди них проходил земной путь Христа (Солнца).

...Низвергнется в пучину... – В оригинале – аллюзия на Мф.15:14.

...В их книгах... – Книги Нового Завета.

...Свое Твоим не сотворил бы слово. – Моление против произвольной интерпретации писания.

X. МУЧЕНИКИ

...Себя рассеяв смертных средь... – В оригинале – «Ты в своем рассеянном мистическом теле», т.е. Церкви – мистическом теле Христа (Еф. 4:4–13; 1 Кор. 10:17).

...Так Авель умер... – Авель как первый пастырь был прототипом Христа.

...Избегнуть мученичества – вот мученье. – В предисловии к «Псевдомученику» (1610) Донн пишет, что, будучи воспитанным в католической семье, пострадавшей за верность римской доктрине, он был приучен «к размышлению о мученичестве».

XI. ИСПОВЕДНИКИ

Исповедники – христиане, которые во время гонений декларировали свою религиозную принадлежность, но не стали мучениками. Донн уподобляет их обрученным, но не принявшими мученический венец.

Диоклетиан Гай Аврелий Валерий (245–316) – римский император (284–305), пытался остановить распространение христианства в 303–305 гг.

XII. ДЕВСТВЕННОЩИЦЫ

...Ни мне, ни Церкви ты того же не дал... – Церковный историк Евсевий Кесарийский (около 263–около 339) сравнил апостольский период с девственностью Церкви.

...брак блудный истребя... – Брак с грехом.

...Ты ж девственными нареки нас, вдовых. – После очищения от греха, с которым человек был «насильственно обручен», люди остаются «вдовыми» и могут вернуть себе былую девственность.

XIII. УЧИТЕЛИ

Учители (Доктора Церкви) – крупнейшие христианские теологи, значительно повлиявшие на церковную доктрину своими трудами, отличавшиеся великой ученостью и личной святостью. Этот чин присваивается по решению папы или Вселенского собора (впервые в 1298 г.). Ко времени Донна насчитывалось 10 Докторов Церкви.

...Записаны мы во Второй... – Две книги Жизни: Библия и Книга, в которую записаны имена праведников (Откр. 3:5).

...Господь не солнцами их звал – звездами. – Донн призывает сверять труды церковных авторитетов со словом Священного Писания, поскольку они, комментируя его, «светят отраженным светом» (см. примеч. к «Растущей любви»).

XIV

Строфы XIV–XXII соответствуют части литании, известной как «deprecation» – моление об отвращении грехов и бедствий.

...Там в торжестве, а здесь в боренье трудном... – См. примеч. к «Эпиталаме... графа Сомерсета».

Не дай нам Бог всецело положиться / На ту молитву... – Протестанты считали, что человек спасается не молитвами, а верой.

XV

Не дай ни мира, ни тревог... – Донн развивает идею среднего пути (см. «Учители»), свободного от всех видов крайности (инертности и фанатизма).

XVI

...Иль милостыней подкупать... – Выпад против индульгенций и излишней роли денежных пожертвований в пользу церкви или нищих как средства спасения души.

...Иль все сводить к душе... – В оригинале – «считать себя одной душой». Речь идет о радикальных мистических сектах (например, «Братья свободного Духа», катары, богомилы), которые уделяли внимание только духовной стороне человека, считали плоть тюрьмой, отрицали все социальные связи и обязанности.

XVII

...Душа в тишеславье нежилась уютно... – Иов 15:31–33.

...Шпионить или быть на подозренье... – В оригинале – «или слушать шпионов» (Пс. 25:4,5); см. примеч. к «Ревности».

...Иль к славе страсть питать – или презренье. – Ср.: 1 Петр. 1:24; Рим. 2–10.

XVIII

...пришла к величью Матерь-Дева... – В оригинале – «благодатная» (Лк. 1:28).
...Ты славу бедности воздал... – Лк. 2:7.
...Приняв дары в яслях... – Мф. 2:11.

XIX

О, горестных сколь много мук... – В оригинале вся строфа – аллюзия на моление о чаше и эпизод ареста в Гефсиманском саду (Ин. 17).
...На миг poznали слепоту они... – Ин. 18:5–7. Христос дважды спрашивал воинов, пришедших его арестовать, кого они ищут. Затмение их памяти истолковывалось как слепота.

XX

Лицом удары претерпев... – Мф. 26:67.
...Одеждой... – Мф. 27:31–35.

XXI

...в печаль нас повергает... – В оригинале – аллюзия на Притч. 30:8,9.

XXII

...Судьи церковного или мирского, / Война кипит... – В оригинале – аллюзия на доктрину римско-католической церкви, сформированную папами Геласием (492–496) и Григорием VII (между 1015 и 1020–1085) о двух мечях (церковном и светском). См.: Лк. 22:38.
...Чума, Твой ангел, злится... – 2 Цар. 24:16.
...И ересь правит, Твой потоп... – Стих Откр. 12:15 часто истолковывали как рождение ереси.
...Не дай Ты нам ошую очутиться... – По левую руку (Мф. 25:32, 33).

XXIII

Строфы XXIII–XXVIII соответствуют в литании «supplication» – прошению о даровании благодати.

Господь, молитва грешных уст... – Ср. притчу о потерянной овце и драхме (Лк.15:7,10).

Аллилуйя (евр.) «хвалите Бога». Богослужбное восклицание радости и хвалы (см.: Пс. 112–117; Откр. 19)

...Твое вниманье. – В оригинале – «ухо» (Пс. 16:6–8).

В горший день Иова / Внял Сатана Тебе. – Иов 2:1–7.

XXIV

...непостоянства лихорадка... – См. примеч. к «Священным сонетам», XIX.

Аноплексия (греч. «поражение ударом») – быстро развивающееся кровоизлияние в какой-либо орган, чаще – в мозг (инсульт).

XXV

...Чтоб шуток о правителе земном... – Шутки в адрес королей могут быть оскорбительны для Бога, поскольку они – сыны Божии (см. примеч. к «Элегии на... кончину... принца Генри»).

XXVI

...чтоб уши мы открыли. – Мк. 7:35.

XXVII

Твое ученье, вестник Твой, / Да сбережется нами от соблазна... – Ср.: 2 Тим. 4:3–5.

XXVIII

Сын Божий, взявший нашу кровь... – См. примеч. к «Венку сонетов», 2.
Врач – Христос, поскольку в Его власти исцеление от болезней и греха.

КРЕСТ

THE CROSS

Английский литературовед Дж. Кэри датирует стихотворение 1604–1607 гг. Связано с религиозными дебатами между королем Иаковом I и лидерами пуритан, в частности, на конференции в Хемптон-Корте (1604). Пуританская «Петиция тысячи» предлагала отменить крестное знамение. Иаков I в своем ответе разрешил упразднить некоторые кресты «материальные» (например, придорожные), но защищал использование креста как символа. Донн выступает на стороне короля. В английском оригинале слова с корнем «крест» употребляются 33 раза (возраст Христа во время его распятия).

...Величье Жертвы сей и Алтаря? – Крест – жертвенник и символ жертвы Христа. В алтарной части христианского храма, где во время литургии творят бескровную жертву, на престоле лежит крест.

На нем грехи искуплены: кому / Простится грех презрения к нему? – Ср.: Евр. 12:2.

...Которым искупил меня мой Бог? – В оригинале Донн сравнивает крест с розой (библейский символ благодати, см.: Ос. 14:6; Песн. 5:2; 2 Цар. 1:21), нисходящей на человека. Возможно, это аллюзия на использование крестного знамени при окроплении крещаемых младенцев.

...Ты сам живым становишься Распятъем. – Гал. 2:19–21.

...*Ты нам явил сокрытый в древе Лик.* – Ср. 60-й сонет Микеланджело: «И высочайший гений не прибавит / Единой мысли к тем, что мрамор сам / Таит в избытке...» (см.: *Поэзия Микеланджело* / В пер. А.М.Эфроса. М., 1992. С. 29).

Алхимик! Плавя золото... – В оригинале – аллюзия на грех гордости, которая порождает остальные грехи, в данном случае грех скупости. Алхимик, замысливший найти эликсир, заканчивает тем, что делает фальшивые монеты.

Распи же... – В этой и следующей строках игра значений («распятъ» и «перекрестить») глагола «crosse» (OED, cross, 1; 2).

...*И страсть распни.* – Гал. 5:24.

...*вползает Змий к нему.* – На популярной эмблеме изображали змею, скрывающуюся в цветах, что означало зло, подстерегающее всюду.

...*влетает сердце, тянет вниз...* – В оригинале – аллюзия на высказывание Аристотеля (О частях животных, III, 6), что человек – единственное животное, у которого эмоции влияют на сердце.

...*В котором стены сходятся крестом...* – Аристотель утверждал, что назначение черепных швов – вентилировать мозг (О частях животных, II, 7).

...*Неси свой крест...* – Мф. 16:24.

ВОСКРЕСЕНИЕ

RESURRECTION

Стихотворение либо не было завершено, либо сохранилось частично. Датируется 1608–1609 гг.

...*Спи, раненное в Пятницу светило!* – Лк. 23:44, 45.

...*Он видел Солнца лучшего восход.* – Христианское сравнение Христа с Солнцем освящено авторитетом Библии (Мал. 4:2; Откр. 1:16; 21:23).

...*Его же свет проник в глубины ада (...)* Кто все проник и все Собою объял... – Еф. 4:8–10.

...*Три дня недвижим был, как минерал. / Из недр земных поднялся Он, как золото...* – См. примеч. к «Эпитафии самому себе». В оригинале – следующая метафора: Христос в землю нисходит золотом, а возвращается оттуда эликсиром (см. примеч. к «Браслету»), что означает Его победу над грехом.

...*Чего коснется Он – то станет свято...* – Флп. 3:21.

БЛАГОВЕЩЕНИЕ, СОВПАВШЕЕ СО СТРАСТНОЙ ПЯТНИЦЕЙ

UPON THE ANNUNCIATION AND PASSION FALLING UPON ONE DAY

Такое событие произошло 25 марта (по юлианскому календарю) 1608 г.

Страстная пятница – день распятия Христа.

...*Конец с началом полностью совпали...* – Ср.: «Венок сонетов», 1.

...*Посажен Кедр...* – Иез. 17:22–24.

По слову Гавриила Сын Ей дан... – Лк. 1:26–35.

С Ней рядом – Иоанн. / (...) Ей в утешенье послан ученик... – Ин. 19:26–27.

Ave – в Вульгате приветствие архангела Гавриила Марии, которое в греческом варианте Евангелий звучит: «Радуйся».

Consummatum est (лат. «совершилось») – последние слова распятого Христа (Ин. 19:30).

...*Ближайшую от Полюса звезду...* – Полярная звезда в созвездии Малой Медведицы, незначительно смещенная от северного полюса мира: она всегда указывает направление на север, а ее высота над горизонтом приблизительно равна широте места наблюдения.

Она – *Столп Облачный, а Столп Огня – / Дух Божий...* – См. примеч. к «Литании», VII.

...*смерть тождественна зачатью...* – Ин. 12:24.

...*Плоть восприял – и дал Себя распять...* – Мф. 26:29–42.

...*пусть Невеста-Церковь с верой ждет...* – См. примеч. к «Священным сонетам», XVIII.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА 1613 ГОДА

GOOD FRIDAY, 1613. RIDING WESTWARD

В марте 1613 г. Донн гостил в Полсворт-Холле у сэра Генри Гудьера (см. примеч. к «Письму, сочиненному Г.Г. и Дж.Д.»), в Страстную пятницу 2 апреля он отправился к сэру Эдварду Герберту (см. примеч. к «Сэру Эдварду Герберту...») в замок Монтгомери (см. примеч. к «Первоцвету»), куда прибыл 7 апреля. Все варианты названия в рукописях подчеркивают, что стихотворение было написано по дороге в Уэльс.

Сравнив с планетой нашу душу... – В оригинале душа сравнивается со сферой. Николай Кузанский писал: «...мы можем ныне избрать себе путеводителем [к Божественному] математические знаки, вследствие их непреходящей достоверности» (*Николай Кузанский. Об ученом незнании. СПб., 2001. С. 123*).

...*Той – Перворазум...* – Аристотель создал концепцию перводвигателя – источника первичного вечного кругового движения мира как целого: «...имеется нечто, что движет, не будучи приведено в движение; оно вечно и есть сущность и деятельность... Эта сущность лишена частей и неделима... не подвержена ничему и неизменна» (*Аристотель. Метафизика, XII, 7*).

...*этой – чувство движет.* – По Аристотелю, небесные сферы и тела также движимы особыми вечными сущностями – интеллигенциями: «...должно существовать столько же сущностей, [сколько имеется движений светил]» (*Аристотель. Метафизика, XII, 8*). В Средние века интеллигенции отождествлялись с ангелами.

Планета, чуждым притяженьем сбита... – Аллюзия на кеплеровскую концепцию магнетизма/симпатии, сила притяжения Солнца, Юпитера, Земли, как и сильные мира сего, подчиняют своему движению малые сферы.

...*Вступает на чужую колею / И в год едва ли раз найдет свою.* – Речь о планетах с эллипсоидной орбитой (площадь орбиты Марса и Венеры была математически вычислена И. Кеплером в «Новой астрономии», 1609). Движение планет в период обращения по орбите вокруг Солнца не было равномерным. Если планета находится в самой удаленной от Солнца точке, то ее движение замедляется (кеплеровское понятие «лени», или инерции планет); в точке, наиболее близкой к Солнцу, она увеличивается, и отрезок прямой, соединяющий Солнце и планету, отсекает равные площади за равные промежутки времени (второй закон Кеплера). Кеплер писал:

«...в подлунном мире, и в механических движениях имеются примеры, подтверждающие закономерный характер неравномерности небесных движений, и тем самым закономерный характер этой неравномерности является физическим» (цит. по: *Данилов Ю.А., Смородинский Я.А.* Кеплер и современная физика. М., 1971. С. 6), т.е. не метафизическим, как считали астрономы до Кеплера.

...долг меня на запад влек, / Когда душа стремилась на восток... – Часть души устремлялась на запад к Э. Герберту, а «душа души» – к Иерусалиму, где распяли Христа. Описание героя зрительно напоминает комету, влекущую за собой шлейф космической пыли (в 1607 г. европейцы наблюдали комету Галлея). Кеплер доказал, что траектория движения комет не круговая, а прямолинейная, т.е. вырожденная кривая.

...Там солнце шло во мрак в полдневный час... – Лк. 23:44,45. Николай Кузанский считал, что Бога «можно видеть только по ту сторону совпадения противоположностей, ни в коем случае не здесь» (Николай Кузанский. О видении Бога, IX).

...Христос на крест взошел – и снят с креста... – Лк. 2:34. В оригинале – игра значений слова «fall» – «падать» и «рождаться» (о ягнятах: OED, fall, 5).

Кто даже жизнь – Лик Божий – зрит, – умрет... – Исх. 33:20.

...меркнет солнце... – Мк. 15:33.

...Земля дрожит... – Мф. 27:51.

...Его подножье! – Ис. 66:1.

...Ход всех планет направившие руки! – Донн отвергает не только теорию безличного перводвигателя Аристотеля, так и теорию Кеплера, согласно которой Солнце – источник движения планет и тепла. Ему более близка концепция Николая Кузанского, что перводвигатель – это Бог. Символические значения чувственных образов Священного Писания описал Дионисий Ареопагит, для которого руки означают «силу производить, действовать и совершать» (Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии, XV, 3).

...кровь, что пролилась... – Жертвенная кровь очищала души людей от грехов (Лев. 17:11; Евр. 9:13–15).

...Участвуя в великой жертве Сына?! – Интерпретация пророчества Симеона Деве Марии: Лк. 2:35.

...чувства очи... – Ис. 26:8–9. В оригинале речь идет о памяти (см. примеч. к «Сапфо к Филене»).

...Ты смотришь прямо на меня в упор! – Иер. 16:17.

Я ныне обращен к Тебе спиной... – Иер. 7:24.

Мои грехи – пусть опалит Твой гнев... – Ис. 11:12,13; Иер. 17:14.

...Вся скверна пусть сойдет с меня, сгорев. – Зах. 12:8,9.

...чтоб смог / Я обратиться... – Ис. 42:16,17; Иер. 15:19.

НА РУКОПОЛОЖЕНИЕ МИСТЕРА ТИЛЬМАНА

TO MR TILMAN AFTER HE HAD TAKEN ORDERS

Эдвард *Тильман* (Тилман) – выпускник Кембриджа, написал стихотворение на тему, почему он не хочет принимать сан, но был рукоположен в сан диакона в декабре 1618 г., в сан священника – в марте 1620 г. Первые строки указывают, что

стихотворение написано между этими двумя датами. Неизвестно, знал ли Донн Тильмана лично.

...*На плуг священный руку возложил...* – Интерпретация притчи о Сеятеле (Мф. 13:3–23): прежде священник-пахарь должен подготовить почву души для зерна Благой вести.

...*мечты / Зажглись, как от вина?* – В оригинале – метафора – рукоположение сравнивается с разливом свежесжатого вина (vintage).

...*Открылся во Христе...* – В оригинале – аллюзия на учение о царственном священстве: поскольку Христос – Царь и Первосвященник (Евр. 5:5), то рукополагаемые «коронуются» на служение Господу (1 Петр. 2:9).

...*Ангел окрыленный...* – Дионисий так истолковывает иконографию ангельских крыльев: «...крило означает быстрое парение вверх, небесный и выпренный полет, который, по своему стремлению горе, возвышается над всем земным. Легкость крил означает совершенное отдаление от земного, всецелое, беспрепятственное и легкое стремление выспрь» (*Дионисий Ареопагит. О небесной иерархии*, XV, 3).

...*надмиться...* – Здесь – относиться надменно.

...*Чем быть орудьем благодати Господней...* – В оригинале – «послы» – аллюзия на 2 Кор.5:19–20.

...*Но в Царство Божье двери открывать?* – Мф. 16:19.

Андрогин – В священнике соединяется земное и небесное, как в андрогине мужское и женское. Андрогин – в оригинале «гермафродит» – мифический сын Гермеса и Афродиты, сочетавший черты обоих полов.

НА ПЕРЕВОД ПСАЛМОВ СЭРОМ ФИЛИПОМ СИДНИ И ГРАФИНЕЙ ПЕМБРОК, ЕГО СЕСТРОЙ

UPON THE TRANSLATION OF THE PSALMS BY SIR PHILIP SIDNEY, AND THE COUNTESS OF PEMBROKE HIS SISTER

Стихотворение написано после смерти Мэри Сидни.

Мэри Герберт (1561–1621), графиня Пемброк, сестра поэта Филипа Сидни (1554–1586). В начале 1580-х гг. они совместно переложили в стихотворной форме 43 псалма, после смерти брата Мэри закончила эту работу. Псалмы перелagались с имеющихся метрических версий и английского текста Женевской Библии (1560). Хотя псалмы были опубликованы лишь в 1823 г., они были широко известны современникам в рукописях.

Метрическое переложение псалмов на английский язык стало популярным после Реформации, поскольку они предназначались для использования при богослужении. Существовали две полные версии подобных переложений – Роберта Кроули, автора первого полного метрического перевода Псалтири на английский язык (опубликована в 1549 г.), и Томаса Стернхолда и Джона Хопкинса (опубликована в 1562 г.). Оба этих переложения подвергались критике за метрическое однообразие и бедность языка и стиля.

Возможно ль круг – с квадратом совместить? – Квадратура круга – задача, заключающаяся в нахождении решения, как построить с помощью циркуля и

линейки квадрат, равновеликий по площади данному кругу. Вероятно, задача была известна в Древнем Египте и Вавилоне. По свидетельству Плутарха, философ Анаксагор пытался квадрировать круг. Николай Кузанский впервые обосновал и примирил высказывания, описывающие Бога как прямую, треугольник, квадрат, круг, сферу, математически доказывая, что «бесконечная кривизна есть бесконечная прямизна» (*Николай Кузанский. Об ученом незнании. С. 124–131*). В XVII в. ученые-математики вновь пытались решить эту проблему, но в 1882 г. Ф. Линдеман, немецкий ученый, доказал ее неразрешимость из-за трансцендентности числа π .

...славлю Имя... – Кол. 3:16. Ср. высказывание Ф. Сидни о лирическом роде: «Иногда, поднимая голос к небесной выси, он поет славу бессмертному Богу» (ЗП. С. 181).

Псалмопевец – царь Давид, которому приписывается авторство Псалтири.

В них ожили Крестителя слова... – Мф. 3:3.

Псалом «Да возликуют острова»... – Пс. 96:1,6

...И трех хоров... – По словам Климента Александрийского, «гармония замечается во всем мире, но главным образом в человеке, который есть благороднейший инструмент» (Климент Александрийский. Увещание к эллинам). Боэций вслед за платониками выделял три вида музыки (mundana, humana, instrumentalis): «...мировая... усматриваема... в самом небе, или в сочетании элементов, или в разнообразии времен года. Ведь возможно ли, чтобы столь быстрая махина неба двигалась в беспшумном и беззвучном беге? (Боэций. Наставления к музыке // История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. М., 1962. Т. 1. С. 252–253).

...А у Планет (...) это танец, а не пенье. – Фичино утверждал, что «музыкальная гармония <сфер> порождена чрезвычайно быстрым и упорядоченным движением небес: восемь тонов от восьми круговых движений, а девятый от общего их согласия» (ЭР. Т. 1. С. 188).

...Органист есть Он... – Ср.: «...хор певцов расстроится, если никто им не правит» (Григорий Богослов. Песнопения таинственные, Слово 5).

...Со тцаньем – все, но с небреженьем – мы. – Во многих странах Европы к этому времени существовали более совершенные переложения псалмов на национальные языки, в частности перевод книги Псалмов (около 1540 г.), сделанный французским поэтом эпохи Возрождения К. Маро (1496–1544).

Мариам – Исх. 15:20, 21.

ПЛАЧ ИЕРЕМИИ

ЛАМЕНТАЦИИ

THE LAMENTATIONS OF JEREMY, FOR THE MOST PART ACCORDING TO TREMELLIUS

Плач Иеремии – каноническая книга Библии, принадлежит жанру «плачей» (ламентаций), посвящена осаде и разрушению Иерусалима Навуходоносором II (589–586 гг. до н.э.). Книгу принято датировать первыми годами Вавилонского Пленения, ее авторство приписали пророку Иеремии. В гл. I описывается разоренный из-за грешности народа Иерусалим; в гл. II – изгнание и суд Божий, появление лже-

пророков и ужасы осады Иерусалима; в гл. III певец оплакивает разоренный город, вспоминает о небесных милостях, призывает к покаянию и молит Бога об избавлении; гл. IV описывает последние дни Иерусалима; в гл. V звучит молитва о помощи.

Тремеллий Иоанн (1510–1580) – кальвинистский богослов, обращенный из иудаизма, профессор еврейского языка в Кембридже (1547–1553), соавтор латинского перевода Ветхого Завета (англ. изд. 1580 г.) совместно с Франциском Юнием (1545–1602), профессором-кальвинистом из Лейдена.

В своем переложении Донн следует за Тремеллием и текстом Вульгаты. Х. Гарднер связывает датировку этого стихотворения с поражением протестантов в Белогорской битве (см. примеч. к «Эпиталаме... в честь принцессы Елизаветы...»).

ГЛАВА I

О, как столица, городов глава... – Иерусалим (др.-евр. «основание», или «жилище мира») – столица Иудеи.

Сион (др.-евр. «солнечный, блестящий») – южный холм Иерусалима, на котором была построена крепость, тоже названная Сионом, и дворец Соломона.

...дочь Сиона... – Иерусалим.

...дочь Иуды! – Израиль. Название Израиль, по прозвищу, данному патриарху Иакову (*Богоборец*) (Быт. 32:88), получило древнееврейское царство, основанное в XI в. до н.э. на землях десяти колен Израилевых – легендарных потомков Иакова (Быт. 25:26–34). Около 930 г. до н.э. от него отделилось Иудейское царство. В 722 г. до н.э. Израиль был завоеван Ассирией, а его население ассимилировано. Иудея пала в 586 г. до н.э.

ГЛАВА II

Храм – построенный Соломоном в X в. до н.э. первый иерусалимский храм на горе Мория, был разрушен вавилонским царем Навуходоносором в 586 до н.э.

Скиния – походный храм иудеев (Исх. 25:9,10) до времен Соломона, где находился Ковчег Завета, который был перенесен в Храм Соломона. Часть храма тоже получила название Скинии (3 Цар. 8:3,4).

ГЛАВА IV

Содом – Быт. 10:19; 19:1–29.

Назорей, назореи (Числ. 6:2) – мужчины или женщины, давшие обет аскетического служения Богу на восемь дней, на месяц или на всю жизнь. Они не должны были пить вино, стричь волосы и касаться мертвого тела.

Ликуй, о дочь Эдома... – Эдом (Идумея) – страна и народ, получившие название от Исава, или Едома, находилась к югу от Мертвого моря. Поскольку царь Давид завоевал Идумею и уничтожил большую часть мужчин, то идумеи даже спустя 150 лет после получения своей независимости присоединились к Навуходонозору и принимали участие в разрушении Иерусалима (Пс. 100:7).

ГЛАВА V

К Египту и Ассирии, как нищий, / Протягивая руки, просим пищи. – В Иудее были как сторонники, так и противники обращения за военной и финансовой помощью к Египту и Ассирии, которые впоследствии тоже были завоеваны Навуходоносором.

ГИМН ХРИСТУ

ПЕРЕД ПОСЛЕДНИМ ОТПЛЫТИЕМ АВТОРА В ГЕРМАНИЮ

A HYMN TO CHRIST, AT THE AUTHOR'S LAST GOING INTO GERMANY

С 12 мая 1619 г. по 1 января 1620 г. Донн в качестве капеллана находился в составе посольства Джеймса Хей, виконта Донкастера (около 1590–1636), британского придворного и государственного деятеля. Целью посольства, направлявшегося в Германию, было склонить к перемирию союз германских принцев – Протестантскую унию – и императора Фердинанда II, находившихся в состоянии войны (1618–1648), известной как Тридцатилетняя. В Гейдельберге Донн читал проповедь для Фридерика и Елизаветы, королей Богемии (см. примеч. к «Эпиталаме... в честь принцессы Элизабет»). В Линце по дороге в Вену (конечный пункт миссии) произошла встреча Дж. Донна с И. Кеплером, что зафиксировано в письмах последнего. Из переписки Донна известно, что поэт с неохотой отправился в путешествие, опасаясь за свое здоровье и безопасность.

Ковчег – Быт. 6:14–22.

За тучей гнева Ты сокрыл Свой лик... – Ср.: Ис. 54:8,9.

...вступая в зимний срок... – Донну было 47 лет, т.е. приближалась старость.

Да, Ты ревнив. Но я ревную тоже... – 2 Кор. 11:2.

...Ты – Бог, так запрети любовь иную... – Ср.: «Мало любит Тебя тот, кто любит еще что-то и любит не ради Тебя» (*Августин. Исповедь, X, 29*).

Со всем (...) меня ты разлучи... – В оригинале – аллюзия на 1 Ин. 2:15–17.

...Спешу в ночную сень я!.. – Ср.: «Божественный Мрак – это тот “неприступный свет”, в котором, говорится, обитает Бог, невидимый из-за чрезмерной светлости и неприступный из-за избытка сверхсущественного светоизлияния» (*Дионисий Ареопагит. Сочинения. Максим Исповедник. Толкования. С. 781*).

ГИМН БОГУ, МОЕМУ БОГУ, НАПИСАННЫЙ ВО ВРЕМЯ БОЛЕЗНИ

HYMN TO GOD MY GOD, IN MY SICKNESS

Стихотворение написано в ноябре–декабре 1623 г. во время тяжелой болезни Донна, а по мнению И. Уолтона, – за неделю до смерти.

У Твоего чертога, у дверей (...) Настрою струны... – Ис. 38:20.

И вот меня, как карту, растелив... – Средние века и в период Возрождения получила распространение традиция антропоморфных карт, изображавших весь мир или его часть в виде человеческой фигуры. Наиболее распространенным вариантом было изображение Иерусалима как центра, «пупа» Земли. Тело героя – карта и его душа, путешествуя по ней, получает направление. Здесь соединяется два контекста: традиционное путешествие души в загробный мир, и путешествие в сторону Нового Света.

...зюйд-вест. – Южное направление означает жар, лихорадку, а запад – смерть. По древнегреческой традиции, юго-запад ассоциировался со смертью, так как там находились Острова Блаженных.

Я рад в проливах встретить свой закат... – В оригинале – игра значений слова «straits» – «пролив» и «бедственное положение».

Брег Магеллана – Магелланов пролив.

Аньян – испанское название Северо-Западного прохода (см. примеч. к «Эпита-ламе... графа Сомерсета»).

...*Где обитали Хам, Яфет и Сим.* – Стих Быт. 10:5 истолковывали так, что дети Ноя поделили между собой мир. Иафету досталась Европа, Симу – Азия, Хаму – Африка. Каждый из сыновей получил пророчество о судьбе его потомства (Быт. 9:25–27).

Голгофа – Ср.: «Метемпсихоз», VIII и примеч.

Так два Адама встретились... – 1 Кор. 15:21, 22.

...*горячий пот...* – Быт. 3:19.

...*кровью душу мне спасет...* – Ср.: Еф. 1:7.

...*в сей красной пелене...* – В оригинале – «пурпур» – знак царского достоинства Христа.

...*Нимб, вместо терний, дай мне обрести.* – Ср.: «Венок сонетов», 1 и примеч.

...«*Бог низвергает, чтобы вознести!*...» – Иов 22:29; Пс. 112:7, 8.

ГИМН БОГУ-ОТЦУ

A HYMN TO GOD THE FATHER

Возможно, тоже написано Донном в ноябре–декабре 1623 г. во время болезни. По словам Уолтона, был переложен на музыку и исполнялся в соборе Св. Павла.

...*грех, в котором я зачат?* – Первородный грех.

Простил?.. – В оригинале – «When thou hast done (Когда Ты сделал)», последнее слово омонимично с фамилией поэта.

...*Кто мною был когда-то соращен?* – Ср.: Мф. 18:7.

Мой грех – сомненье... – В оригинале – «Я грешен страхом». О покаянии см. примеч. к «Священным сонетам», I.

ЛАТИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

Неолатинская поэзия возникла из увлечения итальянских гуманистов античностью. Вплоть до середины XIX в. культивировалась в среде людей, получивших университетское образование.

АВТОРУ (на книгу Уильяма Ковелла
в защиту книги Ричарда Хукера о церковной политике)

AD AUTOREM (NON EGRET HOOKERUS)

Эпиграмма была записана на экземпляре книги Уильяма Ковелла «Справедливая и умеренная защита пяти книг Церковной политики, написанных мистером Ричардом Хукером» (1603).

Ричард Хукер (1554–1600) – англиканский богослов, церковный деятель, основатель англиканской теологии, автор известнейшей работы «О законах церковной политики» (опубликована в 1594, 1597 гг.).

Уильям Ковелл (умер в 1613 г.) – англиканский богослов и священник, автор антипуританских трактатов.

АВТОРУ (На книгу Жозефа Скалигера
«О поправке летоисчисления»)

AD AUTOREM (EMENDARE CUPIS JOSEPH)

Эпиграмма опубликована в 1958 г. Сохранился автограф Донна на книге из его библиотеки.

Жозеф Жюст Скалигер (1540–1609) – кальвинист, гуманист-филолог, историк, издатель и комментатор античных текстов, один из основателей современной научной исторической хронологии. В работах «Об исправлении хронологии» («De emendatione temporum», 1583) и «Сокровищница времен» («Thesaurus temporum», 1606) привел в соответствие системе исчисления времени, применявшиеся у разных народов (от Древнего Рима и Древней Греции до Восточной Азии).

...церковь, закон, сам монарх / Не навели в исчисленья порядка. – Многие протестантские государства и конфессии не признавали григорианский календарь до середины XVIII в. по политическим соображениям.

ЛЮБЕЗНЕЙШЕМУ И ДОСТОЙНЕЙШЕМУ БЕНУ ДЖОНСОНУ
НА «ВОЛЬПОНЕ»

AMICISSIMO ET MERITISSIMO BEN. JONSON IN VOLPONEM

Стихотворение написано для издания «Вольпоне» 1607 г. – одной из лучших комедий Бена Джонсона. Размер стихотворения – так называемая фаликеева строка (два анапеста и два ямба с женским окончанием), любимый размер римского поэта Гая Валерия Катулла (примеч. Г.М. Кружкова).

Бен Джонсон (1572–1637) – один из крупнейших английских драматургов, автор комедий характеров и социальных комедий, масок, лирики. Первый английский поэт-лауреат, первым при жизни издал собрание своих сочинений (1616). Как и Донн, был завсегдатаем встреч поэтов в тавернах «Митра» и «Русалка».

«Вольпоне, или Лис» – пьеса Б. Джонсона, поставленная в театре «Глобус» в марте 1606 г., с Ричардом Бербедем в главной роли.

УЧЕНЕЙШЕМУ
И ЛЮБЕЗНЕЙШЕМУ ДЖЕНТЛЬМЕНУ ДОКТОРУ ЭНДРЮСУ...

DOCTISSIMO AMICISSIMOQUE V. D.D. ANDREWS...

Стихотворение впервые опубликовано в издании Донна 1635 г.

Доктор Эндрюс – адресат не поддается точной идентификации, возможно, это Ричард Эндрюс (умер в 1634 г.), доктор медицины. Донн познакомился с ним во Франции в 1612 г.

Майн – река в Германии, на которой стоит Франкфурт – крупный центр книгопечатания.

...Сене он данник исправный... – Книгу, изданную в Германии, по просьбе Эндрюса переписали в Париже.

Быть ей в ларце древнему свитку сестрой. – Античные книги представляли собой свитки, их хранили в футлярах.

Эскулап – римское имя бога врачевания Асклепия. Сын Аполлона и Корониды, пытался оживлять умерших, но Зевс убил его молнией.

...Ветхий днями... – Дан. 7:9, 22.

...И молодеет Адам... – 1 Кор. 15:45.

МОЛИТВА, СОТВОРЕННАЯ ДЛЯ ДРУГА

Из Газея

TRANSLATED OUT OF GAZAEUS, VOTA AMICO FACTA

Латинский оригинал стихотворения был опубликован в книге стихов бельгийского иезуита Ангелина Газеуса «Песни благочестивые, радостные и другие» («*Pia Hilaria Variaque Carmina*», 1623). В стихотворении используется *votum* (лат. «пожелание»), риторическая формула в античной поэзии.

ДЖОРДЖУ ГЕРБЕРТУ, ПРИ ПОСЫЛКЕ МОЕЙ ПЕЧАТИ С ЯКОРЕМ И ХРИСТОМ

TO GEORGE HERBERT. WITH ONE OF MY SEALS,
OF THE ANCHOR AND CHRIST

Джордж Герберт (1593–1633) – поэт, сын Ричарда и Магдалины Герберт, младший брат Эдварда Герберта. После окончания Кембриджа занял должность университетского оратора, в 1624 г. был избран членом парламента. Обратившись к духовной карьере, в 1626 г. рукоположен в диаконы, а в 1630 г. – в священники, после чего назначен настоятелем церкви Св. Андрея в Бемертоне. Перед смертью Герберт отослал другу Н. Феррару рукопись своих стихов (опубликованы посмертно под названием «Храм», 1633).

По свидетельству Уолтона, незадолго до смерти Донн заказал несколько вырезанных на гелиотропе (минерал, полупрозрачная разновидность халцедона зеленого цвета с красными вкраплениями гематита) и оправленных в золото изображений Христа, распятого на якоре. Эти камни он послал своим ближайшим друзьям, чтобы они были вставлены в перстни и служили печатками «как память о нем и о его дружбе к ним». Одним из них был Джордж Герберт, которому Донн адресовал стихотворение на латыни.

...мне исправно служила печать родовая... – Навершие фамильного герба Донна представляло клубок змей, перевязанных лентой с девизом.

...с якорем сходен сей крест. – Так называемый крест св. Климента Римского. По легенде, Климент был привязан к якорю и утоплен. В Евангелии якорь – символ надежды (Евр. 6:18–20).

Змеи мудрость даруют... – Мф. 10:16.

...змеи к кресту причтены... – Числ. 21:9.

Крест – средоточье всего... – Ср. с стихотворением «Крест».

...святого, чье имя ты носишь. – Св. Георгий.

Исаак Уолтон

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ДОКТОРА ДЖОНА ДОННА,
ПОКОЙНОГО НАСТОЯТЕЛЯ СОБОРА
СВЯТОГО ПАВЛА В ЛОНДОНЕ

THE LIFE OF DR. JOHN DONNE, THE LATE DEAN OF ST. PAUL'S

Уолтон Исаак (1593–1683) – писатель и биограф, родился в Стаффорде в семье трактирщика. В 18 лет переехал в Лондон. Интересовался поэзией и был знаком со многими литераторами, в том числе с Б. Джонсоном. Жил в приходе церкви Св. Дунстана, настоятелем которой в 1624 г. стал Донн. Здесь между ними возникли дружеские отношения, продлившиеся до смерти последнего.

Уолтон участвовал в подготовке к печати стихотворений и проповедей Донна. Первый вариант «Жизнеописания доктора Джона Донна» опубликован в 1640 г. как предисловие к «Восьмидесяти проповедям». Расширенные и дополненные издания биографии появлялись в 1658, 1670 и 1675 гг. После успеха своего первого биографического труда Уолтон издал жизнеописания Дж. Герберта, Г. Уоттона, Р. Хукера и др.

¹ *Генри Уоттон* – См. примеч. к «Сэру Генри Уоттону (Что нового...)».

² *Помпей Великий* – См. примеч. к «Надгробному слову лорду Харрингтону...».

О погребении Помпея см.: СЖ, Агесилай и Помпей, Помпей, 80.

³ *Рестолл (Растелл) Уильям* (1508–1565) – типограф и юрист, племянник сэра Томаса Мора. В 1558–1562 гг. входил в состав Суда Королевской скамьи, в 1557 г. опубликовал «Сборник всех статутов» – аннотированный алфавитный свод выдержек из законов Англии.

⁴ *Мирандола Джованни Пико делла* (1463–1494) – итальянский гуманист, с 14 лет обучался в университетах Италии и Европы. Участник «Флорентийской академии», автор «Комментария к канцоне о любви Джованни Бенивьени», «900 тезисов о философии, каббалистике и теологии», «Речи о достоинстве человека». Исключительная эрудиция и виртуозное владение логикой снискали ему европейскую известность. Пико пытался найти единую истину – «философский мир» – в различных философских системах и религиях.

⁵ *Харт-Холл* (с 1740 г. Хартфорд-Колледж) – колледж в Оксфорде, основан в 1282 г.

⁶ Не все современные исследователи согласны, что Донн учился в Кембридже в 1588–1589 гг.

⁷ В предисловии к трактату Дж. Донна «Псевдомученик».

⁸ *Беллармин Роберт* (Роберто Джованни Беллармино) (1542–1621) – кардинал, католический святой, в 1631 г. причислен к Докторам Церкви. Член ордена иезуитов с 1560 г., автор одного из крупнейших полемических трудов периода Контрреформации – «Рассуждения о разногласиях в христианской вере» (опубликован в 1581–1593 гг.). В 1599 г. председательствовал на процессе Дж. Бруно. Автор многочисленных полемических трактатов, в том числе критиковавших теолого-политические труды короля Иакова I.

⁹ Т.е. настоятелю собора в Глостере.

¹⁰ См. примеч. к «Шторму» и «Штилю».

- ¹¹ О Сэмюэле Бруке см. примеч. к «Мистеру С(эмюэлу) Б(руку)».
- ¹² Этот фрагмент впервые появился в тексте «Жизнеописания» в 1658 г.
- ¹³ *Мортон Томас* (1564–1659) – богослов, епископ Даремский. В 1607–1608 гг. привлекал Донна к работе над полемическими трактатами против католиков, в частности, в ответ на труды Роберта Беллармина. Способствовал публикации «Псевдомученика».
- ¹⁴ Мф. 6:34.
- ¹⁵ Король Иаков I.
- ¹⁶ Рим. 22:14.
- ¹⁷ После провала Порохового заговора (1605) каждый католик в дополнение к введенной Елизаветой Тюдор в 1559 г. присяге монарху как главе церкви (*Oath of Supremacy*) обязан был принести еще одну присягу на верность (*Oath of Allegiance*). В ней требовалось признать власть папы римского над монархами Европы «нечестивой, еретической и заслуживающей порицания доктриной». Ответом стала булла Павла V, положившая начало длительной полемике между англиканскими и католическими богословами.
- ¹⁸ О сэре Роберте Друри см. примеч. к «Годовщинам».
- ¹⁹ 1 Цар. 28:14.
- ²⁰ Иов 4:13–16.
- ²¹ Деян. 12:7–10 и далее по тексту: Деян. 12:13–15.
- ²² *Монтегю (Монтейг) Ричард* (1577–1641) – богослов, капеллан Иакова I, с 1614 г. – каноник в Виндзоре, с 1628 г. – епископ Чичестерский. Автор полемических трактатов против католиков и пуритан.
- ²³ См. примеч. к «Сатире IV».
- ²⁴ Теобальдов замок (*Теобалдс-Хаус*) – королевский дворец в графстве Хартфордшир. В нем Иаков I умер в 1625 г.
- ²⁵ *Тайный совет* – совещательный орган при монархе, куда входили лица, занимавшие наиболее крупные придворные, церковные и административные должности.
- ²⁶ 2 Кор. 2:16.
- ²⁷ Исх. 3:11.
- ²⁸ Неточная цитата из Пс. 8:5.
- ²⁹ Лк. 1:38.
- ³⁰ *Августин (Аврелий) блаженный* (354–430) – отец Церкви. Получил светское образование в школе риторов, примкнул к секте манихеев, увлекался неоплатониками. В 384 г. отправился в Милан, где попал под влияние Амвросия Медиоланского и в 387 г. вместе с сыном крестился. В 395 г. был посвящен в епископы в Гиппоне. Наиболее известные труды – «Исповедь» и «О граде Божием».
- ³¹ *Кинг Генри* (1592–1669) – поэт, теолог, капеллан Иакова I, с 1641 г. – епископ Чичестерский. В 1621–1631 гг. – близкий друг Донна, в 1631 г. – душеприказчик его завещания, участвовал в редактировании первого издания стихотворений и писем Донна в 1633 г.
- ³² Пс. 83:2.
- ³³ Степень доктора богословия Донн получил в Кембридже в марте 1615 г. по представлению вице-канцлера (главы университетского самоуправления) Сэмюэла Харнетта (1561–1631), теолога, автора трактата «Декларация о вопиющих папистских обманах», с 1629 г. архиепископа Йоркского.

- ³⁴ Иов 6:8.
- ³⁵ Деян. 20:4.
- ³⁶ Плач Иеремии 3:1.
- ³⁷ *Бенчер* – старший член корпорации Иннз-оф-Корт. Бенчеры осуществляют академическое и финансовое управление в судебных колледжах (см. примеч. к «Эпиталаме... в Линкольнз-Инн») и входят в совет корпорации. Донн был лектором богословия в Линкольнз-Инн с 24 октября 1616 г. после ухода с этой должности Томаса Гатакера (1574–1654).
- ³⁸ 1 Кор. 11:1.
- ³⁹ *Beati pacifici* (лат.) – «блаженны миротворцы» (Мф. 5:9) – девиз Иакова I, избранный им лично, в дополнение к начертанному на фамильном гербе. Выражал его стремление к «всеобщему миру» христианских держав Европы.
- ⁴⁰ Быт. 47:9.
- ⁴¹ Деян. 20:25.
- ⁴² Пс. 68:10.
- ⁴³ Быт. 45:28.
- ⁴⁴ *Церковь Святого Дунстана* (St. Dunstan in the West) находится на Флит-стрит в Лондоне. Впервые упоминается в 1185 г., средневековое здание не сохранилось. В 1624–1631 гг. Донн был настоятелем этой церкви, одновременно являясь деканом собора Св. Павла.
- ⁴⁵ *Конвокация* – представительский орган клира, возникший еще при католицизме и сохранившийся в англиканской церкви для решения дисциплинарных и канонических проблем. В верхней палате конвокации заседали епископы (до Реформации и аббаты), в нижней – деканы и настоятели соборов под председательством пролокьютора.
- ⁴⁶ Иов 10:12.
- ⁴⁷ *Пастор-резидент* – священник в коллегиальной церкви, управляемой капитулом каноников под руководством настоятеля. С 1616 г. Кинг был каноником церкви Св. Панкратия, состоявшей при соборе Св. Павла.
- ⁴⁸ Земли церкви Св. Панкратия сдавались в аренду светским лицам. Кинг говорит о повышении арендной платы с целью увеличения дохода декана.
- ⁴⁹ Несмотря на обилие бенефициарных должностей, сопутствовавших деканству в соборе Св. Павла, многие из них были чисто номинальными и не приносили прибыли.
- ⁵⁰ В русском переводе – «Обращения к Господу в час нужды и бедствий» (М., 2004).
- ⁵¹ Ошибка Уолтона: на 58-м году жизни.
- ⁵² 1 Кор. 15:31, в Евангелии фраза дается от первого лица.
- ⁵³ Иов 30:15.
- ⁵⁴ Под «другом» Уолтон подразумевает самого себя.
- ⁵⁵ Фраза впервые появилась в издании 1658 г.
- ⁵⁶ *Магдален Герберт* – См. примеч. к «Миссис М(агдален) Г(ерберт)».
- ⁵⁷ *Джозеф Холл* – См. примеч. к «Первой годовщине», Вступление.
- ⁵⁸ *Брайан Данпа* (1588–1662) – теолог, епископ Солсберийский, капеллан короля Карла I и наставник принца Уэльского Карла, будущего короля Карла II.
- ⁵⁹ Фраза впервые появилась в издании 1670 г.
- ⁶⁰ *Пруденций Аурелий Клеменс* (348?–410?) – римский христианский поэт, автор «Liber cathemerinon» (Ежедневник) – собрания гимнов для повседневной молитвы.

- ⁶¹ Ис. 38:20.
- ⁶² *Дортский Синод* – собрание синода Голландской реформатской церкви в 1618/19 г. в г. Дордрехте, для решения спора кальвинистов со сторонниками протестантского богослова, голландца Якоба Арминия (1559–1609), выступившего против доктрины о предопределении. После проповеди в Гааге во время посещения Голландии с посольством Донкастера Донн был награжден мемориальной золотой медалью Дортского синода 19 декабря 1619 г.
- ⁶³ Генеральные *штаты* – парламент Соединенных провинций, открытый в 1593 г. Каждая провинция имела в нем один голос.
- ⁶⁴ *Паоло Сарпи* (1552–1623) – государственный деятель Венецианской республики, теолог, ученый, историк. Принимал участие в теолого-политическом конфликте Венеции с папами Климентом VIII и Павлом V, защищая право сената Венеции контролировать назначение на церковные должности. Автор «Истории Тридентского собора» (опубликована в Лондоне в 1619 г). Друг Г. Уоттона, был лично знаком с Донном.
Фульгенцио Миканцио (1570–1654) – ученик Паоло Сарпи, автор его биографии.
- ⁶⁵ Могила Донна была уничтожена лондонским пожаром в 1666 г., сохранилась надгробная статуя работы Николаса Стоуна.
- ⁶⁶ Эти цитаты доказывают знакомство Уолтона с архивом Донна.
- ⁶⁷ Иез. 37:3.
- ⁶⁸ Пс. 67:21.
- ⁶⁹ «Джон Донн, / профессор богословия, / после разнообразных ученых занятий, которым он с юных лет / верно, но несчастливо / предавался, / по наитию и вдохновению Святого Духа, по увещанию / и при поощрении / короля Иакова принял священный сан / в год от Рождества Христова 1614, на 42-м году жизни. / Поставлен деканом этого собора / 27 ноября 1621. / Исхищен смертью в последний день марта 1631. / Здесь на закате превращенный в прах, он увидит Того, / Кому имя Восток» (*пер. с лат.*).
- Восток – Зах.* 6:12 по тексту Вульгаты: «...ессе vir Oriens nomen eius...».
- ⁷⁰ Неточная цитата из «Обращений к Господу...»: «Одним Тобой стал я одержим – столь одержим, что дерзнул бы в сей миг предать Тебе душу мою, – если только смерть моя в сей миг угодна Тебе» (*Донн Дж. Молитва XXIII // Донн Дж. По ком звонит колокол. С. 319*).
- ⁷¹ Ср.: Деян. 7:55–56.
- ⁷² См.: СЖ, Александр и Ахилл, Александр, 15.
- ⁷³ Глосса на полях «Жизнеописания»: «Д-р Кинг и д-р Монтфорд». О Генри Кинге см. примеч. 31 и 47 к данному тексту.

Выражаем благодарность Павлу Сизину за экспертизу и консультации при подготовке комментариев из области астрономии и истории астрономии.

И. Лисович, В. Макаров

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ДЖОНА ДОННА

- 1572 В Лондоне в семье Джона Донна-старшего и Элизабет Хейвард рождается третий ребенок, будущий поэт Джон Донн-младший – точная дата рождения неизвестна (между январем и июнем).
- 1576 В январе(?) умирает отец поэта. В июле (?) мать поэта выходит замуж за известного в Лондоне врача Джона Симмингса, вдовца с тремя детьми.
- 1577 Умирает сестра поэта Элизабет.
- 1581 Умирают еще две сестры поэта Мэри и Кэтрин.
- 1584 В октябре Донн вместе со своим младшим братом Генри поступает в Оксфордский университет.
- 1588 Умирает Джон Симмингс, отчим поэта.
- 1588–1589 Донн учится в Кембридже (?).
- 1589–1591 Донн путешествует за границей (?).
- 1590–1591 Мать поэта выходит замуж за католика Ричарда Рейнсфорда.
- 1591 Поэт поступает учиться в Тэвис-Инн.
- 1592 Донн продолжает обучение в Линкольнз-Инн.
- 1593 Брат поэта Генри умирает от чумы в тюрьме Ньюгейт, куда он попал за то, что предоставил укрытие священнику-иезуиту.
- 1596 В июне Донн отправляется в военно-морскую экспедицию против испанцев под командованием лорда Эссекса и сэра Уолтера Рэли. 21 июня английский флот захватывает Кадис. В августе поэт возвращается домой.
- 1597 В июле Донн отправляется в новую экспедицию против испанцев, на этот раз к Азорским островам. Поначалу корабль поэта попадает в шторм и возвращается обратно в Плимут. В августе корабль поэта после ремонта вновь выходит в плавание. 9–10 сентября корабль попадает в штиль недалеко от Азорских островов. В октябре Донн возвращается в Англию.
- 1597–1598 Поэт поступает на службу к Томасу Эджертону.
- 1601 В октябре Донн ненадолго становится членом парламента. В декабре Донн вступает в тайный брак с Энн Мор, племянницей жены Эджертона.
- 1602 В феврале поэт сообщает о своем браке отцу жены. Вскоре его арестовывают, и Эджертон увольняет его со службы. В апреле суд подтверждает законность брака поэта. Вместе с молодой женой Донн поселяется в графстве Саррей в доме у сэра Френсиса Уолли, кузена его жены.
- 1603 Рождается дочь Констанс.

- 1604 Рождается сын Джон.
- 1605 Донн путешествует по Франции и Италии. Рождается сын Джордж.
- 1606 В апреле Донн возвращается в Англию. Вместе с семьей он переезжает в Митчем.
- 1606–1607 Рождается сын Френсис.
- 1606–1610 Донн помогает Томасу Мортону, капеллану графа Ретланда, в написании полемических статей против католиков.
- 1607 Мортон предлагает Донну принять сан. Поэт отказывается, сославшись на свое недостойнство.
- 1608 Рождается дочь Люси.
- 1609 Рождается дочь Бриджет.
- 1610 В январе опубликован трактат Донна «Псевдомученик». Поэт получает почетную степень магистра Оксфордского университета.
- 1611 Рождается дочь Мэри. В свет выходит трактат «Игнатий и его конклав». В сентябре Донн отправляется на континент вместе с сэром Робертом Друри. В свет выходит «Анатомия мира. Первая годовщина».
- 1612 Публикация «Первой и второй годовщин» вместе. Донн посещает Париж, а затем Германию и Бельгию. У жены поэта рождается мертвый ребенок. В сентябре Донн возвращается в Англию.
- 1613 Рождается сын Николас.
- 1614 Умирают дочь Мэри и сын Френсис.
- 1615 В январе Донн рукоположен в сан священника англиканской церкви. Получает почетную степень доктора богословия Кембриджского университета. Рождается дочь Маргарет.
- 1616 В январе поэт назначен священником в Кистоуне, графстве Хантингтоншир. В июле получает место священника в Кенте. В октябре читает лекции по богословию в Линкольнз-Инн. Рождается дочь Элизабет.
- 1617 В августе жена поэта рождает мертвого ребенка и умирает.
- 1618 Джон Донн читает проповеди при королевском дворе и в Линкольнз-Инн.
- 1619 Отправляется в путешествие в Германию.
- 1620 В январе Донн возвращается в Англию. Читает проповеди при дворе и в Линкольнз-Инн.
- 1621 Донн назначен на пост настоятеля собора Св. Павла в Лондоне, где он продолжает служить до конца жизни.
- 1622 В ноябре–декабре Донн переносит тяжелую болезнь.
- 1627 Умирают дочь Люси и покровительница графиня Люси Бедфорд. Донн публикует «Обращения к Господу в час нужды и бедствия».
- 1630 Осенью Донн серьезно заболевает. В декабре он составляет завещание.
- 1631 В январе в возрасте 86 лет умирает мать поэта. 31 марта умирает сам поэт.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Портрет Дж. Донна, написанный в 1591 г. С гравюры Уильяма Маршала, сделанной с миниатюры Николааса Хильярда

Дж. Донн в позе меланхолического влюбленного (около 1595 г.), так называемый лотиановский портрет (из коллекции маркиза Лотиана)

Дж. Донн в 1616 г. Миниатюра Исаака Оливера

Дж. Донн в 1620 г. Неизвестный художник школы Корнелия Янсена

Портрет Дж. Донна. Гравюра Мартина Дросхьюта, воспроизведенная на фронтисписе проповеди Дж. Донна «Схватка со смертью», изданной в 1632 г.

Собор Св. Павла в Лондоне. До 1561 г. Из книги Ф. Бонда «Ранняя христианская архитектура». 1913

Статуя Дж. Донна в позе кающегося грешника в соборе Св. Павла в Лондоне работы Николааса Стоуна. Фрагмент

Титульный лист первого издания поэзии Дж. Донна. 1633

На суперобложке:

на первой сторонке – Дж. Донн в позе меланхолического влюбленного (около 1595 г.)

на четвертой сторонке – Дж. Донн в 1616 г. Миниатюра Исаака Оливера

СОДЕРЖАНИЕ

ДЖОН ДОНН СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ПЕСНИ И СТИХОТВОРЕНИЯ О ЛЮБВИ

Блоха (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	7
С добрым утром (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	8
Песня (Трудно звездочку поймать...) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	8
Женское постоянство (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	9
Подвиг (<i>Перевод Д. Щедровицкого</i>)	9
К восходящему Солнцу (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	10
Неразборчивость (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	11
Амур-ростовщик (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	12
Канонизация (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	13
Тройной дурак (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	14
Бесконечность любви (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	14
Песня (Мой друг, я расстанусь с тобой...) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	15
Наследство (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	16
Лихорадка (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	17
Облако и ангел (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	18
Рассвет (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	19
Годовщина (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	19
На прощание: об имени, вырезанном на стекле (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	20
Твикнамский сад (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	22
На прощание: о книге (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	23
Община (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	25
Растущая любовь (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	26
Сделка с Амуром (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	27
Любовь под замком (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	28
Сон (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	28
Прощальная речь о слезах (<i>Перевод Г. Сендыка</i>)	29
Алхимия любви (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	30
Проклятие (<i>Перевод М. Бородинской</i>)	31
Просьба (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	32
Вечерня в день Святой Люси, самый короткий день года (<i>Перевод А. Сергеева</i>)	32
Колдовство с портретом (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	34
Приманка (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	34
Призрак (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	35
Разбитое сердце (<i>Перевод М. Бородинской</i>)	35

Прощание, запрещающее печаль (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	36
Восторг (<i>Перевод А. Сергеева</i>)	37
Божество любви (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)	40
Пища любви (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	40
Завещание (<i>Перевод А. Сергеева</i>)	41
Погребение (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	43
Цветок (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	44
Первоцвет (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	45
Мощи (<i>Перевод Д. Щедровицкого</i>)	46
Пагуба (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	47
Возвращение (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	47
Агатый перстень (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)	48
Любовь без причины (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	49
Предостережение (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	49
Последний вздох (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	50
Подсчет (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	50
Парадокс (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	51
Прощание с любовью (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	51
Лекция о тени (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	52
Сонет. Подарок (<i>Перевод А. Курт</i>)	53
Идеальный предмет (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	54

ЭЛЕГИИ

Ревность (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	55
Анаграмма (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	56
Изменчивость (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	57
Аромат (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	58
Портрет (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	60
Отречение (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	60
Любовная наука (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	62
Сравнение (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	62
Осенняя элегия (<i>Перевод А. Сергеева</i>)	64
Образ любимой (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	65
Браслет (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	66
Разлука с нею (<i>Перевод Б. Томашевского</i>)	69
Джулия (<i>Перевод Б. Томашевского</i>)	71
Рассказ о горожанине и его жене (<i>Перевод Б. Томашевского</i>)	72
Увещание (<i>Перевод Б. Томашевского</i>)	74
На желание возлюбленной сопровождать его, переодевшись пажом (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	76
Разнообразие (<i>Перевод Б. Томашевского</i>)	77

Путь любви (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	79
На раздевание возлюбленной (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	82
Любовная война (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	83
Сапфо к Филене (<i>Перевод Н. Лебедевой</i>)	84

ЭПИТАЛАМЫ

Эпиталама, сочиненная в Линкольнз-Инн (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	87
Эпиталама, или Свадебная песнь в честь принцессы Елизаветы и пфальцграфа Фридриха, сочатавшихся браком в день Святого Валентина (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	90
Эпиталама по случаю бракосочетания графа Сомерсета (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)	93

ЭПИГРАММЫ

Геро и Леандр (<i>Перевод В. Васильева</i>)	101
Пирам и Тисба (<i>Перевод В. Васильева</i>)	101
Нюбея (<i>Перевод В. Васильева</i>)	101
Горящий корабль (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	101
Рухнувшая стена (<i>Перевод В. Васильева</i>)	101
Сэр Джон Уингфилд (<i>Перевод В. Васильева</i>)	102
Кадис и Гвиана (<i>Перевод В. Васильева</i>)	102
Хромой попрошайка (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	102
Самообличительница (<i>Перевод В. Васильева</i>)	102
Распутник (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	102
Антиквар (<i>Перевод В. Васильева</i>)	102
Мужество (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	103
Лишенный наследства (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	103
Правдивая ложь (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	103
«Гало-бельгийский Меркурий» (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	103
Портрет Фрины (<i>Перевод В. Васильева</i>)	103
Темный автор (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	103
Клокий (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	104
Радерию (<i>Перевод В. Васильева</i>)	104
Ральф (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	104

САТИРЫ

Сатира I (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	105
Сатира II (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	107
Сатира III (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	110
Сатира IV (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	113
Сатира V (<i>Перевод Ю. Корнеева</i>)	119
На «непотребства» сэра Томаса Кориэта (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	121
МЕТЕМПСИХОЗ, ИЛИ ПУТЬ ДУШИ (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	124

СТИХОТВОРНЫЕ ПОСЛАНИЯ

Мистеру К(ристоферу) Б(руку) (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)	141
Мистеру С(эмюэлу) Б(руку) (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)	141
Мистеру Б. Б. (Святую жажду знаний, милый друг...) (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)	142
Мистеру Б.Б. (Коль с Музой нынче ты живешь в ладу...) (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)	142
Мистеру И.Л. (Блажен тот край, где скрылось божество...) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	142
Мистеру И.Л. (Ты, первый из оставшихся друзей...) (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)....	143
Мистеру Т.В. (Привет тебе, певец, душа живая!) (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)	143
Мистеру Т.В. (Отсюда врозь брести стихам и мне...) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	144
Мистеру Т.В. (Ступай, мой стих хромой, к кому – сам знаешь...) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	145
Мистеру Т.В. (Тревожась, будто баба на сносях...) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	145
Мистеру Э(дварду) Г(илпину) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	146
Мистеру Р(оланду) В(удворду) (В стихах твоих звучит отрадный лад...) (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)	146
Мистеру Р(оланду) В(удворду) (Любезный друг, твоей души расстройство...) (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)	147
Мистеру Р.В. (От нашей Музы вам троим – привет!) (<i>Перевод Г. Стариковского</i>)	147
Мистеру Р(оланду) В(удворду) (Как женщина, что, трижды овдовев...) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	148
Мистеру Р(оланду) В(удворду) (Коль жизнью ты, как я, живешь дремотной...) (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)	149
1. Шторм. Кристоферу Бруку (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	150
2. Штиль (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	152
Сэру Генри Гудьеру (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	153
Письмо, сочиненное сэром Г.Г. и Дж.Д. Alternis vicibus (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	155
Сэру Генри Уоттону (Что нового, я доложу вам, тут?) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	156
Сэру Генри Уоттону (Сэр, в письмах душ слияние тесней...) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	157
Сэру Генри Уоттону, при его отбытии послем в Венецию (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	159
Г(енри) У(оттону) in Hibernia Belligeranti (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	160
Сэру Эдварду Герберту, в Жульер (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	161
Миссис М(агдален) Г(ерберт) (<i>Перевод М. Бородицкой</i>)	162
Графине Бедфорд на Новый год (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	164
Графине Бедфорд (Честь – совершенства высшего веноч...) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	165
Графине Бедфорд (Рассудок – левая рука души...) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	167
Графине Бедфорд. Из Франции, незаконченное (Пусть лягу в гроб, отмаясь, отгравив...) (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	168
Леди Бедфорд, при посылке элегии на смерть леди Маркхем (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	169
Графине Бедфорд при получении от нее стихов (<i>Перевод Г. Кружкова</i>)	170

Графине Бедфорд (Мадам, благодарю; я буду знать вперед...) (Перевод Г. Кружкова)	172
Эпитафия самому себе	174
Графине Бедфорд (Перевод Г. Кружкова)	174
Отпibus (Перевод П. Грушко)	175
Письмо леди Кэри и ее сестре миссис Эссекс Рич из Амьена (Перевод Г. Кружкова) ...	175
Графине Хантингтон (...Они – как дикари, что бродят наги...) (Перевод М. Бородицкой)	177
Графине Хантингтон (Мадам, не в женщине впервые воплощен...) (Перевод М. Бородицкой)	181
Графине Солсбери (Перевод М. Бородицкой)	183

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ЭЛЕГИИ

Элегия на смерть Л.К. (Перевод М. Бородицкой)	186
Элегия на смерть леди Маркхем (Перевод Г. Кружкова)	186
Элегия на смерть миссис Боулстред («О Смерть, перед всесильностью твоей...») (Перевод М. Бородицкой)	188
Элегия на смерть миссис Боулстред («Речь, ты бессильна облегчить нам муки...») (Перевод М. Бородицкой)	190
Элегия на безвременную кончину несравненного принца Генри (Перевод М. Бородицкой)	192
Надгробное слово лорду Харрингтону, брату леди Люси, графини Бедфорд (Перевод Г. Кружкова)	194
Гимн всем святым в память маркиза Гамильтона (Перевод М. Бородицкой)	201

ПОЭМЫ

ГОДОВЩИНЫ

Первая годовщина. Анатомия мира (Перевод Д. Щедровицкого)	203
Вторая годовщина. О странствии души (Перевод Д. Щедровицкого)	218

ДУХОВНЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Венок Сонетов. La Soqopa (Перевод Д. Щедровицкого)	233
Священные сонеты (Перевод Д. Щедровицкого)	236
Графу Д. при посылке шести священных сонетов (Перевод Д. Щедровицкого)	243
Леди Магдален Герберт, названной в честь святой Марии Магдалины (Перевод Д. Щедровицкого)	244
Литания (Перевод А. Шарановой)	244
Крест (Перевод Д. Щедровицкого)	252
Воскресение (Перевод Д. Щедровицкого)	254
Благовещение, совпавшее со Страстной пятницей (Перевод Д. Щедровицкого)	254

Страстная пятница 1613 года (<i>Перевод Д. Щедровицкого</i>)	255
На рукоположение мистера Тильмана (<i>Перевод Д. Щедровицкого</i>)	257
На перевод псалмов сэром Филипом Сидни и графиней Пэмброк, его сестрой (<i>Перевод Д. Щедровицкого</i>)	258
Плач Иеремии. Лamentации (<i>Перевод Д. Щедровицкого</i>)	260
Гимн Христу перед последним отплытием автора в Германию (<i>Перевод Д. Щедро- вицкого</i>)	271
Гимн Богу, моему Богу, написанный во время болезни (<i>Перевод Д. Щедровиц- кого</i>)	272
Гимн Богу-Отцу (<i>Перевод Д. Щедровицкого</i>)	273

ЛАТИНСКИЕ СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

(*Перевод Г. Стариковского*)

Автору (На книгу Уильяма Ковелла в защиту книги Ричарда Хукера о церковной политике)	274
Автору (На книгу Жозефа Скалигера «О поправке летоисчисления»)	274
Любезнейшему и достойнейшему Бену Джонсону на «Вольпоне»	274
Ученейшему и любезнейшему джентльмену доктору Эндрюсу... ..	275
Молитва, сотворенная для друга. Из Газея	275
Джорджу Герберту, при посылке моей печати с якорем и Христом	276

ДОПОЛНЕНИЯ

ДРУГИЕ ПЕРЕВОДЫ

Песнь (Ты женись на мандрагоре) (<i>Перевод О. Румера</i>)	279
Прощание без слез (<i>Перевод О. Румера</i>)	280
Экстаз (<i>Перевод О. Румера</i>)	281
Литания (<i>Перевод А. Величанского</i>)	282
Священные сонеты (<i>Перевод М. Гаспарова</i>)	290
<i>Исаак Уолтон</i> . Жизнеописание доктора Джона Донна, покойного настоятеля собора Святого Павла в Лондоне (<i>Перевод Е. Дунаевской</i>)	300

ПРИЛОЖЕНИЯ

<i>А.Н. Горбунов</i> . «Другая оптика» – поэзия Джона Донна	347
Примечания (<i>Составители И.И. Лисович, В.С. Макаров</i>)	413
Основные даты жизни и творчества Джона Донна (<i>Составитель А.Н. Горбунов</i>)	558
Список иллюстраций	560

Донн Д.

Стихотворения и поэмы / Джон Донн ; изд. подгот. А.Н. Горбунов, Г.М. Кружков, И.И. Лисович, В.С. Макаров ; [отв. ред. А.Н. Горбунов]. – М. : Наука, 2009. – 567 с. – (Литературные памятники). – ISBN 978-5-02-036227-7 (в пер.).

В книгу вошло полное собрание стихотворений и поэм, светских и духовных, Джона Донна (1572–1631), выдающегося английского поэта и проповедника, основоположника так называемой метафизической школы в поэзии. Представлены все жанры его поэзии: элегии, сатиры, песни и сонеты, послания, поэма «Метемпсихоз, или Путь души». Кроме того, в книгу включено классическое жизнеописание «доктора Джона Донна, настоятеля Собора Святого Павла», составленное его современником и другом Исааком Уолтоном.

Для широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

Научное издание

ДЖОН ДОНН
СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМЫ

*Утверждено к печати
редколлекцией серии
«Литературные памятники»*

Заведующая редакцией *Е.Ю. Жолудь*
Редактор *А.Н. Торопцева*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова,*
А.В. Морозова, Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 12.01.2009
Формат 70 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 42,1. Усл.кр.-отт. 43,7. Уч.-изд.л. 34,5
Тип. зак. 315

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Джон Донн в 1616 г.
Миниатюра Исаака Оливера

John Donne

Poems

ISBN 978-5-02-036227-7

НАУКА

Джон Донн * Стихотворения и поэмы

Джон Донн

Стихотворения и поэмы

Джон Донн
в позе меланхолического
влюбленного (около 1595 г.),
так называемый
лоттиановский портрет
(из коллекции маркиза Лоттиана)

НАУКА